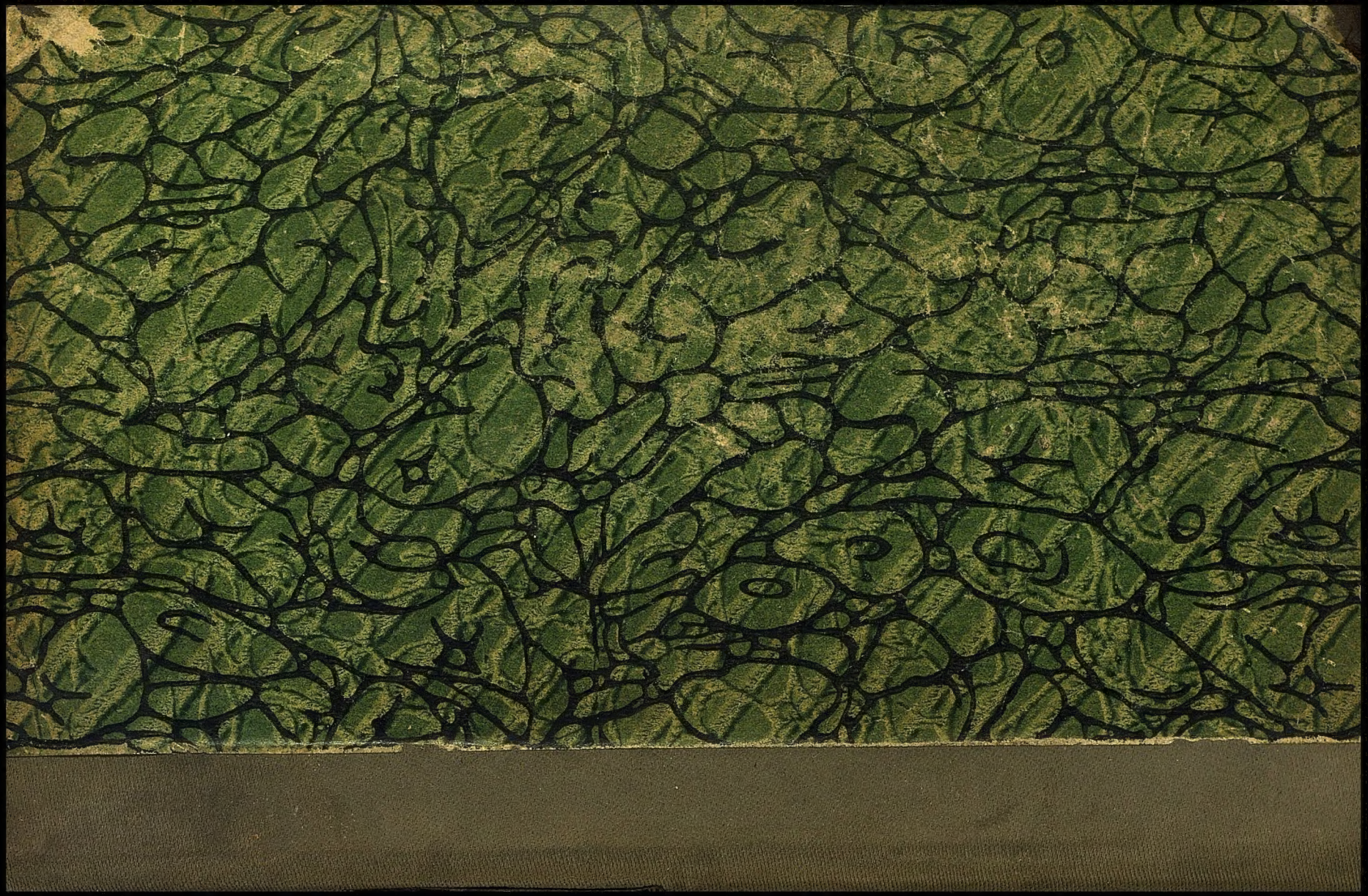

Зом

17/5-855
24/7-459
14/8-512

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

43/кн 5
17379

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№
УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. Д.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

МАЙ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4199

١٣٤ .. ٢٧٤

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№
УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. ДОР.

ЮНОСТЬ

РОМАНЪ

49 г.
22540

XVII *).

Весь день я блуждалъ по лѣсу съ бѣлой Джальмой и разговаривалъ съ ней о Калеріи:

— Эхъ, Джальма! Уѣхала Калерія... бросила насъ Калерія!..

— Помнишь, Джальма, какъ она поцѣловала тебя?

— Вотъ здѣсь, Джальма, мы съ ней ѣли землянику...

Побывалъ на всѣхъ полянкахъ, гдѣ мы были вмѣстѣ, полежалъ и посидѣлъ на всѣхъ лужкахъ и упавшихъ соснахъ, гдѣ мы отдыхали... Безысходной грустью вѣяло отъ этихъ мѣстечекъ... Иногда я останавливался и громко съ тоской кричалъ:

— Калерія!

Тогда Джальма настораживалась и начинала смотрѣть въ ту сторону, куда я кричалъ, и выжидательно помахивала хвостомъ...

— Нѣтъ, Джальма, не жди: она далеко...

Къ вечеру вернулся въ избушку и долго всматривался во всѣ мелочи ея обстановки, надѣясь увидать или найти что-нибудь близкое, связанное съ Калеріей или напоминающее ее. Ахъ, дѣдушка, зачѣмъ ты убралъ траву, вымелъ полъ, разставилъ въ порядкѣ лавки. Теперь еще дальше стала Калерія и кажется, что не прошлой ночью была гроза и горѣло пожаромъ окно, а давно, давно когда-то...

*) См. апрѣль, стр. 3.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

— Уѣхала молодуха-то...

— А-а, дѣдушка!

— Куда она?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?.. Вотъ тебѣ разъ!..

— Въ городъ...

— Зря пустилъ... одну... Она у тебя съ вѣтромъ... Этакихъ надо въ рукѣ держать... На-ка вотъ—въ травѣ нашелъ... Видно, она обронила...

Дѣдушка подалъ мнѣ знакомое колечко съ кроваво-краснымъ рубиномъ.

— Она, она... Спасибо, дѣдушка!..

— Мнѣ чужого не надо... Ждать ея будешь здѣсь или... она нескоро?

— Нескоро... Надо идти...

А уходить не хотѣлось, не было силы уйти... Избушка таила въ себѣ тайную близость съ Калеріей... Чудилось что-то невидимое и любимое...

— А гдѣ, дѣдушка, водяная лилія?.. Вотъ здѣсь, на окнѣ, она лежала.

— Выкинулъ я ее... Она вѣдь померла, завяла... Въ озерѣ ихъ сколько хочешь... Свѣжихъ нарвешь...

— Выкинулъ?

— Выкинулъ.

— Эхъ, ты!.. А трава?..

— Я тебѣ свѣжей накошу... примялась она... Въ сѣнцахъ ее разбросалъ—ноги вытирать... Послѣ дождя-то грязи натащишь...

Какъ молнія, пронизало мнѣ сердце воспоминаніе о послѣднихъ ласкахъ предъ разсвѣтомъ, и, сѣвъ на лавкѣ, я опустилъ руки и голову: „кончилась сказка“!..

— Скучаешь... Пойдемъ-ка, братъ, на охоту!.. Все пройдетъ... Вчерась передъ грозой налетѣло утокъ—прорва...

— На охоту? Да, да, пойдемъ!..

— Я на ботникѣ, а ты съ собакой берегомъ... Мы ихъ всѣхъ выгонимъ...

— Джальма, идемъ!

Дѣдушка съ багромъ и длинной одностволкой тихо пробирался камышами, стоя на маленькомъ ботникѣ, и съ берега казалось, что онъ идетъ по озеру, подпираясь палкой. Мы съ Джальмой продирались чрезъ чащу прибрежныхъ тальниковъ и старались не отставать отъ дѣдушки...

Дивный вечеръ послѣ недавняго дождя и грозы: все блеститъ

свѣжестью, яркостью красокъ и какой-то новизной, словно это совсѣмъ не то озеро, которое видѣлъ уже... Золотыя, розовыя пятна на водѣ, и въ этихъ пятнахъ—бѣлоснѣжныя лиліи и желтыя, какъ куриные желтки, кувшинки... Въ зеленыхъ камышахъ—бархатныя шишки, на водѣ—широкіе листья плавуна и зеленые узоры—кружева ряски... Таинственная гладь воды, заставляющая вѣрить въ русалокъ... Вонъ тамъ, подъ склонившимися надъ водою кустами, гдѣ тихая глубина похожа на зеркало съ отраженіемъ, что-то плеснулось и пошевелило водоросли...

— Кря! кря! кря!—испуганно закричала утка и, ударяя по водѣ крыльями, полетѣла, словно побѣжала по водѣ...

— Бей!—кричитъ дѣдушка.

Вскинулъ ружье, и гулкій выстрѣлъ разбудилъ вечернюю задумчивость. Тяжело упала утка на воду и потянулись около нея расползающіеся круги. А дымъ отъ выстрѣла лѣниво ползаетъ по водѣ...

— Есть! Джальма! Пиль!

Визжитъ отъ радости Джальма и, задыхаясь отъ волненія, плыветъ по озеру къ убитой уткѣ...

— Какъ ты ее смазалъ! Ловко, братъ!..

— Кря! кря! кря!

— Трахъ! Трахъ!

— Трр-ахъ!—кончаетъ одностволка дѣдушки и несется его досадливый шопотъ:

— Эхъ, сволочь, улетѣла! Стрѣляй!

Еще утка, другая, э-э, да тутъ цѣлый выводокъ... Стучитъ сердце, дрожатъ руки, не идетъ патронъ...

— Эхъ, чортъ!..

Кряквы свистятъ крыльями надъ головой, а ружье не заряжено: не лѣзетъ патронъ... Джальма скулитъ отъ досады...

— Погоди, старикъ, надо успокоиться... Ты тоже горячій...

— Да, братъ... не могу... Какъ вылетитъ утка — сердце обрывается... Пора бы ужъ привыкнуть, а вотъ поди... Ну, порохъ просыпалъ... Эхъ, ты, драть тя за хвостъ...

— Джальма! Назадъ! Тубо!

— Посылай ее сюда: сейчасъ выводокъ въ камыши ушелъ...

Разбудили озеро, камыши, лѣсъ; вздрогнули пятна, розовыя и золотыя, встрепенулись кувшинки, лиліи, плавуны и зеленые узоры ряски; закачались, какъ опахала, длинныя палки съ черными бархатными набалдашниками... Горитъ душа, горитъ лицо и нѣтъ горя. Нѣтъ!

— Милый! — таинственно кричитъ дѣдушка придушеннымъ голосомъ—помри!

Это значитъ—присѣсть и затаиться. Значитъ—летятъ утки...

— Джальма! Кушъ!

— Уй, уй, уй, уй...—свистятъ утиныя крылья, и Джальма дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. Я—тоже.

— Трахъ! Трахъ! Есть!

— Молодчина!—кричитъ дѣдушка и весело смѣется.—Двухъ смазалъ...

Уже стемнѣло. А въ воздухѣ все еще тревожно посвистываютъ утиныя крылья, заставляя настораживаться и вздрагивать всѣмъ тѣломъ... Луна выкатилась изъ камышей и пунцово-краснымъ шаромъ остановилась надъ озеромъ... А на горизонтѣ еще не потухла рдѣющая межъ соснами лента вечерней зари... Примолкло озеро и камыши, загудѣли комары, огромные, злющіе... Заквакали лягушки. Задергали коростели... Зашумѣли камыши и осока... Стая галокъ полетѣла куда-то на ночлегъ. Закричала сова. Вся природа—въ усталой задумчивости... Душа тоже думаетъ помимо воли... О чемъ? Богъ ее знаетъ... О чемъ-то далекомъ и неясномъ, грустномъ и радостномъ, что было когда-то и чего не будетъ, или о томъ, что было и что опять повторяется и будетъ повторяться безконечно...

— Еннадій!

— А!

— Темно. Надо кончать...

Шумный всплескъ воды, засеребрившейся подъ скользящимъ ботникомъ.

— У меня, братъ, караси есть... Уху сваримъ да пожремъ съ устатку-то...

— Это хорошо. Я голоденъ, какъ волкъ...

— Вонъ летятъ!..

Богъ съ ними,—пусть летятъ: не хочется снимать ружья съ плечъ...

— Идемъ, Джальма!..

Медленно ухожу и мурлыкаю грустную пѣсенку... А полная луна прислушивается и груститъ вмѣстѣ со мной... И звѣзды грустятъ... Впереди рыщетъ бѣлая Джальма... Остановится, подождетъ, понюхаетъ убитыхъ утокъ и снова скроется въ темнотѣ тальниковъ...

— Фу, чортъ, какъ жрать хочется...

— Пойдемъ ко мнѣ въ землянку... Тамъ и поѣдимъ...

— Можно у тебя въ землянкѣ сегодня ночевать?..

— А что въ избѣ-то? Неужели одинъ-то боишься?..

— Скучно одному...

— Э, братъ, обабился... Спи!.. Четверо будетъ: я, ты, ежъ да заяцъ...

Пришли въ землянку. Старикъ запалилъ огонекъ, сталъ возиться около печки. А я растянулся на лавкѣ и почувствовалъ неимовѣрную усталость. Пріятная слабость переливалась въ тѣлѣ и не хотѣлось ни шевельнуться, ни думать... Словно—начало тифа, когда плаваешь въ какомъ-то безразличіи. Даже улыбка, безвольная и безпричинная, скользитъ по губамъ... Тяжелыя ноги, словно въ желѣзныхъ сапогахъ, и руки, какъ чужія, ненужныя...

— Енадій! Ты что же... Никакъ спишь ужъ?..

— Я капельку подремлю...

— А ты хоть кулакъ подъ голову-то положи... Какъ утопленникъ... На тулупъ!.. А я буду уху варить...

Дѣдушка возился около печки, кололъ лучину, чистилъ карасей, поварчивалъ на кого-то и покашливалъ, а мнѣ было такъ хорошо и спокойно, словно я сдѣлался опять маленькимъ внучкомъ, а дѣдъ—моей покойной бабушкой... Будто я натворилъ какихъ-то бѣдъ и спрятался подъ защиту бабушки...

— Вишь какъ, сердечный, намаялся: ни рукой, ни ногой... Молодое дѣло...

Чего ты тамъ ворчишь, старенькій?.. Ворчи, ворчи!.. Такъ уютно и хорошо слушать, какъ потрескиваютъ на шесткѣ горящія щепки, бурлитъ въ котелкѣ уха и какъ ворчишь ты, старенькій...

— Тощая, а зацѣпистая... Съ ней, братъ, построже надо: она сама съ усами.

Ахъ, это ты—про Калерію!.. Калерія... Странное имя... Что это за человѣкъ, такой далекій и близкій?.. Пришла ночью и, какъ огненный вихрь, закружила въ себѣ и сожгла сердце въ пламени грозовыхъ зарницъ... И ушла куда-то вмѣстѣ съ грозовой тучей... Нѣтъ ея—почему же я не плачу, и не страдаю, и не томлюсь тоской?.. Вѣдь я же люблю ее!.. Не знаю, ничего не знаю... Казалось, что безъ нея я не могу жить, а вотъ живу и душа моя дѣлается все спокойнѣе и спокойнѣе... Гроза пронеслась, погасли огненные зміи молній и смолкли громовые раскаты. Опять тишина... А какъ красиво и страшно было окно, завѣшанное краснымъ шарфомъ: казалось, что вся земля пылаетъ въ пламени и что все должно погибнуть... Можетъ быть, и мы, и наша любовь сгорѣли въ этомъ огнѣ... и остался одинъ

пепелъ... Не знаю... Все равно... Усталъ... Невыносимо усталъ... Я могу уснуть и спать день, два, три... Такъ хорошо спать и ни о чемъ не думать!.. Даже о Калеріи...

— Ну, вставай да поѣшь! Уха поспѣла...

— Не хочу...

— А ты поѣшь да и спи съ Богомъ... Иди, иди, нѣчего... Ночь долгая, а теперь некому мѣшать: одинъ, безъ молодухи... Выспишься...

Какъ въ бреду сижу и ѣмъ уху, не понимаю, о чемъ говоритъ дѣдушка, и не интересуюсь ничѣмъ на свѣтѣ. И кажется, что это не я ѣмъ уху, а кто-то другой, и что все, что было въ старомъ бору, было тоже не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ...

— Ну вотъ, теперь и ложись...

Я, никогда не молившійся, помолился, бросилъ сапоги и куртку и, какъ внезапно убитый, брякнулся на скамью и уснулъ глубокимъ сномъ, безъ грезъ и сновидѣній...

Проснулся поздно и сразу захотѣлъ домой... Торопливо собрался, выпилъ чаю и, вскинувъ ружье за спину и взявъ гитару подъ мышку, простился съ дѣдушкой.

— Ну, съ Богомъ!.. Приходи за утками-то, только ужъ одинъ, безъ бабы: съ бабой какая охота!.. Я тебя провожу...

— Джальма! Идемъ!

— Заколотить надо окошко-то — сказалъ дѣдушка, проходя мимо избушки...

И когда я шелъ въ соснахъ и избушки не было уже видно, въ тихомъ бору гулко застучалъ топоръ, заколачивающій окно и дверь моего „Края свѣта“... Я пріостановился и послушалъ: точно заколачиваютъ крышку Вовочкина гробика... На мгновеніе у меня сжалось сердце...

— Идемъ, Джальма!

Я громко, на весь боръ, запѣлъ и быстро зашагалъ впередъ, углубляясь въ молчаливый боръ, полный величаваго спокойствія...

„Эхъ, ты, но-о-ченька-а, а ночка те-о-о-мная,
„Ночка темна-а-я, а ночь о-о-се-е-нняя...“

И тихій боръ подпѣвалъ мнѣ своимъ эхо...

„Съ кѣмъ я э-э-эту ночь да ночевать бу-у-ду-у?..“

XVIII.

Было уже темно, когда я подходилъ къ нашей усадьбѣ... Въ розовомъ туманѣ погасалъ вечеръ и рѣзко рисовались на потем-

нѣвшей синевѣ неба старыя липы нашего сада... Вонъ мигнулъ чрезъ листву деревъ слабенькій огонекъ... Собаки почуяли мое приближеніе: залились въ два голоса... Стыдно какъ-то и немного страшно... Остановился около прясла, положилъ на траву гитару и ружье, сѣлъ на бревна подумать... Въ сущности, какое кому дѣло, гдѣ я былъ и что дѣлалъ? Охотился и конецъ!.. Вотъ она, дичь: три утки... Еще огонекъ... У мамы... Воображаю, какъ она встрѣтитъ меня... особенно если ямщикъ разсказалъ про лѣсную сторожку... Неужели разсказалъ? Ну и отлично!.. Я не мальчикъ, чтобы...

— Ну-съ... Идемъ, Джальма!.. Впередъ!

Громко запѣлъ и направился черезъ дворъ прямо въ свою бесѣдку. Пусть знаютъ, что я возвратился...

— Кто это идетъ?

— Я, тетушка.

— А-а... Хорошо ли поохотился?

— Прекрасно...

— А мать тутъ съ ума сходитъ...

— Почему?

— Ей кто-то наболталъ, что ты съ этой... особой уѣхалъ...

— А хотя бы и съ этой особой...

— Объ этомъ я считаю неприличнымъ разговаривать...

— Тѣмъ пріятнѣе!..

— Мы хотѣли заявить о твоей пропажѣ. Еслибы завтра не вернулся, мать поѣхала бы къ становому приставу...

— Вы безъ пристава жить не можете... Это ужъ конечно...

Пошелъ въ садъ. Въ бесѣдкѣ сумрачно и печально. Пусто какъ-то и одиноко... Зажегъ лампу и оглядѣлся: все на своемъ мѣстѣ и все не такъ, какъ было раньше. И письменный столъ, и окно съ сиренью, и турецкій диванъ, и качалка—все словно умерло... Кто шевырялся у меня на столѣ? Гдѣ портретъ?.. Ахъ, да... забылъ!.. Я его спряталъ: вотъ онъ!.. Взглянулъ на портретъ и испуганно вздрогнуло сердце: словно живые, ласково и укоризненно взглянули на меня чистые глаза дѣвушки... Это ощущеніе было до такой степени реально, что я испугался и покраснѣлъ... Снова спряталъ портретъ въ ящикъ и вышелъ на крыльцо... Кто-то идетъ...

— Баринъ, васъ мамашенька требуютъ къ себѣ...

— Требуютъ?.. Скажи—сейчасъ приду... Вотъ возьми утокъ... Три утки.

Переодѣлся во все чистенькое, причесался и отправился, съ

нѣкоторымъ волненіемъ, въ старый домъ. Въ столовой приготовляются къ ужину... Вкругъ стола ходитъ тетка помоложе.

— А гдѣ мама?

— Тамъ!—тетка показала на комнату, гдѣ помѣщалась Калерія съ ребенкомъ, и ухмыльнулась.—Уѣхала и побросала всѣ свои секреты...

Подали ужинъ, позвали маму. Выходитъ.

— А, Геннадій!..

— Здравствуй, мама!..

— Гм... Возвращеніе блуднаго сына... Господи, на что онъ похожъ!

— Кто: я или „Господи“?

— Словно на тебѣ воду возили... или не кормили съ прошлаго года...

Тетки переглянулись и фыркнули.

— Охота пуще неволи,— прошептала помоложе, а постарше—замѣтила:

— Онъ съ гитарой ходилъ... Въ родѣ шарманщика... Должно-быть, утки любятъ музыку... Сядетъ на болотѣ и поигрываетъ, а утки, дуры, плывутъ послушать...

— Ты до какого мѣста проводилъ прекрасную Калерію?

— Не все ли это равно, мама!

Опять—пристальный взглядъ матери и шопотъ тетокъ.

Чувствую, что краснѣю, и злюсь на самого себя. Надо кончить это однимъ ударомъ:

— Мама и почтенныя тетушки!.. Я люблю Калерію и потому прошу васъ при мнѣ не затрогивать нашихъ отношеній...

— Вотъ какъ!.. Тогда извольте вамъ все наслѣдство послѣ предмета вашей любви... Перешли ей. Я не знаю ея адреса, да, признаться, и не желаю входить съ ней въ переписку...

Мать бросила къ моему прибору на столъ свертокъ трубочкой:

— Разные документы... Вся душа на распашку... „Милости просимъ“!..

— А вы, конечно, произвели разслѣдованіе этихъ документовъ?

— Да, произвели... Да и тебѣ совѣтуемъ: тебѣ надо знать, кого ты любишь.

— Это—мое дѣло...

Я сунулъ въ карманъ свертокъ и уткнулся въ тарелку. Мать молчала, изрѣдка вздыхая и посматривая въ мою сторону. Тетки сидѣли съ торжественно-непобѣдимымъ видомъ.

— Мерси!

— Не стоитъ...

Ушелъ въ бесѣдку и долго думалъ: развернуть свертокъ или, не трогая, отослать Калеріи „въ Ниццу до востребованія“, какъ она просила писать ей, „если придетъ охота“. Подло читать чужое... Бросилъ свертокъ на столъ и, ходя по комнатѣ, разговаривалъ съ собою:

— Но я имѣю право знать, любитъ она меня или нѣтъ? Да, имѣю... Она говоритъ, что любитъ, какъ умѣетъ, но я долженъ знать, какъ она умѣетъ...

— Все равно: подло, братецъ!..

— Еслибы я прочиталъ съ цѣлью повредить ей — другое дѣло, но вѣдь я хочу одного: выяснить свое положеніе... Только! Это умретъ со мной...

Съ краской въ лицѣ развернулъ я свертокъ: клочки, начатыя и брошенныя письма, черновикъ какой-то телеграммы... Ничего особеннаго...

„Вовочка скончался, послѣдняя связь порвалась, прощай, все кончилось“.

„Облетѣли цвѣты... Догор...“

„Калерія“. „Твоя“ — зачеркнуто.

„Что это: неужели новая прихоть любви, или просто эхо юности и желаніе извѣдать красоту и чистоту непосредственнаго чувства? Геннадій. Геня. Генекъ. Не краснѣй и не упрямься... Все равно... все равно... все...“

— Вотъ она, разгадка!

Я перечитывалъ эти строки и злорадно хохоталъ... Такъ вотъ въ чемъ дѣло! А я, дуракъ, вообразилъ, что... Тебѣ была нужна только моя чистота!

— Взяла ты ее, мою чистоту, красивая развратница... Еслибы я зналъ!

Въ изступленной злобѣ, съ клокочущимъ оскорбленіемъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, метался я по комнатѣ и безсильно рылся въ хаосѣ спутанныхъ мыслей и ощущеній... Мстить? Какъ?.. и за что? Развѣ она клялась и обѣщала что-нибудь?.. Она повторяла нѣсколько разъ, что можетъ отдать только красоту, одну красоту... Почему же этотъ клочокъ бумаги такъ поразилъ и оскорбилъ меня... Э, не все ли равно!.. Чистота. Ну, и бери ее, только оставь душу!.. Душа — птица, и, побившись въ твоихъ дьявольскихъ сѣтяхъ, она вылетѣла на свободу... Черный дьяволъ. Пришла и все, все разрушила!.. Даже красивую любовь къ себѣ сожгла въ своихъ неистовствахъ...

— Убить тебя, проклятая... отшвырнуть ногой!.. Я плакалъ

и пресмыкался около тебя, какъ собака... Я тебѣ напишу... все напишу... Я вылью на тебя все презрѣніе, которымъ наполнена теперь душа моя къ тебѣ и къ твоей грязной любви...

„Калерія... Ты добивалась украсть мою чистоту и добилась этого... Такъ знай же, что... я...“

Ну, что же „знай“? Не знаю... что писать и какъ высказать вихрь своего оскорбленнаго самолюбія... Бросилъ перо и снова сталъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, бѣгать изъ угла въ уголъ... Что я скажу: что она—скверная? Но она и не выдавала себя за добродѣтельную... Что я ее презираю? Но она можетъ сказать мнѣ, что ей это уже не интересно... Она предложила отдать другъ другу „кусочекъ жизни“, и я согласился, а теперь кричу: „караулъ, ограбили!“ — какъ мальчикъ, который помѣнялся съ товарищемъ игрушками, а потомъ передумалъ и обвиняетъ его въ кражѣ...

— Дуракъ!.. Брось всѣ эти „документы“ къ чорту!.. Стыдно.

И всетаки она безумно красива въ своихъ грѣховныхъ порывахъ... Не виновата она, что Богъ не далъ ей ничего другого...

Долго я не могъ заснуть и все судилъ прекрасную женщину... Она сидѣла на скамьѣ обвиняемыхъ въ моей памяти и, съ лукавствомъ въ прищуренныхъ глазахъ, съ разлившимися по плечамъ черными волнами непослушныхъ волосъ, пристально смотрѣла на судью, потомъ украдкой спрашивала его:

— Развѣ такъ преступна сказка, которую я разсказала тебѣ ночью подъ грохотъ громовъ и зарево пламенѣвшихъ зарницъ и молній? Ну, а еслибы я сейчасъ вотъ заглянула въ окно твоей бесѣдки и попросилась войти къ тебѣ—неужели ты не отперъ бы двери?

— Не знаю, ничего не знаю... Богъ тебѣ судья... Не мучай: уйди изъ моей памяти и дай мнѣ забыться!.. Не пробуждай твоими безстыдными глазами того, что прошло, ушло и никогда не повторится... „Вовочка скончался, послѣдняя связь порвалась“... Съ кѣмъ порвалась?.. Кто этотъ несчастный человѣкъ, съ которымъ, какъ и со мной, все кончено?.. Вѣдь съ мужемъ давно уже было кончено... Ахъ, да не все ли мнѣ равно, кто онъ!..

На другой день, когда мы пили утренній чай, зазвенѣли колокольчики и на дворъ въѣхалъ все тотъ же мужикъ Степанъ, который привезъ меня домой, потомъ отвезъ насъ съ Калеріей въ боръ къ дѣдушкѣ и, затѣмъ, увезъ Калерію „въ Ниццу, до востребованія“... При видѣ этого мужика я испуганно соскочилъ съ мѣста и чему-то страшно обрадовался.

— А, Степанъ!

Но Степанъ пріѣхалъ не одинъ: изъ тарантаса вышелъ и направился къ нашему балкону господинъ среднихъ лѣтъ, изысканно одѣтый, хотя и покрытый съ головы до пятъ пылью, высокій и красивый брюнетъ въ пенснэ, словно вѣтромъ принесенный сюда съ тротуаровъ какого-то большого города. Приподнявъ шляпу, онъ приблизился къ балкону и спросилъ, озирая меня, мать и тетокъ:

— Pardon!.. Скажите, пожалуйста, здѣсь живетъ Калерія Владиміровна и могу я ее видѣть?..

Мать встала и молча ушла въ комнаты, тетки не отвѣчали. Пришлось говорить мнѣ. Я попросилъ его къ столу и предложилъ чаю. Но узнавъ, что Калерія уже уѣхала, онъ страшно заволновался, сталъ извиняться и торопиться ѣхать.

— На одну минуточку... — тихо сказалъ онъ мнѣ, подхвативъ меня подъ-руку и сводя съ крыльца...

— Къ вашимъ услугамъ!..

— Мнѣ хотѣлось бы побывать на могилкѣ ребенка Калеріи Владиміровны. Она поручила мнѣ посмотрѣть и написать ей...

Ахъ, такъ это ты, *который*... Я съ иронической улыбочкой посматривалъ на господина, а гдѣ-то тамъ, въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ моей души, шевелилась змѣя жгучей ревности... И ты цѣловалъ ее, и она цѣловала тебя... все такъ же, какъ было со мной...

— Ямщикъ! Отвези этого господина на кладбище... Впрочемъ... ребенокъ вашъ схороненъ на церковной оградѣ — пристально, въ упоръ глядя на смутившагося господина, произнесъ я и холодно раскланялся съ отцомъ бѣднаго Вовочки...

Господинъ уѣхалъ. Вышла мама и сказала:

— Должно-быть, это—твой предмѣстникъ... Пріятное знакомство...

Тетки прыснули со смѣху и подавились чаемъ...

— Кукушка... Разбрасываетъ своихъ дѣтокъ по чужимъ могилкамъ...

— Поди, Геничка, помоги ему молиться...

— Эхъ, вы... галки!.. Чуть провинится ваша сестра, сейчасъ же всѣ на нее!.. заклюете!..

— Онъ обидѣлся за своего новаго родственника... Какъ онъ тебѣ приходится?..

— Своякъ...

Оплевали, опоганили все, что случилось. Не пощадили даже Вовочкиной могилы. А самъ я... Тоже! Ахъ, зачѣмъ мы такъ жестоки даже къ самимъ себѣ?!.. Зачѣмъ мы сами такъ спѣ-

шимъ потопить въ грязи все, что̀ даетъ намъ яркаго и радостнаго наша убогая жизнь... Прости, Калерія!.. Я хочу, я долженъ все простить тебѣ и „за то, что я любилъ“, и „за то, что счастливъ былъ“... Я не хочу быть съ твоими галками...

XIX.

...Новая жизнь. Привѣтствую тебя!..

Опять грохотъ пролетокъ по камнямъ мостовой, опять городская суета и торопливость... Люди, лошади, конки, велосипеды, вывѣски, вывѣски, вывѣски... телеграфные столбы, телефонныя сѣтки на крышахъ. Крики, говоръ, звонки... Знакомый гулъ большого города... Словно я долго стоялъ съ заткнутыми ушами и съ закрытыми глазами — и вдругъ раскрылъ глаза и ототкнулъ уши...

Все знакомо, все это по старому. Но теперь самъ я—другой, и новая жизнь начинается для меня въ городѣ... Теперь я — студентъ!..

Много хлопотъ, веселыхъ, интересныхъ, совершенно новыхъ и значительныхъ. Во-первыхъ, надо найти комнату поближе къ университету; во-вторыхъ, побывать въ канцеляріи университета и перемѣнить свой гимназическій временный билетъ на студенческій; въ-третьихъ, потолкаться въ университетскихъ корридорахъ и лабораторіяхъ и повидаться съ товарищами и однокурсниками; затѣмъ, надо купить новый пледъ, кое-какія лекціи; наконецъ, надо... Однимъ словомъ—только повертывайся!..

Вотъ онъ, университетъ!.. Съ чувствомъ гордой радости вхожу я въ твои завѣтныя двери... Сколько разъ я, торопясь, съ ранцемъ за спиною, въ гимназію, завидовалъ студентамъ, безъ страха и ненависти, безъ торопливости и оглядки, входящимъ въ двери своего храма науки... И вотъ, теперь и я вхожу въ этотъ храмъ, свободный и независимый человѣкъ, съ папиросой въ зубахъ и съ пледомъ на плечѣ. Высокій и огромный вестибюль съ лѣстницами вверхъ и съ корридорами во всѣ стороны... Мудрецы и философы древности смотрятъ на меня съ каменныхъ пьедесталовъ изъ стѣнныхъ нишъ и, глядя на нихъ, уже начинаешь чувствовать себя серьезнымъ и умнымъ, совершенно взрослымъ человѣкомъ... Да, покончено съ мальчишествомъ. Довольно этихъ глупыхъ романовъ съ любовной канителью, сентиментальностью, слезами и клятвами!.. Не такое время... Родина ждетъ честныхъ работниковъ, требуетъ жертвъ

и отреченія отъ благъ личной жизни... Вотъ только устроюсь и примусь за дѣло.

— Эта комната отдается?

— Эта самая, только я студентовъ не пускаю.

— Почему такъ?

— Безпокойные. Въ прошломъ году замучили обысками да допросами...

— Жаль, комната подходящая...

— А вы—смирный?

— Хм... ручаться за себя не могу: студентъ.

— Ну, такъ ужъ извините.

— Извиняю.

Чортъ бы васъ подралъ! Боятся студентовъ, какъ зачумленныхъ: уже въ третьемъ мѣстѣ не пускаютъ студентовъ. Всѣ ноги измоталъ, бѣгая въ поискахъ комнаты. Только подъ вечеръ напалъ, наконецъ, на порядочныхъ людей: старушка съ сыномъ; сынъ тоже студентъ, хмурый и, повидимому, дѣльный парнюга... на третьемъ уже курсѣ, медикъ. Медики симпатичнѣе,—напрасно я подалъ на юридическій... Наплевать; не понравится, такъ перейду на медицинскій.

— Когда переѣзжаете?

— Сейчасъ.

— А гдѣ живете?

— Покуда не живу: вещи — на пристани. Поѣду за ними.

Ну, слава Богу, наконецъ, водворился. Славная комнатка: располагаетъ къ одиночеству и работѣ; два окна въ садъ, ходъ отдѣльный, хозяева далеко, кухня—тоже... Старушка заботливая: и графинъ съ водой, и коврикъ у постели, и даже зеркало. Допотопная этажерка, пузатый комодъ, два стула, умывальникъ съ тазомъ и два стола: одинъ для хозяйства, другой—письменный... Отлично. Больше и желать нечего. Развѣсилъ по стѣнѣ портреты Чернышевскаго, Некрасова, Добролюбова и Дарвина. Великолѣпно: комната сразу приняла внушительный и молчаливо-говорящій видъ. Когда Николай Ивановичъ — такъ звали студента, сына хозяйки, — зашелъ, чтобы узнать, всѣмъ ли я доволенъ и не надо ли мнѣ еще чего-нибудь,—онъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Прощаясь, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и тихо сказалъ:

— Не желаете ли до утра имѣть одну рѣдкую книжечку?

— Какую?

— „Письма“ Миртова. Только до завтрашняго утра!..

— Конечно, коллега!.. Очень радъ. Я уже въ гимназіи слышалъ объ этой книгѣ, но не удавалось...

Всю ночь на пролетъ я читалъ „Письма“ Миртова, напечатанныя на скверномъ гектографѣ, и вздрагивалъ и прислушивался всякій разъ, когда тишина ночи нарушалась какимъ-нибудь звукомъ на дворѣ или въ сосѣднихъ комнатахъ. „Обыскъ!“ мелькало въ сознаніи—и тревожно стучало сердце и звенѣло въ вискахъ. И все-таки кончилъ... Да, вотъ она, вся суть нашей жизни!.. Сразу на девяносто градусовъ поумнѣешь послѣ такой книжечки. Точно глаза раскрылись, слѣпые раньше глаза... И такъ ничтожна и пуста показалась мнѣ теперь моя прежняя жизнь, что захотѣлось искупить, наверстать потерянное время, забыть и не вспоминать своего прошлаго „безсознательнаго прозябанія“...

— Удивительная книга!—сказалъ я на другой день, возвращая съ глубокой благодарностью „Письма“ Миртова, и при встрѣчахъ съ товарищами прежде всего освѣдомлялся:

— „Письма“ Миртова читалъ?

— Нѣтъ. А ты?

— Читалъ, конечно.

— Это... нелегальное?

— А ты думалъ—„одобренное“ начальствомъ?

— Какъ же ты добылъ?

— Ну, братъ, на такіе вопросы не отвѣчаютъ...

Съ каждымъ днемъ университетъ становился шумнѣе, многолюднѣе. Какъ птицы разныхъ породъ и разныхъ странъ, слетались въ одно мѣсто молодые костромичи, самарцы, саратовцы, астраханцы, вятчане, пермяки, сибиряки—и площадка и корридоры университета напоминали смѣшанный птичій разговоръ... Молодыя умныя лица, веселые глаза, здоровый смѣхъ, приподнятое настроеніе. Кипитъ жизнь торопливая, жадная, ищущая... Хорошо чувствовать себя членомъ этой шумной жизнерадостной молодой толпы... То растаетъ она по аудиторіямъ и стихнетъ, то вновь выростетъ и загудитъ, какъ улей...

Въ свободный часъ между лекціями пріятно посидѣть въ библіотекѣ-читальнѣ: тихо, напряженно тихо, только одинъ шелестъ газетъ, книжныхъ страницъ, шаги на цыпочкахъ и шопотъ. Словно въ храмѣ — священнодѣйствіе. Серьезныя, углубившіяся лица, склоненныя головы съ упавшими прядями волосъ—и словно вся комната пропитана какой-то невидимой мозговой энергіей...

Кончились лекціи. Шумными компаніями расходимся по кухмистерскимъ и „домашнимъ обѣдамъ“. Кормятъ „дешево и сердито“.

№

Пріятно послѣ такого обѣда заказать дома самоварчикъ, посидѣть за чайкомъ и побрянчать на гитарѣ.

— Николай Ивановичъ, хотите стаканъ чаю?

— Спасибо, я не за этимъ... Вотъ что, товарищъ: не разрѣшите ли воспользоваться вашей комнатой, сегодня вечеромъ, для кое-какого дѣла? У меня тѣсно, а на собраніи будетъ человѣкъ двадцать...

— Могу... Въ восемь я ухожу и вернусь не раньше десяти.

— Вполнѣ достаточно. Спасибо! Дѣло общественное, надо помогать другъ другу...

Николай Ивановичъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и ушелъ, а мнѣ было хорошо и пріятно, потому что я, хотя и косвенно, могу оказать услугу „общественному дѣлу“. Да, теперь ясно, что Николай Ивановичъ стоитъ близко къ тѣмъ людямъ, которые меня страшно интересуютъ и притягиваютъ къ себѣ своимъ героизмомъ и страданіями... Я ихъ еще не знаю, но чѣмъ больше читаю ихъ страстную, словно кровью и слезами облитую „нелегальную литературу“, тѣмъ сильнѣе чувствую, что я съ ними. Пока я хочу приблизиться къ нимъ хотя бы небрежностью въ костюмѣ, пренебреженіемъ къ разнымъ глупымъ приличіямъ, къ воротничкамъ, галстухамъ, прилизаннымъ прическамъ... Волосы какъ у Чернышевскаго, шляпа — какъ у безпечнаго итальянца, воротъ рубашки — какъ у молодого Байрона, а въ рукахъ — толстая суковатая палка, какъ эмблема силы и правъ „грядущаго новаго“... Я уже спорю съ товарищами о „народникахъ“ и „народовольцахъ“ и въ спорахъ стою на сторонѣ послѣднихъ: у нихъ — гнѣвъ и огонь страстей, такъ близкій моей натурѣ... Не о нихъ ли скорбитъ поэтъ этими красивыми стихами:

„О, сколько, сколько пало ихъ въ борьбѣ за край родной,
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ, съ открытою душой!..“

Когда я прочиталъ біографію одной изъ павшихъ въ борьбѣ и послѣднее письмо ея къ матери, я долго плакалъ въ подушку, словно вернулся съ кладбища, гдѣ оставилъ свою невѣсту...

— Милая, бѣдная... молодая, прекрасная!—шепталъ я, обливаясь слезами, и огонь мести сжигалъ мое сердце.

Я непрестанно думалъ о ней, воскрешалъ ее въ своемъ воображеніи и былъ безконечно счастливъ, когда Николай Ивановичъ досталъ мнѣ ея портретъ. Нѣтъ нужды, что портретъ — туманная копія, можетъ быть съ копіи же... Въ этой туманности, словно изъ невѣдомой загробной страны, съ нѣжной грустью и нѣмымъ упрекомъ намъ, живущимъ, смотрятъ такіе

Мурманский обл. библиотеки

умные, проникновенные глаза... Въ поздній часъ ночи, когда кругомъ все затихало, я вынималъ изъ потайного мѣста портретъ этой дѣвушки и впивался въ него взоромъ, стараясь разгадать кротко свѣтящуюся въ глазахъ мысль... Какая ты была?.. Какъ ты улыбалась? Какъ звучалъ твой голосъ?.. О чемъ ты больше всего скорбѣла, уходя съ земли молодою и прекрасною?.. О, какъ я любилъ бы тебя, если бы ты не ушла!.. Я отдалъ бы тебѣ свою жизнь и сказалъ бы:

— На, дѣлай съ ней, что хочешь!

И снова и снова я перечитывалъ ея прощальное письмо къ матери, начинающееся такъ странно просто и нѣжно, словно это пишетъ маленькая дѣтка, страшно соскучившаяся по мамочкѣ:

„Милая мама!..“

Нѣтъ теперь тебя на землѣ, нѣтъ, быть можетъ, и твоей мамы... А твой призывъ къ мамѣ остался на землѣ и не даетъ мнѣ спать, рождая слезы и скорбь, тоску и мстительность... Не могу спать! Твой образъ стоитъ предъ сомкнутыми глазами и шепчетъ: „Милая мама!“ Но свѣтаетъ на землѣ, тебѣ пора уходить въ твое потайное убѣжище...

— Прощай, милая, бѣдная... прекрасная!..

И я пряталъ портретъ въ потайное мѣсто... А самъ долго еще не разставался съ туманнымъ образомъ оставившей землю дѣвушки... Не знаю, можетъ быть, я любилъ ее... Часто она приходила ко мнѣ во снѣ и, склонившись надъ моимъ изголовьемъ, шептала:

— Не грусти!.. Когда-нибудь мы съ тобой встрѣтимся...

И когда я вскакивалъ въ постели, пробужденный этимъ шопотомъ, мнѣ чудилось, что кто-то мягко и плавно уходитъ въ дверь...

— Милая, милая, еслибы ты вернулась на землю!.. Еслибы я могъ вѣрить, что съ нашей жизнью не кончается наша любовь!..

XX.

Уже осень. Желтые, красные, оранжевые листья и голые прутья; дожди, вѣтеръ, жидкая грязь. Мутное небо. Бѣгутъ, бѣгутъ куда-то тучи, клубятся, какъ дымъ, и нѣтъ звѣздъ ночью. Жалобно поетъ дождевая вода въ водосточныхъ трубахъ и тускло мерцаютъ фонари въ лужахъ по панелямъ... Поднятые верхи извозчичьихъ пролетокъ, раскрытые зонты, грязныя ноги въ несуразныхъ калошахъ, непромокаемые плащи... Хорошо въ теплой, уютной ком-

натѣ, при лампѣ подъ зеленымъ абажуромъ, около грустно поющаго остывающаго самовара, съ интересной книгой! Не хочется на улицу...

Утромъ трудно вылѣзать изъ-подъ одѣяла и особенно вкусенъ сонъ. Лѣниво бьютъ хозяйскіе часы девять. Надо вставать: въ десять — лекція. Кухарка Палаша уже подала самоваръ и обычную французскую булку.

— А ты встанешь или нѣтъ? Наказывалъ въ восемь, а теперь—десятый...

— Завари чай, Палаша!..

— На-ка, какой нѣженка!..

— Долго вчера читалъ.

— Николай Иванычъ давно въ навирстетъ ушелъ, а ты... Околоточный приходилъ.

— Околоточный? Зачѣмъ?

— Небойсь, сразу проснулся... Спрашивалъ, почему вчера много народу было.

— Ну!

— Ну, сказала, какъ велѣлъ: именинникъ былъ...

— Ну и дура: рожденіе, а не именинникъ. Посмотритъ въ святцы и увидитъ, что врешь. Ну!

— Часто, говоритъ, у васъ именинники очень.

— А ты ему?

— Не я, говорю, ихъ крестила.

— Гм... Николай Ивановичъ знаетъ про это?

— А какъ же! Всталъ рано и забезпокоился. А вотъ ты прохлаждаешься... Онъ тебѣ записку оставилъ. На-ка вотъ!

„Коллега! Если имѣете что-нибудь предосудительное, сейчасъ же сплавьте въ надежное мѣсто: есть основаніе ждать гостей“.

Вскочилъ, какъ ошпаренный: въ печкѣ — еще сырой гектографъ, а руки—въ синихъ гектографскихъ чернилахъ.

— Вотъ такъ штука!.. Палаша! Дай дровъ и растопки!

— Озябъ? Я затоплю, дай управиться...

— Я—самъ. Гдѣ дрова? Живо!

Ну, слава Богу: печка пылаетъ огненными языками и огонь-союзникъ быстро пожираетъ слѣды преступленія. Жаль, да что подѣлаешь... Мою и скоблю руки, сержусь: не отмываются.

— Ты что, ровно бѣлье подсинивалъ?

— Картины, Палаша, красилъ...

Наскоро хлебнулъ чаю и побѣжалъ къ товарищу, съ которымъ вчера работалъ, чтобы подальше спряталъ нашу свѣжую

брошюру—„Хитрую механику“: пятьдесятъ экземпляровъ навалили съ оповѣщеніемъ: „Изданіе партіи Народной Воли“...

— Тревога, братъ!

Задыхаясь, сообщаю о предупрежденіи Николая Ивановича.

— Какъ быть?

— На подволоку! Спустимъ на веревкахъ между стѣнъ дома и обшивкой.

— Это—мысль!

Весь день прошелъ въ тревогѣ. Ночь—тоже. Каждый стукъ, шумъ на улицѣ, говоръ на дворѣ заставляли вскакивать и, подкравшись на цыпочкахъ къ выходной двери, прислушиваться и ждать звона шпоръ...

— Уфъ! Никого нѣтъ... Померещилось... А впрочемъ, милости прошу: у меня чисто, а потому въ сущности глупо такъ волноваться. Спи, баба!

Такъ и не пришли, напрасно прождалъ... И всегда такъ: когда ждешь—ни за что не придутъ, а когда и въ мысляхъ нѣтъ—какъ снѣгъ на голову.

Скоро обычный студенческій балъ въ пользу недостаточныхъ товарищей. Первый балъ въ моей студенческой жизни. Это—цѣлое событіе, на недѣлю оторвавшее меня отъ занятій наукой и политикой... Попалъ въ распорядители: почетно, пріятно, но очень хлопотно. Выбралъ благую часть: оборудованіе „Мертвецкой“. Долго не разрѣшали „Мертвецкой“; однако мы добились своего, подъ условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ. Ужъ какой балъ безъ „Мертвецкой“: мы скорѣй согласились бы на балъ безъ музыки!..

— Только безъ рѣчей, господа!

— Мы не можемъ ручаться, что кто-нибудь не захочетъ говорить.

— Я говорю о рѣчахъ возбуждающаго характера. Можете пѣть, выпивать, но прошу воздержаться отъ грома и молній. Иначе дворяне не дадутъ больше вамъ залъ своего Собранія.

— Мертвецкая безъ рѣчей...

— Все, господа, можно, но... должны быть границы. При закрытыхъ дверяхъ, конечно, какъ въ семьѣ, но трудно, господа, уберечься отъ постороннихъ наблюдателей...

— За это ручаемся!.. Ни одинъ прохвостъ не пройдетъ...

Отлично. Теперь закупки для буфетовъ: чайнаго и выпивальнаго... Чайный всецѣло отдаемъ женщинамъ, курсисткамъ: имъ и книги въ руки, а мы займемся только напитками. Подороже надо цѣны на хмѣльное, а то очень быстро „Мертвецкая“ при-

нимаетъ хаотическій характеръ: ссорятся и орутъ — не даютъ поговорить... Не всѣ съ этимъ согласны.

— Господа, я протестую. Дерите съ буржуазной публики, а не съ пролетарія. У насъ два буфета: верхній и нижній, одинъ буржуйный, другой—демократическій...

— Вѣрно! Какъ же это не выпить въ такой день? Къ чорту аристократовъ!

— Пиво должно быть изъято отъ всякой пошлины.

— Тише, господа! Слова! И пѣть будемъ, и пить будемъ, а смерть придетъ—умирать будемъ...

— Браво, Касьяновъ!

— Пускай на верхахъ пляшутъ вальсы, пьютъ токайское и пробавляются адюльтерами, а намъ — пиво, „барыня“, „дубинушка“ да рѣчи!..

— Браво, Касьяновъ!

Демократы побѣдили: налогъ оставленъ только на благородные напитки, т.-е. коньякъ, ликеръ, вина. Пиво и водка—по заготовительной цѣнѣ...

— Брраво-оо!..

Балъ. Дворянское Собраніе блещетъ огнями. Къ подъѣзду безконечной вереницей подкатываются кареты и санки, изъ которыхъ выпархиваютъ, при помощи швейцаровъ, лакеевъ и кавалеровъ, полныя граціи и кокетства—закутанныя въ мантильи, капоры и пуховыя шали дѣвицы, за ними — полновѣсныя мамаши... Опережая ихъ со всѣхъ сторонъ, бѣжитъ молодая, „безлошадная“ публика: студенты, курсистки, гимназисты, реалисты...

Широкія лѣстницы вверхъ убраны взятыми на подержаніе лаврами, олеандрами, пальмами. Благообразные студенты съ цвѣтными бантами на груди встрѣчаютъ и разводятъ гостей по мѣстамъ. Бѣлые туалеты, огни драгоцѣнныхъ камней, цвѣты, вѣера, прически, перчатки, фраки, голыя плечи и руки, одуряющій запахъ духовъ и безпрерывный радостный шумъ смѣха и говора, шолковыхъ шлейфовъ, стекляруса... И улыбки, улыбки, улыбки...

Въ „Мертвецкой“ еще малолюдно и благообразно. Молодыя лица, оживленные разговоры, скромныя платья, звонъ чайной посуды, остроты. Работаетъ только чайный столъ съ пирожнымъ и фруктами, а Касьяновъ съ помощниками лѣниво толкутся за стойкой и безрезультатно дразнятъ бутылками...

— Плохо, Касьяновъ?

— Не пришелъ еще часъ нашъ.

— Игнатовичъ! Вы обѣщали мнѣ третью кадриль...

— Неправда!.. Почему третью?

— По любви...

— Не говорите, Касьяновъ, глупостей...

— До умнаго слова еще много осталось...

— Началось!..

Сверху доносится загремѣвшій рояль... Сразу все притихло на лѣстницѣ и въ „Мертвецкой“...

Послѣ перваго отдѣленія концерта — наплывъ въ „Мертвецкую“ чистой публики: разряженныя барышни, подъ прикрытіемъ кавалеровъ, съ затаеннымъ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ, прохаживаются по „Мертвецкой“ и разочаровываются:

— Чего же тутъ неприличнаго?.. Мама пугала, что тутъ Богъ знаетъ что!

— Ложные слухи!—произноситъ изъ-за стойки Касьяновъ и вздыхаетъ.

Курсистки дѣлаютъ другъ другу большіе глаза. Потомъ дружный веселый хохотъ и остроты на счетъ Касьянова:

— Касьянова-то и не замѣтили!..

— Я, кажется, вполнѣ приличенъ, медамъ распорядительницы...

Наверху хоръ студентовъ пропѣлъ три раза „Гаудеамусъ“, и громъ апплодисментовъ, грохотъ передвигаемыхъ стульевъ и хаосъ отдаленнаго говора сотенъ голосовъ возвѣстилъ объ окончаніи концерта... Скоро сверху полился плавный и задорный вальсъ. Начались танцы.

„Мертвецкая“ ожила: сюда схлынула вся демократическая публика и заняла всѣ столы, стулья, подоконники... Зазвонили стаканы, захлопали пробки и къ чорту полетѣлъ всякій порядокъ... Говоръ, смѣхъ, споры... Кто-то уже затягиваетъ „Дубинушку“.

„Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Не про радость, а горе тамъ пѣли,
Но изъ пѣсенъ изъ тѣхъ въ память врѣзалась мнѣ
Одна пѣснь про родную дубину-у...“

И всѣ, умѣющіе пѣть и неумѣющіе пѣть, грянули:

„Эхъ, дуби-и-нушка, ух-немъ,
Э-эхъ, зе-ле-на-я сама пойдетъ...
Сама пойдетъ, сама пойдетъ, да ухнемъ!..“

Сейчасъ же нашелся другой, лучшій запѣвало, и не успѣлъ еще хоръ кончить „ухнемъ“, какъ онъ изъ другого угла гулкимъ басомъ, съ душевнымъ надрывомъ, затянулъ:

„Англичанинъ-мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать невмочь,—
Онъ затянетъ родную дубину-у-у“...

И гремитъ хоръ сильныхъ молодыхъ голосовъ, заглушая игривый, пѣвучій вальсъ наверху. Поютъ, словно хотятъ отдать этой пѣснѣ всю силу своей молодости, своей удали и всѣхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Какъ молитву поютъ, съ восторженными лицами, горящими глазами, живыми жестами. И когда стоишь въ этой поющей толпѣ и самъ поешь, разгорается въ душѣ жажда невѣдомой борьбы съ невѣдомымъ врагомъ... Угораешь отъ этой соборной пѣсни... Не тамъ, наверху, студенческій праздникъ, а здѣсь, въ тѣсныхъ и душныхъ комнатахъ, въ облакахъ табачнаго дыма и въ гулѣ и раздольѣ любимыхъ пѣсенъ...

— Братцы! „Выдь на Волгу“!

— „Выдь на Волгу“!

И басъ съ надрывомъ уже начинаетъ, а хоръ подхватываетъ:

„Выдь на Волгу,—чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой.
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,—
То бурлаки идутъ бичевой...“

— Ти-ше! Тише!

— Слова! Слова!..

— Товарищи! Ти-ше!

Кто-то стоитъ на столѣ и безпомощно размахиваетъ руками. А въ другомъ углу затягиваютъ „Черную галку“...

— Ти-ше!

Стукъ по столамъ, ногами по полу. Притихли. На столѣ лохматый Николай Ивановичъ. Пріятно: точно самъ говоришь. Я уже заранѣе согласенъ со всѣмъ, что скажетъ мой сожитель: мы—единомышленники...

— Господа! Товарищи! Братья и сестры!

— Родные и двоюродные!

— Тише, Касьяновъ!

— Вонъ Касьянова!...

— Говорите, товарищъ!

„Намъ разрѣшили плясать, пѣть и пить... Но потребовали, чтобы мы молчали, т.-е. не обмѣнивались нашимъ образомъ мыслей... Господа, не время предаваться благоговѣйному молчанію. И если мы, студенты, будемъ молчать, то заговоритъ Валаамова ослица!...

— Бра-а-во!

Дружный взрывъ рукоплесканій, смѣха и поощреній.

— Ти-хо! Ти-хо!...

„Господа! Я отвѣчу имъ, поборникамъ глубокомысленнаго молчанія, словами поэта:

„Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ...
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!..“

Снова грохотъ плескающихъ рукъ, топочущихъ ногъ, стульевъ, криковъ „браво“ и снова напряженное вниманіе и вибрирующій отъ волненія страстный голосъ оратора...

Я слушалъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Словно камнями, ораторъ кидалъ сильными и образными словами и сравненіями въ стѣны, за которыми спряталось зло жизни, и одного за другимъ выводилъ оттуда его виновниковъ. Я пожиралъ глазами оратора и душа моя рвалась обнять его, и плакать у него на груди, и клясться, что я готовъ на жертву... Когда я оглянулся и обвелъ взоромъ товарищей, мои глаза встрѣтились съ сотнею горящихъ, сверкающихъ глазъ, въ которыхъ трепетали молодыя души слушателей... Счастливый ораторъ!... О, еслибы я могъ говорить такими огненными словами и сливать людей въ одну душу и одно сердце!... Кончилъ:

„Насъ обвиняютъ въ жестокости... Нѣтъ, мы не жестоки... Мы болѣемъ душой за всѣхъ гонимыхъ, болѣемъ за дорогую родину... И во имя любви къ нимъ зовемъ васъ на подвигъ... Любовь, большая любовь, чужда смиренію... Господа!

„Любовь къ намъ явилась облитая кровью
Съ креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ!“

Шумный экстазъ пылающихъ душъ... Крики, стукъ по столамъ, о полъ... Благодарныя руки тянутся къ оратору, многіе цѣлуютъ его... А кто-то уже взобрался на подоконникъ и требуетъ слова... Но въ дверяхъ — смятеніе: свистятъ, грозятъ и кого-то гонятъ вонъ... Потомъ дружный смѣхъ...

— Братцы! Братцы! Не пускать сюда буржуазію...

А въ углу снова пѣніе:

„Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не слыхалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не страдалъ...

— Господа! Профессоръ Загоскинъ!...
— Тише!
— Профессоръ Загоскинъ!
— Качать!
— Качать! Качать!...

И любимый профессоръ, подъ громъ апплодисментовъ, плавно взлетаетъ въ вышину, безпомощно взмахивая руками... А наверху—побѣдные взрывы мазурки изъ „Жизни за царя“ и глухой топотъ безчисленныхъ ногъ: словно тамъ цѣлый эскадронъ носится по паркету, потрясая оружіемъ...

XXI.

Съ головой ушелъ въ общественныя дѣла: я—библіотекарь, судья чести, казначей землячества, курсовой староста... Хлопотъ и бѣготни—не оберешься. Не хватаетъ времени. Наука уже не кажется, какъ раньше, самымъ важнымъ и первымъ дѣломъ. Товарищи относятся съ уваженіемъ, да и самъ чувствуешь, что ты—не заурядный первокурсникъ, а—„сознательная личность“, о которой пишетъ въ своихъ письмахъ Миртовъ... Неутолимая жажда работать—и неудовлетворенность отъ сознанія, что надо дѣлать что-то большое, значительное, а дѣлаешь пустяки... Какъ подойти къ этому большому? Какъ попасть въ настоящее дѣло?.. Все стоишь гдѣ-то въ сторонѣ, сбоку, около. Конечно и на этомъ мѣстѣ ты полезенъ, но въ душѣ есть смутное предчувствіе, что не пришелъ еще твой настоящій часъ...

— Николай Ивановичъ! Я хочу поговорить съ вами...
— Отлично. Въ чемъ дѣло?
— Я хочу поступить въ партію...
— Ну-съ!
— Какъ это сдѣлать?
— Почему же вы спрашиваете объ этомъ меня? Это странно.
— Я думалъ, что вы... вы... можете...
— Напрасно. Я вамъ не давалъ повода...
— Вы мнѣ не довѣряете?...—спрашиваю, опустивъ голову, и вспыхиваю отъ обиды. На глазахъ—слезы. Губы дрожатъ.
— Обижаться тутъ не на что: еслибы я былъ даже въ партіи, я уклонился бы отъ этого разговора... Мы еще мало знаемъ другъ друга, и потомъ... вы дѣлаете свое дѣло, помогаете, вы на *своемъ* мѣстѣ... Вы, государь мой, смѣшно разсуждаете: поступить нельзя, надо сдѣлаться...

— Не понимаю... Какъ это сдѣлаться?... Самъ я не могу сдѣлаться...

— А вдругъ вы уже сдѣлались?

— Даю вамъ слово, что — нѣтъ... Иначе я не просилъ бы васъ... Не понимаю...

— Не сердитесь. Я васъ люблю и уважаю... Юны вы еще... Не закалились...

— Но вы мнѣ *вѣрите?*

— Да. Кто это... въ альбомѣ?... Сестра ваша?

— Это... Это... одна знакомая дѣвушка.

— Какое милое лицо!...

— Да...

Когда вышелъ Николай Ивановичъ, я раскрылъ альбомъ съ родными и знакомыми и отыскалъ портретъ Зои. Чѣмъ-то роднымъ и далекимъ повѣяло на меня отъ него и грусть о чемъ-то прошломъ и миломъ стала наполнять душу. И чѣмъ дольше я смотрѣлъ на портретъ, тѣмъ сильнѣе становилась грусть. Съ печальной улыбкой смотрѣли на меня знакомые глаза, и нѣжная застѣнчивость свѣтилась въ нихъ затаеннымъ огонькомъ пугливой дѣвичьей любви. Вѣдь снималась она для меня, „на прощанье“!... И вдругъ я вспомнилъ золотисто-розовый вечеръ на Волгѣ, пароходъ, окно каюты и дѣвичье личико, смущенное, украдкой бросающее на меня пугливый любящій взглядъ:

— Мнѣ стыдно...

Удивительно близкое, родное лицо... Кого она напоминаетъ?... Да, да, она похожа на ту, которую я люблю втайнѣ, далекую, навсегда ушедшую съ земли и передъ смертью кроткими, тихими, ласковыми словами безысходной скорби утѣшавшую мать: „милая мама“... Та, ушедшая—старше и печаль ея глазъ глубже, но, быть можетъ, когда она была гимназисткой — и у нея въ глазахъ такъ же свѣтился огонекъ радостныхъ предчувствій любви и эта милая застѣнчивость. Съ лихорадочной поспѣшностью я досталъ изъ тайнаго убѣжища „запрещенный“ портретъ и сталъ сравнивать этихъ двухъ женщинъ: ушедшую съ земли и ушедшую изъ сердца. Да, удивительное, странное сходство! Точно двѣ сестры. Вотъ эта — старшая, а эта—младшая. И непохожи, и похожи. Трудно уловить, въ чемъ сходство, но оно поразительно. Именно такъ бываетъ иногда съ сестрами... Соня и Зоя. Сестры. Старшую я люблю, но она никогда не узнаетъ этого, и никогда я не увижу ея и не скажу ей о своей любви, а младшую я любилъ и... она знаетъ и любитъ меня, но я...

— Прости меня, Зоя!.. Я такъ виноватъ предъ тобой, моя

бѣлая, чистая дѣвушка съ золотыми косами. Пришелъ черный діаволъ и укралъ у меня твою любовь... Гдѣ ты, и вспоминаешь ли ты о томъ, какъ мы съ тобой встрѣтились и какъ полюбили другъ друга? Какъ мы ѣхали съ тобой на пароходѣ и какъ разстались, не думая, что никогда уже болѣе не встрѣтимся? Я куплю красивую раму и выну тебя изъ этого стараго альбома: прости, что я оставлялъ тебя вмѣстѣ съ этимъ чернымъ діаволомъ, укравшимъ наше счастье.

Я купилъ красивую раму изъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями и вставилъ въ нее обѣихъ женщинъ: младшую, Зою, — впереди, а старшую, Соню,— позади, чтобы она попрежнему жила въ моей комнатѣ невидимо... И когда я, отрываясь отъ книги, взглядывалъ на портретъ въ рамѣ, я всегда видѣлъ обѣихъ: видимую и невидимую... Онѣ сливались во едино, и рождался какой-то общій, смутный образъ далекой дѣвушки, которую я любилъ, люблю, но потерялъ и теряю. Трудно передать это словами, но, быть можетъ, я подойду ближе къ передачѣ своего чувства, если сравню его съ тѣмъ, которое испытываетъ потерявшій любимую женщину человѣкъ при видѣ, очень похожей на умершую, сестры ея: острое страданіе и острая радость, прошлое въ настоящемъ, настоящее въ прошломъ, мертвое въ живомъ и живущее въ мертвомъ... Далеко и близко... И когда товарищи спрашивали меня, кто это стоитъ у меня на столѣ въ красной рамѣ, я говорилъ съ печальнымъ вздохомъ:

— Моя умершая невѣста.

И когда я, передъ сномъ, долго всматривался въ образы этихъ двухъ женщинъ, мнѣ снились прозрачные, нѣжные радостные сны, тонкіе, какъ серебряная паутина, хрупкіе и неуловимые, пугливые, которыхъ никакъ не вспомнишь при пробужденіи; а когда смотрѣлъ на черную Калерію, то снились нечистые огненные сны, сумасшедшія женщины, грозы и вихри, красныя губы и пьяные глаза—нечистые сны, отъ которыхъ и послѣ пробужденія я еще долго не могъ придти въ себя и стряхнуть съ души кошмаръ ночныхъ видѣній... И когда, послѣ такихъ сновъ, посмотришь на стоящій на столѣ портретъ въ красивой рамѣ, печаль и стыдъ грызутъ душу... Лучше не смотрѣть на этого чернаго діавола и на ея колечко съ краснымъ рубиновымъ огонькомъ. Бросить это проклятое кольцо... Почему жалко его бросить? Ну, спрятать его подальше, чтобы не попадалось такъ часто на глаза. Маленькое колечко, едва влѣзаетъ на первый суставъ мизинца. У нея были удивительно тонкія руки, цѣпкія и тонкія... Гдѣ теперь она и что она ду-

маетъ обо всемъ, что случилось? Ахъ, да Богъ съ ней! Какое мнѣ дѣло, гдѣ, съ кѣмъ, что думаетъ?..

— Прости меня, чистая бѣлая дѣвушка съ золотыми косами!.. И хотѣлъ бы, и боюсь съ тобой встрѣтиться.

— Мнѣ стыдно...

Быстро летитъ время: незамѣтно подкрались полукурсовые экзамены... Надо наверстывать время, отданное общественнымъ дѣламъ... Охо-хо, ничего-то я не знаю... „Энциклопедія права“... Что за штука такая?..

— Право понимается въ двухъ смыслахъ: субъективномъ и объективномъ... Такъ-съ! Пускай его! „Право въ субъективномъ смыслѣ...“

— Зудишь?

— Здравствуй! Читаю Энциклопедію права.

— Скучная матерія...

— Я только что началъ. Говорятъ—рѣжетъ?

— Меня прогналъ: я отнесъ къ естественнымъ правамъ человѣка право отвѣчать на насиліе насиліемъ...

Весело хохочемъ надъ смущеніемъ профессора и собственнымъ остроуміемъ...

— Ну, ну, а—онъ?

— Государство, говоритъ, несовмѣстимо съ насиліемъ... Хотя, говоритъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно допускаетъ принудительный образъ дѣйствій, но и т. д. Заспорили; я закидалъ его фактами и противорѣчіями. Обозлился и прогналъ. „Права“! Одни жрутъ до отвала, а другіе — подыхаютъ отъ голода; а когда начинаютъ кричать — имъ затыкаютъ ротъ тюрьмами, ссылками, штыками... А мы съ тобой кончимъ юридическій и сдѣлаемся слугами этихъ „правъ“...

— Чортъ съ ними, съ этими правами! Я перейду на медицинскій. Тамъ и публика пріятнѣе.

— Не забудь, что сегодня — собраніе. По моему, нечего прятаться и надо назвать нашъ кружокъ не „Союзомъ прогрессивнаго студенчества“, а „Союзомъ молодыхъ народовольцевъ“...

— А имѣемъ ли мы право такъ называться?

— Ну, опять—„право“!.. Ты уже помѣшался на правахъ... Къ намъ присоединяются двѣ курсистки: Вѣра Игнатовичъ и Надежда Корнева...

— Да вѣдь онѣ—„землевольцы“!

— Послѣ нашего спора съ противниками переходятъ къ намъ.

— Браво!

— Это твоя побѣда. Ловко ты ихъ тогда раздѣлалъ. Во всѣ стороны перья полетѣли...

— Я?.. Гм!..

Товарищъ ушелъ, а я долго ходилъ по комнатѣ, гордо поглаживалъ себя по головѣ и говорилъ:

— Молодчина!.. Ей Богу, ты неглупый парень.

А потомъ схватилъ портретъ и, поцѣловавъ Зою, шепнулъ черезъ нее Сонѣ:

— Нашего полку прибыло!

У насъ есть нелегальная библіотека и гектографъ, но библіотека—жидковата: десятокъ брошюрокъ и десятокъ запрещенныхъ книгъ, а гектографъ... очень ужъ несовершенное орудіе: больше измажешься, чѣмъ наработаешь, да и невнушительно. Вотъ хоть плохонькую типографію соорудить бы!.. Трудно. Нѣтъ связей съ наборщиками: наворовали бы. Шевелится смутный вопросъ: „честно ли это“, но сейчасъ же и затихаетъ:

— Не съ корыстной цѣлью, а для общаго блага!.. Бываютъ случаи, когда цѣль оправдываетъ всѣ средства. Ахъ, еслибы типографія!..

Однажды, когда я поздно ночью вернулся съ окраины города, съ испачканными синими гектографическими чернилами руками и на́скоро отмывалъ ихъ въ темной кухнѣ, Палаша проснулась и соннымъ голосомъ сердито сказала:

— Шляешься — не знай гдѣ... А тутъ два раза барышня приходила къ тебѣ.

— Какая барышня?

— А я почему знаю! Къ тебѣ много ходятъ. Записку на столѣ оставила.

„Милый, родной мой! Я — пріѣхала. Остановилась пока въ меблированныхъ комнатахъ „Заря“, на Проломной улицѣ. Приходила къ тебѣ дважды. Жду тебя завтра утромъ. Твоя З.“

Сперва я страшно испугался. Словно меня поймали на мѣстѣ какого-то сквернаго преступленія. Я заперъ дверь, прилегъ на постель и притихъ. Что же теперь дѣлать? Что дѣлать? Какъ сказать, что я уже не тотъ, что все прошло и что она ошибается, называя меня прежнимъ „роднымъ и милымъ“?.. Что я надѣлалъ! Зачѣмъ я не написалъ ей, что все кончилось, что все это было ошибкой, увлеченіемъ, которое кануло въ прошлое и не можетъ вернуться?.. Нѣтъ силъ пойти и сказать все это прямо въ лицо. Лучше написать. Я вскочилъ съ кровати и сталъ писать нервно, торопливо, словно боялся, что она можетъ каждую ми-

нуту придти ко мнѣ. „Многоуважаемая“. Нѣтъ!.. „Добрая, хорошая Зоя Сергѣевна“... Нѣтъ! нѣтъ! „Милостивая Государыня“... Нѣтъ, это жестоко и пошло. Я рвалъ бумагу и волосы на глупой головѣ, которая отказывалась помочь мнѣ въ этомъ затрудненіи. Можно не называть.

„Наша близость была ошибкой. Что прошло, то не вернется. Простите меня. Надѣюсь, что это не помѣшаетъ встрѣчаться намъ товарищами“...

Написалъ, заклеилъ въ конвертъ и положилъ на столѣ. Легъ и снова вскочилъ, разорвалъ конвертъ и сталъ перечитывать и писать, варьируя все тѣ же жестокія слова и не находя другихъ. А изъ рамы на меня смотрѣли съ нѣжной грустью и застѣнчивой лаской глаза бѣлой дѣвушки и словно молили о пощадѣ.

Милая, бѣдная голубка! Ну, какъ же намъ быть и что мнѣ сказать тебѣ? Можетъ быть, я немного люблю еще тебя, но потухъ тотъ пламень, которымъ горѣла душа при каждомъ твоемъ словѣ, при одномъ звукѣ твоего милаго голоса, при каждой случайной встрѣчѣ нашихъ глазъ. Моя любовь къ тебѣ покрылась какой-то грустной дымкой прошлаго и не вспыхиваетъ прежнимъ пламенемъ. Тяжело мнѣ, дорогая. Но я не виноватъ: я тогда вѣрилъ, что моя любовь къ тебѣ непобѣдима. Я хотѣлъ бы упасть къ твоимъ ногамъ и поплакать, я хотѣлъ бы разсказать тебѣ, какъ все это случилось... Но ты оттолкнешь меня и не захочешь моей правдивой исповѣди. Да и силъ нѣтъ пойти къ тебѣ, называющей меня „милымъ и роднымъ“, и разбить твое золотое сердце. Я боюсь посмотрѣть въ твои глаза, потому что они не встрѣтятъ въ моихъ отвѣтнаго восторга и трепета любящей души... Надо все это написать, чтобы ты поняла и простила. Ты вѣдь добрая и кроткая, ты—чистая, а я... уже грязный... Какъ сказать тебѣ объ этомъ? Зоя, Зоя! Лучше бы ты не пріѣзжала... Обоимъ было бы лучше и легче...

Всю ночь напролетъ я метался въ постели и по комнатѣ, а когда Палаша завозилась въ кухнѣ, я потихоньку вышелъ на улицу и побрелъ къ меблированнымъ комнатамъ „Заря“. Было еще очень рано и не было опасности встрѣтиться. И все-таки я долго бродилъ по другой сторонѣ улицы, не рѣшаясь приблизиться къ дверямъ „Зари“. Наконецъ рѣшился, быстро вошелъ въ крыльцо и, подавъ швейцару свое письмо, строго приказалъ:

— Немедленно передайте въ № 24.

А потомъ быстро вышелъ и еще быстрѣе зашагалъ прочь, съ чувствомъ радостнаго освобожденія отъ лжи—и глухой тоски по чемъ-то навсегда утерянномъ. Домой я не пошелъ: что-то

пугало меня идти туда, и я очень долго бродилъ по отдаленнымъ улицамъ и закоулкамъ, пугаясь встрѣчныхъ дѣвушекъ, въ которыхъ мнѣ поминутно чудилась Зоя...

XXII.

— Письма или записки не было?

— Нѣтъ.

— Кто-нибудь былъ?

— Былъ. Студентъ.

— А барышни никакой не...

— Не было!...

Такъ начиналось теперь каждое мое возвращеніе домой. Когда Палаша говорила, что была барышня, я начиналъ подробно выспрашивать ее, какая изъ себя та барышня, и помогалъ Палашѣ нарисовать Зою:

— Съ большими золотыми косами, да?

— Нѣтъ, какія тамъ косы! стриженая... Къ тебѣ съ косами-то не ходятъ.

Когда признаки подходили, я показывалъ Палашѣ портретъ:

— Не эта?

— Да вѣдь ты сказывалъ, что эта померла ужъ!

— Не твое дѣло... Воскресла, значитъ!...

— Эхъ ты, безбожникъ!

Ничего не отвѣтила мнѣ Зоя. Напрасно я ждалъ письма съ упреками, слезами, мольбой... Ничего! Оборвалось и упало въ пропасть все, что было... Чего же я жду и зачѣмъ такъ упорно справляюсь у Палаши? Почему меня преслѣдуютъ мысли о Зоѣ и почему мои взоры на улицахъ пытливо скользятъ по встрѣчнымъ дѣвушкамъ, съ затаенной надеждой встрѣтить именно ее? Почему я каждый день подолгу смотрю на портретъ и улыбаюсь ему грустной улыбкой? Не знаю, ничего не знаю. Гдѣ она теперь? Быть можетъ, она уѣхала изъ города, и я напрасно боюсь и надѣюсь съ ней встрѣтиться... Какая она стала теперь? Какъ она переживаетъ нашъ разрывъ? Быть можетъ, не переживетъ его, а быть-можетъ уже примирилась и кто-нибудь изъ студентовъ снова разбудилъ ея красивую душу, и она снова кому-нибудь весело и радостно улыбается и передъ кѣмъ-нибудь стыдливо опускаетъ рѣсницы... Почему — нѣтъ? Вѣдь я... Ахъ, проклятый черный діаволъ, съ чернымъ пламенемъ въ безстыжихъ глазахъ, зачѣмъ ты всталъ на нашей дорогѣ и разрушилъ такое

чистое, красивое счастье? Гдѣ ты, Зоя? Мнѣ хотѣлось бы узнать только одно: здѣсь ты или тебя нѣтъ въ этомъ городѣ, гдѣ живу я...

Нѣсколько разъ я порывался зайти въ „Зарю“ и спросить, не здѣсь ли до сихъ поръ живетъ Зоя, но не рѣшался. И вотъ однажды...

Курсистки-фельдшерицы устроили вечеринку, и я, какъ непремѣнный гость всѣхъ идейныхъ вечеринокъ, конечно попалъ и на эту. Было тѣсно, шумно и весело: говорили рѣчи, пѣли, танцовали, декламировали запрещенные стихи. Въ числѣ любимыхъ декламаторовъ былъ и я... Вотъ уже увидали, хлопаютъ, требуютъ, кричатъ по фамиліи и называютъ любимое... Я гордо закидываю назадъ волосы, выхожу на маленькую эстраду и воцаряется привычная уху тишина, чуткая, пропитанная нервнымъ электричествомъ...

„Что она мнѣ: не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?“

— началъ я декламировать и обвелъ взорами сверкающую глазами толпу студентовъ и курсистокъ. Что это? Чьи это глаза странно такъ, пристально и удивленно, смотрятъ прямо въ мою душу? Неужели—Зоя!... Я замялся, опустилъ глаза и какимъ-то чужимъ голосомъ продолжалъ декламировать. Меня тянуло въ ту сторону, гдѣ я столкнулся взорами съ той, похожей на Зою, дѣвушкой, но я не смѣлъ туда смотрѣть... Кончилъ—шумъ аплодисментовъ и крики: „бисъ“! Я раскланялся, показалъ жестомъ руки на шею и сошелъ съ эстрады, отговариваясь болѣзнью горла, забрался въ буфетъ и боялся выйти въ залъ. Окруживъ себя товарищами, я пилъ съ ними пиво, говорилъ о серьезныхъ вопросахъ, а самъ трепеталъ отъ страха и радости какого-то ожиданія... Она, она! Это ея глаза смотрѣли на меня съ какимъ-то грустнымъ изумленіемъ. Я это не только увидѣлъ, я это почувствовалъ... Еще разъ, хоть одинъ только разъ, увидать бы ее всю, а не одни глаза... Она, она!...

Я низко опустилъ голову: мимо, подъ-руку съ Вѣрой Игнатовичъ, проходила Зоя. Торопливый жадный взглядъ вслѣдъ уходящимъ: точно выросла на цѣлую голову, стройная, гордая, съ тѣми же тяжелыми золотыми косами, оттягивающими назадъ голову, та же плавная походка. И та, и не та.

— Ты что покраснѣлъ?

— Зубы заболѣли. Горло и зубы.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩ... № ... УПРАВЛЕНІЯ МЕЛ...

— Выпей коньяку: отъ зубовъ хорошо помогаетъ.

— Коньяку? Что же... Пожалуй!

— Возьми полбутылки: у насъ тоже зубы ноютъ... Деньги есть?

— Сколько угодно: только вчера изъ дому поддержку получилъ.

Взяли коньяку, стали пить. У меня быстро затуманилась голова и пропалъ страхъ передъ Зоей. Ну, что-жъ, пусть проходитъ: я встану и раскланяюсь. Въ сущности, я ничего подлаго не сдѣлалъ, я сказалъ ей только то, что̀ долженъ былъ сказать. Любовь—свободна...

— Выпьемъ, братцы!

И я затянулъ изъ „Карменъ“: „Любовь свободна“...

— Посмотри, какъ похожа эта дѣвица на Маргариту!

— Гдѣ?

— А вонъ, со студентомъ!...

— Да...

— Хорошенькая!—сказалъ одинъ изъ компаніи и подмигнулъ.

— Пошлякъ! — бросилъ я въ его сторону и почувствовалъ глубокое оскорбленіе. Начиналась ссора, но подошли двѣ курсистки и быстро потушили наши сердца. Помирились и еще выпили, чтобы скрѣпить миръ. Въ залѣ загремѣла музыка: старый знакомый такой вальсъ, и отъ этого вальса защемило въ сердцѣ. „Та-ра-ра-ра, та-та, та-ра-ра-таа“—подтягивалъ я роялю и мнѣ хотѣлось упасть головой на столъ и расплакаться. Почему? Не знаю, ничего не знаю... „Та-рамъ-та-та, та-тааа, тарамъ, та-та-та-таа“...

— Выпьемъ, господа! Все равно...

Потомъ я всталъ въ дверяхъ, скрестилъ по-наполеоновски руки и сталъ съ грустной ироніей смотрѣть на кружащіяся въ вальсѣ пары. Подходили раскраснѣвшіяся курсистки и говорили:

— Я хочу съ вами танцовать!

— Увы, не могу доставить себѣ этого счастья!

— Почему? Вы прекрасно танцуете,—я видѣла...

— Къ сожалѣнію, я не заводная игрушка и пляшу только въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ хочется.

— Извините!

— И меня равнымъ образомъ.

Вздрогнуло сердце: взоръ поймалъ желанное. Съ кѣмъ это вы, Зоя Сергѣевна, изволите такъ упоительно вальсировать? А-а, съ самимъ распорядителемъ!... Мастеръ своего дѣла... Какъ качаются тяжелыя косы... Красивая головка. Правда: она напоми-

наетъ Маргариту... „Тарамъ-та-рамъ-та-та“. Не обращаетъ вниманія. Ну что же подѣлаешь! Богъ съ тобой, Зоя!... Улыбается этому болвану-распорядителю. Очевидно, напрасно я воображалъ, что мое письмо убьетъ въ ней всякую радость. Эхъ, вы!... Всѣ вы—одинаковы!

— Тарамъ-та-та-та-раамъ... та-та-таа, та-та... Идемте, Игнатовичъ, вальсъ!

— Идемъ!

Я подхватилъ Игнатовичъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ сталъ кружить ее въ вальсѣ.

— Будетъ, будетъ!... Голова кружится... Ахъ, противный какой!...

— Мерси!

Посадилъ Игнатовичъ и пошелъ опять къ товарищамъ. Въ дверяхъ, лицомъ къ лицу—Зоя, преслѣдуемая распорядителемъ. Какъ огнемъ обожгло душу и не стало силъ пройти мимо, притворившись незнакомымъ:

— Здравствуйте, Зоя Сергѣевна!

— Здравствуйте!

— Пойдемте танцовать... вальсъ!...

— Простите, я устала...

— Зоя Сергѣевна устала...

— Извините, но я приглашаю не васъ, а вашу даму...

Вотъ нахалъ! Нацѣпилъ на грудь дурацкій бантъ и воображаетъ, что онъ неотразимъ. Погоди, я тебя научу деликатности. Пора бросить это глупое, безцѣльное круговращеніе.

— Господа! Я прошу слова.

— Музыка! молчать!

— Тише!

Я встряхнулъ головой и началъ рѣчь. Никогда въ жизни я не былъ такъ краснорѣчивъ и никогда не горѣлъ такъ въ своихъ словахъ, какъ въ этотъ разъ. Съ дрожью въ голосѣ я говорилъ о злѣ, опоясавшемъ желѣзнымъ кольцомъ всю землю, съ страстнымъ порывомъ призывалъ всѣхъ къ битвѣ съ этимъ зломъ, со слезами въ глазахъ бичевалъ всѣхъ, не исключая себя, вызвалъ передъ слушателями образъ моей любимой, погибшей въ бою женщины и, на память читая ея прощальное письмо къ матери, неожиданно для себя разрыдался... Громъ рукоплесканій перемѣшался съ криками „тише!“, съ моими рыданіями, съ встревоженными голосами дѣвушекъ, не знавшихъ, какъ и чѣмъ выразить мнѣ свои симпатіи и со всѣхъ сторонъ протягиваю-

щихъ мнѣ руки со стаканами простой и сельтерской воды. Кто-то требовалъ доктора...

— Голубчикъ, что съ вами?!...

Кто это? Такой нѣжный, ласковый голосъ, готовый оборваться слезами...

— Не знаю, Зоя!... Ничего не знаю...

— Не надо, Геннадій, плакать...

— Да, да... Я не буду... Я не знаю.

Я вскинулъ глаза на Зою: она отирала платочкомъ слезы, и все лицо ея пылало огненнымъ румянцемъ.

— А вы-то что, Зоя Сергѣевна...

— Не знаю... Вы такъ говорили... У меня все время прыгали эти глупыя слезы...

Насъ окружили плотнымъ кольцомъ и нельзя было уйти...

— Господа, вы насъ арестовали! — сказалъ я съ улыбкой окружающимъ, и громъ новыхъ рукоплесканій, веселаго смѣха и криковъ „браво“ отвѣтили на мою жалобу...

— Музыка! Играй! Музыка!..

— Вальсъ! — прокричалъ я и умоляюще взглянулъ на Зою.

— Ну, ладно... пойдемте ужъ!..

Зоя кинула вѣеръ неотстающему отъ нея распорядителю и положила руку на мое плечо... Мы закружились въ вальсѣ, и я, какъ прежде, шепталъ тихо:

— Милая, милая... еслибы ты знала!..

— Не говорите мнѣ „ты“...

— Простите!..

— Мы только товарищи...

— Будемъ ли мы видѣться?..

— Если случится... Что прошло, то невозвратно... Будетъ! У меня кружится голова... Мерси!

— Мерси!.. Я хотѣлъ бы проводить васъ до дому... Могу я...

— Извините: Зоя Сергѣевна дала мнѣ слово!

— Да, меня проводятъ...

Опять этотъ болванъ-распорядитель... Неужели она...

— Касьяновъ, хочешь коньяку?

— Еще бы! Вотъ глупый вопросъ.

— Идемъ въ буфетъ!

Вернувшись на разсвѣтѣ домой, я усѣлся за столомъ передъ портретомъ Зои и долго всматривался въ ея лицо, тихо говорилъ съ нимъ о жизни, о любви и смерти, о чистотѣ и грязи въ поступкахъ. Въ чемъ-то старался я оправдаться передъ пор-

третомъ и въ чемъ-то убѣдить его. А портретъ скептически смотрѣлъ на меня и ничему не вѣрилъ.

— Ты чиста и прекрасна въ чистотѣ твоей, но жизнь сомнетъ тебя... Не гордись предо мною! Тебѣ ненужна моя любовь... Вижу. Я отдамъ ее тѣмъ, которымъ не до любви и не до чистоты. Имѣемъ ли мы право уходить въ любовь и красоту, когда вокругъ насъ одни страданія?.. Правда, Соня? Да, конечно!..

Я вынулъ изъ тайника портретъ Сони и въ немъ почерпалъ утѣшеніе:

— Ты поймешь и простишь, а эта красавица... слишкомъ она красива!.. Не для насъ она, а вотъ для такихъ красивыхъ болвановъ, какъ этотъ распорядитель съ глупымъ бантомъ на груди... Танцуйте, господа, Богъ съ вами!.. Танцуйте!..

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?..

— А, Палаша!..

— Никакъ плачешь?.. Объ невѣстѣ, что-ли? Не воротишь...

— Не воротишь, Палаша...

— Ты молодой еще... Свѣтъ не клиномъ сошелся: найдешь другую. Дѣвокъ много. А мертваго слезой не подымешь... Самоварчикъ тебѣ надо?..

Въ головѣ зазвучалъ вальсъ, подъ который я кружился съ Зоей, и воскресло ощущеніе ея близости: теплая рука на плечѣ, золотистый локонъ волосъ на щекѣ, запахъ духовъ и порывистое дыханіе...

— „Тарамъ-тата-та-тааа, а-та-та-та-тарамъ-тааа“.

— А ты не пой! У насъ спятъ еще...

— Спятъ?

— Спятъ.

— „Спи кто можетъ, я спать не могу!..“

— Ну, хоть другимъ-то не мѣшай!

XXIII.

...Воскресла моя умершая невѣста... Зоя, Зоя, еслибы ты могла заглянуть въ мою измученную душу! Тамъ только ты, одна ты, моя бѣлая, чистая дѣвушка, и безвыходный хаосъ страданій и поздняго раскаянія... Ты сказала: „что прошло, то невозвратно“... Ахъ, еслибы такъ! Почему же твой образъ неотступно стоитъ предъ моими глазами и тоска по тебѣ не хочетъ отпустить меня на волю? И почему вернулся въ душу тре-

петъ первыхъ свиданій, и я жадно ищу, какъ прежде, случайныхъ встрѣчъ съ тобою?.. Ахъ, теперь эти рѣдкія встрѣчи не даютъ мнѣ ничего, кромѣ страданія. Зачѣмъ же я ихъ ищу, ищу, ищу... Нѣтъ, что прошло, то возвратилось и снова, съ еще болѣе властною силой, захватило меня. Счастливая: для тебя оно—„невозвратно“... Ты смѣешься надъ нимъ... и надо мною...

Я хотѣлъ бы уйти съ головой, какъ раньше, въ идейную работу, я стараюсь сдѣлать это: усиленно пачкаюсь въ гектографской краскѣ, собираю нелегальную литературу, веду пропаганду среди товарищей... но... ты мѣшаешь мнѣ, потому что не любишь... И я каждую минуту объ этомъ думаю и каждую секунду это чувствую, и у меня опускаются руки, и кажется мнѣ, что не стоитъ трудиться, пропадаетъ пылъ ненависти и потухаетъ жажда подвига... Ахъ, если бы мы по прежнему любили другъ друга! Мы взялись бы за руки и пошли навстрѣчу смерти безъ страха и колебаній, и наша любовь освѣтила бы дорогу многимъ другимъ... Передъ вѣчной разлукой на землѣ мы съ тобой обмѣнялись бы такими письмами, надъ которыми бы плакали въ тишинѣ ночи всѣ живые и честные.

— Игнатовичъ!

— А, здравствуйте, Геннадій!..

— Куда вы?

— Въ театръ за билетами на „Евгенія Онѣгина“. Зоя тоже идетъ... Мы—цѣлой компаніей. Идемте, голубчикъ!

— Пожалуй... Впрочемъ, быть можетъ, я буду лишнимъ въ вашей компаніи...

— Что вы, Господи помилуй! Вы знаете, какъ я уважаю васъ...

— Вы-то такъ, да другіе...

— А другимъ—все равно... Веселѣе!

— Не знаю, какъ ваша сожительница...

— Зоя? Вотъ пустяки!.. Какое ей дѣло? Приглашаю васъ я... Я безъ васъ не пойду!..

Игнатовичъ опять посмотрѣла на меня тѣмъ значительнымъ взглядомъ, который давно уже пугаетъ меня и... раздражаетъ: я давно уже понялъ, что она питаетъ слабость ко мнѣ, но я... меня это только раздражаетъ.

— Идемте, дорогой подумаю...

— Вы, кажется, неравнодушны къ моей сожительницѣ?.. Совершенно напрасно...

— Я... Нисколько!.. Почему вамъ такъ кажется?

— Не все то золото, что блеститъ... Наружность обманчива.

— Игнатовичъ, я не пойду въ театръ!

— Не отпущу!.. Увѣряю васъ, что мы обѣ: и я, и Зоя, будемъ очень рады. Мы обѣ васъ... вамъ симпатизируемъ. Довольны? Руку!

Она крѣпко пожала мнѣ руку и значительно посмотрѣла въ глаза:

— А вы?

— Что—я?

— Кому изъ насъ вы больше симпатизируете?

— Не знаю. Обѣимъ одинаково.

— Значитъ, ни одной изъ насъ...

— Почему такой выводъ?

— Ребятишки, когда ихъ спрашиваютъ—кого больше любишь, говорятъ: обѣихъ одинаково. А это значитъ, что—никого...

— Я—не ребятишка, а потомъ...

— Что—потомъ?.. Сохранили вы ландышъ, который я поднесла вамъ на студенческомъ балу?

— Ландышъ?.. Да, я положилъ его въ книгу, но забылъ, въ какую...

— Въ любимую, по крайней мѣрѣ?

— Въ „Философію права“...

— Какъ это понимать? Значеніе?

— Трудно это понять.

Такъ, перебрасываясь словами, мы дошли до театра. Я сказалъ нѣсколько пріятныхъ фальшивыхъ словъ спутницѣ и, чувствуя, что не могу не идти сегодня въ театръ, зачѣмъ-то все упирался:

— А то ужъ идите безъ меня: я лучше почитаю Бокля...

— Я уже взяла билеты!.. Поздно!.. Галлерка, у барьера... Идемъ!

Мы вышли изъ театра. Я сердился на Игнатовичъ и на себя, но покорно шелъ за спутницей: вѣдь она живетъ въ одной комнатѣ съ Зоей...

— Нате билетъ!.. Рядомъ со мной... Надѣюсь, вы довольны своей сосѣдкой?

— Конечно, конечно...

— То-то!.. А можетъ-быть вамъ хочется—рядомъ съ Зоей?..

— Одинаково пріятно...

— Тогда я посажу васъ между нами... и посмотрю, куда васъ больше притягиваетъ...

— Вѣроятно, я буду больше всего смотрѣть на сцену...

— Хотите къ намъ?.. Ко мнѣ! *Я* васъ приглашаю. Другимъ нѣтъ дѣла...

— Дѣла нѣтъ, но... я не люблю дѣлать непріятностей другимъ. Не пойду.

— Ну, проводите меня!

— Могу.

— Впрочемъ, если это вамъ не доставитъ удовольствія...

— Доставитъ.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшаю... Давайте... подъ-руку!.. Скользко. У меня—новыя калоши. Насилу нашла: думала, потеряла...

— Что? Калоши?

— Перчатки!..

— Ааа...

— Вы очень разсѣянны. Влюблены? да?

— Безнадежно.

— Въ кого? Быть можетъ, дѣло поправимо?

Опять пристальный значительный взглядъ. Невыносимо. И все сношу безъ ропота, потому что Игнатовичъ мнѣ кажется теперь той ниточкой, за которую хватается утопающій...

— Ну, до скораго и пріятнаго свиданія!.. Сидимъ рядомъ. Я довольна.

— Да?.. Вы сильная: больно руку!

— Я люблю почувствовать пожатіе. Не дѣлайте вареной руки!.. Ну, вотъ такъ!..

Слава Богу, кончились мои муки... Кажется, она вполнѣ убѣдилась, что именно въ нее я влюбленъ и потому разсѣянъ, смущенъ и грустенъ... Чортъ знаетъ, какъ все это странно и глупо выходитъ... Эхъ, Зоя, Зоя!..

Лучше пораньше придти и сѣсть на свое мѣсто, а то потомъ, когда Зоя будетъ сидѣть уже, какъ-то труднѣе будетъ скрыть волненіе, залѣзая межъ ними на свое мѣсто. Пришелъ, когда еще зажигали люстры, и угрюмо и упорно засѣлъ въ галлеркѣ, дѣлая видъ, что мнѣ рѣшительно все равно, кто бы ни сѣлъ рядомъ. Будто не знаю и не интересуюсь этимъ. Театръ быстро наполнялся и оживалъ. Вокругъ уже кишмя-кишѣла публика, и я вздрагивалъ спиной всякій разъ, когда позади разыскивали мѣста... Уже грянула увертюра, когда я почувствовалъ позади шорохъ платьевъ и знакомый ароматъ духовъ. Не знаю, скрыла Игнатовичъ отъ Зои о нашей встрѣчѣ или нѣтъ, но Зоя страшно смутилась и покраснѣла, когда увидала, что я—рядомъ.

— Ахъ... вотъ какъ!.. и вы...

— Судьба! — прошепталъ я со вздохомъ, но кто-то серди-

тымъ басомъ произнесъ позади: „прошу не болтать!“—и я замолкъ, усиленно впившись глазами на сцену. Я не знаю, видѣлъ ли я что-нибудь тамъ, но грустная музыка оперы и нечаянныя прикосновенія къ Зоѣ уносили меня въ небо и я переставалъ моментами чувствовать, кто я, гдѣ я и что̀ кругомъ меня происходитъ. Что-то шептала мнѣ Игнатовичъ, но я смотрѣлъ и не понималъ.

— Би-нокль! Что̀ съ вами?!..

— Вотъ!..

Игнатовичъ привалилась ко мнѣ плечомъ, и я чувствовалъ, какъ ея кровь пригрѣвала мнѣ руку. Это мнѣ было непріятно, но я боялся отодвинуться и нечаянно толкнуть Зою.

— Я васъ не стѣсняю? — прошептала Игнатовичъ и еще сильнѣе навалилась на мое плечо.

— Ничего...

— Прошу не болтать!—прогудѣлъ позади сердитый басъ...

— Скажите пожалуйста... Какъ страшно! — огрызнулась Игнатовичъ.

Упалъ занавѣсъ, загорѣлись люстры въ зрительномъ залѣ, и я очнулся отъ сладостной истомы. Очнулся и почувствовалъ ужасную неловкость. Надо заговорить съ Зоей. Какъ и о чемъ? Мелькомъ взглянулъ въ ея сторону: сидитъ недвижно, съ опущенными рѣсницами. Боже, какъ она прекрасна! Она стала еще лучше. Одна золотая коса лежитъ на груди, а другая за спиной. Подняла голову, вскинула рѣсницы и слегка улыбнулась...

— Вотъ и встрѣтились!..

Сказала такъ просто и взглянула такъ ласково, словно ничего не случилось и все было по старому.

— Я такъ давно искалъ...

— Что̀ вы говорите тамъ?—вмѣшалась Игнатовичъ.

— Не вѣрю! — сказала Зоя, и лицо ея вдругъ потускнѣло и рѣсницы опустились и бросили тѣнь подъ глазами.

— Чему не вѣрите?—спросила Игнатовичъ.

— Что Татьяна любила Евгенія Онѣгина,—недовольно бросила Зоя и отвернулась, предоставивъ насъ другъ другу.

— Вотъ тебѣ разъ!—съ досадой заговорила Игнатовичъ и, теребя меня за руку, стала доказывать, что Татьяна любила Онѣгина, а я сталъ противорѣчить:

— Еслибы она любила по-настоящему, то она простила бы Евгенію его ошибку и ничто не удержало бы ее разорвать всѣ путы!

Зоя вскинула на меня грустные глаза и проговорила:

— Пропала вѣра въ эту любовь. Что прошло, то — невозвратно...

— Неужели и вы поступили бы такъ же?—спросила Игнатовичъ.

— Да. Я только не призналась бы, что все еще люблю его...

— Ну, наплевать на нихъ! Идемъ погулять!—проговорила Игнатовичъ и потянула меня за рукавъ.

— А вы, Зоя Сергѣевна?

Зоя взглянула на меня и виноватымъ тономъ отвѣтила:

— Я не люблю толкаться... Въ другой антрактъ...

Я сказалъ глазами, что безъ нея не хочется, но пошелъ. И все время Игнатовичъ волочила меня подъ-руку и что-то говорила про любовь Татьяны и вообще про любовь, а я ничего не слышалъ и утвердительно поматывалъ головой, думая только о Зоѣ и объ ея загадочной фразѣ, брошенной мимоходомъ: „я не призналась бы, что все еще люблю его“... Что это значитъ? Неужели... Нѣтъ, это было бы такое невѣроятное счастье, что я не смѣю о немъ и думать...

— А, между нами говоря, этотъ Евгеній просто хлыщъ. Вы согласны?

— Я? да, да...

— Скажите, откуда взялась ваша фотографія у Зои Сергѣевны? Развѣ вы...

— Мы вѣдь знали другъ друга давно...

— Хотите обмѣняться со мной карточками?

— Да, очень тронутъ.

Игнатовичъ пожала мою руку локтемъ и повлекла изъ фойе.

— Мы замечтались: кажется, началось уже... Ахъ, мы мечтательны ужасно! — фальшиво протянула она и значительно взглянула въ мои глаза.

Невыносимо. Только для тебя, Зоя, можно претерпѣвать эти испытанія.

Опять рядомъ. Занавѣсъ еще не поднятъ, можно перекинуться словомъ.

— Какъ мы рѣдко теперь видимся, Зоя Сергѣевна!

— Да.

— Какъ я раскаиваюсь въ томъ, что нѣтъ возврата къ прошлому!

— Что-жъ дѣлать!

— А вы?

— Простите, я не могу сейчасъ говорить объ этомъ.

— Когда же, когда...

Въ этотъ моментъ взвился занавѣсъ, потухъ свѣтъ въ залѣ, я наклонился къ барьеру и, какъ къ святынѣ, приложилъ свои губы къ рукѣ Зои. Она вся содрогнулась, сняла съ барьера руку и вздохнула. Ничего не сказала. На сценѣ разочарованный Онѣгинъ уже читалъ нотаціи растерянной Татьянѣ, и вдругъ мнѣ показалось, что Онѣгинъ—это я, а Татьяна—Зоя. Объ этомъ же, вѣроятно, думала и Зоя, потому что, когда кончилась эта картина, она обернулась въ мою сторону и, печально покачавъ головкой, сказала:

— Хорошо, что еще счелъ нужнымъ объясниться лично! А то вѣдь могъ ограничиться письмомъ съ отказомъ отъ руки и сердца. Впрочемъ, не все ли равно?.. Хотите, пойдемъ... Здѣсь душно...

Я вскочилъ и сталъ расталкивать столпившуюся въ дверяхъ публику... Кто-то обидѣлся и сердитымъ басомъ произнесъ:

— У насъ собственный полицеймейстеръ!..

— И собственный дуракъ! — бросилъ я на эту реплику и подалъ руку Зоѣ.

— Я не хочу—въ фойе. Пойдемте на лѣстницу, тамъ свѣжѣе.

— Куда хотите, Зоя...

Стоимъ на лѣстницѣ: она—облокотясь на перила, я—сбоку, не сводя съ нея глазъ. Такъ близко, близко... Какъ прежде! Хочу сказать, что я люблю ее сильнѣе прежняго, и не могу: что-то стоитъ между нами.

— Вы, Геннадій, сильно измѣнились... Вы что-то пережили и вообще какой-то другой... И я—тоже. Оба мы другіе. Мнѣ кажется, будто мы только сейчасъ познакомились и не знаемъ, о чемъ говорить намъ между собой...

— Да, Зоя... Я пережилъ много... Когда-нибудь я вамъ скажу... А теперь я тороплюсь сказать вамъ одно, главное...

— Не вѣрю... Еслибы вы знали, какъ я вамъ вѣрила... и что вы сдѣлали съ моей вѣрой въ людей вообще!.. Впрочемъ, это становится похожимъ на оперу, которая идетъ на сценѣ... Бросимъ и никогда не будемъ къ этому возвращаться. Теперь я хочу учиться, только учиться наукамъ...

Зоя вздохнула и опустила голову.

— Какъ хорошо вы говорите!.. Вы—ораторъ... Я до сихъ поръ не могу опомниться отъ вашей рѣчи на нашемъ вечерѣ...

— Все это не важно... Я невыносимо страдаю, Зоя, отъ вашихъ холодныхъ словъ.

— Вы—ораторъ... умѣете дѣлать свои слова горячими, а я... погасли мои слова отъ... вѣтра... Пора! Идемъ! Третій звонокъ...

— Постоимъ еще! Ради Бога!

— Вы не вѣрите въ Бога...

— Ну, ради... прошлаго!..

— Не понимаю васъ, Геннадій. Что вы: искренно, или такъ... между прочимъ?

— Вы меня глубоко оскорбляете... Я заставлю васъ повѣрить мнѣ, хотя бы это стоило мнѣ...

Я не договорилъ и пошелъ прочь, покинувъ Зою. Я пошелъ въ буфетъ и, взявъ коньяку, присѣлъ къ столику и сталъ пить рюмку за рюмкой, чтобы на что-то рѣшиться, что-то сдѣлать... Теперь ясно: прошлое—невозвратно и ничѣмъ его не вернешь. Не любитъ и не можетъ любить... А я не могу. Я не хочу жить. Не хочу. Я хочу теперь только одного: заставить ее повѣрить моей честности, моей искренности и... въ награду получить ея слезы надъ моей могилой. Да, больше у меня нѣтъ выхода.

Въ буфетѣ было пусто. Буфетчикъ дремалъ за стойкой и не надоѣдали лакеи. Вдали Ленскій пѣлъ свою предсмертную арію и музыка вторила ему и наполняла скорбью мою душу.

„Благословенъ и дня при-хо-одъ, бла-а-гослове-е-нъ и...“

Да. Кончено! Завтра меня уже не будетъ. Мелькали мысли о старомъ домѣ, о старой матери, о Зоѣ, стоящей около свѣжей могилы и рыдающей напрасными слезами... Что̀ меня можетъ остановить? Никто и ничто... Только она, сама Зоя... Вотъ еслибы она пришла сюда и почувствовала, что̀ случится этой ночью, еслибы она сказала: я боюсь за тебя...

— Геннадій! Что̀ это!..

Я поднялъ голову и закричалъ:

— Зоя!

— Что съ вами, милый?.. Не надо пить. Отчего вы убѣжали отъ меня?..

— Развѣ вамъ не все равно?..

— Я могла бы не придти, Геннадій... Не пейте: я разсержусь.

— Ахъ, Зоя!.. мнѣ надо быть сегодня веселымъ, потому что я ухожу и...

— Если вы меня... любите, вы...

— Я?.. люблю ли я васъ!.. У меня только одна возможность доказать это.

— Будетъ говорить глупости... Идемъ!..

Я посмотрѣлъ въ глаза Зои и вдругъ почувствовалъ, что свѣтитъ въ нихъ ясный огонекъ чего-то былого, нѣжнаго, и зажигаетъ душу жаждой жить, жить, жить...

— Я хочу жить, Зоя!.. Я не хочу умирать.

— Ахъ, какой... нехорошій!.. Рано думать о смерти... намъ, такимъ молодымъ!

Мы подъ-руку вернулись въ зрительный залъ и, подъ ворчливое сѣтованіе публики, пробрались на свои мѣста. Игнатовичъ презрительно покосилась въ мою сторону и проворчала:

— Это называется любить музыку...

— Прекратите болтовню!—какъ шмель, прогудѣлъ сердитый басъ позади.

Мы сидѣли съ Зоей близко другъ къ другу, и я не боялся прикосновеній, а искалъ ихъ, потому что отъ нихъ лилось въ душу ласковое успокоеніе и надежда на возвратъ потеряннаго. Изрѣдка украдкой Зоя взглядывала на меня, и я ловилъ въ ея глазахъ прощеніе любящей души. И все прошло: жизнь казалась прекрасной, и чуднымъ казался бинокль Зои, перламутровый, съ ручкой... Ея бинокль, ея бинокль! Милый, родной бинокль! Какъ я люблю тебя, бинокль!..

Глядя на Зою, я поцѣловалъ бинокль, а она смущенно улыбнулась и потупилась.

— Глупо!—прошептала, наклонившись ко мнѣ, Игнатовичъ...

Конечно я провожалъ дамъ до дому, но не удалось больше поласкать свою душу тихимъ разговоромъ съ бѣлой дѣвушкой. Опять мѣшала Игнатовичъ: она влекла меня подъ-руку и забрасывала словами о разныхъ книгахъ, политическихъ вопросахъ и значительныхъ дѣлахъ. Я что-то отвѣчалъ, иногда невпопадъ, а Зоя хохотала и, слѣдуя позади, бросала въ насъ смятымъ въ комья рыхлымъ, мокрымъ снѣгомъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бросить серьезные разговоры и, выдернувъ захваченную Игнатовичъ руку, поиграть съ Зоей въ снѣжки и побѣгать за ней по бѣлымъ снѣжнымъ пустыннымъ улицамъ спящаго города!..

— Вотъ вамъ!

Звонко смѣялась Зоя, радуясь, что снѣгъ попалъ мнѣ за воротникъ, а Игнатовичъ сердилась:

— Вы, Зоя, намъ мѣшаете: мы говоримъ серьезно...

Когда мы распрощались и Зоя съ Игнатовичъ скрылись за дверью крыльца, я долго еще стоялъ около дома и не хотѣлъ уходить. Было такъ радостно и свѣтло на душѣ, какъ бывало когда-то давно, около дома № 15...

— Надо идти... Ничего не подѣлаешь...

Я глубоко вдохнулъ влажный, пахнущій снѣгомъ воздухъ, посмотрѣлъ въ звѣздное небо и, снявъ шапку, перекрестился:

— Благодарю Тебя, Господи!..

XXIV.

Памятная ночь!..

Возвращаясь позднею порою домой, я всегда заходилъ сперва въ проулокъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли въ квартирѣ опасности: горящая на окнѣ лампа подъ краснымъ абажуромъ, по условію съ Николаемъ Ивановичемъ, должна была предупреждать о неблагополучіи. И на этотъ разъ я скорѣй машинально, чѣмъ сознательно, зашелъ сперва въ переулокъ:

— Вотъ тебѣ разъ!

На окнѣ стояла лампа подъ краснымъ абажуромъ... Что жъ теперь дѣлать? Очевидно—обыскъ. Но у кого: у меня—или у Николая Ивановича? Во всякомъ случаѣ, идти въ квартиру преждевременно; это значило бы: „не спросясь броду, сунуться въ воду“. Каждая минута свободы теперь дорога: надо прятать концы въ воду. А концы—серьезные: у насъ наворовано изъ типографіи уже около полупуда шрифта. Дома у меня все въ порядкѣ, но необходимо подальше перепрятать шрифтъ и предупредить сотоварищей о грозящей опасности... Ну, а если все-таки арестуютъ? Эхъ, Зоя! не везетъ намъ съ тобой. Опять — разлука и, быть можетъ, долгая, долгая.

И вдругъ тревожная радость встряхнула мнѣ душу: можно и даже необходимо, неизбѣжно наше свиданіе сейчасъ же. Я не могу потерять свободу, пока не узнаю, не услышу изъ ея устъ, что наше счастье воскресло... Я хочу на прощанье услыхать на ухо: „милый, родной, люблю тебя“... А потомъ извольте: обыскивайте, берите, сажайте и т. д.

Я вышелъ изъ переулка и, перейдя на противоположную сторону улицы, дѣловой безпечной походкою направился мимо нашего дома. У воротъ — полицейскій: зловѣщій признакъ; подальше — три извозчика и ночной караульщикъ — тоже ничего хорошаго... Голоса, ведутъ кого-то... Усѣлись и ѣдутъ, обгоняя меня. Непріятное, чортъ возьми, ощущеніе: лучше поднять воротникъ. Отлично: проѣхали! Такъ и есть: на среднемъ извозчикѣ, рядкомъ съ жандармомъ, словно давнишніе знакомые, бѣдняга-Николай Ивановичъ; жандармъ слегка поддерживаетъ его за талію, словно кавалеръ—даму...

— Прощай, братъ!.. Всѣ тамъ будемъ!.. А домой я сейчасъ все-таки не пойду. Не дурака нашли: тамъ, конечно, засада, попадешь, какъ куръ во щи...

Въ общемъ скверно. Почему же радостно бѣгутъ ноги? Зоя,

Зоя, Зоя, сейчасъ я увижу тебя и безъ словъ пойму, вернулось ли „невозвратное“...

У нихъ еще огонекъ. Пройду дворомъ, спокойнѣе. Звонка нѣтъ. Тревожно стучу въ желѣзную скобу́ двери. Ну, наконецъ-то!..

— Кто тамъ?

— Свои! Кт... Игнатовичъ.

— Да онѣ никакъ полегли ужъ...

— Нѣтъ, у нихъ огонь.

— Сейчасъ скажу. Какъ про васъ сказать?..

— Студентъ, который провожалъ ихъ изъ театра.

— Ладно!..

Жду, весь насыщенный тревожнымъ волненіемъ отъ случившейся бѣды, значительности своего посѣщенія и неизбѣжной встрѣчи съ любимой дѣвушкой... Идутъ...

— Вы, Геннадій Николаевичъ?

— Да.

— Что случилось?

Пріоткрылась дверь, мелькнуло освѣщенное огнемъ свѣчи лицо Вѣры Игнатовичъ.

— У насъ „гости“! Николай Ивановичъ приказалъ кланяться, а я пока въ бѣгахъ. Необходимо поговорить. Нужна помощь.

— Идите!.. Переждите въ кухнѣ... Зоя приведетъ себя въ порядокъ...

Игнатовичъ ушла. Я нетерпѣливо ждалъ, когда меня позовутъ, и чувствовалъ неловкость отъ сердитаго ворчанія кухарки, которая скрипѣла изъ темнаго угла:

— Неужели самоваръ опять?.. Спокою нѣтъ отъ самоваровъ вашихъ...

— Спите, спите!.. Никакихъ самоваровъ не потребуется...

— Уснешь съ вами!..

— Геннадій, можно!..

Вхожу за Игнатовичъ въ комнату и прежде всего встрѣчаю глаза Зои, большіе, горящіе испугомъ глаза подъ накинутой на голову шалью. Она сидитъ на кровати, неподвижная, съ тревожнымъ вопросомъ во всей фигурѣ.

— Скверно, господа!.. Николай Ивановичъ взятъ, я — послѣдняя ночь на волѣ...

— Боже мой! — прошептала Зоя и, вскочивъ съ кровати, сѣла рядомъ со мной и прижалась, вздрагивая плечами и кутаясь въ шаль.

— Что же дѣлать, Геннадій?..

Игнатовичъ злобно посмотрѣла на Зою и огрызнулась:

— Сидите ужъ... Безъ васъ обойдется...

Зоя встала и вздрогнувшимъ голосомъ произнесла:

— Можетъ быть, я здѣсь—лишняя?.. Я могу уйти...

— Нѣтъ, Зоя! Мнѣ необходимо сказать вамъ...

— Можетъ быть, я—лишняя?—вызывающе спросила меня Игнатовичъ.

— Васъ, Игнатовичъ, я попросилъ бы на нѣсколько минутъ...

— Извините: эта комната принадлежитъ не одной Зоѣ, а намъ обѣимъ...

Зоя какъ-со сжалась, и наступила тяжелая минута общаго замѣшательства...

— Мнѣ надо, Зоя Сергѣевна, поговорить съ вами относительно... Надо сообщить моей матери и потомъ еще сдѣлать кое-какія распоряженія... въ родѣ духовнаго завѣщанія... Простите, Игнатовичъ, если я нарушилъ ваши права на комнату, но...

— Теперь ночь. Никуда я не пойду изъ своей квартиры...

— Я васъ и не прошу объ этомъ... Я прошу васъ, Зоя!.. Пойдемте и немного погуляемъ и поговоримъ. Потомъ я васъ провожу... Полчаса какіе-нибудь...

— Хорошо... Я—сейчасъ. Подождите меня у воротъ...

Я молча кивнулъ головой и тихо пошелъ вонъ. Когда я въ полутьмѣ искалъ въ кухнѣ калоши, въ тишинѣ ночи мнѣ почудился сдерживаемый плачъ. Что такое? Кто это плачетъ? Зоя?.. Нѣтъ, она что-то говоритъ. Неужели Игнатовичъ!.. О чемъ? Чѣмъ я ее такъ разобидѣлъ?.. Ахъ, да чортъ съ ней!..

Я прохаживался около воротъ и думалъ, что я скажу Зоѣ. Сказать надо много-много, а всѣ слова убѣжали. Осталось только одно: люблю и хочу услыхать только это же слово изъ твоихъ устъ. Не умѣю начать... Помоги, Господи! Идетъ она... Тревожно поскрипываетъ снѣжокъ подъ ея торопливыми шагами. Забилось сердце и трудно вздохнуть...

— Какъ тихо!—сказала Зоя, остановившись около меня, и потупилась...

— Мнѣ показалось, что у васъ кто-то плачетъ... Пойдемте!..

— Вы, Геннадій, жестокій человѣкъ... Неужели вы не видите, что Вѣра любитъ васъ?

— Я просто не могу и не... хочу, Зоя, этого видѣть. Я ее ненавижу.

— За что?

— Не знаю. Можетъ быть, за то, что она... плачетъ...

— Любитъ?

— У насъ такъ мало времени... Богъ съ ней!.. Я пришелъ только къ вамъ.

Я хотѣлъ перейти къ дѣлу, но говорилъ совсѣмъ не то, что хотѣлось. Я началъ давать ей совсѣмъ ненужныя порученія, которыя могъ исполнить любой мой товарищъ: написать и успокоить старуху мать; если меня арестуютъ—сходить къ матери Николая Ивановича и сказать ей, чтобы не безпокоилась за мои показанія при допросахъ, а комнату — сдавала, не дожидаясь моего освобожденія; просилъ Зою еще о чемъ-то... Она волновалась, переспрашивала, боялась что-нибудь не понять, или позабыть, или сдѣлать не такъ, какъ надо. Она дорожила каждымъ моимъ словомъ, каждымъ жестомъ, каждымъ взглядомъ. А голосокъ ея вздрагивалъ все сильнѣе и въ глазахъ была тоскливая растерянность... Мы шли все дальше, впередъ, сами не зная, куда... Вышли за городъ и очутились на дорогѣ, ведущей къ кладбищу. Тишина была вокругъ удивительная. Вчера весь день шелъ пушистый снѣгъ, и теперь хаосъ покрытыхъ чистымъ снѣгомъ домовыхъ крышъ весь городъ превратилъ въ сказочный, сдѣланный изъ снѣга, а всѣ деревья, на которыхъ осѣлъ и застылъ сырой туманъ—въ фантастическія искусственныя растенія изъ бѣлыхъ пышныхъ кружевъ...

— Послѣдняя ночь на свободѣ!..—прошепталъ я послѣ долгой паузы, когда ничего больше не могъ придумать для порученій Зоѣ.

Я почувствовалъ, какъ подъ моей рукой вздрогнула рука Зои, и спросилъ:

— Вамъ не будетъ меня... не доставать?..

— Но вѣдь это, Геннадій, неизбѣжно... Такіе люди должны страдать... Имъ надо любить свои страданія, иначе... Помните, какъ вы говорили тогда, на нашей вечеркѣ, въ своей рѣчи!.. Я вѣдь пока только хочу сдѣлаться *такой*, а... вотъ Вѣра... она вамъ ближе.

— Нѣтъ, Зоя, вы мнѣ самый близкій человѣкъ, потому что... я люблю васъ.

— Вы, Геннадій, никому еще... никому другому не говорили этого?

— Вы, Зоя, все еще не вѣрите мнѣ?..

Прошло нѣсколько минутъ, ужасныхъ для меня минутъ: я долженъ былъ сказать правду, мучился этой правдой и боялся ее сказать; мнѣ казалось, что она разобьетъ въ дребезги хрустальное сердце этой бѣлой дѣвушки, похожей на молодую березку въ снѣжныхъ кружевахъ. Такъ и не сказалъ я ей страшной

правды про черную женщину. И когда я поднялъ опущенную голову, Зоя отвернулась и стала отирать платкомъ слезы...

— Зоя Сергѣевна!..

— Не смотрите!.. Не надо... Вы—жестокій!.. Можете возненавидѣть меня за эти слезы, какъ случилось съ Вѣрой...

— Зоя, милая!.. о чемъ?..

— Да неужели вы не понимаете!.. Неужели вамъ надо еще говорить!..

Я схватилъ ея руки въ перчаткахъ и сталъ цѣловать.

— Въ перчаткахъ! Въ перчаткахъ!—смѣясь „сквозь слезы", закричала Зоя и стала вырывать руки, а когда вырвала, взяла меня подъ-руку, спрятала лицо въ муфту и прошептала:

— Какъ мнѣ жаль бѣдную Вѣру!.. Она тебя такъ любитъ... Ты—жестокій...

— Воскресло? Да?

— Да.

— Все?

— Все...

— Поцѣлуй!

— Ахъ, какой ты... Зачѣмъ это?.. Вѣдь знаешь ужъ...

Но я не соглашался, что это—лишнее, и боролся съ мохнатой муфтой, которая прятала отъ меня щеки и губы...

— Какой ты... нехорошій!..

— Любишь?..

— Не спрашивай же!

— Не забудешь, когда меня спрячутъ въ каменный мѣшокъ?

— Н... не знаю.

Замолчали. Идемъ дальше. Скользятъ ноги по накатанной дорогѣ. Гдѣ-то лаетъ одинокая собака. Надо бы назадъ, въ городъ, но тамъ—разлука и тоска. Уйти бы куда нибудь далеко-далеко, чтобы никого не видать и ничего не знать, и только любить эту кроткую, застѣнчивую дѣвушку...

— Куда же мы... Этакъ зайдемъ на край свѣта...

— Что ты говоришь, Зоя? На край свѣта!..

Вздрогнуло сердце... „На край свѣта"!.. Всплыло въ памяти что-то страшное, чего я боюсь и что скрываю. Старый, хмурый боръ, избушка, занавѣшанное краснымъ окно и зарницы молніи подъ грохотъ перекатывающагося по лѣсу грома. Кровь прилила къ лицу и захотѣлось броситься на колѣни, прямо въ снѣгъ и, цѣлуя ноги бѣлой дѣвушки, просить прощенія...

— Скажи... мнѣ правду... Геннадій!

— Что? Какую правду?!..

— Ты... не говорилъ Вѣрѣ, что любишь ее?

— Ахъ, ты опять о Вѣрѣ!.. Нѣтъ, не говорилъ...

— Ну, слава Богу!.. Что̀ это? Кладбище!.. Нѣтъ, нѣтъ... Пойдемъ назадъ...

— Ты испугалась?..

— Непріятно... Хочу жить... быть счастливой... Теперь ты... не разлюбишь?

— Вѣрь!

— Ты любишь всѣхъ людей и за всѣхъ хочешь страдать... Еслибы я научилась такъ же...

— Ты умѣешь!..

— Нѣтъ! Есть на свѣтѣ одинъ человѣкъ, котораго я...

Голубка! Опять покраснѣла и спрятала смущенное личико въ муфту... Мы шли къ городу медленно, нѣхотя, и оба становились грустнѣе по мѣрѣ приближенія къ дому. Словно подходили когда-то къ пристани, гдѣ Зоя должна была слѣзть съ парохода прошлой весною.

— Ты придешь ко мнѣ на свиданіе въ тюрьму?..

— Конечно, родной, приду!.. Но пустятъ ли меня?..

— Когда кончатся допросы, пустятъ. Но для этого надо назваться невѣстой... Ты на это согласишься?

— Да...

— И это не будетъ обманомъ... для удобствъ?

— Нѣтъ. Это будетъ... моей правдой!.. Я никого не боюсь... Теперь мнѣ все равно...

— А если меня ушлютъ куда-нибудь далеко, ты...

— Значитъ—и меня тоже!..

— Ты будешь моей женой?

— Да.

Сказала „да“ такъ просто и посмотрѣла съ печальной, довѣрчивой улыбкой прямо въ глаза.

— Ну... Прощай!.. Погоди, я сперва тебя... я хочу перекрестить тебя. Ты не вѣришь, а я все-таки хочу... Я вѣрю!..

Три раза она перекрестила меня, сказала: „иди, съ Господомъ!“ и, упавъ на грудь, расплакалась, какъ маленькая дѣвочка...

— Прощай!..

— Христосъ съ тобой!.. Будь здоровъ и... не грусти!..

Ушла. Господи, какое счастье любить тебя и быть тобою любимымъ!..

— Ну, а теперь за дѣло!..

И всю ночь до разсвѣта мы съ Касьяновымъ трудились надъ

сокрытіемъ въ безопасныя мѣста нашей нелегальной библіотеки и наворованнаго въ типографіи шрифта. А когда благополучно окончили эту тревожную работу, то расцѣловались и разошлись...

— Извольте, я готовъ... ищите, берите, сажайте!..

И я рѣшительно и спокойно зашагалъ къ дому...

XXV.

— Прощай, Зоя!

Уже свѣтало, когда я, въ сопровожденіи усатаго жандарма, ѣхалъ въ мѣсто своего продолжительнаго успокоенія. Грустнымъ взоромъ я окидывалъ знакомыя пустынныя еще улицы спящаго города и мысленно прощался съ особенно памятными мѣстами. Вонъ тамъ, въ переулкѣ, живетъ моя милая Зоя! Стоитъ только подняться въ гору, потомъ свернуть въ переулокъ и увидишь дорогое крылечко. Ахъ, какъ хотѣлось бы соскочить съ извозчика и побѣжать туда, войти, поцѣловать сонную дѣвушку (вѣдь она теперь спитъ уже!) и еще разъ сказать ей:

— Прощай! Надолго. Не забудь!

А вотъ и тотъ домикъ, гдѣ жила Зоя гимназисткой. Черезъ заборъ видны старыя березы, подъ которыми мы занимались съ ней алгеброй. Ахъ, какъ давно это было!.. Потянулась ограда общественнаго сада, гдѣ мы впервые встрѣтились... Весь городъ полонъ милыхъ, нѣжныхъ воспоминаній, связанныхъ съ... Невѣста!.. Она—моя невѣста! Зоя—моя невѣста!.. Странное слово. Я повторялъ его однѣми губами и вдругъ радостно засмѣялся...

Жандармъ покосился и сказалъ:

— Вамъ все смѣшно, господинъ Тархановъ.

— Смѣшно, ваше благородіе!—отвѣтилъ я и опять громко расхохотался.

— По сторонамъ нечего глядѣть!

— Я еще не въ тюрьмѣ, милый.

— Говорить нельзя!

— А думать я могу?

— Этого никому не закажешь...

— Вотъ то-то и есть, братецъ... Душу въ тюрьму не посадишь...

— Тпру!..

— Пріѣхали.

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ угрюмо высились тяжелыя стѣны и башни тюрьмы съ какими-то странными воротами въ

глубокой нишѣ. Загремѣлъ тяжелый засовъ и заскрипѣли желѣзныя ворота.

— Политическій!

Подъ мрачнымъ сводомъ воротъ кто-то ходилъ съ фонаремъ, звенѣлъ ключами. Переговаривались въ полголоса, а потомъ приблизился человѣкъ съ шашкой и револьверомъ на боку и строго приказалъ:

— Пожалуйте въ контору!.. За мной.

Долго держали въ конторѣ, что-то писали и о чемъ-то и съ кѣмъ-то говорили по телефону, а потомъ стали обыскивать, выворачивая карманы и обглаживая все тѣло цѣпкими, дрожащими руками:

— Вотъ патретъ при нихъ какой-то!..

— Прошу разрѣшить взять его съ собой въ камеру. Это— моя... невѣста.

— Нельзя.

Я долго спорилъ и горячился, но пришелъ злой смотритель и сказалъ:

— Никакихъ невѣстъ! Пожалуйте въ камеру... Уведите его въ № 2.

— Въ башню ихъ, ваше благородіе?

— Въ башню № 2.

Меня повели длинными корридорами, вдоль которыхъ прохаживались тюремные стражники съ звенящими ключами.

— Пожалуйте сюда!

Угловая дверь стукнула и растворилась, кто-то слегка подтолкнулъ меня въ спину, и дверь закрылась.

Такъ вотъ она, тюрьма, о которой я такъ часто думалъ!.. Башня, круглая, высокая, съ круглымъ окошечкомъ вверху. Кровать, столикъ, табуретъ, жестяная лампочка... Боже мой, какъ я усталъ и какъ мнѣ хочется спать!.. Словно я донесъ, наконецъ, какую-то тяжелую ношу и не было больше силъ держаться на ногахъ. Съ трудомъ сбросивъ шубу и калоши, я упалъ въ жесткую постель и заснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ, мертвымъ сномъ безъ сновидѣній... Когда я проснулся, то не сразу вспомнилъ, гдѣ я и что вчера случилось. Но вверху, подъ потолкомъ, мнѣ привѣтливо улыбнулось солнечное пятно рѣшетчатаго окошечка, и пробужденная память съ быстротой молніи воскресила весь вчерашній день и всю ночь, вплоть до тюремныхъ воротъ... Сколько пережито въ этотъ прошедшій день и прошлую уже ночь! Кажется, что за всю жизнь не было столько горя, тоски, радости, волненій и мукъ совѣсти, столько огромнаго счастья.

Цѣлая вѣчность осталась тамъ, за этими каменными стѣнами круглой башни. Я лежалъ и, вспоминая этотъ день и ночь, вновь переживалъ прожитое и снова терзался муками, былъ въ театрѣ на „Евгеніи Онѣгинѣ“, сидѣлъ въ буфетѣ и доживалъ послѣдніе часы своей жизни, потомъ былъ спасенъ Зоей, одной ея таинственной фразой: „я никогда не призналась бы потомъ Онѣгину, что все еще люблю его“... Кажется, она сказала такъ?!.. А потомъ—проводы до дому, снѣжки, ласковый голосокъ и ласковый взглядъ, умные разговоры о чемъ-то съ Игнатовичъ... Странная особа: обижается, что я люблю не ее, а Зою... Потомъ зловѣщій красный абажуръ на квартирѣ и спина Николая Ивановича, любовно обхваченная рукой жандарма... Потомъ тревожный ночной визитъ къ Зоѣ и послѣдняя прогулка на волѣ въ тихую ночь и... счастье, счастье, счастье!.. Если подумаешь, что въ это утро я могъ бы уже лежать холоднымъ трупомъ на столѣ анатомическаго театра, охватываетъ какая-то бѣшеная радость... Не жить, не знать, не любить... такъ жестоко обмануться!.. Зоя, Зоя!.. О, прекрасное, любимое имя! Вѣдь въ немъ—жизнь, по-гречески „Зоя“ значитъ—„жизнь“!.. Это ты вернула меня къ жизни, это ты отняла меня у смерти!

— Благодарю тебя, какъ Бога, который послалъ мнѣ свѣтлаго посланника, чтобы удержать мою руку отъ послѣдняго непоправимаго движенія!..

Весело играетъ на стѣнѣ солнечный зайчикъ. Должно быть, теперь хорошо на улицахъ: солнечно, радостно, людно. Счастливые воробьи: они такъ весело и оживленно разговариваютъ гдѣ-то вверху, подъ самымъ окномъ... Посмотрѣть бы въ окошечко, да высоко, не достанешь...

Загремѣлъ засовъ двери, брякнули ключи. Ко мнѣ! Кто тамъ идетъ?..

— Кипяточку!

Стражникъ съ добродушнымъ лицомъ принесъ и поставилъ на столикъ жестяной чайникъ съ кипяткомъ и оглядѣлъ камеру.

— Чай-сахаръ имѣете?

— Имѣю, все припасъ... А вотъ бумаги и чернилъ!.. Надо письма написать.

— Не сразу. Вотъ пойдетъ надзиратель съ вечернимъ обходомъ—и заявите...

— Сколько времени?

— Одиннадцатый.

— А хорошо сегодня на улицѣ?

— Очень пріятно.

— Погоди-ка!..

Ушелъ. Опять бряцаніе ключами, лязгъ желѣза и полная тишина...

Ну-съ, надо приспособляться къ новой жизни... Пожалуйте, женихъ, чай пить изъ жестяного чайника; о самоварчикѣ пока не мечтайте!.. Заварилъ чаю, походилъ, подробнѣе ознакомился съ новымъ жилищемъ. Еслибы не круглая, сводчатая комната да не такъ высоко окошко, въ общемъ не такъ ужъ дурно... Другой бѣднякъ-студентъ сказалъ бы: „дай Богъ всякому!“... Готовая квартира, отопленіе, освѣщеніе и еще три рубля шесть гривенъ въ мѣсяцъ жалованья... Ничего! Проживемъ! Терпи козакъ—атаманомъ будешь... Это „многихъ славныхъ путь“... Я перебиралъ въ памяти любимыхъ писателей, и оказывалось, что всѣ они сидѣли въ тюрьмахъ, а нѣкоторые побывали даже и на каторгѣ... Сталъ разсматривать стѣны. Есть тайныя помѣтки, фамиліи, изреченія, даты водворенія въ башнѣ. „Арестованъ 15-го мая 188... г. С. Т.“ „Ахъ, подруженьки, какъ скучно“... „Ивановъ—предатель“...

„Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ душу вольную отдай, человѣческимъ стремленіямъ въ ней проснуться не мѣшай“... „а, б, в, г, д—е, ж, з, и, к—л, м, н, о, п“... Азбука для перестукиванья. Это—вещь полезная. Однако, чай готовъ. Пожалуйте кушать! Усѣлся и съ удовольствіемъ сталъ пить горячій напитокъ, такъ тѣсно связывающій меня съ вольными жителями. Пилъ, а самъ думалъ о томъ, что дѣлаетъ теперь Зоя и какъ она тоскуетъ обо мнѣ... Почему такъ пріятно знать, что по тебѣ тоскуетъ на волѣ прекрасная дѣвушка? Не знаю. Но отъ этой мысли на лицѣ бродитъ пріятная улыбка и хочется смѣяться. Пріятно также думать, что сегодня мой арестъ служитъ главнымъ предметомъ разговоровъ среди студентовъ и товарищей, среди курсистокъ и профессоровъ. Это связываетъ меня безчисленными нитями съ волей, съ городомъ, съ людьми и съ солнцемъ, которое играетъ на стѣнѣ зайчикомъ.

— Слышали: Геннадій Тархановъ сегодня ночью арестованъ!

— Ну!

— Вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

— За что?

— Неизвѣстно. Говорятъ, нашли много нелегальщины...

— Типографія взята...

— Врёшь! Никакой типографіи, а складъ нелегальной литературы...

Воображаю эти тревожные разговоры, тревожныя лица, тревожные слухи...

А за что я, дѣйствительно, взятъ? Вѣдь ничего предосудительнаго у меня въ комнатѣ не нашли. Чортъ ихъ знаетъ! Загадочно. Впрочемъ, на первыхъ же допросахъ все это должно выясниться. Подождемъ, надъ нами не каплетъ. Жаль вотъ, нѣтъ французской булки. Палаша всегда приносила еще тепленькую. Палаша!.. Славная баба: заплакала, когда меня увозили, и спрашиваетъ у жандарма:

— Куда вы его, идолы, увозите? Что онъ вамъ помѣшалъ?..

— Молчи, а то протоколъ составлю...

— Составляй!.. Больно я испугалась... Мало вамъ одного, обоихъ забрали!..

А славная старуха—мать у Николая Ивановича: какъ она гордо говорила съ жандармами. Ни одной слезинки!

— Я вамъ ничего не скажу: если угодно, можете и меня въ тюрьму...

Молодецъ старушка!.. Хорошо! Много на свѣтѣ честныхъ, стойкихъ людей.

— Ну-ка еще стаканчикъ, господинъ политическій арестантъ!

— Гм... Политическій арестантъ. Я—политическій арестантъ. Неужели? Да, это несомнѣнно. Зоинъ женихъ — политическій арестантъ...

Но-о-очь, успѣли мы всѣмъ нас-ла-диться...
Что-жъ на-амъ дѣлать, не хо-о-чется спа-а-ать...

Стукъ въ желѣзный засовъ двери, потомъ появленіе стражника.

— Пѣть здѣсь не полагается. Здѣсь—тюрьма, а не дома!

— Тюрьма? Я и забылъ, братецъ...

— Вотъ вамъ обѣдъ.

— Уже обѣдъ? А я еще чай не кончилъ...

— Не мое дѣло. Намъ нельзя съ политическими разговаривать.

— Нельзя? Почему?

— Такъ. Приказъ такой.

— А ты—женатый?

— Я-то? Женатый... У меня трое дѣтей... Въ деревнѣ...

— Скучаешь, поди?

— Конечно! Самъ слободенъ, а все одно что политическій... Нельзя намъ...

— Погоди-ка!..

Махнулъ рукой и ушелъ, не оборачиваясь. Вотъ чудакъ! Ну-ка, что у васъ за обѣдъ? Поди, не хуже кухмистерской Волкова... Гм!.. Что такое и какъ оно называется?.. Что-то въ родѣ щей: плаваютъ кусочки капусты, пахнетъ кисленько, цвѣтъ—янтарный. Попробовалъ. Гм... Нѣтъ, у Волкова все-таки добросовѣстнѣе. Хлѣбъ ничего себѣ, корочка даже не безъ пикантности. Надо ѣсть: другого не дадутъ. Главное—набить чѣмъ-нибудь проклятое брюхо, а тамъ наплевать... Эхъ, да тутъ еще каша гречневая!.. Ну, унывать нечего. У другихъ и этого нѣтъ... однимъ чаемъ пробиваются... Удивительно: всѣ щи съѣлъ и всю кашу! А все-таки неудовольствіе на пищу выразить слѣдуетъ, а потомъ устроиться на собственное иждивеніе: за восемь рублей можно получать и здѣсь приличный моему званію обѣдъ. А теперь поваляемся и помечтаемъ о Зоѣ, о моей милой невѣстѣ. Эхъ, голубка, какъ бы я хотѣлъ очутиться теперь съ тобой на волжскомъ пароходѣ!.. Помнишь? Синяя ночь, міріады звѣздъ, соловьиныя пѣсни въ горахъ, красные и зеленые огоньки, эхо свистковъ протяжныхъ, иногда грустныхъ такихъ... Сѣли бы мы съ тобой гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ на балконѣ и, прижавшись другъ къ другу, стали бы смотрѣть то на звѣзды, то въ глаза другъ другу. Вѣтерокъ бы игралъ прядью твоихъ золотыхъ волосъ и щекоталъ бы мнѣ щеку...

— Пожалуйте на прогулку!..

— Куда?

— На прогулку...

— Съ нашимъ удовольствіемъ!.. Да здѣсь совершенно правильный образъ жизни. Сколько можно гулять?

— Четверть часа.

— Ну, это маловато, ваше благородіе!..

— Не зовите такъ.

— А что же? Изъ уваженія къ вашей дѣятельности.

— Услышитъ надзиратель, на меня обидится...

— На тебя-то за что?..

— Подумаетъ, я такъ приказываю...

— Обидчивый онъ, должно быть.

Ахъ, какой дивный денекъ!.. Солнечный, ликующій... Еще конецъ января, а въ этомъ днѣ уже бродятъ какія-то предчувствія приближающейся весны. Солнышко-то какъ припекаетъ!..

Я всталъ у каменной стѣны, гдѣ доставало солнце и, зажмуривъ глаза, сталъ вслушиваться въ голоса жизни за оградой нашего мрачнаго замка.

— А вы, господинъ, гуляйте!..

— А вамъ какое дѣло, хожу я или стою!

— Нечего у стѣны проклаждаться!.. Ходите, а то пожалуйте обратно...

— Странно...

Я пошелъ гулять по расчищенной около стѣнъ дорожкѣ, а стражъ подошелъ къ стѣнѣ и старательно осмотрѣлъ то мѣсто, гдѣ я стоялъ.

— Что, не проковырялъ я стѣны пальцемъ?

— Разговаривать нельзя. Ходите и больше безъ всякихъ выраженій!..

Походилъ я „безъ всякихъ выраженій“ по дворику, попилъ грудью пахнущаго снѣгомъ бодрящаго воздуха, посмотрѣлъ на небеса, по которымъ куда-то проплывали вольныя тучки, и, пославъ привѣтъ въ ту сторону, гдѣ жила Зоя, пошелъ домой, въ свою мрачную башню... И когда я туда вернулся, я впервые почувствовалъ неволю... Раздразнилъ меня яркій солнечный день, разбередилъ тоску по свободѣ и по моей, и близкой и далекой, невѣстѣ... Опять и близко и далеко ты, мой чистый бѣлый голубь!..

Тускло прошелъ остатокъ дня. Ушло отъ окна солнышко, повисли въ камерѣ сумерки и сводчатый потолокъ башни почернѣлъ. Нечего было дѣлать и плохо думалось. Я то валялся въ кровати, то начиналъ, какъ бѣлка въ колесѣ, кружиться по круглой комнатѣ. То останавливался и, прислушиваясь, ждалъ чего-то, то садился на табуретъ и бурчалъ потихоньку:

Наша жизнь ко-рот-ка, все уно-о-ситъ съ собо-ю...
Наша ра-а-дость, друзь-я-а, пронесется стрѣло-ю...

А въ тишинѣ, объявшей тюрьму въ сумеркахъ, было слышно, какъ по корридору шагалъ, побрякивая шашкой, тюремный стражъ. Какъ неожиданному другу, обрадовался я желтому огоньку жестяной лампочки. Казалось, что кто-то родной тайно пришелъ раздѣлить мое тоскливое одиночество. Потомъ—опять кипяточекъ, чай и, наконецъ, повѣрка.

— Нельзя ли книгъ, бумаги, чернилъ?..

— Преждевременно. Хлопочите у жандармскаго полковника: вы пока подъ слѣдствіемъ...

Опять тишина, глухіе шаги въ корридорахъ, побрякиваніе оружіемъ и ключами...

Ахъ, какъ долга ночь въ одинокой тюрьмѣ!.. Все кажется, что кто-то стонетъ и потихоньку плачетъ... Не спится: мысли

бродятъ на волѣ и летаютъ около любимыхъ людей и любимыхъ мѣстъ. Чуть задремлешь и снова очнешься; прислушаешься, вздрогнешь отъ лязга оружія за дверями:

— Смѣна!..

Ахъ, какъ долга ночь въ одинокой башнѣ!..

Евгеній Чириковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАХАРЬ

(Изъ Б. Гринченка.)

Я родился на свѣтъ бѣднякомъ
И умру—лягу въ гробѣ простомъ,
И лишь горе да дряхлыя руки
Съ этимъ сердцемъ, истлѣвшимъ отъ муки,
Я сложу подъ дубовымъ крестомъ.

Не большое я поле вспахалъ,
Но за плугомъ своимъ не дремалъ.
Не шутилъ я работой моею
И тѣхъ силъ, что имѣлъ и имѣю,
Не жалѣлъ—всѣ труду отдавалъ.

И валуны я съ поля возилъ,
И густые бурьяны косилъ...
Камни плугъ, что ни шагъ, задѣвали...
Я жъ упорно распахивалъ далѣ
И сошникъ мой острилъ да острилъ.

Въ непогоду и въ вёдро—я тамъ:
Непріятно бездѣлье рукамъ!
Дождь сѣчетъ мнѣ согбенную спину:
Я сермягу въ заплатахъ накину,
А ужъ роздыха тѣлу не дамъ.

Сколько поту я пролилъ! А силъ
Сколько въ ниву родную вложилъ!
Но за нею труды не пропали:
Мы богатыя жатвы снимали
Съ полосы, что мой плугъ бороздилъ.

Урожаи знавалъ я не разъ...
Но теперь наступаетъ мой часъ:
Для меня ужъ послѣднее лѣто
Золотыми хлѣбами одѣто...
Скоро, нивы, уйду я отъ васъ!

Я посѣялъ, а дѣти пожнутъ...
Всѣ предѣлъ неизбѣжный найдутъ,—
Вотъ и я, поразмыкавши силу,
Собираюсь на отдыхъ въ могилу...
Дѣти жъ пусть урожай соберутъ!

Какъ сойдется родная семья—
Мои дочки, мои сыновья
Станутъ шумно за столъ мой садиться,
Мною нажитымъ хлѣбомъ дѣлиться—
И въ могилѣ помянутъ меня.

И за то, что я выростилъ ихъ,
Не жалѣя усилій своихъ,
Въ дѣтяхъ память моя не исчезнетъ,
Въ дѣтяхъ трудъ мой надолго воскреснетъ,
Будетъ жить мое дѣло средь нихъ!..

Да, рожденъ я, чтобъ бѣднымъ прожить
И такимъ же убогимъ почить,
Но не стыдно мнѣ дряхлыя руки
Съ этимъ сердцемъ, истлѣвшимъ отъ муки,
Въ бѣлый гробъ на покой положить.

А. Колтоновскій.

НА ЧОМСКОМЪ БЕРЕГУ

ОЧЕРКЪ

Посвящается памяти А. П. Ф—на.

Онъ шелъ на меня, высокій и грузный, какъ будто каменный, безъ шапки, съ длинной сѣдой бородой. На немъ была черная блуза и мягкія желтыя туфли.

Онъ шелъ и смотрѣлъ впередъ широко открытымъ, немигающимъ взглядомъ. Я отступилъ къ скамьѣ, и онъ прошелъ мимо. Его огромныя руки сжимали маленькій бѣлый листокъ.

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и присѣлъ на скамью. И вдругъ онъ остановился и повернулъ назадъ и сталъ подходить ко мнѣ такъ же тихо и грузно, какъ статуя Командора, одѣтая въ черное.

Мнѣ даже жутко стало. Глаза у него были огромные, золотисто-желтые, словно у стараго орла, и будто подернутые изнутри какой-то прозрачной пленкой, какъ у засыпающей птицы.

— Сосѣдъ!—окликнулъ онъ меня тихимъ, безстрастнымъ и тоже словно каменнымъ голосомъ.

Я издалъ неопредѣленный звукъ.

— Вы мой сосѣдъ? — повторилъ онъ съ тѣнью вопроса въ словахъ.

— Должно быть, я,—отозвался я невполнѣ увѣренно.

— Прочтите мнѣ это письмо,—сказалъ онъ, показывая листокъ.—Наши ушли...

— Я слѣпой,—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Я всталъ съ мѣста.

— Ко мнѣ пойдемъ,—гудѣлъ старикъ своимъ глубокимъ голосомъ. Онъ шелъ впередъ неторопливо, но такъ увѣренно, какъ будто видѣлъ каждый изгибъ дорожки и камень перехода. Даже обычной палки слѣпого у него не было въ рукахъ.

Мы вышли изъ парка и перешли дорогу, потомъ прошли сквозь узкую аллею, обсаженную пальмами, и поднялись на террассу большого бѣлаго дома.

Террасса была до половины заткана розами разныхъ породъ. Повсюду виднѣлись бутоны и вѣнчики, большіе и пышные, цвѣта стыдливой зари, и мелкіе, красные, какъ кровь, и нѣжныя, палево-желтыя чайныя розы, и ярко-пурпурныя, съ какимъ-то страннымъ запахомъ, а внизу расцвѣталъ на отдѣльномъ кустѣ таинственный, странный цвѣтокъ: роза, надѣвшая трауръ, съ бархатной черной полоской на темно-пунцовыхъ лепесткахъ. И передъ розами тѣснились туйи, круглыя, густыя, какъ будто свитыя изъ плотныхъ, слоистыхъ, вѣчно-зеленыхъ кружевъ.

Налѣво отъ входа стояло огромное дерево, какія выростаютъ нечасто даже на этой благодатной почвѣ. Оно было въ четыре обхвата толщиной и вершина его шумѣла высоко надъ кровлею дома. На половинѣ ствола, сажени на три отъ земли, чернѣла дыра, устье глубокаго дупла. Передъ дырою вѣчно кружили мелкія желтыя пчелы. Въ дуплѣ издавна гнѣздился рой дикихъ пчелъ, и никто его не трогалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ это мѣсто было отвоевано у лѣса.

Мы прошли по террассѣ и вошли въ кабинетъ. Окна его выходили въ прохладную тѣнь и шторы наполовину были спущены отъ жары.

Старикъ сѣлъ у стола и кивнулъ мнѣ головою, указывая на кресло.

— Читайте письмо!—сказалъ онъ еще разъ. И въ его каменномъ голосѣ звучало нетерпѣніе.—Наши не скоро придутъ...

Я взялъ письмо. Оно было написано на листкѣ тонкой и плохой почтовой бумаги. И на конвертѣ былъ штемпель далекій, сибирскій. Половина письма была написана крупнымъ, разгонистымъ мужскимъ почеркомъ, и половина—бисернымъ женскимъ.

— Читайте!—торопилъ старикъ.

„Милый папа, прежде чѣмъ поселиться въ нашемъ новенькомъ домикѣ, мы рѣшили прокатиться по рѣкѣ Гагарѣ. Гагара—рѣка быстрая и страшно холодная. Даже надъ водою паръ поднимается. Днемъ у насъ солнце грѣетъ, но къ вечеру лужи затягиваются льдомъ, а теперь только августъ. Зимою бываютъ

холодные вѣтры. Въ домикѣ нашемъ будетъ тепло. Будемъ сидѣть взаперти и вспоминать о тепломъ Кавказѣ.

„Спасибо, папаша, за деньги. Когда вернемся послѣднимъ пароходомъ, уже начнется осень и холодъ“...

Письмо тянулось изъ строки въ строку уныло и однообразно, и въ каждой строкѣ звучала та же простая наивная жилка: холодъ. И подпись стояла внизу: „Павелъ Мусаленко“.

— Сынъ мой пишетъ,—сказалъ старикъ.—Изъ города Митуганска.

Онъ взялъ письмо изъ моихъ рукъ, подержалъ и вдругъ прижалъ къ глазамъ.

Не знаю, была ли это ласка, или, быть можетъ, онъ хотѣлъ въ жесткихъ складкахъ бумаги почувствовать строки и увидѣть слова своими слѣпыми очами.

— Сынъ мой Павелъ и жена его Настя,—сказалъ онъ отрывисто.—Пишите отвѣтъ...

Онъ всталъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ тяжелыми, неторопливыми шагами. И въ твердомъ звукѣ каждаго шага было что-то незрячее.

— Пишите!—бросилъ онъ еще разъ, какъ приказаніе.

„Дѣти мои, свѣты мои! Зачѣмъ вы благодарите насъ? Пока у меня и у мамы есть послѣдній рубль, онъ—для васъ. Мы ходимъ по землѣ, и дышемъ, и думаемъ только о васъ. И когда солнце насъ грѣетъ, намъ холодно за васъ. И темно намъ, оттого что васъ нѣту. И спать не можемъ ночью, оттого что домъ нашъ пустъ. Ласточки наши молодыя улетѣли на востокъ и вьютъ на чужой сторонѣ холодныя гнѣзда. А мы остались одни, какъ старые сычи. Дѣти мои, свѣты мои, родные мои, золотые лучи мои, ясные глазки мои...“

Короткія страстныя фразы слетали съ устъ старика, одна за другой, тяжело и внезапно, какъ капли свинца, но лицо его оставалось спокойно, какъ каменная маска, и перо мое скрипѣло, и было мнѣ, какъ будто межъ нимъ и мною протянута стеклянная стѣна и слова его глухо звенятъ, ударяясь объ нее снаружи...

— Папочка, ты здѣсь?—раздался голосъ за дверью, совсѣмъ молодой, дѣвическій, но вмѣсто дѣвицы въ комнату вкатилась старушка, маленькая, бойкая, сѣдая и круглая, какъ старая пуговка, съ румянымъ личикомъ и быстрыми движеніями, должнобыть непосѣда и хлопотунья страшная.

— Ты, мама?...

Она взглянула въ лицо старика своими острыми глазками.

— Что, письмо?... Уже читалъ... Теперь я тебѣ почитаю...

Она схватила со стола письмо и отвѣтъ наполовину написанный.

— Сидите, сидите! — тотчасъ же прибавила она, видя, что я поднимаюсь съ мѣста.—Чаю напейтесь съ нами. Я буду папочку чаемъ поить. Съ вареньемъ. Я персиковъ сварила.

— Скучно намъ,—прибавила она просто.—Старые мы...

Послѣ того я часто заходилъ къ сосѣду. Террасса его дома смотрѣла прямо на море. Оно шумѣло передъ нами, зеленое и свѣжее, въ мелкихъ брызгахъ проворныхъ, кокетливыхъ волнъ, какъ будто въ жемчугахъ; и солнце, спускаясь къ водѣ, росло и пламенѣло, и тихо садилось въ воздушныя тонкія тучи, и таяло и гасло, и потомъ посылало еще на прощанье изъ-за черты горизонта послѣдній лучъ, дрожащій и лиловый.

Я не могъ оторваться отъ этого южнаго блеска и тающихъ красокъ, горячихъ и зыбкихъ, какъ пламя. И старикъ тоже обращалъ лицо къ закату и закрывалъ глаза и долго сидѣлъ, принимая солнечный блескъ не взоромъ, а старыми щеками и устами.

Потомъ, когда догорали послѣднія искры зари и вмѣсто нихъ межъ розовыхъ кустовъ вспыхивали бѣглые уколы свѣтящихся жуковъ, и ночные сверчки заводили въ травѣ дремотную острую пѣсню, онъ опускалъ голову внизъ и принимался разсказывать.

Старая быстрая мама приносила зажженную лампу и садилась на краешекъ стула, но тотчасъ же вскакивала и снова приносила соленья, и печенья, и варенья, бѣлый самоваръ, тарелки, стаканы, и принималась хлопотать, а старикъ отодвигалъ въ сторону горячій чай и тихо говорилъ:

— Одинъ у меня Павелъ, на старости рожденный... Четыре года я его не видѣлъ. Прислали портретъ, я только руками ощупалъ.

На чайномъ столѣ рядомъ съ подносомъ лежалъ увеличенный снимокъ. Павелъ и Настя. Павелъ—высокій, курчавый и смуглый. А Настя—какъ дикая утка. Въ дымчатомъ платьѣ, какъ въ дымчатыхъ перьяхъ, волосы взбиты пепельнымъ пухомъ и смотритъ куда-то въ сторону вверхъ, какъ будто вотъ ударитъ крыльями и крикнетъ и взлетитъ.

— Все она, — говорилъ старикъ, какъ будто слѣдилъ за

моими глазами и хотѣлъ продолжать мой зрительный образъ словами.—Откуда онѣ берутся такія, какъ будто живая зараза? Поповская дочка, рядомъ съ Пашей росли... Сама попадья разозлится и крикнетъ: „Оборотень ты, азіатка! Въ люлькѣ тебя подмѣнили".

— Мой Паша былъ тихій, копается въ грядкахъ. Мы его звали: ботаникъ. А это — чертенокъ. „Поѣдемъ, говоритъ, въ Турцію въ лодкѣ". Насилу поймали. Еще хорошо, что на морѣ было тихо. Такъ попадья разсердилась, взяла хворостину. А Настя—другую хворостину. Бѣгаютъ, фехтуютъ, какъ солдаты. Кричитъ: „Мама, не троньте, Ей Богу, домъ сожгу". Поневолѣ мама отступилась.

— А послѣ утихла, въ церковь зачастила. Каждую вечерню, всѣ люди уйдутъ, а она стоитъ, молится. И вдругъ пропала дѣвчонка. Искали, искали: нѣту. А Паша ходитъ и плачетъ.— „Паша, гдѣ Настя?" — „Да она говорить не велѣла".—„Гдѣ Настюшка, разбойникъ?" — „Въ пещеру, говоритъ, ушла". — „Въ какую пещеру?" — „Да она говоритъ: — я буду святая Ѳеоктиста". А вправду по берегу въ скалахъ есть пещеры, прежде татары скотъ загоняли. Теперь пустыя стоятъ. Пришли къ пещерамъ, видимъ: устроилась въ углу. Куча листьевъ вмѣсто постели, и камень въ головахъ. А надъ постелью — распятіе изъ дерева. Вырѣзалъ Паша, онъ былъ мастеръ на всякую работу. И передъ распятіемъ—свѣжія розы. „Настя, пойдемъ домой!" — „Нѣтъ, я буду спасаться" Взяли ее въ охапку, а она — царапаться, какъ кошка. Брыкается ногами. „Ахъ, говорю, Настенька, развѣ святая Ѳеоктиста брыкалась, какъ лошадь?"

Старикъ немного помолчалъ—и вдругъ усмѣхнулся, и лицо его освѣтилось, даже въ мертвыхъ глазахъ вспыхнулъ дрожащій лучъ. Дикая утка, святая Ѳеоктиста съ когтями, какъ у кошки, была, должно быть, солнцемъ и душой этой рабочей семьи въ зеленомъ захолустьѣ на тепломъ морскомъ берегу.

— Потомъ опять утихомирилась,—разсказывалъ старикъ.— Кончила школу. У насъ городская хорошая школа. А Паша училище кончилъ, въ Крыму; вернулся, не шутка, ученымъ садоводомъ.

— Мы такъ ихъ считали, что женихъ и невѣста. Жить есть чѣмъ. Я смолоду былъ здоровый, какъ буйволъ. Весь участокъ расчистилъ своими руками. Развелъ виноградникъ. Домъ построилъ по собственному плану...

— Я человѣкъ безпокойный, — продолжалъ старикъ.—Хоть не очень ученый, а не Павлу чета. Смолоду ѣздилъ по свѣту.

Шея не гнулась. Люди все попадались злые, и сердце не терпѣло. Мѣсто получишь, а черезъ недѣлю и выпрутъ.

— Доѣхалъ сюда. Здѣсь, въ Чомѣ было дико и мало народу. Лѣсъ кругомъ. Деревья обхватныя. Ліаны, колючки, безъ топора шагу не ступишь. Медвѣди приходили по ночамъ на самый огородъ. Мяса захочешь—иди на охоту. Не то коня осѣдлай и отправляйся верстъ за полсотни въ абхазскій аулъ, барана купи и зарѣжь и привези въ торокахъ.

— Потомъ стали прибавляться поселенцы. Я строилъ дома, участки людямъ расчищалъ, посѣялъ табаку. Жили...

— Думали: вѣкъ проживемъ и дѣти схоронятъ. Готовили свадьбу. Глаза у меня плохи стали. Докторъ сказалъ: „Ничего, только избѣгайте потрясеній и голову берегите отъ ударовъ“. А я засмѣялся. Говорю: „На мой вѣкъ хватитъ. Лишь бы внучонка на руки взять,—если ослѣпну, будутъ новые глазки“.

Старикъ помолчалъ и глухо прибавилъ:

— Родился внучекъ, когда шли по этапу. Дали телеграмму съ дороги. А я тоже телеграмму: „Мѣрку пришлите съ ручки и съ ножки“. А внучекъ ужъ умеръ. Прислали мѣрочку съ мертваго. Вотъ я покажу... Мама!...

И старуха соскочила и принесла изъ кабинета шкатулку и открыла и достала пакетъ. Старикъ развернулъ и вынулъ полоску бумаги, вырѣзанную въ видѣ крошечной дѣтской ручонки.

— Единственная память,—сказалъ онъ со странной улыбкой.—Портрета не вижу, а это хоть чувствую въ пальцахъ...

— Мы собирались женить ихъ весною, а вдругъ началась эта война. Настя опять загорѣлась, бѣгаетъ, корпію щиплетъ. Ругается съ Пашей. А Паша себѣ огрызается, хоть тихій. Поднимутъ содомъ: „Ты, говоритъ, должно быть, не русскій. Тебѣ не жалко Россію. Брошу тебя на вѣки, уйду на войну“.

— А потомъ замолчала, притихла, ходитъ, какъ черная хмара, молчитъ, какъ сова. А мы заговорили... Дошли отголоски до насъ, хоть поздніе. Всѣхъ захватило.

— Я, вотъ, повѣрите, старый. Какое мое дѣло? А какъ пришелъ манифестъ, тоже пошелъ за флагомъ съ людьми.—Люди ходятъ за дѣломъ, а старая собака сзади, — прибавилъ онъ съ жесткой улыбкой.

— Богъ знаетъ, что со мной сталось. Идутъ, поютъ... Боюсь, что сердце въ груди разорвется. Зашелъ въ знакомый домъ передохнуть. Старушка была, здоровались мы на улицѣ: „здравствуйте“, „прощайте“, а больше ни слова. Такая маленькая, щуплая, въ чемъ душа держится. Какъ понесло меня вѣтромъ!..

Схватилъ ее своими лапами, прижалъ, какъ медвѣдь, реву: „Марья Александровна, сорокъ лѣтъ ждали, дождались“...

Онъ замолчалъ и поникъ головой и повторилъ тихо и задумчиво:—Да, дождались...

— Потомъ началось у насъ, Богъ знаетъ что. Съ черной стороны погромъ, а съ красной стороны дружина. Повѣрите: было „бюро для устройства погромовъ“, съ открытой вывѣской. А дружина сидѣла въ кофейнѣ, тоже открыто. Ружья составлены въ козлы. Дрались въ раздробь ежедневно. Городской голова ѣздилъ къ губернатору жаловаться на ротмистра, такъ губернаторъ за голову схватился: „Я ничего не знаю. Вы бьете, васъ бьютъ. Сами разбирайтесь!“

— Поставили конторку на базарѣ, завѣсили краснымъ сукномъ, стали рѣчи говорить. Ужъ они стригли да стригли, ужъ они брили да брили. Я тоже попробовалъ разъ. Говорю: „Ребята, полегче!“ Затюкали меня.

— На третій день Рождества началась перестрѣлка. Мы спали, не знали. Рано утромъ стукъ въ двери. Открыли, врывается Настя. Безъ платка и лица на ней нѣтъ. Тащитъ ружье, старинный турецкій мултукъ, на сошкахъ, и дуло съ раструбомъ. У насъ же въ амбарѣ валялось.

— На!—говоритъ—на!..

Суетъ Павлу въ руки это орудіе.

— Зачѣмъ это?—говорю.

— Бьется народъ... Идите... За мной!..

Кричитъ, какъ не въ своемъ умѣ.

— Зачѣмъ идти?..

А она посмотрѣла на меня зоркимъ окомъ и говоритъ:—„Какъ же, папаша, да вѣдь вы сами говорили... Теперь надо не слово, а дѣло“.

Досада меня взяла. Я, молъ, говорилъ, да не то...

— Этому ружью,—объясняю,—сто лѣтъ отъ роду. И его разворотитъ отъ пороху, голову Пашѣ снесетъ. А она не слушаетъ, тащитъ Павла за рукавъ.

— Павелъ, иди, если ты мужчина... Хотъ разъ въ жизни...

— Пойдемъ всѣ,—говорю.

Пошли на площадь. Господи, что тамъ было! Двѣ партіи, черная и красная. Стражники, таможенные, пожарная команда—и эти, какъ ихъ назвать, мятежники. И надо сказать: тѣ и другіе наши добрые знакомые. Здѣшніе обыватели, мѣщане. На одной сторонѣ Созыкинъ, капитанъ, изъ таможенной стражи, и Гогинъ брандмейстеръ. А на другой сторонѣ провизоръ Мартыновъ и

старшій агрономъ Эббертъ. И будто нарочно, прошлую зиму всѣ четверо играли вмѣстѣ въ винтъ съ прикупкою; случалось, и въ моемъ домѣ. Теперь собрались воевать. Обѣ стороны стрѣляютъ и боятся. Прячутся въ лавки и въ дворы. Лошадь убитая лежитъ и раненый осликъ оретъ благимъ матомъ. А пули такъ и прилетаютъ невѣдомо откуда. Залпъ, залпъ, и въ отвѣтъ тоже залпъ. Пришлось намъ запрятаться во дворъ. Тутъ я потерялъ своихъ дѣтей, потомъ чувствую: дурно мнѣ, голова кружится. Поневолѣ пошелъ домой.

А Павелъ вернулся подъ утро. Я ему говорю: „Гдѣ ходилъ? До добра не доходишь“. А онъ: „Молчите, папаша. Наша, должно быть, возьметъ. Всѣ люди на улицахъ. Какъ я одинъ стану дома сидѣть?“ Три дня эта штука тянулась. Прибавилось мятежниковъ, какъ сору. Пришли поселяне изъ новыхъ поселковъ, русскіе и нѣмцы, собрались армяне и турки съ табачныхъ плантацій, сошлась имеретва. Синіе штаны — въ халявахъ узкіе, а сзади мотня, хоть овесъ насыпай. Головы башлыками завязаны. Кишатъ, какъ муравьи. Сверкаютъ глазами, орутъ по-своему.

А наши городскіе стали на хитрости пускаться. Пушка лежала на площади съ турецкой войны. Встащили ее на гору, ядеръ старинныхъ набрали по всѣмъ дворамъ, а то изъ лавокъ натаскали мелкихъ гирь, давай палить по казармамъ. Бомбардиромъ у нихъ безногій солдатъ съ японской войны, мохнатый такой и кличка у него подходящая по шерсти: Бурьянъ. Пробовали даже порохъ выдѣлывать, да вышелъ худой. Вспыхнетъ и только зашипитъ, а гиря изъ дула выкатится и тутъ же упадетъ.

Гогинъ брандмейстеръ сталъ окопы копать; вышли простыя канавы. Команда засѣла въ канавахъ. Время было ненастное, набралась въ канавахъ вода, перемарались, какъ черти. Вылѣзутъ и побѣгутъ сушиться. Вытопятъ печку, да послѣ и влѣзутъ, еще и заслонкой закроютъ и вылѣзать не хотятъ. Извѣстно, пожарная команда, привычная къ огню. Бабы съ ними; крикъ, визгъ, на весь городъ слышно. Бились, бились, никого не убили. Только нищій старикъ по площади шелъ, попали ему пулею въ ногу.

Потомъ заказали пожарные: „У насъ не хватаетъ ѣды; давайте мириться“. А городская милиція тоже заказала: „Если хотите мириться, повѣсьте бѣлый флагъ“.

Они и подняли на палку платокъ. О, радость началась. За руки взялись. Пляшутъ по улицамъ:—наша взяла!..

Вывели плѣнныхъ. А тѣ говорятъ: „Мы ѣсть хотимъ“.— „Ладно, ладно,—кричатъ,—давайте мириться, какъ слѣдуетъ...“

Повели всю команду въ большую харчевню на базарѣ, устроили обѣдъ на триста человѣкъ, зажарили барановъ, вина прикатили. Сталъ пиръ горой до самаго вечера.

Гогина брандмейстера вывели вмѣстѣ съ другими, а Созыкина нѣту.

„Гдѣ капитанъ?“

А Гогинъ заругался по матери:—„Такіе-сякіе, мы вамъ покажемъ, гдѣ капитанъ“.

Разсердилась милиція. Заперли Гогина въ гостинницѣ въ номеръ и сторожа поставили къ двери. Пошли къ Созыкину на домъ, здорово выпивши; сдѣлали обыскъ. Его не нашли, а супругу забрали, на сносяхъ, тоже посадили въ той же гостинницѣ, рядомъ. И сторожъ одинъ. Да Эббертъ пришелъ, отпустилъ обоихъ и сторожа вытолкалъ въ шею...

Темная ночь. У насъ въ Чомѣ всего три фонаря на набережной, да и тѣ въ суматохѣ перебились. Я на верандѣ стоялъ, гляжу на городъ внизъ — бѣгаютъ въ темнотѣ люди съ фонарями, какъ словно свѣтляки летаютъ, а небо черное, какъ сажа. Стелется берегъ, какъ траурный шарфъ. Тихо полощется море. Только въ Орлянахъ, верстъ за тридцать, на берегу, мигаетъ маякъ, такой красный, подслѣповатый.

Вдругъ вижу, будто маякъ содвинулся съ берега вправо.

„Эге, думаю, опять мои глаза шалятъ“... Нѣтъ, маякъ раздвоился на двѣ звѣзды. Одна горитъ на берегу, другая пляшетъ на волнахъ. Ближе подвигается. Знаю: идетъ пароходъ, да такъ быстро, необычайно — на глазахъ выростаетъ огонь. Потомъ за мысъ зашелъ, потерялся, а въ городѣ никто и не думаетъ. Пируютъ, цѣлуются пьяные.

Вдругъ изъ-за пристани Русскаго Общества встала словно стѣна голубого прозрачнаго свѣта и разрѣзала на-двое городъ, какъ ножъ.

Узнали тогда: прожекторъ, военное судно. Созыкинъ ушелъ черезъ горы пѣшкомъ и далъ знать, кому слѣдуетъ.

Что тутъ такое началось, не приведи Богъ. Кто крѣпче выпили, кричатъ: „Поѣдемъ навстрѣчу. Они люди благородные, не тронутъ насъ“.—А бо́льшая часть одинъ по одному стали расползаться, какъ тараканы,—кто въ ближнія села, кто въ дальнія горы, иные съ ружьями, другіе ружья бросали на площади.

Гогинъ брандмейстеръ пришелъ и сталъ пожарныхъ скликать, а тѣ и лыка не вяжутъ. Выпили на радостяхъ, благо вино даровое. Я вижу, потѣха окончилась. Разыскалъ Пашу. Онъ

стоялъ, какъ баранъ, на площади подъ самымъ фонаремъ и не зналъ, что̀ дѣлать.

— Ну, говорю, сынокъ, плохія дѣла. Вотъ что, говорю. На тебѣ деньги, какія есть. Поѣзжай-ка ты лучше на хуторъ.—А у меня былъ участокъ въ Красномъ Ущельѣ, верстъ за пятьдесятъ.—На хуторѣ переночуешь. Только не живи тамъ, достанутъ и оттуда. Ступай черезъ горы пѣшкомъ, мимо Амхуна, Каштановой тропою. Можно выйти на трактъ, ты вѣдь знаешь проходы. Оттуда на желѣзную дорогу. А мы ужъ будемъ разбирать, какъ и что̀. Круто сварили кулешъ, каково-то расхлебывать придется...

А Павелъ говоритъ:—„Я прежде схожу, товарищамъ скажу“.—Какіе, говорю, товарищи? Они теперь врозь поползли, не хуже сверчковъ.—

— „Нѣтъ, говоритъ, я пойду. А приду черезъ часъ“.

— Ладно, говорю, только домой не ходи. Пройди къ Малой Горкѣ подъ Паркомъ. Дома не чисто. Еще работники докажутъ. Я тоже выйду, вынесу тебѣ, что надо.

Павелъ убѣжалъ, а я вернулся домой, сталъ собирать нужныя вещи. Сумка дорожная съ ремнемъ, которую Паша носилъ по горамъ на охоту, а кинжалъ у Павла на поясѣ. Запасные чулки, перчатки, шолковый шарфъ. Не замѣтилъ, какъ время прошло. Надо идти на указанное мѣсто. Наклалъ вещи въ куль, несу. А Павелъ ужъ тамъ. А съ нимъ и товарищъ, тоненькій хлопчикъ, въ ботфортахъ и шапкѣ мохнатой съ ушами.

— А ты, говорю, товарища привелъ.—И вдругъ припомнилъ:—А Настя гдѣ, съ Настей простился?—А до того, ей Богу, за хлопотами и страхами совсѣмъ забылъ и про Настю. Сказано:—„свиньѣ не до поросятъ, когда свинью палятъ“.

—„А Настя, говоритъ, здѣсь“.—Гдѣ же?—говорю.

—„Да вотъ“, говоритъ, и показываетъ на хлопчика.

Я и моргнуть не успѣлъ, слышу: обнимаютъ меня за шею двѣ мягкія руки. „Здравствуйте, говоритъ, папочка... Что, не признали? Здравствуйте и прощайте“.

Обнялъ и я ее.—Что̀, говорю, дочка? Видно, не взяла ваша? Куда же ты собралась? Не женское это дѣло. Еще опознаютъ тебя подъ мужскою одеждой...

—„Куда, говоритъ, иголка, туда и нитка. И кто меня опознаетъ, когда вы не опознали? Мальчикъ, какъ мальчикъ. Мальчикомъ, видно, мнѣ бы и надо родиться“.

— Куда же, говорю, поѣдете вы?—А Настя говоритъ: „Поѣдемъ на сѣверъ, въ столицу. Можетъ, тамъ люди иные, по-

крѣпче, чѣмъ мы".—Ахъ, говорю, это не дѣло. Поѣзжайте лучше за границу. Сгубите головы свои и счастья не познаете.—А Павелъ говоритъ: „Нѣтъ, папаша, по-моему не такъ. Въ дракѣ волосъ не жалѣютъ. Что мы будемъ дѣлать въ той заграницѣ?.. Языка мы не знаемъ. Пойдемъ, куда намъ судьба"...

Слушаю его и дивлюсь. Голосъ сталъ тверже, иной. Рѣзко такъ говоритъ. Каждое слово чеканитъ. Видно, желѣзо куется въ огнѣ, а люди въ бѣдѣ. Самъ я не зналъ, какой у меня есть сынъ Павелъ. А онъ повернулся ко мнѣ, говоритъ: „Мы напишемъ, папаша".

Тутъ я ударилъ шапку о землю, завылъ въ темнотѣ:—Дѣти мои, на кого вы меня покинули?!—

Простились мы. Дѣти надѣли мѣшки, нахлобучили шапки, взялись подъ-руку, пошли. Темно. Шагъ, два ступили, словно растаяли. А я и кликать боюсь—чего бы не накликать.

Взялъ свой куль, положилъ на плечо, легкій такой, пустой, будто паутина. Пошелъ домой, шатаюсь, какъ пьяный.

Пришелъ, забрался въ кабинетъ, легъ и накрылся съ головой. Пусто, темно. Ночь кругомъ и, кажется, дня не будетъ и солнце не засвѣтитъ.

А на завтра солнце засвѣтило и вмѣстѣ съ солнцемъ явились гости незванные, уже не пожарная команда, другая, настоящая. При ней незнакомый начальникъ, а съ нимъ и Созыкинъ. Злой такой, даже трясется. Глядитъ, а не здоровается, будто вовѣкъ не были знакомы.

—„Гдѣ, говоритъ, твой сынъ?"—Сердце меня забрало. На *ты* разговариваетъ со мной. А давно ли за моимъ столомъ хлѣбъ-соль ѣлъ и водку пилъ.—Гдѣ былъ, тамъ нѣту.—„Мы найдемъ!"—говоритъ.

Кричитъ, какъ будто не въ себѣ: „Найдемъ, повѣсимъ!"

— Грѣхъ вамъ, говорю, Павелъ Степановичъ, — у васъ тоже есть дѣтки.

А онъ цыркнулъ:—„Вы моихъ дѣтокъ и мою жену напугали до смерти".

Стали искать, весь домъ перевернули вверхъ дномъ. Матрасы хотѣли пороть.—Зачѣмъ? говорю. Развѣ человѣкъ, какъ иголка?—Созыкинъ не слушаетъ, будто глухой, а другой незнакомый начальникъ сказалъ коротко: „Оставить!"—А потомъ говоритъ: „На основаніи такой-то статьи вы арестованы".

Повели меня съ солдатами, привели на пожарный дворъ, а тамъ куча такихъ же несчастливцевъ. И всѣ на подборъ—хоть Ѳедотъ, да не тотъ. Потому настоящіе удрали. Остались люди

второго разбора, какъ сбоку-припека. Два купца и купчиха, тоже на сносяхъ, будто на грѣхъ, Деминъ городской голова, докторъ Васильевъ, грузинскій священникъ Накладзе и другихъ безъ счета. Мнѣ докторъ потомъ говорилъ: „Я думалъ: сойдетъ, или по крайности какъ-нибудь стерпимъ“.

Привели и меня, поставили въ рядъ. А Созыкинъ опять пристаетъ съ разспросами: „Гдѣ сынъ, говори! Если его не повѣсимъ, тебя разстрѣляемъ“. Вдругъ загорѣлось мое сердце. Разорвалъ я рубаху на груди:—На, стрѣляй! Я не боюсь...

Вотъ вижу: свѣтъ кругомъ потемнѣлъ, и гдѣ-то снаружи, но близко: тукъ, тукъ, тукъ!—словно камушки падаютъ. Я пошатнулся, чуть не упалъ. Спросилъ у сосѣда:—Что это со мной?—„А васъ, говоритъ, прикладами били. Лучше молчите. Всѣхъ насъ изобьютъ вмѣстѣ съ вами“.

Повели насъ подъ арестъ. Набили, словно сельдей, въ одну камеру. У меня голова тяжела, какъ котелъ. На ногахъ не стою. Приткнулся на нарахъ въ углу, заснулъ, какъ умеръ. Спалъ, спалъ, пробудился. Еще ночь, темно кругомъ. Пить мнѣ захотѣлось, сдвинулся съ наръ, пошелъ потихоньку къ ушату. Голова тяжелѣе, чѣмъ прежде. Вдругъ натолкнулся на чье-то лицо. Страшно мнѣ стало. — Кто это?—спрашиваю и шарахнулся въ сторону и опять натолкнулся на кого-то.

Слышу, хватаютъ меня за плечи и сажаютъ обратно на нары.—„Это мы,—говорятъ.—Докторъ Васильевъ и нотаріусъ Сизой и другіе. Зачѣмъ вамъ бросаться на вашихъ друзей среди бѣлаго дня?“ А я какъ крикну:—Темно, не вижу дня!—Вырвалъ руки, вскочилъ и все щупаю, щупаю кругомъ.

А докторъ, должно быть, совсѣмъ потерялся. Слышу: толкаетъ меня въ плечо.—„Вѣдь я вамъ говорилъ: голову берегите отъ ударовъ“. А потомъ опомнился: „Успокойтесь,—говоритъ.—Это временное, это пройдетъ“. А я сижу и бѣлый свѣтъ для меня — какъ черный колодезь. Думаю: „Вотъ она, правда. Будетъ вѣчная ночь и солнца не будетъ“.

Два дня меня продержали въ темницѣ, а потомъ заступились сосѣди. Батюшка, дай Богъ ему здоровья, не тотъ грузинскій, а русскій. Добрый такой, Настинъ двоюродный дядя,—съѣздилъ къ начальнику, сказалъ: „Старый Мусаленко ни въ чемъ не повиненъ. Мы его знаемъ“. Начальникъ только спросилъ: „Берете ли его на поруки?“ Батюшка отвѣтилъ: „Беремъ на поруки цѣлымъ приходомъ“.

Отпустили меня обратно къ старухѣ. Пришелъ, какъ неживой, съ посохомъ. И стражникъ подъ-руку велъ. Солнца не

вижу и бѣлаго дома, который построилъ своими руками, не вижу... И Пашиной пальмы, которую посадилъ на его крестинахъ подъ окнами дѣтской, не вижу...

Сталъ жить. Выйду на крылечко, сяду, лицомъ къ морю повернусь, слышу, какъ волны шумятъ, а предъ глазами—какъ черная сѣтка. Что-то мелькнетъ и исчезнетъ, какъ тѣнь. Сижу слѣпой, ненужный. Всего меня лишили. Дѣти Богъ знаетъ гдѣ, солнце не свѣтитъ. Надо жить, надо работать. Убили насъ, да все не до смерти. Ѣсть надо, смотрѣть за хозяйствомъ...

На другой день пришла телеграмма: „Живы, здоровы". Черезъ недѣлю письмо, такое же короткое: „Пріѣхали въ Москву, людей повидали, а дальше напишемъ". Послѣ того ждалъ, ждалъ, какъ будто оборвало. Думалъ: пропадаютъ письма. Посовѣтовался съ батюшкой и сдѣлалъ отчаянный шагъ, сходилъ прямо къ ротмистру.—Такъ и такъ, говорю, я—старый, слѣпой, очень безпокоюсь за сына. Писемъ нѣтъ. Если къ вамъ попадаютъ, Богъ съ вами, но только скажите, живые они или нѣтъ.—И ротмистръ тоже отвѣчаетъ: „Богъ съ вами. Я не приказывалъ. На что мнѣ ваши письма?" И еще утѣшилъ: „Дастъ Богъ, Дума соберется. Все образуется. Вернутся ваши дѣти".

Ждалъ я, и Дума собралась, да ничего не дождался. Не пишутъ, словно утонули, или отказались отъ стараго отца. Потомъ и Думу распустили, и ждать нечего стало. Вдругъ приходитъ бумага изъ Москвы: „Вызывается такой-то по дѣлу Павла Мусаленко и жены его Настасьи, и иныхъ".

Наконецъ отыскались.

Было ужъ дѣло подъ осень; снарядился, поѣхалъ. Мама тоже хотѣла поѣхать, да на кого было хозяйство оставить? Осень, уборка. Съ плачемъ осталась на мѣстѣ.

Было ѣхать далеко. Поѣхалъ одинъ. Трудно ѣхать слѣпому по желѣзной дорогѣ. Въ Курскѣ сталъ подниматься въ вагонъ, ногой не попалъ на ступеньку, упалъ, брякнулся прямо затылкомъ объ камни. Какъ голова цѣла осталась?.. Все-таки доѣхалъ.

Дали свиданіе возлѣ конторы съ обоими сразу.

— Я слѣпой,—говорю.—Глазами не вижу. Дайте мнѣ ихъ пощупать руками.—Не дали. „Нельзя,—говорятъ,—по закону. У насъ черезъ рѣшетку". Всталъ передъ рѣшеткой, слышу голоса изъ темноты, какъ будто изъ гроба. „Папаша, папаша!..."

Даже разобрать не могу, съ какой стороны Павелъ и съ какой стороны Настя. Стою, не знаю, что сказать.—Дѣти,—говорю,—дѣти, зачѣмъ вы мнѣ не писали?!—Въ темныхъ глазахъ красныя искры. Сердце колотится, вотъ разорвется.

Слышу плачъ и знаю: Павелъ плачетъ. „Теперь, говоритъ, повидались“.—Ахъ, нѣтъ,—говорю.—Не вижу я васъ. Отемнѣли глаза мои.—Что у насъ было... Плачемъ, рѣшетки трясемъ, какъ дикіе звѣри. Смотритель говоритъ: „Успокойтесь, иначе я долженъ буду прекратить свиданіе“...

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорю,—мы будемъ тихіе... Дѣти,—говорю,—разскажите хоть словами, какіе вы теперь.—„Да такіе же, какъ прежде,—говорятъ.—Мы оба здоровые... Женились мы,—говорятъ,—папаша, благословите насъ“.

А я говорю:—Богъ съ вами, дѣти мои. Благословляю васъ. Я вамъ принесъ булокъ, сахару, чаю, пейте на здоровье.—

Совсѣмъ съ ума сошли. Говоримъ, что попало, а только не то, что слѣдуетъ.

Смотритель напомнилъ: „Довольно. Проститесь. Пора“. А я говорю:—Боже мой, у васъ тоже, должно быть, дѣти есть. Пожалѣйте слѣпого отца, скажите, какіе они оба!—Смотритель повторяетъ одно: „Успокойтесь! Оба молодые, красивые, рядомъ стоятъ, держатся за руки“.

Слышу: уводятъ ихъ.

И было мнѣ, какъ будто давно, подъ Малою Горкой, въ ночной темнотѣ, когда тоже вотъ этакъ взялись за руки и ушли, и я ихъ не видѣлъ.

Черезъ мѣсяцъ ихъ судили, мягко присудили: въ Сибирь на поселеніе. Еще адвокаты меня поздравляли. А я сижу какъ истуканъ. Слышу: „Прощайте, папаша“. Уходятъ они тоже, должно быть, какъ и прежде, рядомъ уходятъ объ руку въ темную даль.

Я сижу и молчу, и кажется мнѣ, будто не ихъ, а меня приговорили: не къ поселенію, къ смерти. Ихъ увезутъ отъ меня. Больше не увижу и даже не услышу. Все равно, смерть.

Всталъ, вышелъ, шубу надѣлъ, пошелъ по лѣстницѣ, посохъ оставилъ, вышелъ на улицу, иду, забылъ объ дорогѣ. Вдругъ толкнуло меня въ плечо чѣмъ-то твердымъ, свалило на землю. Слышу храпъ, и копыта топочутъ у самаго уха. Лошади, видно.

Подняли меня.

„Что съ вами? Вы ушиблись?“—Нѣтъ, говорю, не ушибся.—

— „Гдѣ вы живете?“—Я живу далеко, далеко.—

— „Откуда же вы шли?“ — Отъ сына, — говорю. — Сынъ мой поѣдетъ далеко, далеко...—

Такъ мои дѣти ушли за Уралъ, а я вернулся, живу. Хозяйство веду, хоть слѣпой. А мама помогаетъ. Надо дѣтямъ деньги посылать. Вотъ хуторъ продалъ, домъ заложилъ. Все для нихъ, намъ ничего не надо.

Слава Богу, живутъ хорошо. Успокоилась Настя. Недавно писала: „Папа, должно быть, мы всѣ угорѣли и я угорѣла... Теперь отошла голова. Буду жить для семьи, для мужа. Все заплачу́, согрѣю, утѣшу“.

Думали мы со старухой все продать и уѣхать. Боимся подняться. Чѣмъ жить будемъ на этой Гагарѣ? Холодъ, чужая земля. Четверо насъ, еще, Богъ дастъ, будетъ и пятый. Живемъ поневолѣ. Старуха суетится. Я тоже работаю, какъ слѣпая лошадь на татарской мельницѣ. Ходитъ кругомъ, пока сила есть. Потомъ упадетъ и издохнетъ.

Три года минуло; еще я живой. Сколько я пороговъ обходилъ за эти три года. Просилъ, кланялся, хоть знаю, что безъ толку.

Научили меня крѣпко: кланяться людямъ, что кланяться камню, не слышатъ и не отвѣчаютъ. А все же неймется. Мѣсяцъ пройдетъ, терпѣнія нѣту, пишу новую просьбу. Собственной рукой пишу. Велѣлъ сдѣлать изъ мѣди транспарантъ, накладываю сверху вожу между линейками, выписываю три слова: „Пожалѣйте слѣпого отца, пожалѣйте слѣпого отца“. Криво, должно быть, выходитъ, разбѣгаются буквы. Падаютъ черныя капли: то мои слезы, черныя, нѣмыя, какъ моя черная тоска.

Я смолоду былъ гордый. А если за сына теперь, ѣлъ бы грязь, ползалъ бы, какъ стерва, по самой землѣ. Пусть меня топчутъ и бьютъ каблуками, лишь бы ему было легче.

Губернаторъ проѣдетъ; хожу, кланяюсь въ поясъ. Кричатъ на меня, гоняютъ, а я не унимаюсь. Каждую весну и осень жду передъ праздникомъ: — А, можетъ, помилуютъ... Кто скажетъ?.. Быть можетъ, Господь умягчитъ ихъ сердца...

Вотъ недавно пріѣхалъ сановникъ, положимъ, въ отставкѣ. Три дня я ходилъ къ нему, пока допустили.

„Пожалѣйте слѣпого отца. Единственный сынъ въ Сибири“. А онъ послушалъ, послушалъ, и говоритъ: „Такъ ему и надо“.

Хотѣлъ я еще говорить. Слышу: сердце мое какъ будто зацѣпилось за что-то. Стоитъ, не колотится. Вотъ упаду и умру... Ушелъ я отъ него. Господь ему судья. Ежели бы онъ зналъ, какъ мнѣ тяжко и нудно!.. Домой приду, кручусь взадъ и впередъ, будто что потерялъ. Вездѣ суюсь, тыкаюсь, словно сука слѣпая, у которой щенятъ унесли. Звѣриная душа у меня, черная любовь. Хочется выть по собачьи, старой головой колотиться объ стѣну.

А потомъ вздумаю о себѣ самомъ, зубами заскриплю. Мы старые люди, мы подлые люди. Какіе изъ насъ звѣри? Сука

щенятъ на виду не отдастъ, бросится, укуситъ. А я отдалъ своими руками, даже зубовъ не оскалилъ.—

Старикъ поникъ головою и долго молчалъ. Когда онъ поднялъ ее, лицо его было мрачно.

— Я знаю, скоро умру—сказалъ онъ глухо.—Ничего я не дождусь. Даже сны перестали сниться. Значитъ, ослѣпла душа. Темно въ умѣ, словно тотъ старый маякъ на Чомской горѣ съ разбитыми стеклами. Сердце за что-то задѣваетъ, какъ старые часы. Разъ—и сорвется пружина. Умру и не услышу, какъ Паша смѣется. И ежели птенчикъ родится, мнѣ не придется его взять на руки.

Умру я и зароютъ меня въ землю. Лежи на покоѣ! А потомъ подумаешь и зло возьметъ. Не стану я лежать. Не надо покоя. Бываетъ: бунтую и плачу. Бываетъ, на утреннихъ зоряхъ, когда солнце ярко грѣетъ и чую на своихъ щекахъ теплый и розовый свѣтъ, я молюсь тогда моему Богу: „Хотя я умру, не дай мнѣ сгнить послѣ смерти. Дай выйти изъ ямы, какъ черви выходятъ, ворономъ старымъ обернуться. У ворона зоркія очи и сильныя крылья. Я полетѣлъ бы въ Сибирь, на самую рѣку Гагару, спустился бы къ тому новому сосновому дому, глянулъ бы сквозь щелку, увидѣлъ бы своего Пашку, каркнулъ бы ему на прощанье: „Пашка, прощай!“ Потомъ бы расправилъ крылья по вѣтру. Неси меня дальше, куда и воронъ костей не уноситъ!..

Старикъ замолчалъ, истощенный этимъ внезапнымъ и страстнымъ порывомъ. Лицо его какъ будто одряхлѣло, слѣпые глаза ввалились и волосы повисли. Ему было теперь на видъ, какъ будто бы, восемьдесятъ лѣтъ. Я посмотрѣлъ и подумалъ: „Чувствуетъ, должно быть, правду. Скоро помретъ. Сорвется пружина“.

Въ эту ночь я долго не могъ заснуть. Я вспоминалъ эти слѣпые глаза и ослѣпленную душу, которой ничего не снится. И мнѣ самому было жутко погрузиться въ черный пухъ лѣниваго отдыха. Потомъ вдругъ я куда-то провалился, и когда снова пришелъ въ себя, солнце свѣтило за окномъ и птица стеклорѣзъ выводила какъ будто пилою: „Вз, вз, вз“. Прислуга внесла самоваръ и тотчасъ же сказала:

— Знаете, сегодня сосѣдъ у насъ умеръ.

— Какой сосѣдъ?

— Да этотъ слѣпой старикъ Мусаленко. Ночью умеръ.

Я выпилъ чашку чаю и быстро направился къ бѣлому дому. Тамъ были двери открыты, входили и выходили чужіе, незнакомые люди.

Мама показалась на минуту. Личико ея опухло отъ слезъ и

она шла медленнымъ шагомъ, какъ будто хромая. Я окликнулъ ее и она посмотрѣла отчаяннымъ взглядомъ, потомъ махнула рукой и скрылась куда-то на кухню...

Мусаленко лежалъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ. Его глаза были закрыты, вѣки придавлены двумя большими пятаками, сѣдая борода была расправлена вѣеромъ на груди. Но лицо его даже изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ глядѣло напряженно и грозно. Онъ умеръ легко, и это замѣтили утромъ. Но въ этой мирной смерти онъ все-же какъ будто не имѣлъ покоя. „Не надо покоя“ — припомнилось мнѣ.

Гробъ и столъ были засыпаны розами, а окна были открыты. За окномъ прыгалъ воронъ, большой, и старый, и мрачный. И мнѣ на минуту почудилось, что его черныя щеки и носъ похожи на покойника.

Мы схоронили Мусаленко на слѣдующій день въ полдень. Пришли старые знакомые, нотаріусъ Сизой и докторъ Васильевъ, и даже агрономъ Эббертъ, который уцѣлѣлъ отъ разгрома, какъ будто чудомъ. И еще Гогинъ брандмейстеръ, старый пріятель и врагъ. Гробъ понесли на рукахъ. Сзади шли рабочіе съ хутора и другіе изъ города. Какіе-то молодые люди, въ черныхъ блузахъ съ поясами, имеретины въ короткихъ курткахъ, армяне въ архалукахъ. Всего набралось до сотни человѣкъ.

Были вѣнки изъ пальмовыхъ листьевъ, изъ розъ и изъ лилій, благо въ городѣ Чомѣ зимою и лѣтомъ много цвѣтовъ и дѣвать ихъ некуда. Отпѣвалъ добрый батюшка, — тотъ самый, заступникъ,—и привелъ съ собою хоръ пѣвчихъ.

Могилу вырыли на горкѣ, съ видомъ на море; спустили гробъ и завалили глиной. Холмикъ покрыли цвѣтами. Потомъ поставили крестъ. На крестѣ добрый батюшка велѣлъ вырѣзать надпись:

Сергѣй Павловичъ Мусаленко, 63 лѣтъ,
Несчастный и слѣпой.
Онъ прозрѣлъ 15 Іюля 1909 года.

Быть можетъ, и вправду прозрѣлъ. Но только не знаю, съумѣлъ ли увидѣть прозрѣвшій Мусаленко своего милаго сына Пашу на быстрой Гагарѣ?.. „Пашка, прощай!..“

Танъ.

„Кресты“, декабрь, 1910 г.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ОБЪ ИВАНѢ ГРОЗНОМЪ

Василій Блаженный.

Въ ясномъ снѣ, въ красѣ нетлѣнной,
Въ заревомъ дыму кадилъ,
Приходилъ къ царю блаженный,
Тихій Вася приходилъ.

Снявъ съ себя вериги ржавы,
Онъ ихъ клалъ царю на грудь,
Наставлялъ его на правый,
На Христовъ смиренный путь.

Хладомъ жгли вериги тѣло,
Грудь давили тяжело,
Сердце лютый стыдъ терпѣло
За содѣянное зло.

Снились: висѣлицы, плахи,
Убіенные и кровь.
Просыпался царь и въ страхѣ
Ждалъ зари и хмурилъ бровь.

Было такъ три ночи къ ряду;
На четвертую гусляръ
Звонко пѣлъ царю про Ладу,
Про Щелкана и татаръ,

Про заклятые курганы,
Про сибирскіе лѣса...
И росли, раздольемъ пьяны,
Струнъ согласныхъ голоса.

Утро савана печальнѣй
Замутило ночи слѣдъ,
Пожелтѣлъ въ опочивальнѣ
Свѣтъ лампады, робкій свѣтъ.

Не спалось царю нимало.
Вотъ онъ, тихъ, привставъ съ одра,
Головой кивнувъ устало,
Отсылаетъ гусляра.

Грозно-скорбное видѣнье
Отогналъ гусе́льный звонъ;
Улеглось въ душѣ смятенье
И смежаетъ очи сонъ.

Но глядитъ: у аналоя—
Вася мѣсяца свѣтлѣй,
Осіянье золотое
Вкругъ густыхъ его кудрей:

Молвитъ Вася: „Плачь, Иване,
Затворись, блюди посты!
Русь подобна гнойной ранѣ.
Кайся—въ семъ повиненъ ты“.

На земь павъ, въ слезахъ и дрожи,
Молитъ царь—крѣпка мольба:—
„—Грѣшенъ азъ; помилуй, Боже,
Недостойнаго раба!“

Александръ Рославлевъ.

КИРА БАРСЮКОВА

ПОВѢСТЬ

V *).

— Мы не должны всѣ вмѣстѣ входить, — сказала Ольга Андреевна барышнямъ, когда, по ея соображеніямъ, онѣ уже приблизились къ цѣли, мастерской Матюшиной. — А то догадаются. Я съ Настей, нѣсколькими минутами позже—Кира.

Онѣ ѣхали втроемъ. Тыжевская въ послѣднюю минуту отказалась; зачванилась, убоялась себя скомпрометировать, рѣшила Настя. Экштейнъ довольно неопредѣленно сказалъ, что пріѣдетъ позднѣе.

Долго одѣвались, утомились, чуть было не согласились дома остаться и наконецъ очутились въ душной каретѣ. Ольга Андреевна изображала гречанку; Настя въ костюмѣ венеціанки, съ ожерельемъ изъ крупныхъ жемчуговъ на шеѣ, не казалась костюмированной. Кира чувствовала себя пестрой и шумной, какой-то чужой, и волновалась.

Карета ровно катилась по мосту. Сверкала чешуйчатая вода Сены, въ отливчатыхъ пятнахъ отъ красныхъ и зеленыхъ фонарчиковъ, привѣшанныхъ къ баркамъ, въ блесткахъ безчисленныхъ огней. Кира вздрогнула. Да, близко: надо забыть усталость, и грусть, и тревогу, приготовиться, придти въ надлежащее настроеніе. Да, она—Цыганка, безпечно-вѣщая; ей люди нужны, счастье, хотя бы съ приправой страданія, пляска и пѣніе,

*) См. апрѣль, стр. 53.

жаркія рѣчи и горячія руки. Только бы не молчаніе, не одиночество. Проклятіе лучше, чѣмъ молчаніе!

Завернули въ глухой переулокъ и у отворенной калитки сада остановились. Въ темнотѣ, на дорожкѣ, посыпанной крупнымъ пескомъ, онѣ одѣли полумаски и подошли къ небольшой двери мастерской. Кира пропустила впередъ мать и Настю, и когда дверь открыла не горничная, а какой-то арлекинъ въ ярко-бѣломъ, зеленомъ и красномъ атласѣ, она отступила въ тѣнь. Дверь захлопнулась передъ ней, и сердце у нея забилось. Ей показалось, что въ саду ходятъ, шепчутъ, вздыхаютъ, нѣжно смѣются, что во мракѣ двигаются пятна посвѣтлѣй. Она обернулась: совсѣмъ близко голова эскимоса отчетливо обрисовалась, вылѣзла изъ косматаго бѣлаго мѣха, а черный, огромный ибисъ протягивалъ къ ней клювъ. Она рѣшила сосчитать медленно до ста раньше, чѣмъ постучать въ дверь. Начала считать съ разстановкой; но когда тихо подкравшійся факиръ показалъ ей вокругъ своей шеи змѣю съ высунутымъ раздвоеннымъ языкомъ, она заторопилась, мысленно бормоча числа, и нервно постучалась. За ея спиной что-то зашипѣло, загоготало и затѣмъ уползло. Дверь распахнулась, и она очутилась передъ великаномъ, съ виноградным вѣнкомъ на головѣ, со шкурой леопарда вокругъ стана. Ее поразила масса нѣжно розоваго тѣла великана. Когда онъ протянулъ къ ней руки, чтобы снять съ нея большую шаль, она съ удивленіемъ смотрѣла, какъ движутся мускулы подъ тонкой, гладкой кожей, а бѣлая атласная маска вмѣсто лица ей показалась страшной. Въ маленькой передней грудами валялись всякія тряпки и висѣли вдоль стѣнъ пальто. А безликій великанъ глядѣлъ на нее узкими, странными отъ бѣлой рамки глазами, и ничего не говорилъ.

Она скинула шаль и вошла въ мастерскую. На нее пахнуло жаромъ и ударило въ глаза пестротой. Да, вотъ та толпа, съ которой она, одинокая, должна слиться. Тогда она сама получитъ смыслъ. Потянуло ее къ этимъ людямъ, но она остановилась въ недоумѣніи. Хотя ихъ было много, толпы они не образовали. Каждый изъ нихъ былъ одинокъ въ своемъ преображеніи, каждый представлялъ изъ себя отдѣльный міръ, который имъ начинался и имъ кончался, фантастическій міръ. Однако всѣ изъ узкихъ щелей выглядывающіе, змѣиные, безъ вѣкъ глаза устремлены на кого-то, кѣмъ-то однимъ заняты. Сами же чудища временно бездѣйствуютъ. Они, олицетворяющіе вѣковѣчную мудрость или безсмертное веселое безуміе, снизошли къ роли статистовъ, стоятъ вдоль стѣнъ густыми рядами въ яркихъ много-

значительныхъ нарядахъ, смотрятъ и молчатъ. Они — рабы зачарованные. Острая зависть кольнула сердце Киры: тутъ уже есть царица, всемогущая, всѣми признанная, желанная... Владычествуетъ надъ чудищами эта гибкая женщина, таинственно прекрасная, эта гречанка въ черномъ съ золотомъ плащѣ, въ безшумныхъ сандаліяхъ. Она граціозно изгибается, и плащъ ея то прильнетъ къ ней, обрисовавъ ее всю, то откинется, летитъ за ней, какъ крылатая ночь, и сверкнетъ подъ нимъ ея бѣлымъ шелкомъ облитое тѣло. Вотъ она обернулась, безликая, какъ и всѣ, но гордая; постояла, милостиво принимая безмолвное поклоненіе, и вдругъ такъ ласково, какъ бы съ высоты горы, черезъ вѣка, жестами обнаженныхъ рукъ призвала къ себѣ, къ свѣту и радости, дѣвушку-венеціанку. И та покорно отдѣлилась отъ сплошной стѣны масокъ и подошла, легкая, стройная. Она показалась Кирѣ жалкой, незначительной, недостойной призыва. „Меня бы подозвала! — подумала она страстно, забывъ свою злобу,—меня!“ Но гречанка нѣжнымъ движеніемъ обняла венеціанку за плечи и пошла съ ней по серединѣ мастерской какъ по сценѣ, свѣтло извиваясь подъ темнымъ плащемъ, дразня толпу, служа ей кумиромъ и забавой.

„Какъ она хороша!—подумала съ горечью Кира—и какъ я, должно быть, уже давно того не зная, мѣшаю ей“.

Она изучала безликую мать; старалась разгадать, любила и ненавидѣла ее.

Тревога Киры была напрасна. Ольга Андреевна не волновалась глубоко, не увлекалась своимъ успѣхомъ, а дѣлала видъ, что волнуется, трепещетъ, манитъ любовь и обѣщаетъ наслажденіе. Она была во власти костюма и всего маскарада, чутьемъ угадала нужный для подобнаго собранія тонъ и предалась игрѣ. Но Кира поддалась обману. Она съ отчаяніемъ оглядѣла толпу, въ которой навѣрное былъ Вернейль и любовался женщиной въ черномъ плащѣ, никого не могла узнать, и все больше терялась. Въ глазахъ ея путались, сбивая ее съ толку, птичьи головы, карнавальныя рожи, негритянки, ассирійцы и римляне, египетскіе сфинксы, бѣлые, какъ мѣлъ, пьерро и гремящіе бубенчиками арлекины; всѣ чужіе, непонятные, непроницаемые. Ей жутко было думать, что подъ странной одеждой, скрадывающей или увеличивающей ростъ, мѣняющей все очертаніе тѣла, бьются человѣческія сердца. Подъ шапкой пьерро, подъ зеленымъ вѣнкомъ Бахуса, подъ колпакомъ арлекина слагаются сложныя мысли. И больно было сознавать, что сердцами

и мыслями спрятавшихся подъ шутовскими тряпками людей управляетъ гречанка.

Кира усмѣхнулась. Она пріѣхала сюда не для того, чтобы видѣть торжество другой. Неужели пережитыя ею страданія не даютъ ей права на побѣду, а волнующая ее страсть къ жизни и къ наслажденію не дастъ силы одержать надъ всѣми верхъ? Вѣдь она же молода; ее надо любить, а мать отжила свое...

Она рѣзко гикнула, ринулась впередъ, повела плечами, тряхнула гибкими бедрами и стала по серединѣ мастерской. Все ея существо рвалось къ дикой пляскѣ, какъ пойманная ласточка рвется къ полету. На піанино жидко, но съ большимъ азартомъ кто-то мохнатый и черный забренчалъ цыганскій мотивъ. Гречанка, все еще обнимая свою спутницу, отступила и слилась съ толпой. Въ узкихъ щеляхъ масокъ сверкнули съ новымъ любопытствомъ взоры. Въ угоду имъ Кира заплясала бѣшено, всю душу бросала ей непонятнымъ людямъ, не щадила себя, и въ награду молила похвалу, признаніе ея превосходства. Въ тактъ танцу забили въ ладоши. Забили не всѣ; для половины публики танецъ былъ незнакомъ.

„Много русскихъ—подумала Кира,—но и французовъ не мало“.

Она кружилась, импровизируя дикій и вольный, какъ вѣтеръ и степь, танецъ, русскій, цыганскій и свой. Съ дерзкой граціей чередовались движенія, то безразсудно веселыя, то ласково томныя.

— Браво!—громко сказала дѣланнымъ голосомъ гречанка.

— Я вѣрю въ себя, я свое возьму! — отвѣтилъ ей танецъ Киры.

Ибисы, сфинксы, Клеопатры, вакханки, пьерро и паяцы зашипѣли, зашептали, прогудѣли, замурлыкали кто бра̀во, кто брава̀.

Задорно топали ножки Киры, округлялись руки, трепетали бедра. Но она уставала и люди въ маскахъ ей опять стали страшны. „Я не могу, ничего не могу сдѣлать съ ними“, подумала она, и уже больше не хотѣлось ей плясать. Но они заставляли ее, они теперь хлопали всѣ, дружно и внятно, все сильнѣй и быстрѣй увлекали ее, распоряжались ею. „Я больше не могу“, повторяла она и чувствовала, что губы ея блѣднѣютъ и сохнутъ. Безжалостными показались ей маски, вѣчными, неумолимыми. Но вотъ римскій воинъ сталъ заботливо поправлять ремень своего шлема, и поза его, простая, человѣческая, напомнила ей что-то. Да, такъ наклоняетъ голову и плавно, легко водитъ рукой скрипачъ, когда передъ игрой на-

лаживаетъ на плечо скрипку. Затѣмъ онъ увѣреннѣе, громче другихъ захлопалъ въ ладоши, безошибочно угадавъ ритмъ скачущей музыки.

Кира на носкахъ, по балетному, подбѣжала къ нему.

— Я знаю тебя, римскій воинъ! — сказала она по-французски.—Ты скрипачъ-чародѣй!

Піанино на минуту замолкло, и вдругъ отчаянно задребезжало лансье. Постукивая непривычной обувью, составились пары; богъ Озирисъ съ лапландкой, медвѣдь съ Коломбиной, испанскій рыбакъ съ гаремной невольницей, Мефистофель съ длинной англичанкой сходились и расходились, мѣрно кланяясь другъ другу.

Кира все стояла передъ римскимъ воиномъ.

— Я рада, что нашла тебя, я искала тебя,—говорила она, задыхаясь отъ недавней стремительной пляски и отъ страха, что она пожалуй ошиблась. На скрипкѣ онъ привыкъ играть несомнѣнно, она въ этомъ убѣдилась, взглянувъ на его пальцы, но тотъ ли онъ, котораго ей нужно? Изъ-подъ полумаски виднѣлись длинные, свисающіе, выхоленные усы.

— Прелестная колдунья, не желаете ли пройтись?—шепнулъ онъ ей и предложилъ руку.

„Французъ, — съ облегченіемъ подумала Кира, — онъ, навѣрное“.

Онъ путался, не зналъ, насколько допускается вообще свобода обращенія въ этомъ чуждомъ ему обществѣ.

— Nordica fiore soave!—сказалъ онъ, давая ей понять, что угадалъ ея національность, и затѣмъ, подумавъ, прибавилъ просто:

— Я здѣсь ни съ кѣмъ не знакомъ. M-me de Barsioukoff любезно пригласила меня. Я очень ей благодаренъ; я не подозрѣвалъ, что здѣсь такъ мило устраиваются русскіе художники. Есть замѣчательные костюмы!

Кира вздрогнула.

— Меня они пугаютъ. Я сама испугана тѣмъ, что въ маскѣ.

Онъ вслушивался въ ея голосъ, и всѣ сомнѣнія его исчезли. Когда она замолчала, онъ ласково нагнулся надъ ней и слегка прижалъ ея руку своей.

— Не надо бояться, когда вы со мной. Вы въ первый разъ въ маскарадѣ?

— Да.

— Вы такъ очаровательно танцовали! Такъ же хорошо, какъ пѣли сегодня!

Она ничего не отвѣтила и тихо засмѣялась.

— Вы знаете, что на маскарадахъ полагается говорить другъ другу „ты“. Вы такъ и начали, отчего не продолжать?

Кира посмотрѣла на глубоко присѣдающую передъ Мефистофелемъ длинную англичанку и улыбнулась.

— Мистификаціи никакой вѣдь не вышло, а я не люблю говорить „ты“, когда это неискренно.

— А когда искренно, то любите? Какъ это должно прелестно звучать „ты“, сказанное вашимъ дивнымъ голосомъ!

Онъ присматривался, не разсердилъ ли ее. Все-таки свѣтская барышня, хоть и иностранка. Кто знаетъ, какъ себя съ ней держать? Къ маскарадамъ не привыкла, можетъ быть строгая? Артистка она до мозга костей, это выразилось въ ея пѣніи и въ плескѣ. Она сильно заинтересовала его.

Медвѣдь отчаянно перекувырнулся передъ Коломбиной, затѣмъ всѣ пары затопали, понеслись въ кругъ, захватывая на пути все новыя маски.

Кира отступила.

— Уйдемъ въ сосѣднюю комнату,—сказала она.

— Не хотите танцовать съ толпой? Вы всегда солистка, и вполнѣ правы.

Они начали проталкиваться, лавировать между несущимися парами. За мастерской была соединенная съ ней аркой комната, служившая въ обычное время спальной хозяйкѣ, но на этотъ вечеръ постель была замѣнена большимъ низкимъ диваномъ. На столикахъ была навалена незатѣйливая закуска и вино; въ углу на спиртовыхъ лампахъ кипятилась вода для чаю, который самоотверженно разливалъ фавнъ. Сѣсть не было ни малѣйшей возможности. Всѣ стулья были заняты, на креслахъ помѣщалось по три человѣка. На диванѣ, откинувъ черный плащъ, полулежала гречанка, упираясь голымъ плечомъ въ толстаго доминиканца. У ея ногъ примостился клоунъ, въ разноцвѣтныхъ широчайшихъ шароварахъ, съ раздувающимися рукавами и дѣтскимъ кружевнымъ воротничкомъ вокругъ шеи. Костюмъ оказался узкимъ для его временнаго владѣльца, застежки на спинѣ лопнули и коричневый сюртукъ выглядывалъ изъ образовавшейся длинной прорѣхи. Но клоунъ объ этомъ не заботился и въ позѣ обожанія приникъ передъ гречанкой. Два совершенно парныхъ, мертвенныхъ пьерро стояли по обѣ стороны дивана и, закатывая глаза, играли на безструнныхъ мандолинахъ.

— Вотъ эта дама, навѣрно, не въ первый разъ на маскарадѣ,—сказалъ Вернейль глядя на гречанку.

Кира подумала, что онъ завидуетъ клоуну. Вся гибкая фигура матери ей показалась противной и непристойной. Не такого былъ мнѣнія Вернейль.

— Она дивно сложена,—сказалъ онъ, и примирившись съ невозможностью покинуть свою менѣе смѣлую и опытную даму, спросилъ, что̀ она желаетъ пить.

— Что-нибудь, все равно что, — отвѣтила Кира упавшимъ голосомъ. Давка еще увеличилась; въ мастерской уже не танцовали, жажда всѣхъ пригнала къ незатѣйливому буфету.

Кира поискала глазами, гдѣ бы ей присѣсть, и увидѣла на большомъ креслѣ китаянку, которую обнималъ испанскій рыбакъ. Какъ разъ въ эту минуту рыбакъ схватилъ китаянку за щиколотку и она быстрымъ, кошачьимъ движеніемъ побила его по рукѣ. За ними, безъ маски, прямая, какъ стрѣла, и блѣдная, несмотря на жару, стояла Настя.

Медвѣдь подошелъ къ Кирѣ, охватилъ обѣими лапами ея руку и проревѣлъ, путаясь въ словахъ:

— Ты помнишь чудныя мгновенія, когда мы съ тобою, при лунѣ...

Кира похолодѣла. Ей пришла нелѣпая мысль, что это Николай издѣвается надъ ней. Она гнѣвно отскочила.

Медвѣдь оторопѣлъ и сконфуженно опустилъ лапы. А Кира поняла свою глупость и ей стало стыдно.

— Помню, помню, — сказала она, какъ могла весело, но поддержать шутки не съумѣла и, мучительно сознавая, что она послѣ недолгаго успѣха просто скучна и не умѣетъ держать себя по маскарадному, бросилась къ Настѣ.

— Я тоже сниму маску, я больше не могу!

Ее поразило нѣжное, гордое и трепетное лицо Насти, на которомъ чуть замѣтно переливалъ румянецъ.

— Тебѣ всегда надо носить жемчугъ,—сказала она,—или перебирать его тонкими пальцами: онъ къ тебѣ идетъ, такой же, какъ ты, холодный и чистый.

— Это чужой жемчугъ,—отвѣтила Настя.—Графиня Тыжевская одолжила; получу свое состояніе и куплю себѣ...

— Скоро, значитъ: когда тебѣ минетъ двадцать одинъ годъ. Но до этого еще тебѣ можетъ кто-нибудь подарить жемчуга,— шепотомъ продолжала Кира.

— Я сама себѣ куплю и буду жить одна, совсѣмъ одна. Вокругъ себя соберу красивыя вещи и буду любоваться ими... одна.

— Отчего ты такъ устала?—спросила Кира.

— Отъ васъ всѣхъ,—брезгливо отвѣтила Настя.

Вернейль подошелъ, бережно неся чашку жидкаго чаю.

— Русскій напитокъ; этотъ удивительный фавнъ работаетъ безъ устали...

Но тутъ онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что Кира сняла маску и что у нея усталый и растерянный видъ.

— Вы тоже снимите,—сказала она съ раздраженіемъ, указывая на его маску:—не надо этого, довольно.

— Это противорѣчитъ всѣмъ правиламъ,—отвѣтилъ онъ,—но если вы прикажете...

Его лицо, съ большимъ носомъ, густыми бровями и длинными, спадающими внизъ усами, было дѣйствительно породистое; а ловкія, большія, проворныя руки, совсѣмъ простыя, странно не подходили къ его чрезвычайно изысканной наружности. Кира удивилась, что онъ такъ немолодъ,—ему несомнѣнно было лѣтъ сорокъ пять, — и обрадовалась, что онъ красивъ. Каска центуріона шла къ нему.

Вернейль поклонился Настѣ.

— Я имѣлъ честь сегодня или вѣрнѣе вчера, такъ какъ уже новый день наступилъ...

— Я узнаю васъ,—сказала милостиво Настя и своими непроницаемыми глазами посмотрѣла въ сѣрые, нѣжно-насмѣшливые глаза Вернейля.

— Это недобросовѣстно съ нашей стороны, что мы сняли маски: теперь мы особенные, трезвые, не поддаемся общему обязательному безумію; мы должны уйти,—сказала она.

Вернейль, отвыкшій отъ ночныхъ пирушекъ, нашелъ ея предложеніе весьма благоразумнымъ, но его заинтересовали обѣ дѣвушки, и ему не хотѣлось еще съ ними разстаться.

— Если, какъ вы такъ тонко выразились, ставъ обыкновенными людьми и, слѣдовательно, критически относящимися къ окружающему миражу, мы потеряли право оставаться среди толпы, пригласившей не насъ, а придуманныхъ нами существъ, то уѣдемъ... Но мнѣ искренно жаль такъ быстро оторваться отъ чарующей меня компаніи,—онъ поклонился обѣимъ дѣвушкамъ:—можетъ быть, мадамъ де-Барсьюковъ позволитъ мнѣ подвезти васъ всѣхъ трехъ въ моемъ автомобилѣ.

— Ей такъ весело, захочетъ ли она уйти?..—сказала Кира.

— Гдѣ она?—спросилъ Вернейль.—Я узнаю.

Настя посмотрѣла на диванъ. Теперь гречанка высоко держала въ вытянутой рукѣ бокалъ съ бѣлымъ виномъ, на которомъ плавали лепестки свѣжей розы. Свободной рукой она все

еще обнимала доминиканца и такъ близко нагнулась къ нему, что кружева ея маски касались его тонсуры. По большой бирюзѣ на мизинцѣ доминиканца обѣ дѣвушки узнали въ немъ барона Экштейна.

— Какъ это она хорошо придумала: лепестки розъ на свѣтло-желтомъ винѣ!—сказала Кира серьезно.

Но взглядъ Насти былъ тяжелъ и холоденъ.

Вернейль слегка оторопѣлъ, но быстро нашелся.

— Три лучшихъ украшенія этого вечера! Неужели я буду имѣть счастье ѣхать съ вами! Съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко увозить васъ; меня освищутъ...

Кира подошла къ матери.

— Ѣдемъ, ѣдемъ сейчасъ!

Доминиканецъ вскочилъ, отдуваясь: онъ изнемогалъ отъ жары.

Произошла легкая сумятица. Хозяйка, худощавая, угловатая художница Матюшина, тоже снявшая маску, подбѣжала, засуетилась, удерживала гостей.

Ольга Андреевна сперва удивилась требованію Киры, но сейчасъ же уступила; ее прельстилъ автомобиль Вернейля; при томъ она смутно боялась, что случилась какая-нибудь бѣда. Къ Настиной строгости она привыкла, но Кира тоже хмурилась, и она не могла понять, почему.

— Ѣдемъ, дѣвочки, ѣдемъ!—И на прощанье, по своей привычкѣ, пригласила къ себѣ своихъ послѣднихъ собесѣдниковъ. На ихъ восторженное согласіе назначила имъ придти завтра же, въ пять часовъ.

Въ мастерской юноша съ женоподобнымъ накрашеннымъ лицомъ, окутанный въ легкія розовыя ткани, плясалъ съ томнымъ изяществомъ восточные танцы. За нимъ слѣдили напряженнымъ взоромъ пожилые мужчины.

Въ передней собрались одни русскіе. Молодой поэтъ говорилъ стихи. Онъ былъ странно худощавъ; подъ широкимъ турбаномъ его рѣзкое лицо и темные глаза фанатика казались суровыми и восторженными. Воззваніе къ свободѣ, сильное какъ взмахъ орлинаго крыла, до боли страстныя слова любви къ родной землѣ входили въ сознаніе, то остро сверкающія, то бисерно круглыя, какъ рубинъ или какъ капли крови. Его слушали порывисто дыша, съ надеждой и съ волненіемъ. И чѣмъ-то святымъ и чистымъ пахну́ло отъ этихъ людей, которые, сквозь усталость и шальное веселье, при первомъ призывѣ пламеннымъ сердцемъ уносились въ родной, взволновавшійся край, жестокій и любимый.

„Его бы тоже пригласить“, подумала Ольга Андреевна; но поэтъ на нее не глядѣлъ, и она прошла мимо.

Въ автомобилѣ всѣхъ больше говорили Вернейль и Ольга Андреевна. Онъ держалъ себя строго прилично, разсыпался въ похвалахъ русскому вечеру, иногда находилъ небанальныя и искреннія выраженія, выказывалъ несомнѣнную наблюдательность и даже чуткость. Ольга Андреевна портила свой довольно правильный французскій языкъ тѣмъ, что преувеличенно картавила. Это сердило Киру, уловившую фальшь въ подражаніи парижскому говору. Но Вернейлю болтовня эта нравилась, и Кира чувствовала, какъ все уменьшалась и уменьшалась завоеванная ею территорія. Она искренно удивилась, когда Ольга Андреевна вдругъ заявила:

— Вы должны, непремѣнно должны разучить дуэты съ моей дочерью.

— Я буду очень счастливъ,—съ живостью отвѣтилъ Вернейль.—Разучимъ ихъ много. Когда моя жена пріѣдетъ, мы дадимъ музыкальный вечеръ, главнымъ украшеніемъ котораго будетъ мадемуазель.

— Ваша жена, говорятъ, очаровательна! — сказала Ольга Андреевна.—Я буду такъ счастлива познакомиться съ ней.

Подъѣзжали.

— Приходите завтра, завтра въ пять часовъ!

Вернейль поблагодарилъ, немного ошеломленный быстротой, съ которой зрѣло это случайное знакомство, но искренно довольный пріобрѣтеніемъ для своихъ вечеровъ новаго таланта.

— О васъ заговоритъ весь Парижъ!—сказалъ онъ на прощанье Кирѣ.

Она опустила глаза, чтобы скрыть безпокойную, дикую радость, которая зажглась въ ней. Не все у нея отняли. Она такъ крѣпко пожала руку Вернейля, что онъ самодовольно улыбнулся.

По темной лѣстницѣ, съ мягкимъ ковромъ, съ мягкимъ бархатомъ обтянутыми перилами, со стѣнами, обитыми мягкой матеріей, онѣ медленно поднимались, тихонько шурша. Ольга Андреевна открыла дверь своимъ ключомъ, зажгла электричество и нѣжно разсмѣялась.

— Хорошій прожили мы день! У насъ удачный пріемъ, и съ Вернейлемъ этимъ такъ гладко пошло. Онъ вѣрно сказалъ, Кира: о тебѣ заговоритъ весь Парижъ.

Она стояла, облитая тонкимъ бѣлымъ шелкомъ, какъ-то непонятно державшимся на ней. Пряди бѣлокурыхъ волосъ ви-

сѣли вдоль щекъ, но она и безъ маски была мила, чуть поблекшая.

— Весело провела время?—спросила Кира.

— Ничего! Но мнѣ что! Моя пѣсня спѣта...

Настя ушла, хлопнувъ дверью.

— Несчастный у нея характеръ!—сказала Ольга Андреевна.—Ну, спать!

Раньше чѣмъ пойти къ себѣ, Кира зашла къ Настѣ. Та сердито рвала съ себя платье.

— Изъ-за нея, говорятъ, очень талантливый человѣкъ застрѣлился когда-то,—сказала она глухо.

— Ну, это было давно, и должно быть случайно, мало ли что плетутъ,—отвѣтила Кира.—Она добрая, очень добрая. Доминиканецъ и тѣ клоуны не застрѣлятся, не бойся...

— А Вернейлемъ ты займешься сама.

— Удостою его этой чести,—съ напускнымъ спокойствіемъ отвѣтила Кира и, видя, что съ Настей разговоръ не клеится, ушла той неряшливой, плетущейся походкой, которая всегда возбуждала насмѣшливое состраданіе Коти. Она ощущала какое-то недовольство и, сообразивъ, что, помимо всякихъ нравственныхъ тревогъ, она просто голодна, пробралась на кухню. Здѣсь было холодно, мрачно и такъ аккуратно прибрано, что сами кастрюли, казалось, возмущались этому вторженію въ ихъ царство. Кира особенно шарить не рѣшилась; она быстро раскрыла низкій шкафикъ и потянула носомъ. Пахло острымъ сыромъ. Она отыскала круглый камамберъ въ деревянной коробочкѣ и направилась съ нимъ въ столовую. Въ узкомъ корридорѣ она столкнулась съ Ольгой Андреевной, которая тоже отправилась въ поиски за пищей.

— Нашла?—спросила Ольга Андреевна.—Были бы мы въ Россіи, велѣли бы себѣ чаю подать, попили бы, а тутъ живешь въ третьемъ этажѣ, а прислуга въ седьмомъ, и раздѣть тебя некому, изволь промышлять, какъ знаешь.

— Ничего,—отвѣтила Кира,—зато Европа! А твое раздѣваніе сегодня не должно быть сложно.

Этимъ намекомъ она выместила свою злобу на нестарѣющую мать и успокоилась.

Онѣ сѣли другъ противъ друга въ столовой, достали остатки хлѣба, груши, кусокъ сладкаго пирога и начали ѣсть.

Обѣимъ особенно нравился острый сыръ.

Ольга Андреевна ѣла одной рукой, а другой придерживала сѣрый оренбургскій платокъ, въ который куталась.

Кира изрѣдка смотрѣла на нее.

— Правда, что изъ-за тебя кто-то когда-то застрѣлился?— вдругъ спросила она добродушно.

Ольга Андреевна заволновалась.

— Вотъ ужъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Всякій вздоръ разсказываютъ, потому что я была веселая, любила поболтать...

Она взяла грушу, стала ее чистить и продолжала, вилкой отковыривая кусочки:

— Поболтать, да, и потанцовать, и въ ресторанъ съѣздить съ компаніей; а что касается продолжительнаго флирта, то это мнѣ никакого удовольствія не доставляло...

Она вспомнила, что говоритъ съ дочерью, смутилась и прибавила дѣловитымъ тономъ:

— Ты знаешь, что я очень любила твоего отца, мы съ нимъ никогда даже не ссорились...

— У тебя никогда бы не хватило изворотливости, чтобы его обманывать,—спокойно отвѣтила Кира.

Ольга Андреевна широко раскрыла глаза.

— Конечно, хватило бы, отлично бы могла; не хотѣла!

Все было съѣдено, а онѣ все еще сидѣли другъ противъ друга.

„И почему я родилась?—думала Кира.—Такъ, по добротѣ, и меня произвела".—Она раньше предполагала отсутствіе темперамента у матери, а теперь, послѣ маскарада, почему-то убѣдилась въ ея невозмутимости.

— Ты увѣрена, что я—твоя дочь, настоящая, а не подкидышъ?—спросила она съ нѣкоторой горечью.

Ольга Андреевна улыбнулась.

— Дурочка моя дорогая! Я была очень рада, когда ты родилась. Что ты за вздоръ говоришь! Настѣ бы что-нибудь снести. Она, вѣрно, тоже проголодалась...

— Да вѣдь мы все съѣли?

— А мы еще поищемъ.

— Холодно! Да что ее трогать...

— Правда, она, кажется, не въ духѣ.

Онѣ на цыпочкахъ прошли по корридору, но Настя услышала ихъ, пріотворила дверь и крикнула Ольгѣ Андреевнѣ:

— Напрасно всѣхъ разомъ пригласили! Выйдетъ у васъ одна ерунда!—И тотчасъ же закрыла дверь.

— А вѣдь, пожалуй, она права,—сонно сказала Ольга Андреевна.—Ну, ничего, увидимъ. Несчастный у нея характеръ!

Пробило половина пятаго.

На улицѣ уже начался рабочій день.

Тяжелыя телѣги медленно двигались, останавливались у каждаго дома, забирали выставленный въ большихъ жестяныхъ ящикахъ мусоръ, кухонные отбросы и золу. Ящики опоражнивались и пустыми ставились обратно на край тротуара.

„Хорошо было бы весь мусоръ изъ памяти такъ аккуратно выбросить и начать жить совсѣмъ заново! — подумала Кира. — А то вѣдь нѣтъ, тащи его съ собой всю жизнь. А у кого никакихъ воспоминаній нѣтъ, тотъ злой, какъ Настя; а кто считаться не хочетъ, тотъ—какъ мама...“

— Въ монастырь или въ революцію уйду!—крикнула она, на зло кому-то.—Такъ и знайте. Уйду.

VI.

— Можетъ быть, дѣйствительно, ты напрасно пригласила этихъ твоихъ вчерашнихъ друзей?—сказала Кира матери, когда, хорошо выспавшись, въ пятомъ часу вышла въ гостиную.—Или хоть бы Вернейля-то не позвала.

Ольга Андреевна искренно удивилась.

— Они премилые, ты увидишь, и никто другъ другу мѣшать не будетъ. Какая ты стала мнительная, Кира; это Настино вліяніе. А кстати, гдѣ Настя?

— Заперлась у себя.

Кирѣ было скучно, и замѣчаніе Ольги Андреевны насчетъ ея мнительности больно укололо ее. Она сама сознавала, что уже не та довѣрчивая и простая, какой была раньше. Это отъ того, что она нравственно обѣднѣла, въ своихъ глазахъ потеряла цѣну. Неужели такъ скоро портится человѣкъ?

Ольга Андреевна ставила цвѣты въ вазочки и немножко прибирала гостиную.

— А Вернейль самый нашъ лучшій французъ. Его жена, говорятъ, мастерица устраивать вечера. Хорошо, что ты будешь у нихъ пѣть.

— Конечно,—отвѣтила Кира уныло.

Ей было досадно, что она послѣ маскарада чувствовала себя усталой, тогда какъ Ольга Андреевна была безпечна и весела; сердила ее даже забота Ольги Андреевны о ней. „Устроитъ вѣдь мои дѣла мимоходомъ; чувствуетъ, что мнѣ надо помочь, что я сама ничего не могу“.

Пяти часовъ еще не было, когда позвонили, и въ гостиную

вошли трое мужчинъ. Первый грузный, мѣшковатый, съ большой головой, длинными волосами и рыжей бородой, выступалъ нерѣшительно. Онъ былъ близорукъ и таращилъ, глядя немного вбокъ, большіе голубовато-сѣрые глаза. За нимъ слѣдовалъ блѣдный, съ очень высокимъ лбомъ и тонкими чертами лица, юноша, съ серьезнымъ холоднымъ лицомъ. Послѣднимъ вошелъ некрасивый, широконосый, съ заостренными ушами и большимъ, какъ бы беззубымъ ртомъ человѣчекъ. Всѣ трое видимо робѣли.

— Клоунъ, пьерро и фавнъ, здравствуйте!—сказала радостно Ольга Андреевна, быстро подходя къ нимъ.—А это моя дочь Кира Ѳедоровна.

„Какіе они милые!—подумала Кира, здороваясь съ ними и внимательно, по своему обыкновенію, вглядываясь въ каждое новое лицо.—Прелесть!“

Толстякъ разсмѣялся, когда его Ольга Андреевна назвала не по имени, а по вчерашней роли; блѣдный юноша еще болѣе поблѣднѣлъ и что-то страдальческое пробѣжало по его чертамъ; маленькій человѣчекъ просто и прямо посмотрѣлъ на Ольгу Андреевну своими широко разставленными свѣтло-карими глазами. Они искали въ ней вчерашнюю гречанку—и не находили.

Они сѣли неловко, слишкомъ далеко. Вчера они чуть не обнимали Ольгу Андреевну, а теперь робѣли, не знали, что говорить съ ней, изучали Киру.

— Долго вы послѣ насъ оставались? Весело ли было? Что тамъ еще произошло?—спрашивала Ольга Андреевна.

— Отчего вы такъ рано уѣхали?—спросилъ толстякъ.—Вѣдь только начиналось еще.

У него былъ очень пріятный, ласковый голосъ.

— Вы поете?—спросила Кира.

Онъ смутился, быстро посмотрѣлъ въ сторону, какъ будто искалъ чего-то, потомъ на Киру.

— Нѣтъ... такъ немножко... я собственно поэтъ.

Блѣдный юноша понялъ, что Ольга Андреевна пригласила ихъ, не имѣя понятія о томъ, кто они такіе, и тоже самъ отрекомендовался.

— И я пишу стихи.

Ротъ его слегка дрогнулъ; была ли это робость, или горькая усмѣшка надъ чѣмъ-то, Кира не разобрала.

— Какъ же!—радостно вскрикнула Ольга Андреевна:—всѣ три—поэты, и такіе талантливые!

Маленькій человѣкъ ее поправилъ:

— Я занимаюсь живописью, учусь у французовъ.

Кирѣ они все больше и больше нравились: „милые, настоящіе, а я ихъ подъ масками боялась...“

Начался разговоръ о достоинствахъ Парижа. Всѣ любили его, восхваляли, каждый по-своему; поэты почувствовали его жизнь, подслушали, поняли вѣчно мѣняющійся трепетъ; художникъ любовался его красками, ласковой солнечностью.

— Легко тутъ!—сказалъ, вздохнувъ, толстякъ.

— Да, — отвѣтила Ольга Андреевна, угадавшая настроеніе своихъ собесѣдниковъ.—Мы пріѣзжаемъ измученные, усталые изъ нашей бѣдной родины, и тутъ намъ легко.

— Работать здѣсь умѣютъ, вотъ что!—вставилъ художникъ.

— Конечно. А что же было, когда мы уѣхали? Въ которомъ часу разошлись?—продолжала Ольга Андреевна.

— Подъ конецъ все испортилось: боролись, двое чуть не поссорились, разошлись подъ самое утро,—отвѣтилъ блѣдный поэтъ.

Имъ всѣмъ троимъ, такъ же, какъ и Кирѣ, маскарадъ казался уже чѣмъ-то давнишнимъ.

— Работать умѣютъ, — продолжалъ художникъ.—Французы въ сущности благоразумный, трудолюбивый народъ. Любятъ красоту и всѣ безъ исключенія творятъ ее.

— Я позову Настю,—сказала Кира, вскочивъ.

Ей показалось, что всѣмъ надо собраться и поболтать дружески.

Когда Настя отперла свою дверь, Кира быстрымъ взглядомъ окинула комнату: на столѣ лежало недоконченное письмо, и хотя Кира отлично знала, что Настя терпѣть не могла разспросовъ, называла ихъ вторженіемъ въ ея жизнь, она спросила:

— Кому пишешь?

Настя была такъ высокомѣрно настроена, что даже скрытничать не захотѣла.

— Себѣ. Пишу то, что некому мнѣ сказать, ставлю себѣ вопросы. Черезъ три мѣсяца вскрою письмо и отвѣчу.

— Долго, значитъ, идетъ письмо отъ тебя къ тебѣ,—задумчиво сказала Кира.—Или тебѣ надо матеріалъ накопить? Насъ судишь и даешь себѣ время для дальнѣйшихъ наблюденій? Судьбѣ ставишь требованія и назначаешь ей срокъ, когда приготовишься къ отчету? Ну, это хорошо. А теперь иди со мной въ гостиную: тамъ славные ребята, впечатлительные, искренніе, говорятъ о томъ, что̀ знаютъ и что̀ любятъ.

Настя молча спрятала письмо въ бюваръ. На ней было простое синее платье съ длинными обтяжными рукавами, и руки

ея, узкія, бѣлыя, казались слишкомъ маленькими по ея росту, хрупкими и безпомощными.

У Ольги Андреевны за это недолгое время знакомство быстро подвинулось; она уже запомнила всѣ имена и отчества и рекомендовала своихъ гостей Настѣ, какъ будто знала ихъ весь вѣкъ.

— Вотъ Александръ Игнатьевичъ и Сергѣй Петровичъ слушаютъ здѣсь лекціи по романской филологіи,—сказала она, указывая на поэтовъ.—Пишутъ стихи и занимаются наукой, а Денисъ Ивановичъ—художникъ, будетъ здѣсь выставлять въ салонѣ, весной.

— Если примутъ,—спокойно сказалъ художникъ.—А необходимо видѣть свою картину среди другихъ: только тогда и можешь судить о ней.

Толстый Александръ Игнатьевичъ сидѣлъ на краю кресла, сжавъ на колѣняхъ кисти рукъ, и глядѣлъ вбокъ.

— И надо видѣть свои стихи напечатанными, знать, какъ они проникаютъ въ чужое сознаніе, что въ нихъ живетъ и трогаетъ, и что — мертворожденное, хотя бы и красивое. Нужно выслушивать критику, всякую критику.

— Да. Я не могу пѣть, когда я одна,—сказала Кира.—Если мнѣ и удается безъ слушателей что-нибудь пропѣть хорошо, то это оттого, что я себѣ вообразила публику, чуткую, послушную, и полюбила ее.

— А для себя исключительно развѣ нельзя творить?—спросила Настя.

— Для этого надо быть очень сильнымъ и очень несчастнымъ,—продолжалъ Александръ Игнатьевичъ,—и все-таки вообразишь себѣ несуществующихъ людей, для которыхъ творилъ и въ концѣ концовъ отдашь свое произведеніе тѣмъ, кто подвернется, кто случайно придетъ, и горько будетъ, если не заставишь ихъ взглянуть или прочесть.

А Сергѣй Петровичъ молчалъ и только слушалъ. Кира продолжала ихъ разглядывать. Безъ масокъ они были обыденные и потому болѣе близкіе, чѣмъ показались вчера, но сложнѣе. Пришли они, говорятъ и думаютъ, чему-то внимаютъ; для каждаго дѣйствительность своя, какая-то особенная.

— Вѣдь люди непонятны другъ другу? — сказала Кира, вслухъ продолжая свою мысль.

— А все-таки надо жить, какъ будто понимаешь ихъ,— сказала, смѣясь, Ольга Андреевна,—и почти всегда понимаешь, только бы не вдумываться слишкомъ много, не мудрить.

— Любить надо людей, безъ любви не понять,—серьезно отвѣтилъ Александръ Игнатьевичъ.

Въ эту минуту вошелъ Вернейль, слегка надушенный, въ тонкихъ перчаткахъ, очень изящный; но Кирѣ онъ почему-то напомнилъ большую породистую собаку, которая вотъ сейчасъ ко всѣмъ приласкается, въ благодарность за то, что ее впустили, любуются ею и будутъ хвалить ее.

Вся его манера выражала увѣренность въ томъ, что ему рады. Это подѣйствовало заразительно на присутствующихъ; глядя на него, невольно всѣ привѣтливо улыбнулись.

Съ Барсюковыми онъ уже обращался какъ давнишній знакомый, а про гостей тотчасъ же сообразилъ, что они изъ категоріи русскихъ, не говорящихъ по-французски, но понимающихъ, и быстро нашелся.

— Льюбить!—единственное слово, которое я знаю по-русски, но вѣдь это самое важное, и лучше этого слова нѣтъ.

Онъ тонкимъ слухомъ уловилъ, входя, знакомый звукъ въ непонятной ему рѣчи, и нѣжно засмѣялся.

Не желая мѣшать разговору Ольги Андреевны съ русскими гостями, онъ дѣловито и весело обратился къ Кирѣ:

— И такъ мы будемъ серьезно работать?

Горничная внесла столикъ съ чаемъ. Ольга Андреевна, при видѣ тарелочекъ и серебра, вдругъ что-то вспомнила:

— Скажите, мосье Вернейль, вы знакомы съ де-Шербонелями? Они пригласили меня на обѣдъ. Это интересный домъ?

— Очень интересный, очень полезный домъ!—съ воодушевленіемъ отвѣтилъ Вернейль.—Тамъ бываютъ литераторы, директора большихъ газетъ. Прекрасно, что вы съ ними знакомы: вашей прелестной дочери это можетъ оказаться важной поддержкой, когда она рѣшится выступать въ концертахъ.

— Но меня пригласили одну,—продолжала Ольга Андреевна.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Вернейль,—молодыхъ барышень на обѣдъ съ литераторами не приглашаютъ.

— Жаль—сказала Кира:—я совершенно не желаю, чтобы на меня смотрѣли какъ на свѣтскую барышню. Это—глупое, несносное положеніе. Я хочу, чтобы меня считали артисткой.

У Вернейля глаза зажглись радостнымъ, веселымъ огонькомъ, но онъ сказалъ спокойно:

— Признаютъ васъ артисткой, вы побѣдите Парижъ, и такъ какъ въ придачу къ вашему таланту вы имѣете неотразимое очарованіе молодости...

Тѣмъ временемъ художникъ говорилъ Настѣ:

— Я бы хотѣлъ нарисовать вашъ портретъ.

А Ольга Андреевна, въ добродушномъ настроеніи, думая объ интересныхъ знакомствахъ на обѣдѣ, куда приглашена была одна, уже чувствовала себя всемогущей и готова была всѣмъ и каждому обѣщать свое покровительство.

— Я уже знаю нѣкоторыхъ журналистовъ,—заявила она и назвала ихъ.

Вернейль поморщился и сдѣлалъ знакъ рукой, какъ будто показывалъ чей-то очень незначительный ростъ.

— И эти могутъ быть полезны, но надо искать выше, и мы найдемъ, найдемъ.

Онъ былъ такъ счастливъ, такъ милъ въ своемъ желаніи создать Кирѣ большой успѣхъ, такъ видимо умѣлъ устраивать подобныя дѣла, что русскіе, привыкшіе къ долгой непризнанности, къ борьбѣ съ легкомысленной толпой, смотрѣли на него съ удивленіемъ. Не будь онъ веселъ и простъ, онъ бы показался имъ циничнымъ.

— Надо умѣть все подготовить, заинтересовать публику, создать рекламу въ салонахъ и заручиться журналистами; тогда все пойдетъ какъ по маслу...

— У васъ у самого такой яркій, необыкновенный талантъ, что вы навѣрное сразу были признаны,—сказала Ольга Андреевна.

— Развѣ талантъ имѣетъ значеніе!—вскрикнулъ онъ.—Для себя, да. Для своего собственнаго наслажденія или мученія, талантъ все, — прибавилъ онъ, сообразивъ, что имѣетъ дѣло съ людьми очень простодушными,—но публику надо заставить васъ слушать, заставить хитростью, пріучить къ звуку вашего имени, заставить ее повѣрить, что не знать васъ позорно и невѣжественно. Эти господа—художники? А, одинъ художникъ, другіе два—поэты? Ваши лучшія картины, ваши самые вдохновенные стихи пройдутъ незамѣченными, пока не найдется авторитетный критикъ, будь онъ дуракъ изъ дураковъ, который крикнетъ публикѣ: глядите! читайте! И послѣ этого, когда публика, какъ стадо барановъ, повалитъ къ вамъ, можете писать что хотите и какъ хотите: все будетъ прекрасно, геніально.

— Мы только что, до вашего прихода, говорили объ этомъ,— сказала Ольга Андреевна.

— Немного иначе,—тихо поправилъ ее Александръ Игнатьевичъ.

Вернейль быстро оглядѣлъ своихъ слушателей, замѣтилъ,

какъ всѣ они, за исключеніемъ Ольги Андреевны, молоды, и прибавилъ съ нѣкоторой грустью:

— Я обстрѣлянный, знаю все это.

Кира слушала, сдвинувъ брови. Одно было ясно ей: Вернейль серьезно повѣрилъ, что она должна быть артисткой, и эта ея цѣль, которую она привыкла считать недостижимой, нужной главнымъ образомъ для мечтаній, для недовольства настоящимъ, становилась возможной, почти обязательной. Отъ словъ надо было перейти къ дѣлу. Ей показалось, что кто-то взялъ ее за плечи и толкнулъ въ новый, совершенно неизвѣстный ей міръ.

— Вы думаете, что я могу чего-нибудь достигнуть?—спросила она тихо Вернейля.

— Несомнѣнно!—отвѣтилъ онъ ей также тихо:—голосовыя средства замѣчательны, но нужна работа.

Онъ поставилъ свою чашку на столъ и направился къ роялю, приглашая ее послѣдовать за нимъ, и, перелистывая ноты, продолжалъ тономъ исповѣди:

— Вы у кого берете уроки? У Марокети? Не годится, надо перейти къ Шалье. Онъ для меня согласится заняться вами. И надо намъ вмѣстѣ работать, разучить много дуэтовъ, привыкнуть другъ къ другу. Вѣдь первый, настоящій дебютъ у меня?

— Да,—отвѣтила Кира. И она почувствовала, что связала себя, подпала подъ его власть. Ее удивляла быстрая перемѣнчивость его манеры, то почти сурово-дѣловой, то теплой, наивно ласковой.

Вошелъ баронъ Экштейнъ, и русскіе гости поднялись, чтобы уйти. Вернейль имъ понравился, заинтересовалъ ихъ, а баронъ только стѣснялъ. Онъ держался съ тактомъ, но слишкомъ очевидно былъ изъ другого міра.

Разговоръ объ искусствѣ стало невозможно продолжать.

Ольга Андреевна, прощаясь съ русскими, говорила, обращаясь ко всѣмъ, восторженно:

— Я узнала столько новаго. Здѣсь оказывается масса интересныхъ лекцій, пріѣзжаютъ наши русскія знаменитости, профессора, литераторы! Это все надо будетъ посмотрѣть.

— Тогда мы-то васъ больше не увидимъ,—съ веселой укоризной сказалъ Экштейнъ.

— Отчего же? мы и васъ съ собой возьмемъ, — отвѣтила Ольга Андреевна, забывъ, что австрійскій баронъ ни слова не понимаетъ по-русски.

— Я буду очень счастливъ,—отвѣтилъ онъ, и сталъ покусывать себѣ усы.

Каждаго по разному разбирало нетерпѣніе.

— Это дѣло съ уроками пѣнія надо завтра же рѣшить,— говорилъ Вернейль.—Я переговорю съ Шалье, условлюсь, когда онъ можетъ васъ выслушать, и зайду сообщить результаты...

Художникъ повторялъ Настѣ:

— Я бы такъ хотѣлъ написать вашъ портретъ!

А Ольга Андреевна уговаривала поэтовъ читать у нея свои стихи и соображала, когда назначить вечеръ и какую публику созвать.

Всѣ вмѣстѣ ушли, остался изъ гостей одинъ австріецъ. Настя и Кира убѣжали. Ольга Андреевна тотчасъ же охладѣла къ своимъ соотечественникамъ. Она граціозно, съ кошачьей гибкостью, устроилась въ глубокомъ креслѣ и улыбалась Экштейну.

— Вамъ понравились мои новые друзья? — спросила она тономъ сомнѣнія.

— Мнѣ особенно понравилось, что они ушли, — отвѣтилъ онъ.—Но этотъ Вернейль—очень дѣятельный. Вы увидите, онъ каждый день будетъ являться сюда.

— Кирѣ онъ можетъ быть полезенъ.

— Несомнѣнно, у него положеніе въ артистическомъ мірѣ очень прочное. А она дѣйствительно хочетъ посвятить себя пѣнію?

— Какъ будто бы... Ей скучно...

— А вамъ? Не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ лично быть полезнымъ? Устроить вамъ уроки декламаціи, балетныхъ танцевъ?

Онъ цѣловалъ ей пальцы, осторожно игралъ ея рукой, какъ цѣнной хрупкой игрушкой.

— Мнѣ никогда не бываетъ скучно,—отвѣтила она,—и въ мои годы новаго не начинаютъ, а продолжаютъ старое.

— А это старое, какъ его зовутъ?

— Никакъ.

Она широко раскрыла глаза. Ея бѣлокурые волосы мягко вились вокругъ низкаго лба, кожа была свѣжа. Ей нельзя было дать больше тридцати лѣтъ.

— Какъ вы хотите, чтобы женщина хорошо сохранилась, когда она переживаетъ всякія терзанія? Вѣдь любовь—это нѣчто ужасное, связанное съ ревностью, со сценами; она вноситъ такую путаницу въ жизнь!

— Я васъ и не приглашаю переживать терзанія, а только позволять себя любить.

Она покачала головой, прищурила глаза.

— Такъ не хочется,—отвѣтила она, смѣясь.

— Вы самая безнравственная женщина, которую я когда-либо встрѣчалъ,—сказалъ онъ искренно.—И зачѣмъ было вчера одѣвать этотъ костюмъ?

— Развѣ было не красиво?

— Восхитительно! Всѣ поголовно были въ васъ влюблены, вы вызвали цѣлую бурю страстей...

Рука Ольги Андреевны слегка вздрогнула.

— Когда я разорюсь, я выйду за васъ замужъ.

— И будете запирать свою дверь на ключъ! Не разоряйтесь, а завтра, гуляя, зайдите посмотрѣть картину Гойя, которую я недавно купилъ. Зайдите такъ, на десять минутъ. Мнѣ это нужно, чтобы я могъ себѣ сказать, когда буду одинъ сидѣть и думать о васъ, что вы были здѣсь, посидѣли на такомъ-то креслѣ... Зайдете?

Она задумалась.

— Не знаю, лучше не ждите.

Онъ ушелъ. Ольга Андреевна вспомнила, какъ при ней одна француженка дѣловито объясняла свой бюджетъ: „Конечно за квартиру, за хозяйственныя мелочи я плачу сама, но нарядныя платья и золотыя вещи мнѣ даютъ“. Она улыбнулась. „Бѣдный Экштейнъ! Можетъ быть, кто знаетъ, еслибы мнѣ не было чѣмъ заплатить портнихѣ...“

— Кира!—крикнула она, подбѣжавъ къ двери.—Что въ послѣднемъ письмѣ пишетъ управляющій?

— Да знаешь же сама: пшеницу выгодно продалъ,—отвѣтила изъ другой комнаты Кира.

Ольга Андреевна подошла къ зеркалу и поклонилась своему отраженію.

— Родилась я подъ счастливой звѣздой!—сказала она себѣ ласково.

VII.

Со дня маскарада весь строй жизни у Барсюковыхъ измѣнился. Началось какое-то осмысленное напряженіе; послѣдовательно проявлялась энергія. Ольга Андреевна работала надъ пріобрѣтеніемъ полезныхъ знакомствъ, дѣлала визиты уже систематично; много времени тратила на портнихъ, и совершенно преобразилась. Кира такъ увлеклась пѣніемъ, что ни о чемъ другомъ, казалось, и думать не могла. Упражнялась упорно, подвергла себя строгому режиму для поддержанія здоровья, рано

ложилась, гуляла и на ходу останавливалась, чтобы глубокими вздохами развить дыханіе, ежедневно дѣлала гимнастику.

Къ знаменитому Шалье она въ первый разъ отправилась съ Ольгой Андреевной, но присутствовалъ при испытаніи и Вернейль. Онъ почтительно обращался съ Шалье, маленькимъ, толстенькимъ старичкомъ, подвижнымъ и шумнымъ, восхищался каждой произнесенной имъ фразой. И Шалье его также осыпалъ комплиментами, называлъ геніемъ, первымъ скрипачомъ міра. Киру онъ заставилъ пѣть съ листа, на серединѣ прервалъ ее и подсунулъ новыя ноты, затѣмъ велѣлъ ей пѣть разученную ею арію, и какъ только она кончила, заставилъ ее повторить нѣсколько пассажей, при чемъ потрясалъ сѣдой гривой и вертѣлъ глазами. А Вернейль скромно сидѣлъ въ глубинѣ зала и не спускалъ съ нихъ глазъ. Кирѣ вспомнился консиліумъ докторовъ: ея казусъ будетъ обсуждаться, и вотъ сейчасъ она услышитъ свой приговоръ. И даже на поблѣднѣвшемъ лицѣ Ольги Андреевны она читала вопросъ: есть ли надежда?

Кира пѣла хорошо, она это чувствовала, и нѣжная улыбка, которую, взглянувъ на Шалье, себѣ позволилъ Вернейль, успокоила ее. Шалье вдругъ круто повернулся на своемъ табуретѣ и обратился къ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Ваша дочь хочетъ быть серьезной артисткой?

— Вы считаете это возможнымъ? — спросила, оторопѣвъ, Ольга Андреевна.

— Маэстро убѣдился, что имѣетъ дѣло съ крупнымъ талантомъ,—вставилъ Вернейль.

— Да, да, безусловно. Все, что вы мнѣ сказали, вѣрно, въ чемъ я и не сомнѣвался. Такой знатокъ, какъ вы, не можетъ ошибаться. Но у мадемуазель много дурныхъ привычекъ, не владѣетъ своимъ ремесломъ, какъ вы мнѣ и говорили. Она первна, полагается на вдохновеніе. Вотъ сейчасъ при насъ она одинъ и тотъ же пассажъ аріи пропѣла два раза, и каждый разъ на другой ладъ. Развѣ это школа? Это—исканіе, это—неувѣренность въ себѣ. Но музыкальность большая, скажу больше: огромная. Голосовыя средства хорошія, тембръ свѣжъ, хрустально чистъ,— онъ улыбнулся и взялъ на рояли ноту, особенно понравившуюся ему у Киры, взялъ какъ будто погладилъ, приласкалъ клавишу,— но силы особенной нѣтъ, и не знаю, насколько она разовьется, не знаю. Это зависитъ отъ того, какъ будетъ мадемуазель работать... Я предрѣшать не могу.

Онъ опустилъ голову и исподлобья смотрѣлъ на Киру, слегка раздувъ щеки.

Кира покраснѣла. Она угадывала то, чего онъ не говорилъ: ростъ малъ, наружность для сцены не особенно благодарная. А Вернейль передъ этимъ уже объяснялъ Шалье, что поетъ она еще неумѣло. Онъ обсуждалъ ея недостатки и вовсе не былъ ослѣпленъ ею.

— Я хочу быть концертной пѣвицей,—холодно отвѣтила Кира.—Объ оперѣ я еще не думала.

Ольга Андреевна испустила вздохъ разочарованія; ей въ данную минуту хотѣлось, чтобы Кирѣ обѣщали въ близкомъ будущемъ первое мѣсто въ первой оперѣ міра. Она сказала, утѣшая себя:

— Сцена имѣетъ свои неудобства...

Шалье развелъ руками.

— Это не мое дѣло, не мое дѣло!

Онъ видимо разсердился.

— Надо знать, куда идешь, намѣтить себѣ цѣль и добиваться ея! Итакъ, мадемуазель желаетъ быть концертной пѣвицей. Я счастливъ, что могу ей пророчить успѣхъ, если только она будетъ меня слушаться. Въ дальнѣйшемъ, я не отрицаю и оперы. Черезъ нѣкоторое время можно будетъ пѣть въ салонахъ.

— Мѣсяца черезъ два?—спросилъ Вернейль.

— Скажемъ три,—отвѣтилъ Шалье.—Три урока въ недѣлю, условія мои вамъ извѣстны...

— Мы очень рады,—отвѣтила Ольга Андреевна, хотя не справлялись еще о платѣ.

— Маэстро, ваша ученица доставитъ вамъ честь!—съ чувствомъ сказалъ Вернейль.

— Вы открыли ее, вы!—лукаво подмигнувъ, отвѣтилъ старикъ.

Онъ быстро оторвалъ листокъ изъ записной книжки и написалъ Кирѣ, какія ноты купить.

— Честь имѣю кланяться. Приходите послѣ-завтра въ четверть второго. И не пѣть теперь ни при комъ!

Онъ быстро выпалилъ нѣсколько любезныхъ фразъ о Россіи, о чудныхъ русскихъ голосахъ и, еще разъ поклонившись, исчезъ за портьеру.

Вернейль былъ въ восторгѣ, потиралъ себѣ руки.

— Этотъ Шалье молодецъ! Какія чудеса онъ успѣетъ за три мѣсяца совершить! Большое выступленіе въ свѣтъ новой, прелестной пѣвицы можно уже приблизительно назначить на апрѣль. Дебютъ у меня? Какъ я счастливъ! А до этого не пѣть при публикѣ.

Кира соглашалась; вѣдь это и раньше было рѣшено. Все, что предпринималъ Вернейль, было разумно, дѣльно. Но все совершилось такъ быстро, что Кира чувствовала себя щепкой, брошенной въ водоворотъ. Въ замѣнъ ея воли стала воля Вернейля. „Оно, пожалуй, и къ лучшему,—подумала она:—я до сихъ поръ была слишкомъ предоставлена себѣ".

Они стали видѣться почти ежедневно. Вернейль слѣдилъ за успѣхами Киры и самъ игралъ ей свои композиціи.

— Случилось то, чего я боялся,—объявилъ онъ ей послѣ двухнедѣльнаго знакомства:—я дня не могу прожить, не повидавъ васъ; ноты не могу написать, не проигравъ ее вамъ.

Кира засмѣялась и повела плечами.

— Въ этомъ ничего трагичнаго нѣтъ; вѣдь никто вамъ не запрещаетъ приходить.

Онъ былъ очень доволенъ.

— О, этотъ милый, насмѣшливо-снисходительный тонъ! Не разобрать, что у васъ на умѣ! А меня такъ къ вамъ тянетъ!

Кира и не думала отстранять его. Она чувствовала, что къ ея музыкальной карьерѣ этотъ человѣкъ, на видъ безпечный и легкомысленный, относится съ уваженіемъ, что у него большое упорство въ достиженіи цѣли—и она давала ему распоряжаться собой. Вообще частое присутствіе занятаго ею человѣка было ей необходимо. Кромѣ того, ее забавляла крайняя подвижность Вернейля и склонность его къ балагурству. Въ разговорѣ съ другими мужчинами, мало ему знакомыми, его никогда не покидало сознаніе своего таланта, богатства и общественнаго положенія; и тогда Кира находила, что у него глупо чопорный видъ. Съ женщинами же онъ былъ всегда крайне мягокъ, а при малѣйшемъ поводѣ становился ласково-фамильяренъ и умилялся.

Почти всѣ женщины ему нравились, почти каждую онъ хвалилъ. Оставаясь наединѣ съ Кирой, онъ превозносилъ и Ольгу Андреевну, и Настю, хотя, упоминая о Настѣ всегда быстро приговаривалъ: „слишкомъ холодная, слишкомъ холодная". Отъ Коти онъ пришелъ въ сильный восторгъ; даже въ Сашенькѣ, которую видѣлъ только разъ, подмѣтилъ ея красиво очертанныя маленькія уши. Онъ такъ вѣрно, съ перваго взгляда улавливалъ все хорошее въ наружности, манерахъ, улыбкѣ каждой женщины, что Киру это приводило въ недоумѣніе.

„Которая бы изъ насъ ни приманила, прибѣжалъ бы, не помня себя отъ радости",—думала она.

Но ее онъ называлъ своимъ другомъ и вдохновительницей. То какъ знатокъ съ нѣжнымъ вниманіемъ прислушивался къ

каждой нотѣ, которую она пѣла—будь это даже простое упражненіе,—то становился необузданно веселымъ, слагалъ цѣлые хвалебные гимны ея губамъ, радовался, что видитъ ея зубы, съ необыкновенной быстротой и гибкостью бросался передъ ней на колѣни, такъ же неожиданно вскакивалъ, бралъ ее подъ-руку и заставлялъ съ собой ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, причемъ весьма удачно и добродушно начиналъ передразнивать ихъ общихъ знакомыхъ или же краснорѣчиво и съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ разбиралъ какое-нибудь музыкальное произведеніе.

Съ самаго начала онъ замѣтилъ, что гостиная Ольги Андреевны не приспособлена для музыки, что резонансъ плохъ, мебели слишкомъ много; вскорѣ онъ сталъ жаловаться и на случайныхъ посѣтителей. Ольга Андреевна приласкала поэтовъ, пріучила ихъ заходить въ любое время, а художникъ уговорилъ-таки Настю позировать для портрета. Часто толпились въ гостиной и, по мнѣнію Вернейля, мѣшали правильнымъ занятіямъ Киры.

— Надо приходить упражняться ко мнѣ,—предлагалъ онъ.—У меня есть комната, спеціально устроенная для музыки, и мнѣ самому удобнѣе играть вамъ у себя, чѣмъ постоянно таскать сюда свою скрипку. А совѣтоваться съ вами мнѣ необходимо, вы это знаете.

При этомъ онъ дѣлалъ серьезное лицо, означающее, что когда рѣчь шла объ искусствѣ, то, очевидно, всѣ шутки откладывались въ сторону.

Кира подолгу, въ упоръ, разглядывала его и не знала, нравится ли онъ ей, или нѣтъ. Онъ былъ даровитъ и ловокъ, онъ былъ забавенъ и преданъ ей; наконецъ, онъ ей былъ нуженъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то смущало ее въ немъ.

— Какой-то онъ не настоящій,—разъ сказала она Настѣ.—Рѣзвится онъ, какъ породистая собака, и страшный.

— Каждый человѣкъ страшный,—отвѣтила Настя.

— Да нѣтъ же, ты меня не понимаешь: онъ страшенъ не своей сложностью, а какой-то особенной простотой. И волосы у него на рукахъ такіе черные и длинные,—когда онъ водитъ смычкомъ по скрипкѣ, то видно изъ-подъ манжетки,—и ноздри большія, черныя. Издали красивъ, а вблизи страшенъ.

— А ты слишкомъ близко не подпускай, вотъ и всегда будетъ красивъ,—огрызнулась Настя.

Кира съёжилась, уставилась на коверъ.

— Тебѣ легко говорить, ты живешь внѣ жизни, а я не могу...

Ей вспомнилась сцена охоты давно, въ ихъ имѣніи. Она была

еще дѣвочкой и любовалась тому какъ собака сосѣда,—великолѣпная собака, — кружила по лугу. Казалось сперва, что она играетъ, но это былъ тонкій, безошибочный маневръ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ: попалась какая-то птица... И всѣ хвалили веселую, умную собаку.

— А твой художникъ и мамины поэты тоже страшные?— спросила Кира.

— Они окружаютъ себя призраками и потому нѣжны... боятся ихъ разсѣять,—отвѣтила Настя.

— И ты призракъ? Денисъ Ивановичъ пишетъ портретъ призрака?

— Да: всѣ, кто не звѣри, тѣ призраки.

Кира головой качала.

— Вотъ какъ! Но все равно, для моего искусства однихъ призраковъ недостаточно.

— Твое искусство, самое низшее, направленное на чувства исключительно,—презрительно отвѣтила Настя.

Кира взглянула на часы. Тщательно уложила ноты въ кожаную сумочку трубочкой и отправилась въ первый разъ къ Вернейлю.

Ее поразила обдуманная роскошь его обстановки. Онъ страшно обрадовался, когда она высказала ему это.

— Вамъ нравится, какъ я живу! Это жена моя все устроила; у нея много вкуса, много умѣнья. У нея несомнѣнно есть хорошія стороны, несомнѣнно!

Онъ предложилъ Кирѣ осмотрѣть всѣ комнаты: залъ, нѣсколько величественный empire, съ желтой чопорной мебелью вдоль стѣнъ и большимъ роялемъ; гостиную Louis quinze, вычурную, веселую; свой кабинетъ.

— Я самъ здѣсь немножко прибралъ, до вашего прихода; хотѣлъ, чтобы было красиво.

Кира уставилась на большой портретъ надъ письменнымъ столомъ.

— Это ваша жена?

— Да, она была очень красива, очень!

— А теперь?

— Теперь тоже ничего. — Онъ самодовольно улыбнулся.— Въ общемъ красивое еще явленіе. Величественная, прекрасно умѣетъ принимать. Вотъ увидите.

Киру покоробило, что онъ съ ней такъ охотно говорилъ о женѣ. Онъ какъ будто бы угадалъ и сказалъ, нѣжно смѣясь:

— Она будетъ съ вами очень любезна, только вы ей не

говорите: „Мадамъ Вернейль, вашъ мужъ такъ въ меня влюбленъ, онъ меня только что такъ страстно цѣловалъ“!

— Что за ерунда!—вскрикнула Кира.

— Никакой ерунды нѣтъ, моя вдохновительница, моя звонкая птичка. Случилось то, что̀ я предвидѣлъ: я безъ васъ жить не могу.

Серьезное, жадное выраженіе появилось у него на лицѣ.

— Показывайте мнѣ другія комнаты!—сказала Кира.

— Да, конечно покажу. Вотъ столовая съ креслами Louis quinze. О соблюденіи стиля мы не заботились. Тутъ и средневѣковые лари, деревянныя статуи, японщина и всякая смѣсь. Но гармонія получается, не правда ли? Здѣсь пріятно ѣсть, сидя на удобномъ, красивомъ креслѣ и глядя на красивыя плечи сосѣдокъ. Васъ, какъ артистку, а не банальную барышню, скоро будутъ приглашать на большіе обѣды, и ваши плечи будутъ золотиться подъ свѣтомъ электричества. Смуглыя плечики, съ тонкой атласной кожей. Такъ я говорю, угадалъ? Теперь пойдемъ назадъ. Вотъ тутъ, рядомъ съ кабинетомъ—спальня жены.

Онъ растворилъ дверь и любовался видомъ уютной комнаты, съ огромной, изъ рѣзного дерева, двуспальной постелью. Шолкъ одѣяла блестѣлъ подъ кружевной покрышкой. Постель была такъ аккуратна и нарядна, что при видѣ ея невольно вспоминалась выставка мебельнаго магазина.

Кирѣ померещилась, на кружевахъ подушекъ, рѣзкая, мужественная голова Вернейля, съ большими усами. Она смутилась и покраснѣла.

— Когда жена вернется, тутъ будетъ сильно пахнуть духами,—сказалъ онъ нѣжно.

— И теперь пахнетъ духами.

— Я только слегка душу усы... А вотъ тамъ дверь въ ея уборную. Устроена на подобіе сада, растенія подъ зеркаломъ, зеленый трельяжъ вдоль стѣнъ. Хотите посмотрѣть?

— Своей комнаты у васъ нѣтъ?

— Своей спальни? — Онъ выразилъ комическій ужасъ. — Нѣтъ, мы—хорошіе супруги. Конечно, каждый изъ насъ дѣлаетъ приблизительно то, что̀ хочетъ, но зачѣмъ же это выставлять на показъ? Супруги—это люди, имѣющіе свою фирму, съ которой свѣтъ считается. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, которые подходятъ другъ къ другу по воспитанію, состоянію,—а если у него нѣтъ состоянія, то есть либо надежда на карьеру, либо талантъ, либо доходная профессія—вступаютъ въ бракъ и вмѣстѣ

создаютъ себѣ положеніе. Въ началѣ иногда бываетъ страстная любовь,—почти всегда, если ни тотъ, ни другой не уродъ; а потомъ, когда мужъ начинаетъ искать развлеченія на сторонѣ, тогда же находится какой-нибудь его другъ, который выказываетъ полную готовность посидѣть съ его женой, чтобы она не слишкомъ скучала. Надо съ этимъ мириться, быть достаточно справедливымъ, чтобы понять, насколько это нормально и удобно. А дать своей фирмѣ распасться—глупо и жестоко.

— Жестоко?—тихо спросила Кира.

— Конечно, жестоко, по отношенію къ женѣ. Что она станетъ дѣлать?

— Уйдетъ съ тѣмъ, кого полюбитъ.

Онъ покачалъ головой.

— Это не то, не то. Жизнь потеряетъ весь стройный смыслъ, свѣтъ косо посмотритъ. Что станетъ дѣлать женщина, привыкшая принимать, создавать свѣтскимъ путемъ карьеру себѣ и мужу, если ее заставятъ жить исключительно интересами любви?

Кира оторопѣла.

— Не знаю. А по отношенію къ той, которую мужъ любитъ, эта фирма съ законной женой не обидна?

— Нисколько! — съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Вернейль. — Та, обыкновенно, тоже замужняя женщина, дорожащая своимъ очагомъ, актриса, привыкшая мѣнять любовниковъ, или же артистка, для которой семейныя узы не нужны. Высокая душа, щедро приносящая себя въ даръ; взамѣнъ она получаетъ колѣнопреклоненное обожаніе, ничего не разрушая. Въ итогѣ всѣ счастливы и никто не страдаетъ.

— Вотъ какъ!—сказала Кира.—Мы, русскіе, думаемъ, что когда мужчина и женщина полюбили другъ друга, то должны преодолѣть всѣ препятствія, отбросить глупые предразсудки...

Вернейль улыбнулся.

— Да, да, у васъ масса разводовъ и ужаснѣйшій безпорядокъ. Такая талантливая нація, и никакого понятія объ организаціи, ни въ чемъ! Любите вы меньше нашего и все на своемъ пути опустошаете. Вѣчно заключаете новые союзы, и все это не прочно, и число несчастныхъ растетъ.

— Я пришла, чтобы пѣть,—сказала Кира.

— И вы будете пѣть, сейчасъ же, если хотите. Но вѣдь у васъ времени много, отчего бы намъ не поболтать? Я такъ счастливъ, такъ невыразимо гордъ, что вы здѣсь у меня...

— Чего же тутъ гордиться? Я пришла оттого, что у васъ резонансъ лучше, чѣмъ у насъ.

— Ну конечно! И къ любому мужчинѣ вы бы пошли, будь у него зала съ хорошимъ резонансомъ?

Онъ смѣялся и началъ быстро ходить по комнатѣ, взявъ Киру подъ-руку.

— Говорятъ, что мужчины тщеславны... Разумѣется, мы тщеславны! Мы некрасивы, грубы, одѣты въ дурацкіе темные костюмы, а насъ любятъ такія прелестныя, чуткія, хрупкія созданія, какъ вы! Есть съ чего возгордиться.

Онъ усадилъ Киру въ кресло и сталъ на колѣни передъ нею.

— Вы воображаете, что я въ васъ влюблена? — спросила Кира.

— Я не смѣю высказываться столь самонадѣянно, а все-же мнѣ кажется,—онъ нѣжно улыбнулся и умоляюще смотрѣлъ ей въ глаза,—что я вамъ не противенъ. А это уже много, очень много. Теперь скажите мнѣ вотъ что, — онъ слегка нажималъ ея колѣни своими сложенными руками:—совершенно ли вы свободны?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что сказалъ. Это очень просто.

Кира коротко разсмѣялась.

— Вы вѣдь знаете, что имѣете дѣло съ барышней?

— Я знаю, слышалъ отъ васъ и запомнилъ, что вы желаете быть не барышней, а артисткой. Слѣдовательно, я имѣю дѣло съ женщиной, стоящей выше всякихъ предразсудковъ. Я знаю еще, что вы чрезвычайно привлекательны и что вамъ должны были это говорить сотни разъ, и думаю, что кого-нибудь вы могли слушать съ удовольствіемъ. Мнѣ дѣла нѣтъ до прошлаго, — прибавилъ онъ съ живостью, — но мнѣ нужно знать, какъ вы обставили настоящее.

Кира попробовала его оттолкнуть, но это ей не удалось; она пожала плечами.

— Къ чему эти разспросы? Вѣдь вы сами не свободны, женаты и дорожите женой.

— Я не свободенъ? Я конечно дорожу женой, не хочу скандала, но этимъ дѣло кончается. Своими чувствами я могу распоряжаться, какъ хочу.

Кирѣ мучительно хотѣлось имѣть право сказать: а я совершенно не свободна; есть человѣкъ, которому я дала право защищать себя и который вѣритъ мнѣ. Но такого человѣка не было, она сама его отстранила. Ей жарко становилось отъ близости Вернейля. А онъ надвигался и слегка обнялъ ее за талію.

— Какая тонкая, гибкая талія! Никогда такой не видалъ. А долго же вамъ надо размышлять, чтобы рѣшить, свободны ли вы или нѣтъ.

— Совершенно свободна, и желаю остаться такой,—сказала она, со всей силой отталкивая Вернейля. Но онъ даже не покачнулся и разсмѣялся.

— Какая милая поза самозащиты и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжности!

Онъ посмотрѣлъ въ зеркало, отражавшее ихъ обоихъ, и Кира тоже взглянула. Она увидѣла, что держитъ обѣ руки на плечахъ Вернейля, и покраснѣла отъ досады.

— Что мнѣ съ вами дѣлать?—сказала она съ нетерпѣніемъ.

Онъ вскочилъ на ноги.

— А что хотите! Только прогонять меня вамъ нѣтъ разсчета. Подумайте хорошенько. Если Шалье согласился вамъ давать уроки и почтительно относится къ вамъ, то это оттого, что я ему нуженъ. Если вскорѣ иллюстрированные журналы будутъ помѣщать вашъ портретъ, газеты—пѣть вамъ хвалу, то опять-таки отъ того, что я васъ лансирую. Вы думаете, что можете обойтись безъ меня? Пожалуй, я этого не отрицаю; но вы можете надѣлать рядъ ошибокъ, потерять время, лансировать себя невыгодно и получать оскорбительныя предложенія. Ваша очаровательная мать не особенно осмотрительна, и ей надо помогать. Я вамъ оказываю услуги и вы ихъ принимаете, что̀ весьма съ вашей стороны благоразумно. Вотъ что я хочу сказать.

— А за услуги надо платить, не такъ ли?—спросила Кира.

— Довѣріемъ, полнымъ довѣріемъ. Я хочу и считаю, что имѣю право знать больше про васъ, чѣмъ любой знакомый, который дѣлаетъ вамъ визиты или случайно видитъ васъ у другихъ.

— Вы хотите знать, не грозитъ ли вамъ непріятностью ваше участіе во мнѣ? Я могу васъ успокоить. У меня нѣтъ, какъ вы знаете, ни брата, ни отца; нѣтъ, какъ я уже вамъ сказала, близкаго друга.

Ея губы дрогнули.

— Нѣтъ и не было?—Онъ разсмѣялся.—То-есть, я понимаю, что отецъ у васъ былъ; ну, а близкій другъ?

— Вы только что сами сказали, что до прошлаго вамъ нѣтъ дѣла,—замѣтила Кира.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ тихо,—вы мнѣ отвѣтили.

Онъ отошелъ, потрогалъ цвѣтокъ въ букетѣ на столѣ и передвинулъ букетъ ближе къ Кирѣ.

— Я эти цвѣты приготовилъ для васъ, чтобы вамъ было у меня пріятно,—сказалъ онъ.

Она имѣла утомленный и равнодушный видъ, не встала съ кресла и о чемъ-то, казалось, задумалась.

Онъ сѣлъ на коверъ у ея ногъ.

— Итакъ, вы одна, совсѣмъ одна, такая молоденькая! А онъ, бывшій, кто такой? Старикъ, ухаживавшій за вашей матерью и вдругъ замѣтившій, что вы подросли?

Кира вскочила. Вернейль улыбнулся и откинулъ голову на только что покинутое ею кресло. Онъ потеръ щеку о гладкій сафьянъ.

— Теплый! какъ живой!—сказалъ онъ.

— Слушайте!—сказала Кира:—моя исповѣдь очень короткая. У меня былъ женихъ. Я долго думала, что буду съ нимъ счастлива, потомъ замѣтила, что мы не подходимъ другъ къ другу, и отказала.

Вернейль поднялъ кверху руку и началъ загибать пальцы.

— Въ ваши годы долго не думаютъ о томъ, будешь ли счастливъ, когда нѣтъ къ этому препятствій, а берутъ свое счастье сейчасъ же. По крайней мѣрѣ такъ поступаютъ мужчины, особенно молодые; а вы разсердились, когда я намекнулъ на старика.

— Разумѣется, онъ былъ молодой! Лѣтъ на пять, на шесть старше меня, не больше. Два года тому назадъ кончилъ университетъ.

Вернейль притихъ и тоже поднялся. Лицо его омрачилось.

— Вотъ какъ! Значитъ, я вамъ кажусь дѣдушкой. Мнѣ сорокъ семь лѣтъ. А у васъ „долго“ былъ молодой женихъ, съ которымъ вы думали, что будете счастливы... Отчего же вы не поженились въ періодъ увѣренности?

— Я все оттягивала... Какъ-то не хотѣлось.

— А гдѣ онъ теперь, въ Россіи?

— Не знаю; можетъ-быть вернулся въ Россію, можетъ-быть остался здѣсь...

— Итакъ, вы порвали очень недавно!

Вся веселость его исчезла; онъ тихо перебиралъ пальцами. Кира смотрѣла на его руки, громадныя руки каменщика, съ такой нѣжностью и ловкостью прикасающіеся ко всему. Потомъ взглянула на его лицо и поразилась его грустнымъ выраженіемъ.

— Я не могу ничѣмъ быть для васъ,—сказалъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Я мечталъ о какомъ-то волшебномъ романѣ,

объ успѣхѣ вмѣстѣ, упоеніи вмѣстѣ, о скрытомъ счастьѣ,—о немъ догадывались бы можетъ-быть, шептались бы съ завистью, но передъ нами разступались бы, какъ передъ богами! Вашъ молодой голосъ прелестенъ, но и я, пожилой уже скрипачъ, работаю съ такой энергіей, какъ никогда, чтобы превзойти себя и быть достойнымъ васъ. И я ничего не достигну! Вернется молодой другъ и возьметъ васъ, отниметъ у меня. Всѣ эти разговоры о томъ, что вы будете артисткой—это не серьезно, это было рѣшено въ минуту сердечной досады. И главное, онъ, можетъ быть, еще здѣсь. Странно, странно. Когда узнаешь то, что смутно подозрѣвалъ, становится такъ больно! А я думалъ: старикъ какой-нибудь развратилъ дѣвочку. Замужъ она не можетъ или не хочетъ выйти... А развратнымъ пожилымъ господиномъ оказался я самъ.

— Ничего не измѣнилось,—отвѣтила Кира.—И я съ вами была вполнѣ откровенна, такъ искренна, какъ рѣдко бываю.

Ей стало жалко его. Она поняла, что по-своему онъ ее любилъ, и ее трогала та солидность, которую онъ на себя напускалъ. Но онъ долго не могъ быть мрачнымъ, и его глаза опять весело засверкали.

— Ну, независимая женщина, никто не будетъ посягать на вашу свободу. Но вы должны вознаградить меня за мою скромность.

И не давая Кирѣ опомниться, онъ покрылъ все лицо ея поцѣлуями.

— Такъ, такъ, оставайтесь одна, но помните, что любовь есть искусство, какъ говорили, если не ошибаюсь, греки. И что это искусство удивительно пополняетъ музыку. Если вы будете пѣть, имѣя въ душѣ только сожалѣніе о прошломъ, то можетъ выйти хорошо. Но если вы будете пѣть, имѣя увѣренность въ настоящемъ, сознавая вашу власть надъ вѣрнымъ рабомъ-любовникомъ, сознавая свою безумную щедрость и его безпредѣльную радость, то выйдетъ еще лучше, и ваши глаза засіяютъ. А теперь — ваши ноты на рояли; завтра въ это же время у меня будетъ вашъ аккомпаніаторъ, и мы попробуемъ тріо Мессаже. На вечерѣ у насъ будутъ Мессаже и Вильяръ.

Онъ театрально поклонился ей.

— Работайте, diva!

Кира совсѣмъ обезсилѣла. Она чувствовала еще на своемъ лицѣ мягкіе, шелковистые усы Вернейля, хотѣла что-то сказать, но не знала что. Онъ повелъ ее въ залу, взялъ тетрадь нотъ и весь ушелъ въ чтеніе ихъ. Она подумала, что глупо ей вол-

новаться, когда у него такой спокойный, почти строгій видъ; тряхнула головой и, робѣя какъ никогда въ жизни, зная, что онъ подмѣтитъ малѣйшее несовершенство, начала пѣть трудныя рулады.

Иванъ Странникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИСКАТЕЛЬ ЖЕМЧУГА

Нагъ и безоруженъ, не боясь акулъ,
Въ поискахъ жемчужинъ въ море я нырнулъ.

Грезой окрыленный, я по дну блуждалъ,
Тамъ услышалъ звоны, теремъ увидалъ.

Теремъ—сна чудеснѣй, теремъ изъ стекла.
Радостная пѣсня къ терему влекла.

Стаи рыбъ холодныхъ мимо пронеслись,
Стебли травъ подводныхъ предо мной сплелись.

Сѣть травы зеленой встала на пути,
Въ теремъ отдаленный я не могъ войти...

И меня нежданно унесла со дна
Къ берегамъ песчанымъ пѣнная волна...

Я брожу тоскливо, слышу звонъ во снѣ,
Не забыть призыва дивной пѣсни мнѣ!

Н. Карповъ.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I *).

Все, чего добились другіе — готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ — мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ.

Чернышевскій.

Въ 1860-мъ году, въ то время, какъ мы выѣзжали за границу, въ Петербургѣ только что отмѣнили институтъ будочниковъ съ аллебардами, только что зажгли, и то на одномъ Невскомъ, газовые фонари, еще не позволяли курить на улицахъ. Хотя насъ провезли часть пути по неоткрытой для публики желѣзной дорогѣ, все-же намъ пришлось два дня ѣхать въ дилижансѣ и ночевать въ какой-то харчевнѣ, гдѣ ничего не было, кромѣ деревянныхъ скамеекъ и клоповъ. Легко себѣ представить, какъ европейскіе порядки отличались отъ вышеописанныхъ и въ какой приводили восторгъ мою юную и впечатлительную душу. Уже Ковно поразило меня чистотой улицъ и оживленіемъ на нихъ. Мы посѣтили Веселовскій садъ, откуда открывался чудный видъ и гдѣ насъ подчивали вкуснѣйшими яблоками, русскую церковь, гдѣ во время службы кромѣ насъ не было ни одной

*) Первая часть воспоминаній Е. Ѳ. Юнге напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1905 г. (№№ 2—5). Авторъ воспоминаній—дочь извѣстнаго художника, графа Ѳедора Петровича Толстого.

души, и старинный монастырь Бернардинокъ, который могли посѣщать только однѣ женщины. О насъ доложили настоятельницѣ. Она вышла къ намъ навстрѣчу и повела меня подъ-руку прямо на хоры, гдѣ находились почему-то въ то время сестры. Одну изъ нихъ заставили играть на органѣ и потомъ пѣть; она была молода, красива, съ выраженіемъ грусти на лицѣ, прекрасно играла и голосъ у нея былъ великолѣпный. Осмотрѣвъ костелъ, мы пожелали видѣть помѣщеніе монахинь; насъ повели по узкому, полуобвалившемуся корридору, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стояли сундуки, принадлежащіе монахинямъ, куда выходили двери келій, маленькихъ, но чистенькихъ комнатокъ, съ самой необходимой мебелью, съ большими печами. Окна выходили на дворъ, откуда не было видно ничего, кромѣ высокихъ стѣнъ. Этотъ старый монастырь очень заинтересовалъ меня, но навелъ на грустныя размышленія: „какъ гибнетъ здѣсь молодая жизнь,—восклицала я въ своемъ дневникѣ, — какъ всѣ Богомъ данныя чувства подавляются здѣсь! Этимъ бѣднымъ женщинамъ запрещено сообщество людей, гдѣ онѣ могли бы найти источникъ добра; запрещена любовь, облагораживающая и возвышающая душу. Какъ часто благородный поступокъ можетъ привести въ восторгъ! Какъ часто одно слово, сказанное съ любовью, можетъ возвратить на путь истинный заблудшую душу! А имъ запрещено все это! Вотъ и развиваются между ними мелочность, сплетни, зависть...“

Кёнигсбергъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Вновѣ были мнѣ вытянутыя крыши, выступы пристроекъ старыхъ домовъ; вновѣ—раскинутые въ центрѣ города густые сады, съ прудами, со столиками, за которыми уютно пьютъ кофе, слушая хорошую музыку. Это такъ привлекло меня, что мнѣ не хотѣлось уѣзжать. Пріѣхавъ въ Маріенбургъ, мы отправились прямо на мостъ. Сторожъ, который намъ его показывалъ, говорилъ, что-то очень много объ устройствѣ этого замѣчательнаго моста, но я не слушала его: передо мною разстилался цѣлый средневѣковой рыцарскій городъ, съ его укрѣпленьями, подъемными мостами и сторожевыми башнями, великолѣпно освѣщенный заходящимъ солнцемъ. На другой день, мы осматривали самый замокъ. Рыцарскія залы съ толстыми колоннами, подпиравшими готическіе своды, расписныя окна, призраки Вальтеръ-Скоттовскихъ героевъ, въ бѣлыхъ мантіяхъ, съ красными крестами, перемѣшались и закружились въ моей головѣ... Я тотчасъ же описала Н. И. Костомарову видѣнное мною самыми самоцвѣтными красками. Онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Съ какимъ наслажденіемъ я прочиталъ ваше описаніе Маріенбурга, Катерина Ѳеодоровна!

. . . . . .

Какъ бы я хотѣлъ быть съ вами вмѣстѣ въ этихъ страшныхъ залахъ тевтонскихъ рыцарей, гдѣ подъ наитіемъ Іисусова Креста распинали на истребленіе и уничтоженіе литовское и финское племена, гдѣ приготовлялась та же участь и намъ, славянамъ, еслибы въ XIII-мъ вѣкѣ мужество Александра Невскаго и псковскаго Домонта не поставили границы этой страшной пропагандѣ, и еслибы, наконецъ, въ XV-мъ вѣкѣ поляки не нанесли ей смертоносный ударъ подъ Грюнвальденомъ. Какъ вы счастливы! Какъ я вамъ завидую! Ступайте впередъ, наслаждайтесь жизнью, упивайтесь любовью къ знанію, созерцаніемъ природы и искусства. Дай Богъ, чтобы ни одно черное облачко не пробѣжало надъ вами во все время вашего путешествія. Вы теперь въ Дрезденѣ. Я воображаю, какъ много почерпнете вы наслажденія въ созерцаніи дивныхъ произведеній искусства, безцѣнныхъ сокровищъ дрезденской галлереи, и какъ свѣжо, какъ прекрасно все это запечатлѣется въ вашемъ молодомъ, дѣвственномъ сердцѣ! Пишите, ради Бога, ко мнѣ; дозвольте мнѣ получать нѣсколько разъ такое удовольствіе, какое я получилъ сегодня.

„Я не могу сдѣлать моего письма такъ занимательнымъ, какъ ваше ко мнѣ. Кругъ моей жизни слишкомъ однообразенъ. По возвращеніи изъ Пскова, любезнаго мнѣ Пскова, съ его домонтовой стѣной, гдѣ мы попрощались, я занимался приготовленіемъ лекцій, которыя еще не начались. Мнѣ мѣшаетъ какая-то хандра, грусть, апатія, лѣнь умственная. Оказывается, что я своимъ литературнымъ врагамъ сильно досаждаю тѣмъ, что молчу и оставляю безъ отвѣтовъ и объясненій ихъ выходки. Я хорошо сдѣлалъ, что послушался васъ, когда вы мнѣ говорили, что я долженъ молчать.

„Небо сѣрое. Дожди безпрестанные. Итальянская опера еще не началась. Русская сцена со смертью Мартынова осиротѣла. Еслибы въ Ковнѣ былъ съ вами Донъ-Жуанъ, то, безъ сомнѣнія, онъ бы нашелъ возможность проникнуть въ жилище отшельницъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлалось въ средневѣковыхъ монастыряхъ. Тобинька здоровъ, но все еще скучаетъ [1]). Я его берегу, какъ ревнивый мужъ — жену-красавицу. Каждое утро будитъ меня. Мы съ нимъ гуляемъ по Васильевскому Острову часто.

[1]) Моя собачка, которую взялъ къ себѣ Н. И. до моего возвращенія.

„Да благословитъ васъ Богъ, Катерина Ѳеодоровна, да подастъ онъ вамъ столько счастья, сколько возможно оно на землѣ.

„Вашъ глубоко-преданный всѣмъ сердцемъ и душою
„Н. Костомаровъ.

„Цѣлую ручки милѣйшей бабушки!“ [1])

Берлинъ мало заинтересовалъ меня: онъ слишкомъ былъ похожъ на обыкновенные, новые города. Мы осмотрѣли Шарлоттенбургъ, музеи, Каульбаха и не преминули быть въ театрѣ, гдѣ давали балетъ; обстановка и декораціи были гораздо бѣднѣе нашихъ. Берлинцы показались мнѣ очень надменными и хвастливыми.

Магдебургъ и Лейпцигъ опять восхитили меня своими кривыми улицами и старыми домами. Жаль, что я не попала тогда въ Нюрнбергъ, куда мнѣ страшно хотѣлось, но куда, почему-то, ни разу, во время нашего пребыванія за границей, мы не нашли возможнымъ заѣхать. Я не повторяю здѣсь мое подробное описаніе достопримѣчательностей Лейпцига, ибо, несмотря на мои восторги, это будетъ похоже на Бедекера. Не помню только, есть ли у Бедекера маленькій фактъ, что на старинной церкви св. Николая въ небольшую нишу наружной стѣны вдѣлана подкова лошади св. Георгія!...

Три недѣли, проведенныя въ Дрезденѣ, были сущимъ праздникомъ для меня. Утромъ—рынокъ съ невѣроятнымъ обиліемъ фруктовъ и цвѣтовъ, чай въ саду нашей гостинницы, откуда открывался красивый видъ на Эльбу, поѣздки въ Саксонскую Швейцарію, кофе на Брюлевской террассѣ, галлерея и, главное, театръ, театръ съ такими великими артистами, какъ Девріэнтъ и Дависонъ, съ операми Моцарта и Вагнера!... Во время первой поѣздки въ Саксонскую Швейцарію я описывала каждую выдавшуюся надъ дорогой скалу, каждое ущелье; маленькіе городочки, вродѣ Шандау, я находила райскими мѣстами, и вездѣ мнѣ хотѣлось остаться и пожить... „Долинка окружена живописными горами,—описывала я,—въ серединѣ извивается и журчитъ прозрачная рѣчка; по обѣимъ ея сторонамъ домики, утопающіе въ зелени; дѣвушки поливаютъ разостланное по травѣ бѣлье, все дышетъ сельской идилліей. Кажется, люди здѣсь не могутъ быть ни злы, ни несчастны: они живутъ въ такой связи съ природой, видятъ передъ собой столько прекраснаго. Вспоминаешь Байрона:

---

[1]) Бабушкой называли мою маленькую сестру.

And peasant girls wich deep blue eyes
And hands, which offer early flowers,
Walk smiling o'er this paradise.

„Здѣсь человѣкъ является не разрушителемъ поэзіи ради своихъ выгодъ, а только, какъ бережливый садовникъ, поливаетъ и полетъ Богомъ созданный цвѣтникъ. Я видѣла ранѣе, что вездѣ, гдѣ только человѣкъ прикоснулся къ природѣ, тамъ онъ исказилъ ее и нарушилъ ея порядокъ,—и мнѣ было это больно,—а здѣсь человѣкъ соединился съ природой, не испортивъ ея".

Привлекали мое вниманіе также порядки въ нашей гостинницѣ „Бель-Вю". Моя сестрёнка подружилась со всей прислугой и потащила меня въ кухню. Она состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ: въ одной приготовляли кофе и чай, въ другой—мясо, въ третьей стояли варенья и салаты, въ слѣдующей—мыли фарфоровую посуду, дальше чистили мѣдную, еще дальше—хранилось бѣлье. Про кёльнеровъ я писала:... „это люди честно добывающіе свой хлѣбъ. Они никому ни въ чемъ не обязаны, ни передъ кѣмъ не будутъ унижаться, никому не позволятъ обращаться съ собой грубо, и потому сами со всѣми вѣжливы и предупредительны. Они разсуждаютъ объ театрѣ, о литературѣ, о природѣ и, въ свободное время, съ ними пріятно поговорить. Какая разница съ нашими *лакеями!* Горничная, разсказывая намъ про своего Schatz'a [1]), привела стихъ Шиллера и прибавила: „Да, Шиллеръ былъ великій писатель, онъ зналъ сердце человѣческое".

Въ Дрезденѣ тогда существовала большая простота нравовъ: когда намъ въ театрѣ хотѣлось пить, намъ въ Fremdenloge приносили пиво; не только въ публичныхъ садахъ, но и въ театрѣ дамы вязали чулки. Это послѣднее, а также холодность и чопорность нѣмцевъ злили меня: „Ахъ, эти ненавистные чулки,—воскликнула я,—какъ они меня возмущаютъ!.. Хорошенькія, молоденькія дѣвушки на гуляньѣ сидятъ около своихъ старухъ и цѣлый вечеръ не поднимаютъ глазъ со своего вязанья; мужчины сидятъ отдѣльно за пивомъ и сигарами. Иногда подойдетъ господинъ къ знакомой дамѣ (въ присутствіи ея мужа, конечно; иначе это было бы неприлично) и спроситъ: „Вы были вчера въ театрѣ?"—Да.—„Игралъ Дависонъ?"—Нѣтъ, Девріэнтъ.—„О, Девріэнтъ. Ja so!" Кажется, что послѣ этого господинъ спроситъ даму, какъ ей понравилось, или что дама выскажетъ какое-нибудь сужденіе о видѣнномъ. Нисколько! Кавалеръ воз-

[1]) Жениха.

вращается къ пиву, а дама принимается за работу съ такимъ рвеніемъ, какъ будто хочетъ возмѣстить потерянное время... Въ театрѣ сидятъ, молчатъ; дурно ли, хорошо ли играютъ актеры, зрители не выражаютъ своихъ впечатлѣній, не хлопаютъ. Дависона вчера ни разу не вызвали!!..“ Не смотря на непріятное зрѣлище вяжущихъ дамъ, я любила сидѣть на Брюлевской террассѣ, куда иногда приходили актеры, которыхъ занятно было посмотрѣть внѣ сцены. Девріэнтъ, несмотря на то, что приближался къ шестидесяти годамъ, справлялся какъ нельзя лучше съ ролями jeune-premier'овъ, былъ и внѣ сцены поразительно моложавъ. Игралъ онъ необыкновенно изящно, красиво, но холодно. Дависонъ былъ несравненно выше его, какъ художникъ. Про него говорили, что онъ очень образованный человѣкъ. Это видно было по его игрѣ: все у него было и продумано, и прочувствовано, всегда былъ виденъ художественный тактъ. Онъ давалъ цѣльный и сильный образъ, въ каждой роли онъ былъ другимъ, новымъ человѣкомъ. Въ легкой вещицѣ: „Der Königsleutenant“, передѣланной изъ разсказа въ „Wahrheit u. Dichtung“, Дависонъ изображалъ пожилого французскаго полковника, былъ сантименталенъ, немного смѣшонъ и очарователенъ. Трудно было повѣрить, что это — тотъ самый человѣкъ, который поражалъ насъ своимъ глубокимъ трагизмомъ въ „Валленштейнѣ“. Не могу назвать всѣхъ пьесъ, въ которыхъ я видѣла этихъ артистовъ; помню Девріэнта въ „Вильгельмѣ Теллѣ“, Дависона, кромѣ названныхъ уже вещей, въ „Натанѣ“ и обоихъ вмѣстѣ въ „Эмилія Галотти“ и „Коварство и любовь“. Въ обѣихъ послѣднихъ у Дависона были несимпатичныя роли, но какъ тонко и умно онъ проводилъ ихъ! До сихъ поръ жалѣю, что не удалось видѣть его въ его коронной роли Мефистофеля; воображаю, какъ великолѣпенъ долженъ былъ быть въ ней артистъ съ такимъ талантомъ и темпераментомъ. Самый театръ, впослѣдствіи сгорѣвшій, былъ прекрасенъ: весь сѣрый, спокойный, какъ по краскамъ, такъ и по линіямъ украшеній.

Несмотря на то, что я выросла среди художниковъ, я гораздо болѣе понимала толкъ въ драматическомъ искусствѣ и литературѣ, чѣмъ въ живописи. Большинство окружавшихъ меня живописцевъ или были мало развитые люди, или не высказывали своихъ техническихъ познаній; учителя мои обыкновенно ограничивались замѣчаніями: „вотъ это надо такъ сдѣлать,—здѣсь надо правѣе, а тутъ потолще...“ Марковъ, одинъ изъ нашихъ профессоровъ, котораго я, какъ человѣка, наиболѣе любила, глядя на мои работы, произносилъ: „это недостаточно прочувствовано“,

„тутъ любви мало“—слова, смыслъ которыхъ былъ для меня непонятенъ. Отецъ вообще мало говорилъ, и я часто пропускала мимо ушей его рѣдкія, но мѣткія замѣчанія. Къ тому же мнѣ было только шестнадцать лѣтъ и послѣдній годъ моей жизни я была занята совсѣмъ не вопросами искусства. Со столь малыми познаніями, съ нѣсколько потрясеннымъ уже картиной Иванова, но все же всосавшимся въ кровь поклоненіемъ итальянскому искусству возрожденія, предстала я передъ Сикстинской Мадонной.

Мы съ сестрой такъ волновались, что долго не могли войти въ комнату, гдѣ она находилась, а я, войдя наконецъ, не сразу рѣшилась поднять на нее глаза. И что же? Я разочаровалась! Разочаровалась въ самомъ воплощеніи образа Мадонны. „Да это не Матерь Божія! — воскликнула я — это глупенькая дѣвочка, которая няньчитъ своего братишку!“ Въ этомъ возгласѣ, мнѣ кажется, выразилось отчасти наше русское пониманіе Богородицы: для насъ она прежде всего *Мать*, для католиковъ—*Дѣва*. Потомъ, часто видя эту картину, мое мнѣніе нѣсколько измѣнилось, я примирилась съ ея дѣвичествомъ и писала: „дольше присматриваясь къ ней, находишь что-то необъяснимое, привязывающее къ ней. Кажется, будто она сошла съ неба, и ей странно и пріятно видѣть опять земное: такое дѣтское удивленіе выражаютъ ея темные глаза. Правда, у нея ротъ кривой и непропорціонально большіе глаза, но въ ея лицѣ такая жизнь, что вотъ-вотъ она заговоритъ. Во всеиспытующемъ, глубокоосмысленномъ взглядѣ Младенца художникъ хотѣлъ изобразить Его всевѣдѣніе. Поза Его выражаетъ ту же мысль: какъ онъ взялся за свою ножку, погрузился въ глубокую думу! Это не обыкновенный ребенокъ, это—человѣкъ, который обсуживаетъ и провидитъ заранѣе судьбу человѣчества. Въ лицѣ Маріи болѣе дѣтской простоты и невѣдѣнія. Это было бы нелѣпо, еслибы Марія представлялась, какъ она жила на землѣ; но въ этой картинѣ она представлена не какъ земное существо, а какъ видѣніе. Всетаки эту картину слишкомъ восхваляютъ, слишкомъ превозносятъ. Развѣ хуже чудные Рембрандты?“ Кромѣ Рембрандта и Мурильо, столь знакомыхъ мнѣ по Эрмитажу, я восхищалась Тиціаномъ, Рюиздалемъ, Каналетто, а иногда нравились мнѣ такія посредственныя вещи, какъ „Дѣти художника“ Фогеля. Рубенсъ мнѣ былъ противенъ. Гольбейновская мадонна, столь любимая мною впослѣдствіи, въ то время ничего не сказала мнѣ.

Я чуть не со слезами разставалась съ Дрезденомъ. Послѣдній день мы провели въ такъ называемомъ Большомъ саду, гдѣ да-

вались представленія на открытой сценѣ и были устроены всякія увеселенія для дѣтей и взрослыхъ. Около деревянныхъ лошадокъ стояла толпа дѣтей, съ завистью смотрѣвшихъ на катающихся счастливцевъ. „Отчего вы не катаетесь?“ — спросила ихъ моя мать. „У насъ денегъ нѣтъ“.—„Такъ поѣзжайте, я за васъ заплачу. Сколько васъ тутъ?“ Оказалось человѣкъ десять. Ихъ лица засіяли счастьемъ. „Какое удовольствіе можно доставить какими-нибудь грошами!“ — сказала мама. „Да, — отвѣчалъ по-русски стоявшій возлѣ пожилой господинъ,—вы сдѣлали десять счастливцевъ“. Въ эту минуту дѣти, покатавшись, прибѣжали благодарить мама и со словами: „danke schön“ — протягивали ей свои ручонки. И вдругъ русскій господинъ вынулъ изъ кармана горсть конфектъ и бросилъ ее въ толпу дѣтей, которыя, конечно, начали выбирать ихъ изъ песку и перехватывать другъ у друга. Этимъ поступкомъ онъ привелъ меня въ негодованіе, я демонстративно отвернулась отъ него; къ счастью заиграла музыка, и мы отправились въ театръ.

Изъ Дрездена мы поѣхали по Эльбѣ, ночевали въ Aussig'ѣ. Утромъ попали въ соборъ, гдѣ пѣли чудную мессу, если не ошибаюсь—Гайдна. „Такъ и надобно,—писала я,—чтобы силою всѣхъ голосовъ и инструментовъ пѣть хвалу Богу: такая молитва несется прямо къ небу... И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что эта чудная молитва возносится этими людьми за австрійскаго императора! Нѣтъ, нѣтъ! Звуки прежде дойдутъ до Бога, чѣмъ пустыя слова, а звуки навѣютъ Ему другое, лучшее... Однако я сужу о Богѣ, какъ о человѣкѣ; какъ могутъ дѣйствовать на него слабые звуки нашей бѣдной земли? Такъ же малы и ничтожны, вѣроятно, кажутся Ему и страданія людей... А тотъ, который страдалъ и чувствовалъ съ людьми, неужели Онъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать для нихъ, и несправедливость и страданіе непремѣнно должны существовать на землѣ?.. Мои мысли смѣшались... Я вспомнила нашъ споръ съ Николаемъ Ивановичемъ, мнѣ стало стыдно, что я, находясь въ этой церкви, тоже какъ будто участвую въ молитвѣ за неправое дѣло. Нѣтъ, я буду сама по себѣ молиться, не за австрійцевъ, а за притѣсняемыхъ и угнетаемыхъ ими, и, можетъ быть, моя молитва, искренняя, исходящая изъ глубины души, и дойдетъ до моего Бога!..“

Въ такомъ восторженномъ настроеніи, въ первый же вечеръ нашего пріѣзда въ Прагу, я была свидѣтельницей сцены, сильно тронувшей меня. Мы пошли погулять и вдругъ увидѣли въ концѣ одной улицы множество огней; оттуда доносились звуки трубъ

и пѣнія. Мы поспѣшили туда. На площади, надъ конной статуей св. Венцеслава, были воздвигнуты арки съ разноцвѣтными фонариками; передъ нею стоялъ аналой, убранный цвѣтами и зажженными восковыми свѣчами. Одинъ изъ присутствующихъ стоялъ около и читалъ по-чешски молитвы, а народъ громкимъ пѣніемъ повторялъ его слова. Я долго въ умиленіи душевномъ молилась,—здѣсь уже воедино съ народомъ,—за освобожденіе славянъ отъ австрійскаго ига. Иго это дѣйствительно чувствовалось тогда даже въ мелочахъ жизни. Чешскіе и нѣмецкіе спектакли давались въ одномъ и томъ же театрѣ, но чешскій долженъ былъ начинаться въ самое неудобное время—въ половинѣ четвертаго часа дня; едва опускался занавѣсъ, публика должна была торопиться уходить, чтобы дать мѣсто уже толпившимся у входовъ зрителямъ нѣмецкаго представленія; некогда было и похлопать любимымъ и дѣйствительно хорошимъ актерамъ. Правительство какъ бы старалось вездѣ уничтожать національное чувство, но послѣднее все-же ярко проявлялось и въ публичныхъ демонстраціяхъ, вродѣ видѣнной нами въ день пріѣзда, и въ иниціативѣ частныхъ лицъ, которыя устроили и содержали многія общественныя учрежденія, между прочимъ интересный пражскій музей и библіотеку.

Мы имѣли письма отъ общихъ знакомыхъ къ извѣстному чешскому патріоту и политическому дѣятелю Ганкѣ. Онъ встрѣтилъ насъ тепло, радушно, вызвался самъ показать намъ достопримѣчательности своего родного города. Онъ былъ уже пожилой человѣкъ, но въ глазахъ его горѣла жизнь молодости. Его горячія рѣчи затронули живую струну въ моей душѣ: мы въ Петербургѣ часто мечтали объ объединеніи славянъ подъ гегемоніей Россіи,—повидимому и Ганка въ то время надѣялся еще на помощь нашего правительства. На другой день послѣ пріѣзда начался осмотръ города подъ его руководствомъ. Все видѣнное онъ освѣщалъ намъ разсказами изъ исторіи или легендъ своего народа; съ такимъ вожатымъ дѣйствительно интересно и полезно было осматривать памятники древности, которыми богата Прага. Были мы и во дворцѣ, и въ музеѣ, и въ соборѣ, который тоже настоящій музей, и въ древней синагогѣ XIII-го вѣка. Все это извѣстно всѣмъ путешественникамъ, но не знаю, всѣ ли видѣли великолѣпный видъ на Прагу изъ сада гр. Кинскаго; всѣмъ ли показываютъ живописное мѣстечко въ зелени сада, гдѣ, будто бы, Моцартъ писалъ своего „Донъ-Жуана“; всѣ ли посѣщаютъ и существуетъ ли до сихъ поръ замокъ Валленштейна, содержавшійся въ томъ видѣ, какъ былъ во времена великаго полководца. Тамъ

былъ садъ съ подрѣзанными деревьями, съ баней, устроенной въ видѣ грота, со стѣной изъ сѣраго камня, обвитой плющемъ, что должно было изображать имя владѣльца „Wald“ и „Stein“ [1]), также большая галлерея, украшенная фресками, готическія залы, домовая часовня и, наконецъ, портретъ самого бывшаго хозяина. Взглянувъ на него, мы съ сестрой въ одинъ голосъ воскликнули: „да это Дависонъ!“ Такъ же острижены волосы, тотъ же высокій лобъ, тѣ же черты лица, то же выраженіе глазъ: казалось, что мы видѣли недавно на сценѣ оригиналъ этого портрета. Не знаю также, замѣтилъ ли кто живопись на потолкѣ большой залы публичной библіотеки въ Прагѣ. Всѣмъ извѣстно, что глаза нѣкоторыхъ портретовъ какъ бы движутся по направленію къ зрителю,—но нигдѣ не встрѣчала я этого явленія въ такой рѣзкой формѣ, какъ на упомянутомъ плафонѣ. Когда вы входите въ залу, написанный на немъ летящій геній обращенъ головой къ вамъ; вы идете по залѣ—и онъ поворачивается за вами, такъ что въ сторонѣ, противоположной входу, геній опять находится головой къ вамъ, т.-е. повернутъ совершенно въ обратную сторону, чѣмъ былъ прежде. Онъ поворачивается и движется какъ живой: это необычайно курьезно.

Мы разстались съ Ганкой самымъ дружескимъ образомъ; онъ подарилъ намъ на память свои брошюры и портретъ.

Въ Вѣнѣ мы оставались недолго. Мы встрѣтили тамъ знакомыхъ: посланника Балабина и князя Гагарина, служившаго въ посольствѣ; мы были очень рады свидѣться съ ними, но потеряли много времени въ разговорахъ, вертѣвшихся главнымъ образомъ на предполагаемомъ свиданіи нашего Государя съ австрійскимъ и на опасеніи союза съ Австріей. За недостаткомъ времени мы слишкомъ бѣгло осмотрѣли галлереи. Самый городъ, съ тѣснотой и магазинами, не особенно понравился мнѣ, а Шёнбруннъ показался много бѣднѣе Петергофа. Одинъ св. Стефанъ произвелъ должное впечатлѣніе. Недалеко отъ Зальцбурга насъ встрѣтила (12 октября) настоящая зима: снѣгъ засыпалъ крыши и деревья. Первый день въ Мюнхенѣ мы мерзли, такъ какъ нигдѣ не было печей и въ комнатѣ было сносно только пока горѣлъ каминъ.

Въ Мюнхенѣ ожидалъ меня цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній. Упомяну самое сильное, произведенное на меня картиной Пилоти: „Сени надъ трупомъ Валленштейна“ (опять Валленштейнъ!). Я такъ восторгалась этой картиной, что даже написала въ

[1]) Настоящее имя его было Вальдштейнъ, а не Валленштейнъ.

своемъ дневникѣ фразу: „и послѣ этого намъ велятъ восхищаться Рафаэлемъ и Корреджіо!“ Потомъ, какъ бы извиняясь за свою дерзость, я прибавляла: „что же мнѣ дѣлать, если мнѣ нравится то, что ближе къ намъ?“ И „не все ли равно: картина подписана Рафаэлемъ или Пилоти, лишь бы она была хороша“. Да, много надо было мнѣ учиться! Долголѣтнюю школу надо пройти, чтобы вернуться къ источникамъ чистаго искусства, не прикрашеннаго никакой театральностью.

Драматическій театръ въ Мюнхенѣ былъ довольно хорошъ, и давались все классическія вещи. Между прочимъ, я нахожу въ моихъ путевыхъ замѣткахъ слѣдующее мнѣніе о Шиллеровской „Орлеанской дѣвѣ“, которую я тамъ видѣла: „...я не люблю этой пьесы, въ ней слишкомъ много вымысла и ненатуральныхъ эффектовъ. Противна сцена, гдѣ отецъ обвиняетъ дочь; неправдоподобно, чтобы люди, видѣвшіе, какъ она побѣждала со знаменемъ Святой Дѣвы въ рукахъ, хоть минуту повѣрили болтовнѣ безумнаго старика... Развѣ это не одинъ эффектъ— сцена въ тюрьмѣ и смерть Іоанны? Послѣ представленія уходишь спокойно: король загладилъ свою вину, Іоанна умираетъ среди своихъ, во всемъ величіи своей славы. Нѣтъ! мнѣ нужно, чтобы Іоанна, поруганная, осмѣянная, преданная тѣми, кому она даровала жизнь, свободу, престолъ, умирала на кострѣ. Тогда бы осталось тяжелое, но глубокое впечатлѣніе.

II.

Auf die Berge will ich steigen,
Auf die schroffen Felsenhöhen,
Wo die grauen Schlossruinen
Zu dem Morgenlichte stehn.
Heine.

Изъ Мюнхена мы отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ надѣялись найти семейство Пассекъ. Съ Татьяной Петровной Пассекъ, двоюродной сестрой Герцена и вдовой извѣстнаго въ свое время этнолога и знатока русской старины Вадима Пассека, мы познакомились въ 1859-мъ году въ Петербургѣ, куда она пріѣзжала изъ Москвы по дѣламъ. Старшій сынъ Татьяны Петровны, Александръ, былъ серьезный юноша, мало обращалъ на насъ съ сестрой вниманія; съ младшимъ же, Владиміромъ, болѣе веселымъ, я скоро сошлась; но болѣе всѣхъ понравилась мнѣ сама Татьяна Петровна, такая она была радушная, ласковая, умная и живая.

Не забыть мнѣ одну совершённую въ эту весну, съ Пассекомъ, Шевченкомъ, Щербиной и еще нѣкоторыми друзьями, поѣздку „на тоню“. Ѣздятъ ли теперь „на тоню“, какъ мы ѣздили? Отправлялись мы съ утра, возбужденные и веселые. Городъ, съ его духотою, заботами и тревогами, постепенно исчезалъ изъ нашихъ глазъ и пропадалъ въ утренней дымкѣ, какъ бы навсегда... Взрослые дѣлались дѣтьми, радостно вдыхали свѣжій воздухъ, любовались на появившіеся въ бархатной муравѣ ранніе весенніе цвѣточки. Мы съ интересомъ слѣдили за рыбной ловлей, бесѣдовали съ рыбаками, слушали ихъ пѣсни. Расположившись на травѣ, мы ѣли уху, пили чай, болтали, острили, пѣли и уѣзжали уже ночью, освѣженные и тѣломъ, и душой...

Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, мы тотчасъ же послали въ полицію узнать адресъ Пассекъ; намъ отвѣтили, что они ужъ двѣ недѣли какъ уѣхали. Это извѣстіе насъ очень огорчило. За табльдотомъ, мы услышали громкую русскую рѣчь. Папа подошелъ къ разговаривающимъ и спросилъ, не знаютъ ли они, гдѣ теперь г-жа Пассекъ? Они отвѣчали, что она здѣсь; взяла только паспортъ изъ полиціи двѣ недѣли тому назадъ, но осталась по нездоровью.

Оказалось, что всѣ они—молодые ученые изъ Петербурга—Менделѣевъ, Бородинъ и другіе,—и что они каждый день бываютъ у Пассекъ. Мы, конечно, поспѣшили къ Татьянѣ Петровнѣ и нашли ее больною и въ большомъ горѣ. Здѣсь приведу выписку изъ моего дневника, не отвѣчая за правоту своихъ тогдашнихъ мнѣній и выпуская даже нѣсколько сильныхъ словъ моего негодованія: „Всему этому виновата М.! Она совершенно увлекла старшаго Пассека... И что въ этой женщинѣ, что всѣ ею такъ увлекаются? Наружностью — простая баба, отпечатокъ чего-то „commun“; противные бѣлые глаза съ бѣлыми бровями и рѣсницами, плоское лицо; въ обществѣ молчитъ, никакъ ее не разговоришь, отвѣчаетъ только „да“ и „нѣтъ“... А всѣ мужчины сходятъ по ней съ ума: Тургеневъ лежитъ у ея ногъ, Герценъ пріѣхалъ къ ней въ Бельгію, гдѣ его чуть не схватили, Кулишъ ради нея разошелся съ женой, Пассекъ увлеченъ до того, что бросилъ свои занятія, свою карьеру, исхудалъ весь и уѣзжаетъ съ нею, несмотря на то, что братъ только началъ поправляться послѣ горячки, а мать захворала отъ горя. М. умѣетъ такъ сдѣлать, что ея поклонники во всемъ заступаются за нее: она бросила мужа, прекраснаго человѣка—говорятъ: „онъ ея не достоинъ“; бросила ребенка, держала его, какъ собаку, въ кухнѣ—говорятъ: „ея душа слишкомъ возвышенна, чтобы удовлетворяться

мелочью жизни". Какъ меня возмущаетъ эта женщина! Гдѣ же справедливость, когда такія творенья живутъ на землѣ, чтобы портить жизнь другимъ!"

Татьяна Петровна, къ сожалѣнію, не могла участвовать въ тѣхъ прогулкахъ, которыя мы каждый день совершали съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ. Гейдельбергскій замокъ научилъ меня той истинѣ, что развалины лучше реставрацій, и затмилъ въ моихъ глазахъ Маріенбургъ. Тутъ, въ этихъ живописныхъ развалинахъ, во мнѣ вспыхнулъ художественный восторгъ, и, сидя на какой-то обвалившейся ступенькѣ, я думала: „Я буду художникомъ! я буду учиться, учиться... Потомъ пріѣду еще разъ за границу не для путешествія, а для работы. Жить для искусства, вотъ счастье!"

Послѣ прогулокъ мы съ нашими спутниками иногда обѣдали вмѣстѣ, а вечера, понятно, проводили у Татьяны Петровны, около которой всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, вѣяло чѣмъ-то широко русскимъ. Молодежь, бывало, посудитъ, порядитъ о профессорахъ, о нѣмецкихъ студентахъ, съ ихъ дуэлями и шрамами на лицахъ, а когда рѣчь обратится къ нашимъ русскимъ дѣламъ, пойдутъ горячіе и шумные русскіе споры; прервутся они иногда разсказами, анекдотами, воспоминаньями. А тутъ, на столѣ, Герценъ, Пушкинъ: возьметъ кто-нибудь и прочтетъ любимое мѣсто. Я хорошо читала, и моя мама и Татьяна Петровна уговаривали меня прочесть что-нибудь; я была очень застѣнчива, но разъ какъ-то согласилась, сначала конфузилась, потомъ увлеклась и стала читать наизусть „Моцарта и Сальери", „Сцену у фонтана". Г-жа ***, немолодая дѣвица, которая только что, во время нашей прогулки, отъ существовавшей лишь въ ея воображеніи опасности, упала въ объятія Менделѣева и *совершенно потеряла голосъ*, во время моего чтенія обрѣла голосъ вновь и громко закричала: „браво! превосходно!", при чемъ мы всѣ не менѣе громко расхохотались.

Во время нашего пребыванія въ Гейдельбергѣ праздновалась годовщина лейпцигской побѣды, и въ нашемъ отелѣ былъ ужинъ съ музыкой. Мы тамъ не были, но кавалеры наши разсказывали, въ нѣсколько сатирическомъ тонѣ, какъ это у нѣмцевъ происходило: сначала поѣдятъ, попьютъ, потомъ кто-нибудь встанетъ, ударитъ по бутылкѣ и говоритъ длинную рѣчь объ единствѣ Германіи; засимъ предлагаетъ тостъ за это единство и за великаго герцога; ему сильно апплодируютъ. Встаетъ другой господинъ, говоритъ такого же содержанія и столь же длинную рѣчь, съ тою только разницею, что предлагаетъ тостъ за предъиду-

щаго оратора. Встаетъ третій, говоритъ такую же рѣчь и предлагаетъ тостъ за только-что говорившаго—и такъ очередь обходитъ весь столъ. Если описаніе вѣрно, то это дѣйствительно не похоже на нашъ русскій энтузіазмъ въ подобныхъ случаяхъ. Менделѣевъ говорилъ про нѣмцевъ, что если они хвалятъ кого, то хвалятъ уже все въ немъ, если бранятъ, то бранятъ все, не разбираясь; они ужасно прямолинейны.

Какъ мы ни пріятно проводили время въ университетскомъ городкѣ, но намъ надо было ѣхать дальше. Жалко было оставлять Татьяну Петровну въ ея горѣ, но насъ утѣшала мысль, что мы разстаемся ненадолго и встрѣтимся въ Парижѣ. Во Франкфуртѣ мы осмотрѣли все, что можно было. Заинтересовали меня легенды о золотомъ пѣтухѣ, находящемся на высокомъ шпицѣ надъ чугуннымъ распятіемъ на мосту. Одно преданіе говоритъ, что мостъ никакъ не могли достроить безъ помощи дьявола, который, по своему обыкновенію, выговорилъ себѣ въ награду душу того, кто первый пройдетъ по новому мосту; также по обыкновенію, чорта обманули, пустивъ первымъ черезъ мостъ пѣтуха. Другой разсказъ повѣствуетъ, что пѣтухъ этотъ долженъ былъ напоминать о покаяніи преступникамъ, которыхъ въ древнія времена бросали съ моста въ Майнъ. О распятіи, находящемся на томъ же мосту, разсказываютъ, что одинъ шведскій солдатъ выстрѣлилъ въ Распятаго, но пуля, ударившись о распятіе, отпрянула назадъ и убила грѣшника.

На необыкновенно красивомъ кладбищѣ обратилъ на себя мое вниманіе общій памятникъ павшимъ 18-го сентября 1848-го года, во время возстанія, солдатамъ, вмѣстѣ съ убитыми тогда же Лихновскимъ и Ауерсвальдомъ. Памятника Блюму, понятно, не было.

Мои родители, однако, утомились, и мы спѣшили въ Парижъ, гдѣ предполагали провести зиму.

III.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной...
Пушкинъ.

Я писала въ первой части моихъ воспоминаній, что, послѣ моей внезапно расторгнутой въ самомъ началѣ дѣтской любви къ К., я стала хуже, чѣмъ была прежде. Общественное движеніе конца пятидесятыхъ годовъ приподняло мой нравственный уровень;

во время нашего пребыванія въ Парижѣ я снова начала портиться. Послѣ дѣятельной зимы въ Петербургѣ, послѣ общества людей, общеніе съ которыми давало мнѣ массу знаній и открывало широкій просторъ для мысли, я попала въ самую пустую среду, которая запустила въ мою неустановившуюся душу ядовитые ростки пошлости. Во мнѣ начали проявляться свѣтскіе предразсудки, ложный стыдъ, даже до такой степени, что я стала осуждать отца моего за простоту и скромность, которыя я такъ всегда цѣнила въ немъ. Еслибы не вліяніе нѣкоторыхъ личностей, о которыхъ разскажу позднѣе, я, кажется, совершенно отупѣла бы. Путешествіе, предпринятое „для окончанія моего образованія“, въ первое время не принесло мнѣ той пользы, которую могло бы принести при другихъ условіяхъ: у меня не было ни достаточнаго развитія, ни подготовки, ни руководства, такъ какъ отецъ мой былъ почти все время боленъ, а никого другого, кто могъ бы быть въ этомъ отношеніи полезнымъ, не было съ нами.

Пріѣхавъ въ Парижъ, мы наняли квартиру на Елисейскихъ Поляхъ, обзавелись прислугой, назначили jour fixe и познакомились съ большинствомъ находившихся въ этомъ городѣ русскихъ. Между послѣдними были люди серьезные, имѣвшіе опредѣленныя занятія или по обстоятельствамъ оставшіеся надолго въ Парижѣ, но они были исключеніемъ; большинство же составлявшихъ такъ называемую русскую колонію были, что называется, „праздношатающіеся по заграницамъ“. Тутъ были кокетливыя дамы, державшія своихъ дочерей въ Sacré cœur, пожилые господа, служившіе прежде въ Россіи, недовольные своей отставкой, и потому раздраженные и дующіеся; престарѣлыя дѣвицы, находившія, что все, все въ Парижѣ хуже, чѣмъ въ Москвѣ; молодые люди, дающіе гарсону въ кафѣ, вмѣсто одного су, русскій золотой, и пр., и пр.

Проводя вечера въ обществѣ или театрахъ, днемъ я слонялась по Парижу, какъ туристка. Я восхищалась магазинами, оживленіемъ улицъ. „Въ три часа — писала я — Тюльерійскій садъ мгновенно наполняется массою дѣтей: они здѣсь такъ красивы, здоровы, веселы, изящно одѣты, что кажется, что находишься въ царствѣ эльфовъ. Что дѣлается въ Bois de Boulogne! Тамъ каждый день больше народа, чѣмъ у насъ на Екатерингофскомъ гуляньѣ... Въ Парижѣ совершенно безопасно ходить поздно вечеромъ. Здѣсь полиція исполняетъ свое назначеніе, дѣйствительно блюдетъ за порядкомъ“. „Вчера, 4-го ноября, была панихида по скончавшейся императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Присутствовалъ маршалъ Наполеона, фамилію котораго не знаю, гр. Морнй, много господъ въ лентахъ; всѣ русскіе были въ глубокомъ траурѣ". „Видѣла Наполеона; онъ очень дуренъ и старообразенъ. Лицо мертвое, апатичное, глаза прищуренные, хитрые. Онъ всегда какъ будто видитъ только то, что у него въ головѣ, точно все окружающее не существуетъ для него. Въ лицѣ его можно прочесть очень многое или ровно ничего. Онъ мѣшковатъ, движенья неловки; онъ не двигаетъ шеей, а поворачивается всѣмъ корпусомъ (это, говорятъ, оттого, что онъ носитъ кольчугу)".—Въ такомъ поверхностномъ духѣ были мои замѣтки перваго времени въ Парижѣ. Привлекалъ меня, какъ и вездѣ, театръ, и здѣсь пришлось увидѣть много знаменитостей, правда уже престарѣлыхъ: изъ пѣвцовъ я слышала въ концертѣ Гризи, въ итальянской оперѣ — Маріо, но они были уже не тѣ люди, которые возбуждали молодые восторги моихъ родителей. Одна Віардо, которую мнѣ удалось увидѣть въ „Орфеѣ" Глюка, въ послѣднее ея выступленіе на сценѣ, глубоко потрясла меня. Немолодая, некрасивая женщина, она своимъ превосходнымъ пѣніемъ и чудной игрой создала цѣльный образъ, трогательный и прекрасный. Изъ драматическихъ артистовъ я видѣла Ристори, старика Лемэтра, Брессана, увлекавшаго когда-то нашихъ дамъ въ Петербургѣ, г-жъ Плесси и Вольнисъ—тоже нашихъ давнишнихъ знакомыхъ. Всѣхъ именъ хорошихъ парижскихъ актеровъ и актрисъ ужъ я и не припомню, но не забыть старушку Дежазе, игравшую, въ семьдесятъ лѣтъ отъ роду, парижскихъ уличныхъ мальчишекъ. Я до сихъ поръ чувствую нѣкоторую слабость къ французскимъ мелодрамамъ, но только къ обстановочнымъ и колоритнымъ. Безъ всякаго сомнѣнія наши современныя пьесы затрагиваютъ и возбуждаютъ мысль, но присутствіе при этихъ пьесахъ никакъ уже нельзя назвать *развлеченіемъ:* послѣ нихъ остается на душѣ тяжелое чувство. Романтическія же мелодрамы, со своими интригами, заговорами и чудотворными спасеніями, не только развлекаютъ, но, хорошо обставленныя и разыгранныя, могутъ доставить и эстетическое наслажденіе.

Въ Парижѣ, во время моего тамъ пребыванія, постановка такихъ вещей, особенно въ театрѣ Porte S-t Martin, была превосходная и между актерами было много знаменитостей. Нѣкоторыя эффектныя сцены изъ такихъ пьесъ какъ „La dame de Montsoreau", „La tour de Nesle", до сихъ поръ живы въ моей памяти, напримѣръ убійство Бюсси въ темной узкой улицѣ стараго Парижа, убійство Гиза, подмѣнъ Людовика XIV его братомъ-близнецомъ, послѣ чего спасшійся какимъ-то образомъ Лю-

довикъ вбѣгаетъ въ залу и сталкивается лицомъ къ лицу со своимъ двойникомъ; эти два актера были до того похожи другъ на друга, что различить ихъ было невозможно. Помню еще сцену, гдѣ талантливый Mélingue, уже немолодой тогда человѣкъ, выѣзжалъ верхомъ въ роскошной процессіи, отставалъ отъ нея, чтобы отдать какое-то приказаніе, и оставался одинъ на сценѣ. Онъ сидѣлъ на прекрасной, кровной бѣлой лошади, покрытой тигровой шкурой, сидѣлъ безъ сѣдла и стремянъ. Вдругъ лошадь начала бѣситься, становиться на дыбы, кружиться: казалось, что она сейчасъ выпрыгнетъ за рампу на публику, которая кричала отъ страха... Надо было видѣть, какъ этотъ человѣкъ боролся со своимъ конемъ, какъ всѣ движенія его были смѣлы, сильны и ловки! Вѣроятно все это было выучено, лошадь дрессирована, но до чего это было красиво! Въ Bouffes Parisiens новинкой былъ тогда „Орфей въ аду“ Оффенбаха, гдѣ выступали цѣлыхъ три замѣчательныхъ комика. Первый — Désupé (Юпитеръ), маленькій, толстый, умѣвшій такъ раскрывать глаза, что бѣлокъ былъ виденъ вокругъ зрачка. Второй — Башъ (Baches), изображавшій Нептуна, былъ невообразимо смѣшонъ своей фигурой и тѣмъ тупымъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ пѣлъ про свою любовь. Имени третьяго (аркадскаго принца) я не помню, къ сожалѣнію, но онъ пожалуй былъ самымъ талантливымъ изъ нихъ; онъ былъ длиненъ, худъ, гибокъ, какъ „змѣя-человѣкъ“, и крайне меланхоличенъ. Всѣ трое такъ острили, что публика не переставала грохотать. Привлекало въ эту оперетку и то, что всѣ актрисы были красавицы; въ цѣломъ Олимпѣ не было ни одной дурнушки. Видѣла я также знаменитаго Леотара, дѣйствительно сложеннаго какъ статуя, въ его граціозныхъ полетахъ на трапеціяхъ; видѣла бѣгъ римскихъ квадригъ въ Ипподромѣ и пятиактную пьесу, гдѣ главную роль исполнялъ живой слонъ, который безъ руководителя, одинъ проводилъ цѣлыя сцены.

По музеямъ сопровождали меня барыни и барышни, считавшія обязанностью посѣщать ихъ и, несмотря на дѣланные восторги, ничего не понимавшія въ искусствѣ; мнѣ ни разу не пришлось постоять передъ картиной, призадуматься надъ ней. Моему недоразвитому вкусу нравились картины ихъ внѣшними качествами — красотою линій и колорита: Веронезъ и Рубенсъ, съ которымъ я примирилась уже въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, Вандикъ и Мурильо. Лесюёръ и Ватто не нравились мнѣ, примитивовъ я не замѣтила, на Джоконду не обратила вниманія! Только одного изъ величайшихъ художниковъ міра я поняла непосредственнымъ чувствомъ; въ своемъ дневникѣ я нахожу слова: „*мнѣ*

больше всего въ Лувръ нравятся портреты Веласкеза". Скульптурное отдѣленіе мы всегда какъ-то только пробѣгали, ибо оно еще менѣе интересовало моихъ спутницъ. Одинъ только разъ мнѣ удалось быть тамъ съ отцомъ, и мы очень наслаждались, но, къ сожалѣнію, не видѣли Венеры Милосской: вслѣдствіе какого-то ремонта, я такъ совсѣмъ тогда и не видѣла эту лучезарную красоту. Такимъ образовъ Лувръ, великая школа, мало принесъ пользы моему художественному образованію. Какъ неустойчивы были мои взгляды на искусство, какъ смѣшивались они у меня съ ничего не имѣющими общаго съ искусствомъ понятіями, показываютъ мои восторги по поводу Версальской галлереи. „Въ Версалѣ, писала я, живешь особенною жизнью; все прошедшее такъ живо представляется, что кажется дѣйствительностью: видишь не только мѣста, гдѣ жили эти люди, но въ картинной галлереѣ видишь и самихъ дѣйствующихъ лицъ, можешь по портретамъ судить объ ихъ характерахъ, они какъ будто сами разсказываютъ свою исторію. Что такое Лувръ и Люксембургъ въ сравненіи съ Версальской галлереей, гдѣ почти вся французская школа, гдѣ видишь исторію Франціи въ лицахъ, гдѣ можно перенестись во всѣ ея эпохи! Правда, тамъ много сраженій; но могутъ ли быть не интересными сраженія Ораса Вернета(!)? Я тутъ нашла свой идеалъ галлереи". За симъ я подробно описываю тѣ произведенія, которыя привлекали меня своими сюжетами и потому казались прекрасными и въ художественномъ отношеніи.

Изъ всѣхъ церквей Парижа я упоминаю нѣсколькими словами о S-t Denis. „Снаружи соборъ не представляетъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе, что можно видѣть только одну его сторону: такъ онъ застроенъ домами. Говорятъ, что одна сторона его немного наклонена, какъ голова Спасителя на крестѣ. Внутри церкви великолѣпно. Что-то торжественное, волшебное представляется глазамъ: солнце, проходя въ два ряда цвѣтныхъ стеколъ, играетъ на полу разноцвѣтными пятнами и разливаетъ по храму таинственный, мистическій свѣтъ. Тамъ сохранилась розаса XIII-го вѣка, которая неподражаемо хороша. Какая яркость и пріятность тоновъ и какая добросовѣстная работа! Сдѣланъ вѣнокъ изъ медальоновъ; каждый содержитъ сцену изъ священнаго писанія и окруженъ бѣлыми стеклышками, какъ яркимъ жемчугомъ. Гробницъ королей мы не могли видѣть, потому что въ церкви шла перестройка". Notre Dame всегда вѣяла на меня холодомъ: мнѣ казалось, что тамъ нельзя молиться; нравилась мнѣ больше

всего послѣдняя розаса съ лѣвой стороны отъ входа, та, которая кажется вся сотканною изъ аметистовъ.

Я любила чудесный Булонскій лѣсъ, набережную Сены съ деревьями, склоняющимися надъ рѣкой, съ разложенными на парапетахъ, въ тѣни этихъ деревъ, старыми книгами; любила Люксембургскій садъ. Но не съумѣла я тогда достаточно оцѣнить красоты Парижа, какъ пейзажа, съ ему одному свойственными эффектами освѣщенія, съ преобладаніемъ этого удивительнаго, неизъяснимо пріятнаго сѣраго тона, отражающагося въ гладкихъ мостовыхъ, окутывающаго въ прозрачную дымку уходящія улицы, съ черною толпой, такъ хорошо „сидящею“ въ этомъ сѣромъ, такъ органически сливающеюся съ нимъ; не прониклась я стариной, красящей и новое въ свой вѣковой тонъ, не поняла всю эту „красоту городовъ“, столь великолѣпно осуществленную Парижемъ; не прикоснулась и къ его современной, разнообразной и кипучей артистической жизни. Чтобы понять эту жизнь, насладиться настоящимъ Парижемъ, надо жить не на Champs Elysées, а гдѣ-нибудь около Люксембурга, гулять не по Rue de la Paix, Итальянскому бульвару и парку Монсо, а по бульварамъ S-t Michel и Montparnasse; надо жить въ дешевенькомъ пансіонѣ, гдѣ ютятся студенты и художники, обѣдать гдѣ-нибудь въ crémerie, подъ каштанами бульвара; надо останавливаться съ толпой передъ акробатомъ, дающимъ свои представленія на углу улицы; надо летѣть съ художниками на vernissage новой выставки, пропадать въ лавчонкахъ старьевщиковъ, которыя наполняютъ всѣ узенькія улицы около „Одеона“. Надо посѣщать не одни Salons, но главнымъ образомъ частныя коллекціи и маленькія выставки, продолжающіяся иногда только нѣсколько дней; надо найти доступъ къ тѣмъ артистамъ, которые въ тѣсной мастерской открываютъ новые способы репродукцій и въ папкахъ которыхъ часто хранятся chef-d'oeuvre'ы знаменитыхъ мастеровъ. Надо по вечерамъ сходиться въ мастерскихъ, гдѣ тѣсно отъ гостей, гдѣ стономъ стоитъ шумъ споровъ и толковъ о новыхъ теченіяхъ въ поэзіи и искусствѣ. Надо жить тѣмъ ускореннымъ темпомъ, которымъ живетъ интеллигентная молодежь Парижа, надо кипѣть, какъ она кипитъ: тогда только поймешь, почему Парижъ — центръ мірового искусства, тогда только полюбишь этотъ чудный городъ, какъ его надо любить...

Въ глубинѣ души я смутно сознавала, что дѣлала не то, что было нужно, или, лучше сказать, не дѣлала чего-то очень нужнаго, и потому постоянно раздражалась и скучала. Въ доказательство того, въ какомъ неровномъ и нервномъ настрое-

ніи я находилась, приведу еще нѣсколько выписокъ изъ моего тогдашняго дневника.

2-го ноября. „Мы мерзнемъ въ нашей квартирѣ. Французы ходятъ грѣться въ кафе́. Когда говоришь о двойныхъ рамахъ и печкахъ, тебя не понимаютъ. Наша кухарка открываетъ настежь всѣ окна и двери и говоритъ: „mais l'air est bon pour la santé“.

3-го ноября. „Французы ужасно невѣжественны: не знаютъ, гдѣ Уралъ, Каспійское море, и говорятъ: „bah, qui est-ce qui s'occupe de la Russie, chez nous!“ А во сколько разъ общество этого „pays barbare“ развитѣе ихъ общества“.

11-го ноября. „Мнѣ невообразимо скучно. Проходятъ дни и недѣли, а мы не сдѣлали ни одного шага для моей живописи. Въ музеѣ мнѣ еще страшно копировать“.

12-го ноября. „Я въ восторгѣ: взяла въ магазинѣ копировать картинку Тройона. Мнѣ нравится Тройонъ, но Роза Бонёръ soigne mieux ses tableaux. Завтра начну работать и буду счастлива. Съ нетерпѣніемъ ожидаю завтрашняго дня“.

22-го ноября. „Мама совѣтовала писать дневникъ по-французски; я начала, но это нейдетъ. Я могу писать сочиненія по-французски, но высказывать чувства души я могу только на своемъ родномъ языкѣ. Ну, какъ я скажу: люблю юную силу, пробуждающуюся въ тебѣ, люблю тебя, моя родная Русь!—по французски?!“

23-го ноября. „Мой дорогой дневникъ, съ которымъ я дѣлюсь и радостями, и горемъ! Что могу сказать тебѣ сегодня? Развѣ только то, что мнѣ завтра минетъ семнадцать лѣтъ, что я взрослая дѣвушка, а поступки мои бываютъ такіе, что слѣдовало бы меня ставить въ уголъ. Дѣтская веселость теряется во мнѣ, а воли и разума не прибавляется... Какъ бѣжитъ время, какъ страшно думать, что оно невозвратимо!.. У меня все впереди, а я уже жалѣю о прошедшемъ!..“

14-го декабря. „Въ воскресенье въ польской церкви будетъ какое-то воззваніе, направленное противъ насъ. Говорятъ, здѣсь заказано 6.000 мундировъ для польскихъ войскъ. Славянскіе народы волнуются, сносятся съ Италіей. Что-то неспокойно, что-то готовится“.

9-го января 1861 г. „Въ эти послѣднія двѣ недѣли случилось вотъ что: мы переѣхали на новую квартиру, гдѣ было еще холоднѣе. Пять дней лежалъ на улицахъ снѣгъ; по Елисейскимъ Полямъ ѣздили фантастическія сани, въ видѣ птицъ, звѣрей и раковинъ. Пріѣхалъ Мещерскій; такъ поэтически описывалъ

Аѳины, что я будто видѣла портики, храмы, ихъ прозрачный мраморъ, освѣщенный розовой каемкой заходящимъ солнцемъ. Въ эти же двѣ недѣли я успѣла нѣсколько разъ перемѣнить мнѣніе о Яр., страшно перессориться съ Мещерскимъ, полюбить нашу гувернантку такъ, что не могла и думать о разлукѣ съ ней, и совершенно разочароваться въ ней"...

14-го января. „Я встрѣтила нашъ русскій новый годъ одна дома,—Ольга съ мама были у священника,—встрѣтила его безъ знакомыхъ, безъ веселости, безъ шампанскаго, но со всей моей любовью ко всему русскому и съ мыслью о тетѣ, которой я написала письмо".

Этому нервному возбужденію способствовало и то, что наступала для меня пора, когда начинаютъ зарождаться юношескія мечты, неясныя желанья, неопредѣленная тоска, всѣ признаки безсознательнаго желанія любви. По поводу проведенныхъ дней въ Версалѣ, я писала: „Мнѣ не было весело, много грустнаго было у меня на душѣ, но эта грусть, это меланхолическое чувство шло къ пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда кипѣла жизнь, а теперь все безмолвно и одиноко. Лежа въ постели, одна въ комнатѣ, я думала о томъ, какъ много значитъ обстановка (настроеніе (?)) въ жизни. Эта прогулка, со всѣмъ ея великолѣпіемъ, съ фонтанами и музыкой, съ великолѣпными галлереями, съ гуляньемъ при лунѣ въ чудныхъ аллеяхъ, со всѣми удобствами и затѣями, показалась мнѣ безъ всякой прелести, когда я сравнила ее съ какой-то прогулкой въ Косую линію въ Петербургѣ. Во сколько разъ гнилая Косая линія, окаймленная сѣрыми заборами, казалась мнѣ лучше Версальскаго парка! Отчего? Оттого, что былъ тогда со мной человѣкъ близкій моему сердцу, съ которымъ грязное болото могло показаться великолѣпнымъ садомъ. Съ такими мыслями приходитъ чувство одиночества".

Рядомъ съ отголосками естественнаго чувства, въ головѣ моей, къ сожалѣнію, существовала невообразимая путаница понятій. Я заразилась романтизмомъ моей матери и постоянно повторяла слова, смысла которыхъ я не понимала, или понимала совсѣмъ по-своему. Я ждала какого-то „рыцаря", я жаждала „платонической любви", подъ которой понимала дружбу между мужчиной и женщиной, всякое желаніе людей вступить въ бракъ называла матеріальнымъ, корыстнымъ и плотскимъ, хотя абсолютно не имѣла ни малѣйшаго понятія о половыхъ отношеніяхъ. Всѣ эти слова я повторяла какъ попугай, а между тѣмъ искренне страдала отъ этихъ словъ. Вотъ одна изъ стра-

ницъ, наполнявшихъ въ то время мой дневникъ: „Вчера одно письмо много отняло у меня моихъ молодыхъ вѣрованій. Такъ идетъ въ жизни: первое горе — разбитая кукла, потомъ — смерть собачки, потомъ—измѣна въ дружбѣ, потомъ—во всемъ, во что вѣруешь, придется разочароваться... Эти дни мнѣ было очень тяжело: разочарованіе камнемъ лежало на моей душѣ. И отчего они не могутъ просто слѣдовать влеченію сердца? Можно видѣться каждый день, бесѣдовать, читать, гулять вмѣстѣ; чего же еще надо, если любишь? Развѣ этого не довольно? Я не понимаю, чего еще хотятъ эти люди, но у меня пробѣгаетъ дрожь по тѣлу, становится грустно... Какъ перемѣнились наши отношенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ мама! Исчезло довѣріе. Онъ написалъ мнѣ теперь такъ сухо, такъ сухо! Получивъ такое письмо прежде, я подумала бы, что онъ сердится на меня, сейчасъ бы спросила, отчего это, и попросила бы простить меня, если я чѣмъ-нибудь огорчила его; а теперь выходитъ, что онъ не сердитъ, а пишетъ такъ, потому что *слишкомъ любитъ меня*! Какъ это странно, какъ неестественно!“

По счастью я не потеряла интереса къ общественнымъ дѣламъ, и это отвлекало меня отъ безплодныхъ и ребяческихъ мыслей о самой себѣ. Я выписала откуда-то фразу: „Quand une grande idée s'empare d'une nation, la nation elle-même devient grande“ и съ большимъ интересомъ слушала разсказы Левицкаго о революціи 48-го года, свидѣтелемъ которой онъ былъ. Левицкій занимался фотографіей въ Парижѣ, мы очень сошлись съ его семьей; жена его была добрая, милая женщина и необыкновенная красавица; его дочери, Полинѣ, будущей пѣвицѣ, было въ 1861 году лѣтъ двѣнадцать, но она была такая умненькая дѣвочка, что я охотно болтала съ ней. Одинъ изъ разсказовъ Левицкаго я записала и привожу его здѣсь.

„22 февраля народъ сталъ собираться на площадяхъ. Сначала въ полголоса раздавалась, то тамъ, то сямъ, „Марсельеза“, и наконецъ вся площадь, гдѣ я былъ, громко запѣла пѣснь революціи. Потомъ народъ разсѣялся, все успокоилось, но это была тишина передъ бурей. Послѣ объявленія о перемѣнѣ министерства весь городъ былъ иллюминованъ; казалось, всѣ были въ праздничномъ настроеніи. Погулявъ съ женой, я, проводивъ ее домой, пошелъ одинъ на улицу. Вдругъ, я увидѣлъ толпу рабочихъ, предводительствуемую мальчикомъ въ красной шапкѣ: это были, какъ мнѣ сказали, руанскіе рабочіе. Я пошелъ за ними. На одной улицѣ намъ заградилъ дорогу взводъ солдатъ. Изъ-за

забора раздался пистолетный выстрѣлъ и полковникъ упалъ съ лошади, успѣвъ однако скомандовать: „Trois pas en arrière, feu!“ Тридцать солдатъ выстрѣлили, первые ряды рабочихъ пали. Тогда, въ общемъ смятеніи, увлекаемый толпою, я очутился въ Палé-Роялѣ, откуда хотѣлъ выйти въ противоположную сторону, но тамъ меня встрѣтила новая толпа, уже кричавшая: „En avant, citoyens! A bas le roi! Vive la république!“ Съ февраля до іюля не было ни правительства, ни полиціи, всѣ заключенные были выпущены на свободу, а между тѣмъ въ этомъ промежуткѣ времени не было ни одного убійства, ни одного грабежа во всемъ Парижѣ“.

IV.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ...“
Изъ манифеста 19-го февраля.

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ...
Некрасовъ.

Мы довольно часто получали письма отъ Н. И. Костомарова; приведу нѣкоторые открывки изъ нихъ.

22 октября 1860 г. „Я продолжаю читать исторію Новгорода; прекрасный полъ начинаетъ, мало-по-малу, посѣщать меня. Со времени пріѣзда изъ Троицкой лавры, я сижу чрезвычайно уединенно за своими лекціями и почти никуда не хожу, нигдѣ не бываю и ничего не читаю, и потому впечатлѣнія мои очень узки и незначительны: даже политика, столь важная, меня не такъ интересуетъ, какъ бы нужно было, и я болѣе занимаюсь новгородскимъ и псковскимъ вѣчемъ, чѣмъ австрійской конституціей... Вдовствующая императрица отъиде въ селенія праведныхъ и будетъ на томъ свѣтѣ наслаждаться пѣніемъ ангеловъ, а мы, грѣшные, черезъ то лишаемся возможности слышать Тамберлика и Лакруа... На художественной выставкѣ, бывшей въ текущемъ мѣсяцѣ, кромѣ множества пейзажей, въ которыхъ я толку мало знаю, и картинъ, которыя произвели на меня незначительное впечатлѣніе, ничто меня такъ не поразило, какъ судъ надъ Галилеемъ; самъ Галилей не хорошъ, но духовные превосходны. Хороши тоже картины Соколова изъ малороссійскаго быта и комическіе этюды Перова. Пейзажи Мещерскаго и Эрасси очень хороши. Множество портретовъ и сценъ изъ обыденной

жизни могутъ занимать знатоковъ относительными достоинствами отдѣлки, но ища мысли въ художественномъ произведеніи—пройдешь мимо ихъ. Вообще, выставка производитъ впечатлѣніе, похожее на то, которое выносишь изъ Вердіевской музыки: надъ нѣкоторыми мотивами задумаешься, а остальные вводятъ въ зѣвоту. Жаль, что русскіе художники пишутъ, большей частью, не русское, а именно въ русской Академіи Художествъ и хотѣлось бы увидѣть русское, а не чужое подъ русской кистью".

1-го ноября. „Сколько помнится, Катерина Ѳеодоровна, я къ вамъ писалъ, вы получили, конечно, два мои письма, я, кажется, въ обоихъ писалъ, да, именно, писалъ: и такъ какъ вы пишете, что не писалъ, то вѣрно, по разсѣянности, не вложилъ письма, что̀ со мной случается. Случалось со мной, что я перепутывалъ письма и посылалъ въ одно мѣсто то, что слѣдовало въ другое, и творилась путаница. Нѣтъ, прекрасный полъ рѣшительно забываетъ мои лекціи: появятся двѣ-три, никакъ не болѣе семи или восьми шляпъ, а то все одни синіе воротники. Старъ сталъ: помоложе есть, тѣ болѣе имѣютъ права на вниманіе прекраснаго пола, чѣмъ я. А мнѣ скоро придется надѣть стариковскій колпакъ, перемѣнить продолговатой формы очки на круглыя, нюхать табакъ и обсыпать себѣ имъ жилетъ, хвалить прежніе годы своей юности да собирать въ головѣ утлыя воспоминанія, которыхъ запасъ чрезвычайно скуденъ былъ въ юности. Сколько я ни стараюсь бороться съ тоской, которая, какъ бѣсъ лукавый, преслѣдуетъ меня и нашептываетъ мнѣ разныя искусительныя, вмѣстѣ мрачныя и забавныя идеи, я никакъ не совладаю съ собой. Знаете, что̀ больше меня мутитъ—это сознаніе упадка умственныхъ силъ и умственной дѣятельности. Это крайняя степень тоски, и если эта идея совершенно меня одолѣетъ, то я рѣшительно пропалъ.

„Я сегодня на лекціи читалъ объ уничтоженіи псковскаго вѣча. Дѣйствіе этого замѣчательнаго событія происходило тамъ, гдѣ мы послѣдній разъ пили шампанское. Какъ живо мнѣ представилось это милое время! Какъ мнѣ было тогда хорошо! Какъ душа гармонировала своимъ довольствомъ съ этимъ очищеннымъ отъ дождя воздухомъ, съ свѣтлымъ небомъ и пурпурнымъ закатомъ солнца. По дальнѣйшимъ моимъ разысканіямъ, именно тамъ, гдѣ мы съ вами сидѣли, висѣлъ вѣчевой колоколъ; оттуда произнесъ грозную рѣчь посолъ Василія и, сдѣлавши нѣсколько шаговъ внизъ, сѣлъ на одной изъ ступеней, ожидая рѣшенія псковичей, которые, горько обливаясь слезами, стояли у подножія толпою въ той сторонѣ, куда мы смотрѣли, когда пили шампан-

ское. Съ этого мѣста, конечно, и прежде раздавались рѣчи псковичей на вѣчевомъ собраніи. И насъ съ развалинъ вѣчевой башни провожалъ колоколъ!.."

6-го декабря [1]). „Мнѣ какъ-то скучно, графиня, когда я долго къ вамъ не пишу, хотя жизнь моя не представляетъ такихъ интересныхъ сторонъ, которыя бы могли имѣть занимательность. Однообразно по прежнему хожу изъ квартиры моей въ университетъ на лекціи, захожу иногда оттуда ѣсть бифштексъ къ Гейде, возвращаюсь домой и готовлю лекціи на слѣдующій разъ, а одинъ разъ въ недѣлю побываю въ библіотекѣ, иногда въ оперу пойду. Гогенфельденъ предлагаетъ мнѣ издать мою исторію Новгорода иллюстрированную, а картины Микешинъ берется нарисовать, но мнѣ кажется, что Микешинъ не имѣетъ настолько образованія, чтобы уразумѣть русскую жизнь и схватить черты ея. Если рисунки будутъ вродѣ общихъ антично-подражательныхъ типовъ, то лучше ихъ не надо. Какъ вы думаете?.. Предполагаю слѣдующіе рисунки: 1) Чудо иконы Знам. Б. Матери, когда суздальцы осаждали Новгородъ и явленіе иконы на стѣнѣ, на рукахъ архіепископа Зосимы, сдѣлало между врагами смятеніе и они побѣжали. 2) Мечиславъ на вѣчѣ съ мечемъ и знаменемъ, окруженный новгородцами, проводитъ выручаніе Новгорода отъ бѣды. 3) Липецкая битва Мстислава Удал. съ суздальцами. 4) Междоусобіе въ Новгородѣ на мосту: владыка и духовенство приходятъ утишать волненіе. 5) Пиръ у Марѳы Посадницы: о. Зосима предсказываетъ паденіе Новгорода. 6) Снимаютъ вѣчевой колоколъ. Народъ плачетъ и прощается со свободой. 7) Та же сцена въ Псковѣ. Дьякъ Третьякъ Далматовъ съ башни, на которой мы съ вами прощались, возвѣщаетъ, что великій князь требуетъ уничтоженія вѣча и снятія колокола. 8) Ив. Вас. III переселяетъ новгородцевъ. Толпа народа оставляетъ землю отцевъ своихъ, гонимая московскими ратными людьми. 9) Ив. Вас. Грозный съ сыномъ, окруженный духовенствомъ, сидитъ на тронѣ; передъ нимъ топятъ народъ въ Волховѣ. Приложить два вида Новгорода, съ Торговой на Софійскую и съ Софійской на Торговую сторону, и два вида Пскова, съ Дѣтенца на Завеличье и съ Завеличья на городъ.

„Какъ вы думаете объ этомъ планѣ? Напишите ваше мнѣніе и графа спросите; его совѣтъ, какъ опытнаго, ученаго, истиннаго художника, очень важенъ: я безъ него не рѣшусь,—пусть дастъ совѣтъ: я прошу покорнѣйше его, можетъ быть онъ найдетъ что-нибудь и замѣтитъ, какъ сдѣлать надобно".

[1]) Адресовано моей матери.

28-го февраля 1861 г. „Крестьянскій вопросъ остается вопросомъ для народа, хотя, говорятъ, въ Государственномъ Совѣтѣ и послѣдовалъ на него отвѣтъ, но онъ еще не объявленъ. Вообще, ожиданіе объявленія его 19-го февраля было неожиданно парализовано объявленіемъ въ газетахъ, повелѣвающимъ не вѣрить слухамъ, распространившимся въ городѣ о его объявленіи. По мысли, брошенной первымъ мною, готовилось общество литераторовъ устроить великое пиршество и веселиться и пить, якоже подобаетъ русскому народу, но и наше пьяное намѣренье осталось неисполненнымъ по той же причинѣ, по какой народное ожиданіе было обмануто. Говорятъ, что сіе великое дѣло должно совершиться 19-го марта. Мы уже много слышали о такихъ предполагаемыхъ числахъ."

Зачѣмъ до послѣдней минуты не позволяли говорить о великомъ переворотѣ—я не могла себѣ представить. Въ высшихъ сферахъ очень боялись бунта, но я не могла понять, на чемъ основывался этотъ страхъ: мнѣ казалось, что народъ будетъ только ликовать. Мысль, что народъ перестанетъ быть рабомъ, заслоняла въ насъ, молодежи, мысль о недостаточности надѣла, которая такъ заботила и огорчала очень многихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Когда пришла въ Парижъ вѣсть о совершившемся уже радостномъ событіи, я была внѣ себя отъ счастья. „Что сказать, писала я, о томъ великомъ дѣлѣ, которое возвысило нашу славную Россію и, во главѣ ея, перваго изъ нашихъ государей, который показалъ себя человѣкомъ и христіаниномъ? Присоединить ли мой слабый голосъ къ милліонамъ голосовъ, возносящихся со всѣхъ сторонъ Россіи съ молитвою и благодарностью?.. И какъ торжественно, величественно и спокойно совершилось великое дѣло, безъ страшныхъ, кровавыхъ революцій, съ которыми совершалось оно въ другихъ странахъ!"

Скоро, однако, стали къ намъ доходить и тревожные слухи: говорили, что крестьянъ обманываютъ, давая плохія земли, что ихъ возмущаютъ, сѣкутъ, что народъ бунтуетъ, не понимая рескрипта, написаннаго чуждымъ простолюдину языкомъ. Говорили также о готовящемся возстаніи въ Польшѣ, о соединеніи славянскихъ народовъ съ нею противъ Россіи—всѣ эти слухи волновали и пугали меня. Около того же времени получили мы отъ Николая Ивановича и моей тети горестныя письма о смерти Шевченка.

Костомаровъ писалъ отъ 2-го марта (ст. ст.): „Я теперь дѣлаюсь вѣстникомъ печальнаго событія, Катерина Ѳеодоровна!

26-го февраля въ 5½ ч. утра скончался нашъ поэтъ Тарасъ Шевченко. Уже около двухъ мѣсяцевъ открылось для него, что стѣсненіе въ груди, на которое онъ жаловался еще лѣтомъ—есть водяная. За недѣлю ему казалось, что ему лучше и онъ даже купилъ себѣ часы, которыхъ прежде *въ жизни* никогда не носилъ. Въ субботу 25-го февраля ему стало дурно. Къ вечеру легче. Утромъ чувствовалъ себя легко; онъ попилъ чаю, сошелъ сверху въ свою мастерскую, чтобъ работать, но упалъ и испустилъ духъ. Его отпѣвали въ Академ. церкви, гдѣ послѣ того отраднаго утра, которое нѣкогда мы провели вмѣстѣ на Пасху, я былъ въ первый разъ... Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ на малороссійскомъ, великорусскомъ и польскомъ языкахъ, свидѣтельствовали о значеніи, какое онъ пріобрѣлъ у всѣхъ трехъ соединенныхъ подъ русскимъ государствомъ славянскихъ народовъ. Особенно была хороша рѣчь польская, возвѣщавшая справедливость той ненависти южно-россіянъ къ полякамъ, которая проглядываетъ въ сочиненіяхъ Шевченка. Жаль, что изъ академиковъ никто не сказалъ о немъ, какъ о ихъ товарищѣ и художникѣ, какъ будто бы онъ имъ не былъ. Остался одинъ поэтъ. Да и вообще Академія какъ будто была къ нему холодна. Я не встрѣчалъ знакомыхъ образовъ академическаго міра, встрѣчаемыхъ нѣкогда у васъ въ домѣ. Даже великаго творца новгородскаго памятника Микешина я тамъ не замѣтилъ. Зато университетъ показалъ къ нему чрезвычайное нежданное сочувствіе. Аудиторіи тогда были почти пусты. Гробъ Тараса несли студенты до самаго смоленскаго кладбища. Со стороны можно было подумать, что хоронятъ университетскаго профессора, а не художника. Намѣреваются малороссы послѣ перевезти въ Украйну. Вѣчная память поэту-страдальцу, купившему свой неувядаемый вѣнецъ славы тяжелымъ горемъ. (Не разобраны три слова). Употребленіе рома въ богатырскихъ размѣрахъ свело его въ могилу. Врачи, составлявшіе консиліумъ предъ его смертью, единогласно увѣряютъ, что одна эта слабость могла свалить такую героически сложенную натуру. Иначе онъ, устоявшій столько бѣдъ, перенесшій столько лишеній, униженій—дожилъ бы до глубокой старости. Я жалѣю, что этотъ проклятый ромъ былъ поводомъ къ единственному въ жизни нашей неудовольствію между нами въ тотъ памятный день, когда Тарасъ представлялъ на набережной въ лицахъ новгородскаго удальца Ваську Буслаева. Мы помирились, или лучше сказать сошлись не объяснившись. Но ромъ не былъ оставленъ. Осенью, сошедшись съ Якушкинымъ, Тарасъ

пивалъ чары завѣтныя въ тяжесть ведра, выражаясь гиперболическимъ нынѣшнимъ языкомъ".

Моя тетя, Екатерина Ивановна, также подробно описывала смерть и похороны Шевченка. Она говорила о тѣхъ огорченіяхъ, которыя ускорили его кончину. Огорченія эти, вслѣдствіе которыхъ онъ, по словамъ тети, и запилъ, причинила ему исторія съ знаменитой Лукерьей. Послѣдняя была горничной въ знакомомъ Шевченку домѣ, молодая, здоровая хохлушка.

Увлекшійся мечтатель соткалъ себѣ цѣлую поэму на самой грубой канвѣ: глупую дѣвку онъ, своимъ поэтическимъ воображеніемъ, превратилъ въ чистую, непосредственную представительницу украинскаго народа, съ которымъ онъ жаждалъ слиться, который хотѣлъ соединить съ интеллигенціей; въ той же дѣвушкѣ видѣлъ онъ и залогъ идиллическаго личнаго, долгожданнаго счастья. Тетя и друзья предупреждали его, но онъ не слушалъ, не вѣрилъ, и Лукерья сдѣлалась его невѣстой. Т. Гр. просилъ тетю, чтобы она у себя помѣстила Лукерью до свадьбы; зная эту дѣвушку и предвидя всему этому дурной конецъ, она не согласилась, но помогла невѣстѣ найти квартиру и устроиться. Шевченко ежедневно бывалъ у нея, но никогда не оставался позднѣе девяти часовъ вечера, чтобы не компрометтировать дѣвушку, которую уважалъ и ставилъ такъ высоко. И вдругъ свѣтлымъ надеждамъ поэта грубо былъ положенъ конецъ: онъ засталъ Лукерью en flagrant délit съ лакеемъ. Когда она увидѣла, что поправить этого дѣла уже нельзя, то отвѣчала нагло: „Развѣ-жъ бы я за тебя, такого „старого та поганаго" пошла, кабы не подарки, да не то, чтобы быть барыней?" Въ слишкомъ глубокую грязь упалъ онъ съ той вышины, куда занесли его орлиныя крылья! Этого онъ не могъ перенести—и запилъ... Тетя кончала: „еще то счастье, что онъ передъ смертью зналъ объ освобожденіи крестьянъ, хотя и не было еще объявлено, но онъ зналъ, что *будетъ*". Горько плакали мы объ нашемъ бѣдномъ, дорогомъ Тарасѣ!.. Еще мучила насъ всю эту зиму болѣзнь отца моего. Болѣзнь глазъ постепенно развивалась у него и причиняла ему почти невыносимыя страданія. У него была glaucoma, при чемъ надо безусловно оперировать глазъ и какъ можно скорѣе, чтобы избѣгнуть всѣхъ страданій и, главное, спасти этимъ еще здоровый глазъ. Нашъ знакомый докторъ, нѣмецъ, говорилъ, что операція необходима, а знаменитый окулистъ Деморъ, къ которому обратился отецъ, сказалъ, что операція не только нужна, но что ее нельзя откладывать. Мы же всѣ боялись и оттягивали рѣшеніе. Написали Грефе, но онъ, понятно, отвѣтилъ, что заочно

ничего не можетъ сказать. Обратились къ другому окулисту Нелатону, который отвѣтилъ, что операція теперь врядъ ли принесетъ пользу. Не знаю, на что онъ намекалъ: на то ли, что пропущено время, или на глубокую старость отца. А тутъ рекомендовали намъ съ самой лучшей стороны нѣкоего доктора Каффа, который, несмотря на то, что не былъ спеціалистомъ, внушилъ намъ такое довѣріе, что папа рѣшился послѣдовать его совѣту и отказаться совсѣмъ отъ операціи. Это какъ-то всѣхъ успокоило, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ страданья уменьшились и папа сталъ поправляться. На самомъ же дѣлѣ, еслибы отецъ послѣдовалъ совѣту Демора, его зрѣніе могло бы быть спасено. Объ этой роковой ошибкѣ мы узнали много времени спустя, когда началъ пропадать и второй глазъ моего бѣднаго старика.

Чтобы не кончить такими грустными нотами эту главу, привожу еще одно шуточное письмо Костомарова: „Сказаніе еже бысть лѣта 7368 декамврія въ 5-ый день. Наступающу пресвѣтлому дню въоньже вѣрніи совершаютъ память святаго славнаго святителя Христова Николая Чудотворца азъ грѣшный возимѣхъ желаніе внити въ храмъ всенощнаго ради бдѣнія; тогда ненавистникъ добра всекозненный Зеѳеусъ хотяй отъ молитвы отвратити мя принеся предъочію ми писаніе еже есть о бѣсовскихъ утѣшеніяхъ нарицаемыхъ итальянская опера, рекомое афиша въ немъ узрѣхъ яко поганіи фрази творятъ мерзкое и всякія скверны исполнено игрище, его же отъ богохульцы и кощуны своими мерзкими устны пророкомъ святоругательно наричутъ въ бозѣ же почившій благочестивый и христолюбивый царь Николай Павловичъ таковыя хулы на святыхъ пророкъ не терпля повелѣ оное бѣсоугодное игрище осадою Гента преименовати. Азъ же по скудоумію своему вложихся бѣсу и не вѣдей козни его, и не идохъ въ святый храмъ, не потщихся помолитеся Богови и поклонитеся чудотворцу Николаю, но текохъ въ храмину, идѣже позоры и дѣйства творятся, рекомую Большой Ѳеатръ, и егда внидохъ, видѣхъ множество мужей и женъ и дѣвъ текущихъ на оныя позоры, и видѣхъ яко лукавые бѣси зачепляюще ихъ по выямъ ихъ и по рукамъ ихъ и по ногамъ ихъ аки (слово не разобрано) нѣкими влечаху тѣхъ на оное богопротивное дѣйство позорованія ради. И єгда возсѣдахъ и взыграша орудія и согласія мусикійскія, и бысть свистаніе и бряцаніе и струнное гудѣніе, и сопѣли, и свирѣли, и скрипицы, и цѣвницы, и трубный гласъ, въ бубны и тимпаны неистовое удареніе яко храминѣ поколебатися и се изыдоша блудныя жены и начаша плясати и плескати, хребтами своими вихляюще, ногами же своими велія ска-

канія творяще и бысть подъятіе ногамъ ихъ искушенія человѣческаго ради, люди же неразумніи рукоплещуще радовахуся. И минущу нѣкоему времени видѣхъ богопротивное дѣйство, еже самъ діаволъ мною сотвори: творяху позоръ нѣкій окаяннїи храмъ Бога латинскаго воображаху, и игру мерскую творяху яко нѣкоего пророка въ ризахъ бѣлыхъ, каменіемъ многоцѣннымъ украшенныхъ на царство вѣнчающе, гласомъ трубнымъ, и тимпаномъ, и кампаномъ гудящимъ и звенящимъ и пѣнію бѣсовскому сущу великому, потомъ же нѣкая жена, яко мати пророка того творящеся, плачуще, и рыдающе, и поюще, и вопіюще, и горѣ взывающе, и власи свои рвуще и мещущеся съ крикомъ великимъ, людіе же невѣгласы тому бѣсовскому умышленію радовахуся.

„Посемъ же оле чюдо великаго! Оле дива непостижимаго языкомъ человѣческимъ нѣсть возможно изрещи скверному тому пророку пирующу и піянственная питія исполняющуся, блудницамъ же около него скачущимъ и служащимъ ему, еще же вземшу ему чашу вина исполнену и скверныя своя устнѣ разверзающу, и пѣснь бѣсовскую поющу, внезапу огнь подземный явися, и сѣдящу пророку тому діаволю на мѣстѣ своемъ и сотворися громъ неописанъ, и бысть трескъ, и огнь, и куреніе дыма, и абіе развалися храмина та, и погребе пророка того и любодѣицъ его, и клевретовъ его и всѣхъ кланяющихся ему и чтущихъ его, людіе же, зряще таковая, плескаху руками рыкающе аки львы, и взывающе: Тамберликъ! Тамберликъ! нѣкаго проклятаго Тамберлика скомороха и пѣвца діаволя призывающе и честь ему воздающе. Азъ видяй таковую мечту воздохнулъ и спѣшно изыдохъ и сѣдохъ на сѣнѣхъ и притекохъ въ домъ свой и плакахся горько разумѣюще яко отъ проискъ (?) того присно поборающе на мя, ненавистника и врага моего бѣса Зеѳеуса паки запять быхъ и во искушенія сѣть впадохъ мстящу ему всячески за еже посрамленіе его еже отъ святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ принялъ есть (не разобрано), тисненію предахъ и безсиліе его извѣстно сотворихъ. Ныне же всячески подобаетъ постомъ и молитвою очиститися, и таковыхъ бѣсовски позоры отбѣгати, наипаче же молитися (не разобрано) и непрестанно Богови, ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Е. Юнге.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СИРЕНЫ

Мой бѣлый легкій челнъ умчали
Сѣдыя волны въ дальній плѣнъ,
Туда, гдѣ радостно звучали
Напѣвы сладкіе сиренъ.
Мелькали въ водномъ изумрудѣ
Ихъ руки, бѣлыя какъ снѣгъ,
Мелькали трепетныя груди,
Горѣли очи жаждой нѣгъ.
Я зналъ: кто слышалъ въ морѣ пѣнье—
Не избѣжитъ проклятыхъ чаръ,
Отъ зова страсти нѣтъ спасенья,
Неугасимъ въ груди пожаръ.
И думалъ я: близка могила,
Но вспомнилъ снова о рулѣ,
И въ часъ утра волна прибила
Мой челнъ къ утесистой землѣ.
И вотъ съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя:
Я слышу радостный напѣвъ,
Мнѣ снится море голубое
И зовы чернокудрыхъ дѣвъ.

Н. Карповъ.

МРАМОРНАЯ ЗАГАДКА

I.

„Темною тайной въ свѣтломъ образѣ“ называетъ изслѣдователь одно изъ величайшихъ произведеній искусства Ренессанса—изваянія Микельанджело во флорентійской усыпальницѣ Медичей. И тотъ, кому довелось видѣть эти созданія его могучаго рѣзца, не можетъ не признать, что трудно подыскать болѣе вѣрное, болѣе точное опредѣленіе.

Девять мраморныхъ фигуръ составляютъ украшеніе холодной бѣло-сѣрой часовни, блещущей не богатствомъ убранства, не росписью стѣнъ и потолка, не величавостью своихъ линій и размѣровъ, а необычайной гармоніей освѣщенія. Дневное сіянье широкою струею врывается въ часовню сквозь верхнія окна, но, встрѣтивъ незатемненныя поля стѣнъ, мгновенно разбивается, и, отраженное, равномѣрно разсѣивается по всему помѣщенію. Получается впечатлѣніе интенсивнаго, но чрезвычайно мягкаго и спокойнаго свѣта, еще усиливаемое тѣмъ, что самой капеллѣ предшествуетъ нѣсколько темноватыхъ помѣщеній.

Кромѣ полосъ карнизовъ и фриза изъ фантастическихъ масокъ, въ усыпальницѣ Медичей нѣтъ никакихъ украшеній. Казалось бы, что она должна безконечно проигрывать отъ близкаго сосѣдства другой могильной часовни, сверху донизу облицованной разноцвѣтнымъ, зеркально-гладкимъ и блестящимъ мраморомъ. А между тѣмъ получается какъ разъ обратное. Взглянувъ мимоходомъ на богатую и пеструю часовню, идешь дальше, чтобы болѣе въ нее не возвращаться, тогда какъ бѣло-сѣрая Медицейская усыпальница даже послѣ самаго тщательнаго осмотра сохраняетъ таинственно-притягательную силу.

Въ ея ровномъ, спокойно-падающемъ свѣтѣ мраморныя изваянія живутъ особенной, неуловимою и неопредѣлимою, но несомнѣнною жизнью. Глядя на нихъ въ этой обстановкѣ, рѣшительно не представляешь себѣ, чтобы они могли быть выхвачены изъ нея, чтобы они вообще когда-нибудь могли не находиться въ той часовнѣ, которая создана для нихъ такъ же, какъ они созданы для нея. Усыпальница Медичей и ея памятники представляютъ собою одно произведеніе, цѣлостно задуманное, но невыполненное вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія чисто-внѣшнихъ условій, не повліявшихъ на творческій замыселъ ея создателя.

Что это такъ, что Микельанджело строилъ часовню съ разсчетомъ на предназначавшіяся для нея изваянія, подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующее небольшое, но характерное обстоятельство: одна изъ мужскихъ фигуръ капеллы, — та, которую принято обозначать прозвищемъ Дня,—осталась неоконченною; черты лица только намѣчены, но, несмотря на скрывающій ихъ слой мрамора, въ нихъ уже сквозятъ жизнь и сила. Одинъ изъ первоначальныхъ плановъ часовни предполагалъ и бо̀льшее количество гробницъ, и другое ихъ распредѣленіе. Будь онъ приведенъ въ исполненіе, фигура Дня очутилась бы въ самомъ темномъ мѣстѣ капеллы. Туманность и неопредѣленность ея чертъ, подкрѣпленная тѣневымъ эффектомъ, получила бы новую, разительную силу; казалось бы, что только недостатокъ освѣщенія мѣшаетъ ясно разглядѣть статую, и такимъ образомъ оптическое заблужденіе усугубляло бы художественность впечатлѣнія.

Какъ всѣ скульптурно-архитектурные планы Микельанджело, часовня Медичей осталась недоконченною, похожею, въ своей незавершенности, на „величественную развалину“. И все-же, хотя основной ея планъ и подвергся измѣненіямъ и искаженіямъ, но внутренняя, идейная связь между различными ея частями не нарушилась, и въ этомъ, быть-можетъ, таится разгадка ея обаянія.

Впрочемъ, главная тайна Медицейской усыпальницы заключается не въ этомъ, а въ тѣхъ статуяхъ, которыя ее украшаютъ и изъ которыхъ только двѣ не принадлежатъ рѣзцу Микельанджело. Ихъ созданіе является таинственнымъ моментомъ въ творчествѣ великаго ваятеля, и онѣ представляются намъ какъ бы новымъ сфинксомъ; подобно ему эти изваянія—не что иное, какъ облеченная въ видимыя, осязательныя формы загадка, которую задалъ вѣкамъ геніальный художникъ. Всякій, кого судьба наталкивала на изученіе произведеній Микельанджело, невольно останавливался передъ этимъ его созданіемъ, пытаясь постичь

его сокровенный смыслъ и разсѣять мглу таинственности, уже пятое столѣтіе окутывающую его своимъ покровомъ. Можетъ-быть грядущіе вѣка дадутъ ключъ къ разгадкѣ тайны, но до сихъ поръ ни одно изъ многочисленныхъ ея толкованій не удовлетворило искателей истины; исключеніе едва-ли составляетъ и книга Штейнманна: „Das Geheimniss der Medicigräber Michelangelos“ (Лейпцигъ, 1895). Она пытается пролить свѣтъ на вопросъ, слѣдуетъ ли въ украшающихъ крышки гробницъ фигурахъ видѣть простое аллегорическое изображеніе Дня, Сумерекъ, Ночи и Зари, или можно, за этимъ поверхностнымъ значеніемъ, найти другой, болѣе художественный, болѣе глубокій смыслъ?

Вопросомъ этимъ любители искусствъ занимались издавна. Немало способствовала возбужденію интереса къ нему та непроницаемая таинственность, которою великій художникъ окружилъ этотъ періодъ своего творчества. Извѣстно, какъ ревниво онъ оберегалъ свои созданія отъ посторонняго глаза, покуда работалъ надъ ними, словно боялся, что постоянное присутствіе чужихъ въ святилищѣ его мастерской разрушитъ интимную прелесть и обаяніе творческаго созиданія. Еще въ сравнительно раннемъ, римско-сикстинскомъ періодѣ своей дѣятельности, онъ отказывался допускать въ Сикстинскую капеллу не только любопытствовавшихъ взглянуть на его фрески знатоковъ и любителей, но даже самого заказчика-папу; а Юлій II былъ не изъ тѣхъ, кому легко было противиться. Очевидно, дѣло не могло обойтись безъ крупныхъ пререканій; отсюда, по всей вѣроятности, и ведетъ начало легенда о томъ, что Буонарроти грозилъ сбросить папу съ подмостковъ, если только тотъ попробуетъ взобраться на нихъ, и даже будто бы скатилъ на него сверху тяжелое бревно. Рафаэлю удалось побывать въ Сикстинѣ только тайкомъ и благодаря хитрости его дяди Браманте; иначе и ему не видать бы ея фресокъ раньше остального міра.

Съ усыпальницей Медичей повторилось приблизительно то же самое: герцогъ Алессандро Медичи и его гость, вице-король неаполитанскій, могли проникнуть въ запертое помѣщеніе часовни единственно сквозь окно, да и то воспользовавшись отсутствіемъ художника. Немудрено, поэтому, что въ Италіи ходили самые разнообразные толки и слухи о новыхъ произведеніяхъ Микельанджело.

Страннѣе всего то, что и впослѣдствіи художникъ не пожелалъ разоблачить своей тайны и никому въ точности не сказалъ, какую собственно мысль онъ вложилъ въ свои статуи. Тутъ мы сталкиваемся съ явленіемъ, не разъ повторявшимся въ жизни

Микельанджело. Онъ съ упорной послѣдовательностью избѣгалъ давать названія своимъ статуямъ; кромѣ Вакха, Моисея, знаменитой Pietá или серіи Мадоннъ, которыя достаточно говорятъ за себя, чтобы нужно было еще пояснять ихъ значеніе, многія лучшія его произведенія остались безъ названія. Такова его группа во дворцѣ Барджелло во Флоренціи, извѣстная подъ именемъ „Викторіи"; таковы „Плѣнники" въ Giardino Boboli и въ Луврѣ, предназначавшіеся на памятникъ Юлія II. „Плѣнниками" или „рабами" (schiavi) ихъ назвали потому, что они опутаны узами, но создатель ихъ не далъ имъ никакого опредѣленія, кромѣ самаго туманнаго и общаго: „Фигура съ руками за спиной"—такъ описываетъ онъ одну изъ Луврскихъ статуй. А были ли онѣ аллегорическимъ изображеніемъ побѣжденныхъ папою провинцій, или олицетвореніемъ благородныхъ искусствъ, скованныхъ смертью ихъ покровителя—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Онъ, можетъ-быть, даже не придавалъ имъ никакого аллегорическаго значенія, а просто, созидая памятникъ воинственнѣйшему изъ римскихъ первосвященниковъ, тѣмъ самымъ какъ бы уготовлялъ ему посмертный и вѣчный тріумфъ; при этомъ онъ вспомнилъ античный обычай украшать апоѳеозъ героя зрѣлищемъ плѣненныхъ имъ враговъ, прикованныхъ къ побѣдительской колесницѣ, и захотѣлъ дополнить торжество почившаго воителя, прислонивъ къ подножію его памятника эти скорбныя и трагическія фигуры.

Итакъ, скрытность была характерною чертою Микельанджело, и нѣтъ причины удивляться ей по отношенію къ статуямъ Медицейской часовни, если она въ данномъ случаѣ существуетъ. Вѣдь на этотъ разъ онъ самъ далъ извѣстное направленіе комментаріямъ, набросавъ нѣсколько строкъ на листѣ бумаги, хранящемся теперь въ архивѣ Casa Buonarroti. Онѣ относятся къ памятнику герцога Джуліано: изъ темныхъ и неясныхъ оборотовъ фразы можно заключить, что женская и мужская фигуры, покоящіяся на крышкѣ его саркофага, изображаютъ День и Ночь, какъ олицетвореніе непостоянства скоропреходящаго времени. Если распространить эту идею и на памятникъ герцога Лоренцо, то вполнѣ логично будетъ приложить къ его декоративнымъ изваяніямъ названія Сумерекъ и Зари, что̀ и было сдѣлано первыми же комментаторами.

Вопросъ о памятникахъ герцоговъ Лоренцо и Джуліано настолько интересенъ и богатъ матеріалами, что едва-ли можетъ быть исчерпанъ журнальной статьею. Предлагаемый очеркъ и не задается этой цѣлью. Его задача—передать въ общихъ чер-

тахъ результаты нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдованій, главнымъ образомъ Штейнманна, и привести наиболѣе распространенныя толкованія идеи памятниковъ.

II.

Въ жизни Микельанджело было три грандіозныхъ предпріятія, задуманныхъ имъ съ неудержимымъ пыломъ генія и съ напряженіемъ всѣхъ творческихъ силъ его титанической натуры.

Первое изъ нихъ—надгробный памятникъ папѣ Юлію, долженствовавшій затмить собою всѣ гробницы вселенной и доставить неслыханную славу своему творцу—отравило лучшіе его годы, ставъ, по собственному признанію ваятеля, „трагедіей его жизни“. Памятникъ, для котораго мала была древняя базилика св. Петра и который косвенно послужилъ толчкомъ къ созданію на ея мѣстѣ нынѣшняго собора, обратился въ жалкую, искаженную гробницу, на которой первое мѣсто занимаетъ одна изъ второстепенныхъ фигуръ первоначальнаго проекта.

Второе предпріятіе—фасадъ церкви Санъ-Лоренцо во Флоренціи, заказанный Микельанджело папой Львомъ X. Онъ долженъ былъ быть „зеркаломъ ваятельнаго искусства, высшимъ образцомъ зодчества“ для всей Италіи: — но отъ него осталась только деревянная модель, изготовленная художникомъ для папы и перешедшая впослѣдствіи къ герцогу Козимо, а самая церковь донынѣ, вмѣсто мраморнаго фасада, выставляетъ на показъ безформенную массу бураго кирпича.

Третье предпріятіе — усыпальница Медичей при той же церкви — представляетъ собою, какъ уже было сказано, только развалину. А между тѣмъ это тотъ изъ ваятельно-зодческихъ замысловъ Микельанджело, которому болѣе остальныхъ посчастливилось. Архитектурная часть его завершена; декоративная, порученная лучшему мастеру эпохи — Джіованни да Удине — нынѣ забѣленная, была почти окончена, когда смерть Климента VII прекратила работы въ часовнѣ; ваятели Триболо, Монторсоли и Монталупо, снабженные рисунками и указаніями Микельанджело, уже закончили двѣ статуи и начали остальныя порученныя имъ изваянія. Изъ тѣхъ 11 статуй, которыя хотѣлъ сработать самъ Буонарроти, четыре могутъ считаться готовыми; двѣ мужскія фигуры и группа Мадонны съ Христомъ въ разной степени отдѣланы, и только четыре фигуры вовсе не были начаты.

Проектъ фасада Санъ-Лоренцо представляетъ промежуточную стадію между памятникомъ Юлія II и усыпальницей Медичей.

Памятникъ Юлія II достигъ завершенія на счетъ усыпальницы Медичей, потому что въ самый разгаръ работы во Флоренціи художника стало тянуть въ Римъ, къ заброшенному произведенію. Онъ покинулъ начатую усыпальницу и кое-какъ докончилъ гробницу Юлія, но къ Медицейской часовнѣ уже не вернулся. Роковое вліяніе папской могилы на жизнь художника сказалось и тутъ; крушеніе перваго плана повлекло за собою неудачу всѣхъ предпріятій того же рода.

Сдѣлка съ папой Львомъ X оказалась не состоявшеюся весной 1520 г.; ее быстро смѣнилъ уговоръ насчетъ усыпальницы Медичей, ибо изъ документовъ, относящихся къ осени того же года, видно, что постройка часовни къ этому времени была дѣломъ рѣшеннымъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ уже идетъ переписка о рисункахъ, посланныхъ художникомъ своему заказчику, кардиналу Джуліо Медичи, впослѣдствіи ставшему папою подъ именемъ Климента VII.

Сначала предполагалось возвести посреди часовни четырехгранную общую гробницу для обоихъ Magnifici — Лоренцо и брата его Джуліано, для герцоговъ Джуліано Немурскаго и Лоренцо Урбинскаго; но отъ этой мысли скоро отказались въ виду того, что подобная гробница не соотвѣтствовала бы, по своимъ размѣрамъ, размѣрамъ часовни. Какъ въ проектѣ памятника Юлію II Микельанджело прельщалъ широкій просторъ для его ваятельскаго таланта, какъ въ фасадѣ Санъ-Лоренцо его привлекала комбинація скульптуры съ архитектурой, такъ въ Медицейской усыпальницѣ особенно заманчивымъ казалось ему намѣреніе помѣщать надгробные памятники не въ готовыя и случайно свободныя помѣщенія, а въ спеціально для нихъ построенное, при чемъ главное вниманіе должно было быть обращено на гармоничность отношеній между скульптурой и архитектурой. Поэтому рѣшено было устроить гробницы въ стѣнахъ часовни; число ихъ, а также статуй, было уже настолько выяснено, что можно было вырубать для нихъ мраморъ. Группа Мадонны съ Христомъ тогда же впервые упоминается въ числѣ предполагаемыхъ изображеній.

Лѣтомъ 1521 г. Микельанджело доноситъ Льву X, что работы въ часовнѣ подвигаются. Папа, какъ отпрыскъ дома Медичей, не могъ не интересоваться усыпальницей своего рода; впослѣдствіи даже возникла идея похоронить и его въ той же часовнѣ. Въ декабрѣ 1521 г. Левъ X умеръ, преемникомъ его на короткій срокъ сдѣлался Адріанъ VI. При немъ художнику жилось нелегко. Наслѣдники Юлія II, не сдерживаемые болѣе стра-

хомъ передъ папой Медичи, грозили Микельанджело судомъ; кардиналъ Джуліо требовалъ продолженія работъ во Флоренціи. Художникъ сознавалъ справедливость притязаній семейства Ровере, и самъ желалъ бы окончательно раздѣлаться съ ихъ заказомъ; но тогда его еще слишкомъ привлекала работа въ усыпальницѣ, чтобы онъ согласился покинуть ее. Избраніе въ папы кардинала Медичи было для него, поэтому, большою радостью; Климентъ VII хотя и не могъ совершенно оградить его отъ преслѣдованій семейства Ровере, все-же по мѣрѣ силъ заботился о спокойствіи и удобствахъ Буонарроти, и даже почтилъ его новымъ заказомъ—постройкою библіотеки при Санъ-Лоренцо. Въ 1524 г. зданіе усыпальницы было вполнѣ закончено и до 1527 г. работы неустанно подвигались впередъ. Въ началѣ 1524 г. готовы были модели для гробницъ и каменщики начали для нихъ ниши. Но тутъ изъ Рима пришли новыя указанія. Папа желалъ теперь, чтобы и ему, и Льву X отведены были мѣста въ усыпальницѣ; для обоихъ Magnifici предполагалось устроить общую гробницу, также какъ и для младшихъ герцоговъ. Ваятель набросалъ новые рисунки, хотя заявилъ, что могилъ герцоговъ уже нельзя передѣлать; тогда папа отказался отъ своего намѣренія, вѣроятно опасаясь, что папскія гробницы окажутся хуже герцогскихъ.

Часовня была уже готова, постройка библіотеки приближалась къ концу, какъ вдругъ художника снова сталъ тревожить призракъ гробницы Юлія II. „Нельзя дѣлать руками одно дѣло, а головой—другое, особенно въ работѣ надъ мраморомъ“, жалуется онъ въ письмѣ отъ 25-го октября 1525 г., говоря о причиненныхъ ему безпокойствахъ и непріятностяхъ. Это письмо побудило папу и друзей ваятеля принять мѣры къ его умиротворенію; Климентъ VII даже собирался посѣтить Флоренцію, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ работъ въ усыпальницѣ; онъ непрестанно повторялъ художнику, чтобы тотъ не забывалъ, что папы недолговѣчны, а потому скорѣе кончалъ работы, не отказывая себѣ въ достаточномъ числѣ помощниковъ, потому что „одинъ не можетъ всего сдѣлать“.

Въ письмѣ къ Фаттуччи, отъ 17-го іюня 1526 г., Микельанджело сообщаетъ, что скоро можно будетъ начать вторую могильную нишу, что на сводчатыя работы понадобится не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, что Джіованни да Удине можетъ собираться въ путь для отдѣлки потолка, что изъ одиннадцати статуй, оставленныхъ имъ себѣ, шесть уже начато, а къ седьмой скоро

будетъ приступлено, и что вообще онъ работаетъ изо всѣхъ силъ и надѣется къ сроку все окончить.

Изъ упомянутыхъ шести изваяній пять предназначалось на могилы герцоговъ. Это показываетъ, что Микельанджело главное свое вниманіе обращалъ именно на нихъ; для гробницы обоихъ Magnifici начата была только Мадонна.

Такое блестящее положеніе дѣлъ продолжалось недолго. Осенью того же года начались всевозможныя бѣдствія; положеніе папы пошатнулось, пришлось пріостановить работы въ часовнѣ. Микельанджело былъ въ отчаяніи. „Если бы я лишился папы, не житье бы мнѣ было на свѣтѣ!“ восклицаетъ онъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это Климентъ VII, только что избѣжавшій огромной опасности, вспоминаетъ о немъ и обѣщаетъ не покидать его.

Но тутъ въ жизнь художника врывается политика. Флоренція давно уже роптала подъ владычествомъ Медичей и хотѣла воспользоваться ослабленіемъ папы, чтобы стряхнуть съ себя иго его родичей. Климентъ VII, видя опасность, не посовѣстился соединиться съ императоромъ Карломъ V, только-что разрушившимъ Римъ, противъ родного города. Микельанджело, какъ приверженецъ Медичей, долгое время оставался въ сторонѣ отъ дѣлъ, но въ началѣ 1529 г. ему все-же предложили заняться укрѣпленіемъ Флоренціи противъ наступавшихъ войскъ императора. Патріотическое чувство долга взяло верхъ надъ личными симпатіями скульптора: онъ порвалъ со своимъ заказчикомъ и покровителемъ, взявъ на себя укрѣпленіе Санъ-Миніато, ключевой позиціи города.

Флоренція продержалась до августа 1530 г. Послѣ сдачи ея жизнь художника была въ опасности; не прости ему папа его отпаденія и не защити его, Микельанджело не сдобровать бы. Онъ продолжалъ работать, но пребываніе во Флоренціи съ каждымъ днемъ становилось ему тягостнѣе и несноснѣе; смерть любимаго брата, несправедливости и придирки отца, вѣчное опасеніе передъ местью не любившаго его герцога Алессандро, сугубыя бѣдствія Флоренціи—все это отравляло его существованіе. Къ тому же снова мучила его неоконченная гробница Юлія. Лѣто 1531 г. было, повидимому, самымъ тягостнымъ періодомъ его жизни. Только работа спасала его. Съ удвоенной энергіей брался онъ за рѣзецъ и молотъ, и въ то время какъ стѣны тихой часовни ревниво оберегали его отъ внѣшняго міра, онъ съ нечеловѣческимъ напряженіемъ разбивалъ мраморную кору, скрывавшую фигуры „Ночи“ и „Зари“. Еще въ то время, когда онъ

ваялъ своего гиганта, Микельанджело поражалъ видѣвшихъ его за работой той силой, съ которой онъ откалывалъ отъ статуи лишніе куски мрамора, тою увѣренностью его руки и глазомѣра, которая не позволяла ему испортить фигуру. Отвѣтомъ на это изумленіе служитъ мысль, не разъ высказывавшаяся имъ въ стихахъ и въ прозѣ:

Non ha l'ottimo artista alcun concetto,
Che un marmo solo in se non circonscriva
Col suo soverchio; ma solo a quello arriva
La man' che ubbidisce all' inteletto.

Нѣтъ у художника такого замышленья,
Что въ глыбѣ мрамора бы не могло укрыться;
Но лишь рукѣ такой дано его добиться,
Что разума творитъ покорно повелѣнья.

Такъ говорится въ одномъ изъ его сонетовъ. Во Флоренціи долго повторяли отвѣтъ Микельанджело на похвалы его фигурѣ Ночи: „Изваяніе, которое вы видите, уже было въ имѣвшейся у меня мраморной глыбѣ, и мнѣ не было никакой другой трудности, какъ только отколоть мелкіе куски, бывшіе кругомъ и скрывавшіе его отъ взоровъ. Увѣряю васъ, нѣтъ куска мрамора, въ которомъ бы не скрывалось какого-нибудь изображенія или статуи. Все дѣло только въ томъ, чтобы ясно разглядѣть ихъ".

Онъ преувеличиваетъ въ этихъ словахъ легкость своей работы. По другому поводу онъ жалуется, что сильно устаетъ и что каждый разъ, когда онъ день поработаетъ, ему приходится четверо сутокъ отдыхать. Къ тому же условія и обстановка, въ которыхъ онъ творилъ, вредно отзывались на его здоровьѣ; сырость и холодъ часовни причиняли ему постоянныя головныя боли и головокруженія, а на душѣ тяжелымъ гнетомъ лежало сознаніе неисполненнаго долга по отношенію къ памяти его перваго покровителя, Юлія делла-Ровере.

Джіованбаттиста ди-Паоло Мини, дядя любимаго ученика Микельанджело, видѣлъ его въ сентябрѣ 1531 г. и, обезпокоенный его состояніемъ, донесъ о немъ кому слѣдуетъ. Послѣдствіемъ этого письма было оригинальное предпріятіе Климента VII: изданіе папскаго breve, запрещавшаго художнику, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, работать надъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ заказовъ его святѣйшества.

Сознавая, однако, недостаточность этой мѣры, папа приказалъ своему секретарю, Себастіано дель-Піомбо, сдѣлать все возможное, чтобы уладить дѣло съ наслѣдниками папы Юлія. Между ними и художникомъ заключено было условіе, по которому

Микельанджело обязывался ежегодно извѣстный промежутокъ времени проводить въ Римѣ, въ работѣ надъ злополучнымъ памятникомъ.

Договоръ этотъ имѣлъ самое пагубное значеніе для Медицейской усыпальницы; Римъ снова овладѣлъ душой и помыслами Буонарроти и совершенно вытѣснилъ изъ его сердца любовь къ послѣднему его созданію. „Со свойственной ему въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ насильственностью, онъ навсегда порвалъ съ великимъ произведеніемъ, къ которому нѣкогда со страстью приступилъ“ — пишетъ Штейнманнъ. „Съ желѣзной послѣдовательностью произошелъ здѣсь тотъ же процессъ, что и при памятникѣ Юлію. Любовь мастера къ его произведенію была израсходована. Создатель навсегда отрекся отъ своего созданія“.

Микельанджело побывалъ еще во Флоренціи и въ послѣдній разъ видѣлъ свои работы незадолго до смерти папы Климента; съ тѣхъ поръ онъ не удостоилъ ихъ ни мысли, ни слова, кромѣ единственнаго случая, когда отвѣчалъ стихами на стихотворную же похвалу Строцци. Безъ него погребены были въ часовнѣ тѣ, для кого она строилась; безъ него поставили на приготовленныя для нихъ мѣста нѣкоторыя изваянія и освятили часовню. Это было въ 1545 г.; затѣмъ усыпальница Медичей подверглась самому небрежному отношенію со стороны причта Санъ-Лоренцо, покуда Винченцо Горгини, въ 1562 г., не пожаловался на это герцогу Козимо.

Герцогъ, еще въ 1552-мъ году, звалъ Микельанджело во Флоренцію, но тотъ даже не откликнулся на его приглашеніе, также какъ десять лѣтъ спустя не внялъ просьбамъ Вазари, умолявшаго его сообщить, какія статуи и фрески предполагались имъ для окончательной отдѣлки капеллы. Во Флоренціи тогда только что возникло новое художественное учрежденіе — l'Accademia del Disegno, и лучшіе ея художники предлагали свои услуги для завершенія произведенія ихъ великаго соотечественника. Но суровый флорентинецъ и тутъ не смягчился. Медицейская часовня до сихъ поръ стоитъ незаконченная; мраморные герцоги сидятъ другъ противъ друга надъ своими саркофагами, въ глубинѣ виднѣется алтарь съ рѣзными канделябрами, а противъ него, надъ гробницей двухъ Magnifici, возвышается неоконченная Мадонна, о которой современники восторженно говорили, что она покинула рай, дабы ваятель могъ увѣковѣчить въ мраморѣ ея неземную красоту.

Нѣтъ ни четырехъ статуй, которыя хотѣлъ сработать Микельанджело, долженствовавшихъ, по словамъ Штейнманна, алле-

горически изображать потоки Тибръ и Арно; нѣтъ ни ликующаго Неба, ни скорбящей Земли, предназначавшихся на памятникъ герцога Немурскаго; нѣтъ множества второстепенныхъ изваяній, которыхъ тщетно ждутъ до сихъ поръ пустыя стѣнныя ниши часовни. А между тѣмъ даже въ этомъ своемъ неполномъ, отрывочномъ, такъ сказать, видѣ, Медицейская усыпальница дала богатую пищу комментаріямъ и изслѣдованіямъ. Главнѣйшія произведенія Микельанджело можно уподобить отрывкамъ изъ Данта; короткая фраза, художественное сравненіе, выраженная съ большою силой и величавостью мысль — все это занимаетъ сравнительно немного мѣста въ твореніяхъ поэта, а между тѣмъ объясненія и разсужденія о нихъ заполняютъ цѣлыя страницы. То же самое повторяется съ произведеніями Микельанджело: шесть статуй—а сколько толкованій! Даже портретныя изваянія герцоговъ Лоренцо и Джуліано, и тѣ даютъ поводъ къ разнорѣчивымъ заключеніямъ; а по вопросу о томъ, какія растенія художникъ помѣстилъ въ ногахъ у Ночи — маки или какіе другіе цвѣты—поднимаются такія же пререканія, какъ о сомнительной запятой въ какой-нибудь фразѣ „Божественной Комедіи“.

III.

Изъ трехъ гробницъ усыпальницы одна представляетъ мало интереса: это та, въ которой покоится Лаврентій Великолѣпный съ братомъ. Она ничѣмъ не напоминаетъ блескъ и славу того, чей прахъ въ ней заключенъ. Остальныя гробницы, расположенныя по продольнымъ стѣнамъ часовни, совершенно тождественны между собою. Онѣ состоятъ изъ трехъ стѣнныхъ нишъ, раздѣленныхъ пилястрами; среднюю изъ нихъ на каждомъ памятникѣ занимаетъ сидячая фигура, на одномъ—герцога Лоренцо, на другомъ—Джуліано. У ногъ ихъ помѣщаются небольшіе саркофаги съ изогнутыми крышками, на которыхъ попарно возлежатъ гигантскія мужскія и женскія фигуры.

Джуліано, герцогъ Немурскій, въ дѣйствительности былъ не такимъ, какимъ его изобразилъ Микельанджело. У него были густыя, рѣзко очерченныя брови и небольшая бородка, скрывавшая крупный, некрасивый ротъ. Основной особенностью его характера была доброта и, какъ слѣдствіе ея, щедрость; онъ отличался полной политической неспособностью, и хотя и носилъ титулъ верховнаго вождя папскихъ войскъ, но всѣ дѣла мало-по-малу выпустилъ изъ рукъ и довольствовался только внѣшнимъ бле-

скомъ своего сана. Образъ жизни онъ велъ неумѣренный и умеръ сравнительно очень рано—всего 37-ми лѣтъ отъ роду. Это не помѣшало ему оставить по себѣ свѣтлую память въ литературныхъ и художественныхъ кругахъ. Онъ считался покровителемъ и цѣнителемъ наукъ и искусствъ; Бембо и Кастиліоне увѣковѣчили его въ своихъ сочиненіяхъ, Микельанджело, повидимому, съ особенной заботливостью трудился надъ его памятникомъ. Изо всѣхъ статуй часовни изваяніе Джуліано готово было первымъ; только про его памятникъ было извѣстно, какія для него предполагались дополнительныя статуи.

Джуліано Немурскій представленъ Микельанджело въ видѣ безбородаго, мужественно-прекраснаго юноши, одѣтаго въ римскія военачальническія одежды. Онъ сидитъ въ позѣ, напоминающей позу Моисея; голова его рѣшительно обращена влѣво, въ красивыхъ рукахъ онъ небрежно держитъ полководческій жезлъ. Поза его дышитъ спокойной рѣшимостью и увѣренностью; видно, что это—слѣдствіе большой внутренней силы.

Микельанджело никогда не любилъ портретовъ; въ болѣе или менѣе точной передачѣ чьихъ-нибудь чертъ онъ не находилъ простора для своего творчества; только разъ, подъ наплывомъ дружеской привязанности, онъ снизошелъ до снятія портрета съ молодого Томмазо деи Кавальери, отличавшагося, по всеобщему мнѣнію, неописуемою красотой. Поэтому и въ статуѣ Джуліано онъ оставилъ намъ не точное его изображеніе, а идеализацію въ мраморѣ, воплощеніе собственной идеи. На упреки въ томъ, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ сходствомъ, Микельанджело отвѣчалъ, что черезъ тысячу лѣтъ все равно никто не будетъ знать, какъ выглядѣли въ дѣйствительности покойные герцоги. По свидѣтельству ревностнаго его почитателя, Никколо Мартелли, художникъ заботился только о томъ, чтобы прославить своихъ героевъ, придавъ имъ высшую красоту и привлекательность.

Поза Джуліано не представляетъ собою ничего новаго въ творчествѣ Микельанджело. Она придана имъ Моисею и использована, кромѣ того, для многихъ фигуръ Сикстинскихъ фресокъ. Она даже не имъ изобрѣтена: Штейнманнъ даетъ изображеніе двухъ рельефовъ съ венеціанскаго собора св. Марка, представляющихъ собою святыхъ Георгія и Дмитрія, которые имѣютъ много общаго со статуей Микельанджело. Это, однако, вовсе не вредитъ послѣдней, такъ какъ является только лишнимъ примѣромъ того, какихъ слабыхъ намековъ и указаній достаточно генію, чтобы создать что-нибудь совершенное и прекрасное.

Мнѣнія критиковъ о статуѣ Джуліано—самыя восторженныя.

По ихъ словамъ она „представляетъ, въ гармоничной связи красоты и силы, чудное изображеніе спокойнаго превосходства. Мы съ удивленіемъ видимъ передъ собою образъ властителя, который самъ надъ собою господствуетъ, и повидимому только потому такъ небрежно держитъ на колѣняхъ символъ своей верховной власти, что его геройская юность еще ни разу не потерпѣла пораженія. Гдѣ, когда такъ гармонично соединились въ одномъ лицѣ внутренняя сила съ внѣшнею мощью, гдѣ, когда нашли онѣ такое убѣдительное выраженіе, какъ въ изображеніи герцога Немурскаго?“ — спрашиваетъ Штейнманнъ. Другой прибавляетъ, что это изображеніе есть „величавое воплощеніе сосредоточенной мужественной энергіи“ (Eduard Heyck, „Florenz und die Medicäer“, 1902).

У ногъ Джуліано лежатъ День и Ночь. Послѣдняя погружена въ глубокій сонъ. Отяжелѣвшая голова, со спадающей косой, увѣнчанная полумѣсяцемъ и звѣздою, склонилась на правую руку; та, въ свою очередь, ищетъ опоры въ согнутомъ лѣвомъ колѣнѣ; подъ лѣвой рукой у Ночи маска, въ ногахъ — сова и связка какихъ-то цвѣтовъ. Уже изъ этого короткаго описанія видно, что поза Ночи неудобна, искусственна, даже насильственна; обыкновенный человѣкъ могъ бы заставить себя принять ее, но едва ли былъ бы въ состояніи долго продержаться въ ней.

Поза эта всегда давала поводъ къ похваламъ и порицаніямъ, часто въ одинаковой степени неумѣреннымъ и несправедливымъ. Несомнѣнно одно—что она необыденна и способна возбудить въ зрителѣ недоумѣніе и какъ бы недовѣріе къ ея возможности. Существуетъ мнѣніе, что Микельанджело не столько бралъ свои позы изъ дѣйствительной жизни, сколько придумывалъ ихъ, руководствуясь при этомъ анатомическими познаніями, пріобрѣтенными имъ путемъ изученія труповъ. Моделями онъ, говорятъ, пренебрегалъ и работалъ изъ головы, что̀ и выразилось въ отсутствіи, въ его фигурахъ, жизненной непринужденности и простоты. Фрей [1]) не соглашается съ этимъ взглядомъ и замѣчаетъ, что во многихъ рисункахъ Микельанджело, въ фигурахъ Сикстины, въ „Давидѣ“, сказывается вліяніе дѣйствительности, работы съ модели. Насколько взглядъ этотъ правиленъ по отношенію къ позднѣйшей дѣятельности Микельанджело—въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія; взялъ ли ваятель позу „Ночи“ изъ головы, или

[1]) Karl Frey, „Michelagnolo Buonarroti, sein Leben und seine Werke“, Берлинъ, 1907.

подмѣтилъ ее въ дѣйствительности—это не мѣшаетъ ей производить глубокое художественное впечатлѣніе.

Лицо „Ночи“ носитъ слѣды былой красоты, и вся вообще ея внѣшность говоритъ, что когда-то она дѣйствительно была прекрасна; но теперь отъ прежней красы остались только обломки. А между тѣмъ обаяніе ея по прежнему живо и могущественно. По словамъ Брюкке („Nacht und Morgen des Michelangelo, „Deutsche Rundschau“, 1890), это происходитъ оттого, что въ искусствѣ, кромѣ живой человѣческой красоты, существуетъ еще „магическое разнообразіе и гармонія линій“. „Ночь“ Микельанджело въ высокой степени обладаетъ ими, и съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на нее, дѣйствіе всегда остается величественнымъ. „Самая маленькая фотографія, на которой нельзя разглядѣть ни одной подробности, даже самый жалкій набросокъ, если только онъ художественно вѣрно передаетъ главныя линіи, показываетъ намъ, что дѣло касается творенія безсмертнаго. Эти-то линіи и придаютъ всей фигурѣ благородство и возвышенность чувства, какія рѣдко можно найти въ какомъ-нибудь изображеніи. „Ночь“ показываетъ, что ваятель можетъ быть реалистиченъ, и даже грубо-реалистиченъ, если только въ немъ живетъ геній, сила поднять цѣлое на высоту идеала, выдѣлить его изъ сферы простой дѣйствительности“. Брюкке утверждаетъ, что красота линій составляла цѣль стремленій Микельанджело, главный предметъ его творчества; любовь къ линіи заставляла его иногда пренебрегать анатомическою вѣрностью и правдоподобностью его фигуръ. Какъ на примѣръ, Брюкке указываетъ на то, что у Лоренцо, Джуліано, Ночи слишкомъ слабо развитъ затылокъ; если бы ваятель придалъ другую форму ихъ головамъ, то нарушилась бы гармонія линіи плеча, шеи и затылка у Ночи и Джуліано, а у Лоренцо пришлось бы усилить выпуклость шлема, что тоже нанесло бы ущербъ красотѣ произведенія.

Та же любовь къ линіи побудила Микельанджело изобразить Ночь въ столь неудобномъ положеніи, что оно невольно наводитъ зрителя на вопросъ: спитъ она или умерла? Брюкке доказываетъ, что она не умерла и не спитъ, а дремлетъ, ибо только въ состояніи дремоты мускулы человѣческаго тѣла сохраняютъ достаточную для поддержанія его въ данномъ положеніи напряженность. Генке („Aurora und Nacht des Michelangelo“, „Deutsche Rundschau“, 1890), также на основаніи анатомическихъ данныхъ, оспариваетъ мнѣніе Брюкке, утверждая, что Ночь погружена въ глубокій сонъ. Цѣлая группа изслѣдователей придерживается его точки зрѣнія, при чемъ неудобство положенія статуи пытаются

объяснить психологически. По ихъ мнѣнію, скульпторъ придалъ ей выраженіе полнаго, безпросвѣтнаго отчаянія. Подавленная обрушившимися на нее бѣдствіями, титаническая женщина заснула тяжелымъ, неосвѣжающимъ сномъ. Она такъ устала, что даже не чувствуетъ неудобства своей позы. Горе преслѣдуетъ ее и въ минуты покоя. Сквозь гнетущее оцѣпенѣніе она продолжаетъ чувствовать тѣ же муки, что на-яву, и самый сонъ является для нея лишнимъ терзаніемъ, потому что она не можетъ выйти изъ-подъ его ига.

Pendant къ Ночи составляетъ неоконченный День. Это—старецъ-великанъ; онъ изображенъ лежащимъ на лѣвомъ боку, спиною къ зрителямъ, и трудно рѣшить, для какого движенія напряжены его упругіе мускулы; онъ видимо собирается повернуться, но схваченный художникомъ моментъ есть именно тотъ, когда не можешь сказать, обратится ли лежащій къ тебѣ лицомъ, или окончательно отвернется? Многія позы Микельанджело представляютъ собою не продолжительное состояніе, не величественный, плавный жестъ, а бурный, рѣзкій моментъ движенія, скоропреходящій, и потому въ дѣйствительной жизни почти незамѣтный. Мы находимъ этому множество примѣровъ въ живописи Сикстины. Кромѣ нѣкоторыхъ фигуръ Страшнаго Суда или Потопа, кромѣ декоративныхъ великановъ потолка, можно указать на отдѣльныя изображенія—ливійской сивиллы, напр., или пророковъ Исаіи и Даніила, — которыя схвачены въ кульминаціонномъ пунктѣ движенія. Ихъ напряженіе должно какъ-нибудь разрѣшиться; ожиданіе этого разрѣшенія волнуетъ зрителя, и ему кажется, что самыя фигуры объяты какимъ-то возбужденіемъ, что и онѣ волнуются, мятутся—s'agitano, по выраженію одного историка искусства. Отсюда впечатлѣніе бурной силы, производимое созданіями Микельанджело. Въ нихъ говоритъ каждая складка одежды, каждый мускулъ. Носителями своихъ идей Микельанджело дѣлаетъ даже не столько голову и лицо человѣка, сколько всю его фигуру; крайняя напряженность нѣкоторыхъ частей тѣла и сравнительное спокойствіе остальныхъ придаютъ ему особенную выразительность. Вотъ почему въ весьма характерной въ этомъ отношеніи статуѣ Дня насъ не слишкомъ смущаетъ неопредѣленность чертъ лица; настроеніе его достаточно ясно сказывается въ его тѣлѣ. Намъ нѣтъ нужды знать, какой лобъ, ротъ, носъ ваятель придалъ бы Дню; мы по одному повороту его могучаго торса чуемъ, какая духовная мощь въ немъ таится.

Сказать ли больше? Законченность очертаній его лица, быть

можетъ, ослабила бы силу впечатлѣнія, производимаго нынѣ изваяніемъ Дня. Существуетъ бронзовая копія съ него, могущая сойти за работу Триболо, у которой голова вполнѣ отдѣлана, правда съ легкимъ измѣненіемъ ея поворота. И что же? Разсматривая рисунокъ этой бронзы, хочешь закрыть чѣмъ-нибудь голову статуи, чтобы не видѣть ея—до того она кажется слабой, блѣдной, неудачной, по сравненію съ остальнымъ тѣломъ. Конечно, такого чувства могло бы и не быть, еслибы самъ Микельанджело докончилъ свою скульптуру; но даже и тогда выразительность статуи едва-ли бы замѣтно усилилась.

Изображеніе герцога Лоренцо, племянника Джуліано, такъ же далеко отъ истины, какъ и первое портретное изваяніе мавзолея. Лоренцо былъ моложе и энергичнѣе дяди, но въ нравственномъ отношеніи стоялъ, пожалуй, ниже его. Джуліано не соглашался отплатить неблагодарностью герцогу Франческо-Маріи Урбинскому, пріютившему его съ племянникомъ послѣ ихъ изгнанія изъ Флоренціи—а Лоренцо, наоборотъ, помогалъ Льву X противъ своего покровителя и даже принялъ отъ папы титулъ герцога Урбинскаго. Какъ отъ прямого внука Лоренцо Magnifico, Макіавелли многаго ожидалъ отъ юнаго Медичи и даже посвятилъ ему свой знаменитый трудъ „О государѣ“; но Лоренцо не оправдалъ этихъ надеждъ и сошелъ въ могилу, не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста.

Всѣ эти обстоятельства для Микельанджело значенія не имѣютъ. Онъ изображаетъ Лоренцо болѣе возмужалымъ, чѣмъ Джуліано, и ему, бывшему самымъ дѣятельнымъ изъ двухъ, придаетъ выраженіе глубокой задумчивости, вызвавшее прозваніе его: il Pensieroso.

Лоренцо сидитъ, скрестивъ слегка ноги; удобство его позы показываетъ, что онъ расположился для продолжительнаго размышленія. Голова его, осѣненная тяжелымъ шлемомъ, слегка наклонена впередъ и опирается на лѣвую руку, указательный палецъ которой прижатъ къ губамъ, какъ бы для того, чтобы запретить тревожить его раздумье. Локоть лѣвой руки покоится на какомъ-то загадочномъ предметѣ,—можетъ быть ларчикѣ,—лежащемъ на колѣняхъ сидящаго, а правая рука, вывернутая вверхъ ладонью, слегка упирается въ бедро. Глаза, неподвижно устремленные въ одну точку, не видятъ окружающаго, ибо заняты какимъ-то внутреннимъ созерцаніемъ. Для зрителя важенъ теперь не предметъ его размышленій, будь то судьбы Италіи или его прегрѣшенія: важно обаяніе его настроенія. Усыпленіе Ночи, дремота, подъ вліяніемъ которой словно поникаетъ голова

старца, сосѣда Авроры, выжидательная поза Джуліано, выразительный въ своей простотѣ жестъ Лоренцо,—все это создаетъ атмосферу какого-то особеннаго благоговѣнія. Передъ нимъ мірской шумъ невольно замираетъ и переходитъ въ почтительный шопотъ.

Возвращаясь къ позѣ Лоренцо, слѣдуетъ замѣтить, что она—не новость; различные ея элементы разбросаны по потолку Сикстинской капеллы. Вообще фрески этой капеллы—какъ бы сокровищница, въ которую художникъ сложилъ безчисленныя мелкія, но характерныя наблюденія, удачныя движенія, художественныя мысли. Онъ закрѣпилъ ихъ кистью въ ожиданіи момента, когда ему дано будетъ перенести ихъ изъ области красочной скульптуры, въ которую онъ обратилъ живопись, въ область ваянія. Слегка измѣнивъ позу пророка Іереміи и одной изъ второстепенныхъ фигуръ Сикстины, Микельанджело создалъ новое, еще болѣе совершенное положеніе для тѣла задумавшагося человѣка.

То же слѣдуетъ сказать и о статуяхъ Авроры и Сумерекъ; ихъ можно узнать, какъ бы провидѣть, въ фигурахъ Сикстинской часовни. Поза Авроры, особенно движеніе ея лѣвой руки, намѣчены Микельанджело въ позѣ и движеніи одной или двухъ фигуръ изъ серіи такъ называемыхъ предковъ Спасителя. Сумерки и День сильно напоминаютъ декоративныя фигуры потолка.

Заря, распростертая у ногъ Лоренцо, не уступаетъ въ красотѣ сестрѣ своей Ночи. Она моложе ея и оживленнѣе; но это не лучезарная провозвѣстница дня, не свѣтлая богиня, летящая передъ огненною колесницею Феба; нѣтъ, это Заря туманнаго, скорбнаго утра, занимающаяся подъ покровомъ холодныхъ дождевыхъ тучъ. Она моложе, но зато и слабѣе Ночи. Та молча переноситъ свои нечеловѣческія страданія; даже во снѣ губы ея сжаты и не издаютъ ни звука. Аврора, просыпаясь, страдальчески хмурится и съ полуоткрытыхъ устъ ея срывается жалобный стонъ. Какъ неохотно она просыпается, съ какою радостью снова бы погрузилась въ сонъ!

Сосѣдъ Зари—Сумерки, il Crepuscolo—тверже и мужественнѣе ея. Онъ спокойнѣе другихъ надгробныхъ изваяній; онъ видимо пересталъ бороться; опущенное слегка лицо его скорбно, но не искажено страданіемъ, какъ лицо Авроры; сила и выдержка сказываются и въ немъ. Своимъ терпѣливымъ перенесеніемъ выпавшихъ на его долю невзгодъ онъ вноситъ какъ бы легкую ноту умиротворенія въ унылую атмосферу часовни.

Одинъ изслѣдователь замѣчаетъ, что идея смерти господствуетъ въ усыпальницѣ Медичей, не смягченная мыслью о вос-

кресеніи. Едва-ли можно этому удивляться. Въ тотъ періодъ своей жизни, въ который онъ трудился надъ памятниками Медичей, Микельанджело часто впадалъ въ мрачное, безнадежное настроеніе; у него не было никакихъ привязанностей, которыя могли бы скрасить его существованіе; платоническая философія, съ обрывками которой онъ познакомился въ молодости, хотя и вдохновляла его иногда въ его произведеніяхъ, но, повидимому, не давала ему полнаго удовлетворенія, а обращеніе его къ католическому христіанству еще не произошло. Немудрено, поэтому, что въ его душѣ не было мѣста вѣрѣ въ успокоеніе и умиротвореніе, и что мысль о тщетѣ и быстротечности всего земного могла пріобрѣсти, въ его глазахъ, особую важность.

Резюмируя все сейчасъ сказанное, невольно группируешь попарно статуи Медицейской усыпальницы. Ночь и Заря, Сумерки и День, герцоги Джуліано и Лоренцо—вотъ эти группы.

Комментаторы главнаго флорентійскаго произведенія Микельанджело не могли удовлетвориться признаніемъ сидящихъ воиновъ портретами, хотя бы неточными, идеализированными, усопшихъ герцоговъ. Они и въ нихъ нашли скрытый аллегорическій смыслъ—олицетвореніе жизни дѣятельной и жизни созерцательной. Опредѣленіе это въ высшей степени мѣтко. Въ искусствѣ нѣтъ, кажется, лучшаго воплощенія сосредоточеннаго созерцанія, чѣмъ статуя Лоренцо, а Джуліано, напоминающій Моисея, столь же способенъ и готовъ къ дѣятельности, какъ и ветхозавѣтный вождь избраннаго народа. Недаромъ же, въ противовѣсъ къ прозвищу il Pensieroso, статую Джуліано звали la Vigilanza, т.-е. бдительность.

Аллегорія дѣятельной и созерцательной жизни давно уже зрѣла въ мысляхъ художника; она предполагалась имъ и для памятника Юлія, и нашла выраженіе въ статуяхъ Ліи и Рахили въ San-Pietro in Vincoli въ Римѣ. Со свойственной ему основательностью, Микельанджело годами обдумывалъ иныя мысли и часто возвращался къ нимъ, ища и создавая для нихъ возможно болѣе точное проявленіе. Такъ было, по всей вѣроятности, и тутъ; Моисей, Лія и Джуліано въ различной степени и въ разныхъ оттѣнкахъ отразили его представленіе о дѣятельной, Лоренцо и Рахиль—о созерцательной жизни.

Штейнманнъ приводитъ отрывокъ изъ сонета Микельанджело, въ которомъ говорится, что Богъ, создавая изъ ничего время, раздѣлилъ его между солнцемъ и луною, между днемъ и ночью, и тѣмъ опредѣлилъ судьбу каждаго человѣка, живущаго на землѣ. „Итакъ, самъ Микельанджело раздѣлилъ родъ

человѣческій на чадъ Дня и чадъ Ночи", и это раздѣленіе съ успѣхомъ примѣнимо „къ полководческимъ фигурамъ Санъ-Лоренцо. Вѣдь съ перваго же взгляда видно, какъ сильно здѣсь подчеркнуты внутреннія и внѣшнія противоположности. Джуліано, съ непокрытой головой, въ сіяющихъ латахъ, съ символомъ высочайшей власти въ рукахъ, съ гордо и смѣло устремленнымъ въ жизнь взглядомъ—сынъ Дня! Лоренцо, съ осѣненной тяжелымъ шлемомъ, низко опущенной головой, въ вооруженіи безо всякихъ украшеній, безо всякаго признака внѣшняго достоинства—сынъ Ночи!"

О декоративныхъ мужскихъ фигурахъ капеллы всегда какъ-то меньше говорили; о нихъ упоминали какъ о „старцахъ"—изваяніяхъ, достойныхъ высшихъ похвалъ, но насчетъ ихъ особенныхъ свойствъ и достоинствъ не распространялись. Вниманіемъ посѣтителей часовни всецѣло овладѣвали женскіе образы, изъ нихъ преимущественно образъ Ночи. О томъ впечатлѣніи, которое они производили, свидѣтельствуетъ любопытный діалогъ, приведенный у Штейнманна.

Чужестранецъ, попавшій во Флоренцію, приходитъ въ Медицейскую усыпальницу, которую показываетъ ему мѣстный обыватель. Посѣтитель, въ нѣмомъ восхищеніи, останавливается передъ статуей Авроры, которая внезапно оживаетъ и обращается къ нему съ разсказомъ о томъ, какъ однажды Микельанджело привелъ въ часовню одного своего знакомца. Тотъ проникся такимъ экстазомъ при видѣ Ночи, что окаменѣлъ на мѣстѣ. Тогда Микельанджело, имѣвшій власть надъ своимъ созданіемъ, призвалъ къ жизни мраморную Ночь. Она пошевелилась, и оцѣпенѣвшій зритель вновь обрѣлъ возможность движенія. Очнувшись отъ своего изумленія, чужестранецъ восклицаетъ: „Что это за чудесныя вещи! Я осязаю ихъ—и онѣ камень. Я осязаю ихъ, и онѣ оживаютъ и восхищаютъ меня болѣе, чѣмъ еслибы я чувствовалъ біеніе жизни. Да, я обратился въ камень, а онѣ стали плотью". Эти слова донынѣ съ такимъ же правомъ можетъ повторить всякій, побывавшій въ Медицейскомъ мавзолеѣ.

Остается еще упомянуть о нѣсколькихъ неисполненныхъ статуяхъ, предназначавшихся для мавзолея. Къ нимъ относятся „потоки" (i fiumi), двѣ фигуры на памятникѣ Джуліано, двѣ фигуры для боковыхъ нишъ на памятникѣ Лоренцо, можетъ-быть портретныя статуи Лоренцо Старшаго и брата его Джуліано. Триболо долженъ былъ сработать для памятника герцога Немурскаго изображеніе Земли, увѣнчанной кипарисомъ, оплакивающей женщину герцога, и изображеніе Неба, съ радостно воздѣтыми

руками, ликующаго о томъ, что обладаніе прекрасной душой усопшаго придаетъ ему новый блескъ. На полу около памятниковъ должны были быть помѣщены „потоки“; ихъ предполагалось четыре или шесть. Для нихъ были изготовлены модели, которыя сначала находились въ часовнѣ; но сравнительно скоро онѣ исчезли. Во Флоренціи — въ Барджелло, и въ Берлинѣ — въ музеѣ императора Фридриха хранятся фигуры стариковъ съ урнами, приписываемыя Триболо; вѣроятно работы этого скульптора должны были замѣнить неисполненныя изваянія Микельанджело. Хотя аллегорическое изображеніе потоковъ, строго говоря, не имѣетъ отношенія къ надгробнымъ памятникамъ, однако оно было примѣняемо и въ древности. Въ Римѣ хранится саркофагъ съ изображеніемъ бородатаго старца съ урной; на аркѣ Константина, тамъ же, есть рельефы, изображающіе восходящее солнце и заходящую луну, при чемъ къ фигурамъ бога и богини присоединяются рѣчныя божества. Итакъ, происхожденіе этихъ фигуръ извѣстно; но смыслъ ихъ все-же остается неразъясненнымъ. Предполагать въ четырехъ проектированныхъ изваяніяхъ изображенія рѣкъ Италіи — къ чему, по видимому, склоняется Штейнманнъ, неосновательно. Изъ рѣкъ Италіи въ эпоху Возрожденія пользовались особенною извѣстностью только Тибръ и Арно, какъ связанныя съ представленіемъ о Римѣ и Флоренціи—столицахъ Ренессанса.

„Потоки“, льющіе воду изъ наклоненныхъ урнъ, изображенные на римскихъ памятникахъ, суть не что иное, какъ воспоминаніе о великой рѣкѣ Океанѣ, обтекавшей, по преданію древнихъ, землю. Изъ водъ этой рѣки поднимались и въ ея струи погружались солнце и луна. Предположивъ, что Микельанджело именно такъ понималъ „потоки“, мы вправѣ будемъ заключить, что онъ хотѣлъ дополнить ими аллегорію вселенной, обозначенную Небомъ и Землею. Видимая правильность этого вывода не можетъ, однако, устоять передъ простымъ вопросомъ: неужели Микельанджело собирался воплотить въ четырехъ образахъ представленіе Океана? Едва-ли; вѣдь самая тема не настолько сложна и разностороння, чтобы требовать многочисленныхъ обработокъ. Допустить, что задуманные Буонарроти „потоки“ долженствовали изображать рѣки подземнаго міра, о которыхъ говоритъ Сократъ въ Платоновскомъ „Федонѣ“ (Океанъ, Ахеронъ, Коцитъ и Перифлегетонъ)—по меньшей мѣрѣ рискованно. Еще далеко не доказано, что Микельанджело читалъ творенія Платона; всего правдоподобнѣе, что онъ имѣлъ о нихъ весьма недостаточное, отрывочное понятіе. Наиболѣе вѣроятно, что фигуры „потоковъ“ не заклю-

чаютъ въ себѣ ничего аллегорическаго, а являются просто декоративными фигурами, перенятыми Микельанджело у древнихъ. Правда, до него художники не вводили въ свои произведенія смѣси христіанскихъ и языческихъ понятій; но въ творчествѣ Микельанджело, такъ много позаимствовавшаго у языческой древности, подобныя вольности вполнѣ понятны.

Относительно статуй Земли и Неба, упоминаемыхъ выше, существуетъ предположеніе, что въ боковыхъ нишахъ должны были помѣщаться изображенія четырехъ элементовъ: огня, воздуха, земли и воды. Для симметріи художнику нужны были два женскихъ и два мужскихъ образа, которые даны ему были его роднымъ языкомъ въ наименованіяхъ четырехъ частей сутокъ; въ названіяхъ же элементовъ ему пришлось слово „aria“, женскаго рода, замѣнить словомъ „cielo“—мужескаго. Это слово употребляется и въ смыслѣ рая, и въ смыслѣ небеснаго свода, и потому поддается толкованію и въ духѣ аллегоріи вселенной, и въ томъ религіозномъ направленіи, въ которомъ повидимому была задумана статуя Триболо.

Античное ученіе объ элементахъ было знакомо средневѣковью, и Микельанджело могъ освоиться съ нимъ помимо Платона. Поставленное въ связь съ представленіемъ о различныхъ періодахъ сутокъ, оно еще яснѣе подчеркиваетъ мысль о быстротечности всего земного. Времена сутокъ обозначаютъ вѣчный круговоротъ всякаго возникновенія и существованія, а элементы матеріалъ для этого непрестаннаго созиданія и переобразованія. Соединяясь, элементы созидаютъ, разъединяясь—разрушаютъ. И пусть оба „capitani“ олицетворяютъ не Джуліано и Лоренцо, а дѣятельность и созерцательность: оффиціально они все-же были герцогами Немурскимъ и Урбинскимъ, и художникъ вправѣ былъ сказать (въ рукописи Casa Buonarroti): „Небо (т.-е. воздухъ) и Земля (какъ одинъ изъ элементовъ), День и Ночь (т.-е. постоянная смѣна временъ, приведшая элементы къ разъединенію) привели къ смерти герцога Джуліано“. Тѣ же слова могутъ быть примѣнены къ Лоренцо Урбинскому—и тогда получится равноцѣнное объясненіе фигуръ обѣихъ гробницъ.

IV.

Хотя и существуетъ мнѣніе, что герцогскія гробницы, въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, соотвѣтствуютъ желаніямъ Микельанджело и что мы видимъ ихъ такими, какими онъ хотѣлъ

изобразить ихъ, однако пустующія ниши и сохранившіяся преданія ясно говорятъ совсѣмъ не то. Среди послѣднихъ рукопись Casa Buonarroti занимаетъ первое мѣсто какъ по хронологическому порядку—ее относятъ къ 1523 г.—такъ и по содержанію. Вмѣсто заглавія, на ней другъ надъ другомъ два раза написано: „El cielo e la terra", а затѣмъ говорится слѣдующее: „День и Ночь говорятъ и рекутъ: нашимъ быстрымъ теченіемъ мы привели къ смерти герцога Джуліано. Справедливо, что онъ мститъ, какъ онъ это дѣлаетъ. И месть его та, что онъ насъ, убившихъ его, въ смерти еще лишилъ свѣта. И своими закрытыми очами онъ смежилъ и наши очи, которыя уже не свѣтятъ болѣе надъ землею. Чего бы онъ только изъ насъ не сдѣлалъ, еслибы остался въ живыхъ!"

Изъ этихъ туманныхъ фразъ можно заключить, что въ основу композиціи памятника художникъ клалъ мысль о непостоянствѣ и скоротечности всего земного, а въ гигантахъ, украшающихъ саркофагъ, хотѣлъ изобразить День и Ночь. Неизвѣстно, былъ ли этотъ листокъ въ рукахъ у Кондиви, біографа Микельанджело, или онъ изъ собственныхъ устъ его слышалъ подобное объясненіе; во всякомъ случаѣ его толкованіе значенія статуй сходится съ мыслью рукописи. Онъ говоритъ о гробницахъ герцоговъ: „На (ихъ) крышкахъ лежатъ по двѣ фигуры въ болѣе чѣмъ естественную величину, мужчина и женщина, которые означаютъ День и Ночь, а оба вмѣстѣ—всеразрушающее время. И чтобъ намѣреніе его (Микельанджело) было еще понятнѣе, онъ придалъ Ночи, изображенной въ видѣ женщины дивной красоты, сову и другіе соотвѣтствующіе знаки, также и Дню—его признаки. Для означенія времени онъ хотѣлъ сдѣлать мышь, чего однако не могъ исполнить изъ-за помѣхи, и для чего оставилъ на произведеніи немного мрамора; потому что звѣрекъ этотъ непрестанно грызетъ и уничтожаетъ, не иначе какъ всепоглощающее время".

По краткости и недостаточности описанія можно предположить, что Кондиви не видалъ Медицейской усыпальницы и говоритъ съ чужихъ словъ. Поэтому въ его разсказъ вкрадываются неточности: ни на одной изъ четырехъ статуй, напримѣръ, нѣтъ такого лишняго кусочка мрамора, изъ котораго можно было бы изваять мышь. Тѣмъ не менѣе толкованіе его представляетъ собою логичное развитіе мелькающей въ словахъ Микельанджело мысли.

Этому направленію мыслей ваятеля удивляются многіе изслѣдователи, находя, что избранная имъ аллегорія блѣдна, туманна и неоригинальна. Но отчего они не хотятъ удовлетвориться даннымъ самимъ художникомъ разъясненіемъ, какъ бы считая его недостой-

нымъ его генія? Вѣдь придавать чьимъ бы то ни было словамъ больше вѣры, нежели свидѣтельству самого создателя произведенія—все равно, что увѣрять писателя, что именно въ этомъ, а не въ чемъ-нибудь другомъ заключается идея его книги. Гдѣ основаніе считать избранную художникомъ тему недостойною его таланта, если онъ самъ не считалъ ее таковою? Вѣдь произведеніе его прекрасно, и тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ художественно правдивѣе; если же ему удалось простую, хотя бы даже не новую мысль выразить въ правдивой, сильной формѣ, то развѣ это умаляетъ или унижаетъ его талантъ? Напротивъ, одною изъ отличительныхъ чертъ генія является способность творить изъ ничего, то-есть создавать великое и прекрасное изъ мелкаго и незначительнаго. Недаромъ вѣковой опытъ привелъ человѣчество къ сознанію, что ничтожныя причины подчасъ влекутъ за собою великія послѣдствія; ничто такъ не подтверждаетъ справедливости этого наблюденія, какъ творчество генія.

По поводу замѣчательныхъ произведеній принято задаваться вопросомъ, какую идею хотѣлъ выразить или доказать ими авторъ. Между тѣмъ, очень часто произведеніе выливается у его создателя не по предначертанному плану и не съ предвзятой цѣлью, а подъ наплывомъ творческаго вдохновенія. Медицейскія надгробныя фигуры созданы въ минуты такого напряженія—иначе онѣ бы не были такъ прекрасны; красота ихъ несомнѣнна, можно сказать осязательна; но отразилась ли въ нихъ какая-нибудь заранѣе обдуманная идея, или онѣ выражаютъ только красоту, одухотворенную и проникнутую живымъ пыломъ творчества—вотъ въ чемъ таится сущность загадки усыпальницы Санъ-Лоренцо.

Не знаю, высказывался ли кто-нибудь опредѣленно въ томъ смыслѣ, что статуи Медицейскаго мавзолея—только выраженіе красоты въ одномъ изъ ея безчисленныхъ проявленій. Во всякомъ случаѣ существованіе такой точки зрѣнія нельзя считать неблагопріятнымъ для искусства вообще; дѣло лишь въ томъ, насколько она примѣнима къ вопросу о статуяхъ Медицейской часовни.

Рукопись Casa Buonarroti въ этомъ случаѣ имѣетъ рѣшающее значеніе, и даже не столько самая рукопись, сколько дата ея возникновенія: 1523-й годъ, то-есть именно то время, когда художнику предстояло пристальнѣе обдумать и подробнѣе уяснить себѣ всѣ тонкости надгробныхъ фигуръ. Однимъ изъ фазисовъ этого уясненія является мгновеніе, когда ваятель, въ несчетный разъ проводя карандашомъ линіи задуманнаго памятника, начер-

талъ подъ его изображеніемъ упомянутыя строки. Послѣ нихъ ему оставалось только приготовить bozzo—маленькую восковую модель—и начать обрабатывать мраморъ. Такъ оно повидимому и было.

Для обсужденія и комментированія произведенія искусства исторія его созданія имѣетъ важное значеніе. Исторія Медицейскихъ памятниковъ дошла до насъ въ необыкновенно полномъ видѣ. Мы ясно можемъ прослѣдить, какъ постепенно ранніе планы сокращались подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, какъ ни одинъ изъ нихъ не былъ исполненъ цѣликомъ, и какъ идея Микельанджело, и безъ того неопредѣленная и неясная, еще болѣе затемнялась подъ вліяніемъ измѣненій первоначальнаго проекта. Вложенная Микельанджело въ задуманное произведеніе мысль не настолько выразилась въ томъ, что было завершено, чтобы казаться намъ вполнѣ понятною. Медицейская часовня напоминаетъ фразу, прерванную такъ, что конца ея нельзя съ достовѣрностью предусмотрѣть, и потому дающую поводъ къ разнообразнѣйшимъ предположеніямъ и догадкамъ. Въ литературномъ произведеніи предшествующія фразы могутъ бросить свѣтъ на неоконченную, въ произведеніи же не-словесномъ это можетъ сдѣлать единственно исторія его возникновенія.

Что гробницы папъ Льва X-го и Климента VII-го были для Буонарроти только эпизодомъ, явствуетъ изъ холоднаго и неблагосклоннаго отношенія его къ папскому замыслу. Онъ хотя и составляетъ требуемые рисунки, но сразу заявляетъ, что герцогскихъ гробницъ передѣлать нельзя, словно стремясь оградить ихъ отъ посторонняго посягательства. Гробницѣ обоихъ Magnifici онъ предполагаетъ придать характеръ строго церковный. Мадонна и святые, покровительствующіе дому Медичи, должны осѣнять ее. Творческая сила художника всецѣло можетъ сосредоточиться на самой сложной части работы.

Чтобы не мѣшать самому себѣ въ концентрированіи своихъ мыслей, Микельанджело отложилъ вполнѣ ясныя, а потому менѣе интересныя фигуры потоковъ до окончанія другихъ изваяній. Такъ вкралась въ его произведеніе первая неясность; она усилилась вслѣдствіе отсутствія другихъ дополнительныхъ статуй и окончательно обратилась въ загадку, когда дѣло коснулось памятника Лоренцо, для котораго не сохранилось—или даже вовсе не существовало—никакого проекта.

Исторія Медицейской усыпальницы, съ ея перерывами и катастрофами, объясняетъ, во-первыхъ, почему Микельанджело понадобилось столько времени на созданіе сравнительно небольшого

числа произведеній, а во вторыхъ подтверждаетъ теорію аллегоріи быстротечности времени, потому что устанавливаетъ хронологическое ея преимущество предъ другими системами толкованій.

Объясненіе Кондиви наиболѣе правдоподобно изъ имѣющихся отъ той эпохи комментаріевъ. Бенедетто Варки, въ публичной рѣчи 1546 г., такъ толковалъ идею Буонарроти: изображая усопшихъ герцоговъ, художникъ думалъ, что единственная достойная ихъ могила есть міръ, а потому помѣстилъ у ихъ ногъ изображенія четырехъ частей сутокъ, съ тѣмъ, чтобы День, Ночь, Утро и Вечеръ осѣняли ихъ своимъ покровомъ, какъ они осѣняютъ имъ всю землю". Вазари примкнулъ къ этому мнѣнію. Между тѣмъ прямо немыслимо, чтобы Микельанджело могъ вложить такую идею въ свое произведеніе. Помимо того, что онъ противился возвращенію Медичей во Флоренцію и былъ въ открыто враждебныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ Алессандро, онъ, знавшій Лоренцо Magnifico, не могъ ставить на такую высоту его ничтожныхъ потомковъ. Да наконецъ лесть и поклоненіе были чужды ему до такой степени, что грубость его пугала Льва X-го. „Онъ ужасенъ"—è terribile—говорили о немъ при папскомъ дворѣ. И объ этомъ-то человѣкѣ заявляютъ, что, создавая своихъ гигантовъ, онъ исходилъ изъ преувеличенно льстивой мысли, такъ сказать ваялъ въ мраморѣ придворный комплиментъ!

Вопіющая несообразность, даже болѣе того—нелѣпость подобнаго предположенія совершенно очевидна. Или низкопоклонство было въ то время развито до такой степени, что даже образованные и выдающіеся люди, вродѣ знаменитаго флорентинскаго историка Варки, не гнушались ея и не вѣрили въ возможность существованія человѣка, чуждаго заискиваній и подобострастія передъ великими міра? Если такъ, то Микельанджело со своей прямолинейностью дѣйствительно долженъ былъ быть имъ страшенъ. Непонятно одно: почему онъ не протестовалъ противъ высказаннаго Варки предположенія относительно его статуй. Можетъ статься, онъ въ то время уже настолько охладѣлъ къ своему творенію, что для него безразличны были сужденія о немъ; вѣроятно также и то, что онъ просто не желалъ вдаваться въ споры по этому вопросу, находя, что достаточно объяснилъ свои мысли въ отвѣтѣ Строцци и въ запискѣ архива Casa Buonarroti.

Другая категорія толкованій носитъ своеобразный характеръ. Это—категорія толкованій политическихъ. Первый поводъ къ ихъ возникновенію далъ самъ Микельанджело. Произошло ли это слу-

чайно, или же художникъ почему-нибудь задумалъ сбить съ толку комментаторовъ своего произведенія, приписывая ему извѣстное политическое значеніе? Какъ бы то ни было, но и эту мысль онъ выразилъ не менѣе обще, чѣмъ идею рукописи изъ „Casa Buonarroti"; строго говоря, онѣ не исключаютъ другъ друга.

Кромѣ того, если политическая идея и приписывается произведенію самимъ художникомъ, то во всякомъ случаѣ она является элементомъ наноснымъ: статуя Ночи была задумана и закончена тогда, когда Флоренція и не помышляла о возможности „danno e vergogna", на которыя указываетъ поэтъ. Четверостишіе Микельанджело есть произведеніе „къ случаю", то, что нѣмцы называютъ ein Gelegenheitsstück, и выражаетъ, собственно говоря, личное его настроеніе въ минуту, когда онъ узналъ о стихахъ Строцци. Вложивъ свои мысли въ уста Ночи, Микельанджело повторилъ распространенный поэтическій пріемъ, пользуясь случаемъ излить во всеуслышаніе терзавшія его за послѣдніе годы чувства, ибо привязанность его къ родинѣ и сочувствіе къ ея бѣдствіямъ сомнѣнію не подлежатъ.

Когда въ 1545-мъ году „новая ризница", какъ называлась Медицейская часовня въ отличіе отъ „старой ризницы", построенной Брунеллески, была открыта для богослуженія, вызванное ея статуями восхищеніе было неописуемо. По свидѣтельству Кондиви, тогда же возникло около ста хвалебныхъ сонетовъ, не считая нѣсколькихъ болѣе крупныхъ стихотвореній и получившаго всемірную извѣстность четверостишія Джіованбаттиста Карло Строцци:

La Notte che tu vedi in si dolci atti
Dormir, fu da un Angelo scolpita
In questo sasso, e perchè dorme, ha vita.
Destala, se nol credi, e parleratti.

Микельанджело отвѣтилъ отъ лица Ночи:

Caro m'è il sonno, e piu l'esser di sasso,
Mentre che'l danno e la vergogna dura;
Non veder, non sentir m'è gran ventura,
Però non mi destar; deh! parla basso.

Mentre che 'l danno e la vergogna dura—вотъ та фраза, которую приняла за точку отправленія цѣлая группа комментаторовъ. Первымъ и, быть можетъ, наиболѣе рѣзкимъ былъ Никколини. Онъ не только подхватилъ на лету слова поэта, примѣняя ихъ къ современному положенію Италіи, но пошелъ еще дальше. „Конечно, невеселъ былъ день, въ который протекла жизнь Джуліано и Лоренцо деи Медичи, о коихъ, воздвигая имъ па-

мятникъ, думалъ Микельанджело; онъ еще болѣе скорбѣлъ душою, видя, что въ герцоги Флоренціи избранъ былъ незаконный сынъ Лоренцо, герцога Урбинскаго, и зная, что это человѣкъ разпузданный, съ душою, полною низкихъ страстей, скоро сдѣлавшійся тираномъ своего города. Низко (vilmente) поддерживаемый въ своемъ тиранствѣ сперва покровительствомъ дяди — папы, потомъ тестя—императора, онъ палъ, наконецъ, отъ руки своего родственника. . . . . Лоренцо или Лоренцаччіо. . . . . О стыдѣ и проклятіи этихъ временъ и этого дурного правленія думалъ Микельанджело. . . . . когда отвѣчалъ на знаменитые стихи Джіованбаттиста ди Карло Строцци". Такъ пишетъ Готти. Никколини старается описать, въ какомъ состояніи духа ваятель создавалъ портретъ Лоренцо. „Онъ не имѣлъ въ виду почтить этого Лоренцо, столь непохожаго на дѣда, этого неблагодарнаго, съ открытой несправедливостью отнявшаго Урбино у делла Ровере, которые оказали ему въ бѣдѣ радушное гостепріимство, этого насильника, презиравшаго положеніе гражданина, считавшаго республику своимъ наслѣдіемъ; но онъ попытался, видя изгнаніе и смерть своихъ единомышленниковъ, отомстить талантомъ (ingegno) за родину, которую не могъ больше защищать оружіемъ, и обезсмертить въ этомъ мраморѣ свое мщеніе. Онъ изобразилъ Лоренцо сидящимъ въ глубокомъ раздумьи надъ гробницею; мысли близкаго къ могилѣ тирана суть угрызенія совѣсти. Я читаю ихъ на этомъ челѣ, полномъ жизни, и мнѣ чудится, что изъ зіяющей могилы смерть кричитъ ему: „сойди туда, гдѣ начинается для властителей справедливость человѣческая и божеская". И Авророй, и Сумерками онъ указывалъ Лоренцо, что коротко было и не ему принадлежало великолѣпіе этого рокового могущества. Дѣйствительно, въ усопшемъ герцогѣ Урбинскомъ Левъ X-й лишился опоры для своихъ намѣреній. Семейный трауръ по частымъ покойникамъ напоминалъ первосвященнику быстротечную суету человѣческаго величія".

Оспаривая правильность взгляда Никколини, Олливье („Michel-Ange", Парижъ, 1892) не отказывается отъ политическаго толкованія идеи Медицейскихъ гробницъ. Онъ находитъ достаточное основаніе для безнадежнаго настроенія, царящаго въ часовнѣ, въ тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи Италіи. „Существуетъ ли въ мірѣ такое святилище отчаянія (désolation) и не это ли случай воскликнуть съ Шекспиромъ: „О скорбь! ты стала памятникомъ"? Доколѣ мраморъ этотъ не будетъ разбитъ на тысячу кусковъ, изъ него будутъ вырываться стенаніе и проклятіе; доколѣ часовня не будетъ обращена въ пепелъ, дотолѣ изъ нея будетъ разда-

ваться, въ звукахъ, болѣе захватывающихъ, чѣмъ Super flumina Babylonis, протестъ побѣжденнаго противъ рока, жалоба изгнанника, родина котораго погибла и который не хочетъ утѣшиться, ибо ея нѣтъ".

Приблизительно тѣ же мысли высказываетъ по поводу Медицейскихъ гробницъ и Марсель Реймонъ („Michel-Ange", въ „Collection des grands artistes"). „Почему Микельанджело употребилъ столько времени, чтобы изваять фигуры этихъ гробницъ? Онѣ сами намъ это скажутъ: ихъ томленія, ихъ возмущеніе и ихъ отчаяніе разоблачатъ намъ всѣ страданія Микельанджело и всѣ бѣдствія Италіи. За великими надеждами, за мечтами сопротивленія Юлія II-го, послѣдовали пораженіе, безчестіе, ужасное раззореніе Рима на глазахъ у Климента VII-го. Если за эти десять лѣтъ Микельанджело не сдѣлалъ дѣла артиста, то онъ сдѣлалъ дѣло гражданина, принимая участіе въ качествѣ солдата и инженера въ защитѣ своей страны; онъ прожилъ свое произведеніе прежде чѣмъ изваять его. Эти могилы—сплошной вопль страданія, вырвавшійся изъ сердца патріота. Мнится, что въ этихъ гробахъ, надъ которыми онъ проливаетъ столько слезъ, похоронена самая душа отчизны. Могилы Медичей—могилы свободы Италіи... Могилы Медичей, надъ которыми плачутъ женщины—могилы побѣжденныхъ... Впечатлѣніе такъ сильно, что противъ него не устоять, и именно во Флоренціи оно кажется особенно щемящимъ, ибо нѣтъ болѣе захватывающаго контраста, какъ контрастъ флорентинскихъ могилъ XV-го вѣка, сплошь покрытыхъ цвѣтами, и могилъ Медичей, залитыхъ слезами".

Итакъ, политическое толкованіе Медицейскихъ гробницъ находитъ основаніе въ субъективности творчества Микельанджело. Въ его произведеніяхъ всегда отражаются его личныя чувства и настроенія. Въ этомъ сходятся всѣ новѣйшіе изслѣдователи; понятно, что и въ изваяніяхъ Медицейскаго мавзолея они видятъ проявленіе несомнѣнно бывшихъ у Микельанджело политическихъ настроеній.

По словамъ Штейнманна, существуютъ три категоріи комментаторовъ произведенія Микельанджело. Одни удовлетворяются даваемымъ имъ самимъ объясненіемъ; другіе придерживаются политическаго толкованія; третьи, отвергая всѣ прежнія объясненія, изыскиваютъ новые пути къ познанію истины. Къ этой послѣдней группѣ ученыхъ принадлежитъ и самъ Штейнманнъ. Его работа заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правдоподобности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, два или три рискованныхъ положенія.

Штейнманнъ утверждаетъ, что сюжетъ надгробныхъ фигуръ заимствованъ Микельанджело изъ стариннаго карнавальнаго шествія, извѣстнаго подъ названіемъ „Тріумфа четырехъ темпераментовъ“ (Trionfo delle quattro complessioni). Текстъ тріумфа относится къ эпохѣ Лоренцо Magnifico, пользовался во Флоренціи большимъ распространеніемъ и могъ быть извѣстенъ Микельанджело. Содержаніе его состоитъ въ опредѣленіи и описаніи четырехъ темпераментовъ человѣческаго характера — холерическаго, флегматическаго, сангвиническаго и меланхолическаго. Холерическій темпераментъ находится въ связи съ планетой Марсомъ и съ однимъ изъ четырехъ элементовъ — огнемъ; тѣ, кто подвластны ему, отважны, проворны, дерзки, вспыльчивы, горды, высокомѣрны. Темпераментъ сангвиническій подчиненъ воздуху и прекрасной планетѣ Венерѣ. Веселая весна дѣлаетъ его спокойнымъ и увѣреннымъ, а людей, обладающихъ имъ—веселыми, смѣющимися, гуманными, умѣренными, доброжелательными и любезными другимъ. Флегматическое расположеніе духа находится подъ вліяніемъ луны; его время года—зима, а отличительные его признаки—полное отсутствіе гнѣвныхъ движеній, сонливость, неповоротливость, бездѣйствіе, притупленность, пассивность. Наконецъ четвертый, меланхолическій темпераментъ сопряженъ съ Сатурномъ. Земля и осень—его вѣчные спутники; кто ему подвластенъ, тотъ худъ, скупъ, робокъ, презрителенъ, блѣденъ, одинокъ, задумчивъ и тяжелъ нравомъ.

Штейнманнъ находитъ характерные признаки различныхъ темпераментовъ въ статуяхъ Буонарроти. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ объ Аврорѣ: „Отчего такъ омрачилось въ фантазіи Микельанджело лучезарное зрѣлище просыпающейся природы, отчего придалъ онъ Аврорѣ именно тѣ аффекты, которые противоположны отличительнымъ ея чертамъ (Eigenart), и отказалъ ей во всѣхъ аттрибутахъ, которые особенно долженствовали отличать ее? Ибо покровъ, который небрежно схватила ея приподнятая лѣвая рука—единственный отличительный признакъ, видимый нами у Авроры—скорѣе знакъ печали и тьмы, нежели символъ свѣта и веселья. Тріумфъ изъ временъ Magnifico, даетъ полное разрѣшеніе этой загадки:

Il quattro loco tien Maninconia
A cui Saturno eccelso è conjugato;
La terra in compagnia
Coll' Autunno Natura gli ha dato;
Chi è di sua Signoria
Son magri, avari, timidi e sdegnosi,
Pallidi, solitar, gravi e pensosi.

„Итакъ, эта аллегорія—ничуть не воплощеніе пробуждающагося свѣта, а скорѣе воплощеніе міровой скорби. Она — возвышенное выраженіе той меланхоліи, которую Микельанджело съ жестокимъ сарказмомъ называлъ своей веселостью, того темперамента, который ему самому передъ всѣми другими былъ свойственъ".

Такимъ же способомъ Штейнманнъ старается доказать, что День Медицейской усыпальницы олицетворяетъ холерическій, Сумерки—флегматическій темпераментъ. На первый взглядъ съ этимъ пожалуй можно согласиться; но какъ допустить, чтобы Ночь, это „олицетвореніе полнаго отчаянія", представляла собой воплощеніе темперамента сангвиническаго, то-есть наиболѣе яснаго, жизнерадостнаго, свѣтлаго? Трудно говорить о картинѣ или статуѣ, не имѣя подъ руками хотя бы небольшого ея изображенія; но откройте любую исторію искусства, и вы увидите, что если на лицѣ мраморной гигантши не отражается мрачнаго, безнадежнаго настроенія духа, то едва ли на немъ играетъ и тихая улыбка, признакъ блаженнѣйшаго покоя (seligster Ruhe), о которой говоритъ Штейнманнъ. Изъ всѣхъ фигуръ Медицейской усыпальницы статуя Ночи носитъ самый неподвижный, самый косный характеръ. Остальныя фигуры размышляютъ, бодрствуютъ, засыпаютъ, пробуждаются; Ночь—забылась, спитъ, а сангвиническій темпераментъ, который она якобы олицетворяетъ, отличается живостью, подвижностью, жизнерадостностью. Гдѣ же выраженіе этихъ настроеній? Въ статуѣ Ночи ихъ нѣтъ и въ поминѣ; можно приписать ей только безпечность, дозволяющую ей спать среди возбужденія, царящаго въ другихъ фигурахъ часовни.

Противъ мнѣнія Штейнманна говорятъ еще другія соображенія. Онъ утверждаетъ, что символическіе аттрибуты Ночи легко могутъ быть истолкованы въ смыслѣ признаковъ сангвиническаго темперамента. Начнемъ со звѣзды, вмѣстѣ съ полумѣсяцемъ украшающей чело статуи: она съ такимъ же основаніемъ можетъ изображать вечернюю звѣзду-Венеру, какъ и символизировать чистый воздухъ. Сова, ютящаяся у ногъ богини, одинаково можетъ изображать и воздухъ, и просто ночную птицу; маска—возбуждать въ умѣ зрителей представленіе о карнавальныхъ маскахъ и олицетворяемыхъ этимъ аттрибутомъ лживыхъ снахъ; связка маковъ—напоминать и сопъ, и весну, и плодородіе. Короче говоря, во всѣхъ этихъ символахъ скрыто двоякое значеніе, могущее относиться и къ ночи, и къ сангвиническому темпераменту. Штейнманнъ даже настаиваетъ на томъ, что из-

ваяніе это дѣйствительно изображаетъ Ночь, столь любезную Микельанджело и столь горячо имъ воспѣтую. Всѣ приписываемые Ночи аттрибуты приданы ей ваятелемъ, обрабатывавшимъ въ ней свою любимую тему. Остальнымъ тремъ аллегорическимъ фигурамъ онъ, наоборотъ, не придалъ никакихъ отличительныхъ признаковъ; поэтому онѣ поддаются любому толкованію. Такую неопредѣленность, можно сказать безличность этихъ статуй Штейнманъ объясняетъ тѣмъ, что даже Микельанджело не подъ силу было создать для Дня, Утра и Вечера такія полныя и совершенныя воплощенія, какъ для Ночи. Ренессансу не было извѣстно аллегорическое изображеніе четырехъ временъ сутокъ—лишній поводъ для такого артиста, какъ Буонарроти, попытаться создать его; а насколько это удалось ему—уже другой вопросъ. Можетъ-быть, въ законченномъ видѣ памятники и не подавали бы повода къ спорамъ, благодаря присутствію второстепенныхъ дополнительныхъ статуй. Если же при нынѣшнемъ ихъ состояніи за женской фигурой гробницы Джуліано признать значеніе Ночи,—чему способствуетъ опредѣленность ея признаковъ,—то тѣмъ самымъ получатъ соотвѣтственное объясненіе остальныя фигуры саркофаговъ, а мы вернемся къ первоначальному ихъ толкованію—къ аллегоріи быстротечности времени. Объясненіе, основанное на текстѣ „Trionfo delle quattro complessioni“, теряетъ, такимъ образомъ, важное значеніе, приписываемое ему Штейнманномъ.

Наконецъ, самая идея этого толкованія не выдерживаетъ критики. Предположить, что Микельанджело въ молодости видѣлъ „Тріумфъ четырехъ темпераментовъ“, конечно возможно; но спрашивается, по какой ассоціаціи идей воспоминаніе о немъ могло быть связано у художника съ воспоминаніями о младшихъ Медичи? Еслибы „Тріумфъ темпераментовъ“ былъ организованъ молодыми герцогами или по крайней мѣрѣ происходилъ при ихъ жизни, то Микельанджело, создавая ихъ надгробные памятники, могъ бы остановиться мыслью на его содержаніи и вдохновиться имъ; но вѣдь „Trionfo“—гораздо болѣе ранняго происхожденія. Онъ былъ извѣстенъ еще при дѣдѣ Лоренцо и Джуліано; поэтому не существуетъ никакихъ основаній думать, что именно эта уличная процессія дала Микельанджело идею его работъ въ Медицейскомъ мавзолеѣ.

Есть еще одна теорія, которая пытается дать отвѣтъ на интересующую историковъ искусства загадку. Это—теорія J. Oeri („Hellenisches in der Mediceerkapelle“, въ „Beilage zu den Basler Nachrichten“ 3 іюля 1895 г.). Онъ обращается къ твореніямъ Платона и приводитъ разговоръ Сократа съ однимъ его пріятелемъ о

томъ, существуетъ ли такая же противоположность жизни, какъ сонъ—бдѣнію. Отвѣтъ ясенъ—такая противоположность существуетъ: это смерть. Разъ жизнь и смерть—контрасты, то очевидно онѣ возникаютъ другъ изъ друга и, слѣдовательно, существуютъ переходныя состоянія между ними. Эти состоянія между сномъ и бдѣніемъ суть усыпленіе и пробужденіе, между жизнью и смертью, по аналогіи—умираніе и оживаніе. Въ оживаніи и пробужденіи преобладаютъ элементы активности и жизни, въ усыпленіи и умираніи—элементы пассивности и смерти. Въ надгробныхъ фигурахъ Медицейской часовни Эри видитъ воплощеніе указанныхъ контрастовъ и промежуточныхъ состояній между ними; бдѣніе-жизнь олицетворяются въ статуѣ Дня, смерть-сонъ — въ статуѣ Ночи; Аврора изображаетъ переходъ отъ смерти къ жизни, отъ сна къ бдѣнію, т.-е. оживаніе, пробужденіе, Сумерки—переходъ отъ состоянія активнаго къ состоянію пассивному, т.-е. усыпленіе, умираніе.

Логическое превосходство этого взгляда надъ мнѣніемъ Штейнманна очевидно. Въ немъ нѣтъ крупной несообразности, допущенной Штейнманномъ, когда онъ выставляетъ инертную Ночь воплощеніемъ активнаго, сангвиническаго темперамента, а есть, наоборотъ, полное соотвѣтствіе видимаго характера статуй съ приписываемымъ имъ идейнымъ содержаніемъ. Штейнманнъ пробуетъ доказать противное: онъ заявляетъ, что ни въ Авроръ, ни въ Crepuscolo нѣтъ признаковъ „діалектики искусства“, стремящейся „видѣть въ меланхоліи подъемъ, а въ сумеркахъ — опусканіе“ (in der Aurora ein Emporsteigen, im Crepuscolo ein Sinken). На самомъ дѣлѣ въ Crepuscolo несомнѣнно проявляется расплываніе въ состояніе отдыха и покоя. Отъ этого расплыванія недалекъ переходъ къ абсолютной инертности; ясно, что Сумерки олицетворяютъ собою процессъ усыпленія или умиранія. Что же касается Авроры или Меланхоліи, то во всякомъ случаѣ поза и выраженіе ея свидѣтельствуютъ о несравненно бо́льшей активности, нежели поза и выраженіе Crepuscolo. Уже одинъ жестъ ея лѣвой руки, поправляющей покрывало, это доказываетъ. Уснетъ ли она въ слѣдующую минуту, или окончательно пробудится—особеннаго значенія не имѣетъ; сейчасъ она находится въ промежуточномъ состояніи между сномъ и бдѣніемъ, при чемъ въ ней проявляется элементъ активности, что̀ и позволяетъ намъ безъ натяжки принять толкованіе ея состоянія въ смыслѣ пробужденія.

Теорія Эри вполнѣ удовлетворительно объясняла бы странное произведеніе Микельанджело, если бы не было одного обстоя-

тельства, лишающаго ее твердаго основанія и низводящаго ее на степень гипотезы. Эри, повидимому, признаетъ фактическую несомнѣнность того, что Микельанджело былъ знакомъ съ сочиненіями Платона и его послѣдователей; а между тѣмъ это пунктъ весьма спорный. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ документовъ не говорится вполнѣ утвердительно, чтобы Буонарроти изучалъ Платона, а несомнѣнное его знакомство съ Марсиліо Фичино и вѣроятное съ Пико делла Мирандола вовсе не доказываетъ философскихъ его познаній. Разумѣется, онъ могъ знать кое-что изъ теорій неоплатониковъ и казаться „intelligentissimo di queste cose“ тѣмъ изъ своихъ современниковъ, которые вовсе не были свѣдущи въ подобныхъ вопросахъ; но покуда не будетъ доказана несомнѣнность его философскихъ занятій, до тѣхъ поръ всѣ толкованія его произведеній, связывающія ихъ неоплатоническими ученіями, не могутъ быть принимаемы съ безусловнымъ довѣріемъ. Отсюда слѣдуетъ, что приводимые Штейнманномъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній, взгляды Марсиліо Фичино значенія имѣть не могутъ. Уже ранѣе указывалось на то, что изображенія герцоговъ кажутся нѣмецкому ученому идейно связанными съ декоративными фигурами саркофаговъ. Въ Джуліано онъ видитъ одновременное воплощеніе сангвиническаго и холерическаго темпераментовъ, въ Лоренцо—сочетаніе флегмы съ меланхоліей. По словамъ Марсиліо Фичино, соединеніе первыхъ двухъ характеровъ порождаетъ счастливое чередованіе суровости и мягкости, радости и скорби, соединеніе вторыхъ — обусловливаетъ безвредную косность и неповоротливость. Эти разсужденія дѣйствительно имѣли бы цѣну только въ такомъ случаѣ, еслибы было неоспоримо доказано, что Медицейскія надгробныя фигуры изображаютъ различные темпераменты.

Итакъ, строго говоря, ни одна изъ разобранныхъ нами теорій не является неоспоримо-истинною; въ каждой есть какой-нибудь крупный недочетъ, подрывающій ея авторитетность. Не является ли данное самимъ художникомъ въ рукописи Casa Buonarroti объясненіе, повторенное Кондиви, истинной и единственной разгадкой тайны? Вѣдь аллегорія быстротечности времени, въ связи съ объясненіемъ Эри относительно элементовъ, вовсе не представляется такой блѣдной и натянутой, чтобы можно было упрекать Микельанджело въ униженіи его рѣзца обработкой столь избитой, столь неоригинальной темы. Еслибы, впрочемъ, художникъ и провинился передъ собственнымъ геніемъ и самимъ собою, то оправданіемъ ему въ глазахъ потомства служили бы неувядаемая красота и духовное величіе его созданій.

Счастливы люди, подъ руками которыхъ даже скорбь и отчаяніе достигаютъ возвышенной красоты. Счастливы тѣ, которые умѣютъ извлекать ее изъ страданій собственной души. Ихъ произведенія переживутъ вѣка и поколѣнія, ничего не утративъ изъ своей силы и свѣжести. Микельанджело принадлежитъ къ числу этихъ творцовъ и художниковъ; его созданія и понынѣ производятъ то же потрясающее впечатлѣніе, будятъ тѣ же ощущенія, что четыреста лѣтъ назадъ. Они такъ же мощны, такъ же сурово-прекрасны, какъ въ первый моментъ своего существованія, и при мысли о нихъ сами собою напрашиваются подъ перо слова великаго поэта:

Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich, wie am ersten Tag [1]),

а въ переводѣ Фета:

Его твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима,
И все какъ въ первый день свѣтла!

Маргарита Саломонъ.

[1]) „Faust“ Гёте, „Prolog im Himmel“.

УЗУРПАТОРЪ

Романъ Уильяма Дж. Лока.

V *).

Нѣсколько дней спустя въ домѣ на Онслоу-скверѣ собрался небольшой кружокъ друзей. Тутъ были Вэнъ Эдори, съ женой и дочерью Полиной; Гью Картерисъ, состоявшій при одномъ изъ посольствъ и пріѣхавшій въ отпускъ на родину; Джонъ Мэнуорингъ, младшій сынъ лорда, проживавшій въ городѣ; сэръ Самюэль и лэди Дайксъ; Эллиноръ Коррей, изъѣздившая весь свѣтъ, все перепробовавшая и обожавшая лэди Алицію; Бонами Тредгольдъ, тонкій, худощавый, нервный, но атлетическаго сложенія молодой человѣкъ, съ ясными карими глазами и короткими черными курчавыми волосами. Послѣднимъ прибылъ Джасперъ Веллакотъ.

При входѣ его, лэди Алиція съ улыбкой поднялась ему на встрѣчу.

— Какъ это мило съ вашей стороны! Мнѣ бы все время чего-то недоставало, еслибъ вы не пришли. Я жаждала поздравить васъ съ вашей побѣдой. Это было больше, чѣмъ побѣда: это былъ тріумфъ.

Теперь онъ могъ смотрѣть ей въ лицо, не опасаясь, что его глаза выдадутъ тайну его сердца. Недаромъ онъ такъ школилъ себя за всѣ эти мѣсяцы разлуки. И все же ея ласковый, сердечный пріемъ, ея величавая красота, все ея обаяніе, такъ гармо-

*) См. апрѣль, стр. 188.

нировавшее съ утонченнымъ изяществомъ ея гостиной, мучительно вливалось въ его сознаніе и душу. А разговоръ шелъ своимъ чередомъ. Лэди Алиція огорченно говорила:

— У васъ здѣсь далеко не такой хорошій видъ, какъ въ Эксѣ.

— Тамъ я растолстѣлъ и облѣнился. А теперь пришелъ въ норму. А вы—вы все та же, кромѣ... Знаете ли вы, что я въ первый разъ вижу васъ безъ шапочки.

— Вы хотите сказать: безъ шляпы,—засмѣялась лэди Алиція.—Я уже вышла изъ тѣхъ лѣтъ, когда носятъ шапочки... Да, въ Эксѣ надѣваешь шляпу, какъ только встанешь, и снимаешь ее, ложась въ постель. Надѣюсь, вы теперь часто будете видѣть меня безъ шляпы.

— Такъ часто, какъ только вы мнѣ позволите, — отвѣтилъ Веллакотъ, съ своимъ неловкимъ полупоклономъ.

Она ввела Веллакота въ свой кружокъ, познакомила его съ остальными. Сэра Самюэля и лэди Дайксъ онъ уже зналъ. Бывшій депутатъ принесъ поздравленія своему замѣстителю и принялся критиковать составъ избирателей. О! онъ изучилъ ихъ какъ свои пять пальцевъ—можетъ указать Веллакоту всѣхъ, кого надо остерегаться и кто мѣшаетъ безпечальному существованію.

— Да вотъ, взять хоть бы Уикенса: онъ, если не ошибаюсь, въ этомъ городѣ избранъ мэромъ. Это—настоящій маленькій царекъ въ Норзъ-Гэмѣ. У него семнадцать мясныхъ лавокъ въ Лондонѣ и воровской притонъ въ Бетналь-Гринѣ. Вы себѣ представляете, что это за типъ: отдаетъ квартиры угловымъ жильцамъ и высасываетъ кровь изъ бѣдняковъ?

— Негодяй!—воскликнулъ Джасперъ.

— Да, я думаю, что вы не ошибаетесь. И, вообще, прегрязная личность; но вліяніе у него тамъ огромное, и вамъ придется съ нимъ считаться.

Это слово точно пришпорило Джаспера. Онъ сразу выпрямился.

— Ну ужъ нѣтъ, хоть зарѣжьте!—вырвалось у него.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется съ нимъ бороться.

— Ну такъ что же? Такую гадину не грѣхъ, я думаю, и раздавить.

— О, конечно, его можно раздавить. Само собой, само собой. У меня также было это желаніе. Но для такой борьбы нуженъ человѣкъ помоложе меня. Это, видите ли, и есть одна изъ причинъ, почему я сложилъ съ себя депутатскія полномочія. Но, милѣйшій Веллакотъ, предупреждаю: если вы хотите заняться

нравственнымъ перевоспитаніемъ вашего округа, у васъ будутъ полны руки дѣла.

— Какъ бы то ни было, я долженъ стать тамъ хозяиномъ. И вотъ такой типъ домовладѣльца-кровопійцы мнѣ какъ разъ на руку: я давно къ нему подбираюсь, чтобы всадить въ него свой ножъ.

Покладистость сэра Самюэля, готоваго мириться съ чѣмъ угодно, привела въ негодованіе Джаспера. Перспектива борьбы улыбалась ему. И онъ высоко поднялъ голову, чувствуя свою силу. А сэръ Самюэль перемѣнилъ тему и перешелъ въ болѣе добродушный тонъ.

— Въ сущности, въ политическомъ отношеніи это очень пріятный округъ. Превосходно организованный. Консервативный клубъ — образцовый въ своемъ родѣ. Правда, есть тамъ радикалы, которые бомбардируютъ васъ ядовитыми письмами; но хорошій секретарь всегда съумѣетъ умилостивить ихъ мягкимъ, тактичнымъ отвѣтомъ.

Джасперъ забылъ свой гнѣвъ, вникая въ это своеобразное отношеніе къ жизни. Этого пожилого упитаннаго джентльмена никогда не подхлестывалъ голодъ, вынуждая его дѣйствовать. Никогда душевныя страданія не просвѣтляли его духа, заставляя его стремиться къ идеалу. Онъ безъ труда добродушно усвоилъ себѣ — нѣтъ, прямо-таки впиталъ съ молокомъ матери — міросозерцаніе Панглосса. И сколько такихъ сэръ-Самюэлей сидѣло въ парламентѣ, на правительственныхъ скамьяхъ, раболѣпно пресмыкаясь передъ духомъ времени, въ полной увѣренности, что они служатъ своей родинѣ! А между тѣмъ, это люди всѣми уважаемые; ихъ положеніе непоколебимо; общее уваженіе обезпечено за ними уже въ виду того, что они—сыновья своихъ отцовъ. А что̀ такое онъ, Джасперъ Веллакотъ, со всѣми своими милліонами? Проходимецъ, безъ роду безъ племени, не принадлежащій ни къ какой общественной кастѣ, измаильтянинъ, парія—еслибы вдругъ раскрылась истина. Онъ одинокъ, стоитъ особнякомъ и бороться долженъ только своими собственными силами.

Лэди Алиція вывела его изъ задумчивости и увела къ другой группѣ, центромъ которой была Эллиноръ Коррей, о чемъ-то оживленно спорившая съ Тредгольдомъ. Это была худенькая брюнетка, изжелта блѣдная; красивы были только блестящіе черные ея глаза и бѣлые зубы.

— Пожалуйста, поддержите меня, м-ръ Веллакотъ!—обратилась она къ подошедшему, подвигаясь, чтобы очистить ему

мѣсто на кушеткѣ.—Я утверждаю, что въ современной жизни нѣтъ ничего романическаго.

— А я утверждаю, что есть!—мальчишески задорно воскликнулъ Бонами Тредгольдъ.

— Скажите мнѣ прежде, что вы называете романическимъ?—сказалъ Джасперъ, уже съ обычной грустью въ глазахъ.

— Романическое—это живописное, необычайное, неожиданное; это краски, фантазія, религія, тайна,—пояснила Эллиноръ Коррей.

— Подъ романическимъ я понимаю вообще радость бытія,—возразилъ юный поэтъ.—Миссъ Коррей перечислила лишь нѣкоторыя изъ составныхъ частей ея.

— Все это сводится къ одному и тому же. Бонни слишкомъ логиченъ для поэта. Но возьмемъ хотя бы тайну, которую и онъ признаетъ составной частью радости бытія, художественное выраженіе которой есть романъ...

— Голубушка, помилосердуйте. До чего это длинно!..—прервалъ ее Бонни.

— Вы не дали мнѣ кончить фразы, и, въ наказаніе, мнѣ слѣдовало бы повторить ее. Но, такъ и быть, я продолжаю. Гдѣ же вы нашли тайну, въ наши дни отрицанія всего сверхчувственнаго и научнаго объясненія даже такихъ явленій, какъ громъ и вѣтеръ, въ которыхъ нѣкогда слышали голоса боговъ и стоны погибшихъ душъ? Не осталось на землѣ ни невѣдомыхъ путей, ни уголковъ, куда не ступала нога человѣка—телеграфы и желѣзныя дороги сдѣлали каждый вершокъ земли такъ же мало романичнымъ, какъ эта гостиная.

— Откуда же вы знаете, что въ этой гостиной нѣтъ ничего романическаго, никакой тайны? Да развѣ есть что-нибудь болѣе таинственное, загадочное для насъ, чѣмъ другой человѣкъ? Ну вотъ я передъ вами, незаурядное, тонкое, сложное, скрытное существо. Что *вы* знаете *обо мнѣ*? Что *я* знаю *о васъ*? Вы только представьте себѣ мужчину и женщину, которые любятъ другъ друга—той небывалой страстью, какая описывается въ старинныхъ романахъ, какъ бы сливаясь тѣломъ и душой, всѣмъ существомъ; и тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ—сфинксъ, загадка для другого. Въ непрестанномъ стремленіи разгадать эту тайну и кроется радость любви, то, что мы зовемъ романическимъ. А что касается вѣтра и дождя, вѣтеръ всегда будетъ дуть, и дождь всегда будетъ идти, и цвѣты будутъ цвѣсти, чаруя волшебной красотой, а человѣкъ будетъ смотрѣть на все это и размышлять

о соотношеніи между имъ самимъ и природой. Это и есть вѣчная тайна.

— Ну хорошо, тайну я вамъ дарю, — сказала Эллиноръ Коррей. — Но краски потухли. Все стало нестерпимо однообразно и скучно.

— Напримѣръ, солнечный закатъ; огни ночныхъ костровъ; Оксфордская улица, съ ея непрерывнымъ движеніемъ и смѣной красокъ.

— Да у людей-то жизнь стала сѣрой.

— Наша жизнь — калейдоскопъ, въ сравненіи съ жизнью нашихъ предковъ. Потому только, что люди бросили носить плащи и шпаги, не дерутся на дуэляхъ, не хватаютъ поперекъ туловища молодыхъ женщинъ и не перекидываютъ ихъ черезъ сѣдло, чтобы похитить, вы говорите, что романическое въ жизни умерло. Вѣдь это же нелѣпость. Вы говорите, что теперь мы живемъ въ рамкахъ закона и приличій, стѣснены этими рамками и не можемъ дѣлать того дурного и грѣшнаго, что продѣлывали наши дѣды. Какъ бы не такъ! Именно потому, что противъ насъ и законъ, и заповѣди, и общественное мнѣніе, и что мы должны попрать все это, чтобы согрѣшить, грѣхъ становится для насъ вдвое заманчивѣе. А неожиданное — да развѣ оно не случается ежедневно, ежечасно? Развѣ не совершаются преступленія? Развѣ не разыгрываются на нашихъ глазахъ жестокія трагедіи? Или вы надѣетесь увѣрить меня, что великія страсти умерли? А я вамъ говорю, что романическаго въ нашей жизни сколько угодно, и вся земля — сплошной матеріалъ для романа. Какое ваше мнѣніе объ этомъ, м-ръ Веллакотъ?

Молодое лицо было такъ привлекательно въ своемъ искреннемъ возбужденіи и мальчишескомъ задорѣ. Старшій годами и болѣе утомленный, Джасперъ далъ бы многое за такую радостную вѣру въ жизнь. И, вызванный на отвѣтъ, онъ не могъ не поддержать поэта, но болѣе сдержанно, какъ человѣкъ, больше испытавшій и лучше знающій жизнь.

— Пока двѣ изначальныхъ страсти, голодъ и любовь, продолжаютъ существовать, — отозвался онъ, — до тѣхъ поръ въ жизни романическаго будетъ всегда достаточно.

— Но вѣдь обыкновенно люди не страдаютъ отъ голода: это — явленіе исключительное, — съ любезной тупостью вставила словечко лэди Дайксъ.

Взгляды Джаспера и Бонни случайно встрѣтились и не сразу оторвались одинъ отъ другого. Въ эти немногія секунды между ними установилось взаимное пониманіе: каждый почувствовалъ

въ другомъ родственную, чуткую душу, знающую, что̀ значитъ страдать. И этотъ моментъ былъ началомъ ихъ дружбы.

Время шло. Гости начали расходиться. Бонни подошелъ проститься къ лэди Алиціи. Она увела его въ сосѣднюю маленькую гостиную, отдѣленную портьерой отъ первой, и пытливо заглянула ему въ лицо, которое было блѣднѣе обыкновеннаго.

— У васъ нехорошій видъ,—сказала она.—Въ чемъ дѣло?

— Ни въ чемъ, Алиція. Я здоровъ, какъ быкъ.

— Вы слишкомъ заработались, Бонни, и не даете себѣ отдыха. Почему вы не пріѣхали къ намъ погостить въ прошломъ мѣсяцѣ? Въ Грейбрукѣ было очень мило—такъ тихо, спокойно. И—прибавила она съ улыбкой—сотни куропатокъ поджидали васъ, мечтая о томъ, что вы ихъ застрѣлите.

— Меня задержали. Никакъ нельзя было уѣхать изъ Лондона. Право же, нельзя было.

— Еслибъ я могла васъ уговорить поѣхать туда хоть теперь!—какъ-то грустно выговорила лэди Алиція.—Домъ и все, что въ немъ есть — въ вашемъ распоряженіи. Вы это знаете.

Онъ взялъ ея руку — по близости никого не было, толстая портьера отдѣляла ихъ отъ большой гостиной — поцѣловалъ ее и на минуту задержалъ въ своей.

— Вы—самая милая, самая прелестная и великодушнѣйшая женщина, какая только есть на свѣтѣ. И я былъ бы послѣднимъ негодяемъ, еслибъ не былъ вамъ благодаренъ. Но я не могъ—право же, не могъ пріѣхать къ вамъ въ прошломъ мѣсяцѣ. А теперь...

— А теперь?

— Тоже не могу. И притомъ,—онъ разсмѣялся своимъ молодымъ, искреннимъ смѣхомъ—что же я сталъ бы тамъ дѣлать безъ васъ? Развѣ вы не знаете, какъ я страшно обрадовался вашему возвращенію?

— Правда?—спросила она, слегка отвернувшись.

— Разумѣется, правда. Кто же бы такъ заботился обо мнѣ, еслибъ не вы!

Она подавила вздохъ и крѣпко сжала его руку.

— Ну, до свиданья, Бонни, милый. Пожалуйста, постарайтесь въ слѣдующій разъ не быть такимъ блѣднымъ. И поскорѣе приходите.

Онъ обѣщалъ и вмѣстѣ съ нею вернулся въ гостиную. Джасперъ, въ свой чередъ, подошелъ проститься.

— Я въ восторгѣ отъ Тредгольда — тихо сказалъ онъ ей.

У лэди Алиціи радостно заблестѣли глаза.

— Я совершенно имъ плѣненъ,—подтвердилъ Джасперъ.— Въ немъ столько молодости, столько здоровой силы и жизнерадостности.

— Молодости? Да, онъ молодъ,— повторила она какъ-то грустно.

Джасперъ и Бонни сошлись въ швейцарской, гдѣ надѣвали пальто, и вышли вмѣстѣ.

— Вамъ въ какую сторону?—освѣдомился Джасперъ.

— Въ Блумсбери.

— И мнѣ тоже. Вы какъ намѣрены двинуться — на извозчикѣ, по желѣзной дорогѣ, пѣшкомъ?

— Я предпочитаю идти пѣшкомъ, — сказалъ Бонни. — Но вы, м-ръ Веллакотъ...

— Я всегда хожу пѣшкомъ, когда можно.

Они пошли рядомъ, скорымъ шагомъ. Къ вечеру слегка подморозило. Небо было свѣтлое; время отъ времени по немъ, блеснувъ какъ клинокъ меча, скатывалась звѣзда. Бонни указалъ рукою на небо.

— А эта барышня говоритъ, что въ жизни нѣтъ тайны.

Они продолжали разговоръ на ту же тему. Джасперъ радовался, слыша молодыя, горячія рѣчи. Внезапно, на половинѣ довольно крутого подъема на Слонъ-стритъ, молодой человѣкъ остановился, пошатнулся и схватился рукой за фонарный столбъ. Джасперъ тотчасъ же обнялъ его рукой и, при свѣтѣ фонаря, увидѣлъ, что лицо у него совсѣмъ бѣлое.

— Какое-то странное чувство—извинялся Бонни — голова кружится—слабость...

Джасперъ кликнулъ извозчика, усадилъ своего спутника, остановилъ извозчика у ближайшаго ресторана и вынесъ Бонни рюмку водки. Тотъ въ первый моментъ отшатнулся, потомъ заставилъ себя выпить глотокъ. Они поѣхали дальше. На Гауэръ-стритъ Джасперъ вышелъ и, съ помощью извозчика, довелъ Бонни до своей столовой. Съ минуту молодой человѣкъ лежалъ на софѣ съ закрытыми глазами. Потомъ вдругъ приподнялся и съ изумленіемъ оглядѣлся кругомъ.

— Что? Получше вамъ?—ласково спросилъ Джасперъ, снимая съ него шляпу и кладя ее на столъ.

— Да.—Бонни уже сидѣлъ.—Голова все еще немножко кружится—но мнѣ надо домой...

Онъ закашлялся; кашель былъ нервный, горловой. Свѣтъ стѣнной электрической лампы падалъ прямо на него, безжалостно подчеркивая побѣлѣвшіе швы на сюртукѣ и заплату на сапо-

гахъ, далеко не изъ лучшей кожи. Кашель этотъ показался Джасперу подозрительнымъ. Ему случалось слыхать такой кашель... Ему вспомнился случайный обмѣнъ взглядовъ у лэди Алиціи... Заплата на сапогахъ превратила его подозрѣнія въ увѣренность. Съ грубоватой ласковостью онъ обнялъ за плечи юношу.

— Послушайте, да вы когда обѣдали?

Бонни расхохотался и оперся головою на руку.

— Боюсь, что я вовсе не обѣдалъ.

Джасперъ уже доставалъ изъ буфета вино и печенье.

— Займитесь хоть этимъ, пока я вернусь,—сказалъ онъ и поспѣшно вышелъ.

Всѣ его домашніе были уже въ постели. Даже Кодби покоился мирнымъ сномъ у себя на верху. Джасперъ шарилъ въ кухнѣ и въ кладовой, волнуясь, какъ человѣкъ, вступившій на неизвѣданную почву. Но въ былые годы ему часто приходилось раздобывать себѣ ѣду въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ, и онъ не забылъ, какъ это дѣлается. Вскорѣ онъ уже взбирался вверхъ по лѣстницѣ, гремя подносомъ, уставленнымъ всякими яствами. Когда онъ поставилъ этотъ подносъ передъ гостемъ, грызшимъ сухарики, тотъ началъ извиняться. Но Джасперъ оборвалъ его на первомъ же словѣ. Подумаешь, какая важность! Да самъ-то онъ развѣ не испыталъ этого? И онъ, и тысяча другихъ.

— Ѣшьте и не разговаривайте,—сказалъ онъ, присѣлъ рядомъ съ Бонни, взялъ кусокъ хлѣба съ сыромъ и съѣлъ его, пока изголодавшійся поэтъ уплеталъ холодный пирогъ. Пища и вино вскорѣ вернули ему силы.

— Вы удивительно хорошій человѣкъ, м-ръ Веллакотъ,— совсѣмъ по-дѣтски благодарилъ Бонни.—Безъ васъ я и не знаю, что бы я дѣлалъ... Но, все-таки, мнѣ страшно стыдно, что я такъ скиксовалъ...

— Чего же стыдиться? — возразилъ Джасперъ.—Это ужъ природа. Она слишкомъ искренна... Но послушайте. Скажите правду: вамъ часто такъ случается сидѣть безъ обѣда?

Бонами Тредгольдъ оглядѣлся вокругъ. Какъ истый художникъ, онъ былъ наблюдателенъ и быстро подмѣчалъ. Тихая, уютная комната, обставленная совсѣмъ не модно — скромнѣй, пожалуй, чѣмъ сотня другихъ столовыхъ въ той же улицѣ,— столъ, покрытый простымъ краснымъ сукномъ, на который Джасперъ безъ скатерти поставилъ подносъ и тарелки, — простая пища—шляпа и перчатки хозяина — его доброе, усталое лицо, съ печатью заботы, и то, какъ онъ ужиналъ кускомъ хлѣба съ сыромъ,—все это, представлявшее такой контрастъ съ его огром-

нымъ богатствомъ, о которомъ было извѣстно юношѣ, внушало ему невольное уваженіе къ этому человѣку, довѣріе, товарищеское отношеніе къ нему. Сначала, когда онъ сидѣлъ тутъ одинъ и грызъ сухарики, гордость, самолюбіе человѣка изъ общества мучили его не меньше, чѣмъ голодныя спазмы въ желудкѣ. Было нестерпимо думать, что его, Бонами Тредгольда, завелъ къ себѣ богатый человѣкъ, чтобъ накормить, чтобъ не дать ему умереть отъ голода. Но теперь—другое дѣло. Теперь, когда на него такъ ласково смотрѣли эти добрые, грустные глаза изъ-подъ суровыхъ, густыхъ бровей, онъ чувствовалъ, что выдвигать на первый планъ гордость, и лгать, и изворачиваться было бы постыдно. И онъ отвѣчалъ со смѣхомъ:

— Нѣтъ, не часто. До этого года, это было со мной только однажды. Видите ли,—прибавилъ онъ, съ плѣнительной довѣрчивостью,—еслибъ эти проклятые издатели и редакторы платили деньги во время! Но они не платятъ. Я вотъ, сегодня утромъ, думалъ получить деньги. А они не прислали. Зашелъ самъ. Оказывается, издатель нездоровъ, и его не хотѣли безпокоить просьбой подписать чекъ. Ну, да ничего, завтра пришлютъ.

— Но сейчасъ у васъ нѣтъ ни копейки въ карманѣ?

— Не то что копейки—грошика!—засмѣялся Бонни.—Но что за бѣда!

— Да, ужъ это-то совсѣмъ не бѣда! — весело вскричалъ Джасперъ.

Они очень сдружились. Джасперъ, по отношенію къ молодому человѣку, занялъ двойную позицію—и руководителя, и руководимаго. Сидѣвшій въ немъ мечтатель проникался твореніями Бонни и благоговѣлъ передъ нимъ, какъ передъ существомъ, одареннымъ свыше, съумѣвшимъ передать въ чарующихъ словахъ тѣ смутныя, безформенныя впечатлѣнія, которыя давно волновали его душу. Въ этомъ отношеніи юноша представлялся ему чѣмъ-то въ родѣ ангела. Но, съ другой стороны, конкретный опытъ жизни, проведенной среди безпощадныхъ стихій, надѣлилъ его мудростью гораздо болѣе сознательной, чѣмъ у Бонни. Юноша видѣлъ землю и громогласно заявлялъ, что земля принадлежитъ ему; взрослый человѣкъ, умудренный житейскимъ опытомъ, зналъ, что, при всемъ своемъ божественномъ дарѣ, онъ не владѣетъ землей, а самъ во власти у земли, со всѣми ея радостями и страданіями, надеждами и отчаяніемъ.

Отрадно было слышать этотъ звонкій смѣхъ въ унылomъ домѣ, тѣшиться энтузіазмомъ юноши и отогрѣвать душу его сол-

нечными иллюзіями. Самъ мало-образованный, Джасперъ дивился литературной образованности и начитанности молодого человѣка, которая казалась ему безграничной. Онъ смотрѣлъ на него почти такъ же, какъ земледѣльцы въ поэмѣ Гольдсмита смотрѣли на школьнаго учителя. Кодби долженъ былъ сознаться, что у него нашелся соперникъ по знанію Шекспира. У нихъ шли съ поэтомъ нескончаемые споры, при чемъ оба цитировали отдѣльныя фразы изъ драмъ и сонетовъ, а Джасперъ только слушалъ и дивился.

Отрадна была его сердцу и совершенно безкорыстная, искренняя дружба юноши. Тотъ фактъ, что Бонни не имѣлъ гроша, а Веллакотъ имѣлъ милліоны, ничего не значилъ для поэта и совершенно не принимался имъ въ разсчетъ. Онъ былъ адски гордъ, и Джасперъ зналъ, что первый же намекъ на покровительство вывелъ бы его изъ себя и оттолкнулъ бы. Онъ помнилъ, какъ юноша бѣгалъ по его библіотекѣ, жестикулируя, внѣ себя отъ ярости за то, что лэди Иллингэмъ прислала ему десятифунтовый билетъ. Какъ она смѣла! Онъ—человѣкъ, у котораго своя миссія въ этомъ мірѣ, а не нищій, живущій подаяніемъ. Это оскорбительно! Чекъ онъ передалъ въ „Литературный Фондъ“, въ качествѣ пожертвованія отъ графини Иллингэмъ. И проявленія этой гордой независимости Джасперъ имѣлъ случай наблюдать не разъ. Поэтому дружба ихъ была совершенно искренняя, и Веллакотъ, до тѣхъ поръ упорно отклонявшій всѣ попытки интимнаго сближенія съ нимъ, довольствуясь обществомъ Кодби, теперь, съ открытой душой и съ благодарностью, шелъ навстрѣчу этому утѣшенію, котораго онъ такъ долго лишалъ себя.

Мѣсяцы шли. Джасперъ хорошо изучилъ всѣ ступеньки длинной лѣстницы, ведшей въ двѣ чердачныя комнатки, занимаемыя Бонни въ высокомъ домѣ на Грэтъ-Корамъ-стритъ.

Бонни въ такихъ случаяхъ освобождалъ для гостя единственное оборванное и хромоногое кресло отъ книгъ и жестянокъ изъ-подъ сухарей и угощалъ его дешевымъ виски, наливаемымъ изъ графина для воды въ надтреснутые и не очень чистые стаканы. Угощеніе было скудное, но угощалъ хозяинъ просто и радушно, какъ молодой принцъ — совершенно такъ же, какъ онъ принималъ гостей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ домѣ своего отца, въ Корнуэльсѣ, гдѣ къ услугамъ его была куча ливрейныхъ лакеевъ и полныя конюшни лошадей. То, что отецъ умеръ, безнадежно запутавшись въ долгахъ и оставивъ ему, Бонни, всего тридцать фунтовъ годового дохода, было случайностью, нисколько не повліявшей на отношенія юноши къ людямъ. Когда онъ рѣ-

залъ пирогъ ножомъ для разрѣзки книгъ и подавалъ его Джасперу на крышкѣ отъ жестянки съ сухарями, онъ извинялся только за свѣжія чернильныя пятна на слоновой кости.—Лично ему, пояснялъ онъ, нравится вкусъ чернилъ; но это у него—благопріобрѣтенное. И гость, человѣкъ простыхъ привычекъ и неизбалованнаго вкуса, пилъ скверный виски и ѣлъ дешевый пирогъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и хозяинъ.

По мѣрѣ того, какъ время шло, благодаря своей дружбѣ съ Бонни Джасперъ тѣснѣе сблизился и съ лэди Алиціей. Она рада была, что онъ оцѣнилъ Бонни, и стала относиться къ нему гораздо теплѣе. Ея дружба, которую она такъ мило предложила, перешла въ чувство болѣе сильное, чѣмъ первоначальная симпатія, и незамѣтно они привыкли видѣться запросто и наединѣ. Связующимъ звеномъ между ними былъ Бонни. Они изобрѣтали всевозможные планы въ видахъ его благополучія, и, какъ выражался Кодби, составили „Общество Покровительства Дикому Звѣрю“. Но планы ихъ обыкновенно ни къ чему не приводили, вслѣдствіе невозможности заставить „дикаго звѣря“ отдаться подъ ихъ покровительство; зато сами они, огорченные его упорствомъ, начинали еще больше симпатизировать другъ другу. Джасперъ относился къ этому какъ-то фаталистически. Очевидно, сама судьба поставила на его пути эту женщину: дороги ихъ должны скреститься, и онъ мирился съ неизбѣжнымъ. Но, пока, этотъ общій интересъ создавалъ между его сердцемъ и лэди Алиціей нейтральную почву, на которой они могли встрѣчаться безъ борьбы. Сидя вечеромъ въ ея гостиной, у камелька, онъ могъ довѣрчиво бесѣдовать съ нею, не боясь, что его рѣчи и взгляды выдадутъ страсть, которую онъ такъ старательно гасилъ въ своей душѣ.

Самъ Бонни, можетъ быть, не такъ дорожилъ этой дружбой, какъ Джасперъ. Такова молодость: она и къ удачѣ, и къ дружбѣ относится легко. Притомъ же Бонни жилъ въ своемъ особомъ мірѣ, недоступномъ для другихъ, населенномъ героями его грезъ, озаренномъ призрачнымъ свѣтомъ и полномъ нездѣшнихъ звуковъ. У него было свое честолюбіе, свои мечты. Въ счастливомъ, безсознательномъ эгоизмѣ своихъ двадцати лѣтъ онъ позволялъ своимъ друзьямъ любить его. Будущее улыбалось ему, маня золотыми далями. У Веллакота же было только унылое, преслѣдующее его, какъ призракъ, прошлое, порой вставшее передъ нимъ непроницаемой стѣной тумана, застилая будущее. И ему было радостно стоять вмѣстѣ съ Бонни на вершинѣ горы и смотрѣть, какъ восходитъ солнце для этого юноши. Что касается

до Бонни, то его ясный, здравый умъ давно разглядѣлъ прямолинейность милліонера, его искренность, великодушіе и скрытую, постоянную грусть — и онъ привязался къ Джасперу искренно и сильно.

Въ одинъ изъ послѣполуденныхъ часовъ марта мѣсяца скромный курьеръ, тихо ступая, вошелъ въ объятую дремотой залу палаты общинъ, и подалъ Джасперу Веллакоту визитную карточку м-ра Бонами Тредгольда. Пренія о шотландской желѣзной дорогѣ убаюкали всѣхъ. Джасперъ тотчасъ же вышелъ въ пріемную, и обладатель карточки радостно кинулся къ нему:

— Какъ это хорошо, что вы сейчасъ же вышли! Я не въ состояніи былъ ждать, — вы понимаете: я таки добился своего. Я былъ тутъ, рядомъ, и забѣжалъ сказать вамъ.

— Вы что-то путаете, Бонни. Я ничего не понимаю. Попытайтесь объяснить. Но прежде — почему вы безъ пальто въ такую ужасную погоду?

— О! къ чорту пальто! Я зайду за нимъ на обратномъ пути домой. Я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобъ говорить о пальто. Мы сговорились съ Кампіономъ.

— Съ Кампіономъ?

— Ну да. Да вы что, съ луны упали? Во всемъ Лондонѣ есть одинъ только единственный Лестеръ Кампіонъ, знаменитый режиссеръ одного изъ главныхъ театровъ. Развѣ я ничего не говорилъ вамъ? Онъ заказалъ мнѣ пьесу, одноактную, — въ стихахъ, понятно. Договоръ уже подписанъ. Пришлось таки поторговаться: это мерзко, правда. Но что подѣлаешь: даже поэты не могутъ жить безъ ѣды. Вы понимаете, Веллакотъ, это только начало. Тонкій конецъ клина. За одноактной пойдетъ большая драма, въ стихахъ, четырехактная. И, быть можетъ, она станетъ факеломъ, отъ котораго вновь запылаетъ яркимъ свѣтомъ поэтическая драма въ Лондонѣ. Словомъ, перспективы тутъ безконечныя. Мои метафоры ни къ чорту не годятся. Ну, да все равно. Я такъ счастливъ, что могу ихъ мѣшать, какъ напитки. Это чудесно, не правда ли?

— Разумѣется, чудесно. Я въ восторгѣ. Вы сказали лэди Алиціи?

— Лэди Алиціи? — Нѣтъ. Какъ же я могъ ей сказать, когда я побѣжалъ къ вамъ?

— Я пошлю ей телеграмму.

— Нѣтъ. Я ей напишу. Женщинамъ нельзя посылать телеграммъ. Она способна вообразить себѣ, что послѣ-завтра уже

будетъ поставленъ новый „Гамлетъ“ моего сочиненія. Я вовсе не циникъ. Но у нея всегда такъ, и я для ея же блага.

Онъ засмѣялся и сдвинулъ шляпу на затылокъ, опираясь обѣими руками на зонтикъ, съ котораго уже натекла порядочная лужица воды. Смуглое лицо его раскраснѣлось отъ возбужденія и отъ ходьбы по вѣтру и дождю. Онъ смотрѣлъ на Джаспера какъ юный завоеватель, не сознающій еще всей отвѣтственности, связанной съ управленіемъ имперіей. Онъ былъ такъ очарователенъ въ своемъ молодомъ восторгѣ, что ему все можно было простить, — и даже эту непочтительность къ ней, царицѣ изъ царицъ. Джасперъ, однако, приличія ради, хотѣлъ отечески пожурить его. Бонни предупредилъ это, перемѣнивъ разговоръ.

— Хотите доставить мнѣ огромнѣйшее удовольствіе? Ради такого случая — а? Хотите, пообѣдаемъ вмѣстѣ въ ресторанѣ? Вы вѣдь не обязаны непремѣнно быть здѣсь. Я заглянулъ въ „порядокъ дня“. Прямо какая-то окаменѣлая скука. Идемте.

— Отлично. Я могу освободиться до десяти, а затѣмъ долженъ вернуться сюда. Но почему бы вамъ не пообѣдать у меня?

— Это вовсе не одно и то же. Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что я заложилъ свое пальто. Вовсе нѣтъ. Я былъ съ Фуллеромъ, когда пошелъ дождь: онъ былъ въ тонкомъ пиджакѣ и кашлялъ ужасающе, словно уже ѣхалъ на блѣдномъ конѣ Смерти; я отправилъ его домой въ своемъ пальто. Притомъ же, Кампіонъ далъ мнѣ авансъ, и дома у меня цѣлая куча денегъ.

Джасперъ зналъ, что юноша теперь не сталъ бы скрываться отъ него.

— Ну, хорошо,—засмѣялся онъ.—Я страшно радъ. Знаете что—сведите меня — какъ, бишь, этотъ ресторанчикъ, о которомъ вы мнѣ недавно разсказывали?

— Къ Антонелли — въ „Отель Бомбони“. Но тамъ вѣдь страшно примитивно.

— Я самъ вѣдь примитивный, Бонни. Развѣ вы этого еще не замѣтили? Я уже сколько времени собираюсь васъ попросить, чтобы вы свели меня туда.

— Ну, если у васъ разстроится желудокъ, сами будете виноваты. Впрочемъ, кормятъ тамъ не такъ ужъ плохо.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, и Джасперъ, вопреки своей привычкѣ къ экономіи въ личныхъ своихъ расходахъ, взялъ извозчика, весело поясняя, что это—его долгъ по отношенію къ своему округу, такъ какъ охрипшій депутатъ не стоитъ мѣднаго гроша. Бонни слишкомъ привыкъ къ бережливости милліонера, чтобы удивиться этому извиненію. Наоборотъ, эта-то бережли-

вость и, вообще, скромность привычекъ и сдѣлала возможными ихъ курьезныя товарищескія отношенія. Трудно было представить себѣ, что человѣкъ, жившій въ просто обставленномъ домѣ на Гауэръ-стритъ и обѣдавшій кускомъ говядины и компотомъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ роскоши земли и огромную власть богатства, размѣры котораго трудно было даже опредѣлить. Въ ежедневномъ общеніи съ Джасперомъ Бонни совсѣмъ забывалъ о его богатствѣ.

Извозчикъ свернулъ въ узенькую улочку и остановился передъ дверью, на которой красовалась надпись: „Отель Бомбони", черными буквами по большому полукругу матоваго стекла, видавшаго лучшіе дни. Кошка, сидѣвшая на порогѣ, не торопясь, доканчивала свой туалетъ и съ видомъ огорченнаго изумленія посторонилась, чтобы пропустить посѣтителей. Стеклянная дверь въ концѣ небольшого темнаго корридора вела въ ресторанъ. Помѣщеніе было низкое, освѣщаемое газомъ и имъ же закопченное и загрязненное. Внутри — съ полдюжины маленькихъ столиковъ, изъ которыхъ были заняты только два, какими-то неописуемыми субъектами, весьма убогаго вида, мужчиной и женщиной. Очень юный лакей, съ старательно завитыми волосами, въ широчайшемъ воротничкѣ, узкомъ черномъ галстухѣ и довольно грязномъ бѣльѣ, въ элегантно-непринужденной позѣ, стоя у двери, бесѣдовалъ съ этими двумя гостями. Другой лакей, постарше и въ еще болѣе грязномъ бѣльѣ, весь засаленный и пропотѣвшій, сновалъ взадъ и впередъ съ тарелками и блюдами. Въ сосѣдней полу-темной гостиной можно было разглядѣть мужчину безъ сюртука и въ грязной рубашкѣ, сидѣвшаго за столикомъ и занятаго игрой въ домино, судя по стуку костяшекъ. Прилавокъ, уставленный вялыми, печальнаго вида фруктами и блѣдными пирожными, тянулся до половины длины комнаты. И за прилавкомъ стояла необычайно привлекательная дѣвушка, въ опрятномъ черномъ платьѣ, которой Бонни, войдя, учтиво поклонился. Ресторанчикъ былъ грязный, засиженный мухами, на рѣдкость убогій, но дѣвушка вносила въ него странную нотку свѣжести и жизни — словно темно-алая роза, блистающая каплями росы, на кучѣ пыли.

— Вы сами этого хотѣли, — засмѣялся Бонни, усаживаясь за одинъ изъ столиковъ.—Эй, Джузеппе!

Потный лакей, съ низкимъ лбомъ и раболѣпнымъ лицомъ, съ обвисшею кожей, подскочилъ къ нимъ.—Что угодно мессеру Треголо? Сегодня есть soupe aux oignons — превосходный. Есть stufatino milanese, ossabucco, rosbif. Мессеръ Треголо не былъ у нихъ уже два дня. Синьорина спрашивала про него. Или,

можетъ быть, онъ желаетъ omelette aux rognons? — Бонни, тѣмъ временемъ просмотрѣвшій карту блюдъ, оборвалъ его на полусловѣ и заказалъ обѣдъ. Джузеппе отошелъ, вытирая потъ со лба салфеткой.

— Удивительно грязное животное! — замѣтилъ Бонни. — И негодяй притомъ. Я увѣренъ, что онъ — страшный негодяй. Съ него можно было написать одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Мнѣ все кажется, что онъ былъ когда-то довѣреннымъ поваренкомъ у отравителя Борджіа.

Джасперъ снисходительно улыбнулся. Симпатіи и антипатіи у его молодого друга всегда проявлялись необычайно рѣзко.

— Васъ здѣсь, повидимому, знаютъ, — замѣтилъ онъ.

— О, да! Еще бы. Я часто здѣсь бываю. Хотя недавно открылъ это мѣстечко. Вонъ тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, сидитъ его владѣлецъ, Антонелли, за домино. Онъ все время играетъ въ домино. Одному Богу извѣстно, кто здѣсь ведетъ дѣла. Я подозрѣваю, что главнымъ образомъ — этотъ мерзкій Джузеппе. А Витторія — demoiselle du comptoir — это племянница стараго Антонелли. А вотъ это существо, которое путается подъ ногами — котъ. Я окрестилъ его Corpo di bacco. Другого лакея зовутъ Августомъ. Ну-съ, вотъ вамъ и все семейство.

Джузеппе подалъ супъ. Бонни велѣлъ подать полбутылки кіанти. И разсыпался въ похвалахъ итальянскимъ винамъ, въ которыхъ есть все: и масло, и земля, и ѣдкость итальянскаго характера. И вдобавокъ, вино настоящее, хоть и красное. А плетушка, въ которой его подаютъ, напоминаетъ ему оду Китса. — Джасперъ забылъ ее. Нельзя ли напомнить? — Бонни положилъ ложку и прочелъ нѣсколько строкъ почтительно-монотоннымъ голосомъ, какъ всегда почему-то дѣлаютъ поэты, когда читаютъ стихи. Потомъ началъ восхвалять Китса. Вотъ настоящій пѣвецъ красокъ. Онъ закружитъ васъ въ свѣтящемся красномъ вихрѣ, зачаруетъ, усыпитъ, разбудитъ видомъ струящейся лазури, взволнуетъ морознымъ трепетомъ бѣлизны и затѣмъ утопитъ васъ въ бурномъ морѣ пурпура и алости. Джасперъ напомнилъ поэту, что его рыба простынетъ. Юноша послалъ къ чорту рыбу, наскоро съѣлъ ее и опять заговорилъ. Радость жизни била изъ него ключомъ, какъ тепло изъ солнечныхъ лучей. Джасперъ перевелъ разговоръ на прежнюю тему — о пьесѣ. Знаетъ ли онъ уже, что̀ напишетъ? Есть ли у него идея? Бонни отодвинулъ тарелку.

— Это будетъ вакханалія красокъ, музыки и вина. Современная сцена черезчуръ анемична. Я хочу, чтобъ въ жилахъ ея снова заструилась горячая алая кровь. Развѣ вы не замѣ-

чаете, какъ блѣдны, какъ малокровны нынѣшнія драмы? О, еслибъ мнѣ удалось это сдѣлать! Фабула у меня уже готова. Любовь! Молодая любовь. Страсть, порывъ, съ оттѣнкомъ трагизма. Все самое элементарное. Никакихъ ухищреній, никакой сложной, запутанной психологіи. Однѣ только старыя, вѣчныя страсти — любовь и ненависть — и радость встрѣчи страстнаго мужчины съ страстной женщиной. Потому что, поскоблите насъ, и останется только это; самые модернистскіе, самые сложные изъ насъ — всѣ таковы. Всякій мужчина, достойный пить это вино, кинется сквозь адскій огонь за женщиной, которую онъ любитъ, а женщина поползетъ къ нему на четверенькахъ, хотя бы пламя лизало ей грудь.—Все это кружится, пляшетъ, поетъ въ моей душѣ. Еслибъ только мнѣ удалось выразить это словами! Но я боюсь, что это никогда не удастся. Все равно, какъ этотъ poulet en casserole. Вы не находите, что такіе poulets en casserole дразнятъ воображеніе? Кажется, что въ этомъ глиняномъ горшечкѣ, который смотритъ на васъ такъ заманчиво, скрыта нѣвѣсть какая божественная амброзія, а глядишь: тамъ обыкновеннѣйшая курица, и, вдобавокъ, старая и жесткая.

— Джузеппе! Я заказалъ вамъ цыпленка, а вы подали намъ подошву.

— Если что-нибудь не такъ, я спрошу синьорину,—учтиво предложилъ Джузеппе.

— Голубчикъ мой, это превкусно, — сказалъ Джасперъ. — Цыпленокъ отличный и очень нѣжный.

— Синьорину незачѣмъ безпокоить, Джузеппе. Этотъ господинъ добрый. Онъ зоветъ *это* цыпленкомъ. Вы необычайно добры, Веллакотъ. А, знаете, я предпочелъ бы ѣсть куръ, а не цыплятъ. Совѣстно какъ-то обрывать молодую жизнь, раньше чѣмъ она успѣла расцвѣсть, взять свою долю солнечнаго свѣта, воли, счастья и любви. Я ненавижу, напримѣръ, ѣсть жаворонковъ. Это все равно, что проткнуть вертеломъ живую радость и изжарить ее, нашпиковавъ саломъ. Все равно что сварить супъ изъ „Лунной сонаты“... Кстати, замѣчали вы, какъ геній иногда умѣетъ превратить похлебку мелкихъ человѣческихъ интересовъ и заботъ въ „Лунную сонату“?

— Это именно то, что сами вы, Бонни, пытаетесь дѣлать каждый день и каждый часъ. Мнѣ кажется, это и значитъ быть поэтомъ. За вашу пьесу!

Они чокнулись и выпили. Наступила маленькая пауза. Бонни барабанилъ пальцами по грубому стеклу стакана и о чемъ-то размышлялъ. Потомъ, какъ все у него, быстро вскинулъ голову.

— Вы много старше меня, Веллакотъ. Какъ вы думаете: я придаю слишкомъ большое значеніе молодости? Теоретически я знаю, что и въ сорокъ лѣтъ человѣкъ еще молодъ; но какъ-то не могу себѣ представить этого. Мнѣ кажется, что въ сорокъ лѣтъ уже все позади. Я бы хотѣлъ, чтобъ мнѣ всегда было двадцать-три года. Если это просто потому, что я дуракъ, скажите прямо.

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ Джасперъ, глядя на него, какъ всегда, грустными глазами. — Быть можетъ, преимущество сорокалѣтняго возраста—въ томъ, что онъ научаетъ насъ постигать относительность всего земного. Вы будете молоды и въ шестьдесятъ. Я былъ пожилымъ ужъ въ девятнадцать. Все зависитъ отъ того, какая жизнь. Когда вы умрете...

— Ненавижу смерть. Если я умру, надѣюсь, я умру какъ джентльменъ; но я не люблю думать о смерти. Боже мой! Веллакотъ, мнѣ такъ страшно много еще нужно сдѣлать.

Джасперъ смотрѣлъ на него, на это юное могучее тѣло атлета (Бонни былъ гордостью своего колледжа въ Кембриджѣ, пока онъ не вышелъ оттуда за недостаткомъ средствъ), на красивое, открытое, четко-вырѣзанное лицо артиста, и думалъ о томъ, что никогда еще не были такъ далеки отъ человѣка тѣни смерти.

— Для того, кто всегда молодъ, всегда будетъ много дѣла впереди. Для того, кто старъ и въ юности — мало. Вамъ и въ восемьдесятъ лѣтъ будетъ казаться, что вамъ еще нужно сдѣлать и то, и это—и весьма важное. И, умирая въ восемьдесятъ лѣтъ, вы будете жаловаться, что ваша жизнь оборвана въ самомъ расцвѣтѣ, какъ того цыпленка, о которомъ вы давеча сокрушались,—а я...

Онъ, не договоривъ, пожалъ плечами и глотнулъ вина. Бонни горячо возмутился.

— Вы? Да передъ вами цѣлый міръ страданій, которыя въ вашей власти облегчить. Вы посмотрите: тысячи уже благословляютъ ваше имя—тысячи людей, которые сразу обѣднѣли бы и стали бы еще несчастнѣе, умри вы завтра. Да вы должны чувствовать себя богомъ. У меня иной разъ прямо голова кружится отъ зависти, когда я думаю объ этомъ.

— Не богомъ, а очень жалкимъ божкомъ фабричнаго издѣлія, голубчикъ. Бутафорскимъ божкомъ, брошеннымъ въ этотъ міръ противъ своей воли и наперекоръ своей природѣ, великимъ режиссеромъ.

— Странно,—сказалъ Бонни,—вино у насъ „не веселое“, какъ говорятъ французы. А напрасно, знаете. Вы посмотрите

его на свѣтъ. Видите, какъ даже въ этомъ грубомъ стаканѣ горитъ огонъ рубина, его искристыя алыя тайны. Развѣ вамъ не кажется, что онѣ сулятъ блескъ и славу? И если такъ смѣется дешевое вино, что же вы увидѣли бы, еслибъ это было настоящее бэотійское, „стыдливо зардѣвшееся румянцемъ", вылежавшее многіе и многіе годы въ холодной землѣ, пока оно, какъ любовь, „не вобрало въ себя весь огонь".—Кстати, какъ поживаетъ Кодби?

Джасперъ никогда не могъ угнаться за быстрой смѣной идей и мыслей своего юнаго друга. И теперь онъ не понималъ, почему Бонни вспомнилъ о его секретарѣ, когда рѣчь шла о цвѣтѣ дешеваго кіанти. Но все же онъ далъ отвѣтъ. — Кодби поживаетъ превосходно. Проклинаетъ невѣжество лондонскихъ букинистовъ—онъ ѣздилъ въ Кентербери, по публикаціи, будто тамъ можно купить первое in folio изданіе Шекспира—а нашелъ лишь перепечатку 1807-го года.

— Но зачѣмъ человѣку добывать за большія непремѣнно деньги первое изданіе Шекспира, когда можно купить весьма приличное и полное изданіе всѣхъ его сочиненій за три-четыре шиллинга, это для меня такая же непостижимая тайна, какъ и единство Троицы—сказалъ Джасперъ.

— Вашъ библіофилъ—ангелъ, съ пчелой въ его вѣнцѣ,—загадочно отвѣтствовалъ Бонни.

Обѣдъ приближался къ концу. Бонни спросилъ кофе и кюммелю, и вынулъ портсигаръ. Джасперъ закурилъ трубку. Мужчина и женщина, сидѣвшіе за другими столиками, ушли. Они были одни въ закопченной, газомъ освѣщенной комнатѣ. Антонелли продолжалъ сидѣть безъ сюртука за столикомъ въ сосѣдней гостиной, и паузы по прежнему нарушались стукомъ костяшекъ домино. Дѣвушка за прилавкомъ, оторвавшаяся отъ книги, чтобы выдать Джузеппе бутылку съ кюммелемъ, посидѣла нѣкоторое время, наблюдая за Бонни и его другомъ. Потомъ выплыла изъ узкаго пространства за прилавкомъ и черезъ всю залу подошла къ нимъ.

— Добрый вечеръ, Bon Ami. Надѣюсь, обѣдъ былъ хорошій?

— Превосходный,—поспѣшилъ отвѣтить Джасперъ.—Я всецѣло предоставилъ себя въ распоряженіе м-ра Тредгольда, и онъ устроилъ пышный пиръ.

— Это хорошо—сказала дѣвушка,—потому что обыкновенно мы здѣсь, въ „Отелѣ Бомбони", не одѣваемся въ пурпуръ и виссонъ.

— Вы часто читаете Библію,—улыбнулся Джасперъ.

— Я читаю всѣ хорошія книги, какія попадаются мнѣ подъ руку, даже стихи Bon Ami.

У нея былъ курьезнѣйшій акцентъ: полу-простонародный, полу-итальянскій. Гласныя выходили совершенно чисто, а согласныя были гортанныя. Интонація же—неаполитанская, протяжная, томная. Послѣдняя фраза звучала не насмѣшливо, а шутливо, и въ ней были ласковыя нотки.

— Это—миссъ Витторія Антонелли—представилъ Бонни.

Витторія протянула Джасперу тонкую, смуглую ручку.

— Для Bon Ami это цѣлое событіе, что онъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ пріятелемъ—сказала она.—Обыкновенно, онъ сидитъ вонъ тамъ,—она указала въ сторону прилавка,—одинъ-одинешенекъ, словно отшельникъ.

Теперь, когда свѣтъ газоваго рожка на стѣнѣ падалъ прямо на ея лицо, Джасперъ видѣлъ, что она—красавица. Оливковый оттѣнокъ кожи, съ налетомъ здороваго румянца; большіе, блестящіе темно-каріе глаза; пышные волосы, пышныя губы; пышный и вмѣстѣ гибкій станъ. Держалась она нѣсколько надменно, грудью впередъ. Въ ней было столько жизни и огня, что Джасперу невольно вспомнились слова Бонни о „страстномъ мужчинѣ и страстной женщинѣ". Физически, это была удивительно хорошо подобранная пара, въ полномъ расцвѣтѣ юности, согрѣтая божественнымъ огнемъ. Джасперъ усмѣхнулся про себя этой нелѣпой мысли.

Юная богиня пожелала имъ добраго вечера и пошла ужинать.

— Какъ она васъ называетъ?—спросилъ Джасперъ.

— На французскій ладъ. Игра словъ: Бонами—Bon Ami.

— Ага, понимаю.

— Прямо изумительно, какъ она съумѣла сама образовать себя,—замѣтилъ Бонни, закуривая новую папиросу.

— Красивая дѣвушка.

— Прямо съ одной изъ картинъ Андреа дель Сарто.

Джасперъ, имѣвшій очень смутное представленіе объ этомъ художникѣ, неопредѣленно кивнулъ головой. Они посидѣли еще нѣсколько минутъ. Затѣмъ Джасперъ взглянулъ на часы. Было половина десятаго.

— Мнѣ надо назадъ въ палату. Можетъ быть, вы хотите послушать пренія? О призрѣніи бѣдныхъ. Пожалуй и мнѣ придется выступить.

Бонни извинился. Практическая политика — не его сфера. Когда ему стукнетъ ненавистный тридцатый годъ, тогда онъ оку-

нется въ статистику и каменные факты. А до тѣхъ поръ хочетъ жить при свѣтѣ солнца и поэзіи.

— Тогда проводите меня немножко—сказалъ Джасперъ, въ которомъ усталость не убила маленькой привычки подразнить. Но у Бонни были серьезныя причины отклонить и это предложеніе. Онъ посидитъ здѣсь еще немного и подумаетъ о пьесѣ. Джасперъ улыбнулся и всталъ изъ-за стола. Бонни помогъ ему надѣть пальто и проводилъ его до дверей. Они обмѣнялись рукопожатіемъ.

— Спокойной ночи, голубчикъ,—сказалъ Джасперъ.—Спасибо вамъ за вкусный обѣдъ и очень пріятный вечеръ. А затѣмъ—„любуйтесь розами пока онѣ въ цвѣту“, Бонни, но не забывайте и о шипахъ.

VI.

Незамужняя женщина въ тридцать лѣтъ, съ чистой, благоуханной душой, никогда не знавшая матеріальныхъ заботъ и не извѣдавшая страсти, склонна жаждать многаго, что̀ гордая или самодовлѣющая юность съ легкимъ сердцемъ отвергаетъ. Съ годами она становится болѣе воспріимчивой, болѣе чуткой; отъ нея не ускользнетъ и послѣдній изъ круговъ, расходящихся отъ того всплеска, который произвела праматерь Ева, окунувшись въ воды жизни. Она привѣтствуетъ и самую легкую рябь, рада и тому, когда чуть всколыхнувшаяся волна едва замѣтно коснется ея сердца. И эти тончайшія эмоціи скоро становятся для нея самымъ дыханіемъ жизни. Оно ищетъ ихъ въ живописи и въ музыкѣ. Она ловитъ ихъ въ поэзіи. Она можетъ и сама написать романъ о прекрасной, чистой любви между юношей и дѣвушкой и напечатать его — но чаще *не* напечатать. Если она неумна, она привяжется до нелѣпости къ пуделю и будетъ украшать его бантами и ошейниками. Если она—свѣтская женщина, она будетъ находить тонкое удовольствіе въ своихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ мужчинамъ. Съ наслажденіемъ она будетъ вызывать въ памяти мимолетныя, бѣглыя впечатлѣнія и продѣлывать невинные маленькіе эксперименты. Ей радостно будетъ сознавать свое обаяніе, свою силу, умудренную опытомъ, и пробовать ее на другихъ. Каждый признакъ подчиненія ей мужчины будетъ тѣшить ея сердце, какъ самая изысканная лесть. Она соткетъ вокругъ себя воздушную, какъ паутина, оболочку чувства, которая изорвалась бы въ жалкіе клочья отъ грубаго прикосновенія флирта. Такая женщина — Діана, спо-

собная напечатлѣть трепетный поцѣлуй на челѣ спящаго; но сердце ея не бьется быстрѣе ради бодрствующаго.

Лэди Алиція была чистая душой незамужняя женщина за тридцать лѣтъ, и притомъ женщина свѣтская. Она установила между собою и двумя мужчинами, Джасперомъ Веллакотомъ и Бонами Тредгольдомъ, отношенія, которыя были для нея источникомъ утонченнаго наслажденія. Она любила наблюдать различныя стороны ихъ характеровъ, сопоставлять ихъ, сравнивать впечатлѣнія, которыя производили на обоихъ ея слова или поступки. Каждый по своему былъ живописенъ, трогателенъ; каждый по своему нуждался въ ней и въ ея симпатіи—и это нравилось ей, такъ какъ съ годами въ ней развилась сантиментальность. Но всего пріятнѣе ей было играть своей нѣжностью къ Бонни.

Однажды вечеромъ—это было въ маѣ—она рано пообѣдала и поѣхала въ палату общинъ. Джасперъ прислалъ ей билетъ на хоры въ дамскую галлерею, съ извѣщеніемъ, что въ этомъ засѣданіи онъ будетъ говорить и отстаивать свою поправку. Они давно условились, что онъ дастъ ей возможность слышать его первую сколько-нибудь серьезную рѣчь, и ради этого она пожертвовала билетомъ на интересную премьеру. Уже въ экипажѣ она стала натягивать свои перчатки, вполнѣ довольная собой и свѣтомъ. Промелькнувшая чисто женская мысль о томъ, что ея очаровательное платье цвѣта геліотропъ и изящная прическа пропадутъ даромъ въ темной клѣткѣ, помѣщающейся чуть не подъ самымъ небомъ, только придала пикантность сознанію вѣрности дружбѣ и исполненнаго долга. Какъ она распорядится остаткомъ вечера и поѣдетъ ли къ знакомымъ, куда ее приглашали—это будетъ зависѣть отъ многаго и многаго. Въ груди она ощущала легкій трепетъ волненія, замѣнявшаго ей счастье.—Онъ такой добрый, такой милый,—говорила она себѣ,—но у него такъ мало вѣры въ себя, а палата такъ строга, такъ безпощадна. Неужели онъ провалится? Или съумѣетъ убѣдить ихъ? Она дала себѣ слово, въ случаѣ провала, пролить бальзамъ утѣшенія на его раны. Она будетъ чрезвычайно мила съ нимъ. Представлять себя въ роли цѣлительницы было пріятно. Лэди Алиція улыбнулась. И долго тѣшилась этой мыслью—слишкомъ долго, какъ подсказалъ ей здравый смыслъ, составлявшій основную черту ея натуры: она вдругъ сразу взяла себя въ руки и начала, уже дѣловито и старательно, застегивать надѣтыя перчатки.

Когда она пріѣхала, обѣденный часъ еще не кончился, и въ залѣ было пустовато. Раздавался чей-то монотонный го-

лосъ. Лэди Алиція кивнула знакомой, тоже сидѣвшей на хорахъ, и вооружилась женской добродѣтелью—терпѣніемъ. Вернулся наскоро перекусившій спикеръ. Стали собираться депутаты. Зеленыя скамьи понемногу заполнялись. Въ дверь подъ трибуной репортеровъ вошелъ Джасперъ и остановился поговорить съ однимъ изъ служащихъ, сидѣвшихъ за столомъ. Лэди Алиція сдѣлала ему знакъ вѣеромъ, но онъ, очевидно, не замѣтилъ этого, такъ какъ на лицѣ его не было улыбки, когда онъ повернулся и пошелъ къ своему мѣсту, пробираясь между скамьями. Пренія продолжались. Прошло почти полтора часа, прежде чѣмъ наступилъ чередъ поправки Джаспера. Оппозиція уже заклеймила предлагаемую правительствомъ мѣру—дѣло шло о новомъ фабричномъ законѣ—какъ попытку отполировать старый законъ и выдать его за новый. Министръ, которому поручена была защита билля, просилъ принять его, хотя бы въ принципѣ. Джасперъ, въ своей поправкѣ, не возражая противъ принципа, предлагалъ расширить нѣкоторыя статьи закона, выводя ихъ за предѣлы, намѣчаемые правительствомъ. Съ такой поправкой билль изъ просто благожелательнаго становился широко гуманитарнымъ. Предыдущихъ ораторовъ палата слушала разсѣянно, но когда поднялся Джасперъ, по рядамъ скамей прошелъ легкій шорохъ, означавшій интересъ. Ореолъ огромнаго богатства, туманныя легенды о его прошломъ, его теперешняя замкнутая жизнь—все это оказывало свое дѣйствіе. Лэди Алиція ощутила нѣкоторую гордость, видя, что онъ умѣетъ приковать къ себѣ вниманіе.

Сначала онъ нервничалъ, не сразу находилъ слова. Что-то щелкнуло: сломалась пластинка слоновой кости въ вѣерѣ лэди Алиціи. Но постепенно, когда Джасперъ сталъ рисовать широкія перспективы, голосъ его окрѣпъ, зазвучалъ полнѣй и глубже, рѣчь полилась плавно и въ ней сталъ проскальзывать грубый австралійскій акцентъ. Рѣчь была горячая, прочувствованная. Мѣра, которую отстаивалъ Джасперъ, должна была создать благопріятныя условія для осуществленія одного изъ его собственныхъ плановъ, который пока стоялъ на точкѣ замерзанія. Лицо его отъ волненія стало суровымъ, плечи подались назадъ, станъ выпрямился; передъ палатой стоялъ сильный человѣкъ, сознающій свою силу. И палата слушала его съ явнымъ сочувствіемъ. Лэди Алиція глазъ не могла оторвать отъ этого изумительнаго превращенія и не проронила ни единаго слова, пока дружные знаки одобренія не возвѣстили конца рѣчи. Тогда она откинулась на спинку стула, чувствуя себя какой-то взвинченной и нелѣпо сердясь на драконовскіе законы, не позволяющіе слу-

шателю облегчить взволнованную душу аплодисментами. Но когда прошла реакція, у нея сдѣлалось на душѣ хорошо и тепло. Какая-то струна еще вибрировала тамъ, откликаясь на дрожь волненія въ знакомомъ голосѣ. Лэди Алиція перестала обмахиваться вѣеромъ и ласково посмотрѣла на сломанную пластинку. Какъ глупо, что она боялась за него!.. Монотонный голосъ второго оратора, выступившаго по поводу Джаспероной поправки, говорилъ какія-то лишенныя смысла слова. Съ женскимъ чутьемъ лэди Алиція уже съумѣла создать гармоническое цѣлое изъ стараго и новаго Джаспера и сама спѣшила приспособиться къ своему новому представленію о немъ. И, помимо всѣхъ этихъ утонченностей, искренно радовалась его успѣху.

Съ критикой поправки Джаспера выступилъ самъ министръ, внесшій билль. Отдавая должное краснорѣчію Джаспера и его искренности, онъ въ то же время указывалъ на трудность практическаго осуществленія его проектовъ. Безпощадная логика министра, облеченная въ учтивѣйшую форму, раздражала лэди Алицію, какъ женщину. И когда Джасперъ, заручившись полуобѣщаніемъ, полуобязательствомъ правительства, что слѣдующая законодательная мѣра до извѣстной степени захватитъ область, которой не коснулся настоящій билль, взялъ назадъ свою поправку, этотъ мирный исходъ какъ-то странно разочаровалъ ее. Первобытный инстинктъ въ ней требовалъ крови и побѣды.

Она призналась въ этомъ Джасперу, когда они встрѣтились въ корридорѣ во время второго чтенія билля.

— У меня не было желанія свергнуть правительство. Что бы сказали мои избиратели? И то уже много, что я добился отъ министра этого обѣщанія. Сначала я думалъ, что и это мнѣ не удастся. Я боялся провалиться.

— А я ни чуточки не боялась. По крайней мѣрѣ, — поправилась лэди Алиція, бросивъ взглядъ на сломанную пластинку, — по крайней мѣрѣ, съ той минуты, какъ вы „разошлись“, какъ выразился бы м-ръ Мэнуорингъ. Вы были великолѣпны. Я гордилась вами. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ вы стали силой и въ парламентѣ, какъ внѣ его. Здѣсь вы стоите у самаго сердца огромной машины, и всѣ рычаги у васъ подъ рукою. Развѣ это не почетно?

— Не забывайте, что здѣсь, кромѣ меня, еще шестьсотъ шестьдесятъ девять человѣкъ, которые всѣ тянутся къ тѣмъ же рычагамъ, — возразилъ онъ весело, — а число рычаговъ ограничено.

— Да, но вы все же будете въ числѣ избранныхъ.

Онъ пережилъ восхитительную минуту. Успѣхъ его рѣчи

взволновалъ его. А эта прелестная, наивная вѣра въ него обожаемой женщины возносила его на вершину счастья.

— Такая похвала, какъ ваша — за одно это стоитъ бороться,—выговорилъ онъ безсвязно.

— Вы серьезно это говорите?—переспросила она, краснѣя отъ удовольствія.

— Серьезно ли? Разумѣется, серьезно.

— Какъ это пріятно слышать! Я всегда буду помнить эти ваши слова. — Она радостно посмотрѣла ему прямо въ глаза своими безмятежными глазами газели.

— Я больше всего горжусь тѣмъ, что съумѣлъ пріобрѣсти вашу дружбу.

Онъ проводилъ ее внизъ по лѣстницѣ и усадилъ въ экипажъ.

— Домой? — вопросительно крикнулъ онъ въ окно кареты.

Лэди Алиція не сразу отвѣтила. Она еще не думала о томъ, куда ѣхать. Его вопросъ напомнилъ ей объ этомъ—и ей вдругъ захотѣлось—ни тогда, ни потомъ она не могла объяснить себѣ этого—захотѣлось увидѣть Бонни. Онъ тоже былъ приглашенъ, въ качествѣ восходящаго литературнаго свѣтила, въ тотъ домъ, куда ей и хотѣлось, и не хотѣлось ѣхать. Ей онъ сказалъ, что, можетъ-быть, зайдетъ. И ей хотѣлось видѣть его—она сама не знала, почему.

— Къ м-съ Дэрфи, Эккльстонъ-скверъ, — отвѣтила она. Джасперъ сказалъ адресъ кучеру, и экипажъ тронулся. Но у Дэрфи Бонни не было, и до самаго отъѣзда ея онъ не появлялся. Лэди Алиція ѣхала домой не въ духѣ. Это было новое для нея ощущеніе, и очень непріятное. Что-то, очевидно, испортилось въ ея такъ удачно сложившейся схемѣ. Она уже досадовала на себя, жалѣя, что не попросила Джаспера поѣхать съ нею къ Дэрфи. Потомъ сообразила, что онъ былъ не такъ одѣтъ, чтобъ ѣхать вечеромъ въ гости. Мысли роились въ головѣ все какія-то непріятныя, вылѣзавшія изъ глухихъ закоулковъ души... Она уснула посреди грустныхъ размышленій о томъ, что жизнь, въ сущности, пуста и въ ней слишкомъ много суетности, если не огорченій. Самое худшее было то, что она сама себѣ не умѣла объяснить своего настроенія; а женщины вообще терпѣть этого не могутъ.

Тѣмъ временемъ Джасперъ шелъ домой, взволнованный и потрясенный. Онъ сознавалъ, что рѣчь его была удачна, что онъ съумѣлъ заставить палату внимательно слушать его и кое-

какихъ непосредственныхъ результатовъ все-же добился. Его собственный планъ улучшенія участи рабочихъ, все равно, не могъ дать ожидаемыхъ результатовъ раньше, чѣмъ черезъ три года. У правительства будетъ достаточно времени, чтобы выполнить свое обѣщаніе; а если оно забудетъ—онъ съумѣетъ напомнить. Вѣдь его рука—на рычагѣ, какъ сказала лэди Алиція. Ея энтузіазмъ всколыхнулъ всю его душу. Онъ сказалъ ей правду. Ради того, чтобъ вызвать этотъ блескъ въ ея глазахъ, онъ пошелъ бы на борьбу съ кѣмъ и съ чѣмъ угодно, прошелъ бы сквозь геенну огненную, какъ любитъ выражаться Бонни. Почему же бы ему не пройти сквозь геенну своей совѣсти ради того, чтобъ завоевать ее? Радостный трепетъ объялъ его при этой мысли. Почему бы ему и не дать воли личному честолюбію, которое онъ до сихъ поръ давилъ и попиралъ въ себѣ, какъ нѣчто презрѣнное? Что недоступно ему. Что не въ его власти? Парламентская карьера открыта передъ нимъ, до высшихъ ступеней. Главарямъ своей партійной организаціи онъ можетъ дать подписанный листокъ, вырванный изъ книжки чековъ, оставивъ незаполненнымъ мѣсто для суммы. Его широкая благотворительность, его политическія заслуги скоро дадутъ ему право разсчитывать на баронетство,—быть можетъ, съ годами, даже и на пэрство. Развѣ это не смыло бы пятна съ его имени, не создало бы ему новаго и почетнаго положенія среди людей, не дало бы ему права сказать ей о своей любви, просить ее быть его женой? Онъ былъ увѣренъ, что она не отвергла бы его. Если онъ покажетъ ей, сколько страсти въ его сердцѣ, эти добрые глаза не смогутъ ему отказать.

Онъ шелъ размашистой походкой, вдыхая мягкій воздухъ мая, по Парламентской улицѣ, мимо Уайтхолла, черезъ Трафальгарскій скверъ, вверхъ по Уиткомской улицѣ, потомъ по Уордорской, не думая о томъ, куда свернуть, сохраняя лишь общее направленіе. Его путь лежалъ къ востоку. При свѣтѣ газоваго рожка онъ прочелъ надпись на углу: Олдъ Комптонъ-стритъ, и въ концѣ нешироκой улицы увидалъ фасадъ отеля Бомбони. Душевное состояніе человѣка, идущаго безъ цѣли, кружнымъ и запутаннымъ путемъ, направило его шаги въ эту улицу. Проходя мимо ресторана, онъ заглянулъ въ открытую дверь. Публики не было вовсе, ни чистой, ни сѣрой. Не было и лакеевъ. Не было даже кота—„Корпо ди Бакко“. Но за столикомъ у самаго прилавка сидѣлъ Бонни, не сводя глазъ не съ тарелки, стоявшей передъ нимъ, а съ лица Витторіи Антонелли, лѣниво перегибавшейся къ нему черезъ прилавокъ. У обоихъ лица сіяли счастьемъ.

Джасперъ, посмѣиваясь, прошелъ мимо. Ихъ радостное настроеніе гармонировало съ его собственнымъ. Онъ не могъ осудить Бонни. Дѣвушка была такъ прекрасна. И молодость такъ прекрасна. И любовь прекрасна. Да и сорокъ лѣтъ—еще не старость. Развѣ въ двадцать лѣтъ онъ желалъ страстнѣе? Развѣ походка его въ двадцать лѣтъ была увѣреннѣй и эластичнѣй? Ея слова звучали музыкой въ его мозгу. Можетъ быть, по своему, по женски, застѣнчиво и церемонно, она и любитъ его. Отъ такой мысли и звѣзды способны были закружиться въ бѣшеной пляскѣ на небесахъ.

Спалъ онъ въ эту ночь очень мало.

На утро Кодби встрѣтилъ его съ „Таймсомъ“ въ рукахъ. Его рѣчь была напечатана почти цѣликомъ.

— Разскажите мнѣ все подробно!—восклицалъ маленькій человѣчекъ.

„И многое еще узнать мнѣ нужно:
„Подробности узнать—какъ все случилось
„Удачно такъ и чудно...“

какъ говоритъ Цимбелинъ. Вы знаете, что въ цѣлой человѣческой жизни нѣтъ такого положенія, для котораго этотъ изумительный человѣкъ не нашелъ бы самыхъ подходящихъ, самыхъ нужныхъ словъ. А вотъ и другой, радикальный листокъ, посвятившій вамъ полпередовицы, привѣтствующій васъ, какъ Ріенци въ костюмѣ тори. Вы неожиданно для себя проснулись знаменитостью, милый мой Джасперъ.

— Да что же разсказывать, Томми? Здѣсь все сказано. Я говорилъ все, какъ мы условились, и всѣмъ, повидимому, это понравилось,—и вотъ результатъ.

Кодби, только что оправившійся отъ простуды, продержавшей его нѣсколько дней въ постели, снова цитировалъ Шекспира, сокрушаясь, что судьба въ образѣ доктора, не позволившаго ему выходить, помѣшала ему быть свидѣтелемъ торжества Джаспера.

— Я такъ жаждалъ, чтобъ вы дали имъ въ палатѣ почувствовать свою силу!—плакался Кодби.

Джасперу вспомнилась лэди Алиція—та же мысль и почти тѣ же слова—и снова его охватилъ радостный трепетъ.

— Послушайте, Томъ, вы серьезно думаете, что у меня есть эта сила?

— Вы можете сдѣлать буквально все, что захотите.

Джасперъ принялся за завтракъ. Наступило молчаніе. Кодби перечитывалъ отчетъ о достопамятной рѣчи.—Томъ! — неожи-

данно окликнулъ его Джасперъ:—что вы думаете о лэди Алиціи Гарденъ?

Кодби надѣлъ свои очки въ золотой оправѣ и по своему, по птичьи, склонивъ головку на бокъ, смотрѣлъ на патрона.

— Безсмертный, какъ всегда, диктуетъ мнѣ отвѣтъ. „Она женщина—значитъ, можно добиваться ея; она женщина—значитъ, ее можно завоевать. Она—простите мнѣ эту вольность—она—Алиція, и, слѣдовательно, должно любить ее“,—какъ говоритъ Деметрій въ „Титѣ Андроникѣ“. Можете биться объ закладъ, что онъ былъ правъ.

— Вы думаете, Томъ, я—такой глупый?

— Голубчикъ мой,—Кодби протянулъ ему свою худую, смуглую руку—вы достойны всякаго счастья, какое только бываетъ въ этомъ мірѣ.

Немного погодя, Джасперъ вошелъ въ свою библіотеку, насвистывая пѣсенку. Какъ всегда, его ждала груда писемъ. Барышня переписчица скромно сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, покусывая конецъ карандаша. Началась обычная утренняя работа. Такъ прошло часа два.

— Васъ желаютъ видѣть, сэръ,—доложила горничная, входя въ библіотеку.—Какой-то Беркъ.

— Ему назначено придти?—освѣдомился Джасперъ.

— Не знаю, сэръ.

— Извѣстно вамъ что-нибудь о немъ?—Этотъ вопросъ былъ адресованъ Кодби.

Тотъ справился въ записной книжкѣ.—Да, это еще одинъ неудачникъ изъ Санъ-Франциско. Его направилъ сюда агентъ, Келли. Значитъ, все въ порядкѣ.

— Хорошо, я приму его,—сказалъ Джасперъ.

Горничная ушла. Кодби отпустилъ переписчицу.

— Вотъ письмо отъ Эрскина. У него опять вышли непріятности съ городскимъ инспекторомъ. Повѣсилъ бы я этихъ инспекторовъ!

— Сочувствую вамъ,—засмѣялся Джасперъ, пробѣгая письмо.

Вошла опять горничная. Дверь приходилась какъ разъ за стуломъ Кодби и напротивъ Джаспера.

— М-ръ Беркъ, сэръ.

Вслѣдъ за ней вошелъ, волоча ноги, уже немолодой человѣкъ, съ черной взлохмаченной бородой и слезящимися глазами. На щекѣ у него былъ странной формы круглый шрамъ. Онъ стоялъ на порогѣ и сконфуженно мялъ въ рукахъ суконную фуражку. Кодби нетерпѣливо обернулся къ горничной.

— Да не сюда же! Сколько разъ вамъ говорить? Проводите м-ра Берка въ пріемную и попросите подождать. М-ръ Веллакотъ выйдетъ къ нему, когда освободится.—Чортъ бы побралъ этихъ новыхъ горничныхъ—пока ихъ выучишь!—воскликнулъ онъ сердито, когда дверь захлопнулась за непрошеннымъ гостемъ.—И почему бы вамъ не взять лакея, Джасперъ, вмѣсто этихъ глупыхъ бабъ?.. Батюшки! Что это съ вами?—Онъ вскочилъ изъ-за стола.

У Джаспера лицо было бѣлое, какъ бумага. Онъ указывалъ рукою на дверь.

— Этотъ человѣкъ—выговорилъ онъ съ трудомъ, вдругъ осипшимъ голосомъ—этотъ человѣкъ...

— Ну? Въ чемъ же дѣло?

— Это онъ... тотъ самый, про котораго вы знаете... Онъ пришелъ потребовать свое обратно. Настоящій Джасперъ Веллакотъ.

VII.

Въ тотъ далекій день, когда случайно заѣхавшій горный инженеръ объяснилъ ему, какія богатства лежатъ у него подъ ногами, Джасперъ былъ какъ сумасшедшій. Всю ночь онъ безсвязно молился Богу, котораго помнилъ смутно, но въ котораго все еще вѣрилъ. Среди ночного безмолвія его обступила цѣлая рать невѣдомыхъ призраковъ, и душа его, въ страхѣ, спасаясь отъ обличительныхъ голосовъ, искала защиты въ молитвѣ.

До тѣхъ поръ его чуткая совѣсть принимала скудость почвы, на которой ничто не хотѣло расти, какъ ниспосланную свыше кару за дурной поступокъ. Хоть онъ считался законнымъ владѣльцемъ земли, хоть у него въ карманѣ и лежалъ документъ на владѣніе ею, за надлежащими подписями и печатью, онъ зналъ, что земля эта — не по праву захваченное наслѣдство послѣ умершаго. Два года тому назадъ, онъ бросилъ въ лѣсной сторожкѣ мертвеца, за много миль отсюда, и ушелъ, унося съ собой бумаги умершаго и нѣсколько шиллинговъ, найденныхъ въ его карманѣ. Кто былъ этотъ человѣкъ и откуда родомъ—онъ не зналъ. За три дня, что они странствовали вмѣстѣ и подружились, прежде чѣмъ тотъ, другой, заболѣлъ, онъ успѣлъ узнать только, что человѣкъ этотъ—такой же бездомный скиталецъ, безъ родныхъ и друзей, какъ и самъ онъ. Онъ даже не зналъ его имени. Разговаривали они между собой мало и въ разговорѣ называли другъ друга „товарищемъ“. Между бумагами оказался до-

кументъ—дарственная отъ казны на клочокъ земли, гдѣ-то далеко, составленная на имя Джаспера Веллакота. На старомъ бумажникѣ, въ которомъ лежали бумаги, тоже стояло имя: „Джасперъ Веллакотъ“. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ называть себя „Джаспером Веллакотомъ“. Онъ прошелъ пѣшкомъ весь далекій, утомительный путь и предъявилъ въ ближнемъ городѣ свои права на землю. Земля оказалась черная, сухая, ничего не родившая, подаренная словно въ насмѣшку. Новый владѣлецъ смиренно покорился своей участи.

Почти вся жизнь его до тѣхъ поръ проходила въ безнадежной борьбѣ съ неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Мать его, полумертвая, притащилась, невѣдомо откуда, въ лагерь рудокоповъ и умерла часъ спустя послѣ его рожденія. Одинъ изъ рудокоповъ и его жена приняли къ себѣ младенца и назвали его Джономъ Тэйлоромъ; не все ли равно было, какое имя дать найденышу? Десять лѣтъ онъ жилъ у нихъ, полуголымъ, вѣчно голоднымъ, вѣчно въ синякахъ; кончилось тѣмъ, что рудокопъ, въ припадкѣ бѣлой горячки, убилъ жену и вслѣдъ затѣмъ повѣсился самъ. Ребенокъ былъ брошенъ на произволъ судьбы... Затѣмъ настали хорошіе годы. Пожилой пасторъ и жена его, бездѣтные, сжалились надъ мальчикомъ и взяли его къ себѣ, не то какъ сына, не то въ услуженіе. Въ домѣ пастора онъ узналъ другую жизнь, болѣе культурную; добрый старикъ понемногу училъ его, воспитывалъ, наставлялъ въ религіи. Вмѣстѣ съ своими пріемными родителями онъ переѣхалъ изъ Австраліи въ маленькій городокъ въ Наталѣ, куда былъ переведенъ пасторъ, и тамъ до извѣстной степени увидѣлъ свѣтъ.

Завѣтною мечтою старика было, чтобы пріемышъ пошелъ по его стопамъ. Одно время и самъ мальчикъ мечталъ объ этомъ, имѣлъ видѣнія и воображалъ, что на него снизошла благодать. Затѣмъ явились сомнѣнія; вѣра стала остывать, видѣнія прекратились, и юноша понялъ, что не его призваніе—спасать чужія души. Но за эти годы онъ постигъ, сколько радости вноситъ въ жизнь сердечная простота, доброжелательство и любовь, и не забывалъ этого всю жизнь.

Затѣмъ настала другая пора: пришли утраты и горе. Сначала умерла его пріемная мать, а черезъ два года и старый пасторъ; малая толика денегъ, оставшаяся послѣ нихъ, досталась родственникамъ ихъ въ Англіи. Съ этихъ поръ неудачи, несчастья ходили по пятамъ за юношей. Онъ обошелъ всю Южную Африку; вернулся въ Австралію и ее исходилъ изъ конца въ конецъ, но за что бы онъ ни брался, ему ни въ чемъ не

везло. Порой судьба какъ будто улыбалась ему; но этого хватало, самое большее, на годъ, а затѣмъ наступалъ неизмѣнный и уже привычный конецъ — раззореніе. Снова и снова оставаясь безъ гроша, онъ пускался на поиски новой удачи. Онъ перепробовалъ все, чѣмъ бездомный бродяга въ новой странѣ можетъ хоть временно заработать себѣ кусокъ хлѣба: искалъ золота, ходилъ за овцами, пахалъ землю, нанимался въ услуженіе въ городахъ, а то и просто питался подаяніемъ, кочуя со станціи на станцію.

Такова была его жизнь до тридцати лѣтъ. Странное дѣло: онъ былъ лишенъ чутья типичныхъ колонистовъ, изворотливыхъ, умѣющихъ извлекать пользу изо всего, что попадется подъ руку. Онъ отъ природы былъ застѣнчивъ, слишкомъ довѣрчивъ, легко давался въ обманъ, не умѣлъ импонировать другимъ; но, наряду съ этимъ, въ немъ жила упорная воля, несокрушимая во всѣхъ превратностяхъ судьбы. До него дошли слухи о новыхъ поселкахъ въ дальней сторонѣ, гдѣ казна раздаетъ даромъ участки земли. И онъ отправился туда, безъ копейки денегъ, безъ друзей, питаясь впроголодь. По дорогѣ онъ встрѣтилъ попутчика, который заболѣлъ и умеръ. Изъ кармана умершаго онъ вынулъ бумагу, давшую ему несмѣтное богатство.

Въ ту ночь онъ молился, прося у Бога помощи и руководительства, какъ не молился уже много лѣтъ. Это богатство не принадлежитъ ему. Оно принадлежитъ наслѣдникамъ того, умершаго. Ему было жутко, что оно такъ велико. На разсвѣтѣ онъ разбудилъ Кодби, — жалкое существо, которое онъ пріютилъ и ходилъ за нимъ день и ночь, пока не выходилъ его отъ жестокой лихорадки — и въ первый разъ въ жизни открылъ другому человѣку свою душу. И этотъ маленькій человѣчекъ утѣшилъ его, примирилъ его съ его совѣстью и настоялъ на томъ, чтобы онъ мужественно взялъ на себя отвѣтственность, связанную съ внезапнымъ обогащеніемъ.

Съ этого часа Джасперъ Веллакотъ, подобно королю Мидасу, однимъ своимъ прикосновеніемъ все превращалъ въ золото. Постепенно сомнѣнія его умолкли, угрызенія совѣсти улеглись. Въ головѣ его роились планы колоссальныхъ спекуляцій. Мѣсяцы летѣли одинъ за другимъ съ головокружительной быстротой, какъ часы для игрока. Онъ былъ подавленъ неизсякаемымъ потокомъ золота, лившимся на него со всѣхъ сторонъ. Утратилъ сонъ, аппетитъ; утратилъ и совѣсть.

И вотъ, насталъ день, когда единый мигъ, сверкнувъ, какъ молнія, разомъ измѣнилъ всю его жизнь. Онъ и Кодби ѣхали изъ Аделаиды въ Брисбэнъ. Поѣздъ остановился на маленькой

станціи. Рядомъ стоялъ другой поѣздъ, отправлявшійся въ противоположную сторону. И въ вагонѣ напротивъ, рукой подать отъ Джаспера, въ рамкѣ окна виднѣлось лицо человѣка, котораго онъ, Джасперъ, покинулъ, считая его мертвымъ, въ заброшенной лѣсной хижинѣ. Ошибки быть не могло. Черты этого человѣка слишкомъ хорошо врѣзались въ его память. Достаточно было этого необычнаго круглаго шрама на щекѣ, чтобы разсѣять сомнѣнія. Человѣкъ этотъ сидѣлъ какъ сфинксъ и глядѣлъ не въ сторону, а прямо передъ собой. Джасперъ рванулся къ окну, хотѣлъ распахнуть его, пошатнулся и въ обморокѣ упалъ на руки Кодби. Оба поѣзда тронулись разомъ. И тотъ поѣздъ унесъ изъ его жизни человѣка, котораго онъ считалъ мертвымъ, но который былъ живъ.

Всѣ эти годы Джасперъ жилъ въ постоянномъ нервномъ возбужденіи. Этотъ ударъ добилъ его. Онъ долго хворалъ и всталъ съ постели другимъ человѣкомъ. Чужое богатство теперь давило его какъ проклятіе. И душа его возненавидѣла это богатство. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Джасперъ искалъ этого человѣка, не жалѣя денегъ и хлопотъ, но всѣ старанія его были безуспѣшны, и онъ, наконецъ, прекратилъ поиски. Почему этотъ человѣкъ не явился потребовать землю, которая была дана ему правительствомъ—это оставалось неразъясненной загадкой, ибо имя Джаспера Веллакота, милліонера, гремѣло по всему свѣту.

— Позвольте мнѣ переговорить съ нимъ одному,—умолялъ Кодби.—Я лучше вашего сговорюсь съ нимъ относительно условій соглашенія.

— Соглашенія? Какого? Здѣсь все принадлежитъ ему — до копейки. До того платья, которое надѣто на мнѣ и на васъ.

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ. Потомъ остановился передъ Кодби, глубоко засунувъ руки въ карманы; лицо у него было словно желѣзо, сморщившееся въ огнѣ.

— Приведите его сюда. Я не хочу откладывать этого свиданія.

— Ради Бога, подумайте о послѣдствіяхъ, Джасперъ.

— Дѣлайте, какъ я говорю. Вы можете остаться здѣсь, въ качествѣ свидѣтеля.

Кодби отперъ одинъ изъ ящиковъ, вынулъ оттуда револьверъ и сунулъ его въ карманъ.

— Никогда нельзя предвидѣть...—пробормоталъ онъ.

— Положите это назадъ, — строго сказалъ Джасперъ. И

видя, что Кодби колеблется, вдругъ разсердился.—Чортъ возьми! Дѣлайте же, какъ я говорю, Томъ!

Кодби повиновался.—Если бы при мнѣ былъ еще мой оселъ, мы были бы въ полномъ составѣ.

Это напоминаніе о безсмертномъ рыцарѣ печальнаго образа пропало для Джаспера: онъ не разслышалъ его. Перейдя черезъ комнату, онъ сталъ на коврикѣ у камина, прислонясь спиною къ каминной доскѣ. Сердце его колотилось до боли.

— Вотъ м-ръ Беркъ,—доложилъ Кодби, вводя неудачника. Онъ заперъ за собою дверь, оставилъ вошедшаго на порогѣ, а самъ занялъ мѣсто рядомъ съ Джасперомъ.

Джасперъ впился въ лицо вошедшаго своимъ зоркимъ, проницательнымъ взглядомъ, изъ-подъ нависшихъ бровей. Наступило молчаніе, тягостное, напряженное. Вошедшій выронилъ шапку, поднялъ ее и поглядывалъ своими слезящимися глазками то на одного, то на другого, но не говорилъ ни слова. Джасперу казалось, что онъ уже цѣлую вѣчность изучаетъ это лицо.—Да, это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ считалъ мертвымъ. Тотъ самый, котораго онъ ограбилъ. Тотъ самый, котораго онъ, два года спустя, увидѣлъ мелькомъ въ окнѣ вагона. То самое лицо, которое мерещилось ему во снѣ. Законный владѣлецъ всего его достоянія. Это былъ Джасперъ Веллакотъ, двоюродный братъ лэди Алиціи — это убогое, жалкое существо, дошедшее до послѣдней степени униженія! У него были на рѣдкость маленькія руки. Джасперъ припоминалъ, что онъ замѣтилъ это, когда складывалъ эти руки на груди умершаго. Теперь онѣ дрожали. И самъ обладатель ихъ ёжился подъ взглядомъ Джаспера.

— Такъ, хорошо!—выговорилъ, наконецъ, Джасперъ, и голосъ его показался ему самому далекимъ и беззвучнымъ. — Теперь скажите, что вамъ угодно?

— Меня послалъ тотъ джентльменъ въ Санъ-Франциско. Вотъ его письмецо къ вамъ, сэръ. Онъ говорилъ, что вы можете оказать мнѣ кое-какую помощь. Я вотъ ужъ съ годъ никакъ не могу выбиться... все не везетъ....

— И это все, что вамъ нужно?—спросилъ Джасперъ, тѣмъ же голосомъ.

— Мнѣ нужно только, чтобы мнѣ помогли стать на ноги, сэръ,—былъ смиренный отвѣтъ.

Джасперъ даже ротъ разинулъ, и суровый взоръ его выразилъ недоумѣніе. Неужто этотъ человѣкъ не узнаетъ его? Это было невѣроятно. А между тѣмъ, ни по лицу, ни по голосу, ни по рѣчамъ этого человѣка не замѣтно было, чтобъ онъ узналъ его.

— Мнѣ было дано понять, что если я вамъ представлю это письмецо, вы, можетъ быть, найдете мнѣ занятіе,—пояснилъ онъ.

— Да, совершенно вѣрно, совершенно вѣрно, — растерянно подтвердилъ Джасперъ.

Кодби глубоко перевелъ духъ и плотнѣе вставилъ въ глазъ монокль. Какъ только положеніе выяснилось для него, онъ сразу вошелъ въ свою роль секретаря, быстро подошелъ къ просителю и дѣловито взялъ у него изъ рукъ бумагу.

— Ахъ, это отъ м-ра Келли. Да, да — все какъ слѣдуетъ быть. Это ваше настоящее имя: Беркъ?—спросилъ онъ, какъ бы вскользь.

— Точно такъ, сэръ. Это мое имя. Генри Беркъ.

— И вы никогда не назывались иначе?

— Нѣтъ—сколько помню, нѣтъ.

— Присядьте и раскажите м-ру Веллакоту свою исторію,— уже совсѣмъ весело пригласилъ Кодби, пододвигая просителю стулъ. Тотъ сѣлъ. Тогда Кодби увелъ Джаспера на противоположный конецъ комнаты.

— Слава Богу, вамъ померещилась эта нелѣпость, — шепнулъ онъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Джасперъ, напрасно пытаясь овладѣть собой.—Это онъ самый. Чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ больше убѣждаюсь въ этомъ. У него должно быть сердце, вытатуированное на лѣвой рукѣ, пониже локтя. Спросите его.

Кодби подошелъ къ столу, взялъ какія-то бумаги, пробѣжалъ ихъ.

— Да, — выговорилъ онъ. — Повидимому, все въ порядкѣ. Примѣты какъ будто совпадаютъ. Надо, однако, провѣрить. Вы ужъ извините, м-ръ Беркъ. Бывали случаи, что люди присвоивали себѣ чужія имена. А это вѣдь нехорошо—не правда ли?

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ испытуемаго подъ пристальными взорами двухъ жадныхъ паръ глазъ.

— Я—тотъ самый, о комъ онъ вамъ пишетъ, сэръ,—сказалъ Беркъ.

— М-ръ Келли тутъ что-то упоминаетъ объ особыхъ примѣтахъ, о татуировкѣ,—безсовѣстно солгалъ Кодби.

— У меня только одно это, сэръ,—просто сказалъ проситель, засучивая лѣвый рукавъ.

На рукѣ, пониже локтя, было татуированное сердце, какъ помнилъ Джасперъ.

— Теперь это внѣ всякихъ сомнѣній, Кодби,—медленно вы-

говорилъ Джасперъ. И снова зоркимъ взглядомъ впился въ лицо Берка.

— Вы никогда не встрѣчали меня раньше—въ Австраліи?

— Нѣтъ, не припомню, сэръ.

— Вы были больны, десять лѣтъ назадъ—тяжело больны—въ лѣсу, по дорогѣ въ Торовото...

Беркъ вскочилъ со стула.

— Ради самого Бога!—откуда вамъ это извѣстно?

Кодби опять склонилъ головку набокъ. — Ага! Это не совсѣмъ вяжется съ той исторіей, которую вы разсказали м-ру Келли. А что до того, откуда намъ это извѣстно, — такое ужъ дѣло у м-ра Веллакота, что онъ обязанъ все знать. Рѣдко бываетъ, чтобъ мы чего-нибудь не знали.

„Здѣсь, при дворѣ, не скроешь ничего.
„Вездѣ глаза, и языки, и уши..."

— У васъ что—память отшибло?—спросилъ Джасперъ.

Беркъ избѣгалъ смотрѣть ему въ глаза. Онъ безпокойно ёрзалъ на стулѣ. Сталъ вдругъ угрюмый и озлобленный.

— Многаго я не помню; многаго не хочу помнить... Да, у меня, должно быть, отшибло память.

— Послѣ той болѣзни въ лѣсу?

— Должно быть, что такъ,—буркнулъ Беркъ.

— Зачѣмъ же сердиться?—сказалъ Кодби.

— Что же вы, въ самомъ дѣлѣ, учиняете мнѣ какой-то перекрестный допросъ о моей прошлой жизни! Еслибъ я жилъ, какъ учатъ въ прописяхъ, я не спустился бы до этого. Къ жизни бродяги, вообще, не слѣдуетъ приглядываться слишкомъ внимательно.—Онъ теперь смотрѣлъ прямо въ лицо Джасперу, и тому почудилось въ его глазахъ что-то неуловимое, насмѣшливое.—Вы сами, сэръ, чуточку отвѣдали этой жизни—такъ, значитъ, должны знать.

— Никакому допросу мы васъ не подвергаемъ. Говорите о себѣ только то, что вы сами хотите сказать.

— Да что же говорить-то? И такъ видно: пропащій я человѣкъ. Тяжелую работу не могу исполнять. Здоровье плохое. Еслибъ вы помогли бѣдному человѣку заработать себѣ на пропитаніе, я бы вамъ сказалъ: спасибо.

— У васъ почеркъ хорошій?

— Да. Когда-то я былъ конторщикомъ. Я много чѣмъ перебывалъ.

Джасперъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы. Платье на немъ

было потертое и грязное, пальцы дрожали; цвѣтъ кожи былъ нездоровый. Онъ вынулъ изъ бумажника четыре ассигнаціи и протянулъ ихъ Беркy.

— Подите и купите себѣ болѣе приличное платье. И когда одѣнетесь, приходите опять ко мнѣ. Мнѣ самому можетъ понадобиться конторщикъ.

Беркъ посмотрѣлъ на него страннымъ взглядомъ, въ которомъ профессіональная признательность бродяги смѣшивалась съ угрюмой подозрительностью. И пробормоталъ что-то о своей благодарности. Кодби легонечко выставилъ его за дверь и проводилъ по корридору.

— Платье купите, пожалуйста, приличное,—пояснилъ онъ.— Не яркое, не въ клѣтку, безъ кричащихъ галстуховъ и тому подобное.

— Я знаю, какъ полагается одѣваться джентльмену. Отлично знаю,—завѣрилъ Беркъ.

Кодби вернулся въ библіотеку. У Джаспера лицо было совершенно растерянное.

— Вы все еще сомнѣваетесь?—спросилъ онъ.

Маленькій человѣчекъ плюхнулся въ кресло. Его развязность и спокойствіе, которое онъ выказывалъ во время разговора съ Беркомъ, вдругъ исчезли: лицо выражало волненіе и озабоченность.

— Да,—выговорилъ онъ, почесывая коротко остриженную, сѣдѣющую голову.—Да, вы правы. Это онъ и есть.

— Онъ узналъ меня,—сказалъ Джасперъ.

— Нѣтъ, не узналъ.

— Это игра, притворство. Не понимаю только: зачѣмъ.

— Нѣтъ, Джасперъ, нѣтъ. У него, дѣйствительно, отшибло память. Отъ болѣзни и отъ пьянства. Это въ самомъ дѣлѣ конченный человѣкъ. Онъ никуда ужъ больше не годится. Развѣ у него хватило бы силы воли разыгрывать такую комедію?

— Что же изъ этого? Потеря памяти не лишаетъ его правъ. Какъ бы то ни было, я долженъ возстановить его въ его правахъ и дать ему отчетъ о томъ, что я сдѣлалъ съ его достояніемъ. Послушайте. Неужели же вы не понимаете, что я долженъ это сдѣлать?

— Отдать ему все, Джасперъ?

— Ну, да. Все. Вѣдь это же все его. Всѣ эти десять лѣтъ я былъ воромъ, противъ моей воли. Все принадлежитъ этому человѣку. Онъ долженъ получить свое.

— А вправѣ ли вы располагать этимъ?

— То есть, какъ? Что вы хотите сказать?

— Вы не одинъ заинтересованы въ томъ, куда пойдутъ деньги.

— Я одинъ.

— Извините. То, что вы лично въ этомъ заинтересованы — это наименѣе важно. Есть и другіе. Тысячи людей ѣдятъ вашъ хлѣбъ. Счастье тысячъ людей — въ вашихъ рукахъ.

— Господи! — вырвалось у Джаспера, когда эта страшная правда предстала передъ нимъ во всей своей наготѣ.

— Вы узурпировали царство, мой дорогой, мой горячо любимый царь, герой и другъ! — съ глубокой серьезностью и съ глубокимъ волненіемъ продолжалъ Кодби.—И взвалили себѣ на плечи всю отвѣтственность, связанную съ царской властью. Немало коронованныхъ монарховъ менѣе могущественны, чѣмъ вы. Счастье вашихъ подданныхъ, благосостояніе невѣдомыхъ вамъ тысячъ людей, которые зависятъ отъ мановенія вашей руки, желѣзными цѣпями приковываетъ васъ къ вашему трону. Вы не имѣете *права* отречься отъ престола въ пользу спившагося бродяги, какъ бы ни были законны его притязанія—ибо тогда въ вашемъ царствѣ водворился бы хаосъ, и тѣ, кто благоденствуетъ теперь, были бы ввержены въ нищету. На это вы не имѣете права. Себя самого и всѣ свои права вы отдали на службу своему царству, и оно требуетъ отъ васъ вѣрной службы.

— Боже мой!—воскликнулъ Джасперъ.

Онъ стиснулъ голову обѣими руками. Мозгъ его горѣлъ при мысли объ отвѣтственности, которую взвалило на него это богатство.

VIII.

— Говорю вамъ, Bon Ami, что вы дѣлаете глупости.

— А я вамъ говорю, Витторія, что вы красавица.

Вотъ о чемъ шла рѣчь между поэтомъ и прекрасной конторщицей въ то время, какъ Джасперъ проходилъ мимо отеля Бомбони. Какъ видите, разговоръ былъ поучительный и необычайно новый.

— Я знаю, что я ничего себѣ, можетъ-быть даже хорошенькая,—согласилась она, лѣниво поглядѣвшись въ засиженное мухами зеркало, висѣвшее позади конторки, и поправивъ гребень въ волосахъ, такъ что онъ на одну милліонную дюйма придвинулся ближе къ центру.—Но красавица! Это слишкомъ громко сказано.

— Моя профессія обязываетъ меня относиться добросовѣстно къ англійскому языку,—возразилъ Бонни. — И говоря, что вы красавица, я только добросовѣстно констатирую фактъ.

— Теперь слишкомъ жарко, чтобы ссориться. Допустимъ даже, что такъ. Что же изъ этого?

— Ничего. Красота есть вещь самодовлѣющая.

— Такъ что вамъ все равно, будь я глупа, какъ сова, и зла, какъ кошка, лишь бы я была красива. Я ненавижу васъ, м-ръ Бонами Тредгольдъ.

Она выпрямилась, съ очаровательнымъ видомъ оскорбленнаго достоинства.

— Мнѣ, собственно, слѣдовало бы пойти домой, переодѣться и поѣхать въ гости,—замѣтилъ молодой человѣкъ, повидимому совершенно некстати.

— Почему же вы не идете?

— Ubi bene, ibi patria. Это, знаете, по-латыни.

— Спасибо, что сказали. А то бы я, чего добраго, подумала, что это по-японски. Если не ошибаюсь, это значитъ: „Гдѣ мнѣ хорошо, тамъ и мое отечество“,—что, по моему, очень... какъ это называется, когда человѣкъ говоритъ гадости про собственную мать, только ради того, чтобъ показать, какой онъ умный?

— Цинично?—подсказалъ Бонни.

— Да. Цинично. По моему, это страшно цинично. Родина человѣка—его родная страна.

— Объ этомъ я не стану съ вами спорить. Но пословицу эту я перевожу иначе: „Рай—это то мѣсто, гдѣ мы въ данный моментъ чувствуемъ себя счастливыми“. Поэтому-то я и не ѣду въ гости. А еслибы вы были глупы, какъ сова, и злы, какъ кошка, я не чувствовалъ бы себя счастливымъ, и отель Бомбони не казался бы мнѣ раемъ. Я всегда разсуждаю логически, Витторія.

— А я вамъ повторяю, что вы говорите глупости, Bon Ami!—сказала она уже мягче, снова наклоняясь надъ прилавкомъ и опираясь подбородкомъ на ладонь руки. Юноша смотрѣлъ ей прямо въ глаза. Они были темные и глубокіе, какъ колодезь, и тамъ, на днѣ, въ нихъ дремало что-то горячее и загадочное. Они улыбались, звали, дразнили, насмѣхались. Длинныя, мягкія рѣсницы, затѣнявшія ихъ, еще прибавляли имъ сонной глубины. Никогда еще ему не доводилось глядѣть въ такіе глаза: на нихъ можно было заглядѣться до потери сознанія. А онъ былъ молодъ, онъ былъ поэтъ, и многое окружалъ орео-

ломъ, который былъ лишь отраженіемъ его собственной души. Оттого-то поэтамъ и живется такъ трудно въ этомъ мірѣ. Поэтъ все время видитъ видѣнія—видитъ золотыя врата, ведущія въ страну очарованій, и, устремляясь въ эти ворота, разбиваетъ себѣ голову о гранитную стѣну. А все-таки хорошо видѣть видѣнія, хоть это и „великій даръ, несущій скорбь".

Кромѣ того, у Витторіи были полныя румяныя губы, нѣжный лобъ и очаровательный овалъ лица, и сквозь ея смуглую кожу просвѣчивалъ горячій румянецъ здоровья. А ручки у нея были крохотныя и тщательно выхоленныя, съ розовыми ладонями. Когда Бонни касался ихъ, ему казалось, что онъ касается розовыхъ лепестковъ.

Молодой человѣкъ, не сводя съ нея глазъ, покачалъ головой.

— И зачѣмъ вы нарядились въ это черное платье? Зачѣмъ разыгрываете комедію? Вѣдь вы убѣжали, выскочили изъ той рамы, въ которую васъ вставилъ Андреа дель Сарто, послѣ того, какъ онъ написалъ васъ.

— „Живописецъ, не знавшій ошибокъ" — задумчиво прошептала она.

— Послушайте, какимъ образомъ... откуда вы это знаете?— Онъ былъ удивленъ безмѣрно.

— Откуда я это знаю? — переспросила она, гордо выпрямляясь.

— Да вѣдь это классическій эпитетъ для дель-Сарто, senza errore.

— Accidente! — воскликнула дѣвушка, и въ глазахъ ея загорѣлся мрачный огонь.—А вы что же думали—что только вы одинъ имѣете право что-нибудь знать? И тѣ люди, которые составляютъ вашъ кругъ знакомыхъ? Еслибы одна изъ дѣвушекъ тамъ, въ томъ домѣ, куда вы хотѣли ѣхать на вечеръ, привела эти слова, развѣ вы спросили бы ее, откуда она это знаетъ? Говорите же!—она топнула ногой.

— Нѣтъ,—сконфуженно признался Бонни:—не спросилъ бы.

— А вотъ меня, Витторію Антонелли, вы спрашиваете, потому что я дѣвушка низкаго званія, полу-образованная, не то англичанка, не то итальянка, хорошенькая барышня за прилавкомъ въ убогонькомъ ресторанчикѣ. Пять минутъ тому назадъ вы сочли долгомъ сообщить мнѣ, что цитата ваша была латинская; и это уже не въ первый разъ, но до сихъ поръ я молчала. Больше я не стану молчать и не позволю вамъ такъ относиться ко мнѣ. Это возмутительно! Недавно здѣсь былъ вашъ пріятель. Такъ онъ даже тому удивился, что я читала

Библію. Да почему же мнѣ не читать Библіи и книгъ, которыя читаютъ дѣвушки вашего круга? Почему не имѣть даже тѣхъ клочковъ знаній, которыя онѣ имѣютъ?

Юная богиня положительно сердилась. Слова вылетали у нея съ необычайной быстротой, и она сопровождала ихъ жестами, чисто по-неаполитански вскидывая руки и поворачиваясь всѣмъ своимъ гибкимъ станомъ. Несмотря на искреннее свое огорченіе, Бонни въ глубинѣ души готовъ былъ радоваться, что разсердилъ ее, такъ она была великолѣпна въ своемъ гнѣвѣ. Одна грубая, бранчивая нотка внесла бы вульгарность и нарушила бы очарованіе. Но этой бранчивой нотки не было. Хотя Витторія и способна была, при случаѣ, выругать отца или Джузеппе на ихъ общемъ родномъ діалектѣ, но тутъ—потому ли, что она была тактична, или инстинктивно — она съумѣла удержать свое негодованіе въ болѣе высокой плоскости. Бонни былъ пристыженъ и молчалъ, хоть и восхищался ею. Безспорно, дѣвушка была права. И сознаніе своей неправоты уязвило въ немъ джентльмена. Онъ, Бонами Тредгольдъ, совершилъ непростительный поступокъ и былъ невѣжливъ съ женщиной, притомъ стоящей ниже его по общественному положенію—и за это получилъ подобающій отпоръ изъ ея устъ.

— Да, я нахожу это возмутительнымъ съ вашей стороны!— закончила она, выразительно тряхнувъ красивою головкой.

Бонни всталъ и отвѣсилъ ей почтительный придворный поклонъ, словно какой-нибудь принцессѣ.

— Приношу вамъ искреннія свои извиненія, Витторія, и смиренно прошу у васъ прощенія, — выговорилъ онъ. Затѣмъ выпрямился и посмотрѣлъ ей въ глаза своимъ открытымъ, смѣлымъ взглядомъ. Почтительность его поклона, оттѣнокъ аристократизма въ извиненіи, были замѣчены и оцѣнены дѣвушкой. Она тотчасъ смягчилась.

— И вы простите меня за то, что я вспылила, Bon Ami. Это потому, что во мнѣ итальянская кровь. Еслибъ вы засмѣялись, я способна была бы пырнуть васъ ножомъ.

— Во всякомъ случаѣ, это было бы по заслугамъ. Я непростительно обидѣлъ васъ.

— Но вы тоже должны простить меня, Bon Ami! — повторила она, протягивая ему обѣ руки черезъ прилавокъ и какъ-то робко склоняясь къ нему. И руки ихъ соединились надъ прилавкомъ.

— Боюсь, что вы никогда ужъ больше не будете находить меня похожей на Мадонну кисти безукоризненнаго мастера,—

говорила Витторія, по-женски карая себя за свою вину выведеніемъ на свѣтъ истинной и втайнѣ ненавидимой ея причины.

— Вы сейчасъ больше, чѣмъ когда-либо похожи на Мадонну!—горячо воскликнулъ Бонни:—въ вашихъ глазахъ такой мягкій свѣтъ, такое всепрощеніе.

Дѣвушка обрадовалась, и въ то же время мягкій свѣтъ погасъ въ ея глазахъ, подернувшихся влагой слезъ.

— Я хочу, чтобъ вы не думали обо мнѣ дурно, Bon Ami. Вы такъ непохожи на всѣхъ остальныхъ и настолько выше меня.

Оскорбленная молодая Юнона, преобразившаяся въ Мадонну, теперь, въ слезахъ, походила на маленькую плачущую дѣвочку, робко молящую — вся смиреніе и покорность. Ошеломленный этими быстрыми перемѣнами настроенія, юный поэтъ выразилъ свои чувства восторженно-смятенною рѣчью. Что именно онъ говорилъ — это не важно, но обмѣнъ чувствъ имѣлъ результатомъ полное взаимное пониманіе и удовлетвореніе.

Витторія нечаянно взглянула на швейцарскіе часики, тикавшіе на одной изъ полокъ за прилавкомъ, и вдругъ всполошилась.

— Ужъ поздно!

Онъ началъ увѣрять, что вовсе не поздно. Потомъ у него мелькнула блестящая мысль. Почему они никогда не разговариваютъ иначе, какъ черезъ этотъ отвратительный прилавокъ? Почему бы ей не погулять съ нимъ хоть полчасика, не прокатиться на имперіалѣ омнибуса? На улицѣ такъ хорошо, прохладно, и луна свѣтитъ, и звѣзды... Онъ настаивалъ, она колебалась.

— Ну, поѣдемте,—упрашивалъ онъ,—а то мнѣ все будетъ казаться, что вы еще не совсѣмъ меня простили.

Этотъ почтенный доводъ подѣйствовалъ, какъ онъ дѣйствуетъ всегда. Витторія уступила, сбѣгала въ заднюю гостиную, сказать дядюшкѣ Антонелли, чтобъ онъ перетащилъ самого себя, свою грязную сорочку, своего пріятеля и домино за конторку, и вскорѣ появилась снова, на ходу прикалывая къ волосамъ хорошенькую черную матросскую шапочку. Нѣсколько минутъ спустя они уже сидѣли рядомъ на переднемъ сидѣньѣ омнибуса, направлявшагося въ Гаммерсмитъ. Бонни говорилъ о вѣчномъ спокойствіи звѣздъ надъ ними и о вѣчно стремящейся и сверкающей жизни внизу, о женщинахъ и винѣ, объ отелѣ Бомбони; сыпалъ легендами изъ своего неисчерпаемаго запаса и тутъ же рядомъ объяснялъ, какъ надо лечить опоенную ло-

шадь. Витторія уже привыкла къ его особенной манерѣ вести разговоръ и, какъ женщина, умѣла быстрѣе слѣдить за его мыслью, чѣмъ Джасперъ, нерѣдко дивившійся этимъ неожиданнымъ скачкамъ. Порой она настаивала на томъ, чтобы имѣть свою долю участія въ діалогѣ, но сегодня, присмирѣвшая, довольствовалась тѣмъ, что отъ времени до времени высказывала сужденіе, или вставляла словечко, дававшее новое направленіе его мысли.

Въ общемъ, эта прогулка была ей очень пріятна. Но она страшно проголодалась. Своими разговорами онъ задержалъ ее въ ресторанѣ, когда ей давно пора было идти ужинать. И теперь она невольно спрашивала себя: сознаетъ ли онъ, что она ушла гулять безъ ужина только потому, что онъ просилъ ее? Очевидно, нѣтъ. Мужчина никогда не вспомнитъ о такихъ пустякахъ, какъ голодна женщина, или сыта. Но Витторіи это скорѣе нравилось. И, слушая его съ радостной улыбкой, она въ то же время воображала себѣ, какъ она, прощаясь съ нимъ, признается ему, что она все время ощущала пустоту въ желудкѣ, а онъ изумленно воскликнетъ: „Вотъ тебѣ на! Почему же вы мнѣ не сказали?!“—И, разумѣется, не въ состояніи будетъ отгадать причину. И она знала, что лучше будетъ поститься до утра, но ни за что не скажетъ ему. Маленькое подвижничество (и связанное съ нимъ сознаніе своего нравственнаго превосходства) было такъ сладко. Это чуть ли не единственное, чѣмъ можно объяснить цѣлую категорію загадочныхъ женскихъ поступковъ.

Мѣняя омнибусы и часть пути идя пѣшкомъ, они совершили полный кругъ: Шефтсбери-авеню, Пиккадилли, Паркъ-Лэнъ, Оксфордъ-стритъ и Чэрингъ-Кроссъ-Родъ. Когда они вернулись къ отелю Бомбони, у дверей сидѣлъ Джузеппе. Ресторанъ давно уже пора было закрывать, такъ какъ онъ былъ не изъ тѣхъ, куда ходятъ ужинать послѣ театра. Они простились, обмѣнявшись церемоннымъ рукопожатіемъ. Бонни приподнялъ шляпу и отошелъ. Но не успѣлъ онъ отойти и на дюжину шаговъ, какъ Джузеппе что-то сказалъ Витторіи по-итальянски и, какъ показалось молодому человѣку, дерзкимъ тономъ. Кровь бросилась ему въ лицо; онъ быстро повернулся, схватился за палку, хотѣлъ броситься назадъ. Но оба уже вошли въ домъ; дверь за ними захлопнулась, и въ глухомъ переулкѣ сразу стало тихо и темно. Бонни постоялъ немного и засмѣялся своей явной ошибкѣ: ибо изъ всѣхъ негодяевъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на этомъ свѣтѣ, Джузеппе былъ наиболѣе раболѣпенъ съ высшими себя.

И пока Витторія съ Джузеппе объяснялись наединѣ при закрытыхъ дверяхъ на отборномъ неаполитанскомъ нарѣчіи, Бонни легкой поступью и съ легкимъ сердцемъ, какъ и подобаетъ въ двадцать три года, шелъ домой. Голова его была полна его Мадонной, сошедшей съ картины Андреа дель Сарто. А дома онъ сидѣлъ до половины третьяго, записывая и отполировывая маленькую поэму о темныхъ безднахъ и блестящихъ тайнахъ очей Витторіи. И остался такъ доволенъ ею, что переписалъ ее начисто и отправилъ прямо въ „Еженедѣльникъ", имѣвшій честь печатать большую часть плодовъ мимолетныхъ вдохновеній м-ра Бонами Тредгольда. А затѣмъ легъ спать и проспалъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ юности до десяти часовъ утра.

Это стихотвореніе было первымъ изъ цѣлаго ряда другихъ, напечатанныхъ впослѣдствіи подъ общимъ заглавіемъ: „Carmina Amoris". Впрочемъ, говорить объ этомъ сборникѣ значитъ упреждать событія. Пока достаточно будетъ сказать, что маленькія любовныя поэмы, появлявшіяся въ „Еженедѣльникѣ", обратили на себя вниманіе многихъ и содѣйствовали извѣстности Бонни. А извѣстность, если не болѣе существенное, онъ уже и раньше успѣлъ пріобрѣсти. Его томикъ стихотвореній полтора года тому назадъ упалъ какъ дождь на засохшую землю. Старые поэты ушли. Они провозглашали вѣчныя истины, но провозглашали ихъ сквозь призму упованій своей эпохи. Новое поколѣніе не находило голоса, который бы выразилъ его упованія, его стремленія. Были люди, по праву считавшіеся поэтами, съ изящной фантазіей, съ пророческимъ даромъ ясновидѣнія, съ классическимъ спокойствіемъ и символическими откровеніями, трубнымъ звукомъ вѣщавшіе Англіи. Но этого было мало. Въ человѣческой душѣ живетъ жажда здороваго волшебства музыки, которая умѣетъ объединять всю сложность, всѣ противорѣчія жизни въ гармоніи стихійнаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Великіе голоса умолкли навсегда, и люди искали утѣшенія у менѣе великихъ. И когда появился этотъ юноша, съ своей безпечной, страстной и мятежной пѣсней, вырвавшейся прямо изъ души, люди, истомленные жаждой, долго глядѣвшіе съ упованіемъ на скупое небо, встрѣтили его съ сердечной благодарностью и радостными предсказаніями.

Успѣхъ дѣйствовалъ на Бонни почти такъ же, какъ въ дни ранней юности, когда онъ послѣ крикетнаго матча шествовалъ побѣдителемъ въ павильонъ, гдѣ раздавали награды, привѣтствуемый радостными кликами своихъ партнеровъ. Весело выигрывать въ крикетъ, весело писать стихи; весело, когда ваше искус-

ство оцѣнено. Но успѣхъ не кружилъ ему голову. Для этого онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ здоровъ, слишкомъ въ немъ много было мальчишескаго. Для него было гораздо важнѣе обезпечить себѣ кусокъ хлѣба; а онъ и теперь не былъ увѣренъ, что этотъ кусокъ ему обезпеченъ.

Онъ привыкъ тратить деньги, не считая. Дома, въ Корнуэльсѣ, у него были прежде и верховыя лошади, и парки для стрѣльбы, и лакей, помогавшій ему натягивать брюки. Все это сразу исчезло въ самомъ началѣ третьяго года ученья въ Кембриджѣ, когда отецъ его скоропостижно скончался, безнадежно запутавъ свои денежныя дѣла и оставивъ Бонни съ тридцатью фунтами въ годъ и однимъ лишь талантомъ — писать красивые стихи. Онъ переселился въ Лондонъ, слишкомъ гордый, чтобы принять помощь или покровительство друзей, и началъ писать, кое-какъ перебиваясь, борясь съ ужасающей нищетой. Одно время онъ жилъ на окраинѣ города, въ мансардѣ, и питался главнымъ образомъ рыбой, которую покупалъ жареной, на два пенни въ день. Только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, онъ позволялъ себѣ оргію—мясо, которое покупалъ задешево, на распродажѣ послѣ закрытія магазиновъ, поздно вечеромъ въ субботу, на Фаррингтонъ-стритѣ, и жарилъ, по рецепту изобрѣтенному имъ самимъ, на занятой у хозяйки сковородѣ и на ея же плитѣ. Въ двадцать лѣтъ можно такъ жить и даже находить въ этомъ удовольствіе, если только васъ не слишкомъ донимаютъ голодъ и холодъ. Все зависитъ отъ того, есть вамъ на что надѣяться, или уже не на что.

Наконецъ, ему удалось найти сколько-нибудь регулярную работу въ мѣстной газеткѣ, выходившей въ предмѣстьѣ; потомъ два его стихотворенія проскользнули въ одну изъ вечернихъ лондонскихъ газетъ. Бонни нанесъ визитъ редактору, и тотъ согласился на еженедѣльное сотрудничество. Постепенно работы прибавлялось; юноша переѣхалъ на Грэтъ-Горамъ-стритъ и сталъ лучше питаться. Обыкновенно онъ сводилъ концы съ концами, но иной разъ это и не удавалось. Хотя отъ природы и расточительный, Бонни былъ необычайно щекотливъ, когда дѣло шло о займахъ. Быть можетъ, его отвращеніе къ долгамъ было реакціей противъ безцеремонности его отца, занимавшаго направо и налѣво. Онъ предпочиталъ терпѣть лишенія, только бы не брать взаймы. Когда у него не было денегъ на обѣдъ, онъ просто обходился безъ обѣда—какъ это было въ день его первой встрѣчи съ Джаспером. Но это былъ и послѣдній день его поста; съ тѣхъ поръ получки стали регулярнѣе, и Бонни могъ даже по-

зволить себѣ большое удовольствіе—пріобрѣсти пару лакированныхъ сапогъ для вечеровъ.

Такимъ образомъ юный поэтъ, „богатый славой своего восходящаго солнца“, велъ завидное, но совершенно необезпеченное существованіе. Многіе литературные дома въ Лондонѣ гостепріимно раскрыли передъ нимъ свои двери. Не одна женщина вздыхала по немъ и бережно прятала его записочки въ отвѣтъ на приглашенія. Лэди Алиція, пользуясь привилегіями кузины, баловала его, какъ только могла. Но женская лесть и женскія улыбки не испортили Бонни, и юный варваръ, сидѣвшій въ немъ, инстинктивно искалъ себѣ пары въ отелѣ Бомбони, гдѣ царила Витторія, въ полномъ расцвѣтѣ своей прелести и красоты. Этотъ-то блескъ, и яркость, и полнота жизни и приковали его. Его натура требовала отъ жизни красокъ, и силы, и радости. Въ изящной бѣлокурой женщинѣ его круга было слишкомъ мало кипучести вина, бьющаго въ голову и вдохновляющаго. Въ Витторіи, казалось ему, соединилось все, чего мы ищемъ въ женщинѣ: горячая, радостная красота формъ и линій; поражающая измѣнчивость настроеній; живой умъ, быстро схватывающій и запоминающій. Она была непокорна по природѣ, зато, когда она покорялась, это было невыразимо сладко. Она сулила ему полное осуществленіе его грезъ и стремленій. Блескъ ея красоты слѣпилъ ему глаза, заставляя забывать объ ея несовершенствахъ. Да и несовершенства эти, поскольку она не умѣла ихъ скрывать, были не такъ ужъ многочисленны и не такъ крупны. Красивый итальянскій акцентъ покрывалъ прорывавшіяся иногда вульгарныя простонародныя словечки и только придавалъ особенное обаяніе ея рѣчамъ. Въ ея движеніяхъ была врожденная кошачья грація. Женское чутье и инстинктъ приспособляемости замѣняли ей недостатокъ воспитанія и выручали въ трудныя минуты, избавляя отъ слишкомъ грубыхъ промаховъ. Когда она бывала съ Бонни, она все время жила, словно опутанная сѣтью нащупывающихъ и чуткихъ маленькихъ женскихъ инстинктовъ. Все некрасивое въ своей жизни она, съ женской способностью къ отвлеченіямъ, умѣла отодвигать на второй планъ.

Прогулка въ омнибусѣ была первою изъ многихъ. Гораздо пріятнѣе было бродить по тихимъ скверамъ Блумсбери или по Риджентъ-парку, чѣмъ въ душный лѣтній вечеръ сидѣть въ прокуренномъ насквозь ресторанчикѣ, въ рѣзкомъ свѣтѣ газовыхъ рожковъ и подъ наблюденіемъ вульгарныхъ посѣтителей. На улицѣ

свободнѣе было разговаривать; можно было забыть о ненавистномъ, раздѣляющемъ ихъ прилавкѣ. Однажды, въ воскресенье, они провели цѣлый день вмѣстѣ, въ Эппингскомъ лѣсу. Это было восхитительно. Откуда же ему было знать, какъ унизительно и обидно приходилось ей расплачиваться за эти прогулки? Онъ видѣлъ ее всегда сіяющей и жизнерадостной, какъ и самъ онъ, какъ зеленые дубы, раскинувшіе свои вершины надъ ихъ головами.

Витторія сняла шляпу и улеглась на траву, положивъ голову на корень дерева. Бонни сидѣлъ возлѣ нея, обхвативъ руками колѣни, съ папироской въ зубахъ. Она смотрѣла вверхъ, сквозь листья, и что-то бормотала про себя. Потомъ быстро скользнула по немъ взглядомъ.

— Хотѣла бы я знать, напишетъ ли кто когда-нибудь такіе стихи обо мнѣ...

— Какіе стихи?

Она подвинулась, нагнулась впередъ и начала, сперва робко, потомъ все увѣреннѣе, горячо, красиво, подчеркивая смыслъ и значеніе каждаго слова, великолѣпно оттѣняя и мысль, и ритмъ стиха, читать его собственные стихи, появившіеся въ „Еженедѣльникѣ“ всего только наканунѣ. Южный акцентъ, низкій бархатный голосъ, страсть, звучавшая въ этомъ голосѣ, сдѣлали маленькое стихотвореньице неузнаваемымъ для автора. Бонни сидѣлъ съ раскрытымъ ртомъ.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, падая на колѣни.—Какой музыкой оно звучитъ въ вашихъ устахъ! Я понятія не имѣлъ, что это такъ красиво. Я и не зналъ, что вы читаете эти мои вещицы. Вы никогда не говорили мнѣ. Можетъ быть, вы помните еще что-нибудь?

Она прочла еще одно стихотвореніе. Бонни слушалъ на колѣняхъ, замирая отъ восторга.

— Мнѣ и во снѣ не снилось, что это можетъ такъ звучать!—повторялъ онъ.—Вы какъ будто облекли скелетъ живой, горячею плотью и кровью, вдохнули въ него дыханіе жизни и страсти.

Она улыбнулась и покачала головой, глядя ему въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— А я говорю: да! да!

— А я говорю: нѣтъ! Къ чему спорить, Bon Ami? Стихи сами по себѣ прекрасны. Они волнуютъ меня, заставляютъ столько перечувствовать. Я не умѣю объяснить всего этого—должно быть,

я недостаточно умна. Когда я читаю ихъ, мнѣ хочется, чтобъ это было написано обо мнѣ.

— Но, чортъ побери! — воскликнулъ Бонни, вскакивая на ноги и сдвигая свою соломенную шляпу на затылокъ: — вѣдь это же про васъ и писано. Каждое слово, каждая мысль были о васъ. Тамъ все ваше: ваши ножки, ваши волосы, ваши глаза, грудь, сердце, душа — вы вся цѣликомъ!

Она вдругъ поблѣднѣла, какъ полотно, и прижала руку къ груди.

— Вы говорите: это обо мнѣ?

— Ну, да, о васъ.

— Я думала... я думала, что это такъ, ни о комъ въ особенности... просто стихи...

— Ну, конечно, стихи. Надѣюсь, что такъ! — засмѣялся Бонни. — И вы заставили меня повѣрить, что это чертовски-хорошіе стихи. Но вѣдь зато и воспѣто въ нихъ чудеснѣйшее созданіе Божіе.

Дѣвушка поднялась и отвернулась отъ него, стряхивая съ своего платья приставшія къ нему вѣтки и пыль. Онъ не долженъ былъ видѣть того страданія, которое свѣтилось въ ея глазахъ.

— Не думаете ли вы, что намъ пора поискать мѣстечка, гдѣ можно было бы напиться чаю? — выговорила она. Голосъ ея звучалъ спокойно, но Бонни уже былъ возлѣ нея, уже коснулся ея плеча.

— Вы разсердились — нѣтъ? Не можетъ быть! Неужели это вамъ такъ непріятно? Я не могъ не писать о васъ. И я писалъ такъ искренно, такъ отъ души. Тамъ каждое слово прочувствовано.

— Разумѣется, я не сержусь, — отвѣтила она, слегка обернувшись къ нему. — Но если вы еще будете говорить объ этомъ, я расплачусь. А если я расплачусь — она опять нетерпѣливо топнула ножкой, — я возненавижу васъ!

— Но вѣдь вы же говорили, что вамъ хотѣлось бы, чтобъ это было написано о васъ, — съ недоумѣніемъ возразилъ растерянный поэтъ.

— Развѣ вы не знаете, что желать — пріятнѣе, чѣмъ имѣть? Все, что имѣешь, отвратительно... Ахъ, будетъ уже говорить объ этомъ! Пойдемъ пить чай.

И она пошла впередъ. Бонни нагналъ ее и пошелъ рядомъ. Она шла, отвернувъ голову. Для его мужского ума ея настроеніе было совершенно необъяснимо. Единственнымъ разумнымъ объ-

ясненіемъ могло быть то, что она обидѣлась: зачѣмъ онъ использовалъ ея личность для построчнаго заработка. Черныя тучи застилали ясное небо поэта. Онъ шелъ озабоченный, мрачный. Молчаніе тяготило. Неожиданно дѣвушка продѣла свою ручку подъ его руку и вся придвинулась къ нему, и у него сразу отлегло отъ сердца. Затѣмъ длинныя шелковистыя рѣсницы медленно приподнялись и темные глаза глянули на него, ища его взгляда.

— Я сегодня такъ горда, какъ ни одна дѣвушка въ мірѣ,— начала она голосомъ, въ которомъ звучала опасная нѣжность.— Но все-таки, Bon Ami, вы не должны говорить со мною о такихъ вещахъ. Если вы не перестанете, я никогда, никогда больше не пойду съ вами гулять. Вѣдь вы же не хотите, чтобъ я возненавидѣла васъ? Или хотите?—допытывалась она уже гнѣвно.

Но Бонни и самъ разсердился. Обхватилъ ея станъ своими сильными молодыми руками и, несмотря на ея сопротивленіе, поцѣловалъ ее, разъ и другой, прямо въ губы. Онъ никогда еще не цѣловалъ ея.

— Ну и ненавидьте. А мнѣ все равно.

Послѣ этого она сразу смирилась и уже не противилась. Это отрезвило его. Послѣ бурнаго наплыва страсти наступила реакція. Оба молчали, и нѣкоторое время шли рядомъ, какъ враги, странно не довѣряя другъ другу. Его начинало раздражать, что она молчитъ: ему безумно хотѣлось знать, что она сейчасъ думаетъ о немъ, и въ то же время онъ корилъ себя — за то, что грубо воспользовался своимъ преимуществомъ физической силы.

— Витторія...—началъ онъ...

Дѣвушка какъ будто только и ждала этого извинительнаго тона. Она моментально повернулась къ нему.

— Я прощаю васъ. Но вы — джентльменъ, Bon Ami, и я прошу васъ никогда, никогда больше не дѣлать этого.

Ея поза и тонъ, полный достоинства, не допускали дальнѣйшихъ вспышекъ страсти и даже объясненій. Бонни молча поклонился, и они до конца дня говорили уже только о постороннихъ вещахъ. Но хоть онъ и старался заинтересовать и развлечь ее, онъ былъ угнетенъ, сознавая, что испортилъ ей прогулку. Его глубоко трогала кроткая покорность, съ которой она выносила его ненавистное ей общество. Подводя ее къ дверямъ отеля Бомбони, онъ спрашивалъ себя, захочетъ ли она пожать ему руку.

Каково же было его изумленіе, когда, отперевъ боковую дверь своимъ ключомъ, Витторія вдругъ взяла его руку, поднесла

къ губамъ, поцѣловала, крѣпко стиснула и мгновенно исчезла, захлопнувъ за собою дверь.

Послѣ этого Бонни совершенно отказался отъ надежды когда-нибудь понять Витторію.

Перев. съ англ. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАМЯТИ
В. Г. БѢЛИНСКАГО

(Къ столѣтію со дня рожденія.)

I.

11-го мая текущаго года исполняется сто лѣтъ со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго. Посвящая, въ виду предстоящей годовщины, эти бѣглыя строки памяти великаго критика-идеолога, я ограничусь посильною характеристикою той стороны его ума и его натуры, которую, какъ я думаю, слѣдуетъ признать важнѣйшею и основною. Не легко подобрать для ея обозначенія исчерпывающій и точный терминъ: приходится описывать ее различными выраженіями, въ свою очередь требующими поясненій. Скажу такъ: изъ нея вытекала безусловная, непоколебимая *вѣра въ прогрессъ*, на ней основывался изумительный *даръ діагноза и прогноза*, она проявлялась рѣдкимъ *чутьемъ дѣйствительности*, какъ обыденной, такъ и исторической — *въ ея движеніи, въ ея развитіи*,—чутьемъ, превращавшимся въ то, что можно назвать „*чувствомъ времени и перспективы*“. Съ этой-то стороны, по моему мнѣнію, и нужно изучать Бѣлинскаго, чтобы имѣть возможность разобраться въ противорѣчіяхъ его сложной натуры, понять психологическую неизбѣжность нѣкоторыхъ ошибокъ и крайностей, въ какія онъ впадалъ, и наконецъ, чтобы уразумѣть смыслъ и значеніе его дѣятельности, какъ критика, идеолога и публициста.

Но все это—только „схема“... Постараемся, насколько это возможно въ краткой замѣткѣ, оживить ее конкретными чертами — изъ психологіи живого Бѣлинскаго, „неистоваго Виссаріона“, человѣка „кровно связаннаго съ своей родиной“, „центральной натуры“ (по выраженію Тургенева), „великаго сердца“ (по выраженію С. А. Венгерова) и огромнаго философскаго ума (по оцѣнкѣ, въ свое время — В. Ѳ. Одоевскаго, а въ наше время—Г. В. Плеханова). Быть можетъ, схема оживится, и передъ нами промелькнетъ тѣнь великаго человѣка, для котораго и „вѣра въ прогрессъ“, и „діагнозъ и прогнозъ“, и чутье дѣйствительности были столько же великими радостями, сколько и великими страданіями, и къ которому больше, чѣмъ къ кому бы то ни было, примѣнимо вѣщее слово Пушкина: „я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“...

II.

„Вѣра въ прогрессъ“... Ею полны статьи Бѣлинскаго, и ею пламенѣлъ онъ даже въ періодъ „примиренія съ дѣйствительностью“. Отъ „Литературныхъ мечтаній“, гдѣ эта вѣра выразилась такъ восторженно и такъ наивно, до предсмертныхъ статей и писемъ, гдѣ она претворилась въ раціональный *прогнозъ* великаго писателя-реалиста, Бѣлинскій неизмѣнно обнаруживается какъ умъ, для котораго вѣра въ прогрессъ человѣчества была исходною точкою, необходимою предпосылкою и животворнымъ источникомъ мысли и дѣятельности, да и самой жизни. Безъ этой „вѣры“ Бѣлинскій немыслимъ, невозможенъ.

Но что̀ такое „вѣра въ прогрессъ или будущее“ для такого человѣка, какъ Бѣлинскій? Вѣрилъ въ прогрессъ и докторъ Панглоссъ („все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ“), вѣрилъ и „философскій другъ“ Бѣлинскаго, М. Бакунинъ, въ 30-хъ годахъ апостолъ „примиренія съ дѣйствительностью“, въ 40-хъ—лѣвый гегельянецъ и революціонеръ, потомъ—европейскій агитаторъ-анархистъ. Вѣра Бѣлинскаго была одинаково далека какъ отъ вѣры Панглосса, такъ и отъ вѣры „Мишеля“ Бакунина. Исключительно-сильный *критическій* умъ Бѣлинскаго не позволялъ ему, даже въ разгаръ увлеченій, принимать что̀ бы то ни было „на вѣру“. Великій критикъ былъ вѣчный искатель истины. Онъ не довольствовался одною „вѣрою“ въ ту или другую „истину“, онъ добивался доказательствъ и философскаго обоснованія. Въ умѣ Бѣлинскаго, на ряду съ философскими стремленіями и, такъ сказать, „интеллектуальнымъ вкусомъ“ къ абстрак-

ціямъ, къ всеобъемлющимъ формуламъ и сакраментальнымъ словамъ гегеліанства, живо сказывался простой здравый смыслъ—коренного русскаго человѣка, съ вѣчно бодрствующей ироніей и съ отрезвляющимъ скептицизмомъ на-сторожѣ. Несмотря на чрезмѣрную эмоціональность и всегдашнюю готовность впадать въ крайности и односторонности, „неистовый Виссаріонъ“ *отнюдь не былъ фанатикомъ*. Онъ увлекался идеями, но не былъ одержимъ ими. Человѣкъ съ такою силою разъѣдающей рефлексіи, какъ Бѣлинскій (о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его письма), психологически не могъ быть фанатикомъ.

„Даръ діагноза и прогноза...“ Достаточно извѣстно, съ какой полнотою и съ какимъ блескомъ выразился этотъ чудный даръ въ литературной критикѣ Бѣлинскаго, въ оцѣнкѣ большихъ и малыхъ талантовъ, въ опредѣленіи художественнаго и общественнаго значенія различныхъ произведеній русской литературы. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, Полежаевъ, Баратынскій и другіе стали нашимъ общимъ „кровнымъ“ достояніемъ—въ освѣщеніи и истолкованіи Бѣлинскаго. Кое-что оказалось въ этомъ истолкованіи неправильнымъ или недостаточнымъ, но это—капля въ морѣ, и послѣдующимъ критикамъ и историкамъ литературы нетрудно было внести въ критическое наслѣдіе Бѣлинскаго необходимыя поправки и оговорки. Явныхъ и болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ за всю дѣятельность Бѣлинскаго можно насчитать всего пять или шесть (неправильная, рѣзко-отрицательная оцѣнка Чацкаго, сдѣланная въ пылу „примиренія съ дѣйствительностью“, переоцѣнка повѣстей Кудрявцева, непониманіе поэзіи Шевченка, недостаточная оцѣнка таланта Тургенева и пр.). Заслуги Бѣлинскаго, какъ литературнаго критика, такъ велики, онъ далъ намъ такъ много цѣннаго, глубоко-вѣрнаго и непреложнаго, что его ошибки и промахи, сколько бы ихъ ни было, въ счетъ не идутъ и теряютъ всякое значеніе, примѣрно такъ, какъ неудачный стихъ или неправильное удареніе въ томъ или иномъ стихотвореніи Пушкина и галлицизмы его прозы исчезаютъ и едва-едва замѣчаются среди сокровищъ его поэзіи.

Но сила діагноза и прогноза не ограничивалась у Бѣлинскаго областью чисто-литературной, художественной критики. Онъ не отдѣлялъ поэзію отъ жизни, а жизнь понималъ глубоко и широко—какъ *историческую дѣйствительность въ движеніи, въ развитіи*. Всѣ большія статьи его основаны на прочной базѣ историческаго воззрѣнія. Знаменитая монографія о Пушкинѣ—это настоящее историко-литературное изслѣдованіе. Ежегодные обзоры „движенія литературы“ были итогами успѣховъ просвѣ-

щенія и общественности, и здѣсь Бѣлинскій обнаруживалъ огромный даръ—видѣть вещи въ исторической перспективѣ и чувствовать движеніе историческаго времени. Настоящее опредѣлялось и освѣщалось по сравненію съ прошлымъ, улавливался ходъ вещей и намѣчались дальнѣйшіе этапы движенія; въ туманѣ времени выступали очертанія грядущаго. Методологическая формула Потебни: „откуда и куда мы идемъ“ всецѣло примѣнима къ критикѣ Бѣлинскаго, которую, несмотря на обиліе, а иногда и на излишество философскихъ предпосылокъ, по праву можно назвать *историко-литературною*.

Въ огромномъ дарованіи этого глубоко-русскаго самородка и самоучки гармонически сочетались рѣдкая воспріимчивость къ мірообъемлющимъ идеямъ, умѣнье самостоятельно перерабатывать на лету схваченные принципы отвлеченной философіи, чутье художественности и призваніе историка.

III.

Это призваніе историка и этотъ чудный даръ историческаго прогноза съ особливою наглядностью сказались въ послѣднихъ статьяхъ и послѣднихъ письмахъ Бѣлинскаго.

Время было горячее; надвигались событія 1848-го года, потрясшія большую часть Европы. Идеи утопическаго соціализма и еще болѣе идеологія рабочаго класса (въ ея тогдашней, еще очень примитивной, наивно-революціонной постановкѣ) были лозунгомъ передовыхъ партій въ Европѣ (всего больше во Франціи) и отзывались у насъ возбужденіемъ умовъ, горячими спорами въ кружкахъ молодежи и фантастическими ожиданіями нашихъ идеологовъ. Позиція, которую занялъ Бѣлинскій среди этого броженія умовъ, какъ нельзя лучше показываетъ, что Бѣлинскій былъ великій прозорливецъ, чутьемъ угадывавшій ходъ вещей и умѣвшій смотрѣть далеко впередъ, черезъ головы не только современниковъ, но и послѣдующихъ поколѣній.

Есть люди (среди нихъ найдутся и выдающіеся умы), которымъ очень трудно отдѣлять объективный ходъ вещей отъ идей и идеологій, вызываемыхъ имъ. Они видятъ вещи не такъ, какъ онѣ есть и движутся въ дѣйствительности, а такъ, какъ ихъ тѣни преломляются и колеблются въ сгущенной средѣ идей и настроеній. И нерѣдко случается, что передовой человѣкъ, запутавшись въ противорѣчіяхъ хода вещей, вдругъ устремляетъ взоръ назадъ, воображая, что продолжаетъ смотрѣть впередъ...

Такъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. случилось съ Герценомъ, когда онъ впалъ въ историческій романтизмъ. Другая ошибка — превратная оцѣнка соотношенія силъ и миражъ близкаго торжества идей, которыя могутъ восторжествовать только въ отдаленномъ будущемъ, при совершенно другихъ условіяхъ и порядкахъ, вырабатываемыхъ затяжнымъ процессомъ эволюціи, и, конечно, войдутъ въ жизнь въ иномъ видѣ и совсѣмъ иными путями, которыхъ предвидѣть нельзя. Третья ошибка—вѣра въ чудеса, въ магическую силу идей и словъ и въ свободу воли, вторгающейся въ объективный ходъ вещей и будто бы могущей повернуть его въ ту или другую сторону. Вотъ именно этотъ-то пошибъ идеологической мысли, направляющейся отъ идеи къ дѣйствительности и порождающей революціонный шаблонъ, идеологическій фанатизмъ и политическое доктринерство, былъ чуждъ Бѣлинскому, уму глубоко-реалистическому, которому обаяніе великихъ идей не мѣшало понимать и различать объективный ходъ вещей. Оттуда—отрицательное отношеніе Бѣлинскаго (въ 1847—1848 гг.) къ утопическому соціализму, къ фантастическимъ ожиданіямъ въ политикѣ; оттуда и его удивительно-мѣткій прогнозъ роли буржуазіи, въ особенности средняго класса, въ поступательномъ движеніи человѣчества по пути къ дальнѣйшей демократизаціи; оттуда и его указанія на необходимость соглашенія и совмѣстнаго выступленія средняго класса (главнымъ образомъ—интеллигенціи) съ пролетаріатомъ въ Европѣ; оттуда же — по отношенію къ Россіи—его истинно-геніальное—предсказаніе, что „внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію...“ (предсмертное письмо къ Анненкову).

IV.

Какъ политическій мыслитель и идеологъ, какъ діагностъ и истолкователь хода вещей въ Европѣ и у насъ, Бѣлинскій далеко опередилъ не только свое время, но и послѣдующія десятилѣтія. И тѣ воззрѣнія, къ которымъ онъ пришелъ въ послѣдніе два года своей жизни (1847—1848), безспорно, представляютъ и сейчасъ живой и жизненный интересъ.

Передовыя направленія общественной мысли 50—70-хъ годовъ вели свою генеалогію отъ Бѣлинскаго. Но это вѣрно только въ моральномъ смыслѣ: Бѣлинскій выработалъ моральныя основы послѣдующихъ идеологій, но ихъ положительное содержаніе и

ихъ методологія далеко не совпадаютъ съ воззрѣніями Бѣлинскаго въ ихъ „послѣдней редакціи“. Какъ извѣстно, преобладающее настроеніе 50—70-хъ гг. было *народническимъ* по преимуществу, и его генеалогія идетъ не отъ Бѣлинскаго, а отъ передовыхъ славянофиловъ, отъ Герцена, отъ Чернышевскаго. Бѣлинскій никогда не былъ „народникомъ“ въ собственномъ смыслѣ; но въ его развитіи промелькнулъ моментъ, когда, подъ вліяніемъ утопическаго соціализма, онъ не оставался чуждъ „мистическому вѣрованію въ народъ“. Это „вѣрованіе“ очень скоро угасло, и въ своихъ послѣднихъ статьяхъ и письмахъ Бѣлинскій рѣзко и опредѣленно высказывается противъ идеализаціи народныхъ массъ и противъ демократическаго и соціалистическаго догмата, гласящаго, что народъ можетъ и долженъ самъ себя освободить. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательны слѣдующія строки (изъ того же предсмертнаго письма къ Анненкову): „...мой вѣрующій другъ (Бакунинъ) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль!...“

Значитъ ли это, что Бѣлинскій пересталъ быть „другомъ народа“, демократомъ, и что (какъ утверждаетъ Ивановъ-Разумникъ) отъ соціализма онъ перешелъ къ индивидуализму? Нѣтъ, онъ только разочаровался въ *утопическомъ* соціализмѣ и уразумѣлъ тщету сентиментальнаго и романтическаго демократизма; онъ обращался къ дѣйствительности, старался вникнуть въ закономѣрный ходъ вещей и понялъ, что господство буржуазіи является необходимымъ этапомъ, черезъ который человѣчество *должно* пройти, чтобы достигнуть политическаго и экономическаго освобожденія. Въ связи съ этимъ онъ поднималъ и великій жизненный вопросъ соціализма, рѣшеніе котораго принадлежитъ будущему,—*вопросъ о синтезѣ соціализма и индивидуализма*. Его предсмертныя статьи, этотъ хвалебный гимнъ *идеѣ личности*, не противорѣча раціонально-понятому соціализму, показываютъ только, какъ далеко въ грядущее умѣлъ заглядывать Бѣлинскій,

какъ улавливалъ онъ біеніе пульса всемірно-исторической жизни, и какъ гармонично сочетались въ его геніальномъ умѣ реализмъ мышленія и высокій идеализмъ настроенія.

V.

Натура глубокая и страстная, Бѣлинскій не могъ быть спокойнымъ мыслителемъ, уравновѣшеннымъ созерцателемъ дѣлъ и судебъ человѣческихъ, который „спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно“... Въ душѣ нашего великаго критика, рядомъ съ огромными умственными силами, на первый планъ выступали черты „фаустовскія“ и „гамлетовскія“. Оттуда—мучительность и страстность переживаній, оттуда—вынашиваніе идей въ мукахъ интеллектуальныхъ родовъ, оттуда—и частая смѣна настроеній, постоянное кипѣніе мысли, непрерывныя судороги ума, и вѣчная неудовлетворенность, вѣчное стремленіе впередъ, органическая неспособность остановиться, успокоиться на достигнутомъ и прекратить дальнѣйшія исканія.

Идеи такого человѣка, даже при буквальномъ совпаденіи ихъ содержанія или—скажемъ—„текста“ съ идеями другихъ, психологически и морально совсѣмъ не то, что̀ идеи этихъ другихъ, людей разсудочныхъ, спокойныхъ зрителей, которые приходятъ къ аналогичнымъ выводамъ легко и просто, въ силу того, что впечатлѣнія и идеи только задѣваютъ ихъ сознаніе, не тревожа глубины души. Тамъ—творчество идей, здѣсь—ихъ почти пассивное воспріятіе, ихъ отраженіе.

Творческая — интеллектуально-моральная — сила Бѣлинскаго была громадна. Въ этомъ отношеніи среди нашихъ идеологовъ—отъ Герцена до Михайловскаго—ему принадлежитъ первое и исключительное мѣсто.

Въ этомъ-то смыслѣ онъ и является (по выраженію Тургенева) „центральною натурою“—центромъ излученія умственной и моральной энергіи, дѣйствіе которой не только доселѣ чувствуется, но—думается намъ—еще далеко не исчерпано. Изученіе сочиненій, писемъ и жизни Бѣлинскаго освободитъ для новой жизни животворящую силу, въ нихъ скрытую.

Пусть многое въ его статьяхъ устарѣло и сохраняетъ только историческое значеніе,—но самъ онъ, какъ мыслящій умъ, какъ нравственная личность, какъ человѣкъ исключительно-высокаго строя души, не умеръ и будетъ жить, пока жива Россія...

Д. Овсянико-Куликовскій.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

I.

Ни одна изъ реформъ, обезсмертившихъ собою царствованіе императора Александра II, не встрѣтила такого всеобщаго радостнаго признанія у насъ и въ государствахъ Западной Европы, какъ реформа 19-го февраля 1861-го года. О ней, какъ недавно напомнила объ этомъ газета „Рѣчь", сразу высказано было то мнѣніе, что она не носитъ на себѣ печати простого заимствованія, что она нова и своеобразна.

Чѣмъ объяснить такое отношеніе къ ней и европейской и русской мысли? Я полагаю, что отвѣтъ можетъ быть данъ только послѣ сопоставленія тѣхъ порядковъ, какими крестьяне получили свободу на Западѣ, съ тѣми, какими устроенъ былъ ихъ свободный земельный бытъ въ восточной половинѣ Европы. Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что какъ личныя, такъ и массовыя освобожденія, восходятъ въ даль средневѣковья. Обычной формой являлся свободный договоръ, въ силу котораго отдѣльныя семьи, селенія или совокупность крестьянъ того или другого города-государства, феодальнаго графства, княжества, герцогства или королевства, расторгали прежнюю связь съ землею; ихъ сеньеръ пріобрѣталъ свободу распоряженія прежними „надѣлами" и отпускалъ на волю сидѣвшихъ на нихъ „крѣпкихъ къ землѣ" людей, обыкновенно послѣ предварительнаго выкупа ими барщинныхъ службъ и платежей. Такъ какъ денежное хозяйство всего ранѣе складывается въ ближайшей окрестности городовъ,

этихъ центровъ торговаго обмѣна, и такъ какъ эти города въ интересахъ свободы передвиженія товаровъ по ближайшей округѣ не прочь раздѣлаться съ монополіями, привилегіями, изъятіями, самосудомъ и самоуправствомъ живущихъ въ своихъ замкахъ-крѣпостяхъ феодальныхъ помѣщиковъ, то немудрено, что города и принимаютъ на себя починъ первыхъ по времени систематическихъ отпущеній крестьянъ на свободу. Италія, въ особенности—средняя, была искони страною городовъ; поэтому съ нея и начинается исторія массовыхъ раскрѣпощеній. Эта эмансипація касается въ равной мѣрѣ рабовъ, своего рода „дворовыхъ холопей“, и барщинныхъ крестьянъ, крѣпкихъ къ землѣ. Едва-ли не древнѣйшимъ примѣромъ является массовое отпущеніе городомъ Ассизи крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ (fumanti) подъ вліяніемъ проповѣди основателя ордена францисканцевъ о полномъ несоотвѣтствіи христіанскаго ученія съ насильственнымъ удержаніемъ въ неволѣ братьевъ по Христу. Эмансипація крестьянъ городомъ и республикой Ассизи происходитъ еще въ началѣ XIII-го вѣка. Древнѣйшіе акты отпущенія на волю касаются одной личности крестьянина и не задаются мыслью объ обезпеченіи его землею; это справедливо какъ по отношенію къ отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, выкупающимся или выкупаемымъ изъ неволи, такъ и по отношенію къ эмансипаціи всего крестьянскаго люда той или другой городской республики или принципата. Французскій терминъ „désaveu“ сохранилъ память о сдѣлкахъ, послѣдствіемъ которыхъ было сохраненіе помѣщикомъ земли уходящаго на свободу крестьянина. Люди становились несвободными черезъ признаніе, что держатъ свои надѣлы въ зависимости отъ того или другого сеньера, и возвращали себѣ свободу отказомъ отъ этихъ держаній. Въ актахъ сплошь и рядомъ говорится, что господинъ сохраняетъ за собою всѣ земли и недвижимости, которыя уходящіе на волю держали отъ него на зависимыхъ отношеніяхъ.

Акты подобнаго рода дошли до насъ изъ Италіи еще отъ второй половины XII-го вѣка; но они касаются, самое большее, эмансипаціи жителей цѣлаго селенія или цѣлой общины. Только съ 1210-го года, съ уже упомянутаго акта, иниціативу котораго принялъ на себя городъ Ассизи, можно вести начало массовыхъ эмансипацій на протяженіи всѣхъ земель города-государства. Въ актѣ отъ 9-го ноября этого года мы находимъ денежную оцѣнку крестьянскихъ службъ и платежей, ихъ капитализацію и установленіе того эквивалента, за который можетъ быть пріобрѣтена личная свобода. Получивъ ее, крестьянинъ

отнюдь не удерживаетъ въ своихъ рукахъ принадлежавшаго ему надѣла. „Если — значится въ актѣ, редактированномъ по латыни,—онъ держитъ какую-нибудь землю (terram) на феодальномъ правѣ, земля эта навсегда остается за господиномъ (semper remaneat domino). Такой безземельный выкупъ свободы является общимъ правиломъ въ Италіи XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Въ 1243-мъ году городъ Верчелли издаетъ законъ, которымъ крестьяне освобождаются отъ барщины, признаются свободными и изъятыми отъ подчиненія прежнимъ своимъ господамъ. Но права господъ на дворы и земли, принадлежавшіе крестьянамъ, считаются сохранившими свою силу.

Парма въ 1266-мъ году принимаетъ такую же мѣру—и здѣсь также эмансипація обходится безъ надѣленія крестьянъ землею. Во Флоренціи тѣ же порядки наступаютъ нѣсколькими десятками лѣтъ позже, по примѣру Болоньи, которая въ 1256-мъ году приступаетъ къ выкупу однихъ сельскихъ рабовъ и дворовыхъ холопей, а въ 1283-мъ году—и всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ (fumanti et fideli). Во Флоренціи такой же выкупъ производится въ 1289-мъ году; въ мотивахъ закона говорится уже о „естественномъ правѣ“, какъ не допускающемъ того, чтобы люди подчинялись въ своихъ дѣйствіяхъ чужому сужденію и велѣнію. И въ Болоньѣ, и во Флоренціи выкупной операціей завѣдуетъ самъ городъ; онъ переводитъ на себя денежныя обязательства, какія отпускаемые на волю принимаютъ по отношенію къ бывшимъ своимъ хозяевамъ. Городъ выплачиваетъ выкупъ послѣднимъ и ждетъ отъ отпущенныхъ на волю позднѣйшей расплаты съ городской казной. Но въ этой выкупной операціи дѣло идетъ только объ упраздненіи правъ господина на личность крестьянина и холопа; что же касается до земли, имъ ранѣе занятой, то она переходитъ къ помѣщику.

Отъ Италіи обратимся къ нѣмецкимъ странамъ. Здѣсь массовыя отпущенія на волю начинаются сравнительно поздно. Въ XVI-мъ вѣкѣ крѣпостное право оказывается болѣе или менѣе вымершимъ на земляхъ городскихъ республикъ, какъ напримѣръ Бремена, а также Корвэ и Падерборна. Въ 1525-мъ году городской совѣтъ Цюриха отпускаетъ на волю крѣпостныхъ, ссылаясь на то, что „всѣ люди — дѣти Божьи и должны жить въ братствѣ между собою“. О выкупѣ земель не упоминается, однако, ни слова. Къ эпохѣ Тридцатилѣтней войны крѣпостное право исчезаетъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Когда Верхній Пфальцъ переходитъ къ Баваріи, въ 1620-мъ году, въ немъ уже нѣтъ помину о крѣпостной несвободѣ. Ко времени присоединенія

южной части Эльзаса къ Франціи, при Людовикѣ XIV-мъ, король-Солнце отпускаетъ безвозмездно казенныхъ крестьянъ на свободу. Но ни разу во всѣхъ этихъ актахъ эмансипаціи не заходитъ рѣчи о выкупѣ земель, занятыхъ крестьянствомъ. И въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ актахъ, издаваемыхъ правительствомъ различныхъ графствъ, герцогствъ, маркграфствъ и т. д., рѣчь идетъ только о выкупѣ личной свободы.

Въ теченіе XVIII-го столѣтія личную свободу крестьяне пріобрѣтаютъ съ выкупомъ или безъ выкупа, смотря по характеру того отношенія, въ какое становятся къ вопросу объ эмансипаціи правители отдѣльныхъ земель (Länder). Это движеніе все болѣе и болѣе усиливается къ концу столѣтія, а тѣмъ болѣе— со времени французской революціи и поданнаго ею примѣра. Иногда крестьяне остаются на землѣ и послѣ полученія „воли“ и переходятъ въ такомъ случаѣ въ ея срочныхъ съемщиковъ; но выкупная операція никогда не касается тѣхъ надѣловъ, какими они владѣли. Крестьяне продолжаютъ пользоваться ими въ зависимости отъ помѣщиковъ. Изъ крупныхъ государствъ Германіи укажемъ на упраздненіе крѣпостного права въ Баденѣ, въ королевствѣ Вестфаліи, въ Вюртембергѣ, начиная съ 1798-го года и окончательно въ 1817-мъ, въ Баваріи—въ 1808-мъ году, въ Гессенѣ — въ 1831-мъ, наконецъ въ Гогенцоллернъ-Зигмарингенѣ—въ 1833-мъ.

Рѣчь шла пока объ одной западной Германіи. Въ той части страны, которая лежитъ къ востоку отъ теченія Эльбы, крѣпостное право долго было неизвѣстно. Нѣмецкіе колонисты, являвшіеся въ эту занятую славянами и финнами область, принадлежали къ числу свободныхъ людей. Это можно сказать въ равной степени о Помераніи, о Мекленбургѣ, о Голштиніи, о Восточной Пруссіи, а также о Польшѣ. Осѣдая на земляхъ помѣщиковъ, они принимали обязательство исполнять господскія и дворовыя службы (Herrendienst und Hofendienst), службы пѣшія и конныя (servitia equorum et curruum). Такимъ образомъ возникали обязательственныя отношенія, легко переходившія затѣмъ въ крѣпостную зависимость. Къ концу среднихъ вѣковъ во главѣ каждаго селенія мы находимъ уже одного помѣщика, „Негг“, который считается собственникомъ всей его земли и вотчиннымъ судьею; крестьяне держатъ отъ него землю въ наслѣдственномъ пользованіи. Недостаетъ этимъ отношеніямъ только крѣпости къ землѣ. Крестьяне пользуются еще свободнымъ отходомъ, точь въ точь, какъ они пользовались имъ у насъ до Бориса Годунова. Со времени опустошенія Германіи Тридцати-

лѣтней войною у помѣщиковъ явилось желаніе удерживать крестьянъ на землѣ въ интересахъ ея обработки; такъ какъ населеніе во многихъ мѣстностяхъ уменьшилось до одной десятой прежняго числа, то на пустопорожнихъ участкахъ помѣщикъ охотно селилъ колонистовъ, подъ условіемъ пользованія землею лишь пожизненно, а то и до тѣхъ поръ, пока угодно будетъ собственнику удержать ее за ними. Фридриху Великому въ XVIII-мъ вѣкѣ пришлось вести борьбу съ стремленіемъ помѣщиковъ возсоединять съ собственными владѣніями земли допущенныхъ къ поселенію крестьянъ. Благодаря дарованному имъ съ этой цѣлью такъ называемому „Bauernschutz“, земля въ значительной степени осталась въ Пруссіи въ рукахъ крестьянъ; но этого не было ни въ Голштиніи, ни въ Мекленбургѣ, ни въ Шведской Помераніи, гдѣ не существовало сильной княжеской власти и авторитетъ сосредоточился въ рукахъ земельной аристократіи. Въ этихъ областяхъ образовались обширныя рыцарскія владѣнія, такъ называемыя „Rittergüter“; они воздѣлывались не наемнымъ трудомъ, а съ помощью подводной повинности — такъ наз. „Frohnen“ — крестьянъ. На первыхъ порахъ число этихъ „Frohnen“ было незначительно; въ монастырскихъ помѣстьяхъ, расположенныхъ въ Бранденбургѣ, мы въ началѣ XV-го столѣтія насчитываемъ въ годъ гдѣ четыре дня барщины, а гдѣ всего и три полу-дня съ плугомъ или два полныхъ дня работы съ тѣмъ же плугомъ. По мѣрѣ того, какъ оставшаяся въ личномъ завѣдываніи помѣщиковъ земля, такъ называемый „Herrenland“, стала множиться, а крестьянскіе надѣлы—сокращаться, барщинная работа становилась все болѣе и болѣе тягостною. Въ Помераніи, въ „Bauernordnung“ 1616-го года, ничѣмъ нерегулируемая барщина считается общимъ правиломъ; она можетъ доходить до шести дней въ недѣлю; то же можно сказать о Курмаркѣ и о Восточной Пруссіи. Тамъ, гдѣ существовали опредѣленные обычаемъ или закономъ барщинные дни, крестьяне трудились по четыре—пяти дней въ недѣлю, съ 4-мя лошадьми и двумя взрослыми мужчинами отъ двора; тамъ же, гдѣ не было регулируемой барщины, крестьянинъ долженъ былъ работать во всякое время — въ страдную пору обыкновенно шесть разъ въ недѣлю. Такъ какъ въ такихъ условіяхъ крестьянамъ естественно стало представляться желательнымъ покинуть помѣстье, то законъ озаботился упраздненіемъ свободы отхода. Эта послѣдняя существовала до начала XVI-го столѣтія съ однимъ лишь условіемъ — заявленія о готовности уйти не позже Петрова дня. Съ 1500-го года въ Бранденбургской Маркѣ уже

устанавливается правило, что покидающій помѣстье долженъ найти для себя предварительно замѣстителя, такъ называемаго „Gewährsmann“. Такое требованіе прямо вносится въ бранденбургскую „Landesordnung“ отъ 1600-го года. Такіе же порядки устанавливаются и въ Нижней Силезіи. Впослѣдствіи къ этому требованію прибавляется еще одно: крестьянинъ ставитъ помѣщику на выборъ трехъ „Währsmänner“; найти ихъ, очевидно, было нелегко при слабой густотѣ населенія, явившейся послѣдствіемъ Тридцатилѣтней войны, такъ что на практикѣ крестьянинъ лишился возможности свободнаго оставленія помѣстья. Въ XVIII-мъ и XIX-мъ столѣтіяхъ крестьяне Помераніи не могли избавиться отъ крѣпостной зависимости, даже разставшись со своимъ дворомъ и надѣломъ. Ихъ насильственно удерживали, на правахъ прикрѣпленныхъ къ землѣ дворовыхъ или батраковъ. Помѣщикъ пріобрѣлъ право требовать выдачи крестьянъ, удалившихся изъ помѣстья. Такіе порядки наступили въ разное время: въ Западной Пруссіи—въ 1466-мъ году, въ Восточной и въ Бранденбургѣ—въ 1483-мъ, въ Мекленбургѣ—въ 1572-мъ. Запретъ оставлять помѣстье сперва носилъ личный характеръ, а затѣмъ распространенъ былъ и на наслѣдниковъ. Помѣщикъ пріобрѣлъ возможность принуждать взрослаго крестьянскаго сына къ снятію у него двора. Изъ опасенія потерять нужную рабочую силу, помѣщикъ озаботился также тѣмъ, чтобы крестьянскія дѣвушки не вступали въ бракъ съ жителями чужихъ помѣстій иначе, какъ съ его согласія. „Съ начала XVIII-го столѣтія“, говоритъ Теодоръ Кнаппъ, „большая часть крестьянства на правомъ берегу Эльбы попадаетъ въ ту крѣпостную зависимость, о которой первые поселенцы XIII-го вѣка не имѣли ни малѣйшаго представленія; свободное крестьянство съ этого времени является только исключеніемъ“. Обыкновенно приписываютъ эту перемѣну рецепціи римскаго права, нормы котораго насильственно навязаны были судьями свободному крестьянству. Ошибочность такого воззрѣнія — въ примѣненіи, по крайней мѣрѣ, къ Бранденбургу—доказана въ новѣйшее время Гроссманомъ и Фуксомъ; изъ ихъ работъ оказалось, что въ XVI-мъ вѣкѣ камеральный судъ („Kammergericht“), опираясь на римское право, выступилъ защитникомъ крестьянъ противъ притязаній рыцарей-землевладѣльцевъ. Въ другихъ областяхъ, въ частности въ Мекленбургѣ, юристы, наоборотъ, пошли навстрѣчу притязаніямъ дворянства: такъ Гуссанусъ въ сочиненіи, напечатанномъ въ 1590-мъ году, приравнялъ крестьянъ къ рабамъ, „homines proprii“ въ римскомъ значеніи этого слова. Такое мнѣніе еще

ранѣе высказываемо было въ западной Германіи, а именно съ первой половины XVI-го столѣтія. Оно здѣсь не пустило корней и, наоборотъ, сдѣлалось всесильнымъ къ востоку отъ Эльбы, такъ какъ отвѣчало матеріальнымъ интересамъ господствующаго тутъ класса. Такъ возникла удержавшаяся въ Богеміи и Силезіи до временъ Іосифа II „Erbunterthänigkeit“, т.-е. наслѣдственная зависимость крестьянъ. Этотъ терминъ замѣненъ былъ въ другихъ областяхъ словомъ: „Leibeigenschaft“; онъ въ Помераніи входитъ въ употребленіе уже въ серединѣ XVI-го вѣка; въ Мекленбургѣ дворянство употребляетъ его впервые въ 1654-мъ году, въ Бранденбургской Маркѣ—только въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ, въ XVI-мъ же (въ 1552-мъ году) еще говорится въ оффиціальномъ актѣ о томъ, что крестьяне здѣсь свободны, въ противность порядкамъ, установившимся въ западной части Германіи. Представленіе о крестьянинѣ, какъ о холопѣ или рабѣ, содѣйствовало, разумѣется, упраздненію и свободы отхода, и свободы женитьбы, и свободы завѣщательнаго распоряженія движимостью; но худшимъ изъ его послѣдствій явилось притязаніе помѣщиковъ на продажу крестьянъ,—крестьянинъ начинаетъ считаться частью помѣстья и отчуждается вмѣстѣ съ нимъ. Съ середины XVII-го вѣка эта свобода продажи распространяется и на случаи отчужденія крестьянъ безъ земли; мы встрѣчаемся съ ними въ Мекленбургѣ въ періодъ времени съ 1640-го по 1670-й годъ, въ Помераніи—въ эпоху Тридцатилѣтней войны. Въ Австріи только при императорѣ Іосифѣ II исчезаетъ этотъ торгъ людьми. Прусскіе же короли, начиная съ 1719-го года, уже озабочены мыслью объ отпущеніи на свободу крестьянъ казенныхъ имѣній. Королевскій патентъ отъ 22-го марта 1719-года говоритъ о желаніи монарха не только вернуть казеннымъ крестьянамъ Помераніи и Бранденбурга личную свободу, но и признать за ними право собственности на прилегающую къ ихъ дворамъ землю, — разумѣется, подъ условіемъ вознагражденія; но что такая мѣра не получила общаго осуществленія, это слѣдуетъ уже изъ того, что въ 1727-мъ году король еще выражаетъ желаніе, чтобы управленіе домэнами высказалось по вопросу, нельзя ли получить 60.000 талеровъ отъ уступки земель въ полную собственность крестьянскихъ дворовъ одновременно съ освобожденіемъ ихъ членовъ отъ крѣпостной зависимости. Терминъ „Leibeigenschaft“ остается обычнымъ въ Помераніи до 1764-го года, когда его мѣсто заступаетъ другое выраженіе: „Eigen- oder Gutsbehörigkeit“. Не ранѣе 18-го марта 1799-го года послѣдовала отмѣна, для большинства казенныхъ крестьянъ Помераніи и Бранден-

бурга, этой „Gutsunterthänigkeit“, не въ силу какой-либо общей нормы, а на основаніи частныхъ соглашеній; казна отчуждала за деньги дворы съ ихъ рабочимъ инвентаремъ, а барщина замѣняема была денежнымъ оброкомъ, который можно было выкупить уступкой части надѣла. Въ 1807-мъ году, когда та же „Gutsunterthänigkeit“ была уничтожена и для частновладѣльческихъ крестьянъ, исчезли послѣдніе слѣды ея и на королевскихъ земляхъ.

Болѣе дѣйствительны были мѣры, принятыя къ отпущенію казенныхъ крестьянъ на свободу Фридрихомъ Вильгельмомъ I-мъ, въ 1719-мъ году въ Восточной Пруссіи. Крестьяне пріобрѣли не столько право собственности, сколько наслѣдственность владѣнія. Они были ограничены въ отчужденіи своихъ имуществъ безъ согласія властей, и не иначе какъ съ рабочимъ инвентаремъ; они не могли также закладывать своихъ земель. Что же касается до барщины, то она замѣнена была денежнымъ оброкомъ. Только въ концѣ XVIII-го вѣка, съ помощью частныхъ соглашеній, проведена была въ Восточной и Западной Пруссіи, точно также какъ въ Помераніи и Бранденбургѣ, реформа, состоявшая въ надѣленіи крестьянъ правомъ собственности на занимаемые ими надѣлы. Въ 1798-мъ году мы уже находимъ цѣлыя селенія крестьянъ-собственниковъ, не несущихъ никакихъ повинностей, а только платящихъ такъ называемый „Dienstgeld“. Въ 1808-мъ году упразднены были всякія ограниченія въ ихъ правѣ распоряженія, понимая подъ нимъ столько же продажу, сколько залогъ. При этомъ, какъ устанавливаетъ Теодоръ Кнаппъ, крестьянамъ не пришлось платить не за земли, не за постройки, а только за инвентарь; послѣдній былъ принятъ въ разсчетъ при увеличеніи на 5% ихъ ежегодныхъ денежныхъ платежей, но при этомъ у крестьянъ отнято было право выпаса скота въ королевскихъ лѣсахъ и право получать изъ нихъ строевой матеріалъ и топливо. Повинности и натуральные платежи переведены были на деньги, насколько это не было сдѣлано ранѣе.

Указанныя мѣропріятія касаются однихъ только казенныхъ крестьянъ, но заслуживаютъ быть отмѣченными, какъ единственные въ своемъ родѣ примѣры безвозмезднаго возвращенія собственности на надѣльную землю. Съ 1763—67 гг. казенные крестьяне Восточной Пруссіи признаны были свободными и отъ выкупа при оставленіи ими помѣстья, и отъ обязательныхъ службъ въ его пользу. Десять лѣтъ спустя, въ 1773-мъ году, вышелъ указъ, объявившій, что какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Пруссіи и на дворянскихъ земляхъ отмѣняется всякая личная несвобода

и рабство; но въ то же время удержана была крѣпость къ землѣ и право помѣщика требовать отъ крестьянъ ихъ земельныхъ повинностей и выкупа при оставленіи помѣстій. Уцѣлѣвшая такимъ образомъ „Erbunterthänigkeit“ на частныхъ земляхъ была отмѣнена въ Пруссіи только послѣ войны 1806—1807-го года, въ силу эдикта 9-го октября, объявившаго, что съ праздника св. Мартина въ 1810-мъ году во всѣхъ владѣніяхъ прусскаго короля могутъ существовать только свободные люди.

Итакъ, не ранѣе XIX-го столѣтія мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ государствъ Германіи, Пруссіи, удачную попытку обезпечить выходящимъ на свободу крестьянамъ и обладаніе надѣльной землею. Движеніе въ этомъ смыслѣ началось еще въ эпоху патріотическихъ войнъ съ Франціей, но вылилось оно въ опредѣленныя формы только въ годы, слѣдовавшіе за Вѣнскимъ конгрессомъ, въ годы начавшейся уже реакціи и защиты правительствомъ дворянскихъ интересовъ. Это обстоятельство отразилось, какъ вѣрно указываетъ Георгъ Фридрихъ Кнаппъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи: „Объ отпущеніи крестьянъ на свободу въ коренныхъ земляхъ Пруссіи“, и на самомъ содержаніи декларацiи 29-го мая 1816-го года, и на тѣхъ правилахъ о порядкѣ производства выкупа, которыя для разныхъ частей Пруссіи обнародованы были въ періодъ времени съ 1821-го по 1827-ой и 1845-ый годъ. Выкупъ допущенъ по отношенію далеко не ко всѣмъ крестьянскимъ пользованіямъ, а только къ тѣмъ, которыя находились въ рукахъ внесенныхъ въ кадастръ крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ упряжью, если въ обладаніи ихъ землею не было перерыва въ однѣхъ провинціяхъ—съ эпохи Семилѣтней войны, въ другихъ—со времени ихъ присоединенія къ королевству въ 1772-мъ и 1774-мъ годахъ [1]).

Такимъ образомъ, громадная категорія крестьянъ, даже перешедшихъ на положеніе наслѣдственныхъ съемщиковъ, но лишь въ позднѣйшее время, не получила возможности воспользоваться защитой закона для сохраненія своего земельнаго обезпеченія; ихъ надѣлы присоединены были къ помѣстной землѣ или оставлены въ рукахъ пользователей на началахъ свободнаго арендnаго договора. Реформа упразднила право помѣщика считаться верховнымъ собственникомъ участковъ, искони состоявшихъ въ вѣчнонаслѣдственной арендѣ кадастрированныхъ дворовъ съ полною упряжью. Крестьяне освобождаются отъ прежней барщины, сколько отъ повинностей, выполняемыхъ въ полѣ со своимъ рабочимъ

[1]) См. „Die Bauernbefreiung in den älteren Teilen Preussens“ von Georg Friedrich Knapp, часть I, стр. 187, 184, 191 и 192.

скотомъ, столько же и отъ личныхъ; они перестаютъ производить какъ денежныя, такъ и натуральныя приношенія; ихъ земли освобождены отъ прежняго права помѣщика высылать на нихъ свой скотъ послѣ уборки хлѣба, а помѣщикъ въ свою очередь освобожденъ отъ прежней обязанности кормить крестьянъ во время голода, приходить имъ на помощь въ другихъ несчастныхъ случаяхъ, ставить имъ усадьбы и производить въ нихъ необходимый ремонтъ.

Согласно закону 1811-го года, крестьянину достаточно было уступить помѣщику одну треть или — самое большее — половину своихъ прежнихъ пользованій, для того, чтобы выкупить остальную часть надѣла и всѣ падавшіе на него личные повинности и платежи. По декларації же 1816-го года установленіе размѣра вознагражденія землею предоставлено было личному соглашенію сторонъ въ каждомъ помѣстьѣ въ отдѣльности [1]).

Кнаппъ справедливо видитъ въ этомъ уступку интересамъ помѣщиковъ. „Помѣщикъ—говоритъ онъ—пріобрѣтаетъ возможность всячески уменьшать имущественную обезпеченность крестьянъ и прежняя идея защиты ихъ государствомъ совершенно отпадаетъ“. Прибавимъ къ сказанному, что временно никѣмъ незанятые дворы еще по закону 1811-го года присуждены были помѣщику, который могъ этимъ путемъ расширять свои владѣнія въ ущербъ крестьянству [2]). Выкупная операція въ каждомъ помѣстьѣ происходитъ по настоянію одной изъ сторонъ, т.-е. помѣщика или владѣльца крестьянскаго двора, при чемъ согласія другой стороны не требуется [3]).

Эмансипація крестьянъ Пруссіи завершается закономъ 2-го марта 1850-го года, которымъ всякіе виды вѣчно-наслѣдственной аренды превращаются въ собственность и признается невозможнымъ установленіе помимо нея другихъ видовъ наслѣдственнаго держанія [4]). Законъ 1850-го года примѣняется, не въ примѣръ прежнимъ, ко всѣмъ группамъ крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ,— несутъ ли они подводную повинность или свободны отъ нея, обложены ли они барщиной или однимъ натуральнымъ и денежнымъ оброкомъ. Но по-прежнему выкупная операція совершается только въ случаѣ если на ней настаиваетъ по меньшей мѣрѣ одна изъ сторонъ. Всѣ виды службъ и платежей получаютъ денежную оцѣнку и превращаются, такимъ образомъ, въ ежегодно

[1]) Ibid., стр. 193.
[2]) Ibid., стр. 196 и 197.
[3]) Ibid., стр. 203.
[4]) Ibid., стр. 225.

вносимую крестьянами ренту; но крестьянинъ можетъ освободить себя отъ платежа послѣдней, внесши сразу ея сумму за восемнадцать лѣтъ. Чтобы облегчить операцію, особый законъ отъ 2-го марта 1850-го года создаетъ въ каждой провинціи особые банки, такъ называемые Rentenbanken; они должны принимать отъ крестьянъ поступающія помѣщикамъ ренты, за исключеніемъ случаевъ немедленнаго выкупа ихъ путемъ капитализаціи помноженіемъ суммы годовой ренты на восемнадцать. Правильное поступленіе рентъ въ банки было обезпечено признаніемъ за этими платежами той же обязательности, что и за поступающими въ казну налогами. Въ этой формѣ государство принимаетъ на себя роль посредника въ выкупной операціи; оно вознаграждается за свою услугу тѣмъ, что банкъ удерживаетъ за собою двѣ десятыхъ вносимой въ него суммы. Въ руки помѣщика поступаетъ 4%-ная бумага, извѣстная подъ названіемъ „Rentenbrief", въ которой значится, что банкъ обязанъ уплатить ему, по его требованію, капиталъ, въ двадцать разъ превышающій ежегодный его доходъ отъ ренты [1]). Эта послѣдняя сторона всей операціи одна напоминаетъ ту финансовую схему, на которой остановилось русское правительство въ 1861-мъ году.

Изъ странъ Западной Европы, не рѣшившихъ крестьянскаго вопроса насильственно, какъ Франція, одна наравнѣ съ Пруссіей только Савойя озаботилась тѣмъ, чтобы крестьяне могли выйти на свободу съ сохраненіемъ своихъ земельныхъ надѣловъ. Эдиктомъ 20-го января 1762-го года доманіальные крестьяне отпущены были на волю безъ всякаго выкупа; что касается до владѣльческихъ крестьянъ, то имъ дозволено было входить на этотъ счетъ въ соглашеніе со своими помѣщиками. Помѣщикамъ предоставлено, въ теченіе опредѣленнаго числа мѣсяцевъ, составить списокъ своихъ крѣпостныхъ людей; всѣ не попавшіе въ него отнынѣ признавались свободными. Простому большинству членовъ общины дано право пойти на выкупъ или не пойти; условія его производства опредѣлялись соглашеніемъ сторонъ, утверждаемымъ каждый разъ интендантомъ провинціи. Если стороны не могли сговориться, самъ интендантъ постановлялъ третейское рѣшеніе между ними. Сумма выкупа распредѣлялась затѣмъ между всѣми постоянными поселенцами общины, независимо отъ того, крѣпостные они или свободные; при чемъ основаніемъ къ обложенію служило количество всѣхъ кадастрированныхъ земель, за исключеніемъ тѣхъ, которыя принадлежали сеньерамъ или

[1]) Ibid., стр. 231.

иностранцамъ. Не было установлено опредѣленной таксы при оцѣнкѣ личныхъ службъ крестьянина, но указана была возможность, при личномъ выкупѣ себя на свободу, считать приходящимися на каждаго „тальябля“ десять золотыхъ écus выкупа, а на каждаго liège—всего пять. Если выкупъ производился жителями всей общины, то требовались только $^2/_3$ этой суммы. Эдиктъ 1762-го года былъ восполненъ эдиктомъ 1771-го: въ немъ впервые заходитъ рѣчь объ упраздненіи не личной несвободы, а такъ назыв. „tailliabilité réelle“, т.-е. ставится вопросъ о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ. Эти реальныя обязательства подлежали той же записи, которой, по указу 1772-го года, должны были подвергнуться личныя повинности и службы; а чтобы сдѣлать возможной и самую сдѣлку, общинамъ предоставлялось отчуждать части своихъ нераздѣльныхъ имуществъ, „almenden“ и „alpen“—въ особенности тѣхъ, которыя состояли подъ лѣсомъ; отчуждались онѣ съ цѣлью добыть нужную сумму выкупа. Такимъ образомъ и здѣсь не было посредничества со стороны государства; послѣднее не принимало на себя производства самой выкупной операціи и не кредитовало крестьянъ необходимой для того суммой.

Эмансипація крестьянъ въ Савойѣ привлекла къ себѣ вниманіе дѣятелей французскаго освободительнаго движенія 1789-го года только потому, что ею впервые былъ поставленъ вопросъ объ имущественномъ обезпеченіи крестьянства; вотъ почему, въ эпоху, предшествовавшую составленію наказовъ, авторы брошюръ, благопріятныхъ упраздненію крѣпостной несвободы, указывали, между прочимъ, на Савойю, какъ на страну, въ которой удачно рѣшенъ былъ вопросъ о сохраненіи за освобожденнымъ крестьяниномъ состоявшей ранѣе въ его пользованіи земли.

II.

Изъ сдѣланнаго мною бѣглаго очерка крестьянской эмансипаціи на Западѣ легко придти по отношенію къ Россіи, путемъ простого сопоставленія, къ слѣдующему заключенію.

Новизна тѣхъ рѣшеній, какія были приняты въ Россіи по вопросу объ эмансипаціи крестьянъ, сводится къ двумъ пунктамъ: во-первыхъ, отпущеніе крестьянъ на волю связано съ сохраненіемъ ими, хотя бы въ урѣзанномъ видѣ, прежнихъ надѣловъ, и притомъ на тѣхъ самыхъ началахъ общиннаго или подворнаго пользованія, какое установилось вѣками ранѣе въ ве-

ликорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ; во-вторыхъ, посредникомъ между обѣими сторонами — помѣщиками и крестьянами — является само государство, которое принимаетъ на себя кредитованіе суммъ, необходимыхъ для производства выкупа. Правительство рѣшается, такимъ образомъ, на небывалую, по смѣлости и широтѣ размаха, финансовую операцію.

Немудрено, если мысль объ отпущеніи крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею, какъ мысль новая, еще не нашедшая себѣ примѣненія на Западѣ въ смыслѣ обязательнаго выкупа, сперва запугала и императора Александра II, и его ближайшаго сподвижника, Якова Ивановича Ростовцова. Она впервые нашла выраженіе въ частномъ проектѣ, составленномъ, по просьбѣ великой княгини Елены Павловны, Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ. Проектъ имѣлъ въ виду одно отпущеніе крестьянъ въ имѣніяхъ великой княгини, расположенныхъ въ Полтавской губерніи; въ формѣ записки онъ нѣкоторое время ходилъ по рукамъ и преданъ былъ тисненію только въ апрѣлѣ 1858-го года. Въ своихъ мемуарахъ, часть которыхъ отпечатана въ февральской и мартовской книжкахъ „Вѣстника Европы“, П. П. Семеновъ Тянъ-Шанскій говоритъ: „Статья Кавелина возбудила неудовольствіе Государя и имѣла послѣдствіемъ предписаніе цензурѣ пропускать только статьи, не противорѣчившія духу и направленію программы, утвержденной Главнымъ Комитетомъ“. Кавелинъ настаивалъ на обращеніи крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ собственность жителей селеній путемъ государственнаго выкупа.

Ближайшій помощникъ государя, Ростовцовъ, въ это время, по словамъ того же свидѣтеля, весьма далекъ былъ отъ мысли, что центръ тяжести крестьянскаго вопроса лежитъ не въ личномъ освобожденіи крестьянъ, а въ установленіи опредѣленныхъ закономъ аграрныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Его воззрѣнія на крестьянскій вопросъ на первыхъ порахъ опредѣлились подъ вліяніемъ записки, представленной бывшимъ начальникомъ канцеляріи военнаго министра, богатымъ полтавскимъ помѣщикомъ Михаиломъ Павловичемъ Позеномъ; въ этой запискѣ говорилось о необходимости установить двѣнадцатилѣтній срочнообязанный переходный періодъ, въ теченіе котораго продолжалась бы барщина и полная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ крестьяне сохраняли бы пользованіе своими надѣлами. Позенъ предлагалъ установить обязательный для крестьянъ выкупъ ихъ усадебной осѣдлости. Этотъ выкупъ долженъ былъ произойти согласно оцѣнкѣ,

достаточно высокой, чтобы вмѣстѣ съ платежомъ за усадебную землю, съ воздвигнутыми на ней постройками, помѣщикъ получилъ и замаскированное вознагражденіе за утрату обязательнаго труда крестьянской семьи. Финансировать эту сдѣлку взяло бы на себя правительство, подъ условіемъ обезпеченія его выкупными платежами крестьянъ. Послѣдствіемъ такого порядка было бы: удержаніе помѣщиками исключительно за собою бывшихъ надѣльныхъ земель, полученіе ими вознагражденія за потерю правъ на личность крестьянина и его обязательный трудъ,—другими словами, за то, что въ западныхъ странахъ, начиная со временъ не только французской революціи, но и крѣпостной реформы, проведенной въ 1771-мъ году въ Савойѣ, признано было вовсе не нуждающимся въ выкупѣ, а отмѣняемымъ безвозмездно,—и, наконецъ, обезпеченіе помѣщикамъ необходимой имъ рабочей силы, въ виду того, что выкупившіе свои помѣстья крестьяне экономически остались бы прикрѣпленными къ помѣстью. Проектъ клонился, такимъ образомъ, всецѣло къ выгодѣ помѣщиковъ; правильное полученіе ими суммъ выкупа было бы обезпечено посредничествомъ государства во всей этой операціи. Проектъ Позена, несмотря на свою явно дворянскую тенденцію, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ какъ основанный на мысли объ обязательномъ выкупѣ, производимомъ при посредствѣ государства. Ростовцовъ увлеченъ былъ прежде всего характеромъ постепенности, какой Позенъ придавалъ всей реформѣ. Не взирая, поэтому, на то, что послѣдствіемъ проведенія въ жизнь предложенной схемы было бы обезземеленіе крестьянства, Ростовцовъ, по настоянію Позена, вручилъ его записку государю, а государь передалъ ее на разсмотрѣніе Главнаго Комитета.

Такъ какъ въ мартѣ 1858-го года министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ Ланской, возбудило вопросъ о своевременности для объединенія дѣйствій губернскихъ комитетовъ дать всѣмъ имъ общую программу и представило затѣмъ въ главный комитетъ текстъ такой программы, составленный Яковомъ Соловьевымъ, то Ростовцовъ счелъ возможнымъ въ свою очередь пригласить Позена къ выработкѣ своей собственной программы. При обсужденіи обѣихъ въ Главномъ Комитетѣ принята была программа Позена и самъ онъ, какъ уполномоченный отъ полтавскаго дворянства, включенъ былъ затѣмъ въ члены главнаго редакціоннаго комитета. Принятіе Позеновской программы вызвало цѣлый походъ противъ комитета въ заграничной печати и, въ частности, въ „Колоколѣ“, при чемъ руководителемъ всего движенія явился Николай Милютинъ, дѣйствовавшій заодно съ

Кавелинымъ. Шефъ жандармовъ, В. А. Долгоруковъ, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, и это обстоятельство, какъ разсказываетъ П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій, и было ближайшей причиной удаленія Кавелина отъ занимаемой имъ должности преподавателя наслѣдника престола, цесаревича Николая Александровича. П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій рѣшился воспользоваться своими старыми связями съ Ростовцовымъ и попросить у него свиданія. На этомъ свиданіи будущій секретарь редакціонныхъ коммиссій познакомилъ Ростовцова съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ и развилъ передъ нимъ тотъ взглядъ, что по обычному праву земли помѣстья, входившія въ составъ надѣльныхъ, съ незапамятныхъ временъ состояли въ пользованіи крестьянъ и никогда отъ нихъ не отбирались; наоборотъ, каждое возникающее вновь крестьянское тягло, т.-е. брачная пара, получало изъ земель помѣстья столько пахатной земли, сколько ему по мѣстнымъ условіямъ было необходимо для посѣва; за пользованіе же землею тягло обязано было на помѣстныхъ земляхъ воздѣлывать своимъ трудомъ столько же десятинъ въ разныхъ поляхъ имѣнія, сколько само получило въ обработку. Въ виду такого порядка и барщина была признана всего трехдневной со временъ императора Павла; другіе три дня крестьянинъ работалъ на себя. Сельскимъ обществамъ отводилась, сверхъ того, земля подъ покосы, огороды, выгоны и усадьбы и крестьяне снабжались необходимымъ лѣснымъ матеріаломъ при возникновеніи новыхъ дворовъ и возстановленіи старыхъ. П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій развилъ такимъ образомъ передъ Ростовцовымъ правильную на мой взглядъ доктрину о совладѣніи крестьянъ съ помѣщиками, на которомъ было построено сеньеральное право и крѣпостныя отношенія на Западѣ Европы въ эпоху существованія такъ называемаго феодальнаго или маноріальнаго порядка. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, подъ разными только наименованіями: въ Англіи — „виргаты“ и „полу-виргаты“, въ Германіи—„ganze und halbe Hufen“, во Франціи—„pleine et demie charrue“, нерѣдко также подъ латинскимъ терминомъ mansus (полный и половиный), крестьянскіе дворы наслѣдственно пользовались помѣщичьей землею, платя за нее барщинными работами, регулированными мѣстнымъ обычаемъ или земскимъ правомъ отдѣльныхъ провинцій и областей. По словамъ Семенова, Ростовцовъ впервые отъ него услышалъ о необходимости положить въ основу будущей ликвидаціи крѣпостныхъ порядковъ эту идею совладѣнія крестьянъ съ помѣщиками; изъ идеи совладѣнія логически вытекало, что при эмансн-

паціи крестьянъ необходимо прежде всего въ каждомъ помѣстьѣ раздѣлить земли между помѣщиками и крестьянами такъ, чтобы, признавъ за крестьянами право на неотъемлемое пользованіе почвою въ размѣрѣ, необходимомъ для обезпеченія ихъ экономическаго быта и исполненія государственныхъ повинностей, остальную землю признать уже полною собственностью помѣщика. Семеновъ, повидимому, въ это время не прочь былъ и отъ мысли о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю ихъ права на обязательный трудъ крестьянъ, а равно готовъ былъ считать ихъ свободными отъ всякихъ дальнѣйшихъ сервитутовъ въ пользу крестьянъ. Ростовцовъ, по его словамъ, признался, что всѣ эти мысли были для него новы; новымъ показалось ему и то сообщеніе, что крестьяне смотрятъ на надѣлы, какъ на принадлежащую имъ землю, говоря: „мы—ваши, а земля—наша; мы можемъ или остаться барскими, или снова стать царскими; но земля, которой мы кормились, отъ насъ отойти не можетъ“.

Семеновъ приписываетъ себѣ также честь открытія, при второмъ свиданіи съ Ростовцовымъ, глазъ русскаго государственнаго дѣятеля на то, что составленная Позеномъ программа можетъ принести большой вредъ крестьянину и сдѣлаться серьезнымъ факторомъ его обезземеленія. Разставаясь съ Семеновымъ, Ростовцовъ обѣщалъ ему, во время лѣтняго пребыванія за границей, передумать вновь все крестьянское дѣло, которое теперь, говорилъ онъ, представляется ему въ совершенно новомъ видѣ. Изъза границы Ростовцовъ послалъ государю четыре письма, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ теченіе своего трехмѣсячнаго и совершенно одинокаго пребыванія на водахъ онъ перешелъ на новую точку зрѣнія насчетъ тѣхъ условій, при которыхъ должна быть произведена реформа. Можно сказать даже, что въ первомъ изъ своихъ писемъ, отъ 17-го августа 1858-го года, онъ еще не рѣшается вполнѣ порвать съ мнѣніями Позена и готовъ повторить за нимъ, что выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ, кромѣ усадебъ, представляется въ финансовомъ отношеніи неосуществимымъ. Въ послѣднемъ же письмѣ, отъ 3-го сентября, Ростовцовъ уже является убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею и высказывается, правда—весьма осторожно, за выкупъ надѣловъ при дѣятельномъ участіи правительства. Едва-ли нужно доказывать, что взгляды Ростовцова измѣнились подъ вліяніемъ не однѣхъ только бесѣдъ съ Семеновымъ и что сами эти бесѣды только отразили на себѣ ходячія въ русской передовой интеллигенціи воззрѣнія на невозможность ограничиться одной, такъ называемой уже тогда „птичьей свободой“ для кре-

стьянъ и необходимости устроить экономическій бытъ русскаго земледѣльца, обезпечивъ его въ достаточной степени землею. Эти взгляды находили горячихъ поборниковъ и въ Россіи, и за ея рубежомъ; они высказывались и въ „Колоколѣ“ Герцена, и въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ Кошелева, который даже принужденъ былъ прекратить свое существованіе послѣ того, какъ цензурѣ приказано было не пропускать статей, говорившихъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ; они нашли, наконецъ, выраженіе и въ тѣхъ проектахъ, которые Кошелевъ и Самаринъ отъ имени меньшинства отдѣльныхъ губернскихъ комитетовъ выработали по вопросу о проведеніи крестьянской реформы. Всего важнѣе въ проектѣ меньшинства самарскаго комитета, составителемъ котораго былъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, было то, что крестьяне надѣлялись изъ земель помѣстья такимъ количествомъ, которое вполнѣ могло обезпечить ихъ независимое существованіе. Для этой цѣли Самарская губернія дѣлилась на шесть полосъ и въ каждой изъ нихъ приняты были слѣдующіе нормальные надѣлы: въ первой полосѣ—8 десятинъ на тягло, во второй—12, въ третьей—13, въ четвертой—15, въ пятой—17, въ шестой—22 десятины.

Точно также въ симбирскомъ комитетѣ Татариновъ, отъ имени меньшинства, представилъ проектъ, по которому на тягло отводилось по 7-ми десятинъ, считая въ томъ числѣ и усадебную землю; но выкупъ предоставлялось произвести каждому хозяину въ отдѣльности, не дожидаясь рѣшеній односельчанъ на этотъ счетъ. Эти два предложенія представляютъ, можно сказать, два полюса въ рѣшеніи одного и того же вопроса, и притомъ въ направленіи, благопріятномъ обезпеченію крестьянъ землею. Самаринъ, какъ и всѣ славянофилы, высказывался въ пользу устройства крестьянъ на началахъ общиннаго или мірского землевладѣнія; Татариновъ же былъ горячій сторонникъ частной крестьянской собственности. Если общественное мнѣніе стало, въ концѣ концовъ, на сторону перваго рѣшенія, то несомнѣнно благодаря агитаціи, поднятой въ журналистикѣ, столько же въ предѣлахъ, сколько и за предѣлами нашей родины. Точка зрѣнія Кавелина, Самарина и Герцена нашла въ „Современникѣ“ горячаго поборника, хотя и на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, какія находили свою отправную точку въ извѣстной статьѣ Хомякова о русской сельской общинѣ. Чернышевскій, еще до изданія рескрипта, открылъ талантливую и остроумную полемику по вопросу о сохраненіи общиннаго землевладѣнія съ извѣстнымъ его противникомъ, проф. Вернадскимъ. „Не дерзнемъ — писалъ

онъ—коснуться священнаго и спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашей прошлой жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ. Не дерзнемъ посягнуть на общинное пользованіе землею".

Еще Чернышевскимъ было указано, что общинное землевладѣніе можетъ предохранить отъ роста сельскаго пролетаріата. Это та самая мысль, которую защищаютъ и тѣ, кто, подобно А. А. Чупрову, видятъ въ „общинѣ" въ наше время своего рода страхованіе крестьянъ-земледѣльцевъ отъ старости и болѣзни. Та же мысль нашла выраженіе и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія въ царствованіе Александра III, при ближайшемъ участіи Побѣдоносцева, были приняты съ цѣлью задержать свободный переходъ крестьянъ массами отъ общиннаго къ подворному владѣнію, и въ тѣхъ рѣчахъ, которыя въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ произносимы были противъ поддерживаемаго правительствомъ признанія перешедшими къ частной собственности общинъ, не производившихъ передѣла въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ.

Одно время можно было думать, что правительству не удастся, въ годы съ 1858-го по 1861-ый, провесть основное начало, имъ защищаемое и такъ выгодно обособившее русскую крестьянскую эмансипацію отъ однохарактерныхъ реформъ на Западѣ. Большинство губернскихъ комитетовъ, этихъ выразителей помѣщичьихъ требованій, высказалось и противъ принадлежности крестьянамъ земель помѣстья на началѣ совладѣнія, и противъ оставленія за выходящими на свободу ихъ надѣловъ въ полномъ размѣрѣ, и противъ всякаго признанія за ними правъ пользованія въ лѣсныхъ дачахъ помѣщиковъ. Вообще большинство стояло за отмѣну всѣхъ имущественныхъ сервитутовъ и за обращеніе въ полную и свободную собственность оставшихся за помѣщикомъ земель.

Дворянство многихъ губерній не соглашалось оставить надѣлы за крестьянами болѣе какъ на двѣнадцати-лѣтній срокъ, во время котораго должна была совершиться вся выкупная операція. Въ теченіе этого періода крестьяне должны были нести прежнія повинности, а въ концѣ его — выкупить одну свою усадьбу, и притомъ по цѣнѣ настолько высокой, чтобы вознаградить помѣщиковъ и за потерю ими правъ на личный трудъ крестьянина. Недавно вышедшія, упомянутыя выше воспоминанія П. П. Семенова Тянъ-Шанскаго тѣмъ и интересны, что передаютъ ходъ переговоровъ членовъ редакціонныхъ коммиссій съ уполномоченными большинства и меньшинства дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Эти переговоры шли въ отдѣльности съ уполно-

моченными отъ каждой губерніи. Это не помѣшало, однако, повторенію многими изъ делегатовъ отъ разныхъ губерній однохарактерныхъ требованій, что̀ одно уже свидѣтельствуетъ о томъ, что между ними дѣло не обошлось безъ предварительнаго уговора. Вліяніе полтавскаго помѣщика Позена, одно время опредѣлявшее и взгляды самого Ростовцова, не разъ давало себя чувствовать въ этихъ яко-бы самопроизвольныхъ заявленіяхъ дворянства отдѣльныхъ губерній. Позенъ, какъ разсказываетъ Семеновъ, отрицалъ, что у малороссійскихъ крестьянъ были когда-либо земли въ наслѣдственномъ семейномъ пользованіи въ предѣлахъ помѣстья, за исключеніемъ тѣхъ участковъ, которые они называли „батьковщиной“, т.-е. своего рода старозаимочными. Онъ утверждалъ, что въ Малороссіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, при введеніи крѣпостного права, прикрѣплены были къ землямъ, обращеннымъ въ помѣстья, и безземельные крестьяне; имъ помѣщики стали отводить надѣлы въ томъ или другомъ размѣрѣ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они способны были нести повинности; такимъ образомъ произошли „пѣшіе“ и „тягловые“, по выраженію Позена „скотскіе“ — надѣлы. Къ счастью, въ средѣ редакціонныхъ коммиссій оказалось два знатока малороссійскихъ порядковъ, Тарновскій и Галаганъ; имъ удалось опровергнуть Позена и доказать, что при недавнемъ, сравнительно, введеніи крѣпостного права въ Малороссіи, пріурочены были къ помѣстьямъ и крестьяне, владѣвшіе ранѣе наслѣдственными участками на правахъ собственности. Безземельные получали надѣлы отъ помѣщиковъ, большіе или меньшіе, согласно ихъ работоспособности; отсюда и возникли такъ называемые пѣшіе и тягловые надѣлы. Получившіе ихъ крестьяне призваны были пользоваться землею подворно, т.-е. семейно и наслѣдственно. Только когда дворъ вымиралъ или отказывался отъ своего наслѣдства, помѣщикъ передавалъ надѣлъ въ другія руки. Это происходило въ равной мѣрѣ и съ „батьковскими землями“, такъ что нынѣ самимъ помѣщикамъ трудно указать, какія изъ земель, находящихся въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежатъ къ батьковскимъ, какія предоставлены были безземельнымъ самими помѣщиками. Такое же нежеланіе считаться съ фактомъ совладѣнія землею крестьянъ съ помѣщиками сказалось и въ великорусскихъ губерніяхъ; на немъ настаивали, однако, Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ и Кошелевъ. Въ проектѣ, составленномъ отъ имени меньшинства рязанскаго земства, признавалось „давно освященное обычнымъ правомъ участіе крѣпкихъ къ помѣстьямъ крестьянъ въ пользованіи землею“ и ука-

зывалось на то, что искони проводилось въ помѣстьяхъ различіе между землею помѣщика и мірскою. Этотъ проектъ, первый по времени изъ составленныхъ губернскими комитетами, призналъ необходимость сохранить за крестьянами нынѣшніе ихъ надѣлы, такъ какъ только при соблюденіи этого условія можно надѣяться на мирное окончаніе начатой реформы". По словамъ Кошелева и Д. Самарина, крестьяне охотнѣе согласятся нести нелегкія для нихъ повинности, чѣмъ уступить часть мірской земли подъ условіемъ ихъ сокращенія. „Повинности,—говорятъ они,—дѣло преходящее, а земля—дѣло вѣчное; тѣ отбудешь, да и забудешь, а безъ земли плохо и міру взять ее неоткуда. Теперь дѣло устраивается навсегда; если мы нынѣ обдѣлены будемъ землею, то впослѣдствіи помочь этой бѣдѣ уже будетъ нельзя" [1]).

Большинство губернскихъ комитетовъ высказывалось, наоборотъ, или за совершенное отнятіе у крестьянъ надѣловъ, что обезпечило бы помѣщикамъ возможность имѣть дешевыхъ рабочихъ, или за отрѣзку 40 и даже 60% отъ существующихъ надѣловъ [2]). Позенъ былъ сторонникомъ личнаго освобожденія крестьянъ; но, опасаясь, что внезапное и безусловное отпущеніе на волю можетъ вызвать переселеніе массами, онъ придумалъ удержать ихъ въ теченіе 9-ти или 12-ти лѣтъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, а въ концѣ этого срока обезземелить и превратить въ батраковъ, имѣющихъ только усадьбы. Мысль Позена нашла выраженіе въ законопроектѣ, составленномъ большинствомъ полтавскаго комитета, отъ котораго онъ избранъ былъ депутатомъ.

Уполномоченные отъ Ярославской губерніи, гдѣ большинство крестьянъ были уже не на барщинѣ, а на оброкѣ, соглашались на надѣленіе ихъ землею, но подъ условіемъ обязательнаго выкупа, настолько высокаго, чтобы не только покрыть стоимость земли, пріобрѣтаемой крестьянами, но и быть до нѣкоторой степени капитализаціей всѣхъ оброковъ, которые лежали какъ на мѣстныхъ промыслахъ крестьянъ, такъ и на ихъ отхожихъ промыслахъ.

Депутаты отъ Владимірской губерніи распались на большинство и меньшинство, или, вѣрнѣе—меньшинства, такъ какъ ихъ было два. Меньшинство стояло за передачу надѣловъ въ собственность крестьянамъ подъ условіемъ выкупа; оно считали необходимымъ предоставить имъ также пользованіе полевыми угодьями и

[1]) Стр. 106 и 107. Проектъ Самарина и Кошелева составленъ былъ еще осенью 1858 года.

[2]) Ibid., стр. 297.

сохранить въ неприкосновенности начало общиннаго владѣнія землею, при удержаніи за каждымъ дворомъ всего существующаго надѣла. Большинство, устами своего представителя, Парначева, требовало, наоборотъ, „отрѣзки отъ надѣловъ на полъдесятинку и увеличенія высшаго оброка на одинъ рубликъ“ [1]).

Московскіе дворяне соглашались на сохраненіе надѣловъ за крестьянами только на двѣнадцатилѣтній срокъ, по истеченіи котораго добровольнымъ соглашеніямъ ихъ съ помѣщиками предоставлено было опредѣлить условія выкупа; размѣръ же самыхъ надѣловъ предлагалось сократить наполовину.

Тамбовскіе помѣщики стояли за обязательный выкупъ крестьянами своихъ надѣловъ, но уменьшенныхъ въ размѣрѣ. Они предлагали очень высокій выкупъ и стремились къ тому, чтобы крестьяне сохранили лишь половину тѣхъ надѣловъ, какіе были въ ихъ рукахъ при крѣпостномъ правѣ. Всѣ уполномоченные губернскихъ комитетовъ, даже отъ такихъ лѣсныхъ губерній, какъ Вятская, высказались за упраздненіе крестьянскихъ сервитутовъ въ лѣсахъ помѣщика. „Единодушный протестъ—пишетъ Семеновъ [2])—великороссійскихъ депутатовъ противъ сохраненія въ занадѣльныхъ лѣсахъ помѣщиковъ лѣсныхъ сервитутовъ убѣдилъ членовъ редакціонныхъ коммиссій въ томъ, что при правильномъ ихъ стремленіи раздѣлить земли помѣщика на двѣ части—мірскія и помѣщичьи—собственность на эти послѣднія не можетъ быть прочно установлена иначе, какъ снятіемъ съ нея всякихъ сервитутовъ“. Нижегородскіе депутаты требовали, чтобы при установленіи нормальнаго надѣла у крестьянъ отобрано было 37% состоявшихъ въ ихъ пользованіи земель. Меньшинство шло далѣе: оно хотѣло отрѣзки 60% того, чѣмъ крестьяне владѣли при крѣпостномъ правѣ. Рязанскіе депутаты, въ лицѣ Офросимова, стояли за немедленный выкупъ; Офросимовъ заявлялъ, что введеніе крѣпостного права было въ XVI-мъ вѣкѣ споніаціей свободы народныхъ массъ, какъ надѣленіе нынѣ крестьянъ землею является споніаціей помѣщиковъ. На вопросъ, можно ли въ такомъ земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія, освободить болѣе 20.000.000 земледѣльцевъ безъ земли, онъ отвѣчалъ отрицательно, но въ то же время требовалъ, чтобы выкупъ произведенъ былъ немедленно, при участіи правительства. Онъ не мирился съ мыслью, что эта финансовая операція требуетъ извѣстной продолжительности, а иначе не придется по силамъ правительству.

---

[1]) Ibid., стр. 312—314.

[2]) Ibid., стр. 330.

Воронежскій губернскій комитетъ рѣшительно отказывался даровать крестьянамъ право безсрочнаго пользованія ихъ надѣлами на началахъ общиннаго владѣнія. Это, по словамъ кн. Гагарина, одного изъ воронежскихъ уполномоченныхъ, было бы равносильно введенію въ Россіи административнымъ путемъ началъ коммунизма [1]). Саратовскіе депутаты, соглашаясь на надѣленіе крестьянъ землею, стояли за то, чтобы повинности періодически измѣняемы были въ своемъ размѣрѣ, сообразно съ измѣненіями цѣнъ на хлѣбъ. Что касается до симбирскаго комитета, то его уполномоченный Шидловскій отрицалъ право крестьянъ на какія бы то ни было земли помѣстья, а потому и не желалъ сохранить за ними существующіе надѣлы. Самое большее, на что шли симбирскіе депутаты — это сохраненіе надѣловъ въ рукахъ крестьянъ на ближайшія двѣнадцать лѣтъ, т.-е. въ переходную эпоху [2]). Псковскіе депутаты были податливы по вопросу объ удержаніи земли за крестьянами, но рѣшительно высказывались противъ крестьянскихъ сервитутовъ; одинъ изъ нихъ, Волковъ, заявлялъ, что помѣщики обратятъ въ уголь всѣ свои лѣса, если на нихъ наложатъ какіенибудь сервитуты. Новгородскій депутатъ большинства высказался противъ безсрочнаго пользованія землею крестьянъ и противъ неизмѣнности ихъ повинностей, признавая въ то же время, что обязательный для обѣихъ сторонъ выкупъ — единственный возможный исходъ при регулированіи аграрныхъ отношеній.

Приведенныхъ данныхъ, кажется, достаточно для того, чтобы признать рѣшительное противодѣйствіе губернскихъ комитетовъ желаніямъ Царя-Освободителя, главнаго его помощника при проведеніи крестьянской реформы и въ особенности Милютина, Черкасскаго и Самарина, стоявшихъ, какъ мы видѣли, за земельное обезпеченіе крестьянства въ размѣрахъ не только достаточныхъ для устройства ихъ матеріальнаго быта, но и не уступающихъ по своей величинѣ крѣпостнымъ надѣламъ. Поддерживаемая крупными сановниками агитація Позена, Шидловскаго и Безобразова, приняла въ серединѣ октября 1859-го года настолько острую форму, что государю представленъ былъ адресъ, или точнѣе два адреса: одинъ—отъ восемнадцати депутатовъ губернскихъ комитетовъ, другой—отъ одного Шидловскаго. Въ послѣднемъ можно было прочесть жалобу на то, что редакціонныя коммиссіи рѣшительно намѣрены уничтожить сословное

---

[1]) Стр. 371.

[2]) Стр. 376.

и имущественное значеніе дворянства. Шидловскій просилъ государя кончить все дѣло крестьянской реформы подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ и при участіи спеціально избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства. Одновременно племянникъ кн. Орлова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Н. А. Безобразовъ, подалъ государю записку, заключавшую въ себѣ цѣлый обвинительный актъ противъ членовъ главнаго редакціоннаго комитета. Государь помѣтилъ оба документа на поляхъ слѣдующими приписками: „Вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ! Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическую конституцію“.

По поводу полученія этихъ адресовъ, Александръ II писалъ Ростовцову: „Кромѣ адреса Шидловскаго, я еще получилъ два другихъ; послѣдній въ особенности ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности. Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они очень ошибаются,—я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святаго дѣла, чтобы кто-либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго“.

Преждевременная смерть Ростовцова и замѣщеніе его графомъ Панинымъ, 11-го февраля 1860-го года, къ сожалѣнію, во многомъ отклонила предвидимый исходъ крестьянской реформы и повела къ тому сокращенію надѣловъ, мѣстами вплоть до нищенскихъ, которое всѣми нашими изслѣдователями, отъ Янсона до профессора Иванюкова включительно, признается главнѣйшей причиной крестьянскаго обѣдненія; но все-же русскій крестьянинъ вышелъ на свободу не безземельнымъ батракомъ, какъ англійскій, напримѣръ, а наслѣдственнымъ мірскимъ пользователемъ.

Если общественнымъ дѣятелямъ 1858—61 гг., шедшимъ въ этомъ вопросѣ за-одно съ передовой журналистикой, удалось отстоять мысль о надѣленіи крестьянъ землею, и притомъ на общинномъ началѣ всюду, кромѣ тѣхъ губерній, въ которыхъ, какъ въ малороссійскихъ и отчасти сѣверо- и юго-западныхъ, сельская община оставалась неизвѣстной, то выкупная операція въ значительной степени оказалась успѣшною только потому, что правительство могло сократить ея размѣры, воспользовавшись задолженностью дворянскихъ имѣній въ приказахъ общественнаго призрѣнія, и соотвѣтственно затратить несравненно меньшую сумму на производство своей финансовой операціи.

На это обстоятельство не разъ было указываемо, между прочимъ—въ трудѣ проф. Иванюкова: „Паденіе крѣпостного права“.

III.

Насколько, спрашивается, проведенное министерствомъ Столыпина новое землеустройство обезпечиваетъ сохраненіе въ рукахъ крестьянства въ теченіе вѣковъ воздѣлываемой имъ земли? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ не одинъ законъ 14-го іюня, но и только что прошедшій черезъ Государственный Совѣтъ законопроектъ о землеустройствѣ.

Я имѣлъ случай не разъ высказываться противъ перваго, и каждый разъ изъ опасенія, что проведеніе его въ жизнь неминуемо поведетъ къ разрыву вѣковой связи народа съ землей. Я высказывалъ и высказываю эти опасенія не только потому, что законъ 14-го іюня призналъ возможнымъ считать перешедшими къ частной собственности тѣ сельскія общества, которыя, не прекращая частныхъ передѣловъ, не считали нужнымъ произвести общихъ, но и потому, что имъ, вопреки прежнимъ рѣшеніямъ и Сената, и Государственнаго Совѣта, нераздѣльное обладаніе землею цѣлыми крестьянскими дворами или семейными общинами признано несуществующимъ.

Несравненно болѣе меня компетентный въ этомъ вопросѣ профессоръ Посниковъ справедливо говоритъ: „большинство Государственнаго Совѣта не пожелало обратить вниманія на многочисленныя указанія, ему сдѣланныя насчетъ того, что отсутствіе общихъ передѣловъ вовсе не служитъ доказательствомъ перехода отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности и совсѣмъ не означаетъ прекращенія практики передѣловъ вообще. Постановленіе статьи I-ой закона 14-го іюня, согласно которой общества и селенія, въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, признаются перешедшими къ частному (участковому и подворному) владѣнію, совершенно произвольно и не соотвѣтствуетъ природѣ общиннаго землевладѣнія, такъ какъ послѣднее представляетъ примѣры мірского пользованія землею въ теченіе многихъ лѣтъ безъ производства общихъ передѣловъ“. Тотъ же писатель справедливо полагаетъ, что, предоставивъ въ статьѣ 9-ой каждому домохозяину въ селеніяхъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, во всякое время требовать укрѣпленія въ личную собственность причитающейся ему части мірской земли, законъ принесъ въ жертву хозяйственныя выгоды большинства членовъ общины прихоти отдѣльнаго лица.

Вполнѣ справедливо и то соображеніе, что такое право бу-

детъ искусственно вызывать упраздненіе мірской собственности. „Предоставленіе частному лицу укрѣплять за собою въ собственность мірскую землю въ количествѣ, значительно большемъ чѣмъ то, какое слѣдуетъ ему по разверсткѣ и подъ условіемъ уплаты обществу стоимости этого излишка, опредѣляемой по первоначально средней выкупной цѣнѣ за десятину (а не по дѣйствительной ея цѣнѣ въ моментъ пріобрѣтенія), откроетъ возможность экспропріаціи коллективной собственности отдѣльными лицами“ [1]).

Что касается до того вліянія, какое на сокращеніе числа лицъ, владѣющихъ землею въ крестьянской средѣ, окажетъ признаніе несуществующимъ нераздѣльнаго дворового пользованія, или, что то-же—семейной собственности, то по этому вопросу я высказался съ достаточной опредѣленностью и въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ теченіе прошлой зимы, и въ статьѣ, озаглавленной: „Семейная Собственность“; она была отпечатана въ № 14-мъ „Запросовъ Жизни“. Я доказывалъ и продолжаю доказывать, что невозможность отчужденія семейнаго достоянія главою двора при явномъ противодѣйствіи матери и дѣтей всюду являлась и является условіемъ сохраненія земли за ея воздѣлывателями. Въ этомъ отношеніи, къ счастью, я не стою одиноко: ту же мысль высказывалъ нѣсколько лѣтъ назадъ г. Лыкошинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ то время, когда онъ еще не исполнялъ этой должности, и ту же мысль продолжаетъ защищать г. Тютрюмовъ, оберъ-прокуроръ второго департамента Сената, прекрасный знатокъ нашего обычнаго права, сказавшій недавно въ своемъ докладѣ юридическому обществу: „съ семейной собственностью надо считаться, чтобы не нарушать справедливыхъ интересовъ земледѣльческаго населенія“.

Все, что мнѣ приходится читать по исторіи землевладѣнія на Западѣ, укрѣпляетъ во мнѣ увѣренность въ тѣсной связи крестьянскаго обезземеленія съ упраздненіемъ начала нераздѣльности дворовой собственности. Укажу для примѣра хотя бы на слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, въ которыхъ дворовая собственность всего долѣе удержалась, а именно въ южной и сѣверозападной, крестьянинъ сохранилъ землю за собою. Теодоръ Кнаппъ высказываетъ эту мысль, подкрѣпленную имъ массою историческихъ данныхъ, въ слѣдующихъ словахъ: „сѣверозападная Германія и южная представляютъ ту осо-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, сентябрь 1910 г., стр. 240—244.

бенность, что въ нихъ земля въ громадномъ количествѣ осталась во владѣніи крестьянства, тогда какъ въ сѣверовосточной Германіи, включая въ нее и Богемію съ сосѣдними землями, крестьянская земля была поглощена господской, иначе говоря — крупнымъ землевладѣніемъ". Объясняя причину этого явленія, цитируемый мною писатель доказываетъ, что въ южной Германіи, какъ и въ сѣверозападной, такъ называемые „Erblehen", т.-е. наслѣдственные надѣлы крестьянскихъ дворовъ, были несравненно болѣе распространены, чѣмъ „Fallehen", т.-е. участки, сдаваемые крестьянской семьѣ помѣщикомъ только на срокъ или пожизненно до кончины съемщика; въ послѣднемъ случаѣ помѣстныя округленія явились общимъ правиломъ, тогда какъ въ первомъ они были затруднены наслѣдственнымъ характеромъ нераздѣльной дворовой собственности крестьянъ. Кнаппъ описываетъ природу этого нераздѣльнаго владѣнія семьи, говоря: „помѣщикъ давалъ свое согласіе на то, чтобы снятый у него участокъ воздѣлывался силами всей семьи, которая бы дѣлила между собою только годовой урожай. Встрѣчались также случаи совмѣстной жизни всѣхъ членовъ семейной общины („Hausgemeinschaft"): они не дѣлили дохода и держали общій столъ (aszen ein Brod); это было весьма распространеннымъ правиломъ въ Шварцвальдѣ вплоть до XV-го вѣка. Одному лицу поручалось здѣсь представлять семейную общину въ ея сношеніяхъ съ земельнымъ собственникомъ. Съ кончиной этого домовладыки связанъ былъ платежъ помѣщику лучшей скотины (Besthaupt). Обыкновенно такимъ представителемъ семьи выбирался младшій, но имѣлись случаи отдачи предпочтенія и старшему брату. Семейная община удержалась до французской революціи въ восточной половинѣ королевства, въ Савойѣ, въ кантонѣ Ваадтъ, и отчасти въ Лотарингіи" [1]).

Въ славянскомъ мірѣ та же семейная община подъ разными названіями — „задруги", „общей купы" и т. д. — уцѣлѣла и по настоящій день въ Сербіи, Черногоріи, бывшей австрійской Военной Границѣ. Какъ показываютъ нѣкоторыя новѣйшія работы и знакомство съ древнѣйшими памятниками права, чешскаго и польскаго, она одинаково извѣстна была и западнымъ славянамъ; ею, значитъ, въ такой же степени объясняется сохраненіе земли въ рукахъ сельскихъ воздѣлывателей на протяженіи всѣхъ славянскихъ странъ, лежащихъ за предѣлами Великороссіи, какъ въ послѣдней — утвердившеюся, повидимому, уже къ XVI-му вѣку си-

[1]) „Beiträge zur Rechts - und Wirtschaftsgeschichte des deutschen Bauernstandes", стр. 429 – 430.

стемою мірского пользованія и скорѣе частныхъ, чѣмъ общихъ передѣловъ; послѣдніе вошли въ практику только вслѣдъ за введеніемъ Петромъ I-мъ переписей, періодически возобновляемыхъ.

Не разъ было дѣлаемо то замѣчаніе, что историческій опытъ проходитъ безслѣдно для законодателей. Къ сожалѣнію, это можетъ быть признано справедливымъ и въ примѣненіи къ закону 14-го іюня. Еще во второй половинѣ XIX-го вѣка поставленъ былъ въ южной Германіи вопросъ о томъ, приложимо ли къ общиннымъ землямъ правило о добровольномъ выходѣ изъ нераздѣльности, какое признается за совладѣльцами одного и того же имущества. Южно-германскіе и швейцарскіе юристы отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, признавая, что такъ называемая „Feldgemeinschaft“ — далеко не то же, что римскій „Condominium“. И на другой вопросъ, поднятый при прохожденіи въ нашихъ законодательныхъ палатахъ закона 14-го іюня, еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка данъ былъ въ Германіи отрицательный отвѣтъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Ганноверѣ, Силезіи и Восточной Пруссіи, предстояло рѣшить, слѣдуетъ ли дѣлить общинныя земли, если на то предъявлено будетъ требованіе со стороны ничтожнаго меньшинства членовъ міра. Какъ и у насъ, признано было, что такого желанія вполнѣ достаточно для раздѣла. Послѣдствіемъ было быстрое исчезновеніе мірскихъ земель, невыгодно отразившееся на экономическихъ судьбахъ крестьянства. Въ виду этого, начиная съ 1808-го года, на протяженіи всей Пруссіи было признано, что раздѣлъ общинныхъ земель мыслимъ только въ томъ случаѣ, когда въ пользу его высказывается большинство жителей селенія. Южно-германскія государства признали недостаточнымъ и это ограниченіе; ихъ законы о раздѣлахъ потребовали усиленнаго большинства двухъ третей или трехъ пятыхъ для того, чтобы раздѣлъ былъ признанъ необходимымъ. Новѣйшее законодательство Европы также опредѣленно высказалось за необходимость особыхъ мѣръ, обезпечивающихъ сохраненіе земельной собственности въ рукахъ крестьянъ. Можно было думать, что законы о Homestead'ахъ—неотчуждаемыхъ дворовыхъ участкахъ, изданные многими штатами Сѣверной Америки, какъ и однохарактерныя по задачамъ мѣропріятія, связанныя съ признаніемъ такъ называемыхъ „Anerbschaften“ въ Германіи и „Biens de famille inaliénables“—во Франціи, побудятъ и русскаго законодателя не спѣшить съ упраздненіемъ стародавняго обычая семейнаго совладѣнія надѣльной землей, еще строго соблюдаемаго во многихъ мѣстностяхъ Россіи, въ томъ числѣ въ западномъ краѣ. Не было, повидимому, ближай-

шаго основанія порывать съ прошлымъ для того, чтобы въ ближайшемъ будущемъ заимствовать изъ чужихъ странъ средства борьбы съ обезземеленіемъ, разъ эти средства даны существующими обычаями. И въ этомъ отношеніи, однако, всѣ разсчеты, какъ мы видѣли, оказались ошибочными, и большинство, послушное голосу премьера, поспѣшило принять цѣликомъ и лишь съ небольшими измѣненіями законъ, состоявшійся — вопреки самому понятію объ указѣ, издаваемомъ подъ вліяніемъ неотложной необходимости,—въ порядкѣ 87-ой статьи.

Сознаніе чрезмѣрной спѣшности и необдуманности нѣкоторыхъ рѣшеній, принятыхъ въ прошломъ году при обсужденіи закона 14-го іюня, повидимому, овладѣло постепенно членами нашей верхней палаты. Хотя правительство и продолжаетъ утверждать, что законъ 14-го іюня встрѣченъ съ восторгомъ массою крестьянства, но изъ рядовъ послѣдняго иногда проникаютъ къ намъ черезъ печать или въ формѣ коллективныхъ ходатайствъ данныя, рѣшительно идущія вразрѣзъ съ оффиціальными и оффиціозными заявленіями нашихъ землеустроителей. Въ статьѣ, напечатанной мною въ первомъ январскомъ номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей“, я привелъ въ качествѣ примѣра отрывокъ изъ коллективнаго письма жителей одной волости Тверской губерніи, въ которомъ указано было на вопіющій фактъ давленія, произведеннаго на нихъ земскимъ начальникомъ въ вопросѣ о переходѣ къ отрѣзнымъ участкамъ. Они настаивали на томъ, чтобы имъ нарѣзаны были паи въ каждомъ изъ трехъ полей, а взамѣнъ этого ихъ принудили перейти къ хуторскому хозяйству. Случаи подобнаго рода, разумѣется, нерѣдки: крестьяне упорствуютъ въ желаніи остаться при прежнихъ порядкахъ мірского пользованія. Лучшее доказательство тому я вижу въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ интересахъ ускоренія перехода къ отрѣзнымъ участкамъ, въ средѣ самихъ землеустроителей обнаружилось теченіе, благопріятное признанію, что если въ общинѣ одна треть жителей продолжаетъ настаивать на своемъ нежеланіи порвать съ мірскою системою землевладѣнія, то нѣтъ основанія насильственно принуждать ее къ раздѣлу. Законъ, какъ извѣстно, признавалъ и признаетъ, что двухъ третей голосовъ достаточно, чтобы перейти отъ мірского владѣнія къ частному; и вотъ, лица, призванныя къ проведенію землеустройства на практикѣ, вопреки закону, готовы идти на то, чтобы оставить нераздѣленными земли одной трети крестьянъ того селенія, въ которомъ двѣ трети высказались за переходъ на отрубные участки. Въ подкоммиссіи по законопроекту о землеустройствѣ произошелъ

обмѣнъ мыслей по этому вопросу, и члены правительства, на немъ присутствовавшіе, не связывая своего начальства, высказали личное мнѣніе, клонившееся къ признанію, что ихъ работа будетъ въ значительной степени облегчена, если принято будетъ предложеніе г. Стишинскаго о томъ, чтобы переходъ къ отрубнымъ участкамъ обходился безъ принужденія по отношенію къ той трети жителей селенія, которая желала бы остаться при мірскомъ пользованіи. Правда, главное управленіе землеустройствомъ не согласилось, въ концѣ концовъ, пойти на это предложеніе; но весьма знаменателенъ уже тотъ фактъ, что въ среду самихъ землеустроителей проникло сомнѣніе въ пользѣ настаивать на насильственномъ упраздненіи мірской собственности, хотя бы это и было согласно съ буквой закона.

Если имѣть въ виду, что при проведеніи въ жизнь закона 14-го іюня легко можетъ быть допущено то, что̀ лишь съ натяжкой можно окрестить терминомъ нравственнаго принужденія, то вполнѣ понятнымъ является желаніе меньшинства коммиссіи Государственнаго Совѣта по землеустройству обезпечить жалобщикамъ возможность какъ аппеляціи, такъ и кассаціи рѣшеній, признаваемыхъ ими неправильными. Для разбирательства споровъ, вызываемыхъ дѣятельностью землеустроительныхъ учрежденій, законопроектъ устанавливаетъ собственно только двѣ инстанціи: одну, въ уѣздѣ, для разсмотрѣнія дѣлъ по существу, другую — въ губерніи, для повѣрки въ кассаціонномъ порядкѣ правильности самой постановки рѣшенія. Землемѣра и земскаго начальника, составляющаго на мѣстахъ проектъ землеустройства, нельзя считать за особую инстанцію, такъ какъ онъ никакихъ рѣшеній не постановляетъ, а только подготовляетъ дѣло для разсмотрѣнія его въ мѣстной уѣздной коммиссіи; послѣдняя и является, такимъ образомъ, первой и единственной инстанціей, окончательно разсматривающей дѣло по существу. Землеустроителемъ всего чаще будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, землемѣръ; трудно за такимъ лицомъ признать роль судьи, рѣшителя вопроса; поэтому первой инстанціей является уѣздная землеустроительная коммиссія. Меньшинство коммиссіи желало сдѣлать ее и послѣдней инстанціей; постановленія ея, по его мнѣнію, могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ губернской землеустроительной коммиссіи, причемъ для обжалованія допускаются лишь слѣдующіе поводы: 1) неподвѣдомственность уѣздной коммиссіи принятаго ею къ разсмотрѣнію дѣла и 2) нарушеніе ею предѣловъ власти и всякое иное явное нарушеніе закона. Еслибы такой порядокъ былъ принятъ, то онъ предста-

вилъ бы собою полное отступленіе отъ усвоеннаго нашимъ закономъ начала, согласно которому дѣла, подлежащія вѣдѣнію судебныхъ или административно-судебныхъ установленій и связанныя со сколько-нибудь значительными правами и интересами частныхъ лицъ, а также дѣла по земельному устройству сельскихъ обывателей разныхъ наименованій, разсматриваются не иначе какъ въ двухъ инстанціяхъ по существу, съ допущеніемъ, затѣмъ, кассаціоннаго обжалованія. Нельзя забывать, что дѣла, подвѣдомственныя землеустроительнымъ учрежденіямъ, затрогиваютъ важнѣйшія права населенія: права его на землю. Быстрота рѣшенія этихъ дѣлъ не должна идти въ ущербъ правильности и справедливости ихъ разрѣшенія.

Эти соображенія, какъ я полагаю, ратуютъ въ пользу признанія за Сенатомъ роли кассаціонной инстанціи во всѣхъ спорахъ по землеустройству, разъ предметомъ ихъ является, положимъ, такой столько же фактическій, сколько юридическій по своей природѣ вопросъ, какъ наличность или отсутствіе давности владѣнія. Нельзя, поэтому, отнестись иначе, какъ съ признательностью къ тѣмъ членамъ землеустроительной коммиссіи нашей верхней палаты, которые высказались за сохраненіе права кассаціоннаго обжалованія передъ Сенатомъ рѣшеній губернскихъ коммиссій. Недавнія пренія, происходившія на этотъ счетъ въ общемъ собраніи нашей верхней палаты, счастливо закончились голосованіемъ, показавшимъ, что большинство стоитъ на стражѣ правъ нашего высшаго судилища и принципа единства кассаціи. Будемъ надѣяться, что и согласительная коммиссія въ 12 человѣкъ, избранныхъ въ равномъ числѣ Думою и Государственнымъ Совѣтомъ, не поколеблетъ этого вполнѣ укоренившагося у насъ начала. Землеустроительныя работы, задѣвающія, по необходимости, интересы какъ общинныхъ, такъ и частныхъ собственниковъ, потеряютъ отъ этого, быть можетъ, въ своей скорости, но онѣ окажутся болѣе прочными. Недовольство, ими возбуждаемое, найдетъ естественный исходъ путемъ жалобъ въ высшія инстанціи. Элементъ насилія, выступавшій доселѣ въ требованіи, чтобы нежелающая идти на отрубное хозяйство треть жителей общины подчинялась волѣ большинства, совершенно отпадетъ, такъ какъ Государственный Совѣтъ призналъ за третью жителей общины право не переходить на отруба.

Землемѣръ и земскій начальникъ лишены будутъ неподобающей имъ роли истолкователей земельныхъ законовъ на мѣстахъ и своего рода судей первой инстанціи; уѣздныя и губернскія коммиссіи, въ которыя необходимо входятъ члены окруж-

ныхъ судовъ, раздѣлятъ между собою всю работу по разсмотрѣнію споровъ, поводъ къ которымъ можетъ подать незакономѣрное исполненіе землеустроительныхъ работъ, а Сенатъ озаботится тѣмъ, чтобы одинъ и тотъ же порядокъ рѣшенія споровъ по землеустройству одинаково былъ соблюдаемъ повсюду, гдѣ производятся землеустроительныя работы.

Государственнымъ Совѣтомъ принято пожеланіе, чтобы эти работы распространены были на Западный Край, Польшу и Кавказъ. Такъ какъ въ послѣднемъ уцѣлѣли остатки крѣпостного права, то законодательнымъ палатамъ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ завершить въ нашей южной окраинѣ дѣло Царя-Освободителя. Будемъ надѣяться, что въ столѣтній юбилей патріотической войны двѣнадцатаго года на всемъ протяженіи Россійской Имперіи не окажется болѣе ни одного холопа и крѣпостного.

Максимъ Ковалевскій.

ПИСЬМА
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО
КЪ
Г. С. САБЛУКОВУ

Письма Николая Гавриловича Чернышевскаго найдены нами при разборѣ рукописей покойнаго Ф. В. Духовникова. Рукописи эти принадлежатъ М. В. Шмелевой. Приносимъ ей глубокую благодарность за разрѣшеніе пользоваться этимъ цѣннымъ матеріаломъ. Не можемъ также не выразить искренней признательности Г. Г. Дыбову, который способствовалъ доставленію намъ этихъ матеріаловъ.

Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ учителемъ въ саратовской духовной семинаріи, а потомъ профессоромъ казанской духовной академіи [1]). При Чернышевскомъ это былъ одинъ изъ лучшихъ

[1]) Проф. Аристовъ, въ своей книгѣ: „А. П. Щаповъ“ (Спб. 1883), гдѣ онъ вспоминаетъ, между прочимъ, всѣхъ преподавателей казанской академіи, въ которой воспитывался Щаповъ, даетъ слѣдующую характеристику Саблукова: „Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ и классическихъ языковъ; онъ преподавалъ у насъ греческій языкъ замѣчательнымъ образомъ. Каждое слово, каждое выраженіе выяснялъ путемъ сравнительной филологіи, сообщалъ массу свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ. Вообще его пріемы преподаванія можно считать образцовыми, да вдобавокъ и поучиться у него было чему. Онъ постоянно, для объясненія византійскихъ писателей, прибѣгалъ къ восточной литературѣ и указывалъ на ихъ взаимную связь. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ трудился надъ составленіемъ татарской грамматики, и когда совсѣмъ

учителей семинаріи. Трогательно читать, какъ Николай Гавриловичъ заботится о своемъ бывшемъ учителѣ, бѣгаетъ для него по книжнымъ лавкамъ, дѣлаетъ выписки изъ книгъ и лекцій профессоровъ, наводитъ справки и т. п.

У Саблукова какъ разъ въ это время умерла жена, и Чернышевскій написалъ убитому горемъ вдовцу нѣсколько очень теплыхъ словъ (Письмо 3-е).—*А. Л.*

1.

Получено 8-го ноября 1846 г.

Любезнѣйшій, незабвенный наставникъ мой! Обстоятельства, извѣстныя Вамъ, не допустили меня избрать восточный факультетъ: но ни любовь моя къ восточнымъ языкамъ и исторіи, ни, въ этомъ, надѣюсь, я не долженъ увѣрять Васъ, ни признательность и живѣйшая благодарность моя къ Вамъ, какъ первому наставнику моему по восточнымъ языкамъ, не могли и не могутъ уменьшиться отъ того, что другіе предметы долженъ формально изучать я въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ. Въ Петербургскомъ университетѣ начинаютъ изученіе восточныхъ языковъ съ арабскаго, на второй годъ присоединяется персидскій языкъ, и, наконецъ, на третій уже годъ—турецкій.

Сенковскій довольно рѣдко бываетъ на лекціяхъ.

Исторію всеобщую читаетъ филологамъ Куторга младшій. Мнѣ онъ нравится несравненно болѣе всѣхъ другихъ профессоровъ, которые намъ читаютъ. Онъ занимается менѣе политическою исторіею, нежели исторіею литературы и науки, сколько наука и литература имѣли вліяніе на исторію всеобщую и служили выраженіемъ духа времени. Такъ объ Аристофанѣ, напримѣръ, читалъ онъ три лекціи.

Болѣе, нежели фактами, занимается онъ самыми дѣйствователями: и здѣсь онъ ревностный защитникъ всѣхъ оскорбляемыхъ и унижаемыхъ, не только какого-нибудь Клеона, но даже и Критіаса.

На многіе предметы смотритъ онъ со своей точки зрѣнія. Такъ напримѣръ, Ѳукидидъ, безпристрастіе котораго такъ всѣ превозносятъ, по его мнѣнію—человѣкъ со слишкомъ глубокимъ аристократическимъ убѣжденіемъ, чтобы не быть ему въ высшей степени пристрастнымъ, чтобы не быть жесточайшимъ врагомъ

приготовилъ ее къ печати, случайный пожаръ, въ 1856 г. іюня 5-го, уничтожилъ единственную рукопись—и весь замѣчательный трудъ ученаго погибъ безвозвратно, къ величайшему его огорченію. Онъ былъ полнымъ олицетвореніемъ идеала ученаго мужа, образцомъ необычайнаго трудолюбія, высокой честности и святой жизни".

партіи реформы и демократіи. И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ хорошо доказываетъ это, между прочимъ сличая Ѳукидида съ Плутархомъ и Діодоромъ, что видишь, какъ Ѳукидидъ выставляетъ вездѣ одну мрачную сторону переворота, совершившагося въ это время въ Аѳинахъ и во всей Греціи.

На дняхъ вышелъ третій томъ „Римскихъ Древностей“ Беккера, лучшаго сочиненія въ своемъ родѣ.

Я не знаю, должно ли мнѣ говорить, что еслибы могъ что-нибудь сдѣлать для Васъ, Гордѣй Семеновичъ, то это доставило бы мнѣ величайшее утѣшеніе. Сдѣлайте милость, если Вамъ нужны справки или что-нибудь подобное, если Вамъ нужно справиться о цѣнѣ книгъ или выписать какія-нибудь, то поручайте это мнѣ: если я самъ не буду въ состояніи исполнить то, что нужно для Васъ, то всякій изъ нашихъ профессоровъ съ удовольствіемъ доставитъ мнѣ нужныя свѣденія.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Пелагеѣ Исидоровнѣ [1]).

Честь имѣю остаться ученикъ Вашъ студентъ С.-Петербургскаго университета *Николай Чернышевскій*.

Спб. 1846 года, октября 25.

P. S. Александръ Ѳедоровичъ Раевъ свидѣтельствуетъ Вамъ и всѣмъ Вашимъ свое почтеніе. По дѣлу о чинахъ онъ слышалъ вотъ что: Синодъ ничего не сдѣлалъ пока, да и не можетъ сдѣлать, потому что Сенатъ откажетъ, но Синодъ хочетъ попробовать хлопотать послѣ Новаго года въ гражданскомъ департаментѣ, который съ Новаго года образуется при I отдѣленіи канцеляріи Его Величества, и въ который поступятъ дѣла о производствѣ въ чины: тамъ надѣется Синодъ успѣха.

2.

Получено 16 іюня 1847 г.

Милостивый Государь Гордѣй Семеновичъ!

Получа Ваше письмо, я началъ странствовать по книжнымъ лавкамъ, безъ всякаго пристрастія, не обходя ни одной: результатъ моихъ поисковъ пока былъ отрицательный: я нигдѣ въ Петербургѣ не нашелъ ни одного экземпляра Словаря Гиганова. Третьяго дня былъ у Юнгмейстера, который почти одинъ не былъ еще почтенъ моимъ посѣщеніемъ: то же самое: „Словаря Гиганова у насъ нѣтъ, а есть только Букварь его“. У Глазунова и Крашенинникова брались отыскивать этотъ словарь, но не отъискали нигдѣ въ Петербургѣ.

[1]) Супруга Г. С. Саблукова.

Не думайте однако, чтобы я потерялъ надежду исполнить Ваше желаніе: побываю въ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ, гдѣ я буду числа 10, можетъ быть тамъ и найдется. Если же не найду и тамъ, то поражу страшнымъ проклятіемъ наши книжныя лавки, въ которыхъ нельзя ничего порядочнаго найти.

Такъ какъ „Семь Моаллакатъ и пр.“ и Словарь Болдырева изданы въ Москвѣ, то ихъ здѣсь также нѣтъ. Изъ Москвы брались ихъ выписать, но я самъ буду въ Москвѣ и куплю ихъ тамъ.

Нынѣ въ 4 часа пополудни я выѣзжаю изъ Петербурга.

Прощайте, до свиданія. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь остаться Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Чернышевскій*.

7 іюня 1847 г.

3.

Получено 6 мая 1848 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій наставникъ Гордѣй Семеновичъ!

Трудно представить, какъ мнѣ пріятно было получить письмо отъ васъ, кого я изъ всѣхъ людей, которымъ я обязанъ чѣмъ-нибудь въ Саратовѣ, и уважаю болѣе всѣхъ какъ ученаго и наставника моего, и люблю болѣе всѣхъ какъ человѣка.

Позвольте мнѣ прежде всего попросить у Васъ извиненія за то, что я пропустилъ столько времени, не писавши къ Вамъ: Богъ знаетъ, какъ проходитъ это несчастное время: думаешь сдѣлать и то, и то,—и не успѣваешь сдѣлать ничего, а если и успѣваешь сдѣлать что-нибудь, то успѣваешь сдѣлать только гораздо уже позже того, нежели хотѣлъ бы и слѣдовало бы.

Отъ глубины души я раздѣляю скорбь Вашу и всѣхъ знающихъ Васъ о потерѣ Пелагеи Исидоровны. Болѣе, нежели для кого-нибудь, должно быть тяжело остаться одинокимъ для Васъ, при Вашемъ характерѣ и образѣ жизни, при Вашемъ желаніи отстраниться бы, еслибы было можно, отъ всѣхъ этихъ несносныхъ мелочей житейскихъ, которыя теперь всею своею тягостью и докучливостью легли на Васъ. Тѣмъ болѣе тяжела эта потеря для Васъ теперь, когда для Вашихъ малютокъ такъ нужна была бы материнская заботливость.

Покорно Васъ благодарю отъ лица Григорія Евлампіевича и Серапіона Евлампіевича Благосвѣтловыхъ за Вашу память о нихъ. Я до сихъ поръ со времени полученія Вашего письма ни съ однимъ изъ нихъ еще не видѣлся—такъ разлучаетъ жителей своихъ Петербургъ,—но знаю, что они будутъ обрадованы Вашею памятью о нихъ: они, да и всѣ саратовцы, находящіеся здѣсь, такъ уважаютъ Васъ.

Сдѣлайте милость, если Вамъ нужно будетъ что-нибудь по книжной части, поручайте мнѣ: для меня будетъ большимъ удовольствіемъ исполнить Ваши порученія. Точно также, если Вамъ понадобились бы справки и выписки изъ книгъ, которыхъ нѣтъ въ Саратовѣ, я всегда съ большимъ удовольствіемъ приму на себя сдѣлать ихъ и переслать Вамъ, хлопотъ это не будетъ стоить мнѣ никакихъ, потому что я и безъ того бываю въ Публичной Библіотекѣ и живу недалеко отъ нея.

Бывши въ Саратовѣ, я слышалъ отъ Васъ о глиняныхъ горшкахъ, находимыхъ въ землѣ, и вещахъ, которыя обыкновенно бываютъ около нихъ: просѣ (полусожженномъ) и угольяхъ, о томъ, что подлѣ бываетъ площадка изъ камней: сколько я могъ упомнить, это все очень похоже на тѣ вещи, которыя бываютъ находимы въ славянскихъ, такъ называемыхъ, городищахъ. Поэтому я принялъ на себя смѣлость просить Васъ обратить Ваше вниманіе на отрывокъ изъ лекцій профессора здѣшняго университета Измаила Ивановича Срезневскаго „О городищахъ“, который посылаю при этомъ письмѣ. Жаль, что время не позволило ему сказать подробнѣе о вещахъ, находимыхъ въ городищахъ. Если Вы найдете сходство между этими вещами и устройствомъ внутренности городищъ и между тѣми остатками построекъ и вещами, которыя находятся въ Саратовской губерніи, то позвольте Васъ попросить написать ему объ этомъ прямо, или передать эти свѣдѣнія чрезъ меня: во всякомъ случаѣ, это былъ бы новый фактъ для науки—и о границахъ славянъ на Востокѣ, и о бытѣ ихъ до X вѣка.

И. И. Срезневскій одинъ изъ лучшихъ людей, которыхъ я знаю, и онъ будетъ Вамъ очень благодаренъ за эти свѣдѣнія; если Вамъ показались бы нужными болѣе подробныя свѣдѣнія о городищахъ, онъ за удовольствіе поставитъ сообщить Вамъ ихъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Чернышевскій*.

27 апрѣля 1848 года, С.-Петербургъ.

Сообщ. Александръ Лебедевъ.

ИТОГИ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
1911 ГОДА

Четырехлѣтній опытъ установленія бюджета въ формахъ новаго политическаго строя даетъ, кажется намъ, возможность съ полной ясностью установить нѣкоторыя общія положенія, какъ итоги этого опыта.

Глубокая политическая перемѣна—какъ бы ни склонны были преуменьшать ея значеніе люди текущаго дня, захваченные волною общественнаго пессимизма,—сказывается достаточно ясно въ бюджетной области. Знаменателенъ, напримѣръ, ростъ ассигнованій на начальное образованіе. Стимулы, заставлявшіе противодѣйствовать ему при прежнемъ строѣ, нынѣ въ значительной мѣрѣ отпали; ослабѣли импульсы, заставлявшіе умышленно или невольно закрывать глаза на весь культурный и экономическій вредъ безграмотности. Не поручимся, однако, что этотъ вредъ достаточно понятъ. Намъ представляется, что увеличеніе кредитовъ на грамотность скорѣе обязано чувству, такъ сказать, неприличія безграмотности, чѣмъ сознанію ея вреда. Какъ бы то ни было, въ результатѣ мы видимъ такія цифры (въ мил. руб.):

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Церковныя школы	9,4	9,5	10,7	12,5	15,2
Содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ м. н. пр. . . .	9,7	15,9	22,2	29,4	39,6

Въ прошломъ году Думою пробита была брешь въ неприступномъ до тѣхъ поръ для мѣстныхъ нуждъ резервуарѣ государственныхъ

сберегательныхъ кассъ. Однако, предоставленный учрежденіямъ мелкаго кредита фондъ въ 20 мил., плюсъ 10% (6—7 мил. руб.) ежегоднаго прироста вкладовъ сберегательныхъ кассъ, неожиданно оказывается пока чрезмѣрнымъ, хотя развитіе учрежденій мелкаго кредита пошло у насъ въ послѣдніе годы чрезвычайно быстро. По справкѣ, приведенной министромъ финансовъ въ его бюджетной рѣчи въ Думѣ, ихъ было къ началу 1906 г. всего 5.995, теперь—11.768. Но фондъ, ассигнованный имъ, оказывается почти неиспользованнымъ. „Этихъ денегъ не требуютъ"—констатируетъ министръ финансовъ. Причина, по его признанію, въ стѣсненіяхъ, установленныхъ прежнимъ законодательствомъ. „Нужно — продолжаетъ г. Коковцовъ — пересмотрѣть уставъ учрежденій мелкаго кредита, нужно приспособить ихъ къ нарождающимся запросамъ страны, нужно, по всѣмъ вѣроятіямъ, дать бо̀льшую широту пользованія кредитомъ, дать бо̀льшую широту въ производствѣ активныхъ операцій, нужно постараться устранить тѣ дефекты, которые замѣчаются сейчасъ по преимуществу въ учрежденіяхъ сословныхъ, которыя всего менѣе проявляютъ развитія, нужно поощрять насажденіе развитія земскихъ кассъ мелкаго кредита и товариществъ кооперативныхъ".

Можно думать, что такъ или иначе, раньше или позже организованное въ лицѣ Думы общественное мнѣніе побудитъ приспособить къ жизни и эти юридическія условія — задача, несомнѣнно, болѣе сложная, чѣмъ добиться ассигнованія 20 мил. руб., хотя и это долгое время представлялось недоступнымъ.

Ограничимся приведенными двумя иллюстраціями. Ихъ можно было бы умножить, но во всякомъ случаѣ сами по себѣ онѣ имѣютъ второстепенное значеніе: накопленіе ихъ врядъ-ли сможетъ даже въ нескоромъ будущемъ измѣнить соразмѣрность нынѣшнихъ частей нашего бюджета. Онѣ очень характерны лишь какъ симптомъ. Это постепенное просачиваніе общественнаго мнѣнія въ сознаніе оффиціальныхъ руководителей нашей политики — сознаніе, воспитанное временами автократическаго режима, — является основнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ политической перемѣны. Государственная Дума, въ поставленныхъ ей рамкахъ, есть въ сущности не столько законодательное, сколько совѣщательное учрежденіе, не вполнѣ властное налагать даже свое veto на мѣропріятія, идущія внѣ его воли. Но министерство, какъ бы юридически безотвѣтственно оно ни было, навсегда утратило то невозмутимо спокойное положеніе, какое имѣло раньше. Въ палатахъ, и въ особенности въ бюджетныхъ дѣлахъ, оно попадаетъ въ обстрѣливаемую позицію, обстрѣливаемую часто даже его политическими сторонниками. Какъ бы упорно ни было отстаиваніе самовластія въ чисто политическихъ областяхъ, яркія картины

хозяйственныхъ непорядковъ, вскрываемыя въ особенно чувствительномъ пунктѣ — въ области государственной обороны не даютъ засиживаться на мѣстахъ руководителямъ даже тѣхъ вѣдомствъ, которыя свой point d'honneur всегда склонны были видѣть преимущественно въ нарочитомъ пренебреженіи къ общественному мнѣнію. Если не ошибаемся, за короткое время существованія Государственной Думы перемѣнилось уже три морскихъ министра, вѣроятно перемѣнится и еще нѣсколько, и это—необходимая прелюдія къ болѣе реальнымъ преобразованіямъ вѣдомственнаго хозяйства.

Частичное, медленное преобразованіе деталей расходной росписи подъ вліяніемъ бюджетной работы Государственной Думы—это первый итогъ четырехлѣтней практики новаго порядка разсмотрѣнія бюджета. Давленіе общественнаго мнѣнія черпаетъ недоступную ему донынѣ силу не только въ представительныхъ учрежденіяхъ, но во всемъ комплексѣ конституціонныхъ идей, исподволь начинающихъ пропитывать общественное сознаніе. Представители власти начинаютъ прислушиваться къ нему и отступать съ привычныхъ позицій въ одномъ изъ самыхъ кардинальныхъ пунктовъ. Это характерно выразилось въ рѣчахъ того же министра финансовъ въ Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. „Общественное мнѣніе — говорилъ г. Коковцовъ въ Думѣ— все съ большей и большей настойчивостью выдвигаетъ одну мысль, отъ исполненія которой намъ вѣроятно не уйти... о томъ, что государству придется въ томъ или иномъ направленіи, въ томъ или иномъ порядкѣ, тѣми или иными пріемами выйти навстрѣчу расширенія рессурсовъ, находящихся въ распоряженіи мѣстныхъ органовъ общественнаго управленія... Съ моей точки зрѣнія представляется сомнительнымъ, чтобы государство могло уйти въ сторону отъ необходимости или снять съ бюджетовъ мѣстныхъ органовъ управленія такіе расходы, которые по своему существу составляютъ расходы общегосударственные, или выдѣлить изъ своихъ рессурсовъ тѣ или иные источники или хотя бы доли ихъ на то, чтобы подкрѣпить средства и источники бюджета мѣстныхъ органовъ и дать имъ возможность шире удовлетворять тѣ потребности, безъ развитія которыхъ не можетъ быть крѣпко и сильно само государство".

Русское общественное мнѣніе десятки лѣтъ стучится въ эту дверь, и вотъ только теперь представителямъ власти начинаетъ казаться сомнительнымъ то, что раньше они всегда считали несомнѣннымъ въ обратную сторону. Правда, тотъ же министръ финансовъ въ Государственномъ Совѣтѣ спѣшитъ поставить своей идеѣ возможно скромныя реальныя рамки. Правительство—заявляетъ онъ—не можетъ стать на тотъ путь, на который стала одна изъ фракцій Гос. Думы, предложившая такое увеличеніе мѣстныхъ потребностей, которое вы-

разилось бы въ передачѣ органамъ мѣстнаго управленія до 200 мил. р. изъ рессурсовъ государства и въ такомъ ежегодномъ наростаніи, которое черезъ десять лѣтъ также выразилось бы въ годовой цифрѣ 200 милліоновъ руб. Съ такими большими начинаніями правительство не выступитъ.

Въ этомъ вопросѣ, ставшемъ наконецъ на очередь по думской иниціативѣ, скрыто гораздо больше, чѣмъ думаетъ министерство, больше чѣмъ имѣетъ въ виду вѣроятно и сама Государственная Дума.

Съ самаго начала конституціоннаго обсужденія бюджета и въ Думѣ, и внѣ Думы серьезнѣйшимъ упрекомъ нашему государственному расходному бюджету служитъ чрезмѣрное преобладаніе непроизводительныхъ—по устарѣвшей терминологіи—расходовъ надъ производительными, расходовъ по самосохраненію государства надъ расходами его культурнаго развитія. Министръ финансовъ ежегодно это опровергаетъ, но его выкладки объ относительномъ увеличеніи доли производительныхъ расходовъ въ общей массѣ бюджета ни въ малой долѣ не колеблютъ противоположнаго мнѣнія. По расчисленіямъ министра финансовъ, „культурныя производительныя потребности“ занимали въ 1907 г. $10^1/_2\%$ всего бюджета, въ 1910—13,2%, а въ росписи на 1911 г.—14,7%. Этимъ процентамъ соотвѣтствуютъ абсолютныя цифры для 1907 г. 229 мил. руб., для 1911 г.—368 мил.

Фактъ увеличенія цифръ, конечно, не есть доказательство, что абсолютная величина ихъ значительна. Ассигнованіе ихъ на „производительныя“ цѣли также не есть доказательство, что дѣйствительное расходованіе ихъ на эти потребности совершается въ качественномъ отношеніи хозяйственно и производительно. Полемизировать по этимъ вопросамъ нынѣ представляется уже въ достаточной мѣрѣ скучнымъ и безполезнымъ.

Но остается еще одинъ фактъ, который долженъ и уже начинаетъ давать направленіе общественной мысли въ этой области. По совершенно несообразнымъ выкладкамъ небезъизвѣстной книги Zahn'a, наибольшій процентъ производительныхъ расходовъ въ государственномъ бюджетѣ—51,5%—приходится на Россію, наименьшій—35,8%—на Англію. Помимо статистическихъ неправильностей этого разсчета, нельзя не замѣтить, что если въ расходномъ бюджетѣ не только Англіи, но и другихъ культурныхъ странъ „производительные“ расходы занимаютъ не очень крупное мѣсто, то это—явленіе вполнѣ закономѣрное. Судить о бюджетныхъ средствахъ, ассигнуемыхъ на удовлетвореніе потребностей страны, можно лишь беря совокупность бюджета государства и мѣстныхъ самоуправленій. Въ Англіи къ „производительнымъ“ ассигнованіямъ государственнаго бюджета прибавляется $1^1/_2$ милліарда почти сплошь „производительныхъ“ расходовъ local government. Само

государство, ограничиваясь минимумомъ расходовъ, находящихся въ его непосредственномъ завѣдываніи, сотни милліоновъ изъ собираемыхъ имъ доходовъ передаетъ въ распоряженіе мѣстныхъ органовъ.

Этотъ недосягаемый пока для Россіи образецъ долженъ стоять передъ нею какъ вѣха, указывающая путь развитія государственнаго хозяйства и управленія. Въ нашу политически напряженную эпоху производительнѣйшіе изъ производительныхъ, по идеѣ, расходовъ не могутъ въ рукахъ государства развиваться иначе какъ съ сильной полицейской и политической окраской. Таковы народное просвѣщеніе, землеустройство и т. п. Но пройдетъ это время, сотрется острота политической борьбы—и все же останется непререкаемый, чисто техническій фактъ: у центральныхъ органовъ государства не имѣется и никогда не будетъ имѣться достаточной освѣдомленности, чтобы наиболѣе цѣлесообразно распредѣлить ассигнованія на культурные расходы между отдѣльными мѣстностями государства; у государства никогда не будетъ достаточно компетентнаго персонала ни для непосредственнаго хозяйствованія, ни для организаціи надзора надъ своими хозяйствующими органами.

Эти элементарнѣйшія истины болѣе, чѣмъ къ какой иной странѣ, примѣнимы именно къ Россіи, съ ея необъятными пространствами и неисчерпаемымъ географическимъ разнообразіемъ. Вся будущность русскаго государственнаго управленія и бюджетнаго хозяйства можетъ и должна заключаться въ широчайшемъ развитіи мѣстнаго самоуправленія и его бюджетовъ, въ выдѣленіи для центральнаго бюджета лишь ограниченнаго числа общегосударственныхъ функцій: обороны, дипломатіи, организаціи взиманія государственныхъ налоговъ, желѣзнодорожнаго, можетъ-быть и лѣсного хозяйства, *высшаго* надзора за прочими отраслями государственной жизни.

Всѣ культурныя потребности являются мѣстными потребностями par excellence. Это должно быть сознано особенно ясно. Организація ихъ удовлетворенія, поэтому, можетъ быть наиболѣе удовлетворительна лишь находясь въ завѣдываніи органовъ тѣхъ общественныхъ союзовъ, для нуждъ которыхъ непосредственно предназначены соотвѣтственные расходы.

Идеальное будущее русскаго государственнаго строя въ финансовой области намъ представляется такъ: крупный центральный государственный бюджетъ, достаточный для обороны и для выполненія задачъ міровой политики Россіи — и еще болѣе крупная сумма бюджетовъ мѣстныхъ самоуправленій и ихъ союзовъ, едва лишь намѣчающихся въ настоящее время. Дѣло здѣсь—въ далекомъ будущемъ конечно—идетъ не о 200 милліонахъ, предоставленіе которыхъ

мѣстнымъ органамъ такъ пугаетъ министра финансовъ — а о милліардахъ или, по крайней мѣрѣ, милліардѣ.

Практическая возможность плодотворной работы, — достаточными условіями которой являются матеріальныя средства, отсутствіе произвола и свобода самодѣятельности,—обогатитъ, въ концѣ концовъ, нашу провинцію культурными силами, которыми нынѣ переполнены лишь столицы. А богатство мѣстной культурной жизни только одно можетъ цементировать составные элементы культурнаго государства, единство котораго держится не одною лишь полицейскою силой и косностью массъ.

И вотъ, вторымъ тезисомъ, который начинаетъ повидимому болѣе опредѣленно вырисовываться передъ общественными представителями практической политики въ результатѣ четырехлѣтняго опыта разсмотрѣнія бюджета, является практическая постановка вопроса о государственномъ и мѣстныхъ бюджетахъ, хотя бы въ самыхъ скромныхъ его зачаткахъ, но въ новой перспективѣ, далеко еще, повидимому, недостаточно сознанной. Особенно трудно усвоить все содержаніе этой идеи, конечно, правительству, которому доступна была донынѣ лишь политика и психологія „государственно-полицейскаго соціализма“. Признаніе принципа усиленія мѣстныхъ бюджетовъ въ логическомъ развитіи ведетъ къ отказу правительства отъ иниціативы въ цѣломъ рядѣ отраслей управленія и къ признанію за населеніемъ правъ взрослаго человѣка, умѣющаго самостоятельно заботиться о своихъ нуждахъ. Нѣтъ идеи, которую столь трудно было бы усвоить автократическому правительству; вся психологія его должна перемолоться, прежде чѣмъ эта элементарная для культурнаго государства истина перестанетъ быть имъ заподозриваема.

Третьимъ итогомъ новаго бюджетнаго порядка является—правда, весьма нерѣшительный—переходъ къ реформѣ нашей налоговой системы. Недоразвитость прямого обложенія и гипертрофія косвеннаго понемногу начинаютъ сознаваться, какъ коренное зло ея. Почти вся система нашего прямого обложенія подлежитъ преобразованію. Проекты отдѣльныхъ налоговъ выработаны были главнымъ образомъ предшественниками нынѣшняго министерства, въ годы перелома русской политической жизни. Изъ нихъ одинъ—реформа налога съ городскихъ недвижимостей—сталъ уже закономъ; другіе или разработаны думской коммиссіей — подоходный налогъ, или еще не закончены и ждутъ очереди—промысловый налогъ, налогъ съ наслѣдствъ, дополненіе къ налогу съ денежныхъ капиталовъ.

Къ сожалѣнію, однако, это — не проектъ общей реформы налоговой системы, охватывающей все зданіе ея, проникнутой единымъ творческимъ духомъ, подобно реформѣ Микеля или биллю Ллойда

Джорджа: это рядъ мало связанныхъ другъ съ другомъ проектовъ, внесенныхъ въ Думу въ эпоху тревожнаго состоянія финансовъ, въ виду необходимости повышенія налоговъ, и застрявшихъ въ ней на неопредѣленное время.

Еслибы эта реформа внесена была какъ единое цѣлое, въ формѣ одного финансоваго акта, съ ясно сознанною цѣлью болѣе раціональнаго перераспредѣленія налоговаго бремени, съ опредѣленнымъ назначеніемъ новыхъ рессурсовъ на заранѣе опредѣленныя потребности — она могла бы быть крупнымъ толчкомъ къ раціонализаціи нашего и доходнаго, и расходнаго бюджета. Въ нынѣшнемъ видѣ она теряется въ неопредѣленности будущаго. И упрекъ въ отсутствіи творчества долженъ лежать не на одномъ правительствѣ, которое теперь не знаетъ, что ему дѣлать съ 300-милліонной свободной наличностью, смѣнившей дефициты, но и на думскомъ большинствѣ, не видящемъ необходимости проведенія финансовой реформы какъ единаго систематическаго цѣлаго. Эта вялость въ столь назрѣвшемъ реформированіи нашей налоговой системы, вялость столь характерная и для Думы, и для правительства, можетъ быть разсматриваема какъ еще одинъ общій выводъ изъ опыта нашей новѣйшей бюджетной политики.

Проф. П. П. Мигулинъ выражается съ достаточной опредѣленностью: „Государственная Дума буквально завалена законопроектами о налогахъ. Законопроекты эти разсматриваются и вотируются теперь неизвѣстно зачѣмъ, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ не вводятъ новыхъ налоговъ, если старые даютъ такіе избытки какъ у насъ (въ 1910 г.—200 мил. руб.!)“. И далѣе проф. Мигулинъ цитируетъ корректно-деликатное, но язвительное замѣчаніе предсѣдателя бюджетной коммиссіи: „придется ожидать, пока правительство по отношенію къ крупнымъ мѣропріятіямъ сдѣлаетъ такое осмысленное, обдуманное и взвѣшенное предложеніе, которымъ свободной наличности или нѣкоторой ея части будетъ дано надлежащее назначеніе“ [1]).

Это отсутствіе ясныхъ цѣлей и у правительства, и у Думы въ вопросѣ о финансовой реформѣ въ высшей степени характерно для эклектизма, которымъ запечатлѣны финансовыя работы той и другого.

Переходя спеціально къ бюджету 1911 г., мы остановимся не на его деталяхъ, а лишь на общихъ его характерныхъ чертахъ, которыя могутъ служить показателемъ финансово-экономическаго положенія Россіи и ея бюджетной политики.

Бюджетная работа палатъ входитъ, повидимому, въ свои есте-

[1]) „Экономистъ Россіи“ 1911 г., № 12, стр. 4—5.

ственныя хронологическія рамки, служащія еще разъ доказательствомъ необходимости перенести начало бюджетнаго года на 1-е апрѣля.

Дума въ текущемъ году лишь на два дня раньше окончила свою работу, чѣмъ въ прошломъ (15-го вмѣсто 17-го марта), зато Государственный Совѣтъ провелъ бюджетъ въ три засѣданія (26—28 марта) и послѣ одного засѣданія согласительной коммиссіи роспись Высочайше утверждена 5-го апрѣля.

Трехлѣтній споръ между палатами по поводу кредитовъ на судостроеніе разрѣшился на этотъ разъ компромиссомъ, но Дума провела важное принципіальное постановленіе, ярко оттѣняющее всю незаконность порядка, который продержался на этомъ пунктѣ нашего бюджета цѣлыхъ три года. Именно, Дума согласилась на требованія министерства, но съ условіемъ, чтобы кредиты на судостроеніе считались назначенными *къ условному отпуску*. Какъ извѣстно, условные кредиты суть *новые* кредиты: отвергнутые одною изъ палатъ, они вовсе не могутъ быть включены въ бюджетъ. Министерство же четвертый годъ подрядъ включало кредиты на постройку новыхъ броненосцевъ и ихъ вооруженіе въ одну рубрику съ текущими кредитами на судостроеніе и явно неправильно примѣняло къ нимъ своеобразное постановленіе нашей статьи 13-ой [1]).

Въ текущемъ году незначительныя разногласія остались между Думою и Совѣтомъ лишь по смѣтѣ военнаго министерства, да по двумъ кредитамъ на новыя работы по шоссейнымъ и грунтовымъ дорогамъ. Со стороны Думы отказъ въ нихъ былъ скорѣе демонстративнымъ выраженіемъ недовѣрія къ путейскому вѣдомству, которому, кажется, приходитъ очередь вслѣдъ за морскимъ—а Государственный Совѣтъ взялъ вѣдомство подъ свою защиту.

Общіе итоги работы бюджетной коммиссіи, нѣсколько измѣнившіеся послѣ компромисса съ Государственнымъ Совѣтомъ, выразились въ повышеніи доходовъ на 30,1 мил. р. и въ сокращеніи расходовъ на 24,7 мил. р.

Роспись сведена въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Доходовъ.	Расходовъ.
	Въ милліонахъ рублей:	
Обыкновенныхъ	2.707,7	2.527,3
Чрезвычайныхъ	12,4	147,5
Всего.	2.720,1	2.674,8

Избытокъ доходовъ въ 45,3 мил. р., согласно постановленію бюд-

[1]) Принятый нынѣ и Думою, и министерствомъ порядокъ, хотя и вызвавшій разногласіе въ финансовой коммиссіи Государственнаго Совѣта, подтверждаетъ правильность мнѣнія, высказаннаго нами еще два года тому назадъ (см. газ. „Право“ 1909 г., № 37, стр. 1963).

жетной коммиссіи, долженъ быть обращенъ на погашеніе государственныхъ долговъ, а именно по внесенному министромъ финансовъ, нынѣ уже утвержденному законопроекту—на выкупъ 5%-ной золотой ренты 1884 г. и 5%-ныхъ облигацій Московско-Ярославской желѣзной дорроги 1868 г. Любопытно одно мѣсто въ думской рѣчи министра финансовъ: онъ проектируетъ за счетъ свободной наличности погасить 4%-ныя серіи, которымъ наступитъ срокъ 1-го февраля 1912 г. Это тѣ самыя серіи на 163 мил. р., которыя были, вопреки основнымъ законамъ, пересрочены Высочайшимъ указомъ 11 января 1908 года, противъ чего тогда безуспѣшно протестовала Государственная Дума въ лицѣ не только оппозиціи, но и своего большинства. Четыре года назадъ правительство съ легкимъ сердцемъ устранило Думу отъ обсужденія этого вопроса, теперь же самъ министръ финансовъ заявляетъ: „эта форма задолженности есть не что̀ иное, какъ такъ называемыя процентныя деньги, и государство, финансы котораго находятся въ положеніи устроенномъ, по моему глубокому убѣжденію, процентныхъ денегъ имѣть не должно... Вотъ почему, съ точки зрѣнія нашего государственнаго кредита, съ точки зрѣнія правильнаго денежнаго обращенія, личное мое мнѣніе заключается въ томъ, что ко времени истеченія срока выпущенныхъ серій мы должны подумать о томъ, чтобы... на крупную сумму, не менѣе 100 мил. р., погасить эту форму государственнаго долга“.

Можно надѣяться, что это и будетъ сдѣлано въ будущемъ году, если не подоспѣютъ какія-либо неблагопріятныя обстоятельства вродѣ неурожая или добавочныхъ требованій военнаго вѣдомства, разсчитанныхъ на наличность запаса свободныхъ средствъ. Не даромъ осторожный предсѣдатель бюджетной коммиссіи напоминаетъ, что „при сохраненіи наличности въ качествѣ резервнаго фонда существуетъ опасность ея распыленія“. Обращеніе избытка доходовъ на погашеніе займовъ, конечно, является наиболѣе осторожнымъ способомъ ихъ употребленія, тѣмъ болѣе, что эти избытки явились въ результатѣ двухъ урожайныхъ лѣтъ, тогда какъ предыдущіе годы, съ болѣе слабымъ урожаемъ, привели къ заключенію займовъ на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей.

За послѣдніе годы урожаи (четырехъ главныхъ хлѣбовъ, въ мил. пуд.) и займы (номинальная сумма въ мил. р.) были таковы:

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	Средній. 1905-09 г.г.	Вѣроятный. 1910 г.
Урожай 4 главныхъ хлѣбовъ .	3492	2930	3377	3493	4337	3525	4142
Отклоненіе отъ средняго. . . .	—33	—595	—148	—32	+812	—	+617
Займы.	631,5	843,5	120	200	225 [1])	—	—

[1]) За вычетомъ 300 мил. р. на конверсію военнаго займа 1904 г.

Такимъ образомъ, не касаясь кредитныхъ операцій 1905—1906 гг., слѣдуетъ сказать, что крупное отчисленіе на погашеніе займовъ было бы теперь лишь естественнымъ возмѣщеніемъ того, что̀ было занято въ три послѣднихъ года. 45 мил., ассигнованныхъ по росписи, не хватаетъ на это погашеніе, даже еслибы къ нимъ была присоединена цѣликомъ вся накопленная за два урожайныхъ года свободная наличность, которая исчислена бюджетной коммиссіей на 1-ое января 1910 г. въ 305 мил. руб. Совершенно правильно указываетъ М. М. Алексѣенко въ своемъ бюджетномъ докладѣ, что случайный избытокъ доходовъ теоретически правильнѣе обратить на погашеніе займовъ, а не на пониженіе налоговъ, ибо при неблагопріятномъ урожаѣ опять можетъ явиться необходимость ихъ повышенія. Однако, необходимо имѣть въ виду, что параллельно погашенію заключаются у насъ новые, гарантированные государствомъ желѣзнодорожные займы, и возможенъ случай, что государству въ концѣ концовъ они обойдутся дороже, чѣмъ нынѣ погашаемые.

Съ другой стороны, передъ государствомъ лежитъ рядъ задачъ, которыя грозятъ поглотить сумму во много разъ бо̀льшую, чѣмъ нынѣ накопленный резервъ. Вотъ ихъ перечисленіе, по подсчету министра финансовъ и думской финансовой коммиссіи: улучшеніе и усиленіе провозной способности желѣзныхъ дорогъ — 900 мил. руб., въ томъ числѣ въ ближайшіе годы 460 мил. руб.; Амурская желѣзная дорога и работы на Сибирской желѣзной дорогѣ—300 мил. руб.; уже закрѣплено къ отпуску на строительныя работы по другимъ казеннымъ дорогамъ—около 40 мил. руб.; работы по воднымъ путямъ — 160 мил. руб.; устройство и улучшеніе портовъ—220 мил. руб., гужевыхъ дорогъ—6 мил. р.; новые расходы военнаго и морского вѣдомства—1.265 мил. р. на десять лѣтъ. Сверхъ этихъ капитальныхъ затратъ предвидятся ежегодныя увеличенія по вѣдомству землеустройства отъ 18 до 20 мил. руб.; по введенію всеобщаго обученія расходъ въ теченіе десяти лѣтъ долженъ быть доведенъ до 100 мил. руб. въ годъ; преобразованіе мѣстнаго суда потребуетъ 20 мил. руб., мѣстнаго управленія — 6 мил. руб., полиціи—60 мил. руб. и т. д.

Въ эти—правда, довольно проблематическіе—подсчеты не введено еще многое, въ томъ числѣ отмѣченное выше и признанное необходимымъ какъ министромъ финансовъ, такъ и Думою увеличеніе средствъ мѣстныхъ самоуправленій.

При такихъ обстоятельствахъ вопросъ объ ассигнованіи средствъ на погашеніе займовъ осложняется: придется занимать вновь. Однако можно признать, что бюджетная осторожность, а съ другой стороны финансовая невыгодность нѣкоторыхъ старыхъ займовъ все-таки заставляетъ склониться прежде всего къ попыткамъ ихъ погашенія.

Въ 1911-й годъ Россія снова, какъ въ годы до войны, вступаетъ съ крупной свободной наличностью. Движеніе ея за послѣднее десятилѣтіе таково (въ мил. руб.):

На 1-ое января	1901 г.	105
» »	1902 „	268
» »	1903 „	257
» »	1904 „	381
» »	1905 „	61
Дефицитъ	1906 „	158
»	1907 „	58
»	1908 „	8
»	1909 „	1,8
»	1910 „	107

На 1-ое января 1911 г. она по разсчету министра финансовъ составляетъ отъ 325 до 330 мил. руб., а быть можетъ—въ виду неиспользованія нѣкоторыхъ кредитовъ по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ — даже отъ 340 до 350 мил. руб. Въ печати и въ Думѣ высказаны были утвержденія, что эта наличность есть результатъ только ранѣе заключенныхъ займовъ и повышенія налоговъ [1]).

Относительно займовъ это не совсѣмъ точно. Послѣдній заемъ былъ заключенъ передъ началомъ 1909 г. Онъ далъ 148,5 мил. р., и къ концу года осталось въ наличности 107 мил. рублей. Эту сумму, если угодно, можно непосредственно связывать съ займомъ, но дальнѣйшее увеличеніе ея въ 1910 г. надо отнести главнымъ образомъ на долю урожая. За 1910-ый годъ обыкновенныхъ доходовъ поступило 2.778 мил. р. — болѣе противъ предыдущаго года на 252 мил. рублей. Это увеличеніе, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ займу, заключенному двумя годами раньше; но оно не имѣетъ прочнаго характера и съ нимъ нельзя связывать никакихъ дальнѣйшихъ разсчетовъ. Министръ финансовъ, естественно, восхваляетъ систему накопленія свободныхъ запасовъ, видя въ ней „регуляторъ бюджетнаго равновѣсія“ и краснорѣчиво рекомендуя „запереть ее накрѣпко на нѣсколько поворотовъ замка въ государственную кассу и озаботиться не о томъ, куда и какъ лучше ее пристроить, а о томъ, какъ ее охранить отъ всякихъ случайныхъ и нежелательныхъ расходовъ“. Англійскій „Economist“, однако, подсмѣивается надъ русскимъ министромъ финансовъ, находя такую политику, съ европейской точки зрѣнія, анахронизмомъ [2]). И въ самомъ

---

[1]) По разсчету проф. Мигулина, на долю увеличенія налоговъ приходится 110 мил. руб.; но на чемъ основана эта цифра—мы не знаемъ.

[2]) „This rather reminds us of earlier times — a Minister of Finance holding a cash reserve for unforeseen needs“ („The Economist“, Jan. 14, 1911).

дѣлѣ, огромная свободная наличность, лежащая въ значительной мѣрѣ на текущемъ счету у иностранныхъ банкировъ, даетъ ничтожный процентъ выгоды и чистую потерю на процентахъ, которые тѣмъ временемъ платятся по дѣйствующимъ займамъ. Наличность суммъ заграницей у государственнаго банка составляла 207,6 мил. р.; сверхъ того, государственному казначейству принадлежало, по заявленію министра финансовъ (въ февралѣ), золота на 346 мил. р., въ значительной долѣ также находящагося за границей.

Нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто накопленіе свободной наличности есть доказательство того, что правительство беретъ съ населенія больше чѣмъ слѣдуетъ. Такъ, дѣйствительно, было при Витте — и это была система. Теперь это не система, а независимые отъ воли финансоваго вѣдомства скачки отъ дефицитовъ къ избыткамъ и обратно. Это симптомъ того, что страна управляется прежде всего волей Божіей, а затѣмъ уже принципами финансовой политики. Надо сказать, что Россія въ этомъ отношеніи страна дѣйствительно своеобразная и трудная для управленія, и неудивительно, что это послѣднее долго еще, вѣроятно, не въ силахъ будетъ выйти за предѣлы того типа, который правильнѣе всего было бы назвать патріархальнымъ.

На Западѣ, гдѣ финансовыя отношенія гораздо больше подвластны волѣ человѣческой, система накопленія бюджетныхъ избытковъ про черный день была характерна для давно уже пережитой эпохи. Нынѣ ей соотвѣтствуетъ система выкупа краткосрочныхъ обязательствъ. Они въ нормальныя времена не примѣняются у насъ, между тѣмъ— при нѣсколько удлиненномъ срокѣ сравнительно съ заграничными— они являлись бы, думается намъ, наиболѣе нормальнымъ средствомъ приспособленія нашихъ бюджетныхъ балансовъ къ рѣзкимъ перемѣнамъ хозяйственной конъюнктуры. Будь въ неурожайные годы выпущены такія обязательства—совершенно ясно было бы, что въ нынѣшнемъ изобиліи нельзя видѣть ничего иного, какъ только компенсацію прежнихъ недоборовъ.

Это еще разъ заставляетъ насъ привѣтствовать совершенно здравую мысль министра финансовъ—погасить за счетъ наличности крупную сумму серій. Нужно только пожелать, чтобы такія погашенія возведены были въ продуманную систему, въ особенности пока не разработанъ систематическій планъ будущихъ крупныхъ крестьянскихъ расходовъ, а имѣются лишь элементы его.

Балансъ росписи 1911 г. заставляетъ предполагать, что и въ будущемъ году, если не произойдетъ какихъ-либо особо неблагопріятныхъ явленій, накопленіе наличности будетъ имѣть мѣсто. Обыкновенные доходы опредѣлены въ 2.708 мил. р., т.-е. на 70 милліоновъ

меньше истекшаго года. Итоги поступленія доходовъ за послѣдніе годы таковы (въ милліонахъ рублей) [1]):

Годы:		Увеличеніе:	Годы:		Увеличеніе:
1905	2.025	(среднее)	1908	2.418	+ 76
1906	2.272	317 : 2 = 159	1909	2.526	+ 106
1907	2.342		1910	2.778	+ 252

Уменьшеніе поступленій на 70 мил. для года, слѣдующаго за двумя урожаями, для года, на первой половинѣ котораго еще долженъ отражаться хорошій сборъ предыдущаго года, является невѣроятнымъ. Цифры роста русскихъ государственныхъ доходовъ вообще, а за годы со времени войны въ частности, весьма трудно поддаются какимъ-либо статистическимъ обобщеніямъ, для опредѣленія вѣроятнаго прироста будущаго года. Можно думать, что даже при сравнительно неблагопріятныхъ предпосылкахъ исчисленіе бюджетной коммиссіи милліоновъ на 120 — 150 отстанетъ отъ дѣйствительности. Имѣя это въ виду, Государственная Дума и бюджетная коммиссія, казалось бы, могли съ бо̀льшею рѣшительностью ассигновать суммы на погашеніе долговъ или, точнѣе выражаясь, обязать въ бюджетномъ законѣ министра финансовъ разработать планъ такого погашенія на опредѣленную, болѣе или менѣе крупную сумму и параллельно обязать его разработать планъ предоставленія извѣстной доли изъ наличности или изъ избытка доходовъ органамъ самоуправленія. Нужно привѣтствовать осторожность бюджетной коммиссіи, но какіе-либо шаги въ этомъ направленіи было бы правильно сдѣлать.

Ростъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ виденъ изъ слѣдующей таблицы за тѣ же годы (въ мил. руб.): [2])

Годы.	Увеличеніе.	Годы.	Увеличеніе.
1905	1925	1909	2451 + 63
1906	2076 + 151	1910	2470 + 19
1907	2196 + 120	1911	2527 + 57
1908	2388 + 191		

Трехлѣтіе послѣ войны отличалось, какъ извѣстно, чрезвычайно крупнымъ ростомъ расходовъ. Расшатанное хозяйство требовало увеличенія ассигнованій, и оно возбуждало тревогу. Дѣло рѣзко измѣнилось въ послѣднее трехлѣтіе: привести въ порядокъ механизмъ управленія на старой его основѣ удалось; выйти на новые пути удовлетворенія *текущихъ* нуждъ правительство не хотѣло и не было къ тому подготовлено. Въ результатѣ—замедленный темпъ роста расхо-

[1]) 1905—1909 гг.—по отчетамъ государственнаго контроля, 1909 г.—по предварительнымъ свѣдѣніямъ министерства финансовъ.

[2]) 1905—1909 гг. по отчетамъ государственнаго контроля, 1910—1911 гг.—по росписямъ.

довъ, который придаетъ этому трехлѣтію переходный характеръ, характеръ задержки въ удовлетвореніи текущихъ государственныхъ потребностей. Естественно было предположить, что въ ближайшіе годы мы станемъ, наконецъ, передъ разрѣшеніемъ ряда текущихъ задачъ положительнаго характера. Вопросъ, болѣе всего — въ наличности творческихъ силъ у случайныхъ руководителей нашей внутренней политики.

Правда, мы имѣемъ въ послѣдніе годы весьма большія суммы расходовъ въ чрезвычайномъ отдѣлѣ росписей, но онѣ почти цѣликомъ посвящены крупнымъ дополнительнымъ требованіямъ военнаго вѣдомства и сооруженію Амурской жел. дороги, вмѣстѣ съ переустройствомъ Сибирской—т.-е. расходамъ оборонительнаго, но не культурнаго характера.

Чрезвычайные расходы и основныя средства ихъ покрытія—избытки обыкновенныхъ доходовъ и займовъ—представляются для послѣднихъ лѣтъ въ такомъ видѣ (въ мил. руб.) [1]):

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Расходы	386,6	269,2	145,5	121,7	147,5
Избытокъ обыкновенныхъ доходовъ . .	146,5	74,9	9,2	362 [2])	180,4
Полученія отъ займовъ	85,4	288,3	138,9 [3])	—	—

Крупнѣйшій интересъ для развитія нашего государственнаго хозяйства въ ближайшіе годы представляетъ разработка плана обширной, свыше 20 тысячъ верстъ, сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ и явственное начало оживленія промышленности; но на росписи 1911 г. эти явленія не могли еще отразиться опредѣленнымъ образомъ. Повидимому можно констатировать признаки нѣкотораго улучшенія финансоваго положенія нашей казенной жел.-дор. сѣти. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ симптомовъ, хотя цифры росписи не даютъ еще повода къ рѣшительному сужденію. Съ измѣненіями, внесенными въ роспись 1911 г. бюджетной коммиссіей, расходы эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ представляются въ слѣдующемъ видѣ (въ мил. руб.):

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Доходы	510	512	568	623 [4])	601
Расходы	401	462	443	520	514
Прибыль эксплоатаціи	109	50	125	103	87

[1]) За 1907—1909 гг. по отчетамъ государственнаго контроля, 1910—1911 гг.— по росписямъ.

[2]) Прибавлено 252 мил. избытка дѣйствительнаго поступленія сравнительно съ росписью.

[3]) За вычетомъ 300 мил. руб., на погашеніе обязательствъ 1904 г.

[4]) Для 1910 г. прибавлено 55 мил. руб. избытка, получившагося за 11 мѣсяцевъ сравнительно съ 1909 годомъ.

Другая крупнѣйшая статья государственныхъ доходовъ — винная монополія—даетъ такія цифры:

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Доходы	707,1	709,0	718,9	765,4 [1])	747,5
Расходы.	221,3	212,1	196,3	192,9	182,5
Чистый доходъ .	485,8	496,9	522,6	572,5	565,0

Не останавливаясь на остальныхъ деталяхъ доходовъ и расходовъ только что утвержденной росписи, мы должны прибавить, что наши финансы въ текущемъ году попадаютъ повидимому подъ перекрестное вліяніе двухъ благопріятныхъ элементовъ хозяйственной конъюнктуры: временнаго—результата двухъ урожаевъ, и болѣе глубокаго—полосы промышленнаго подъема. Этотъ послѣдній факторъ требовалъ бы всесторонняго изученія; пока приходится только присоединиться къ мнѣнію, выраженному въ Думѣ М. М. Алексѣенко и поддержанному министромъ финансовъ — о крайней необходимости скорѣйшаго производства второй всеобщей переписи. Положительнымъ преступленіемъ и передъ научнымъ изученіемъ хозяйственнаго развитія Россіи, и передъ задачами практическаго руководительства ея экономической политикой является непонятное затягиваніе этого неотложнаго дѣла. Бурная эпоха, пережитая Россіей, внесла навѣрное огромныя измѣненія въ самыя разнообразныя стороны ея жизни. До крайности необходимо дополнить программу переписи хотя бы элементарнѣйшими вопросами экономическаго характера, въ виду отсутствія у насъ промышленныхъ переписей [2]). Пока этого не будетъ сдѣлано, всѣ назрѣвшія задачи экономической политики лишены будутъ сколько-нибудь прочной основы. Какъ ни плоха устарѣлая организація статистическихъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, для переписи и ея разработки можно было бы создать ad hoc болѣе удовлетворительную организацію, которая дала бы лучшіе результаты, чѣмъ перепись 1897 г., покрытая уже почти 15-лѣтней давностью.

Тѣ, кто считаетъ, что Россія подходитъ къ періоду положительнаго творчества, должны были бы признать это своей насущнѣйшей задачей.

Л. Яснопольскій.

[1]) Прибавленъ избытокъ за 11 мѣсяцевъ 46,6 мил. руб.

[2]) См. статьи проф. Н. П. Яснопольскаго „Къ чему мы идемъ“ („Экономистъ Россіи“ 1909 г., №№ 41—42).

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА

I.

Отъ двадцать шестого іюля до двадцать девятаго (н. с.) въ Лондонѣ, въ зданіи университета, будетъ засѣдать крайне интересный „Первый всемірный конгрессъ расъ“, или „Mankind in Council“, какъ его называютъ уже газеты. Цѣлью конгресса будетъ освѣтить, съ точки зрѣнія современной науки и морали, отношенія между народностями Запада и Востока. Въ числѣ лицъ, согласившихся принять участіе въ конгрессѣ, мы находимъ соціологовъ, антропологовъ, историковъ и литераторовъ, извѣстныхъ далеко за предѣлами своей родины. Кромѣ европейскихъ и американскихъ ученыхъ, вызвались сдѣлать доклады китайцы, японцы, персы, индусы, краснокожіе и негры. Въ первый же день конгресса будутъ подняты такіе важные вопросы, какъ: „Что такое раса, племя, нація“ (докладчикъ Бражелдранатъ Сеалъ, изъ Индіи), „Расы съ соціологической точки зрѣнія“ (проф. Альфредъ Фулье, изъ Парижа), „Раса съ антропологической точки зрѣнія (проф. Феликсъ фонъ Лушанъ, изъ Берлина), „Проблема равенства расъ“ (проф. Спиллеръ, изъ Лондона). Судя по письмамъ, полученнымъ секретаремъ конгресса, идея его глубоко заинтересовала многихъ въ разныхъ частяхъ свѣта. „Въ буддистскихъ старыхъ книгахъ—пишетъ извѣстный ученый индусъ—есть пророчество, что черезъ пять тысячъ лѣтъ послѣ Нирваны Готамы Будды родится Майтрея Будда, который установитъ всеобщее братство. Со времени Нирваны Готамы Будды прошло уже 2500 лѣтъ, и мы уповаемъ, что еще черезъ 2500 лѣтъ Майтрея Будда придетъ на землю. Мы глубоко убѣждены, что этотъ Будда будетъ находиться въ связи съ вашимъ движеніемъ (братствомъ расъ). Можно ли назвать болѣе похвальное дѣло, чѣмъ сближеніе расъ и содѣйствіе воцаренію мира и дружбы на землѣ?“ Такой же горячій откликъ пришелъ изъ другой восточной страны, изъ Бирмы. „Всемірная гармонія между всѣми человѣческими расами до сихъ поръ считалась мечтой. И тѣмъ не менѣе это цѣль, достойная стремленія къ ней. Пропасть, раздѣляющая расу отъ расы и націю отъ націи, можетъ быть заполнена только когда всѣ онѣ узнаютъ другъ друга“.

Десятаго апрѣля (н. с.) насъ, живущихъ въ Лондонѣ журналистовъ всѣхъ странъ, пригласили на предварительное засѣданіе организаціоннаго комитета. Предсѣдателемъ былъ старый отставной генералъ Тер-

неръ. Закрывъ глаза и нѣсколько заикаясь, онъ монотонно, какъ читаютъ молитву, произнесъ короткую рѣчь на тему, что разница между націями „is skin deep“ (т.-е. не сильнѣе толщины кожи) и что „всеобщее братство народовъ неминуемо“. Уже и теперь, по словамъ предсѣдателя, націи обращаются къ третейскому суду въ такихъ случаяхъ, когда раньше обращались къ Богу войны, или, вѣрнѣе, „to the devil of war“ (къ дьяволу войны). Вслѣдъ за ген. Тернеромъ поднялся г. Стэдъ, который всегда въ любой моментъ готовъ наговорить съ три короба о мирѣ, о дрэднаутахъ, о четвертомъ измѣреніи или о „миссъ Джуліи“, корреспондирующей теперь съ редакторомъ „Review of Revews“ съ того свѣта; но больше всего г. Стэдъ можетъ говорить о самомъ себѣ, о высокопоставленныхъ друзьяхъ, о томъ что

„Es ist gar hübsch von einem grossen Herrn,
So menschlich mit... *Stead* selbst zu sprechen“.

Засунувъ руки въ карманы пиджака, колыхая круглый животикъ и давъ лицу такое выраженіе, которое говорило: „вотъ я вамъ, бѣдные смертные, сейчасъ повѣдаю нѣчто поразительно глубокое“, г. Стэдъ наговорилъ гладкихъ банальностей о братствѣ народовъ, которому глубоко симпатизируютъ его высокопоставленные друзья. Г. Стэдъ говорилъ долго въ этомъ родѣ. Затѣмъ короткія рѣчи сказали присутствующіе представители разныхъ народностей (самая лучшая и самая страстная рѣчь произнесена была негромъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами). И тутъ же на предварительномъ засѣданіи намѣтились уже два теченія, которыя, безъ сомнѣнія, рѣзко выяснятся на конгрессѣ. Съ одной стороны обозначилось стремленіе обратить будущій конгрессъ въ большой парадъ лицемѣрія, въ подмостки, на которыхъ сторонники ежевыхъ рукавицъ, скорпіоновъ и политики „бараньяго рога“ будутъ „передъ Европой“ щеголять своими просвѣщенными взглядами. Съ другой стороны выяснилось, что на конгрессѣ, помимо желанія любителей „парадовъ лицемѣрія“, поднятъ будетъ рядъ самыхъ жгучихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, какъ напр. отношеніе „высшихъ“ расъ къ „низшимъ“ или господствующихъ народностей къ народностямъ подчиненнымъ. Не даромъ Индія такъ горячо отозвалась на приглашеніе на конгрессъ. Предо мною теперь только программы съ названіями будущихъ докладовъ. Они затрагиваютъ такіе интересные, серьезные и животрепещущіе вопросы, что я позволю себѣ забѣжать на два мѣсяца впередъ и подойти къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Вопросы эти—раса съ антропологической точки зрѣнія и націонализмъ, какъ результатъ политическаго преслѣдованія. У меня подъ руками интересный матеріалъ, часть котораго, какъ „Om Bandê Mâtaram. The Spirit of indian Nationalism“, только что появился.

Въ спискѣ названій намѣченныхъ докладовъ я вижу докладъ объ отношеніяхъ „Запада къ Востоку, Европы къ Азіи, арійцевъ къ семитамъ“. Я вижу передъ собою терминологію, которою часто пользуются теперь въ Европѣ, а въ особенности у насъ, въ Россіи. При употребленіи терминовъ „арійцы“, „семиты“ имѣется въ виду нѣчто опредѣленное, фиксированное. Попробуемъ, опираясь на авторитетъ Макса Мюллера, выяснить, примѣнимы ли въ этнологическомъ смыслѣ термины „аріецъ“, „семитъ“, которые кажутся такими точными. Мы читаемъ, что „арійская раса — высшая“; она находится на всемъ протяженіи исторіи въ безпрерывной борьбѣ съ расой семитической, „жестокой, грубой, чуждой идеала, неспособной къ творчеству“. Съ точки зрѣнія этой философіи всемірная исторія, это — „извѣчная борьба Запада съ Востокомъ, Европы съ Азіей, арійскихъ идеаловъ съ семитическими“. Антисемиты-теоретики говорятъ, что антисемитизмъ — „инцидентъ конфликта Европы съ Азіей“; онъ имѣетъ цѣлью „спасти арійскіе возвышенные, жизнерадостные идеалы отъ деморализующаго вліянія восточнаго, мрачнаго и жестокаго міровоззрѣнія“. Впервые, если не ошибаюсь, эта теорія была формулирована Вильгельмомъ Марромъ въ его книжкѣ: „Der Sieg des Judenthums über das Germanthum“. Съ тѣхъ поръ „философія“ эта повторяется безъ всякихъ измѣненій. Ненависть къ „семитамъ“ дошла до того, что антисемитизмъ, фигурирующій во всѣхъ странахъ какъ защитникъ традицій и установленнаго культа, обрадовался книгѣ Чемберлэна объ эллинскомъ происхожденіи Христа и евангелистовъ, хотя такое ученіе является ересью, опровергающей весь Новый Завѣтъ. Теорія объ извѣчной борьбѣ арійцевъ съ семитами подразумѣваетъ расу, какъ нѣчто опредѣленное и фиксированное, существовавшее безъ измѣненія отъ вѣка; но этотъ взглядъ разсѣивается какъ дымъ, какъ только мы подойдемъ къ нему. „Всѣ націи, даже наиболѣе примитивныя, появляющіяся передъ нами на зарѣ исторіи, представляютъ результатъ амальгамаціи. Процессъ амальгамированія закончился уже въ доисторическія времена“ (Gumplowicz, „La Lutte de races“). Я раскрываю первый историческій атласъ, имѣющійся у меня подъ руками—„Atlas of Ancient and Classical Geography“, изданный Дентомъ. Семнадцатая таблица атласа представляетъ карту эмиграціи варваровъ. Мы находимъ, напр., въ VIII вѣкѣ на Иберійскомъ полуостровѣ амальгаму изъ слѣдующихъ народовъ: туземцевъ, къ которымъ еще задолго до Р. Х. примѣшались финикійцы, т.-е. семиты; алановъ, прибывшихъ въ пятомъ вѣкѣ изъ степей между Дономъ и Волгой; вандаловъ, явившихся въ пятомъ вѣкѣ (первоначальная родина ихъ—нынѣшній Мекленбургъ); визиготовъ, которыхъ въ четвертомъ вѣкѣ видимъ между верховьями Ингула и Буга; свевовъ, пришедшихъ съ береговъ Рейна—и арабовъ, т.-е. опять

семитовъ. Вандалы (они оставили свой слѣдъ въ названіи провинціи Андалузія) потомъ переправились въ Сѣверную Америку. Въ горахъ Кабиліи мы видимъ теперь голубоглазыхъ и русоволосыхъ потомковъ воиновъ Гензериха. Кто же, наконецъ, испанцы: семиты или арійцы? Одна и та же кровь течетъ теперь въ жилахъ нѣмцевъ въ Мекленбургѣ, испанцевъ—въ Андалузіи и фанатичныхъ мусульманъ-кабиловъ въ Алжиріи. Психологія ихъ различна, подъ вліяніемъ культуры и окружающихъ условій. Покуда не начались въ Испаніи гоненія противъ евреевъ, смѣшанные браки происходили часто даже въ высшей аристократіи [1]). Слѣдуетъ ли причислить испанцевъ къ народностямъ Европы или Азіи? Можно ли говорить тутъ о фиксированномъ этнологическомъ типѣ?... Великая Россійская низменность была большой дорогой для народовъ, двигавшихся съ востока на западъ. Мы находимъ тутъ въ свое время и гунновъ, и алановъ, и готовъ, и визиготовъ, и безвѣстныя монгольскія и тюркскія племена, оставившія въ исторіи только свои названія. Затѣмъ явились съ Карпатъ славяне, одинъ потокъ которыхъ на сѣверѣ смѣшался съ финскими племенами, другой, на югѣ—съ монгольскими племенами. Въ пятомъ вѣкѣ на югъ нынѣшней Россіи являются проповѣдники іудаизма; они обращаютъ въ вѣру Моисея разныя племена (между прочимъ, хозаръ). Образуются самые разнородные этническіе сплавы. Славянскія, монгольскія, тюркскія, семитическія и другія неизвѣстныя племена проходятъ черезъ тигль исторіи. Какъ тутъ опредѣлить, гдѣ кончается Азія и гдѣ начинается Европа? Гдѣ тотъ научный критерій, при помощи котораго можно провести границу между „арійскими“ и „семитическими“ племенами? Каждое племя, на придачу, попадая въ новыя географическія условія, приспособляется къ нимъ и образуетъ новую разновидность. Мы видѣли уже судьбу вандаловъ. Не поможетъ ли намъ разобраться между „арійцами“ и „не-арійцами“ величайшій авторитетъ въ изученіи санскрита Максъ Мюллеръ? Обращаемся къ одному изъ наиболѣе капитальныхъ трудовъ знаменитаго ученаго. Максъ Мюллеръ доказываетъ, что термины „арійцы“ и „не-арійцы“ можно употреблять *только* въ филологическомъ, но отнюдь не въ этнологическомъ смыслѣ. „Арійцы будутъ тѣ, которые говорятъ на языкѣ арійскаго происхожденія, каковъ бы ни былъ цвѣтъ ихъ кожи и какова бы ни была ихъ кровь,—утверждаетъ Максъ Мюллеръ.—Говоря объ *арійцахъ*, я имѣю въ виду только то, что грамматика извѣстнаго народа—арійскаго происхожденія“ („Biographies of Words and the Home of the Aryas“, p. 245). „Я много

[1]) Этому вопросу посвященъ старинный памфлетъ Мендосы-и-Бовадильи: „El Tizon de la Nobleza Española, o maculas y sambenitos de jus Linajes“.

разъ повторялъ,—говоритъ знаменитый ученый въ другомъ мѣстѣ того же труда,—что подъ терминомъ *арійцы* я подразумѣваю не кровь, не кости, не волосы и не черепъ. Я имѣю въ виду только тотъ или другой народъ, говорящій на арійскомъ языкѣ, но не анатомическія подробности. Голубоглазые и свѣтлоголовые скандинавы быть-можетъ—завоеватели, а быть-можетъ—завоеванный народъ. Быть можетъ, они приняли языкъ своихъ темнокожихъ покорителей или покоренныхъ. Быть можетъ, также, что произошло наоборотъ. Я не дѣлаю никакихъ утвержденій, кромѣ филологическихъ, когда называю племена индусами, греками, римлянами, германцами, кельтами или славянами. И въ этомъ смыслѣ, только въ этомъ, я утверждаю, что даже самые темнокожіе индусы представляютъ болѣе раннюю стадію арійскаго языка, чѣмъ самые свѣтлоликіе скандинавы... Для меня этнологъ, говорящій объ арійской расѣ, арійской крови, арійскихъ глазахъ или волосахъ, является такимъ же большимъ грѣшникомъ, какъ лингвистъ, который сталъ бы толковать про долихоцефалическій словарь или брахицефалическую грамматику".

Такимъ образомъ, всѣ выводы, основанные на извѣстной борьбѣ арійцевъ съ не-арійцами, падаютъ сами собою. Нѣтъ арійскаго типа, какъ нѣтъ опредѣленнаго семитическаго. Антропологи намѣчаютъ среди евреевъ два типа: долихоцефаловъ (испанскихъ евреевъ, или *сефардимъ*) и брахицефаловъ (нѣмецко-польскихъ евреевъ, или *ашкиназимъ*). Но ими не исчерпываются всѣ разновидности еврейскаго типа. Антропологія и этнографія не знаютъ чистыхъ типовъ. Имъ вѣдомы только этническіе сплавы, происходящіе безпрерывно на земномъ шарѣ. А. Ф. Чемберлэнъ (проф. Clark University, въ Массачусетсѣ), великій знатокъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, показываетъ въ своемъ трудѣ „North American Indians", какъ многія краснокожія племена мало-по-малу, если можно такъ выразиться, всасываются бѣлымъ населеніемъ. Амальгамируется одна изъ самыхъ упорныхъ и неподатливыхъ расъ на земномъ шарѣ. Мы узнаемъ, напр., изъ книги Чемберлэна, что ирокезцевъ чистой крови „почти уже нѣтъ", что чистокровныхъ гуроновъ „уже нѣтъ", что племя чипева (оджибои, которыхъ мы знаемъ по поэмѣ „Гайавата") смѣшалось съ французскимъ населеніемъ Канады. Семинолы, которыхъ мы знаемъ по роману Шатобріана „Атала", обнаруживаютъ „сильную примѣсь бѣлой и отчасти негритянской крови". Навахи, такъ часто фигурирующіе у Майнъ-Рида, теперь приняли „очень много испанской крови". То же самое можно сказать о команчахъ и т. д.[1]) Параллельно съ процессомъ

[1]) См. статью „North American Indians" въ только-что вышедшемъ одиннадцатомъ изданіи „Британской Энциклопедіи".

амальгамированія идетъ поднятіе культуры. „Навахи совершили поразительный прогрессъ“; ирокезцы „почти цивилизованы теперь“, будущее ихъ—„многообѣщающее“; оджибоевъ теперь „во многихъ отношеніяхъ никакъ нельзя отличить отъ ихъ бѣлыхъ сосѣдей“. Краснокожихъ племенъ, не сливающихся съ бѣлымъ населеніемъ, мало. Таковы, напр., „зобровые“ индѣйцы въ Атабаскѣ, „собачьи ребра“ (Dog-ribs), „майду“ (въ Калифорніи). Эти большею частью вымираютъ въ отведенныхъ имъ территоріяхъ. Еще сто, сто пятьдесятъ лѣтъ—и индѣйцы исчезнутъ „яко обры“, потому что сольются съ бѣлымъ населеніемъ и образуютъ новый этническій сплавъ. То же самое явленіе происходитъ, при нормальныхъ условіяхъ, съ „упорными семитами“. Докторъ Фишбергъ въ своемъ трудѣ „The Jew“, выпущенномъ недавно, приводитъ много поразительныхъ примѣровъ амальгамаціи. Онъ констатируетъ, что ни одинъ народъ такъ не склоненъ быстро сливаться, при нормальныхъ условіяхъ, съ кореннымъ населеніемъ, какъ евреи. Въ Испаніи ихъ роднымъ языкомъ сталъ испанскій; въ Италіи языкъ и идеалы евреевъ—итальянскіе. Одинъ изъ величайшихъ патріотовъ молодой Италіи—Даніэль Манинъ—родился въ еврейской семьѣ.

Фиксированныхъ расъ нѣтъ. Онѣ мѣняются, какъ мы видѣли въ Сѣверной Америкѣ, на нашихъ глазахъ. Мѣняется также и характеръ расъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Это понималъ, между прочимъ, еще Флетчеръ. Онъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ характеръ московитовъ. „По истинѣ можно сказать (какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большого до малаго (за исключеніемъ весьма немногихъ, которыхъ очень трудно отыскать) всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства дѣлаютъ ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ сосѣдей“ (Русскій переводъ 1867 г., стр. 113). Англійскій путешественникъ отмѣчаетъ, кромѣ лживости, еще раболѣпство, грубость и жестокость московитовъ. „Жизнь человѣка считается ни по чемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ... Едва-ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами“ (ib., стр. 112). Флетчеръ знаетъ и причину явленія: „Видя грубые и жестокіе поступки съ ними (московитами) всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они такъ же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими, такъ что самый низкій и убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, какъ собака, и облизывающій пыль у ногъ его, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ-нибудь верхъ“.

II.

Итакъ, естественный процессъ, наблюдаемый всюду на землѣ, выражается въ возникновеніи все новыхъ этническихъ сплавовъ. Всѣ теоріи объ извѣчной борьбѣ арійцевъ съ семитами — фикція, потому что наука не знаетъ ни арійцевъ, ни семитовъ, какъ фиксированныя этнологическія величины. Максъ Мюллеръ, какъ мы видѣли, имѣетъ въ виду *только* языкъ. Такимъ образомъ, испанскіе евреи, говорящіе по-испански, будутъ „арійцы", если правильно примѣнять терминологію, а кабилы, т.-е. потомки вандаловъ, говорящіе по-арабски, будутъ „семиты". Фикціей является также неизмѣняемость „арійскихъ" и „семитскихъ" идеаловъ и противоположность ихъ. Идеалы и культы передаются отъ одного народа другому и мѣняются въ зависимости отъ географическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій. Націонализмъ (если онъ не насаждается начальствомъ)—орудіе самозащиты преслѣдуемой народности. Чѣмъ сильнѣе преслѣдованіе, тѣмъ болѣе фанатическія формы принимаетъ націонализмъ. Когда преслѣдованіе исчезаетъ, начинается естественный процессъ амальгамаціи, при чемъ новый этническій сплавъ усвоиваетъ высшую культуру. Все то, что дѣйствительно дорого каждой народности—сохраняется не смотря на амальгамацію. Я приведу нѣсколько иллюстрацій къ этому тезису, заимствовавъ ихъ изъ въ высшей степени интересной, только что вышедшей книги Бипина Чандра Пала (индуса родомъ). Ученый индусъ говоритъ о „духѣ индійскаго націонализма". Изъ книги выясняется одно обстоятельство. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ Индіи началось политическое движеніе, захватившее всѣхъ европейски образованныхъ туземцевъ. Движеніе было вполнѣ мирное и имѣло цѣлью очень умѣренную конституцію. Впервые въ исторіи Индіи представители разныхъ вѣръ сошлись на одной платформѣ. На національныхъ конгрессахъ, происходившихъ въ Индіи ежегодно о Рождествѣ, рядомъ выступали браминисты, буддисты, магометане и огнепоклонники. Національные и религіозные вопросы были отодвинуты далеко на задній планъ. Конституціоналисты вели только мирную пропаганду. И вотъ, правительство, вмѣсто того, чтобы пойти на встрѣчу мирному движенію, отвѣтило репрессіями, а затѣмъ, въ 1905-мъ году, раздѣленіемъ Бенгальской провинціи на двѣ части (чтобы возстановить магометанъ противъ браминистовъ и буддистовъ). И въ результатѣ культурное, европейское, мирное движеніе приняло фанатическій, узко-національный характеръ и проявилось бойкотомъ, потомъ террористическими актами. Верхъ въ новомъ движеніи взяли не европейски образованные „бабу" (индій-

ская интеллигенція), а буддистскіе и браминистскіе священники. Они дали движенію священный лозунгъ „Om Bandê Mâtaram“ (Привѣтъ тебѣ, мать родина). Въ лицѣ Бипина Чандры Пала мы имѣемъ одного изъ самыхъ видныхъ вождей новаго движенія, охватившаго теперь всю Индію. „Націонализмъ—новый крикъ въ Индіи,—говоритъ авторъ.—Націоналисты—новая школа въ индійской политикѣ. Она народилась въ 1905-мъ году и выставила конечной цѣлью абсолютную автономію, а методами—самопомощь и увѣренность въ своихъ силахъ... Націоналисты провозгласили полный бойкотъ всему чужому: иностраннымъ, а въ особенности англійскимъ товарамъ, англійскимъ учрежденіямъ и организаціямъ [1]), а равно правительственнымъ школамъ и университетамъ“. Націонализмъ, по словамъ Бипина Чандры Пала, прежде всего, разрушилъ гипнозъ, въ которомъ пребывало населеніе Индіи. Почему триста милліоновъ индусовъ были такъ легко побѣждены горстью завоевателей и такъ легко удерживаются въ повиновеніи? Историкъ и экономистъ отвѣтятъ на это слѣдующее. Подавляющая масса населенія—крестьяне или райоты—совершенно не интересовались тѣмъ, кто владѣетъ Индіей, покуда не трогали ихъ обычаевъ. Индійская деревня подъ англійскимъ владычествомъ живетъ почти такою же жизнью, какъ при Александрѣ Македонскомъ. И „райотъ“ относится безразлично къ тому, кто начальникъ. Объясненіе того, что горсть завоевателей держитъ въ рукахъ многомилліонную имперію, авторъ находитъ *въ гипнозѣ*. „Англичане не завоевали Индію мечомъ,—говоритъ Бипинъ Чандра Палъ.—Они не держатъ теперь страну силой оружія. Индія досталась англичанамъ по счастливой случайности, а владѣютъ они ею благодаря гипнозу“. Націоналистическое движеніе разрушаетъ этотъ гипнозъ. „Съ бюрократической точки зрѣнія даже вооруженное возстаніе лучше моральнаго мятежа. Возстаніе, вслѣдствіе того что населеніе не организовано и не вооружено, могло бы быть легко подавлено. Путемъ безпощадныхъ репрессій можно было бы тогда возстановить старый гипнозъ; но пропаганда, неуловимая, держащаяся въ предѣлахъ закона, совершенно непреодолима [2]). Бюро-

[1]) Либеральное правительство ввело въ Индіи Совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ и туземцы. Десять лѣтъ тому назадъ реформа удовлетворила бы конституціоналистовъ, которые терпѣливо ждали бы дальнѣйшихъ шаговъ со стороны правительства. Теперь реформа сильно запоздала.

[2]) Приведу одинъ примѣръ такой пропаганды. Англо-индійская печать теперь усиленно обличаетъ драму „Убійство Кичаки“, написанную на „индустани“ и идущую съ колоссальнымъ успѣхомъ въ театрахъ Бенгаліи. Драма построена на эпизодѣ изъ Магабараты. Вождь Кичака питаетъ любовь къ служанкѣ царицы, къ прекрасной Драупади, которая сама—царица въ изгнаніи. Драупади обращается за покровительствомъ къ царю, царицѣ и къ женѣ Кичаки, Ратнайрабѣ. Но такъ какъ Кичака чувствуетъ свою силу, то съ каждымъ днемъ проявляетъ все бо́льшую дерзость. Онъ

кратія, поэтому, всѣми силами старалась уничтожить мирный характеръ движенія. Съ этой цѣлью начались жестокія преслѣдованія... Вожди націоналистовъ видѣли игру насквозь и не выступили на нелегальный путь, не смотря на всю провокацію со стороны правительства; но послѣдователи не были такъ дисциплинированы. Нетерпѣливые націоналисты, не уполномоченные никѣмъ, стали отвѣчать на правительственный терроръ—насильственными актами" („The Spirit of Indian Nationalism", p. p. 5—6). Прежнее конституціонное движеніе, выразителемъ котораго являлся индійскій національный конгрессъ, носило вполнѣ европейскій характеръ. Это было движеніе *по преимуществу* свѣтское и умышленно не касалось религіозныхъ вопросовъ, такъ какъ желало объединить представителей разныхъ религій. Новое націоналистическое движеніе—Svarâj—носитъ сильную религіозную окраску; оно фанатично и, поэтому, объединяя одну часть населенія Индіи, отталкиваетъ другую (магометанъ и огнепоклонниковъ). Во главѣ стараго конституціоннаго движенія стояли люди, получившіе образованіе въ Оксфордскомъ или Кембриджскомъ университетѣ, впитавшіе въ себя, кромѣ политическихъ идей, раціонализмъ XIX-го вѣка. Новымъ движеніемъ руководятъ ученые брамины, выдвигающіе на первый

напоминаетъ царю про свои подвиги и грозитъ не только оставить службу, но и увести за собою сторонниковъ. И царь, наконецъ, соглашается на компромиссъ: служанку нельзя выдать Кичакѣ, какъ тотъ требуетъ, но ее пошлютъ въ загородный храмъ. Пусть Кичака дальше поступаетъ какъ знаетъ. Въ это время мужъ Драупади, скрывающійся царь Юдистра, обсуждаетъ со своимъ братомъ Бимой различныя средства, какъ спасти Драупади. Юдистра стоитъ за умѣренныя средства, такъ какъ убѣжденъ, что правосудіе и справедливость должны восторжествовать въ концѣ-концовъ. Бима же думаетъ, что самое лучшее—задушить Кичаку. Наконецъ, Бима и Драупади добиваются у Юдистры разрѣшенія пустить въ ходъ крайнія мѣры. Бима прячется въ храмѣ, куда по приказанію царя приводятъ Драупади и оставляютъ ее на произволъ судьбы. И въ храмѣ ею желаетъ овладѣть Кичака. Напрасно Драупади молитъ свирѣпаго воина. Кичака смѣется надъ слезами царицы. Онъ схватилъ ее уже, когда съ пьедестала поднимается богъ Байроба: это—Бима. Онъ хватаетъ дрожащаго отъ страха Кичаку и душитъ на глазахъ у Драупади. Такова драма. „Англичанинъ, видѣвшій представленіе „Убійства Кичаки", — читаемъ мы въ „Indian Times",—никогда не забудетъ блеска глазъ зрителей, когда душатъ полководца, и никогда не забудетъ презрительныхъ восклицаній, которыми привѣтствуютъ совѣты Юдистры не прибѣгать къ крайнимъ средствамъ". Читатели, ознакомившіеся съ текстомъ драмы, недоумѣваютъ, почему она производитъ такое потрясающее впечатлѣніе, почему англо-индійская печать требуетъ немедленнаго запрещенія произведенія. Передъ нами — типичный примѣръ драмы, которую надо изучать въ связи съ окружающими условіями. Мы видимъ произведеніе, смыслъ котораго дополняется творчествомъ всѣхъ зрителей. Изъ индо-англійской печати мы узнаемъ, что зрители усмотрѣли въ драмѣ аллегорію. Кичака, это — лордъ Керзонъ, Драупади — Индія, Юдистра — умѣренные конституціоналисты, тогда какъ Бима — націоналисты. Нерѣшительный царь—слабое центральное правительство.

планъ религіозныя доктрины. Старое движеніе захватило культурные верхи; новое представляетъ собою то, что моряки называютъ „траловымъ ловомъ“. Подобно „тралу“, новый національнизмъ захватываетъ и влечетъ за собою все.

„Въ Индіи свѣтское и религіозное всегда тѣсно сплетено въ каждомъ явленіи жизни,—говоритъ Бипинъ Чандра Палъ.—Наиболѣе темный и невѣжественный лавочникъ никогда не откроетъ торговли, не нарисовавъ предварительно на дверяхъ своего бога или богиню; ремесленникъ никогда не начнетъ свою тяжелую поденную работу, не нацарапавъ раньше имени божества. Прежнее конституціонное движеніе совершенно не захватило массы, во-первыхъ, потому что пропаганда велась на чужомъ языкѣ (т.-е. по-англійски), во-вторыхъ, потому что идеи и идеалы не упоминали про традиціи народа и не были выражены въ терминахъ, заимствованныхъ изъ національной исторіи и литературы. Самая главная причина, почему массы не были захвачены конституціоннымъ движеніемъ, заключается въ томъ, что оно не носило религіознаго характера. Новый національнизмъ — продолжаетъ ученый браминъ—выступилъ съ лозунгомъ: „Bandê Mâtaram“! Въ этихъ словахъ заключается глубокій религіозный смыслъ. Bandê Mâtaram, въ самомъ дѣлѣ, собственно означаетъ не „Привѣтъ тебѣ, родина мать!“, а „Привѣтъ тебѣ, мать!“ Тутъ дѣло идетъ о божествѣ... Къ божествамъ Камъ, Дурга, Лакшми и Сарасвати молящіеся всегда обращаются, какъ къ матери. Такимъ образомъ, въ лозунгѣ „Bandê Mâtaram“ для націоналиста политическая идея о родинѣ-матери ассоціируется съ представленіемъ о божествѣ. Въ Индіи народился новый культъ, культъ патріотизма“ (ib., p. 13). Ученый браминъ дальше разсказываетъ, какимъ образомъ священники, проповѣдующіе массамъ новый культъ, будятъ тамъ то чувство, которое Руссо называлъ fureur aveugle. При помощи всѣхъ этихъ средствъ—продолжаетъ авторъ—„въ Индіи новый патріотизмъ въ дѣйствительности сталъ новой религіей безчисленныхъ массъ. Къ добру ли или къ худу, но новая сила захватываетъ страну все глубже и глубже. Бюрократія ненавидитъ теперь новую религію гораздо сильнѣе, чѣмъ когда-то ненавидѣла конституціонное движеніе“. Современный полуобразованный европеецъ—говоритъ въ другомъ мѣстѣ ученый браминъ—совершенно лишенъ воображенія и углубленности. Онъ рѣшительно не можетъ понять явленій, къ которымъ не подходятъ обычныя мѣрки. Преисполненный самомнѣнія и увѣренный въ превосходствѣ своей культуры, европеецъ не въ состояніи составить себѣ вѣрное представленіе о томъ, что онъ презрительно называетъ „варварствомъ“ и „суевѣріемъ“. Не имѣя самъ религіознаго чувства, онъ соотвѣтствующе не можетъ оцѣнить значенія религіознаго подъема, въ

особенности когда послѣдній проявляется въ чуждыхъ символахъ... Къ этому отсутствію воображенія и самоуглубленности, отличающему (по мнѣнію ученаго брамина) среднихъ европейцевъ, англійская бюрократія присоединяетъ еще полное непониманіе народа, которымъ командуетъ. Она даже не знаетъ священнаго языка страны [1]), а безъ знанія литературы народа нѣтъ возможности заглянуть въ его душу. ...Новое религіозно-политическое движеніе пробудило въ Индіи, кромѣ того, мессіанскую идею. Брамины выработали новую идеологію.

„Индусъ глубоко вѣритъ въ неумолимый законъ *карма*, который представляетъ собою другое названіе для закона причинности, примѣненнаго къ моральному міру,—такъ излагаетъ эту идеологію Бипинъ Чандра Палъ.—Націи, подобно индивидуумамъ, подчинены этому закону. Онѣ тоже должны выработать собственную *карма*, хорошую или дурную. Черезъ посредство своей хорошей *карма* индусъ достигъ вліянія и силы; онъ заселилъ новыя территоріи, завоевалъ народы, распространилъ культуру и цивилизацію по всему міру. Но никому не предопредѣлено пользоваться вѣчно жизнью или счастьемъ. Даже Брама, создатель и правитель вселенной, какъ говоритъ священная традиція, не могъ вѣчно оставаться правителемъ міра. Наступила ночь, ночь распаденія вселенной—и міры разсыпались въ прахъ. Вмѣстѣ съ мірами и самъ Брама отошелъ въ область вѣчнаго молчанія, изъ которой всѣ они вступили въ бытіе. Все это — миѳологія, безъ сомнѣнія, — продолжаетъ ученый браминъ.—Современный человѣкъ, а въ особенности современный европеецъ, склоненъ смотрѣть на эту космогонію какъ на вздоръ и безсмыслицу. Даже индусъ, получившій европейское образованіе, быть можетъ, не склоненъ относиться серьезно къ старой традиціонной космогоніи. Но хотя священный разсказъ нѣкоторые могутъ признавать только миѳомъ, мысль, заложенная въ немъ, имѣетъ на умы индусовъ такое же громадное вліяніе, какъ и въ древности, когда еще не было скептиковъ. Сотни тысячъ проповѣдниковъ повторяютъ теперь въ Индіи священный разсказъ про судьбу Брамы. Разсказъ является готовой формулой для выраженія сознанія народа о непрочности жизни и счастья. Это сознаніе объясняетъ такъ называемый фатализмъ народа. Оно же дѣлаетъ понятнымъ, почему массы такъ спокойно относились къ политическимъ перемѣнамъ въ Индіи. Когда явились магометане, опрокинули троны индусскихъ властелиновъ и безнаказанно осквернили храмы, народъ усмотрѣлъ въ этомъ волю божію. Святотатства были бы немыслимы—думалъ народъ,—не пожелай того божество. И магоме-

---

[1]) Англійскіе чиновники въ Индіи обязаны знать два туземныхъ языка: „индустани“ и языкъ той провинціи, въ которой служатъ.

танское владычество было принято народомъ съ спокойной покорностью, какъ божіе повелѣніе и даже какъ божья милость. Индусы помогали магометанамъ-завоевателямъ, работали вмѣстѣ съ ними, не питали къ нимъ злобы. И вотъ, наступило время, когда власть завоевателей начала разсыпаться въ прахъ. Появились признаки, показывавшіе, что колесо Провидѣнія дало новый оборотъ. Когда индусы истощили свою хорошую *карма*, они пошли ко дну, и поднялись вверхъ магометане. Когда магометане въ свою очередь истощили свою хорошую *карма* и выполнили миссію, предназначенную имъ божествомъ, они тоже пошли ко дну. Находясь подъ мусульманскимъ владычествомъ, индусы — продолжаетъ ученый браминъ — набрали немного *карма* и на нѣкоторое время поднялись на верхъ. Плодами этой *карма* явилось владычество маграттовъ [1]) на югѣ и сикхская [2]) республика на западѣ. Но эта *карма* была слаба; вотъ почему и плоды ея отличались недолговѣчностью. И вотъ, по волѣ Провидѣнія, явилась новая раса, которая взяла кормило власти изъ парализованныхъ рукъ моголовъ и отодвинула маграттовъ и сикховъ. И массы опять спокойно приняли новыхъ завоевателей, какъ предопредѣленіе судьбы. Тогда еще не пришло время для Индіи выработать собственную судьбу. Грѣхи прошлыхъ поколѣній, злая *карма* націи, еще не выполнили своего дѣла. Надобны были новыя порабощенія, новая эпитимія, чтобы смыть грѣхи прошлаго и выработать счастливую *карма*. Такъ массы истолковали новое завоеваніе. Этимъ объясняется, почему народъ такъ терпѣливо подчинился. Но, подчиняясь, массы тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души сознавали, что власть англичанъ, какъ все въ мірѣ, конечна и представляетъ собою только одинъ эпизодъ въ исторіи эволюціи. И теперь новый національнизмъ вселилъ массамъ вѣру, что колесо судьбы должно дать новый оборотъ".

Наблюдатель, изучающій соціальныя и экономическія условія современной Индіи, могъ бы дать иное, не мистическое, а вполнѣ реальное объясненіе, почему массы остались совершенно равнодушны, когда моголы смѣнили туземныхъ государей или когда англичане смѣнили моголовъ; но не въ томъ дѣло. Я хочу только констатировать фактъ, что „райоты" (крестьяне), остававшіеся пассивными въ продолженіе двухъ десятковъ вѣковъ, захвачены теперь національнымъ движеніемъ. Проповѣдники его избрали для пропаганды тотъ же

---

[1]) Такъ называлась индусская раса, жившая въ Западной и Центральной Индіи и завоевавшая, въ XVII и XVIII-мъ вѣкахъ, много государствъ, соединенныхъ ею въ одну конфедерацію. Апогея власти раса достигла въ серединѣ XVIII-го вѣка. Государство маграттовъ было завоевано англичанами въ началѣ XIX-го вѣка.

[2]) Религіозно-политическая община сикховъ возникла въ самомъ началѣ XVI-го вѣка и продержалась до 1849-го года.

путь, какъ и первые индусскіе вѣроучители — священный гимнъ. „Каждая патріотическая поэма и каждый гимнъ проникнуты страстнымъ религіознымъ чувствомъ. Такимъ путемъ проповѣдники націонализма привлекаютъ къ своимъ платформамъ десятки тысячъ людей... Дѣйствительными вождями народа являются тѣ, которые никогда не теряли вѣры отцовъ или которые возвратились къ ней... Эти послѣдніе отреклись отъ продуктовъ современной европейской культуры, т.-е. отъ деизма и раціонализма, не могущихъ объяснить всѣхъ тайнъ духовной жизни". Основная разница между прежнимъ политическимъ движеніемъ въ Индіи и новымъ, націоналистическимъ — говоритъ ученый браминъ въ другомъ мѣстѣ — заключается въ томъ, что старое движеніе было по преимуществу свѣтское, тогда какъ второе — интенсивно-религіозное. Прежнее движеніе вдохновлялось европейскими идеями свободы и прогресса. Оно было равнодушно къ религіознымъ запросамъ. Конституціонализмъ выставлялъ идеалы французской революціи, т.-е. равенство, свободу и братство. Новый націонализмъ обратился къ религіи.

Старый конституціонализмъ желалъ только умѣреннаго самоуправленія, подъ верховнымъ контролемъ британскаго парламента. Брамины, ставшіе во главѣ новаго націонализма, выставили Svarâj, т.-е. полную автономію. Мы видѣли, такимъ образомъ, новое подтвержденіе стараго тезиса, выкованнаго еще въ XVIII-мъ вѣкѣ: „Le fanatisme est toujours produit par la persécution". При отсутствіи преслѣдованій, при нормальныхъ условіяхъ, расы образуютъ постоянно новые этническіе сплавы и сливаются въ народности, создающія общую культуру. Теоріи, основанныя на извѣчной борьбѣ расъ, не выдерживаютъ критики. Въ Индіи мы видимъ, какъ конституціонное движеніе объединило народы, раздѣленные вѣрой. Преслѣдованіе раздуло пожаръ фанатизма и превратило мирное движеніе въ трагически страшное.

Діонео.

ЖИВЫЯ ВОЛНЫ ЛЮДСКІЯ

(Городскія впечатлѣнія въ романской Швейцаріи.)

...Пароходъ нашъ подходилъ къ Лозаннѣ по пѣнисто-синимъ волнамъ Лемана.

Сильный вѣтеръ гналъ быстрыя волны впереди насъ и съ размаху бросалъ ихъ на бока пристани Ушѝ (берегового предмѣстья Лозанны)

и на гранитный волнорѣзъ рядомъ. Онѣ ударялись всею грудью о гранитъ и всплескивались до самаго верху стѣнки, хватали за ноги и брызгали въ лица веселыхъ мальчишекъ, усѣвшихся тамъ, наверху. Хохотъ, визгъ—и тяжелое грохотанье прибоя...

Мы совершали воскресный tour du lac (поѣздку кругомъ озера), организованный женевскимъ Союзомъ металлургическихъ рабочихъ. Нашъ пароходъ былъ весь убранъ тысячею пестрыхъ флажковъ и зеленыхъ гирляндъ.

Съ него неслась на берегъ, по вѣтру и по волнамъ мѣдная мелодія вальса; на палубѣ вертѣлись танцующія пары. Навстрѣчу намъ, изъ-за волнорѣза открывался широкій полукругъ рейда, по всему берегу котораго выстроилась несчетная толпа зрителей. Въ Уши былъ большой праздникъ—праздникъ школьныхъ promotions („повышеній", т.-е. перехода въ слѣдующіе классы). Ученики всѣхъ лозаннскихъ школъ, родители учениковъ, знакомые родителей и такъ, просто гуляющая публика наполняли набережную площадь, гдѣ настроена была тьма каруселей, „тобогановъ" и „русскихъ горъ". Рейдъ пестрѣлъ качающимися на волнахъ бѣлокрылыми яхтами и легкими, ловкими яликами. Яркими пунцовыми и зелеными пятнами мелькали зонтики дамъ на бирюзовомъ фонѣ воды. И все, казалось, мѣрно плясало подъ звуки волнъ и вальса.

Мы причалили. Наша музыка и съ нею большая часть пассажировъ сошли на берегъ, по оживленному приглашенію публики. Тамъ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями; немедленно устроился импровизированный балъ у самой пристани, пошло угощеніе подъ навѣсомъ переносныхъ кафе. Стоя у борта парохода, я одиноко глядѣлъ на чужое веселье.

Изъ самыхъ нѣдръ толпы передъ моими глазами стало какъ-то наискось подниматься и потомъ опускаться что-то пестрое и кружащееся, что мнѣ сразу показалось огромною, живою цвѣточною пирамидой. Приглядываюсь: это — корзинки вертикальной карусели, до краевъ наполненныя разодѣтыми въ ленты, въ кисею, въ кружева дѣвочками въ локончикахъ, въ пестрыхъ шляпкахъ. Карусельное колесо вращалось заразъ и кверху, и въ сторону, да сверхъ того каждую корзинку вертѣли сами ея пассажирки. И сквозь громъ ближняго вальса я слышалъ оттуда щебетанье, и смѣхъ, и пѣніе органа. Нельзя было глазъ оторвать отъ этихъ живыхъ букетовъ! Цѣлою тучей летали тамъ серпантины, а ярмарочный гамъ дополнялся трескомъ трещетокъ, игрушечныхъ петардъ, пискомъ и свистомъ разныхъ дудокъ.

Гдѣ-то бахала пушка: на рейдѣ начались гонки. Яхты лавировали противъ вѣтра, накреняясь почти до воды, будто чайки, хватающія

добычу. Потомъ яхта-побѣдительница стрѣлою бѣжала назадъ по вѣтру, съ гордымъ, полнымъ парусомъ.

Облака набѣжали на солнце; картина потускнѣла. Пошелъ порядочный дождикъ, но никто не обращалъ на него вниманія: смѣхъ, музыка, круженье продолжались. И мальчишки все такъ же баловались на волнорѣзѣ, свѣсивъ ноги къ синимъ волнамъ.

Я отвернулся. Тамъ, на срединѣ озера ещё свѣтило солнце, и пѣнистыя волны были причудливаго ярко-зелено-молочнаго цвѣта. Далеко, въ 15 километрахъ, виденъ былъ савойскій берегъ — темныя, сѣрыя, пустынныя горныя кручи. У ихъ подножья еле замѣтная кучка бѣленькихъ кирпичиковъ означала городъ Эвіанъ-ле-Бэнъ... Скучно мнѣ стало. Грезилась какая-то далекая сонная страна, заморенная человѣконенавистникомъ Кащеемъ. Нѣтъ тамъ ни яркоцвѣтныхъ волнъ, ни вольныхъ школьныхъ праздниковъ, ни беззаботныхъ мальчишекъ, ни букетовъ изъ дѣвочекъ-цвѣтовъ. Толпа тамъ неуклюжая, вялая, робкая... О, эта сонная страна!..

Пароходъ уже нетерпѣливо свистѣлъ, и къ его веселому борту съ забористымъ маршемъ возвращалась наша музыка, за нею—танцоры. Отсталые старички потолще и почтенныя дамы поспѣшали рысцой изъ-подъ навѣсовъ кафе. Густая толпа провожала насъ маханьемъ платковъ и шляпъ, шутками, воздушными поцѣлуями. Отчалили. Дождь прошелъ, солнце снова освѣщало пеструю толпу вокругъ рейда, и жидкое, волнующееся зеркало водной поверхности, игриво мерцая, отражало обрывками и кусочками весь лозаннскій праздникъ...

Были сумерки, когда мы входили въ Женевскій портъ. Всю дорогу мнѣ думалось: „Какъ умѣютъ здѣсь люди праздновать! Завидное искусство“. И въ виду огней Женевы, ея изящныхъ мостовъ, вырисовывающихся огненными арками, мнѣ вспомнился праздникъ въ прошломъ году на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ честь 400-лѣтія рожденія Кальвина и 350-лѣтія основанія въ Женевѣ академіи и коллежа (т.-е. въ память эпохи, когда Женева впервые стала играть крупную роль на исторической сценѣ) былъ устроенъ великолѣпный ночной праздникъ. Изсиня-черную воду бороздили сказочныя, горящія будто сапфирами, рубинами, изумрудами гондолы, вертѣлись пламенныя мельницы, безшумно двигались какіе-то свѣтлые дворцы. Все это кончилось грандіознымъ фейерверкомъ... На праздникъ съѣхалось до ста тысячъ „иностранцевъ“ (какъ тутъ зовутъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ населенію кантона). И вотъ—нельзя было наудивляться двумъ вещамъ: полному отсутствію полиціи или, по крайней мѣрѣ, ея полной незамѣтности среди этихъ многотысячныхъ массъ, а затѣмъ — необычайному порядку и спокойствію въ толпахъ зрителей. Одинъ инцидентъ въ концѣ праздника особенно поразилъ мое русское око.

Фейерверкъ кончился. Еще медленно расползались по черному небу огромные, фантастическіе пауки и морскія звѣзды изъ дыма—остатки погасшихъ огней. Вдругъ небо, какъ будто осердившись, разразилось сильнымъ дождемъ (запасы дождя тутъ, повидимому, всегда наготовѣ). Публика сразу отхлынула отъ каменныхъ балюстрадъ набережной и, раскрывъ тысячи зонтиковъ, бросилась убѣгать отъ дождя. Но поперекъ ея пути оказались всюду въ теченіе вечера наставленные ряды тѣсно сдвинутыхъ другъ къ дружкѣ высокихъ ломовыхъ платформъ (здѣсь желающіе видѣть получше могли получить мѣсто для стоянья за 30 сантимовъ). Между платформами лишь кое-гдѣ оставались самые узкіе проходы. Вся масса бѣгущаго народа, многіе съ малыми дѣтьми на плечахъ и на рукахъ, наткнулась на это неодолимое сразу препятствіе. Задніе, не видя ничего, напирали на переднихъ, передніе пытались карабкаться вверхъ, но обрывались, давимые сзади. Я былъ въ самой гущѣ толпы, слышалъ кругомъ испуганные крики—и особое, истинно-русское „предчувствіе“ вдругъ заставило съёжиться, насторожиться: вотъ-вотъ случится страшное несчастье, сейчасъ придется выдержать звѣриную борьбу за жизнь... Въ слѣдующее же мгновеніе картина перемѣнилась. Задніе вдругъ, инстинктомъ, поняли, что впереди неладно, и остановились. Люди вокругъ меня остановились, закрывъ зонтики. Впереди уже помогали выбраться женщинамъ съ ребятишками, и затѣмъ всѣ какъ-то раздвинулись, разобрались и чинно, потихоньку пошли въ проходы между платформами. А дождь припускалъ все сильнѣй.

„Ну, на родинѣ — быть бы тутъ маленькой Ходынкѣ!“ говорили мы, русскіе, между собою, едва вѣря, что критическій моментъ уже прошелъ. А впереди, за помостами, образовались уже группы молодежи подъ зонтиками; улепетывая отъ дождя, онѣ пѣли хоромъ шутливую chanson du jour:

„Каролина, моя кузина,
Одѣнь свои лаковые башмачки
И воскресное, бѣлое платье,
И свою шляпку съ цвѣтами...“

Швейцарцы, повидимому, и не замѣтили въ происшествіи чего-либо особеннаго. Потолкались маленько, да и разошлись—вотъ и все. Но я тогда же уразумѣлъ глубокую разницу между толпой въ Россіи—и здѣсь.

У насъ въ толпѣ каждый—неукротимый, прямолинейный эгоистъ. Ему и горюшка нѣтъ, что̀ дѣлаетъ, куда стремится, о чемъ думаетъ его сосѣдъ. Лишь бы самому протолкаться впередъ, занять мѣстечко получше, либо выбраться изъ давки. Но именно благодаря этому близорукому эгоизму и возникаетъ всегда давка, гвалтъ, драка — словомъ,

столь намъ знакомые слѣпые водовороты въ людскихъ скопищахъ. Вспомнить хотя бы открытіе памятника Гоголю въ Москвѣ—какъ разъ за мѣсяцъ до описаннаго женевскаго праздника. Не смотря на строжайшую полицейскую диспозицію людямъ и экипажамъ еще за день до событія, — ужъ какой же мы образецъ „смѣха сквозь слезы“ явили тогда глазамъ нарочито-приглашенной Европы! Бѣдный великій юмористъ! глядя на безтолковое барахтанье людского стада вокругъ, удивляющагося твоему дару язвительнаго осмѣянія нашей старинной безтолковщины,—не думалъ ли ты, что лучше бы не устраивали тебѣ памятника, лучше бы не призывали имени твоего всуе гг. Гучковъ-братъ и К°? Настоящая „Развязка Ревизора“...

Не таковы живыя волны людскихъ массъ на улицахъ и площадяхъ Лозанны, Женевы, Невшателя. Конечно, и здѣсь люди преслѣдуютъ прежде всего свой личный интересъ, но — не безъ оглядки. Здѣсь всякій каждую минуту помнитъ о томъ, что его движеніе—лишь часть, звено общаго движенія, и знаетъ, что нелѣпо и невозможно стремиться къ своей личной цѣли, не считаясь со всею прочею громадою людей. Здѣсь вы видите *живыя волны* человѣческихъ массъ, *живыя*—ибо онѣ одушевлены сознаніемъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ только и возможно дѣйствіе единицы среди прочихъ единицъ. *Живыя* и потому, что здѣсь воля каждой единицы направлена къ созданію гармоничнаго, изящнаго узора изъ всей коллективной жизни массовыхъ волнъ. Какъ изумительно-красиво и безупречно-согласованно кишатъ здѣсь праздничные муравейники на площадяхъ, напр. хотя бы во время ежегодной „Эскалады“ („Приступа“—воспоминаніе объ отбитомъ Женевою приступѣ савояровъ въ 1602 г., послѣднемъ покушеніи на свободу республики)! Маскированные рыцари и смѣшные савойскіе мужики, процессіи на ослахъ и телѣгахъ, трамваи и автомобили—все льется сплошными волнами взадъ и впередъ, и нѣтъ и слѣда столкновеній или несчастныхъ случаевъ. Все кажется такъ безпечно и непринужденно, но все до глубины проникнуто соціальнымъ сознаньемъ и умѣньемъ. Полиція блещетъ полнымъ невмѣшательствомъ.

Великое это дѣло—искусство веселиться всѣмъ народомъ!

Впрочемъ не въ самомъ весельѣ тутъ суть, а кое въ чемъ посерьезнѣе. Можно не обинуясь сказать: коли въ здѣшнихъ городахъ народъ умѣетъ веселиться, то зато онъ умѣетъ и свои дѣла житейскія разрѣшать такъ же практично, такъ же согласованно и — если хотите — такъ же красиво. Разница лишь въ томъ, что эта согласованность и красота не такъ непосредственно бросаются въ глаза при разрѣшеніи большихъ соціально-политическихъ вопросовъ, какъ въ волнующейся передъ вашими глазами праздничной толпѣ. Массовая агитація, голосованія, печатная полемика — все это происходитъ въ

средѣ болѣе широкой, которую сразу не охватитъ глазъ. Но будьте увѣрены, что микроскопическая, если можно такъ выразиться, анатомія (или физіологія) массъ остается здѣсь та же. Тѣ же „живыя волны". То же сознаніе соціальной среды и границъ, ею ставимыхъ въ данный моментъ частнымъ стремленіямъ индивидуумовъ, группъ, цѣлыхъ классовъ. То же ежеминутное и точное взвѣшиванье *степени осуществимости* своихъ стремленій среди всѣхъ возможныхъ противодѣйствій. Никакихъ „очертя голову", никакихъ „напроломъ" и „на волю божью". Зато незнакомы здѣсь въ соціальной жизни и страшныя пораженія, и малодушіе до умопомраченія, и паническое бѣгство безъ оглядки.

Въ примѣръ здѣшней соціальной борьбы возьмемъ сперва сравнительно мелкую „злобу дня" романскихъ кантоновъ—войну изъ-за Зеленой Феи. Такимъ звучнымъ именемъ величаютъ здѣсь ни болѣе, ни менѣе какъ зеленую полынную настойку, абсентъ. Какъ видите, предметъ далеко не политическій, но необыкновенно волновавшій здѣсь всю народную массу въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Долгое время Зеленая Фея совершала свое побѣдоносное шествіе по всѣмъ кафе романской страны—а кафе здѣсь такое безчисленное множество, что даже человѣкъ, привыкшій къ водочному протекціонизму нашей „монополіи", и то диву дается. Правда, здѣсь пьютъ не только абсентъ, да и абсентъ пьютъ разбавленный водою; но, какъ кажется, изъ всѣхъ питей на свѣтѣ абсентъ въ особенности одаренъ свойствомъ „затягивать" его потребителей. Они потребляютъ его все менѣе и менѣе разбавленнымъ, все въ большемъ и большемъ количествѣ — и тогда онъ сугубымъ образомъ отравляетъ нервную систему, доводитъ до спеціально ему свойственнаго состоянія идіотизма, сопровождаемаго буйными припадками. И давно всѣ обыватели жаловались на злыя чары Феи, но у многихъ не хватало силъ устоять передъ стаканчикомъ-двумя заманчиво-пахнущаго, „освѣжительнаго и укрѣпительнаго" (rafraîchissant et réconfortant) зелья. И постоянно вы можете наблюдать здѣсь печальные типы „абсентизма": безсмысленное, багровое лицо съ характерными, застывшими какъ бы въ ужасѣ, стеклянными глазами на выкатѣ. Особенно тяжело бываетъ глядѣть на стариковъ...

Наконецъ, года три тому назадъ именно въ Женевскомъ кантонѣ, гдѣ всего шире было всегда распространено потребленіе абсента, заявлена была „иниціатива" (всенародное собираніе подписей) въ пользу закона о полномъ запрещеніи его продажи. Сразу возгорѣлась жестокая схватка вокругъ этой „иниціативы". И еслибы народъ, въ частности рабочій классъ, въ этомъ случаѣ слѣдовалъ своимъ непосредственнымъ влеченіямъ и вкусамъ, то, надо думать, не такъ-то легко удалось бы противникамъ Зеленой Феи сыскать достаточно под-

писей для ея остракизма: всѣ почти сердца говорили за нее. Тѣмъ не менѣе массы, повидимому, такъ живо ощущали соціальный вредъ, происходящій отъ „невиннаго ликёра“ (какъ называли абсентъ его адвокаты), что—одной рукой, такъ сказать, держа рюмку съ абсентомъ—многія тысячи людей все же другой рукой подписывали „инициативу“. Набралось законное число подписей, и, на основаніи конституціи, законопроектъ пошелъ на референдумъ (всенародное голосованіе) кантона. Агитація противъ проекта была сильна. Особенно усердствовали хозяева кафе, лишавшіеся наиболѣе надежнаго отряда пьяницъ-завсегдатаевъ. Афиши этихъ хозяевъ пестрѣли по всѣмъ стѣнамъ, заборамъ и угламъ, клятвенно завѣряя, что Зеленая Фея оклеветана злодѣями-врачами, во главѣ съ преступнымъ профессоромъ Форелемъ (знаменитымъ психіатромъ и анти-алкоголистомъ), который-де задался цѣлью погубить всю страну, живущую лишь производствомъ винъ и ликёровъ. Абсентъ—увѣряли афиши—на самомъ дѣлѣ укрѣпляетъ любовь къ отечеству и къ семейному очагу. Для вящшаго убѣжденія къ афишамъ прилагалась и картина въ краскахъ. На картинѣ католическій кюрэ (здѣсь всякое зло приписывается, прежде всего, кознямъ кюрэ), въ союзѣ съ врачомъ въ очкахъ и средневѣковой мантіи, топчутъ ногами хартію съ девизомъ „*свобода потребленія!*“ и изгоняютъ за озеро Леманъ прекрасную Зеленую Фею, льющую слезы и воздымающую зеленыя очи къ небесамъ; а Вильгельмъ Телль издалека, съ горъ, протягиваетъ къ ней руки, равно и сынъ его, съ яблокомъ на головѣ, и супруга—всѣ клянутся, повидимому, въ вѣрности Феѣ и обѣщаютъ ей помощь.

Ничто не помогло. Соціалисты, „добрые храмовники“ (les bons templiers) и другія общества полнаго и неполнаго воздержанія, съ своей стороны развили напряженную дѣятельность. Населеніе волновалось гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ горячихъ партійныхъ схваткахъ. Особенно усердствовали женщины, хотя онѣ и не имѣютъ права голоса и хотя и на нихъ простирается неотразимое обаяніе абсента. Очень ужъ, должно быть, Фея подрывала трудовые семейные бюджеты большинства. Потоки трудового люда устремились къ избирательнымъ заламъ—и голосовали противъ абсента. Затѣмъ парламентомъ выработанъ былъ соотвѣтствующій законъ, правда, довольно мягкій и отсрочивающій на два года тяжкій моментъ разлуки „абсентистовъ“ съ ихъ богиней—„пока-де не исчерпаются наличные запасы ликера“. Прибавлены разные пункты оговорокъ и исключеній.

Законъ былъ, безъ сомнѣнія, плохъ. Можно было бы подумать, что выработавшій его парламентъ самъ втайнѣ радъ скорѣе служить Зеленой Феѣ, чѣмъ ее изгонять. Но кто знаетъ, до чего здѣшнее населеніе привыкло весь свой досугъ проводить въ кафе за разными

„ликерами“, тому скорѣй покажется удивительнымъ даже и такой законъ: въ немъ романскій швейцарецъ одолѣлъ самъ себя, ограничилъ, хотя бы въ принципѣ, движенія своего сердца, совершилъ подвигъ самоотреченія. Сверхъ того, на этомъ законѣ дѣло отнюдь не остановилось—ни со стороны „вѣрныхъ“ абсенту, ни со стороны „бунтовщиковъ“. Обѣ стороны снова поспѣшили къ оружію.

Только въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ представляетъ собою „толпу“, слѣпую и инертную стихію, пассивно волнуемую внезапно-набѣжавшимъ вѣтромъ, только тамъ первый молодецкій напоръ рѣшаетъ все дѣло. Удался такой напоръ—и нахлынувшая волна безъ остатка заливаетъ все, а у побѣжденныхъ ужасъ и трусость парализуютъ всякую мысль о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Зато неудача сразу же разбиваетъ всю энергію волны, какъ ни казалась она безгранично-свирѣпой и воинственной. Такъ и баламутится тамъ соціальное море: шуму, пѣны сколько хочешь, а видимыхъ результатовъ для прогресса—до смѣшного мало. „Героевъ“—хоть отбавляй, а „толпѣ“ все не легче.

Здѣсь не то. Въ самый день пораженія Зеленой Феи, когда побѣдители ходили по городу тріумфальными кортежами, нося на рукахъ гробъ съ огромною зеленою бутылью, украшенной траурной надписью „L'Absinthe“,—всюду по городу, на зеркальныхъ стеклахъ кафе уже виднѣлись плакаты: „Здѣсь подписываютъ инициативу *противъ* запрещенія абсента“.

И за столиками, передъ кафе, неунывающіе пьяницы демонстративно распивали мутную смѣсь своего любимаго „ликёра“ съ водою, подписывались на большихъ листахъ, и

„...были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять“.

Все это, правду говоря, смѣшновато и мелковато на посторонній взглядъ—вся эта война за и противъ свободы пьянства. Но вѣдь не забывайте: пьянство всюду—опора невѣжества, политической инертности массъ, избирательной продажности. Важенъ тутъ всякій шагъ, въ особенности *первый шагъ*. Отсюда упорство въ отстаиваніи стараго, привычнаго, хотя и некрасиваго, даже гнуснаго. Зато и на другой сторонѣ—какая неутомимость въ атакѣ! Не успѣли еще опомниться „абсентисты“, какъ на ихъ голову свалилась новая „инициатива“, на этотъ разъ уже въ обще-швейцарскомъ масштабѣ. Какъ только собрано было законное число подписей (50 тыс.), побѣда на аренѣ національнаго референдума была обезпечена; ибо абсентъ—отрава романскихъ кантоновъ, гдѣ онъ и находитъ яростную защиту, нѣмецкіе же кантоны поголовно высказались за запрещеніе. Такъ и не оправдалась надежда женевскихъ cafétiers на потомковъ Виль-

гельма Телля. Федеральный законъ вышелъ рѣшительный: безусловное запрещеніе продажи абсента съ 1911-го года. Но и борьба достигла высшей степени напряженія. Агитаціей руководилъ союзъ фабрикантовъ [1]), затратившій, какъ говорятъ, до 500.000 фр. И любопытно, что на этотъ разъ агитація принесла свои плоды именно въ той самой Женевѣ, откуда пошло движеніе противъ абсента. Женева высказалась теперь за свою Фею, большинствомъ въ 4.000 голосовъ! Такъ что cafétiers все же знали, что̀ дѣлали, открывая съ своей стороны „инціативу“. Они вѣрили въ свою clientèle. Не падали духомъ до конца.

Когда-бъ на то не божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

Этотъ „питейный“ примѣръ поможетъ намъ понять характерную общую черту швейцарской жизни, внушающую подчасъ сожалительно-презрительное чувство иному изъ нашихъ земляковъ. Не бываетъ сильныхъ бурь въ здѣшнихъ соціальныхъ водахъ: какое-то историческое затишье царитъ въ частности, за послѣдніе полвѣка. „Эти швейцарцы совершенно не революціонны“, съ досадой говорятъ иные...

Конечно, еще изъ Карамзина извѣстно много хорошаго „о любви къ отечеству и народной гордости“; но спрашивается — къ чему бы швейцарскому народу понадобилась такъ называемая „революціонность“? Вѣдь свободная борьба народныхъ волнъ каждый день—какъ и въ „абсентной войнѣ“—учитъ его двумъ рѣшительно-неоспоримымъ вещамъ: во-первыхъ, что въ его странѣ разумный, кровный интересъ массы, рано ли, поздно ли, дойдетъ до сознанія этой массы, слѣдовательно создастъ такую высокую и мощную волну, передъ которой ничто не устоитъ. Во-вторыхъ—нѣтъ и не можетъ быть въ соціальномъ столкновеніи такихъ чаръ, заговоровъ или заклятій, которыми можно было бы одержать побѣду *ранѣе*, чѣмъ создалась необходимая для побѣды живая волна. Итакъ, желѣзное терпѣнье и неотступная работа, работа надъ молекулярнымъ, такъ сказать, сцѣпленьемъ массъ—вотъ краеугольный камень тактики. Въ рамкахъ широкой демократіи героическія средства излишни.

Зато исподоволь, незамѣтно для поверхностнаго наблюдателя, въ здѣшней жизни совершаются соціальныя перемѣны, которыя въ другихъ странахъ служатъ пока еще лишь предметомъ мечтаній. Я не стану здѣсь говорить о борьбѣ капитала съ трудомъ, гдѣ все больше

[1]) Фабрикація этого приворотнаго зелья сосредоточивалась вся въ кантонѣ Невшатель, въ долинѣ Val-de-Travers, гдѣ и крестьяне спеціализовались на культурѣ альпійской полыни. Производители получили отъ правительства крупную сумму въ возмѣщеніе убытковъ.

и больше укрѣпляется позиція послѣдняго, хотя, быть можетъ, и въ слишкомъ медленномъ темпѣ, и въ слишкомъ прозаическихъ формахъ—на вкусъ любителей остраго и „сильнаго“ момента quand même. Но я коснусь одного изъ болѣе громкихъ вопросовъ, стоящихъ здѣсь теперь въ политическомъ порядкѣ дня — вопроса о R. P., какъ выражаются для краткости, т.-е. Représentation proportionnelle (пропорціональное представительство). Волны народныя вздымаются сильнѣй и сильнѣй на зовъ неутомимыхъ глашатаевъ R. P., и не надо быть пророкомъ, чтобы *знать*, твердо знать близость осуществленія этого принципа во всей Швейцаріи. А это будетъ равносильно если не перевороту, то крупному повороту въ политическомъ равновѣсіи страны.

R. P. существуетъ довольно давно лишь въ мѣстныхъ конституціяхъ кантоновъ Невшателя, Женевы, Тессина и Золотурна. Изъ остальныхъ его ввелъ около года назадъ Базель, и только недавно (февраль 1911) цюрихскій парламентъ принялъ въ принципѣ соотвѣтствующій проектъ, подлежащій еще голосованію народа. R. P. для національнаго парламента стоитъ вотъ уже двадцать лѣтъ въ платформѣ рабочей партіи, а также буржуазныхъ партій меньшинства (консерваторовъ—извѣстныхъ здѣсь, въ большей части кантоновъ, подъ именемъ „демократовъ“, — и католиковъ). Правительствующіе радикалы всячески упираются противъ этой реформы. Но низы народные, преимущественно рабочія массы, вновь и вновь ставятъ передъ страной свое требованіе. Въ 1902 г. R. P. было провалено еще огромнымъ большинствомъ, до 100.000 голосовъ (ок. 400 тыс. голосующихъ); но уже въ прошломъ 1910 г., осенью, большинство противниковъ R. P. равнялось только 30 тысячамъ. Приливъ становится все неодолимѣе, и всѣ ясно понимаютъ, что не далекъ часъ, когда растаютъ, какъ воскъ, волнорѣзы, воздвигнутые вокругъ уютнаго рейда радикальнаго господства. Чтобы уяснить точнѣе грядущую перемѣну, скажемъ только, что на послѣднихъ національныхъ выборахъ, напр., рабочая партія получила около $^1/_4$ всѣхъ голосовъ въ странѣ, но въ національный совѣтъ (Conseil National, Nationalrath) попало отъ нея едва семь депутатовъ (на 167).

Замѣчательно, какъ прошлогоднее пораженіе сторонниковъ R. P. одушевило ихъ. Чуть не на другой же день послѣ референдума они внесли въ національный совѣтъ „моцію“, требующую новаго обсужденія R. P. (національный совѣтъ можетъ, разумѣется, предварительно обсуждать и предлагать затѣмъ странѣ свои законопроекты). И уже предвидится новая иниціатива—новый, еще сильнѣйшій прибой.

Но, конечно, это—не „революція“, въ грубо механическомъ смыслѣ этого слова. Это скорѣй надо назвать—непосредственнымъ законодательствомъ „съ улицы“. Да, здѣсь царствуетъ и указываетъ „улица“—

этотъ ужасъ и отвращеніе благовоспитанныхъ восточныхъ мандариновъ.

Въ утѣшеніе мандариновъ надобно сказать, что не всегда швейцарская Государыня-Улица осуществляетъ свое господство въ тѣхъ сдержанно-сознательныхъ формахъ, какія свойственны ея природѣ. Въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ улица иногда избираетъ сама (или поддерживаетъ своимъ сочувствіемъ) пути сходные съ тѣми, на которые наталкиваютъ въ другихъ мѣстахъ мандаринскія традиціи. Но даже и въ такихъ случаяхъ соціальнаго атавизма привычки демократической самодисциплины сказываются, какъ скрытый въ глубинѣ регуляторъ безпорядочно-разыгравшагося, стихійнаго волненія. И быстро все приходитъ въ обычный, равномѣрно-движущійся порядокъ. Прогрессъ развертывается безостановочно дальше, какъ если бы и не было нарушенія въ ходѣ его поразительно-правильной кривой.

Рѣзкое нарушеніе этого рода мы наблюдали во время всеобщей стачки 1907-го года въ кантонѣ Ваадтъ (Vaud). Стачка эта возникла въ самой „сладкой“ отрасли промышленности — на знаменитыхъ шоколадныхъ фабрикахъ Кайэ, Петера, Сюшара и др., въ Веве. Въ стачку сразу вмѣшалось правительство съ полиціей, вѣроятно изъ вѣчнаго опасенія спугнуть богачей-иностранцевъ съ береговъ „Швейцарской Ривьеры“. Рабочихъ (работаютъ тутъ, между прочимъ, и женщины, и подростки) разгоняли и били. Тогда-то и вспыхнула всеобщая стачка „изъ симпатіи“, по всему берегу Лемана, отъ Ніона и Лозанны до Вилльнёва. Мобилизованы были войска. Солдаты стрѣляли. Убили посторонняго мальчика и ранили дѣвушку. Волненіе рабочихъ достигло высокой степени; пошли бурные митинги. Лозаннское правительство, въ испугѣ ли, или въ гнѣвѣ (тотъ и другой, какъ извѣстно, ровно плохіе совѣтчики), объявило пріостановку конституціонныхъ гарантій и осадное положеніе. И вотъ произошла сцена, какъ будто нарочно взятая напрокатъ изъ Салтыкова: майоръ Перехватъ-Залихватскій... то бишь, лозаннскій пѣхотный капитанъ, облеченный *диктаторской властью*, въѣхалъ на бѣломъ конѣ (буквально!) въ объятую паникой Лозанну. Городскія дамы и дѣвицы усыпали путь „спасителя“ розами и фіалками (это, впрочемъ, уже не по Салтыкову)...

Въ самомъ дѣлѣ, все обличье событій въ этомъ случаѣ до чрезвычайности напомнило намъ родной городъ Глуповъ. „Tout comme chez nous“,—говорили тогда по-французски многіе земляки. Тѣмъ не менѣе, по существу, они были далеко не правы. У ваадтскихъ правителей имѣлись, пожалуй, настроенія, намѣренія столь же воинственныя, какъ у правителей пошехонскихъ. Но почва кантона Ваадтъ не благопріятствуетъ вообще пошехонскимъ злакамъ: отсюда коренная

разница въ ходѣ и исходѣ повидимому тождественныхъ явленій изъ области административныхъ „быстроты и натиска".

Взять хотя бы то, что здѣсь пѣхотный капитанъ диктаторствовалъ не долѣе трехъ дней!—а потомъ снова водворилась конституція. При этомъ онъ не совершилъ рѣшительно ничего примѣчательнаго, съ знакомой намъ точки зрѣнія: ничего не сжегъ и никого не расточилъ, только „попужалъ". Наконецъ, и для рабочихъ дѣло кончилось не такъ плохо: образована была коммиссія изъ ихъ представителей и хозяевъ, при участіи правительства; согласились на компромиссѣ (не вспомню въ точности, какомъ) касательно платы и рабочаго времени. Разумѣется, никто не воскресилъ бѣднаго мальчика, павшаго жертвой правительственной нервозности (дѣвушка, помнится, получила indemnité). Разумѣется, не мѣшало бы привлечь къ суду и нервныхъ правителей, но... тутъ ужъ рѣшаетъ дѣло сила, которая не была на сторонѣ тружениковъ „сладкой" промышленности. Какъ и всѣ участники этой стачки, они забыли, что въ средѣ живыхъ волнъ ихъ демократіи осуществимо лишь то и лишь въ такой мѣрѣ, на что и въ какой мѣрѣ даютъ право разсчитывать собственными руками подготовленные, заранѣе снабженные всѣми средствами натиска и защиты, сплоченные кадры соціальныхъ борцовъ. Этого не было на лицо въ данномъ случаѣ. „Синдикаты" рабочихъ въ романской Швейцаріи сравнительно слабы, кассы ихъ бѣдны. Отваживаться на „прямое дѣйствіе" (action directe), далеко превышавшее ихъ силы, было ошибкой. Рабочіе Веве и Лозанны разсчитывали не столько на плоды своихъ организаціонныхъ трудовъ, сколько на „справедливость" и „симпатію"—невѣсомыя величины, рѣдко имѣющія реальную цѣну тамъ, гдѣ кипитъ борьба интересовъ. И дѣйствительно, въ Женевѣ, напр., всеобщая стачка не состоялась, а на нее у забастовщиковъ былъ главный разсчетъ.

Вмѣсто того они подняли на дыбы противъ себя все не-рабочее населеніе Ваадта, преимущественно крестьянъ-винодѣловъ, и дали поводъ своимъ противникамъ развернуть всю ихъ мощь, т.-е. обернули противъ себя всѣ преимущества демократіи. Вѣдь не правительство, само по себѣ, усмиряло рабочихъ, а все та же суверенная „улица". Это также существенное отличіе отъ вступленія въ Глуповъ архистратига Залихватскаго: тамъ жители разбѣгались въ страхѣ, какъ бы отъ чумы или холеры, а здѣсь—улыбки, привѣты, цвѣты, музыка, словомъ все, чѣмъ красны демократическіе праздники страны. *Народъ* поощрялъ свое правительство. О, какъ бы хотѣлось этого многимъ инымъ правителямъ, напрасно старающимся создать иллюзію согласія между ними и народомъ!

Но, повторяю, подобныя „громкія" событія надо считать, скорѣе

всего, аномаліями въ мѣрномъ, поступательномъ ходѣ здѣшней жизни. И рабочіе здѣсь, навѣрное, возьмутъ отъ общества свое, но — въ мѣру роста своихъ матеріальныхъ, а не идейныхъ только силъ.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, чтобы въ здѣшнихъ благословенныхъ мѣстахъ уже въ настоящее время потеряли свою остроту злые соціальные вопросы современности? Конечно, нѣтъ. Швейцарія—далеко не рай. Но въ этихъ бѣглыхъ строкахъ мнѣ хотѣлось лишь показать, что *уже сейчасъ* Швейцарія обладаетъ такими драгоцѣнными формами общежитія, въ которыхъ вполнѣ возможно бороться за тѣ или иные групповые интересы *по-человѣчески*, „съ понятіемъ“, ясно сознавая послѣдствія своихъ дѣйствій. Да еще, пожалуй,—что не мѣшаетъ и перенять отсюда кое-что полезное... Впрочемъ, виноватъ, это ужъ не относится къ романской Швейцаріи.

А. Дивильковскій.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ БОЛГАРІИ

(Письмо изъ Болгаріи.)

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ Болгаріи назрѣваетъ какой-то кризисъ.

Еще не опредѣлились его очертанія, еще не выяснилось его внутреннее содержаніе, но чувствуется во всѣхъ проявленіяхъ жизни этой не по днямъ, а по часамъ растущей страны, что началась или, вѣрнѣе, начинается переоцѣнка нѣкоторыхъ цѣнностей, которыми жила до сихъ поръ молодая болгарская общественность.

Быстро растетъ населеніе молодого „царства“. Стремительно развиваются производительныя силы страны. Громадными скачками увеличивается, изъ пятилѣтія въ пятилѣтіе, процентъ грамотности. Ежегодно втягиваются въ политическую жизнь государства все новыя и новыя, изъ деревенской глуши приходящія массы. Растутъ кооперації и синдикаты, формируются и перегруппировываются партіи, на всѣхъ парахъ идетъ впередъ, организуется и переорганизовывается молодая страна. Съ сказочной быстротой расцвѣтаютъ совсѣмъ европейскіе, совсѣмъ „модерные“ города, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ канализаціей, съ витринами большихъ, тоже „совсѣмъ европейскихъ“ магазиновъ.

Передо мной—всего первое поколѣніе строителей свободной и не-

зависимой Болгаріи. Оно вынесло на своихъ плечахъ эту бѣшеную, эту лихорадочную модернизацію страны. Его отцы живутъ еще мирной и спокойной жизнью до-освобожденскаго періода, въ глухихъ берлогахъ болгарской провинціи. Дѣти успѣли уже окончить гимназію, обязательно получить дипломъ въ какомъ-нибудь западно-европейскомъ университетѣ и вернуться къ себѣ на родину, чтобы созидать здѣсь новыя цѣнности.

И такъ стремительна эта созидательная дѣятельность, такъ сильна конкурренція между проснувшимися къ жизни свѣжими силами „перваго поколѣнія", что не хватаетъ времени его представителямъ оглянуться назадъ.

— У насъ нѣтъ предразсудковъ!... Въ этомъ наша гордость и сила.— Такъ сказалъ мнѣ на дняхъ одинъ мой пріятель, въ общемъ чрезвычайно культурный и вполнѣ развитой человѣкъ. Я заинтересовался.— Что же вы называете предразсудками? — Прошлое. Исторію, традиціи... Мы все это должны выбросить за бортъ. И выбросили уже. Наша исторія должна начинаться съ нашего поколѣнія. Это мы создадимъ болгарскую культуру. Это мы положимъ начало традиціи. Мы найдемъ формы, которыя смогутъ вмѣстить въ себя дальнѣйшее развитіе страны.—

Гдѣ-то, въ Богомъ и людьми забытомъ Айтосѣ или Карнабатѣ, живетъ спокойный, здоровый, крѣпкій, уравновѣшенный и смекалистый мужикъ—отецъ моего собесѣдника. Еще въ „турецкое время" онъ привыкъ интересоваться дѣлами своей „общины"; его политическій горизонтъ совпадаетъ, пожалуй, съ границами околіи (уѣзда). Онъ совсѣмъ не думаетъ о культурѣ и традиціи, онъ, должно быть, даже не знаетъ, что именно онъ и его такіе же здоровые и смѣтливые предки отстояли, въ длинный періодъ рабства, свой языкъ, свою сочную народную пѣсню, наконецъ эту самую возможность для своихъ дѣтей такъ быстро модернизироваться и стать „совсѣмъ европейцами". Онъ не думаетъ ни о чемъ подобномъ. Модернизированный сынъ тоже не размышляетъ о такихъ скучныхъ матеріяхъ. Рѣзкая грань легла между двумя эпохами, между двумя поколѣніями, между двумя экономическими категоріями. Одни живутъ еще „въ турецкое время", живутъ интересами урожая какъ такового, живутъ жизнью пахаря-земледѣльца. А въ „городѣ" ихъ сыновья—воспитанники парижскихъ, ліонскихъ, болонскихъ и берлинскихъ университетовъ и политехникумовъ, — вычисляютъ, мѣрятъ, взвѣшиваютъ, устраиваютъ и строятъ.

И тѣ, и другіе практичны. Но практичность пахаря пришла въ противорѣчіе съ практичностью бюрократа. Турецкая эпоха столкнулась съ западно-европейскимъ модернизмомъ. Городъ очутился въ

непримиримомъ противорѣчіи съ деревней. И, вырастая и разрастаясь за счетъ деревни, городъ узурпировалъ власть надъ нею.

Въ „турецкое время“ ареной политической, культурной и экономической жизни Болгаріи была сельская община. Автономная и самоуправляющаяся, она, въ теченіе длинныхъ вѣковъ рабства, вырабатывала свой укладъ, свою физіономію. Были здѣсь зажиточные и уравновѣшенные люди порядка, такъ называемые чорбаджіи (дословно—хозяева), которые умѣли ладить съ турецкими „каймаканами“ и „муташерифами“, олицетворявшими власть падишаха. Была буйная, революціонная молодежь — „сорви-головы“, „забубенныя головушки“ (по-болгарски „не мили — не драги“), вся жизнь которыхъ была сплошнымъ подвигомъ во имя освобожденія родины. Былъ свѣтлый образъ учителя-апостола, примирявшаго страсти и сѣявшаго сѣмена разумнаго, добраго и вѣчнаго. Община была міромъ, не въ русскомъ смыслѣ этого слова, а въ томъ смыслѣ, что въ каждой болгарской общинѣ были представлены всѣ элементы и всѣ теченія болгарской общественности той эпохи. Общины того времени, взятыя вмѣстѣ, представляли собой „всю Болгарію“, со всѣми ея тогдашними стремленіями, вѣрованіями и надеждами.

Такъ было лѣтъ 35 тому назадъ, въ эпоху, надъ которой „первое поколѣніе“ поставило крестъ забвенія. Потомъ ураганомъ пронеслась надъ всей страной полоса парламентской революціи, переворотовъ и контръ-революціи, короткій, но бурный періодъ вмѣшательства чужихъ и чуждыхъ силъ, эпоха зарожденія партизанства и демагогіи. „Великое Тырново“—столица деревенской Болгаріи—осталось для праздничныхъ дней, торжественныхъ актовъ и парадовъ. Политическіе будни строительства перемѣстили центръ общественной жизни въ городъ. Софія стала столицей городской, отрѣшившейся отъ исторіи и традиціи, бюрократической Болгаріи.

Въ лихорадочномъ процессѣ строительства такъ углубилась и усложнилась жизнь, что въ ея сложности и разнообразіи потонула прежняя борьба между чорбаджіями и „забубенными головушками“. Появились на сценѣ тысячи разнообразныхъ теченій и стремленій. Возникая въ городѣ, на почвѣ созиданія новыхъ формъ жизни, эти теченія и стремленія совершенно игнорировали нужды деревни. Политическія партіи въ молодомъ государствѣ возникали по самымъ разнообразнымъ поводамъ и причинамъ. Были партіи каравелистовъ и цанковистовъ, партіи стамбуловистовъ, тончевистовъ и родославистовъ. И каждая изъ нихъ была результатомъ отношенія Каравелова, Стамбулова, Цанкова или Родославова къ новымъ условіямъ внутренней или внѣшней

политики. Но ни одна изъ нихъ не была посительницей права и правды для громадной массы сельскаго населенія. Ни одна изъ нихъ не была идеологомъ деревенской, трудовой Болгаріи. Эта послѣдняя была предоставлена самой себѣ. И то не вполнѣ. Всякій разъ, когда та или другая партія, сваливъ своихъ соперниковъ, приходитъ къ власти и устраиваетъ выборы, она непремѣнно должна „опираться“ на массы сельскаго населенія. Поэтому каждая политическая партія въ Болгаріи вынуждена имѣть въ деревнѣ своихъ сторонниковъ и представителей, которые, въ рѣшительный моментъ, должны увлечь за собой безпартійныхъ и такимъ образомъ доставить побѣду своей партіи.

Было бы, однако, ошибкой думать, что болгарскія политическія партіи, нуждаясь въ связяхъ съ деревней и въ поддержкѣ сельскаго населенія для своихъ политическихъ цѣлей, ведутъ какую-нибудь планомѣрную культурно-просвѣтительную работу. Даже наиболѣе демократическая изъ нихъ—партія радикалъ-демократовъ—занимается почти исключительно политическою агитаціею. Я съ интересомъ слѣдилъ въ партійныхъ газетахъ и журналахъ за отчетами о поѣздкахъ агитаторовъ по провинціи. Помимо нѣсколькихъ, и то весьма слабыхъ, попытокъ соціалистовъ, я не нашелъ даже слѣда какой-нибудь широкой культурно-образовательной работы партій. Конечно, эту задачу выполняетъ—и, замѣчу мимоходомъ, выполняетъ блестяще—государство путемъ школъ. Но при той громадной разницѣ въ развитіи, какая существуетъ (и возрастаетъ) въ Болгаріи между городскимъ интеллигентомъ и крестьяниномъ, въ области культурно-просвѣтительной дѣятельности на долю партій остается еще масса, и притомъ чрезвычайно благодарной работы. Но этой работы нѣтъ. Нѣтъ настоящей, живой, не формально-государственной, а органической связи между городомъ и деревней. Политическія партіи страны, въ которой на каждыя десять тысячъ человѣкъ населенія приходится свыше семи съ половиной тысячъ земледѣльцевъ, все больше и больше духовно изолируются отъ этихъ послѣднихъ. Единственной активной связью между ними являются выборныя кампаніи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ въ Болгаріи происходятъ событія большой важности. Съ момента провозглашенія независимости, когда со дня на день можно было ожидать серьезныхъ осложненій, и вплоть до сегодняшняго дня, когда на очереди стоятъ такіе запутанные и сложные вопросы, какъ напр. измѣненіе нѣкоторыхъ статей конституціи, пульсъ политической жизни страны бьется усиленно и нервно. Въ парламентѣ, въ прессѣ, въ партійныхъ клубахъ—всюду приподнятый тонъ, всюду дебаты, споры, доходящіе до ожесточенныхъ столкно-

веній. Въ самые послѣдніе дни къ четырнадцати газетамъ, выходившимъ въ Софіи, присоединилось еще двѣ-три новыхъ, собирающихся по новому освѣщать событія. Всюду чувствуется, что атмосфера сгустилась, что напряженіе достигло крайнихъ предѣловъ.

На этомъ фонѣ только-что прошли въ странѣ выборы въ сельскіе общинные совѣты. По закону 1886—87 гг. органами мѣстнаго самоуправленія, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, являются: 1) *общинные совѣты*, представляющіе какъ бы власть законодательную и избираемые населеніемъ общины на основаніи всеобщаго избирательнаго права, и 2) *общинныя управленія*—нѣчто вродѣ нашихъ управъ, представляющія власть исполнительную и состоящія изъ *кмета* (головы) и его помощниковъ, избираемыхъ самими совѣтами и утверждаемыхъ: для городскихъ общинъ — царемъ, для сельскихъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эти общинныя управленія — т.-е. кметъ съ своими помощниками, число которыхъ опредѣляется въ зависимости отъ числа жителей общины, — являются настоящими хозяевами общины, главнымъ нервомъ мѣстнаго самоуправленія, какъ оно организовано закономъ.

Компетенція общинныхъ совѣтовъ по закону весьма широка. Они управляютъ всѣмъ имуществомъ общины, отъ имени ея рѣшаютъ всѣ вопросы по отдачѣ въ аренду, по продажѣ и покупкѣ, принимаютъ дары и завѣщанія и т. д. Они назначаютъ суммы на содержаніе больницъ, церквей, школъ, а также всѣхъ такъ называемыхъ „основныхъ народныхъ училищъ“, содержаніе которыхъ возлагается почти цѣликомъ на общины. Они распредѣляютъ между населеніемъ дорожную и другія натуральныя повинности, заботятся обо всемъ, что входитъ въ область внѣшняго благоустройства. Въ предѣлахъ своей компетенціи они могутъ принимать какія угодно рѣшенія, но... эти рѣшенія могутъ быть кассированы простымъ приказомъ окружного управителя, на основаніи мотивированнаго доклада окружной постоянной коммиссіи.

Окружной управитель—это глава мѣстной администраціи, зависящій исключительно отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ назначаетъ и увольняетъ административно-полицейскихъ чиновниковъ; распоряжается полиціею; въ случаѣ нужды прибѣгаетъ къ содѣйствію войска; контролируетъ общинные выборы; наблюдаетъ за дѣятельностью общинныхъ учрежденій; предсѣдательствуетъ въ окружномъ совѣтѣ. Состоящіе при немъ *окружной совѣтъ* и его исполнительный органъ—*окружная постоянная коммиссія* вѣдаютъ дѣла цѣлаго округа по контролю и руководству дѣятельностью общинныхъ властей. Члены окружныхъ совѣтовъ выбираются населеніемъ, но утверждаются министромъ и получаютъ жалованье отъ правительства. Они могутъ

быть устранены правительствомъ отъ исполненія ихъ обязанностей. Такимъ образомъ, по существу они являются агентами правительства.

Итакъ, общинное самоуправленіе, выражающееся въ общинныхъ совѣтахъ и управленіяхъ, поставлено подъ контроль и руководство окружного управителя и окружного совѣта. Это является прекраснымъ средствомъ для правительства не только обезпечить за своей партіей большинство въ общинномъ самоуправленіи, но и руководить всѣмъ самоуправленіемъ въ опредѣленномъ духѣ.

Ближайшіе выборы въ городскіе общинные совѣты состоятся въ августѣ этого года.

Болгарскіе выборы достойны того, чтобы стать нарицательнымъ именемъ.

Великій болгарскій сатирикъ, Алеко Константиновъ, увѣковѣчилъ ихъ въ одной изъ главъ своего, уже ставшаго нарицательнымъ, „Бай-Ганю“. Мы видимъ здѣсь синтетическій типъ болгарина, становящагося европейцемъ.

Выборы въ „Народное Собраніе“ обязательно даютъ правительственное большинство. Совершенно немыслима такая политическая конъюнктура, чтобы въ парламентѣ оказалось большинство за оппозиціей. Въ этомъ отношеніи городъ, съ его партійной жизнью, уже окончательно побѣдилъ деревню. Деревня, въ вопросахъ избранія кандидатовъ въ „Законодательное Собраніе“, почти оффиціально лишена права голоса. Стоящая у власти политическая партія сама намѣчаетъ кандидатовъ въ парламентъ. Конечно, для приличія, дѣлаются молчаливыя уступки оппозиціи. Ей предоставляется отъ 20-ти до 30-ти процентовъ депутатскихъ мандатовъ, а остальные распредѣляются между партизанами правительства.

Но партизаны правительства — это далеко не то же, что члены стоящей у власти партіи. Это, въ большинствѣ случаевъ, вся сельская масса страны, до сихъ поръ послушно идущая за людьми власти. Вчера они были стамбуловцами, завтра будутъ цанковистами, и т. д. Конечно, въ большемъ или меньшемъ масштабѣ подобное явленіе можно встрѣтить на всякихъ выборахъ и во всякой другой странѣ. Но едва ли гдѣ-либо городская интеллигенція не относится съ такимъ преступнымъ пренебреженіемъ къ этому глубоко печальному явленію, какъ въ Болгаріи.

Во время парламентскихъ выборовъ на сцену выступаютъ такіе сложные и запутанные вопросы, въ которыхъ масса деревенскаго люда просто не можетъ разобраться и потому идетъ за правительствомъ. Съ большой натяжкой это можно разсматривать какъ довѣріе, какъ политическій кредитъ. Однако привычка пускаетъ корни слишкомъ

глубоко. Изъ тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ я очертилъ дѣятельность сельскихъ общинныхъ совѣтовъ и управленій, нетрудно вывести опредѣленное представленіе объ ихъ роли въ жизни болгарской деревни. Деревенское самоуправленіе — это та ячейка, въ которую прежде всего слѣдовало бы влить струю самодѣятельности и самосознанія. Но изъ среды сельскаго общиннаго совѣта выбирается кметъ — этотъ полу-оффиціальный факторъ въ жизни страны; надъ общиннымъ совѣтомъ стоятъ окружной управитель съ окружнымъ совѣтомъ — и потому въ этой области, касающейся исключительно жизни крестьянства, само крестьянство почти лишено права голоса.

Послѣдніе выборы въ сельскіе общинные совѣты дали лишній разъ блестящее доказательство того вліянія партійныхъ распрей и правительственнаго давленія, которыя являются рѣшающимъ факторомъ даже въ этихъ, деревенскихъ по своему существу выборахъ. Выборы начались, прошли и закончились въ партійныхъ клубахъ. На мѣстахъ происходила только формальная техническая процедура.

Результаты такого положенія вещей любопытны и поучительны.

Дня черезъ два послѣ окончанія выборовъ я хотѣлъ узнать, чѣмъ они кончились. Мѣстный оффиціозъ—газета „Прѣпорецъ“—выпустила экстренное добавленіе съ подсчетомъ. Но когда я, съ карандашомъ въ рукахъ, принялся высчитывать результаты, то наткнулся на цѣлый рядъ такихъ нелѣпостей, что пришлось бросить бюллетень. Послѣ этого я обращался къ нѣсколькимъ лицамъ, внимательно слѣдящимъ за политической жизнью страны, и спрашивалъ ихъ, гдѣ можно получить достовѣрныя свѣдѣнія. Мнѣ въ отвѣтъ улыбались и посылали меня въ партійные клубы. Но, судя по партійнымъ газетамъ, выходило такъ, что каждая партія была побѣдительницей. Не было никакого смысла идти въ партійные клубы. И вотъ, прошло уже больше двухъ недѣль со дня выборовъ—и все еще невозможно сколько-нибудь детально опредѣлить ихъ результаты. Получается такое впечатлѣніе, что выбирали и выбирались какія-то лица, партійная окраска которыхъ устанавливается откуда-то извнѣ, совершенно посторонними имъ людьми. И это—на выборахъ въ самыя жизненныя учрежденія сельскаго самоуправленія!

Болгаре любятъ сильныя выраженія, въ особенности термины „личный режимъ“ и „бѣлый терроръ“. Возьмите любую газету, и въ каждой статьѣ, въ каждой хроникерской замѣткѣ вы непремѣнно встрѣтите эти выраженія. Дѣло доходитъ до того, что въ практикѣ „бѣлаго террора“ обвиняютъ градоначальника. „Бѣлый терроръ градоначальника“—такъ озаглавлена газетная статья, описывающая какіе-то безпорядки въ полицейскомъ вѣдомствѣ.

Спору нѣтъ — личный режимъ въ Болгаріи существуетъ. Въ конечномъ счетѣ дождь и хорошую погоду въ политикѣ страны дѣлаетъ царь. Но врядъ-ли болгаре имѣютъ право жаловаться на это. У нихъ есть всѣ возможности бороться съ какимъ угодно режимомъ. У нихъ есть прекрасное избирательное право, есть демократическая по духу конституція, есть въ деревняхъ здоровыя, сильныя духомъ и тѣломъ, трезвыя и грамотныя массы трудового крестьянства. Развѣ, обладая такими данными, можно жаловаться на личный режимъ? Не правильнѣе ли было бы обратить вниманіе на все возрастающую рознь между городомъ и деревней?

А въ деревнѣ уже назрѣваютъ свои теченія и вѣянія. Съ невѣроятной быстротой растетъ число земледѣльческихъ кооперацій. Организовалась даже самостоятельная „земледѣльческая“ партія, имѣющая своихъ представителей въ парламентѣ. И всетаки чувствуется тамъ на каждомъ шагу недостатокъ въ интеллигентныхъ руководителяхъ и работникахъ, которые помогли бы сельскому населенію разобраться въ его нуждахъ. Громадная, благодарная область работы остается неиспользованной.

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

НОВѢЙШАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДОМАШНЕЙ (КУСТАРНОЙ) ПРОМЫШЛЕННОСТИ

За послѣдніе три-четыре года кустарная (или, правильнѣе говоря, домашняя) промышленность привлекла къ себѣ особенное вниманіе общественныхъ дѣятелей. Германія, Англія, Франція, Швейцарія, Голландія, Бельгія—всѣ эти страны одна за другой показали наглядно, при помощи выставокъ, что такое домашняя промышленность, каково положеніе рабочихъ, занятыхъ въ ней, каковы опасности отъ нея для общества. Характерно, что вопросъ о домашней промышленности былъ до сихъ поръ настолько далеко отодвинутъ назадъ сравнительно съ другими общественными интересами, что даже не было установлено опредѣленіе этого понятія. На происходившихъ за послѣдніе годы конгрессахъ докладчикамъ приходилось начинать свои рефераты съ построенія опредѣленія, съ указанія его границъ. Наибольшею популярностью пользуется опредѣленіе Шмоллера (въ „Основаніяхъ ученія о народномъ хозяйствѣ“): „Подъ понятіемъ домашняя промышлен-

ность мы разумѣемъ одновременно и способъ производства, и способъ сбыта, при которомъ продукты, произведенные дома, въ семьѣ, въ мастерской ремесленнаго типа, при помощи простыхъ инструментовъ, передаются не прямо заказчику-потребителю, а посреднику-торговцу, который и пускаетъ ихъ въ продажу".

Количество рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, какъ оказывается по подсчетамъ, очень велико. О Россіи нечего и говорить: каждый знаетъ, что кустарные промыслы занимаютъ у насъ многія тысячи населенія. Но даже и въ Западной Европѣ, въ странахъ съ образцово развитымъ фабричнымъ производствомъ, домашняя промышленность даетъ пропитаніе очень замѣтной части населенія. По подсчету Лоренца, секретаря швейцарской кустарной выставки, въ Германіи домашняя промышленность занимаетъ 0,7% населенія (395.000 человѣкъ), въ Голландіи—1,7% (70.000 человѣкъ), въ Бельгіи—1,8% (118.000 человѣкъ), въ Швейцаріи—2,7% (92.000 человѣкъ). Эти цифры имѣютъ въ виду только дѣйствительно занятыхъ въ промышленности, а не всѣхъ семейныхъ, кто кормится отъ этой работы. Чтобы имѣть понятіе о числѣ „ртовъ", нужно было бы эти цифры увеличить приблизительно на четыре раза.

Какъ же это такъ случилось, что въ Западной Европѣ, гдѣ соціальные вопросы открыто и широко поставлены, вопросъ о домашней промышленности оставался до сихъ поръ въ тѣни? Проф. Арндтъ даетъ очень простое объясненіе этому: „Домашняя промышленность прячется обыкновенно въ мало доступныхъ мѣстахъ, въ деревняхъ, затерянныхъ среди горъ, въ кварталахъ городовъ, рѣдко посѣщаемыхъ наблюдателемъ, въ тишинѣ и замкнутости частной квартиры. Фабричная работа повсюду попадается на глаза; домашняя работа отыскивается лишь съ большимъ трудомъ". Бросить лучъ свѣта въ эти темные углы, показать всему обществу ту крайнюю степень эксплуатаціи, которой подвергаются человѣческія существа—такова задача, которую поставили себѣ устроители кустарныхъ выставокъ послѣднихъ лѣтъ. Намъ, русскимъ, хорошо извѣстны выставки кустарной промышленности. Задача этихъ выставокъ—въ томъ, чтобы помочь сбыту кустарныхъ издѣлій, увеличить число заказовъ, содѣйствовать развитію промышленности. Новѣйшіе устроители выставокъ домашней промышленности становятся на иную точку зрѣнія. Ихъ интересуетъ не промышленность, а рабочій, не продуктъ производства, а условія жизни тѣхъ людей, которые этимъ производствомъ занимаются. И съ перваго же взгляда оказывается, что здѣсь безграничное поле для соціально-политической, для законодательной дѣятельности. Кустарныя выставки пріобрѣтаютъ иной характеръ, проф. Арндтомъ опредѣляемый такъ: „Чтобы обратить вниманіе государственныхъ властей и

политическихъ партій на ужасныя условія домашней работы, чтобы усилить ихъ реформаторскія стремленія въ этой области, соціальные политики послѣднихъ лѣтъ воспользовались новымъ методомъ: устройствомъ выставокъ домашней работы. Это своего рода соціально-политическое наглядное обученіе". И нельзя не признать, что задача „нагляднаго обученія" была выполнена всѣми выставками блестяще. Предъ глазами посѣтителей развертывалась картина нищеты и убожества, какимъ, казалось, нѣтъ предѣла, какъ нѣтъ предѣловъ долготерпѣнію человѣческаго существа. Выставки неизмѣнно сопровождались конгрессами, а съ бельгійской выставкой кустарной промышленности устроители ея связали, кромѣ того, организацію международнаго конгресса, посвященнаго тому же вопросу.

Усилія, потраченныя на организацію выставокъ и конгрессовъ, не прекратились съ окончаніемъ, съ закрытіемъ этихъ предпріятій. Они зафиксированы въ видѣ цѣлаго ряда литературныхъ работъ. И вотъ на эти-то работы мы хотѣли бы обратить вниманіе читателей. Онѣ существенно отличаются отъ всей той значительной литературы о домашней промышленности, которая существовала до организаціи выставокъ. Эти работы, иногда большія по размѣрамъ, если и разсматривали вопросъ не исключительно съ точки зрѣнія торгово-промышленной, если и трактовали его съ соціальной стороны, то всегда являлись работами о небольшой мѣстности, о частной отрасли промышленности, произведенными, притомъ, съ разной степенью компетентности, по разнымъ методамъ въ разное время. Поэтому выводы ихъ оказываются несравнимыми.

Новыя работы, появляющіяся въ связи съ выставками, носятъ совершенно иной характеръ. Въ каждой странѣ комитетъ по устройству выставки предпринялъ спеціальное обслѣдованіе. Съ этой цѣлью дѣлались объѣзды мѣстностей, гдѣ наиболѣе развита домашняя промышленность, разсылались анкетные листы, были организованы опросы возможно бо̀льшаго числа лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ этого рода промышленности. Такимъ образомъ былъ добытъ обширный матеріалъ, собранный одновременно для всѣхъ мѣстностей страны и для всѣхъ отраслей домашней промышленности. Этотъ матеріалъ былъ предварительно обработанъ и изданъ ко времени открытія выставки въ видѣ краткихъ монографій, посвященныхъ спеціально разнымъ отраслямъ домашней промышленности. Каждый посѣтитель могъ получить ихъ комплектъ, за самую ничтожную плату въ одинъ-два франка. Большой интересъ представляютъ также каталоги, изданные къ выставкамъ. Система каталоговъ была принята на всѣхъ выставкахъ почти одинаковая. Въ болѣе или менѣе связномъ изложеніи, дающемъ общій очеркъ домашней промышленности, описаны подробно

наиболѣе характерные экспонаты, какъ бы въ видѣ иллюстрацій къ общему тексту. Эти монографіи и каталоги не поступали въ продажу въ магазины, но для послѣднихъ выставокъ (бельгійской, швейцарской и голландской) они еще могутъ быть получены интересующимися черезъ посредство бюро выставокъ [1]). Затѣмъ, по окончаніи выставокъ, собранные матеріалы подвергаются детальной обработкѣ и появляются въ видѣ большихъ трудовъ. Матеріалы германской выставки (во Франкфуртѣ) взялся обработать проф. Арндтъ. Въ издательствѣ Fischer (Jena) уже появился первый томъ, размѣромъ въ 407 страницъ, въ которомъ описаны условія труда кустарей въ районѣ Рейнъ-Майнъ. Весь трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Къ сожалѣнію, работа проф. Арндта подвигается очень медленно.

Энергичнѣе взялись за дѣло швейцарцы. Сводная работа („Die wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse in der schweizerischen Heimarbeit"), издаваемыя подъ редакціей Лоренца, секретаря выставки, разбита на девять выпусковъ. Общій размѣръ работы предположенъ въ 500-600 страницъ. Но, повидимому, онъ будетъ гораздо больше. До сихъ поръ вышли только два выпуска, занимающіе 330 страницъ. Особенное вниманіе обращаетъ на себя первый, вводный выпускъ. Онъ даетъ обзоръ подготовительныхъ къ выставкѣ работъ, методы и размѣры собиранія матеріала, анкетные опросные листы, инструкцію собиравшимъ матеріалъ и способы разработки полученныхъ данныхъ. Какъ прекрасный практическій примѣръ изученія условій домашней промышленности, этотъ выпускъ нельзя не рекомендовать вниманію статистиковъ. Послѣдній выпускъ, который появится осенью 1911-го года, будетъ посвященъ разработкѣ бюджетовъ кустарей. Изученіе избранныхъ типичныхъ бюджетовъ ведется на мѣстахъ въ теченіе цѣлаго года, съ апрѣля 1910-го по апрѣль 1911-го года.

Конгрессъ (7—8 августа 1909-го года), собранный устроителями швейцарской кустарной выставки, также оставилъ по себѣ литературный слѣдъ въ видѣ протоколовъ (изданіе Grütliverein, Zürich). Протоколы швейцарскаго конгресса особенно интересны потому, что здѣсь были представлены, по выраженію „Neue Züricher Nachrichten" „университетскіе профессора, юристы, государственные дѣятели, чиновники, крупные промышленники, купцы, крестьяне, рабочіе и кустари". Этотъ разнообразный составъ конгресса, съ одной стороны, гарантировалъ его отъ принятія какихъ бы то ни было односторонніхъ рѣшеній, а съ другой—обезпечивалъ проникновеніе этихъ рѣшеній во всѣ тѣ слои

[1]) Вотъ адреса этихъ бюро: 1) Belgique, Bruxelles, Hôtel de ville, Secrétariat de l'exposition de travail à domicile. 2) Schweiz, Zürich, Bolleystr., 48. General-Sekretariat der schweizerischen Heimarbeit-Ausstellung. 3) Hollande, Amsterdam, „Velox" Tentoonstelling van Huisindustrie.

населенія, которые оказываютъ вліяніе на законодательную дѣятельность, въ общенаціональномъ швейцарскомъ представительствѣ и въ совѣтахъ кантональныхъ.

Познакомиться съ резолюціями такого пестраго по составу конгресса слѣдуетъ каждому общественному дѣятелю, интересующемуся положеніемъ труда въ промышленности. Такое же значеніе имѣетъ и сборникъ резолюцій по вопросу о домашней промышленности, постановленныхъ разными конгрессами, союзами, партіями въ періодъ съ осени 1901-го года по осень 1909-го года. Этотъ сборникъ издало бюро бельгійской кустарной выставки, къ интернаціональному конгрессу. Обратившись по адресу секретаріата выставки (указанному выше), этотъ сборникъ можно получить безплатно.

Въ заключеніе я позволю себѣ обратить вниманіе на весьма цѣнную библіографическую работу о домашней промышленности. Она составляетъ дополнительный томъ (подъ названіемъ: „Bibliographie générale de l'industrie à domicile") большого труда о домашней промышленности, изданнаго бельгійскимъ министерствомъ труда и промышленности [1]). Въ этомъ обширномъ указателѣ данъ очень цѣнный списокъ и русскихъ работъ (заголовки ихъ напечатаны русскими буквами). Полнота списка исключаетъ необходимость искать гдѣ-либо еще библіографическія указанія вопроса. Для работъ, появившихся въ 1908-мъ году и позднѣе, можно рекомендовать интересующимся обратиться въ библіографическій институтъ (rue des Beaux Arts, 1, Bruxelles), который даетъ библіографическія справки на мѣстѣ безплатно, а иногороднымъ—по 5 сантимовъ за каждое заглавіе, переписываемое на отдѣльный билетикъ.

Н. Ульяновъ.

---

[1]) Работа эта, раздѣленная на десять большихъ томовъ, издавалась въ Брюсселѣ съ 1903-го года по 1908-ой. Въ Россіи она, вслѣдствіе своихъ размѣровъ, врядъ-ли привлечетъ широкое вниманіе. Но, какъ свидѣтельство внимательнаго отношенія правительства къ заброшеннымъ отраслямъ промышленности, къ положенію въ нихъ рабочихъ, эта работа достойна того, чтобы съ ней познакомились общественные дѣятели. Ея названіе: „Les industries à domicile en Belgique", Royaume de Belgique, Ministère de l'Industrie et du Travail.

НЕ ПОРА ЛИ ВСПОМНИТЬ?

(По поводу книги г. С. Гвоздева: „Записки фабричнаго инспектора".)

Интересъ, проявляемый русскимъ обществомъ къ тому или иному вопросу, рѣдко бываетъ устойчивъ. Мы быстро воспламеняемся, но столь же быстро и остываемъ. Не то чтобы мы окончательно позабыли волновавшее насъ недѣлю, мѣсяцъ или годъ назадъ; нѣтъ, память не совсѣмъ оставляетъ насъ. Время отъ времени, въ бесѣдѣ въ тѣсномъ кругу, иногда и вспомнится, что вотъ всплывалъ въ свое время такой-то вопросъ, вспомнится даже, что для его разрѣшенія, несмотря на прекрасныя намѣренія, ничего не сдѣлано. Иногда мы даже поиронизируемъ на тему о русской неспособности твердо и неуклонно преслѣдовать когда-то намѣчавшуюся цѣль. Но ни воспоминанія, ни иронія не возбудятъ въ насъ интенсивнаго желанія, не окрылятъ волю, не поднимутъ на настойчивую работу надъ намѣчавшейся задачей, не заставятъ выдвинуть серьезное требованіе.

Исторія и нашихъ реформъ, и общественныхъ увлеченій, полна подобными примѣрами. На одномъ изъ нихъ я и хотѣлъ бы въ настоящую минуту остановить вниманіе читателя.

Дѣло было на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Послѣ тяжелой войны общество начало пристально присматриваться къ внутреннимъ неурядицамъ. Былъ даже моментъ, когда новыя вѣянія въ „верхахъ" тревожили давно заглохшія надежды. Естественное развитіе страны неизбѣжно привлекало общее вниманіе къ той отрасли народно-экономической жизни, которая за предшествующее пятилѣтіе сдѣлала значительный шагъ впередъ — къ фабричной промышленности. Необходимость серьезнаго обслѣдованія темнаго и совершенно неизвѣстнаго русскаго фабрично-заводскаго міра становилась очевидной. Въ Москвѣ, въ значительной мѣрѣ по частной иниціативѣ, за это дѣло берутся лучшія общественныя и научныя силы, къ работамъ которыхъ внимательно присматривается власть. На ту же дорогу выступаютъ московское и другія земства. Проходитъ годъ — другой: просвѣщенный министръ финансовъ, Н. Х. Бунге, выдвигаетъ на первый планъ задачи фабричнаго законодательства — вопросъ, на которомъ ранѣе, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, совершенно безплодно погибъ цѣлый рядъ коммиссій и который окончательно, казалось, „за ненадобностью" похороненъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, Государственнымъ Совѣтомъ. Но теперь моментъ былъ другой. Съ небывалой у

насъ послѣдовательностью въ продолженіе четырехъ лѣтъ проводятся въ жизнь законы по охранѣ труда. Три изъ нихъ получаютъ крупное общественное значеніе. Интересъ общества къ фабрикѣ растетъ параллельно съ ея успѣхами. Бунге, по примѣру всѣхъ странъ Запада, признаетъ необходимымъ опубликованіе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Они производятъ громадное впечатлѣніе. Имена профессора Янжула, доктора Пескова—первыхъ инспекторовъ московскаго и владимірскаго округовъ,—не сходятъ со страницъ журналовъ, со столбцовъ газетъ. Труды ихъ удостоиваются самыхъ почетныхъ отзывовъ ученыхъ обществъ. Они впервые проливаютъ свѣтъ на темную, закулисную сторону нашей промышленности. Безправіе и убійственная обстановка труда ярко и отчетливо выясняются даже въ объективныхъ, безстрастныхъ строкахъ оффиціальныхъ отчетовъ. Идея охраны труда внѣдряется въ сознаніе всѣхъ лучшихъ силъ общества, воодушевляетъ не только такихъ прогрессивныхъ министровъ, какъ Бунге, но даже и такіе полицейско-консервативные умы, какъ Плеве. Дальнѣйшая работа въ данномъ направленіи и быстрое развитіе фабричнаго законодательства становятся, казалось бы, неизбѣжными и несомнѣнными... Но на смѣну Бунге приходитъ Вышнеградскій; промышленники, почуявъ перемѣну вѣтра, усиливаютъ свои крики противъ инспекціи; отчеты больше не публикуются. Побѣдоносцевъ твердитъ о патріархальности фабричныхъ отношеній... 12—15 лѣтъ проходитъ прежде чѣмъ самыя вопіющія, давнымъ давно до боли назрѣвшія задачи получаютъ въ этой области хотя кое-какое движеніе. Проходитъ еще 6—7 лѣтъ. Поднимается буря 1904—6 гг. Рабочій вопросъ ставится въ новой, грозной, неслыханной по размаху формѣ! Опять онъ завладѣваетъ вниманіемъ общества, опять онъ не сходитъ со столбцовъ газетъ, опять въ десяткахъ коммиссій вырабатываются десятки проектовъ... Схлынула волна — и снова все затихаетъ; разсмотрѣніе законопроектовъ откладывается на цѣлые годы; для водворенія порядка на фабрикахъ практикуются старые, нелѣпые, некультурные и жестокіе пріемы, а самый интересъ къ рабочему вопросу куда-то исчезаетъ, исчезаетъ не только въ оффиціальныхъ кругахъ, но и въ самомъ обществѣ и, какъ это ни странно, даже въ менѣе культурной части самого рабочаго класса. Статьи по рабочему вопросу въ журналахъ остаются неразрѣзанными, книги и брошюры напрасно бременятъ полки магазиновъ. Масса непартійной молодежи отхлынула отъ „рабочаго“ къ совершенно инымъ сферамъ жизни—къ искусству, къ теоретическимъ проблемамъ, къ вопросамъ личной морали и личнаго чувства, къ личнымъ „переживаніямъ“... до Вейненгера и Вербицкой включительно...

А жизнь тѣмъ временемъ своимъ порядкомъ идетъ да идетъ...

идетъ и по прежнему остается намъ совершенно неизвѣстной, необслѣдованной. По прежнему отъ насъ скрытъ ея простой, всегда интересный и подчасъ жестокій фактическій матеріалъ. Изслѣдованія первыхъ фабричныхъ инспекторовъ, изслѣдованія московскаго и другихъ земствъ, въ свое время необычайно цѣнныя, теперь устарѣлыя и непригодныя для оцѣнки современнаго положенія, до сихъ поръ остаются неповторенными. Министерство торговли и промышленности до такой степени чуждо заботамъ о серьезномъ выясненіи данной стороны современной промышленной жизни, что въ моментъ выработки, въ 1908-мъ году, законопроекта о врачебной помощи можетъ его мотивировать лишь устарѣвшими данными 1897-го года. Нагрянувшая въ 1910-мъ году холера застаетъ всѣхъ совершенно врасплохъ, такъ какъ огромный и весьма важный Донецкій промышленный районъ, гдѣ эпидемія разыгрывается, серьезно и безпристрастно никѣмъ и никогда обслѣдованъ не былъ. Да и къ чему, въ самомъ дѣлѣ, обслѣдовать? Цифры и факты *обязываютъ*, требуютъ извѣстныхъ мѣропріятій для устраненія хотя бы наиболѣе вопіющихъ ненормальностей, ими обнаруживаемыхъ. А кому же охота самому на себя налагать какія-нибудь обязательства? И промышленность, хотя и поверхностно, обслѣдуется лишь съ тѣхъ сторонъ, въ которыхъ отражается ея ростъ, ея благополучіе и развитіе. Всѣ ея темныя стороны — санитарное неблагоустройство, жилищный вопросъ, фактическое безправіе рабочихъ, отсутствіе правильной врачебной помощи и неудовлетворительность обезпеченія увѣчныхъ по закону 1903-го года, наконецъ, положеніе пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ отрасляхъ промышленности, подъ дѣйствіе послѣдняго закона неподходящихъ—все это не привлекаетъ вниманія тѣхъ органовъ власти и лицъ, на которыхъ лежитъ прямая обязанность выяснять и удовлетворять назрѣвающія въ данной области потребности. Но не одни лишь оффиціальные круги повинны въ отсутствіи вниманія къ этой больной сторонѣ русской жизни. Повинно здѣсь, какъ уже сказано, и наше общество, и органы самоуправленія, и, если угодно, даже Государственная Дума. Интересъ къ рабочему и его положенію, повторяю, куда-то пропалъ, исчезъ, уснулъ! И какъ будто никому не приходитъ въ голову, что это равнодушіе не можетъ остановить жизни. Если рабочій вопросъ забытъ обществомъ и ушелъ изъ поля зрѣнія различныхъ учрежденій, то это вѣдь не значитъ, что въ этой сферѣ все обстоитъ благополучно. И чѣмъ усиленнѣе, уподобляясь страусу въ моментъ опасности, мы будемъ закрывать глаза на рабочій вопросъ сейчасъ, тѣмъ рѣзче и грознѣе встанетъ онъ въ будущемъ!.. Къ сожалѣнію, эта простая истина основательно затерялась въ области нашихъ ежедневныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, въ сферѣ русской канцелярской

волокиты. Но о ней пора вспомнить. И книга г. С. Гвоздева можетъ сослужить въ этомъ случаѣ хорошую службу.

„Записки фабричнаго инспектора“ написаны необыкновенно просто. Авторъ лишь суммируетъ передъ читателемъ факты, прошедшіе передъ нимъ за 15 лѣтъ (1894 — 1908 г.) служебной работы. Ни широкихъ обобщеній, ни яркихъ художественныхъ картинъ читатель не найдетъ на 263 страницахъ книги г. Гвоздева. Это какъ бы листки изъ путевого журнала, освобожденные отъ повтореній и разсортированные по отдѣльнымъ рубрикамъ: „работа женщинъ и подростковъ“, „законъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени“, „харчевыя лавки“, квартирный вопросъ“, „охрана жизни и здоровья рабочихъ“ и т. д. Авторъ сообщаетъ только то, что онъ видѣлъ. Онъ, даже на нашъ взглядъ съ излишней послѣдовательностью, избѣгаетъ ссылокъ на литературныя и иныя данныя. Онъ говоритъ исключительно отъ себя и за себя. Этой особенностью книги, быть можетъ, обусловлены нѣкоторые ея недостатки: г. Гвоздеву приходится подчасъ повторять то, что съ неменьшею полнотою и ясностью уже раньше было высказано въ печати; но за то книга г. Гвоздева чрезвычайно выигрываетъ въ качествѣ „документа“, въ качествѣ полнаго, безпристрастнаго и авторитетнаго свидѣтельскаго показанія. Читая ее, поневолѣ приходишь къ слѣдующему досадливому соображенію. Авторъ — фабричный инспекторъ. Онъ пользуется для своей работы только тѣми фактами, которые онъ наблюдалъ въ предѣлахъ своего участка (къ сожалѣнію скрытаго подъ буквою N), въ центральномъ промышленномъ районѣ. И этого матеріала съ избыткомъ хватило на то, чтобы создать полную и живую картину нашей фабричной жизни. На этомъ отдѣльномъ примѣрѣ мы можемъ съ очевидностью убѣдиться, какая масса важныхъ и въ высшей степени цѣнныхъ наблюденій скрыта въ архивахъ и отчетахъ фабричной инспекціи, превращающихся путемъ оффиціальной обработки въ тощій и мало содержательный „Сводъ отчетовъ“. Мы видимъ, какъ легко, при нѣкоторомъ желаніи, можно было бы воспользоваться трудомъ фабричной (и горной) инспекціи для полнаго и всесторонняго освѣщенія нашей фабричной жизни. И врядъ ли можно сомнѣваться, что еслибы эта работа была своевременно исполнена, ни правительству, ни Государственной Думѣ не приходилось бы такъ часто останавливаться предъ полнымъ отсутствіемъ свѣдѣній, столь необходимыхъ при каждой законодательной работѣ.

Но оставимъ безплодныя сожалѣнія и постараемся лучше на двухъ-трехъ примѣрахъ показать, какъ много поучительныхъ данныхъ интересующійся вопросомъ читатель можетъ почерпнуть изъ книжки г. Гвоздева.

Возьмемъ хотя бы жилищный вопросъ, который теперь, въ виду грозящихъ намъ двухъ азіатскихъ эпидемій, несомнѣнно получитъ огромное значеніе. Г. Гвоздевъ заинтересовался этимъ вопросомъ еще 14 лѣтъ назадъ. Въ 1897-мъ году онъ обслѣдовалъ его въ предѣлахъ своего участка, при чемъ оказалось, что 44% всѣхъ рабочихъ пользовались фабричными квартирами, 31% — снимали ихъ у частныхъ лицъ и лишь 25% жили въ собственныхъ избахъ. Въ участкѣ автора имѣлись квартиры самыхъ разнообразныхъ типовъ, начиная съ отдѣльныхъ домиковъ на двѣ и болѣе квартиры; но такая роскошь, конечно, встрѣчалась не особенно часто. Далѣе имѣлись „каморки въ общихъ казарменныхъ зданіяхъ, съ размѣщеніемъ въ нихъ (т.-е. въ каждой) по двѣ, три и даже по четыре семьи, и общія спальни мужскія и женскія, часто съ нарами въ два этажа; но кромѣ того были и вполнѣ оригинальныя помѣщенія, кажется нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся [1]); это были тѣ же общія спальни, но только въ нихъ отдѣльныя мѣста на нарахъ были нѣсколько шире и отдѣлялись другъ отъ друга болѣе высокими, достигающими 1½ аршина, стѣнками; на этихъ мѣстахъ помѣщались пары — мужъ и жена — занавѣсившись со стороны прохода грязными тряпками. Такія помѣщенія назывались—„семейными“... До какой степени доходила тѣснота въ нѣкоторыхъ казармахъ—достаточно сказать, что въ одной спальной я нашелъ только 0,27 кубика (куб. саж.) на человѣка“.

Свѣдѣнія эти относятся, правда, еще къ 1897—1900 гг. Но припомнимъ, что наблюденія г. Гвоздева касаются не города, а деревни, гдѣ сравнительно мѣсто и стройка не такъ дороги, какъ въ крупныхъ центрахъ; за десять лѣтъ, притомъ, число рабочихъ во многихъ фабричныхъ районахъ сильно возросло, и возросло за счетъ именно пришлыхъ, а не мѣстныхъ силъ. Принявъ эти условія во вниманіе, мы врядъ-ли ошибемся, предположивъ, что и до сихъ поръ квартирный вопросъ не нашелъ на нашихъ фабрикахъ болѣе благопріятнаго разрѣшенія. По крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для иного вывода. А каково живется рабочему въ такой тѣснотѣ, въ такой ужасной, можно сказать скотской обстановкѣ, гдѣ, кромѣ тѣсныхъ, грязныхъ наръ, у него нѣтъ ни стола, ни стула, никакихъ намековъ на самыя элементарныя удобства, даже на самомалѣйшую охрану чувства женской стыдливости — объ этомъ предоставляемъ судить каждому. Замѣтимъ, что такъ въ Россіи живутъ не нищіе, не пауперы, пользующіеся общественной благотворительностью. Нѣтъ, такъ живетъ цвѣтъ рабочаго населенія, на-

[1]) Увы, авторъ ошибается; мнѣ лично приходилось видѣть подобныя „семейныя“ квартиры во многихъ мѣстахъ!

дежда и будущность страны! Читатель можетъ мнѣ, пожалуй, замѣтить, что у тѣхъ, кто пользуется наемнымъ помѣщеніемъ на сторонѣ, квартиры не лучше. За отсутствіемъ сколько-нибудь обстоятельныхъ, точныхъ, общихъ данныхъ, я не берусь отвѣчать на этотъ вопросъ; но если это утвержденіе и вѣрно, то развѣ отъ этого легче?

Возьмемъ другой примѣръ—число пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и полученіе ими вознагражденія. Законъ 1903 г., обезпечивающій увѣчныхъ рабочихъ, составляетъ сравнительно крупнѣйшее пріобрѣтеніе нашего фабричнаго законодательства за послѣднія 10—15 лѣтъ. Онъ оффиціально признанъ настолько удовлетворительнымъ, что именно на его нормахъ построена даже вся матеріальная сторона нашего будущаго страхованія увѣчныхъ рабочихъ. Каковы же впечатлѣнія г. Гвоздева въ этой сферѣ его дѣятельности?

Прежде всего нашъ авторъ отмѣчаетъ огромные недостатки закона, уже ранѣе указанные критикой: чрезмѣрно узкую сферу примѣненія, недостаточныя нормы вознагражденія, слишкомъ широкое поле „усмотрѣнія“ фабричной инспекціи и горныхъ инженеровъ при проведеніи закона въ жизнь. Эти недостатки г. Гвоздевъ признаетъ цѣликомъ. Затѣмъ автору приходится сказать, что многія условія жизни рабочаго (невѣжество, забитость, бѣдность) немало сокращаютъ и тѣ положительные результаты, которыхъ все же можно было бы на практикѣ отъ закона ожидать. Такъ, за два года примѣненія закона (1904 и 1905) изъ восьми смертныхъ случаевъ, происшедшихъ въ участкѣ г. Гвоздева, лишь пять случаевъ были оплачены владѣльцами предпріятій полностью. Въ одномъ случаѣ родственники убитаго вошли съ фабрикантомъ въ частное соглашеніе, получивъ отъ него много меньше, чѣмъ гарантировалъ имъ законъ, а въ двухъ случаяхъ—семейства потерпѣвшихъ „никакихъ требованій къ владѣльцамъ не предъявили, хотя имѣли неоспоримое право на вознагражденіе“.

Изъ тѣхъ 165-ти несчастныхъ случаевъ, которые давали потерпѣвшимъ право на вознагражденіе, оно въ установленномъ порядкѣ уплачено лишь въ 137-ми случаяхъ, что̀ составляетъ только 83%; и процентъ этотъ въ участкѣ г. Гвоздева весьма высокъ, такъ какъ по всей имперіи онъ опускается до 62. Рядъ рабочихъ не осуществляетъ своихъ правъ, „не желая досаждать“ фабрикантамъ, такъ какъ потерпѣвшіе надѣются, не возбуждая исковъ, сохранить добрыя отношенія съ хозяевами и получить отъ нихъ больше, чѣмъ можетъ пострадавшему дать законъ 1903-го года.

Помимо дефектовъ самаго закона, жизнь давно показала всѣ отрицательныя стороны порядка его осуществленія. Здѣсь на первое мѣсто приходится поставить *опредѣленіе потери трудоспособности,* ко-

торое именно и служитъ основаніемъ для исчисленія вознагражденія. Прежде всего важна экспертиза врача. Но наши врачи, не говоря уже о случаяхъ недобросовѣстности, далеко не всегда достаточно подготовлены для разрѣшенія тѣхъ сложныхъ и въ высшей степени деликатныхъ вопросовъ, которые такъ часто при подобныхъ экспертизахъ возникаютъ. Размѣры статьи не позволяютъ мнѣ воспользоваться всѣми поучительными примѣрами г. Гвоздева; въ видѣ наиболѣе яркой иллюстраціи, я могу лишь сказать, что авторомъ указаны и такіе случаи, когда одни врачи находили трудоспособность пострадавшихъ возстановленною вполнѣ и потерю ея = 0, а другіе опредѣляли эту потерю въ 75% заработка! Говоря проще, по мнѣнію однихъ врачей потерпѣвшіе не должны были получить ровно никакой пенсіи, а по мнѣнію другихъ они имѣли право на три четверти полной пенсіи, что̀ равно половинѣ заработка рабочаго.

Я не предполагаю, конечно, исчерпать здѣсь всего содержанія интересной книги г. Гвоздева, каждая изъ 24-хъ главъ которой посвящена какой-либо важной сторонѣ фабричной инспекціи. Я хотѣлъ бы лишь показать, что̀ можетъ найти въ этой содержательной работѣ каждый интересующійся вопросомъ. Но все же нельзя не отмѣтить еще одной главы книги, касающейся вопроса, находящагося въ данную минуту на разсмотрѣніи Государственной Думы — вопроса о медицинской помощи. Нельзя, просмотрѣвъ данныя г. Гвоздева, не убѣдиться въ необходимости реорганизаціи у насъ этого дѣла въ корнѣ, въ необходимости поставить его, наконецъ, такъ, чтобы разъ навсегда правильная медицинская помощь въ случаѣ нужды была рабочему дѣйствительно, фактически обезпечена, чтобы дѣло было изъято изъ рукъ такихъ „пріятныхъ хозяину“ врачей, которые заслуживаютъ благодарность предпринимателей систематическимъ сокращеніемъ расходовъ на больницу и на лекарства, да благопріятными для фабрики экспертизами при увѣчьяхъ (стр. 171). Я далеко не безусловный противникъ „фабричной медицины“. Мнѣ хорошо извѣстны отдѣльныя прекрасныя заводскія больницы; но это не мѣшаетъ мнѣ понимать всю остроту и болѣзненность вопроса, всю необходимость его коренной реформы и, главное, учрежденія въ области врачебной помощи рабочимъ правильнаго и реальнаго контроля. И г. Гвоздевъ своимъ фактическимъ матеріаломъ лишній разъ подтверждаетъ эту необходимость.

Отмѣтивъ крупныя достоинства книги г. Гвоздева, я долженъ, однако, упомянуть и о ея недостаткахъ. Они, конечно, тоже имѣются. Укажу хотя бы два изъ нихъ. Такъ, по моему мнѣнію, г. Гвоздевъ недостаточно глубоко взглянулъ на тотъ крупный и важный про-

цессъ, который совершался въ рабочей массѣ за весь длинный періодъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, недостаточно оцѣнилъ ту серьезную эволюцію, благодаря которой всѣ, даже наиболѣе консервативные фабриканты вполнѣ правильно, хотя и сокрушенно, заявляютъ: „нѣтъ, теперь нашъ рабочій уже не тотъ"! Затѣмъ нашъ авторъ, думается мнѣ, не всегда правильно освѣщаетъ экономическую и коммерческую сущность тѣхъ или иныхъ явленій фабричной жизни. Такъ напримѣръ, говоря о фабричныхъ лавкахъ, онъ видитъ въ нихъ или орудіе злоупотребленій фабриканта, или, наоборотъ, способъ доставленія рабочимъ удобствъ и выгодъ со стороны добросовѣстныхъ и заботливыхъ заводовладѣльцевъ. Онъ какъ бы забываетъ, что даже добросовѣстнѣйшимъ образомъ торгующая фабричная лавка доставляетъ владѣльцу громадныя удобства и выгоды: она позволяетъ ему сокращать количество *наличныхъ денегъ*, необходимыхъ для разсчета съ рабочими, а это для коммерсанта дорого стоитъ!.. Но такіе недочеты не уменьшаютъ смысла и значенія книги г. Гвоздева. И смотрѣть на эту книгу въ настоящую минуту, думается, нужно совсѣмъ съ другой стороны.

Авторъ напомнилъ намъ о нашемъ рабочемъ и о его тяжеломъ положеніи на фабрикѣ; онъ въ яркихъ фактахъ повседневнаго обихода показалъ всю неприглядность условій жизни значительной части нашего трудящагося населенія, которой перипетіи послѣдняго десятилѣтія, несмотря на всю яркость событій и минутные успѣхи, въ конечномъ счетѣ не дали ничего или почти ничего! Книга г. Гвоздева съ неопровержимой ясностью выясняетъ все убожество нашихъ законовъ по охранѣ труда, всю вопіющую и неотложную необходимость ихъ дальнѣйшаго развитія; она, со всею убѣдительностью факта, показываетъ, какъ необходимо серьезное обслѣдованіе фабричнаго и рабочаго быта, и какъ сравнительно легко, при желаніи, можно было бы такое обслѣдованіе произвести.

И за то, что г. Гвоздевъ напомнилъ намъ о томъ, о чемъ намъ давно пора вспомнить, мы можемъ его только поблагодарить!..

Сѣверянинъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ОБЩЕЙ ИСТОРІИ СТАРОЙ ФРАНЦІИ

Подъ старой Франціей я разумѣю Францію дореволюціонную, а подъ общимъ трудомъ по ея исторіи—коллективное предпріятіе нѣсколькихъ французскихъ ученыхъ, подъ редакціей Эрнеста Лависса (Lavisse), озаглавленное: „Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution". Лависсъ, вмѣстѣ съ А. Рамбо, уже стоялъ во главѣ подобнаго изданія—„Всемірной исторіи съ IV в. до нашихъ дней", имѣющагося и въ русскомъ переводѣ; теперь же онъ довелъ до конца только-что названную „Исторію Франціи", первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ десять лѣтъ тому назадъ (1901). Все это изданіе состоитъ изъ девяти томовъ, каждый въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ, такъ что въ общей сложности получается восемнадцать книгъ, неравнаго объема, иногда нѣсколько менѣе 400, иногда до 500 страницъ, всего около пятисотъ печатныхъ листовъ. Первый томъ этого громаднаго изданія содержитъ въ себѣ географическій обзоръ Франціи (авторъ—парижскій профессоръ географіи Vidal de la Blache) и древнѣйшую исторію страны (авторъ—ліонскій профессоръ Camille Bloch). Слѣдующіе два тома заняты капетингской Франціей, исторія которой обработана по частямъ такими видными спеціалистами, какъ Luchaire и Langlois. Франція при Валуа занимаетъ пять полутомовъ (авторы—Coville, Petit-Dusaillis, Lemonnier), а все остальное, кромѣ послѣдняго полутома, отведено на два вѣка царствованія Бурбоновъ, исторія которыхъ изложена Mariéjol'емъ (Генрихъ IV и Людовикъ XIII), самимъ редакторомъ (главнымъ образомъ два полутома о Людовикѣ XIV), Carré, Sagnac'омъ и др. Всѣ эти авторы, какъ и названные раньше—профессора, большею частью Парижскаго, иногда—провинціальныхъ университетовъ. Что касается до послѣдняго полутома, то назначеніе его—служить указателемъ ко всѣмъ предыдущимъ полутомамъ.

Коллективные труды уже давно завоевали себѣ право гражданства въ научной исторической литературѣ. За послѣднее время западнымъ образцамъ въ этомъ отношеніи стали подражать и у насъ. У такихъ предпріятій есть и свои положительныя, и свои отрицательныя стороны. Конечно, разъ ту или другую эпоху обрабатываетъ спеціалистъ, являющійся въ ней полнымъ хозяиномъ, это—большой плюсъ; но иногда рядомъ съ первостепенными знатоками въ подобныхъ изданіяхъ пишутъ и авторы далеко не высокихъ сортовъ. Неравномѣрность учености и талантливости является, поэтому, слабой стороной многихъ

коллективныхъ трудовъ, рядомъ съ которою, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ участники стоятъ на одномъ уровнѣ, нужно отмѣтить и другую—неодинаковость пониманія отдѣльными историками того, что̀ въ историческомъ процессѣ главное, что̀—второстепенное, что̀ можетъ быть интересно только для самихъ ученыхъ, что̀—для большой публики. Чѣмъ лучше подобраны сотрудники, чѣмъ болѣе они между собою спѣлись, чѣмъ сильнѣе чувствуется направляющая, соглашающая и объединяющая работа общаго редактора, тѣмъ, конечно, исторія, написанная многими авторами, выйдетъ цѣльнѣе, но никогда такой сборный трудъ не можетъ достигнуть полнаго внутренняго единства.

Эрнестъ Лависсъ—прекрасный редакторъ, уже имѣвшій большой опытъ въ этомъ дѣлѣ. Извѣстный ученый, популярный профессоръ, настоящій педагогъ по призванію, человѣкъ весьма авторитетный въ академическихъ кругахъ и очень популярный среди учащейся молодежи, онъ вполнѣ подошелъ къ той роли, которую на себя взялъ. Общій планъ труда былъ имъ строго обдуманъ, отдѣльныя его части вполнѣ согласованы, размѣры ихъ болѣе или менѣе выдержаны, и разныя эпохи изображены достаточно разносторонне. Внѣшняя политика, войны и дипломатія не подавляютъ собою внутренней исторіи, а въ этой послѣдней отводится мѣсто и государственнымъ учрежденіямъ, и экономикѣ, и духовной культурѣ—религіи, наукѣ, философіи, литературѣ, искусствамъ. Сто̀итъ только просмотрѣть оглавленія двухъ полутомовъ Лависса объ эпохѣ, заключающейся между 1643 и 1685 гг., чтобы видѣть, какъ полно она изображена авторомъ. Или возьмемъ, напримѣръ, предпослѣдній полутомъ, посвященный царствованію Людовика XVI до начала революціи. Первая его часть разсматриваетъ исторію реформаторскихъ попытокъ при Тюрго и Неккерѣ, вторая—внѣшнюю политику царствованія, третья—общественную жизнь (королевское семейство, дворъ, духовенство, дворянство, высшую магистратуру, экономическій режимъ, третье сословіе, съ его подраздѣленіемъ на буржуазію, рабочихъ и крестьянъ), четвертая—умственную жизнь, пятая—агонію стараго порядка послѣ отставки Неккера; шестая даетъ общую характеристику царствованія Людовика XVI и его предшественника. Авторы отдѣльныхъ большихъ и малыхъ частей „Исторіи Франціи“ въ началѣ каждой главы даютъ достаточно полную библіографію, заключающую въ себѣ указанія какъ на источники, такъ и на пособія.

Изложеніе въ новой „Исторіи Франціи“ отличается обычными во французской литературѣ ясностью, легкостью и занимательностью. Еслибы редакторъ и составители задумали написать такой же коллективный трудъ по исторіи Франціи начиная съ революціи 1789 г.,

то, конечно, сдѣлали бы это такъ же хорошо, какъ и то, что ими уже исполнено, особенно если принимать въ разсчетъ потребности и интересы большой публики.

Н. Карѣевъ.

ЗНАМЕНИТЫЙ ФРАНЦУЗСКІЙ ЮРИСТЪ — ДАРЕСТЪ †

Умеръ небезызвѣстный и русскимъ юристамъ Родольфъ Дарестъ. Въ печатномъ сообщеніи объ этомъ печальномъ событіи, на полу-страницѣ, перечислены различныя должности и почетныя званія, связанныя съ его именемъ. Онъ былъ и совѣтникомъ кассаціоннаго суда, и эксъ-президентомъ „сословія присяжныхъ повѣренныхъ“ при государственномъ совѣтѣ и кассаціонномъ судѣ, и офицеромъ ордена почетнаго легіона, и кавалеромъ орденовъ св. Анны первой степени и князя Данилы Черногорскаго, — наконецъ, членомъ цѣлаго ряда ученыхъ академій, начиная съ парижскаго института: академіи Lincei въ Римѣ, Королевской академіи въ Брюсселѣ, Общества наукъ въ Христіаніи, Чешской академіи въ Прагѣ, Королевской академіи наукъ въ Туринѣ, Королевскаго института въ Миланѣ, Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ.

Что, спрашивается, выдвинуло его изъ среды тѣхъ адвокатовъ, къ которымъ онъ долгое время принадлежалъ по своей профессіи? Что доставило ему возможность обратить на себя вниманіе, по преимуществу статьями въ „Journal des Savants“, органѣ печати, не пользующемся извѣстностью въ широкихъ кругахъ, но читаемомъ всѣмъ ученымъ міромъ? Прежде всего—счастливое сочетаніе большой умственной силы, необыкновенной ясности, простоты и изящества изложенія, съ рѣдкой начитанностью въ историко-юридической литературѣ и въ законодательныхъ памятникахъ всѣхъ странъ Европы, притомъ не только новыхъ народовъ, но и народовъ древняго міра. Прекрасный знатокъ греческаго языка, сумѣвшій открыть въ рѣчахъ судебныхъ ораторовъ Аѳинъ данныя для сужденія о греческомъ правѣ, Дарестъ комментировалъ, со свойственной ему краткостью и въ то же время обстоятельностью, всѣ вновь открытые памятники греческаго права, начиная отъ законовъ, приписываемыхъ преданіемъ Миносу (законъ Корсиры на островѣ Критѣ), и оканчивая „Аѳинской Политеей“ Аристотеля. Въ своихъ ученыхъ статьяхъ онъ восходилъ еще дальше на цѣлыя столѣтія, излагая основы законодательства браминовъ и Зэндавесты, снабжая первымъ по времени толкованіемъ открытые его

соотечественникомъ „законы Гамураби“, современника Авраама. Ни одна изъ „варварскихъ правдъ“ не была обойдена въ его работахъ. Французское, испанское, англійское, русское и чешское законодательства, особенно въ ихъ древнѣйшій періодъ, также приковывали къ себѣ его вниманіе. Онъ интересовался въ равной степени и посредническими рѣшеніями древне-ирландскихъ брэгоновъ, и современнымъ обычнымъ правомъ черногорцевъ и албанцевъ, и кавказскими адатами, и Законникомъ грузинскаго царя Вахтанга. Его вниманіе приковывали къ себѣ одинаково и земельные порядки Римской имперіи, и мусульманское законодательство, регулирующее аграрный строй въ Алжирѣ. Прибавьте къ списку его работъ классическое сочиненіе объ административномъ судѣ во Франціи („Le contentieux administratif en France“) въ его прошломъ и настоящемъ, и цѣлый рядъ докладовъ кассаціонному суду, которые всѣ заслуживаютъ быть обнародованными въ руководство для настоящихъ и будущихъ членовъ этого высокаго трибунала. Эти доклады, вѣроятно, появятся отдѣльнымъ томомъ или томами, какъ мечталъ о томъ покойникъ. Я перечислилъ если не всѣ, то важнѣйшіе изъ трудовъ Дареста. Эта оговорка вызвана тѣмъ, что въ „Журналѣ исторіи французскаго и иноземнаго права“, если не созданномъ, то обновленномъ Дарестомъ (подъ другимъ названіемъ онъ издаваемъ былъ еще Эдуардомъ Лабулэ), Дарестъ разсѣялъ рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ, съ которыми всякому историку права необходимо считаться.

Впервые я сошелся съ покойнымъ въ 1888-мъ году; онъ узналъ о моихъ работахъ по обычному праву Кавказа отъ Владиміра Ѳедоровича Дерюжинскаго и зашелъ ко мнѣ въ Парижѣ. Общія занятія сблизили насъ; я сталъ нерѣдкимъ посѣтителемъ его „субботъ“ и не разъ пользовался цѣнными указаніями этого хорошо освѣдомленнаго юриста и въ моихъ сочиненіяхъ. Три статьи, посвященныя имъ въ „Journal des Savants“ моему „Современному обычаю и древнему закону на Кавказѣ“, задолго до появленія этой книги на французскомъ языкѣ, а также двумъ другимъ моимъ трудамъ: „Законъ и обычай на Кавказѣ“ и „Экономическій ростъ Европы“, открыли мнѣ возможность болѣе тѣснаго общенія съ французскими историками права и проложили мнѣ путь къ занятію того самаго кресла въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, которое ранѣе меня ожидало—но, кажется, такъ и не дождалось—Константина Петровича Побѣдоносцева. Французовъ не смущаетъ антитеза; въ письмѣ, увѣдомлявшемъ меня объ избраніи корреспондентомъ института, значилось: „на мѣсто умершаго Побѣдоносцева“. Мой выборъ—это послѣдняя услуга, оказанная мнѣ покойнымъ. Раньше мнѣ не разъ пришлось испытать его любезную отзывчивость на всѣ вопросы, сколько-нибудь касающіеся сравни-

тельной исторіи права. Я напечаталъ въ его журналѣ рядъ статей по русскому обычному праву и немало отзывовъ о книгахъ моихъ соотечественниковъ, посвященныхъ исторіи русскаго права,—въ томъ числѣ о книгѣ Василія Ивановича Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX-го столѣтія".

Когда мнѣ пришлось открывать преподаваніе общественныхъ наукъ при стокгольмскомъ университетѣ, я обратился къ Родольфу Даресту съ просьбой рекомендовать лектора изъ Франціи; изъ Германіи обѣщалъ прибыть извѣстный экономистъ-соціологъ Шеффле, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Австріи. Дарестъ указалъ мнѣ на Боше, который съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ европейскую извѣстность и своими сочиненіями по древне-шведскому праву, и своимъ четырехъ-томнымъ трактатомъ о гражданскомъ правѣ древнихъ Аѳинъ.

Послѣдній разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ Дарестомъ позапрошлымъ лѣтомъ на засѣданіи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Согласно установившемуся обычаю, я въ краткомъ словѣ выразилъ мою признательность за выборъ, говоря, что счастливъ войти въ общеніе съ товарищами по занятіямъ и съ такимъ учителемъ, какимъ для многихъ изъ нихъ, а также и для меня, является Родольфъ Дарестъ. Покойникъ только что пережилъ въ это время опасную операцію. Ему было восемьдесятъ пять лѣтъ и онъ съ трудомъ держался на ногахъ; это не мѣшало ему не пропускать ни одной „субботы"—день, когда собирается въ залѣ, украшенномъ портретомъ Монтескьё, академія нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Эсменъ читалъ въ этотъ день докладъ о предстоящей реформѣ палаты лордовъ; почтенный старецъ со вниманіемъ слѣдилъ за его рѣчью, чтобы представить затѣмъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній. Почти до послѣднихъ дней жизни Дарестъ не переставалъ участвовать въ монументальномъ изданіи греческихъ юридическихъ древностей и подготовлять выходъ четвертаго тома своихъ „Этюдовъ по исторіи права".

Обладая знаніемъ не только романскихъ языковъ, но и языковъ германо-скандинавскихъ, онъ давно научился также, посѣщая лекціи Леже въ „Collège de France", русскому языку, что позволяло ему слѣдить за нашей литературой по юридическимъ древностямъ и знакомить съ нею французовъ. Однажды онъ пожелалъ соединить у себя за обѣдомъ всѣхъ, кто во Франціи занимается Россіей и знакомъ съ русскимъ языкомъ; не было одного только Вогюэ. Число затрапезниковъ немногимъ превысило десять человѣкъ; между ними былъ и Эсменъ, столько же историкъ гражданскаго и каноническаго права, сколько знатокъ права конституціоннаго. Его курсъ выдержалъ уже три изданія въ русскомъ переводѣ. Съ нимъ мнѣ недавно пришлось

въ послѣдній разъ говорить о Дарестѣ; онъ жаловался на то, что число ученыхъ юристовъ въ числѣ членовъ кассаціоннаго суда замѣтно убываетъ—а между тѣмъ, по закону, отъ высшей магистратуры присутствуетъ одинъ уполномоченный на томъ конкурсѣ, который ежегодно устраивается для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ (Concours d'agrégation). Въ старые годы, обыкновенно, такимъ уполномоченнымъ являлся Дарестъ—и не одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которыми, какъ напр. Жераромъ или Салейлемъ, справедливо гордится парижская школа правовѣдѣнія, подвергнутъ былъ этому „нелегкому искусу" въ присутствіи Родольфа Дареста. „Такіе умы и такія сокровищницы знанія—сказалъ мнѣ Эсменъ—рѣдки во всякой странѣ; ихъ немного, поэтому, и во Франціи". Къ счастью, Дарестъ нашелъ достойнаго преемника въ лицѣ одного члена кассаціоннаго суда, прекраснаго знатока древнѣйшей исторіи какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ судовъ во Франціи.

Дарестъ умеръ на восемьдесятъ-седьмомъ году жизни. Ему пришлось въ молодости жить воспоминаніями о славныхъ годахъ имперіи; портретъ перваго консула на бѣломъ конѣ украшалъ, поэтому, стѣну его кабинета. Онъ зналъ и другія времена — увлеченія счастливымъ ростомъ парламентскихъ учрежденій въ іюльскую монархію; онъ пережилъ революцію 48-го года и „coup d'état" Наполеона III-го. Никогда не говорившій о политикѣ, — по крайней мѣрѣ съ иностранцами, — Родольфъ Дарестъ слылъ въ глазахъ молодыхъ поколѣній за консерватора; ему не прощали его довольно рѣзкаго выступленія въ дѣлѣ Дрейфуса, гдѣ онъ сталъ на сторону генерала Мерсье. Но всѣ—враги и друзья—равно признавали его выдающійся умъ, его преданность интересамъ науки и его трогательную привязанность къ той академіи, которой онъ долгое время справедливо считался однимъ изъ корифеевъ. Французскіе ученые лишь за послѣднее время стали знакомиться съ иностранными языками и ссылаться на иностранныхъ писателей. Дарестъ былъ въ числѣ первыхъ, не считавшихъ возможнымъ обходить своимъ вниманіемъ нѣмецкую, англійскую, итальянскую, испанскую и русскую науку права. Онъ былъ своего рода посредникомъ между французской и иностранной юриспруденціей.

Семья, къ которой онъ принадлежалъ, продолжала и продолжаетъ служить наукѣ. Одинъ изъ его братьевъ былъ извѣстнымъ французскимъ историкомъ, другой спеціализировался на изученіи природы и причинъ уродства; онъ нерѣдко выступалъ въ парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ и предсѣдательствовалъ на устраиваемыхъ имъ конгрессахъ.

Сынъ и племянникъ Родольфа Дареста издали (переведенный и на русскій) языкъ „Сборникъ дѣйствующихъ конституцій Европы и Аме-

рики"; оба принадлежатъ къ Обществу сравнительнаго законовѣдѣнія въ Парижѣ. Сынъ покойнаго, Пьеръ Дарестъ, одно время былъ секретаремъ Общества; по примѣру отца, онъ владѣетъ многими европейскими языками,—въ томъ числѣ венгерскимъ,—и является, поэтому, своего рода экспертомъ по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ австрійскимъ конституціоннымъ правомъ и его исторіей. Въ семьѣ Дареста французская республика сохранила живой образецъ тѣхъ судебныхъ семей, той „noblesse de robe", изъ которыхъ выходили въ эпоху „стараго порядка" такіе люди, какъ Монтэнь, Ла-Боэси и Монтескьё, т.-е. свѣточи права и юридическаго сознанія для всего человѣчества. Глава этой почтенной семьи, долгое время послужившей и теоріи, и практикѣ, и исторіи законовѣдѣнія, сошелъ нынѣ въ могилу. Будемъ надѣяться, что въ его же семьѣ найдутся продолжатели традиціи, созданной ея старшимъ поколѣніемъ. Мы же сохранимъ навсегда благодарную память о человѣкѣ, сильно повліявшемъ на самый характеръ нашихъ научныхъ работъ въ тѣ годы заканчивавшагося ученичества и начинающагося творчества, которымъ такъ нуженъ надежный и благорасположенный менторъ. Я имѣлъ ихъ немало въ моей уже долгой жизни, начиная отъ незабвеннаго Дмитрія Ивановича Каченовскаго и переходя къ моимъ ближайшимъ учителямъ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Дарестъ былъ имъ во Франціи,—и мнѣ пріятно сдѣлать это признаніе теперь, по случаю его поминокъ.

Максимъ Ковалевскій.

ЗАПОЗДАЛЫЙ СПОРЪ

Графъ С. Ю. Витте. Вынужденныя разъясненія по поводу отчета ген.-ад. Куропаткина о войнѣ съ Японіей. Москва, 1911.

Брошюра графа С. Ю. Витте вновь раскрываетъ предъ нами одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ новѣйшей политической исторіи Россіи. Авторъ воздерживается отъ самостоятельныхъ разсужденій и не высказываетъ ничего новаго относительно причинъ русско-японской войны и ея несчастнаго исхода; но онъ приводитъ любопытные документы, излагаетъ содержаніе секретныхъ записокъ по дѣламъ Дальняго Востока, дѣлаетъ подробныя извлеченія изъ журналовъ разныхъ „особыхъ совѣщаній" и даетъ намъ ясное представленіе о той обста-

новкѣ, при которой рѣшались первостепенные вопросы внѣшней политики Россійской имперіи.

Графъ Витте имѣлъ въ виду опровергнуть невѣрныя и односторонніе сообщенія, заключающіяся въ четвертомъ томѣ обширнаго отчета А. Н. Куропаткина о войнѣ и перепечатанныя въ свое время въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ; но эти сообщенія неудачнаго полководца, проигравшаго кампанію противъ Японіи, едва ли заслуживали подробнаго разбора. Само собою понятно, что бывшій главнокомандующій войсками на Дальнемъ Востокѣ старается снять съ себя нѣкоторую долю отвѣтственности за испытанныя имъ пораженія и пробуетъ переложить эту отвѣтственность на чужія плечи. Онъ хочетъ кого-то увѣрить, во-первыхъ, что русское государственное казначейство бросало еще недостаточное количество милліоновъ въ бездонную бочку военнаго вѣдомства и не всегда удовлетворяло полностью заявленныя послѣднимъ финансовыя требованія, вслѣдствіе чего армія будто бы не могла быть вполнѣ готова къ войнѣ; во-вторыхъ, что онъ, А. Н. Куропаткинъ, какъ военный министръ, предвидѣлъ трудность и опасность военнаго столкновенія съ Японіею и потому высказывался противъ наступательной политики въ восточной Азіи, возражалъ противъ присоединенія Манчжуріи и не допускалъ прямого участія войскъ въ охранѣ лѣсного предпріятія на р. Ялу; и въ третьихъ, что онъ не одобрялъ преувеличенныхъ и недостаточно мотивированныхъ расходовъ на манчжурскія желѣзныя дороги и на сооруженіе порта Дальняго, а эти расходы зависѣли всецѣло отъ министерства финансовъ.

Кому теперь интересны всѣ эти мнѣнія и увѣренія генерала Куропаткина? Какой смыслъ можетъ имѣть ссылка на недостаточность военныхъ кредитовъ, если самъ бывшій главнокомандующій неоднократно заявлялъ о неминуемой побѣдѣ надъ японцами и о превосходствѣ собранныхъ въ Манчжуріи русскихъ войскъ не только по вооруженію, но и по численности? Сколько бы ни прибавить сотенъ милліоновъ рублей въ распоряженіе генерала Куропаткина, результатъ остался бы тотъ же самый: на словахъ провозглашалось бы намѣреніе побѣдить непріятеля, а на дѣлѣ русская армія по прежнему обречена была бы на безконечное пассивное сидѣніе въ своихъ окопахъ, въ ожиданіи того момента, когда маршалъ Ойяма соберется съ силами и успѣетъ подготовить все необходимое для нанесенія рокового удара. Наше военное вѣдомство, конечно, располагало несравненно болѣе щедрыми и крупными матеріальными средствами, чѣмъ японское; оклады нашихъ командировъ казались баснословными непріятельскимъ офицерамъ; маршалъ Ойяма, разумѣется, не мечталъ о жалованьѣ въ размѣрѣ свыше ста тысячъ рублей, какое получали у насъ главно-

командующіе на Дальнемъ Востокѣ. Однако, это не помѣшало японцамъ одержать верхъ надъ А. Н. Куропаткинымъ и его сподвижниками. Мертвящій канцелярскій духъ управленія, органическая неспособность къ разумной иниціативѣ и сознательной разсчетливости, мелочный, тонущій въ деталяхъ бюрократизмъ—все это само по себѣ болѣе чѣмъ достаточно для объясненія систематическихъ неудачъ могущественной и самоотверженной арміи, которою руководилъ А. Н. Куропаткинъ.

Для русскаго общества совершенно безразлично, какіе взгляды высказывалъ въ разное время генералъ Куропаткинъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ государственной дѣятельности. Если отъ этихъ взглядовъ отчасти зависѣли жизненные интересы русскаго государства и народа, то, быть можетъ, еще бо́льшее значеніе для судьбы Россіи имѣли перемѣнчивыя мнѣнія и случайныя вліянія другихъ лицъ, о которыхъ умалчиваетъ оффиціальная исторія. Такова уже сущность стараго режима, что при немъ никогда нельзя точно опредѣлить причины и мотивы происходящихъ событій: слишкомъ крупную роль играетъ въ нихъ элементъ случайности. Графъ С. Ю. Витте спеціально останавливается на мнѣніяхъ и отзывахъ А. Н. Куропаткина, провѣряетъ ихъ документально на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и цифръ, сопоставляетъ съ ними другія, нерѣдко прямо противоположныя мнѣнія и заявленія того же А. Н. Куропаткина—и въ результатѣ получается уже не характеристика опредѣленной личности, а матеріалъ для оцѣнки цѣлаго политическаго строя. Съ этой точки зрѣнія брошюра графа Витте представляется намъ глубоко поучительною.

Бывшій военный министръ жалуется на недостатокъ ассигнованій по его вѣдомству сравнительно съ Германіею—а по справкѣ оказывается, что Россія идетъ впереди Германіи и другихъ государствъ по количеству затратъ на военныя надобности и по постепенному росту этихъ затратъ. Такъ, въ 1892-мъ году Германія расходовала на армію 202 милліона рублей, на флотъ — 21 милліонъ; Россія—на армію 245 мил., на флотъ—48 мил. Десять лѣтъ спустя, въ 1902-мъ году, Германія тратила на армію 263 мил., на флотъ — 40 мил.: увеличеніе въ 35%; Россія—на армію 323 мил., на флотъ—98 мил.,—увеличеніе въ 47%. Въ 1906-мъ году общій военный бюджетъ Германіи составляетъ 477 мил. р., Россіи — 528 мил. р.; для первой увеличеніе съ 1901-го года въ 5%, а для второй—17%.

Куда же дальше идти? Въ теченіе ряда лѣтъ, при общей бѣдности русскаго народа, Россія тратила на флотъ или, вѣрнѣе, на морское вѣдомство вдвое больше денегъ, чѣмъ Германія; а даже такого флота, какъ германскій, мы все-таки не получили. Передъ войною съ Япо-

ніею, какъ замѣчаетъ гр. Витте, общіе военные расходы „были доведены до такого размѣра, который немногимъ менѣе общей суммы затратъ государства не только на управленіе, но и на всѣ культурныя и производительныя потребности страны: образованіе, развитіе земледѣлія и другихъ промысловъ, коммерческое пароходство, улучшеніе водныхъ и грунтовыхъ путей и т. д. Поэтому говорить о томъ, что страна мало удѣляла на военные расходы передъ войною съ Японіею не приходится. Государство давало много; цѣлесообразно же, съ наибольшею выгодою для своихъ цѣлей, расходовать полученныя суммы зависѣло отъ военнаго и морского министерствъ". Военное вѣдомство иногда не успѣвало даже давать надлежащее употребленіе назначеннымъ суммамъ; такъ изъ отпущенныхъ средствъ на укрѣпленіе Портъ-Артура по 1903-й годъ было израсходовано менѣе ассигнованнаго приблизительно на 550 тысячъ рублей. Въ то же время въ оффиціальной запискѣ, представленной въ ноябрѣ 1903-го года, послѣ поѣздки на Дальній Востокъ, А. Н. Куропаткинъ утверждалъ, что Портъ-Артуръ сдѣлается вскорѣ неприступнымъ съ моря и съ суши, что „нынѣ можно не тревожиться, если даже большая часть японской арміи обрушится на Портъ-Артуръ", что „мы имѣемъ силы и средства отстоять Портъ-Артуръ, даже борясь одинъ противъ 5—10 враговъ", что наша тихоокеанская эскадра „уже и нынѣ можетъ смѣло мѣрить свои силы со всѣмъ флотомъ Японіи, съ надеждою на полный успѣхъ", и что запасовъ въ Портъ-Артурѣ „собрано столько, что наши войска успѣютъ собраться въ Манчжуріи, нанести рѣшительное пораженіе противнику и освободить осажденный или блокированный Портъ-Артуръ". Въ „Итогахъ войны" А. Н. Куропаткинъ пишетъ уже, что передъ войною онъ „относился крайне серьезно къ возможности разрыва съ Японіею" и былъ всегда сторонникомъ „мирнаго разграниченія сферъ вліянія на Дальнемъ Востокѣ между Россіею и Японіею". А значительно раньше, въ докладѣ отъ 14-го марта 1900-го года, онъ выражалъ твердую увѣренность, что „существуетъ лишь единственное средство предотвратить кровавую борьбу на Дальнемъ Востокѣ, — это лишеніе Японіи права имѣть военный флотъ". Въ мартѣ 1903-го года онъ высчитывалъ, что война обойдется намъ приблизительно въ 700—800 милліоновъ рублей и мы потеряемъ до 50-ти тысячъ убитыми и ранеными при трехсотъ-тысячной арміи, но изъ войны „мы выйдемъ несомнѣнно побѣдителями". Ту же мысль о несомнѣнности побѣды онъ развивалъ и въ запискѣ отъ 23-го ноября 1903-го года, но съ оговоркой, что даже послѣ полнаго торжества русскаго оружія на материкѣ, въ Манчжуріи и Кореѣ, „мы не можемъ добиться рѣшительныхъ результатовъ и считать Японію разгромленною, пока не перенесемъ войны въ предѣлы Японіи". Въ

дѣйствительности, война поглотила около $2^1/_2$ милліардовъ рублей прямыхъ расходовъ, стоила около двухсотъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными и заставила довести дѣйствующую армію до милліона солдатъ,—а побѣда досталась Японіи.

Какъ послѣдовательный и убѣжденный бюрократъ, А. Н. Куропаткинъ по всякому существенному вопросу имѣлъ два противоположныя мнѣнія—одно въ принципѣ, другое на практикѣ. Такъ, принципіально онъ былъ противникомъ присоединенія Манчжуріи, но фактически настаивалъ на дальнѣйшей военной оккупаціи этой страны и рѣшительно возставалъ противъ возвращенія ея подъ власть Китая. Въ письмахъ къ министру иностранныхъ дѣлъ отъ 3 декабря 1900 и 2 января 1901 г., признавая себя „убѣжденнымъ сторонникомъ неприсоединенія къ Россіи Манчжуріи", онъ настоятельно требовалъ, чтобы Россія сохранила за собою право имѣть свои войска въ Манчжуріи, съ соотвѣтственнымъ ограниченіемъ правъ Китая. Манчжурія должна непремѣнно остаться китайскою провинціею, но съ тѣмъ условіемъ, что „Китай отказывается отъ права держать въ Манчжуріи войска, арсеналы, оружейные заводы", численность мѣстной полицейской стражи „опредѣляется по соглашенію съ русскими властями", „китайскія желѣзныя дороги переходятъ въ наше владѣніе" и „пребываніе иностранцевъ въ Манчжуріи подчиняется нашему надзору". Въ іюлѣ 1901-го года генералъ А. Н. Куропаткинъ предлагаетъ уже „присоединить къ Россіи въ той или другой формѣ сѣверную часть Манчжуріи", но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что „полное присоединеніе этой части Манчжуріи имѣетъ значительныя невыгоды" и „въ настоящее время представляется несвоевременнымъ"; поэтому было бы удобнѣе образовать изъ этой территоріи „независимую или весьма условно зависимую отъ Китая провинцію, управляемую и подчиненную вліянію Россіи, примѣрно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ существуетъ Бухарское ханство". Такое рѣшеніе окажется, однако, трудно осуществимымъ, и потому „на первыя нѣсколько лѣтъ можно ограничиться лишь твердо поставленнымъ Китаю рѣшеніемъ нашимъ" — „продолжить *на неопредѣленное время* въ сѣверной части Манчжуріи существующій порядокъ управленія". Между тѣмъ, противъ нашихъ притязаній на дальнѣйшую оккупацію Манчжуріи стали энергически возражать и другія державы, кромѣ Китая—именно Японія, Англія и Соединенные Штаты, такъ что министерство иностранныхъ дѣлъ нашло нужнымъ выработать другой проектъ соглашенія, вопреки дальнѣйшимъ протестамъ А. Н. Куропаткина.

Формальное соглашеніе съ Китаемъ, какъ извѣстно, состоялось 26 марта 1902-го года, при чемъ Россія обязалась очистить Манч-

журію отъ русскихъ войскъ въ три срока. Однако, министерство иностранныхъ дѣлъ, принимая отъ имени Россіи опредѣленныя обязательства передъ посторонними великими державами, не имѣло уже возможности ручаться за дѣйствительное выполненіе этихъ обязательствъ. Наша внѣшняя политика направлялась въ ту или другую сторону помимо дипломатическаго вѣдомства и нерѣдко даже безъ прямого участія министра иностранныхъ дѣлъ. А. Н. Куропаткинъ продолжалъ упорно поддерживать свой прежній взглядъ на Манчжурію, не придавая повидимому серьезнаго значенія ни подписанному Россіею договору съ Китаемъ, ни заявленіямъ и требованіямъ Японіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ октябрѣ того же 1902-го года „особое совѣщаніе“ въ Ялтѣ „единогласно высказало, что несомнѣнно въ будущемъ Манчжурія или должна присоединиться къ Россіи, или стать въ полную отъ нея зависимость“. Военный министръ тогда же совѣтовалъ „прежде всего пріостановить заселеніе сѣверной Манчжуріи китайцами“, а въ январѣ 1903-го года онъ уже вновь доказывалъ необходимость сохранить русскія войска въ Манчжуріи, на которую, по его мнѣнію, нельзя смотрѣть иначе, какъ на „край, который въ извѣстной своей части долженъ со временемъ стать достояніемъ Россіи“. Эти „скромные“ завоевательные проекты А. Н. Куропаткина отчасти совпадали съ воинственными планами другихъ руководителей русской внѣшней политики, А. М. Безобразова, контръ-адмирала Абазы и адмирала Алексѣева, которые, впрочемъ, въ своихъ предначертаніяхъ шли гораздо дальше военнаго министра. „Особое совѣщаніе“ сановниковъ въ Портъ-Артурѣ, при участіи А. Н. Куропаткина, опять вернулось къ вопросу о Манчжуріи, чтобы разрѣшить его независимо отъ всякихъ дипломатическихъ соображеній. Опять-таки присоединеніе „признано принципіально нежелательнымъ“, но съ другой стороны подтверждена „невозможность дословно исполнить договоръ“ безъ установленія новыхъ гарантій, выработанныхъ генераломъ А. Н. Куропаткинымъ и фактически упразднявшихъ всѣ самостоятельныя права Китая въ предѣлахъ Манчжуріи. Еслибы Китай не принялъ этихъ новыхъ требованій, то, по мнѣнію особаго совѣщанія, „надлежитъ объявить Китаю, что договоръ 26 марта не можетъ подлежать исполненію и что мы предоставляемъ себѣ право распорядиться дальнѣйшей судьбою Манчжуріи по нашему усмотрѣнію“. Такъ рѣшили въ Портъ-Артурѣ три сановника отъ имени Россіи въ іюнѣ 1903-го года, за полгода до войны. Наконецъ, въ запискѣ отъ 23 ноября 1903-го года А. Н. Куропаткинъ категорически повторяетъ, что Манчжурія „неизбѣжно должна быть присоединена къ Россіи“,— и ни онъ, ни его союзники не отдаютъ себѣ отчета въ истинномъ характерѣ этой двусмысленной политики, столь явно нарушавшей

общепринятыя понятія объ обязательной силѣ добровольныхъ международныхъ соглашеній. Нежеланіе выпустить изъ рукъ Манчжурію послѣ неоднократныхъ торжественныхъ обѣщаній возвратить ее по принадлежности имѣло какой-то оттѣнокъ двуличности и несомнѣнно подрывало международную репутацію Россіи, вслѣдствіе фантазерства нѣсколькихъ черезчуръ предпріимчивыхъ лицъ.

Еще болѣе непріятный оттѣнокъ имѣло лѣсопромышленное предпріятіе въ сѣверной Кореѣ, на берегу рѣки Ялу, которое съ одной стороны объявлялось частнымъ коммерческимъ дѣломъ, а съ другой—возводилось на степень первостепенной государственной задачи, обсуждаемой въ секретнѣйшихъ „особыхъ совѣщаніяхъ“ и достойной энергическаго содѣйствія и участія всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и военнаго. Необыкновенно суетливыя заботы объ успѣхѣ этой странной затѣи, въ связи съ смѣлыми замыслами относительно Кореи, освѣщаются въ разбираемой брошюрѣ любопытными оффиціальными отчетами и документами, которыхъ мы касаться не будемъ. Уже изъ приведенныхъ нами указаній можно видѣть, что „вынужденныя разъясненія“ графа Витте по запоздалому спору съ генераломъ Куропаткинымъ даютъ довольно цѣнный матеріалъ для характеристики недавней доконституціонной эпохи, казавшейся многимъ столь благополучною и безмятежною въ области высшей политики.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Прекрасную, прямо благоуханную повѣсть написалъ А. И. Купринъ: „Гранатовый браслетъ“ („Земля“, шестой сборникъ). Не то, чтобы она очень ужъ удалась по формѣ. Скорѣе даже наоборотъ: въ смыслѣ архитектуры, небольшая и въ основномъ своемъ содержаніи очень сконцентрированная повѣсть мѣстами загромождена ненужными пристройками, безплодно задерживающими вниманіе. То расплывется на цѣлую страницу хозяйственно-кулинарный разговоръ о приготовленіяхъ къ именинному обѣду, то начнутъ выскакивать передъ читателемъ фигуры профессора Спѣшникова, вице-губернатора фонъ-Зекка и т. д.; читатель ихъ запомнитъ, а потомъ окажется, что въ дальнѣйшемъ развитіи повѣсти они ни чему не пригодятся. И самый стиль по временамъ, особенно въ патетическіе моменты, не идетъ вровень съ яркостью замысла; въ немъ мелькаетъ что-то ша-

блонное, случайное, психологически необоснованное, какъ будто авторъ торопливо беретъ первые попавшіеся подъ руку слова и обороты. Попадаются даже синтаксическіе промахи. Но есть вещи, читая которыя, хочется отрѣшиться отъ придирчивости формальнаго воспріятія: до такой степени ясно, что за несовсѣмъ отчеканенной формой скрывается чрезвычайно цѣнное содержаніе, и хочется цѣликомъ отдаться этой увлекательной цѣнности, не цѣпляясь за неважные по сравненію съ нею недочеты. Къ числу вещей, говоря о которыхъ, рвешься сосредоточиться на плюсахъ и досадливо отмахиваешься отъ минусовъ, принадлежитъ и „Гранатовый браслетъ“: такъ психологически тонко и глубоко взялъ авторъ свою тему, такъ прочувствовалъ ее, такъ увлекателенъ тотъ міръ, куда онъ зоветъ насъ, — горныя высоты духа, гдѣ дышется полной грудью, гдѣ воздухъ чистъ и прозраченъ, распрямляется сгорбленная долинной жизнью спина, радостно закидывается голова къ ставшему близкимъ небесному своду и хочется крикнуть кому-то бодрый и звонкій привѣтъ изъ объемлющаго тебя царства свободы и правды.

Тема Куприна, если назвать ее просто, покажется старой, даже заѣзженной: это — любовь; да и ставитъ ее онъ старомодно, рискуя по нынѣшнимъ временамъ даже вызвать насмѣшку. Вѣдь типичная современная литература, трактуя этотъ сюжетъ, всегда болѣе или менѣе вращается въ категоріяхъ „санинства“, т.-е. преклоненія передъ незнающимъ никакихъ сдержекъ первичнымъ физіологическимъ инстинктомъ, съ пренебреженіемъ къ тѣмъ психологическимъ императивамъ, которые, выростая изъ него же, его ограничиваютъ и перерождаютъ. Купринъ, наоборотъ, затосковалъ о конечныхъ перевоплощеніяхъ любви, столь же мало похожихъ на звѣриный субстратъ ея, какъ роза на взростившій ее черноземъ. Передъ нимъ воскресаетъ идеалъ рыцарски возвышенной, чистой влюбленности, и даже нѣчто еще большее.

„Гдѣ же любовь, безкорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? та, про которую сказано — „сильна какъ смерть“? Такая любовь, для которой совершить любой подвигъ, отдать жизнь, пойти на мученіе—вовсе не трудъ, а одна радость?.. Любовь должна быть трагедіей! Величайшей тайной въ мірѣ! Никакія жизненныя удобства, разсчеты и компромиссы не должны ея касаться“.

О такой любви поднимается разговоръ въ средѣ, которая живетъ жизнью, построенной какъ разъ на „жизненныхъ удобствахъ и компромиссахъ“, жизнью далекою, во всякомъ случаѣ, отъ героизма. Нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти вполнѣ удовлетворены такимъ обыденнымъ существованіемъ и даже, какъ будто, не подозрѣваютъ, что для духа человѣческаго возможны иные запросы, до-

ступны иныя плоскости. Другимъ лицамъ присущи порыванія къ чему-то иному, но они не вѣрятъ этимъ порывамъ, не даютъ имъ простора и мирятся на компромиссѣ.

Героини повѣсти—двѣ сестры красавицы и аристократки. Старшая, княгиня Вѣра, „пошла въ мать англичанку своей высокой, гибкой фигурой, нѣжнымъ, но холоднымъ и гордымъ лицомъ и той очаровательной покатостью плечъ, какую можно видѣть на старинныхъ миніатюрахъ"; младшая, Анна, „унаслѣдовала монгольскую кровь отца, татарскаго князя" и плѣняетъ чувственнымъ, возбуждающимъ очарованіемъ страстнаго темперамента. У Вѣры „прежняя страстная любовь къ мужу давно уже перешла въ чувство прочной, вѣрной, истинной дружбы"; такая связь кажется ей счастливѣйшимъ союзомъ на свѣтѣ, высшей мыслимой красотой чувства; больше искать въ этомъ направленіи нечего, и всю свою энергію Вѣра направляетъ на хозяйственныя заботы, имѣющія цѣлью „помочь князю удержаться отъ полнаго разоренія". Самъ князь отвѣчаетъ женѣ такимъ же прочнымъ и вѣрнымъ чувствомъ, а затѣмъ отдается сутолокѣ, неизбѣжной при его званіи предводителя дворянства, неиспользованную же талантливость своей натуры размѣниваетъ на карикатуры и смѣхотворные разсказы о своихъ близкихъ и о различныхъ, часто очень интимныхъ эпизодахъ изъ ихъ жизни.

У Анны мужъ — „очень богатый и очень глупый человѣкъ", похотливо влюбленный въ жену и ровно ничего не дѣлающій. Такимъ союзомъ Анна, конечно, внутренно не удовлетворена: мужа она терпѣть не можетъ, презрительно высмѣиваетъ его и въ глаза, и за глаза, „но родила отъ него двухъ дѣтей". Горячая кровь толкаетъ ее на соблазнъ, однако не настолько властно, чтобы вывести ее изъ заколдованнаго круга „жизненныхъ удобствъ и компромисса": Анна охотно предается самому рискованному флирту, но никогда не измѣняетъ мужу. Жизнь внѣшне наполняется жадной погоней за острыми, пряными впечатлѣніями, но остается внутренне пустой, и этой пустоты, конечно, не покрываетъ набожность Анны, — очевидно, формальная, ибо она заставляетъ Анну „даже принять тайно католичество". Нѣчто пряное чувствуется и въ этомъ элементѣ ея психологіи: „отправляясь на большіе балы, она обнажалась гораздо больше предѣловъ, дозволяемыхъ приличіемъ и модой, но говорили, что подъ низкимъ декольтэ у нея всегда была надѣта власяница". Есть, правда, у Анны и нѣчто большее. Лицомъ къ лицу съ дивной красотой природы, она искренне восклицаетъ: „Какъ я благодарна Богу за всѣ чудеса, которыя Онъ для насъ сдѣлалъ". Но и этотъ восторгъ безсиленъ преобразить ея пошловатую, суетливую и пустую жизнь, или хоть отчасти отразиться на ней облагораживающимъ лучомъ. Кто-то другой позже повторитъ ана-

логичную фразу, но этого другого восторгъ передъ Божіимъ твореніемъ разъ навсегда подниметъ на недосягаемую духовную высоту.

Въ такой средѣ вянетъ душа, отмираютъ въ ней, не развернувшись, лепестки великихъ возможностей, забываетъ человѣкъ о своей исконной тягѣ къ небесамъ и безпечальное пресмыканіе по землѣ склоненъ счесть за идеалъ жизни. Тутъ нѣтъ простора для величаваго, страстнаго размаха, и самая любовь,—этотъ праздникъ жизни, расцвѣтъ души, выявленіе всѣхъ таящихся въ ней силъ,—„приняла пошлыя формы, снизошла просто до какого-то житейскаго удобства, до маленькаго развлеченія“. Такъ случилось съ мужьями Вѣры и Анны; на ту же плоскость соскользнули и онѣ обѣ, и по своему недурно на ней устроились. Изъ близкихъ къ нимъ людей у одного только прорывается рѣзкое осужденіе такому порядку вещей. Это—старый другъ ихъ отца, боевой генералъ Аносовъ, самое, пожалуй, яркое лицо въ повѣсти, „обломокъ старины, исполинская и необыкновенно живописная фигура“, сотканная изъ „чисто русскихъ, мужицкихъ чертъ—безхитростной, наивной вѣры, яснаго, добродушно-веселаго взгляда на жизнь, холодной и дѣловой отваги, покорности передъ лицомъ смерти, жалости къ побѣжденному, безконечнаго терпѣнія и поразительной физической и нравственной выносливости“,—сочетаніе могучей воли, яркаго темперамента, великаго, чуткаго, любящаго сердца. Жизнь его, однако, сложилась такъ, что ему не пришлось испытать настоящей любви, но это не парализовало зоркости его души, и онъ не приметъ за вѣнецъ чувства даже ту благообразную дружбу, которая связуетъ Вѣру съ ея мужемъ.

„Люди въ наше время разучились любить,—говоритъ онъ.—Не вижу настоящей любви. Да и въ мое время не видѣлъ!.. Виноваты мужчины, въ двадцать лѣтъ пресыщенные, съ циплячьими тѣлами и заячьими душами, неспособные къ сильнымъ желаніямъ, къ героическимъ поступкамъ, къ нѣжности и обожанію передъ любовью. Говорятъ, что раньше все это бывало. А если и не бывало, то развѣ не мечтали и не толковали объ этомъ лучшіе умы и души человѣчества—поэты, романисты, музыканты, художники?.. Ну, скажи же, моя милая, по совѣсти,—взываетъ онъ къ Вѣрѣ,—развѣ каждая женщина, въ глубинѣ своего сердца, не мечтаетъ о такой любви—единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?“

И эти горячія слова, идущія прямо отъ сердца къ сердцу, всколыхнули невѣдомую самой Вѣрѣ глубину ея души, и она, забывая про свою дружбу съ Васей, невольно признается:

— О, конечно, конечно, дѣдушка!

Но это истинное откровеніе, даруемое мгновенной взволнованностью, не властно надъ душой Вѣры; черезъ минуту темныя воды

удобной и привычной обыденности снова сомкнутся надъ разверзшейся было бездной истинныхъ хотѣній, стремленій и возможностей, и снова станетъ Вѣра такою же слѣпой рабою маленькой, дряблой, лѣнивой уютности, которой невнятны, чужды, прямо непріятны зовы большого чувства, съ его неустанной, звенящей напряженностью. Вѣдь давно уже, когда Вѣра была еще дѣвушкой, рядомъ съ ней зазвенѣла эта струна. Она стала получать письма отъ какого-то невѣдомаго маленькаго чиновничка, которыя „сначала носили вульгарный и курьезно-пылкій характеръ, хотя и были вполнѣ цѣломудренны. Но однажды Вѣра письменно попросила его не утруждать ее больше своими любовными изліяніями. Съ тѣхъ поръ онъ замолчалъ о любви, и сталъ писать лишь изрѣдка: на Пасху, на Новый годъ и въ день ея именинъ“. И сегодня еще таинственный Г. С. Ж. прислалъ ей безвкусно сработанный гранатовый браслетъ, съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Умоляю Васъ не гнѣваться на меня. Я краснѣю при воспоминаніи о моей дерзости семь лѣтъ тому назадъ, когда Вамъ, барышнѣ, я осмѣливался писать глупыя и дикія письма и даже ожидать отвѣта на нихъ. Теперь во мнѣ осталось только благоговѣніе, вѣчное преклоненіе и рабская преданность. Я умѣю теперь только желать ежеминутно Вамъ счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьямъ, которыя Вы мимоходомъ трогаете, прислугѣ, съ которой Вы говорите. У меня даже нѣтъ зависти ни къ людямъ, ни къ вещамъ“.

Конечно, Вѣра прошла мимо этого „смѣшного“ чувства какого-то „несчастнаго“, заботясь только объ одномъ: какъ можно болѣе подчеркнуть свою безучастность, чтобы какъ-нибудь не оказаться „смѣшной вмѣстѣ съ нимъ“. А мужъ Вѣры использовалъ этотъ эпизодъ для новаго юмористическаго разсказа съ милыми и остроумными карикатурами. Одинъ только генералъ Аносовъ задумался: „Почемъ знать? Можетъ быть, твой жизненный путь, Вѣрочка, пересѣкла именно такая любовь, о которой грезятъ женщины и на которую больше неспособны мужчины“. Но Вѣрино сердце, съ дѣтства, если только не наслѣдственно уже завядшее, не озарилось ясновидящимъ прозрѣніемъ и не воскликнуло, какъ минуту тому назадъ:

— О, конечно, конечно, дѣдушка!

Наоборотъ, она еще разъ поторопилась отгородиться отъ неприличнаго обожателя передъ своими мужемъ и братомъ, рѣшившими „объясниться“ съ „сумасшедшимъ“. Вѣра его головой имъ выдала и такъ же, какъ мимо дѣдушкиной догадки, прошла мимо робкаго голоса своего безсильнаго сердца, которому вдругъ „почему-то стало жалко этого несчастнаго“. И они пошли къ нему. Братъ Вѣры, де-

ревянный прокуроръ, бездушный формалистъ, маніакъ фамильной чести и административнаго воздѣйствія, даже лицомъ къ лицу стоя съ Желтиковымъ ничего не понялъ. Зато мужъ Вѣры понялъ и содрогнулся. Онъ понялъ, что тутъ—„громадная трагедія души“, настоящее, большое чувство, такъ органически вытекшее изъ всей природы этого бѣлокураго человѣка „съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ и упрямымъ дѣтскимъ подбородкомъ“, что оборвать эту „безнадежную и вѣжливую любовь“, какъ говоритъ Желтиковъ, можетъ только „одно—смерть“, и онъ дѣйствительно готовъ ее принять „въ какой угодно формѣ“, лишь бы не быть „какимъ-то неудобнымъ клиномъ“ въ „ея“ жизни. Все это понялъ князь Василій; но, человѣкъ долинъ, а не горнихъ высей, онъ растерялся, „не зналъ, какъ себя держать, что дѣлать“, и бездѣйственно далъ довершиться трагедіи. Почуяла нѣчто и Вѣра, ибо въ ту же ночь отвернулась въ постели отъ мужа и сказала ему:

— Оставь меня,—я знаю, этотъ человѣкъ убьетъ себя.

И однако, когда „этотъ человѣкъ“ спросилъ ее по телефону, можно ли ему „хотя изрѣдка ее видѣть, конечно не показываясь ей на глаза“, она отвѣтила:

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣла вся эта исторія! Пожалуйста, прекратите ее какъ можно скорѣе.

И онъ прекратилъ въ тотъ же день, пославъ ей на прощанье, съ разрѣшенія мужа, послѣднее письмо. „Я не виноватъ, что Богу было угодно послать мнѣ такое громадное счастье, любовь къ Вамъ... Для меня вся жизнь заключается только въ Васъ... Я безконечно благодаренъ Вамъ только за то, что Вы существуете... Уходя, я съ восторгомъ говорю: „Да святится имя Твое“. Восемь лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ Васъ въ циркѣ въ ложѣ и тогда же въ первую секунду я сказалъ себѣ: я ее люблю, потому что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее, нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе Васъ и нѣжнѣе... Отъ глубины души благодарю Васъ за то, что Вы были моей единственной радостью въ жизни, единственнымъ утѣшеніемъ, единой мыслью. Дай Богъ Вамъ счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожитъ Вашу прекрасную душу“.

Такъ просто и радостно ушелъ онъ, благословляя ту, которая обрекла его на смерть ради того только, чтобы избавиться отъ пустыхъ и мнимыхъ неудобствъ. И только такая безмѣрная и радостная жертва вновь разверзла тайныя глубины Вѣриной души, и изъ этихъ глубинъ поднялась „нѣжность, которой она въ себѣ вовсе не ожидала“; только тогда вспомнила она и прочувствовала пророческія слова Аносова и „поняла, что та любовь, о которой мечтаетъ каждая женщина,

прошла мимо нея". Она плакала надъ его трупомъ, плакала, слушая музыку, которую онъ ей завѣщалъ, и подъ эту музыку слышала въ своемъ сердцѣ голосъ человѣка, незамѣченнаго, отвергнутаго ею при жизни и ставшаго ей близкимъ и дорогимъ послѣ смерти. Добровольная Голгоѳа, знаменовавшая упраздненіе власти животности, власти смерти силою любви въ сердцѣ любящаго, побѣдила и смерть, которою придавила душу Вѣры ложь обыденщины, воскресила эту душу для новой жизни. Героическая любовь довела свой подвигъ до конца, стяжала себѣ самую желанную, высшую награду. Что, въ самомъ дѣлѣ, выше и драгоцѣннѣе: цѣною жизни купить ночь царицы Клеопатры, или же цѣною жизни вырвать любимую изъ цѣпкихъ когтей уродующей, принижающей буржуазной удовлетворенности и показать ей разъ навсегда, „какъ она прекрасна" воистину?

Мы живемъ въ страшную пору разъѣдающаго скептицизма, когда благородныя вѣрованія недавняго прошлаго объявлены наивнымъ и вреднымъ мечтательствомъ, когда съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, стараются разрушить бодрое идеалистическое пониманіе міра и человѣка. Воскресъ тотъ демонъ, который когда-то терзалъ Пушкина:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его таинственныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Ехидныя нашептыванья демона обволакиваютъ ядовитою клеветою нашу душу, объявляютъ лживыми ея лучшіе порывы, рвутъ и пятнаютъ самыя тонкія психическія ткани и единымъ истиннымъ объявляютъ то грубое, что остается послѣ совлеченія съ человѣка всего, что дѣлаетъ его человѣкомъ. Но вотъ гдѣ торжество высшей правды: если разрушенъ верхній этажъ въ духовномъ зданіи человѣка, то недолго простоитъ и нижній. Вернувшись къ апоѳеозу звѣриности, человѣкъ не можетъ остановиться на немъ: скоро, очень скоро разрушительная работа обрушивается и на грубую часть его существа; звѣриность, лишенная возможности перевоплотиться въ нѣчто высшее, становится ненужной и отвратительной, и гимнъ человѣку-звѣрю быстро смѣняется жаждой небытія и самоистребленія. И это движеніе назадъ, неизбѣжное въ атмосферѣ, гдѣ дискредитировано движеніе

впередъ, дѣлаетъ страшные успѣхи кругомъ насъ. Гдѣ же спасеніе? Только въ воскрешеніи былой вѣры въ безпредѣльность раскрытыхъ для человѣка горизонтовъ, въ побѣдную мощь его духа. Надо понять, что грубое, примитивное есть только подпочва жизни, только матеріалъ, изъ котораго мы можемъ и, слѣдовательно, должны создавать нѣчто духовное и просвѣтленное. Нужно принять идеалистическія устремленія наши какъ нѣчто не менѣе реальное, чѣмъ все поддающееся учету, мѣрѣ, вѣсу, осязанію,—и тогда только вновь расцвѣтетъ радость жизни, воля къ жизни, воля къ труду, борьбѣ и творчеству. Рѣдко кто поднимаетъ теперь голосъ въ защиту такого воззрѣнія. Въ новой повѣсти Куприна я слышу именно такой голосъ, не только смѣлый, но и талантливо убѣдительный. Мнѣ кажется, что всякій, еще не безнадежно одержимый презрительнымъ демономъ, прочтя „Гранатовый браслетъ“, взволнуется непосредственнымъ чувствомъ, лучше и крѣпче всякихъ доводовъ и силлогизмовъ убѣждающимъ въ реальности и высочайшей цѣнности той силы, которою жилъ „смѣшной“ обожатель Вѣры, и причастницею которой онъ сдѣлалъ, въ концѣ концовъ, и свою далекую возлюбленную. Въ этомъ великое и въ высшей степени своевременное общественно-педагогическое значеніе такихъ произведеній, какъ повѣсть Куприна—а въ томъ, что такія вещи могутъ появляться у насъ сейчасъ, я склоненъ видѣть чрезвычайно обнадеживающій симптомъ начинающагося психологическаго поворота въ нашей до нестерпимости сгустившейся атмосферѣ.

Такой же благопріятный симптомъ поворота въ сторону бодрой жизнеспособности видится мнѣ и въ послѣднихъ теоретическихъ замѣткахъ Валерія Брюсова. Мнѣ не разъ приходилось указывать на то пагубное вліяніе, которое имѣла на наше искусство послѣдняго времени оторванность молодыхъ нашихъ художниковъ отъ дѣйствительности и даже возведеніе такой отрѣшенности въ принципъ. Я отмѣтилъ также недавно, что пагубность этого пути засвидѣтельствовали, на основаніи собственнаго горькаго опыта, такіе столпы символизма, какъ Вячеславъ Ивановъ и А. Блокъ. Теперь талантливѣйшій лидеръ модернизма оказывается совершенно согласнымъ съ безспорною для меня точкою зрѣнія. „Поэзія—пишетъ онъ въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“—сильна гармоническимъ сліяніемъ образовъ дѣйствительности съ образами фантазіи, сочетаніемъ наблюденія и мечты. Какъ только искусство отрывается отъ дѣйствительности, его созданія лишаются плоти и крови, блекнутъ и умираютъ. Было время, когда русская поэзія нуждалась въ освобожденіи отъ давившихъ ее оковъ холоднаго реализма. Надо было вернуть исконныя права мечтѣ, фантазіи. Къ сожалѣнію по этому необходимому пути пошли слишкомъ далеко. Молодая поэзія захотѣла летать въ странѣ мечты, отка-

завшись отъ крыльевъ наблюденія, захотѣла синтезировать, не имѣя за собою опыта, фактовъ. Отсюда ея безжизненность и ея подражательность".

Не могу не радоваться такимъ разсужденіямъ Брюсова. Они показываютъ, что въ самомъ кремлѣ нашего экзотизма совершается благотворный, цѣлительный процессъ. Онъ, конечно, не спасетъ маститыхъ творцовъ экзотическаго направленія въ нашей литературѣ, ибо они не столько стали такими въ силу теоріи, сколько обречены были на то самымъ психическимъ складомъ своимъ. При такихъ условіяхъ даже сознаніе безсильно привести къ исправленію, и самъ Брюсовъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этого печальнаго факта. Разставшись съ старыми своими теоріями, онъ въ стихахъ и въ беллетристикѣ все же остается неисправимымъ экзотикомъ, прикрывающимъ безжизненность своего писательства блестящимъ риторическимъ мастерствомъ. Такой характеръ имѣетъ его „психодрама": „Путникъ" въ январьской книжкѣ „Русской Мысли"; таковъ же и послѣдній его разсказъ „Ея рѣшеніе", напечатанный въ пасхальномъ номерѣ „Рѣчи". Недаромъ Брюсовъ увлекся „великимъ риторомъ", римскимъ поэтомъ періода упадка Авсоніемъ, посвятилъ ему обстоятельную и очень дѣльную статью въ мартовскомъ выпускѣ „Русской Мысли" и даже перевелъ нѣсколько его пьесъ. Впрочемъ, переводы эти вызываютъ великое недоумѣніе, какъ могъ замѣчательный виртуозъ стиха допустить въ своихъ переводахъ сплошную неуклюжесть и элементарныя нарушенія просодіи. Вотъ характерный примѣръ:

Тщетно, что̀ ты стремишься лицо даровать мнѣ, художникъ?
Взорамъ безвѣстную, ты мнишь ли богиню заклясть?

Въ первомъ гекзаметрѣ совершенно недопустимая въ русскомъ языкѣ разстановка словъ. Во второмъ пентаметрѣ цезура попала совсѣмъ не на мѣсто. Или такой стихъ:

И, здѣсь кто погребенъ, Метеллъ, или Марцій, иль Марій?

Опять напряженная разстановка словъ, да кромѣ того еще необходимость по размѣру поставить удареніе на первомъ „И", въ то время, какъ при естественной читкѣ ударенія раньше, чѣмъ на словѣ „кто", не получится.

Неужели и риторское искусство начинаетъ уже измѣнять своему любимцу. Впрочемъ, мы и не ждемъ болѣе отъ Брюсова значительныхъ художественныхъ произведеній: онъ, повидимому, далъ уже все, что могъ дать, исчерпалъ кругъ своихъ истинныхъ вдохновеній. Но для его тонкаго вкуса, широкой образованности и рѣдкой художественной опытности открывается новая дорога—руководителя молодыхъ

дарованій, и на этомъ пути онъ много можетъ сдѣлать, утвердившись на тѣхъ принципахъ, которые я только что процитировалъ. Завершивъ, такимъ образомъ, одну полосу литературы своей художественной дѣятельностью, онъ, какъ критикъ, поможетъ нарожденію новой полосы, осуществить которую онъ не въ силахъ по своему психическому складу, но основныя задачи которой онъ угадываетъ совершенно вѣрно: союзъ мечты съ жизнью, идеализмъ, вырастающій изъ чуткаго прислушиванія къ дѣйствительности и остраго ея воспріятія. Къ счастью для нашей литературы, она издавна уже выростала на этомъ корнѣ и, въ цѣломъ своемъ составѣ, никогда не порывала связи съ этой благородной и плодотворной традиціей, даже въ періодъ наибольшаго расцвѣта экзотическаго теченія. Существованіе такихъ писателей, какъ Купринъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ непрерывности нашей литературно-художественной традиціи.

С. Адріановъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Жизнь уѣзднаго города.—Обнаженность шпіонажа.—Безсиліе охранниковъ.—Настроеніе обывателя.—Ожиданіе войны.—Значеніе тюрьмы для народныхъ массъ.—Слухи объ амнистіи.—Казенная земельная реформа, введшая въ соблазнъ и обманъ мѣщанъ.—Союзники въ провинціи.—Уѣздное купечество и войско.

Капля морской воды даетъ понятіе о главныхъ свойствахъ всего океанскаго бассейна. Вѣроятно, въ любомъ мѣстечкѣ Россіи опредѣленно чувствуются боли и заботы отечественной государственно-народной жизни. Мнѣ пришлось довольно отчетливо почувствовать это, когда я прожилъ нѣсколько дней въ уѣздномъ городѣ Вольскѣ, Саратовской губерніи. При обычныхъ условіяхъ любопытствующаго туриста, конечно, за нѣсколько дней въ чужомъ городкѣ поймешь и увидишь весьма немного. Но здѣсь были условія исключительно благопріятныя. Городъ извѣстенъ мнѣ съ дѣтства, прожито въ немъ было добрыхъ полжизни, пріятели и добрые знакомые имѣются во всѣхъ слояхъ населенія. Поэтому охотно, торопливо, съ нѣкоторой жадностью читалъ я страницы мѣстной жизни, а живая книга развертывалась предо мной не туго, какъ обычно, а просто и довѣрчиво.

Связь городка съ общегосударственной жизнью почувствовалась мною немедленно въ видѣ довольно грязной ниточки. Сидѣлъ я въ магазинѣ купца-старообрядца и мирно бесѣдовалъ съ нимъ на рели-

гіозную тему, какъ вдругъ замѣтилъ, что хозяинъ, замолчавъ, со странной усмѣшкой всматривается въ окно магазина.

— А за вами уже слѣдъ есть,—сказалъ онъ, улыбаясь сложной улыбкой, въ которой была и гадливость, и гордость за что-то, и тѣнь опасенія.—Охотникъ за дичью появился.

— Ну, полноте,—не повѣрилъ я и даже съ сожалѣніемъ подумалъ: „И здѣсь та же болѣзнь—шпіономанія".

— А вотъ посмотрите,—спокойно сказалъ купецъ,—сейчасъ опять мимо пойдетъ и въ окно заглянетъ.

Минуты полторы съ молчаливымъ ожиданіемъ глядѣли мы въ окно.

— Вотъ, вотъ!—съ торопливымъ удовольствіемъ сказалъ хозяинъ. По троттуару замедленно шелъ, заглядывая въ окна и стеклянную дверь, невзрачный парень въ мохнатой папахѣ, изъ-подъ которой уныло торчали рыжіе усы.

— Прошелъ! Сейчасъ назадъ пойдетъ!—съ оживленіемъ говорилъ купецъ.

— А почему же вы думаете...

— Ну, вотъ! Знаемъ мы ихъ наперечетъ.

Пока шелъ нашъ разговоръ, мохнатая папаха нѣсколько разъ мелькала подъ окнами, и рыжіе усы безсмысленно заглядывали въ стекло,—безсмысленно потому, что съ яркой, солнечной улицы ничего нельзя было разглядѣть въ полутемномъ магазинѣ, а себя соглядатай демонстрировалъ отчетливо. Мнѣ показалось, что купецъ, несмотря на презрительный смѣшокъ, чувствовалъ себя стѣсненно, и я распрощался съ нимъ. Переходя черезъ пустынную базарную площадь, я уже не могъ не видѣть, что за мной плетется издали сумрачная фигура въ папахѣ. Зайдя въ лавку къ другому торговцу, я предупредилъ разговорчиваго, привѣтливаго хозяина: „Мнѣ тутъ указали, будто бы за мной сыщикъ ходитъ".

— А какой онъ на видъ?

— Въ черной, мохнатой шапкѣ, съ рыжими усами.

— А, это Петька,—равнодушно сказалъ торговецъ и продолжалъ прежній разговоръ. Но такъ какъ мнѣ любопытно было узнать кое-что о мѣстномъ шпіонскомъ бытѣ, то я попросилъ собесѣдника вернуться къ этой темѣ.

— Мм... Да что же. Ходитъ вотъ,—съ затрудненіемъ, какъ о чемъ-то неинтересномъ, мелкомъ и повседневномъ, говорилъ торговецъ.—Да. Это Петька. Ходитъ. Хлѣбъ зарабатывать надо. Рабочимъ былъ, лѣвыя рѣчи говорилъ. А потомъ безъ мѣста остался, никуда не приткнулся, обголодался. „Я, говоритъ, и самъ не радъ этимъ паскудствомъ заниматься. Да что-же, коль никакой работенки нѣтъ".

Тридцать рублей платятъ. Гулять по улицамъ — дѣло немудреное. Лѣтомъ на пароходныя пристани ходитъ. Зимой на вокзалъ.

— Ну, что же, выслѣживаетъ и доноситъ?

— Да должно быть. Какъ ужъ у нихъ тамъ полагается. Да врядъ-ли толкъ большой есть. Ежели кучкой народъ говоритъ, онъ издали кружитъ. Съ опаской. Всѣ его знаютъ, что̀ за человѣкъ, и побить недолго. Съ Петькой у насъ ихъ трое. У всѣхъ на виду и ходятъ.

Когда я вышелъ изъ лавки, человѣкъ въ папахѣ стоялъ на углу съ городовымъ. Я близко прошелъ мимо нихъ. Городовой взглянулъ на меня ясными, равнодушными глазами невиннаго человѣка, а соглядатай угрюмо отвернулся, и на лицѣ его мнѣ почудилась гримаса стыда и отвращенія къ своей незавидной роли.

Вольскъ — тихій, глухой, заурядный городокъ. Люди работаютъ, торгуютъ. Жизнь идетъ медленно, неслышно. Улицы пустынны, дома объяты невозмутимой тишиной. И въ такой обстановкѣ ясно видишь полную безпомощность правительства, желающаго стеречь настроенія населенія и направлять ихъ въ желательное русло. Самыя тонкія и самыя неприглядныя нити казеннаго надзора обнажены и видимы здѣсь въ силу неизбѣжной простоты жизни. По истинѣ отчаянно положеніе шпика, который ходитъ по безлюднымъ улицамъ среди мирно работающаго люда и видитъ, что на него насмѣшливо, брезгливо смотрятъ изъ дверей магазиновъ, изъ оконъ домовъ, а встрѣчные отвертываются съ явной гримасой: „Фу, гадина!“ Это—живая прокламація, понемногу, но вѣрнымъ способомъ сѣющая въ населеніи раздраженіе противъ правительства. Подстеречь же, подслушать, уличить этотъ слуга государства почти не въ состояніи. Ни въ брошюрахъ, ни въ агитаціонныхъ листкахъ городокъ не нуждается. Мысль шлифуется и политическое сознаніе яснѣетъ въ неуловимыхъ разговорахъ за чайнымъ столомъ, при чтеніи столичныхъ газетъ и журналовъ, въ бѣглыхъ бесѣдахъ на улицѣ, у прилавка магазиновъ. Неуловимо и ненаказуемо. И, конечно, только съ отчаянія можно дѣлать такія вещи: темнымъ вечеромъ обыватель, разстегнувъ воротъ рубашки, въ благодушномъ уединеніи пьетъ чай. Вдругъ распахивается ставня, и къ стеклу приникаетъ унылая, перекошенная физіономія. Бѣдный шпикъ зарабатываетъ казенное жалованье!.. Обыватель угрожающе подходитъ къ окну, и на темной, пустой улицѣ слышны убѣгающіе шаги.

Между тѣмъ, выражаясь недавнимъ, шаблоннымъ языкомъ, городъ „распропагандированъ“ сверху до дна. Кто это сдѣлалъ и когда—неизвѣстно; вѣрнѣе—что никто изъ отдѣльныхъ людей, а сама жизнь совершила переворотъ въ обывательскихъ умахъ. Партійныхъ раздѣленій почти нѣтъ, но вся масса населенія, за ничтожными исключеніями, охвачена прочнымъ и несомнѣннымъ оппозиціоннымъ настрое-

ніемъ. Переходя изъ одного тихаго дома въ другой и бродя по пустыннымъ улицамъ, съ изумленіемъ убѣждаешься, что духъ населенія настороженъ, растревоженъ, раздраженъ и какъ будто въ какомъ-то ожиданіи. Былъ я въ городкѣ какъ разъ въ тѣ мартовскіе дни, когда съ часу на часъ ожидалось объявленіе войны съ Китаемъ, и это ожиданіе зажигало населеніе внутреннимъ, глухимъ огнемъ. У моихъ собесѣдниковъ мрачно сдвигались брови на лбу, и рѣчи звучали сурово и нешуточно. Обычно раздавались неясныя, но предостерегающія фразы: „Будетъ ужъ... Глупы были передъ японцами... Довольно навоевались...“ Можетъ быть, та же мрачная тѣнь ожидаемой войны обостряла вообще настроеніе многихъ моихъ собесѣдниковъ, такъ какъ отъ самыхъ мирныхъ людей приходилось слышать неожиданныя лѣвыя рѣчи. Встрѣчаешь, напримѣръ, на улицѣ пожилого мѣщанина. Благодушное лицо въ широкой сѣдѣющей бородѣ какъ будто знакомо. Онъ тоже вглядывается, здоровается, и начинается такой разговоръ:

— Что же, долго будемъ такую канитель тянуть?—задумчиво и вопросительно говоритъ онъ,—дождемся что-ли хорошихъ-то временъ?

— Да ужъ не знаю. Можетъ быть, дождемся.

— Мужики плохо пятками топаютъ,—неожиданно, съ хитроватой улыбкой говоритъ мѣщанинъ,—затопали бы, сиволапые...

И дальше рѣчь его продолжается въ такомъ тонѣ, что невольно оглядываешься, далеко ли маячитъ унылая фигура въ мохнатой папахѣ.

На одномъ перекресткѣ увидѣлъ я стараго знакомаго мастерового, который оживленно разговаривалъ съ городовымъ. Оба они горячо размахивали руками, а третій собесѣдникъ, сѣдой старикъ-мѣщанинъ, съ видимымъ сочувствіемъ молча ихъ слушалъ. Мастеровой прервалъ бесѣду, увидя меня, и, распростившись съ городовымъ и старикомъ, пошелъ со мной.

— Ну, какъ въ Петербургѣ? Что слышно? — озабоченно спросилъ онъ.

— Насчетъ войны? — переспросилъ я, догадываясь, такъ какъ обычно всѣ спрашивали первымъ дѣломъ о войнѣ.

— Да. Будетъ или нѣтъ? Не дай Богъ, въ случаѣ чего... Вотъ полицейскій сейчасъ жаловался. Тоже вѣдь не позавидуешь. Жилъ до японской войны своимъ хозяйствомъ. Потребовали на войну запасныхъ, и его угнали. Вернулся назадъ, туда-сюда, мѣстовъ нѣтъ, вездѣ занято, свое дѣло разъѣхалось. Хоть суму надѣвай. Жена, дѣтишки... Кое-какъ пристроился въ полицію. А теперь, слышь, опять война. Срокъ запасу ему не вышелъ. Опять угонятъ. „Что же это, говоритъ, за жисть такая? Пропадать, значитъ? Да ужъ если, говоритъ, пропадать, такъ было бы за что...“

И дальше мастеровой сталъ передавать весьма немирныя рѣчи городового.

— У насъ теперь, — продолжалъ мастеровой, человѣкъ пожилой, смирный и богобоязненный,—всѣ запасные въ родѣ этого поговариваютъ. „Нѣтъ ужъ, говорятъ... Будетъ ужъ...“

На улицѣ и въ домахъ, повсюду, какъ только рѣчь заходила о войнѣ, бесѣда принимала мрачный, зловѣщій характеръ. И сначала слушалъ я смутныя угрозы съ любопытствомъ и недовѣрчиво, а затѣмъ стала мной овладѣвать жуть. Готовъ ужъ я былъ, вмѣстѣ со стариками-мѣщанами, при первыхъ словахъ о войнѣ говорить: „Не дай Богъ эту войну“, потому что прежде всего мерещилось не далекое кровопролитіе съ китайцами, а собственное, новое внутреннее потрясеніе страны, судорожное, ослѣпленное раздраженіемъ...

А пока въ недоступной и невидимой глуби тлѣютъ, то потухая, то разгораясь, грозящіе огоньки, по улицамъ, съ унылой усталостью, ничего не видя, ничего не слыша, бродитъ соглядатайская фигура въ папахѣ. Еще меньше видитъ и слышитъ ближайшая надъ папахами уѣздная власть. И когда она начинаетъ проявлять энергію, то дѣйствуетъ вкривь и вкось, смѣша обывателей. Въ Вольскѣ, напримѣръ, обитаетъ одна культурная дама. Живетъ она мирно и скромно, пропагандой никакой не занималась и не занимается, но такъ какъ она все-же головой выше другихъ уѣздныхъ барынь, то мѣстный надзоръ счелъ ее чуть ли не за самую опасную особу въ городѣ. За ней не только неусыпно слѣдятъ, но недавно новое начальство даже приняло экстренныя мѣры: черезъ директоровъ учебныхъ заведеній было внушено подначальнымъ лицамъ, чтобы они прекратили опасное, тлетворное знакомство съ этой дамой. Изъ подначальныхъ лицъ кое-кто изъ робкихъ промолчали, но были и такіе разговоры: „Такъ ужъ вы, для вашей собственной пользы, — говоритъ начальникъ учебнаго заведенія одному изъ учителей,—прекратите это знакомство. Я, конечно, понимаю... Мм... И съ моей стороны, конечно, никакихъ бы... Но вѣдь вы знаете этихъ людей. Они могутъ добиться вашего увольненія...“— „Хорошо, пусть добиваются увольненія,—твердо отвѣтилъ учитель,— но я этого знакомства прекращать не буду“.— „Ну, вы человѣкъ взрослый... хе-хе-хе!..—замялось начальство,—вы ужъ сами знаете...“— „Да, я человѣкъ взрослый — и самъ знаю, съ кѣмъ знакомство продолжать или прекращать“.

Въ результатѣ дѣйствій охраннаго чина смѣхъ и злорадство обывателей, а въ затронутыхъ лицахъ, и въ робкихъ, и въ храбрыхъ, будится усиленное раздраженіе.

Если вѣрить мѣстнымъ интеллигентнымъ наблюдателямъ, то настроеніе крестьянъ въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ еще оппози-

ціоннѣе, чѣмъ въ городѣ. А главное—здѣсь выясняется и крѣпнетъ политическое самосознаніе.

— Послѣ революціи никакихъ плюсовъ не получилось, третья Дума ровно ничего не сдѣлала,—разсуждаютъ мѣстные интеллигенты,—но вотъ несомнѣнный плюсъ: крестьянъ теперь узнать нельзя. Они твердо усвоили такія вещи, о которыхъ раньше и понятія не имѣли. Иные мужики разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ хоть бы и нашему брату въ пору. Откуда что берется. И все это пошло съ 1905-го года. Глаза открываются. И уже, должно быть, не закроются, а шире и зорче раскроются. Вотъ это настоящій плюсъ.

У города и сосѣднихъ селъ есть одинъ общій центръ, гдѣ невольно встрѣчаются городскіе и деревенскіе люди и куда тянутся нити городского и деревенскаго вниманія: это — мѣстный острогъ. Людей все сажаютъ и сажаютъ, выпускаютъ и снова сажаютъ. Тюрьма сдѣлалась привычной, какъ привычна дѣлается эпидемическая болѣзнь, въ родѣ холеры, надолго поселившаяся въ одномъ горемычномъ мѣстѣ: страха къ привычной бѣдѣ уже нѣтъ, но копится и копится недовольство и раздраженіе. Какъ и вездѣ, деревню Вольскаго уѣзда тревожитъ казенная отрубно-хуторская реформа. Въ городѣ мнѣ пришлось слышать такіе отголоски:

— И что съ народомъ дѣлаютъ, просто бѣда! — сѣтовалъ сѣдой мѣщанинъ-ремесленникъ:—намеднись пригнали мужиковъ въ острогъ сразу больше ста. У нихъ, видишь, сажаютъ на обруба. Ну, которые хотятъ, которые не хотятъ. Поспорили, значитъ, промежъ себя. Обрубникамъ, видишь, землю-то выдѣлили, а прогона для скота нѣтъ. Они просятъ, а имъ не даютъ. Туды-суды, споръ, галдежъ, до драки дошло. Ну, поспорили, утряслось бы. А тутъ и нагрянули, давай хватать. Цапали кого попало. Которые мужики съ базара пріѣхали, и дома-то дня два не были, ничего и не знаютъ — и ихъ похватали. Пригнали въ острогъ, сидятъ теперь. Ну, что же это такое?

Этотъ мирный, тихій старикъ потому говорилъ о тюрьмѣ съ особенной, болѣзненной горечью, что младшій членъ его собственной семьи угнанъ въ саратовскую тюрьму. Острогъ и ссылка продолжаютъ играть въ русской жизни чрезвычайную роль. Это не только чаша горя, полная до краевъ, но и тяжелая школа перевоспитанія массъ. У всѣхъ ссыльныхъ, у всѣхъ заключенныхъ остаются отцы, матери, братья, сестры, свояки, всякіе родственники и друзья. И оказывается, что тюрьма сдѣлалась какимъ-то объединительнымъ духовнымъ центромъ. Протянулись нити, которыя объединяютъ общими интересами многотысячныя массы населенія. То жили люди въ одиночку, мирно и глухо, а теперь личная бѣда заставляетъ знакомиться съ общероссійскими дѣлами, заставляетъ говорить съ другими объ общемъ зло-

получіи, заставляетъ жаловаться и критиковать. А такъ какъ собственныя дѣти, друзья и родственники, попавшіе въ тюрьму или въ ссылку, все же ближе по духу, чѣмъ далекое правительство, то ясно, въ какую сторону должно клониться пробудившееся политическое самосознаніе широкихъ массъ.

Но, конечно, все это идетъ и проявляется, по большей части, въ спутанныхъ, сложныхъ и неожиданныхъ формахъ. Въ одномъ домѣ, среди гнѣвнаго, обостреннаго разговора по адресу правительства, выплыла, напримѣръ, наивная мечта. Въ эти дни какъ-разъ предсѣдатель совѣта министровъ подалъ въ отставку, и было общее ожиданье какихъ-то перемѣнъ. Одинъ изъ ожесточенныхъ собесѣдниковъ, бородатый мѣщанинъ, внезапно разгладилъ хмурое лицо, какъ-то по дѣтски просіялъ, очевидно вспомнивъ нѣчто хорошее, и вполголоса спросилъ меня, нагнувшись поближе:

— А вотъ у насъ слушокъ прошелъ, будто въ газетахъ напечатано—правда аль нѣтъ? — будто, значитъ, Столыпинъ потребовалъ ослобонить всѣхъ страдающихъ, это, по тюрьмамъ? И будто, говоритъ, больше этакъ нельзя. Надо, говоритъ, что ни есть сдѣлать для черняди, а то, говоритъ, я не согласенъ и больше оставаться не желаю. Землю, говоритъ, стало быть, надѣлить и насчетъ правовъ тоже, чтобы полегче, а первое дѣло, говоритъ, остроги отворить. Правда аль нѣтъ? А?

У самого вопрошателя томился въ тюрьмѣ зять, и рядомъ въ комнатѣ жались осиротѣвшія жена заключеннаго и дѣти. Тяжело было, поэтому, глядѣть на истомленное лицо старика, дѣтски просіявшее отъ наивныхъ слуховъ. Поучительно лишь то, что живая жизнь сплетаетъ въ одинъ клубокъ и ожесточенную борьбу, и ненависть, и дѣтскую вѣру въ мягкое человѣческое сердце, въ торжество справедливости.

Относительно капризовъ и изломовъ жизни пришлось подивиться въ Вольскѣ еще по одному случаю. Нельзя было предвидѣть, чтобы отрубно-хуторская реформа, пробующая расцвѣсти по деревнямъ, могла перекинуть свои соблазны и на городское населеніе. Между тѣмъ, мнѣ пришлось присутствовать при такой сценкѣ. Сидѣлъ я въ „присутствіи“ мѣщанской управы и разговаривалъ съ мѣщанскимъ старостой. Отворяется дверь, и гурьбой, подталкивая и подбодряя другъ друга, вваливаются семь-восемь бородатыхъ мужиковъ. Становятся они въ рядъ передъ столомъ старосты, мнутся, молчатъ, смотрятъ съ натугой, шевелятъ мохнатыми бровями.

— Ну, что скажете хорошенькаго?—спрашиваетъ староста.

Мужики переступили съ ноги на ногу, взглянули другъ на друга, и потомъ двое или трое заговорили сразу:

— Мы не согласны. Мы этого не желаемъ.

— Требуютъ теперь, стало быть, посемейные списки, а мы давать не согласны.

— Нѣтъ нашего согласія. Мы всѣмъ обществомъ постановили...

— Мы бумагу въ сенатъ послали...

Должно быть, дѣло было старостѣ давно знакомо, потому что онъ, плохо слушая и нетерпѣливо перебивая мужиковъ, говорилъ имъ:

— Мы въ этомъ дѣлѣ ничего сдѣлать не можемъ. Сказано вамъ. Подали бумагу и ждите: рѣшеніе выйдетъ.

— Да какъ же тутъ... Мы ждать согласны, а урядникъ говоритъ: „дай—подай...“ Отдавать мы не согласны...

— „Давай, говоритъ, посемейные списки, а то, говоритъ, пріѣдетъ приставъ со стражниками, хуже будетъ, силой возьмемъ“. Какъ же это?

Староста и письмоводитель его глядѣли въ сторону отъ мужиковъ, съ тусклой скукой на лицѣ.

— Къ намъ это дѣло не относится,—отмахивались они отъ мужиковъ,—раньше бы думали. Сами виноваты. Сами напросились.

Мужики, увидя нѣкоторый интересъ на моемъ лицѣ, повернулись ко мнѣ, вынули бумаги. Изъ длиннаго, сбивчиваго разсказа дѣло кое-какъ стало для меня выясняться. Мужики эти—вольскіе мѣщане, но живутъ они вмѣстѣ со многими другими за Волгой на хуторахъ, занимаясь хлѣбопашествомъ и арендуя для этого городскую землю. По ихъ словамъ, случилось слѣдующее. Пріѣхалъ къ нимъ земскій начальникъ и сказалъ: „Охота вамъ платить такую высокую арендную цѣну за землю. Теперь правительство очень заботится о крестьянахъ. Подавайте прошеніе о перечисленіи васъ въ крестьяне. Я васъ пересажу на отрубно-хуторское хозяйство и отрѣжу вамъ городскую землю. Теперь вы платите по тридцати рублей за десятину, а тогда она ваша будетъ“. Мужики повѣрили, соблазнились и со всѣхъ хуторовъ составили приговоры о перечисленіи ихъ въ крестьяне. Перечисленіе воспослѣдовало—но тутъ выяснилось, что городская земля, какъ и слѣдовало ожидать, осталась при городѣ, а новые крестьяне оказались въ безземельномъ, воздушномъ пространствѣ. Положеніе получилось тѣмъ болѣе непріятное, что городъ свою землю обычно сдаетъ только вольскимъ мѣщанамъ-земледѣльцамъ. Поэтому отпавшіе въ крестьянство хуторяне-мѣщане могли получить отъ города отказъ даже при желаніи продолжать за ту же цѣну аренду прежней земли. Значитъ, сноси постройки и уходи куда хочешь. Многіе изъ хуторянъ спохватились и бросились хлопотать, нашли адвоката, послали прошеніе въ сенатъ объ обратномъ перечисленіи ихъ въ мѣщане. Между тѣмъ, по ихъ словамъ, полиція требуетъ съ нихъ посемейные списки, грозитъ стражниками и нагайками и вообще желаетъ превратить ихъ въ кре-

стьянъ. Ошибся ли тутъ не въ мѣру усердный земскій начальникъ, или плохо поняли его и ошиблись мужики, но дѣло получалось глупое, запутанное, грозящее осложненіями.

— Посемейныхъ списковъ не дадимъ. Такъ пускай и знаютъ — упрямо твердили мужики, какъ будто въ этихъ посемейныхъ спискахъ была ихъ послѣдняя защита.

Не получивъ отъ старосты никакого утѣшенія, мужики вышли изъ мѣщанской управы; но одинъ хуторянинъ, видимо желая доказать, что онъ былъ проницательнѣе другихъ, долго еще оставался и съ жаромъ передавалъ свои разговоры съ земскимъ начальникомъ:

— Онъ мнѣ, это, и говоритъ: „Вотъ, скажемъ, у тебя въ городѣ домъ, а ты переѣхалъ жить за Волгу. Можешь ты этотъ самый домъ продать?“—Могу, говорю.—„Вотъ этакъ же и земля эта самая. Переходишь ты въ крестьяне, и она съ тобой переходитъ. Хошь—паши, хошь—продавай“.—А вотъ, говорю, ваше благородіе,—а самъ, значитъ, беру его этакъ вотъ за рукавъ мундира,—могу я, говорю, ваше благородіе эту штуку продать?—„Нѣтъ, говоритъ, не можешь“.—Какъ же, говорю, могу я теперь, стало быть, землю продать, ежели она городская?“ Онъ мнѣ на это никакого отвѣту. Всталъ это; „подайте-ка, говоритъ, шинель, мнѣ съ вами разговаривать некогда, домой ѣхать пора“. Съ тѣмъ и уѣхалъ, да съ той поры больше и не показывался.

— То-то, вотъ, раньше бы умнѣе были!—укоризненно подтвердилъ староста.

Такимъ образомъ значительное число вольскихъ мѣщанъ постигло такое горькое счастье, что въ ихъ политическомъ воспитаніи приняла участіе и казенная земельная реформа, предназначенная исключительно для крестьянъ. Волей-неволей, мѣщане-хуторяне принуждены вкривь и вкось толковать о дѣйствіяхъ правительства и вѣдаться съ непомѣрнымъ усердіемъ земскихъ начальниковъ, урядниковъ, приставовъ и стражниковъ.

Довольно странную и неожиданную роль играетъ въ Вольскѣ мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа. Это—единственная здѣсь дѣйствующая народная организація, и дѣйствія ея въ значительной степени пропитаны демократическимъ духомъ. Конечно, въ головахъ союзниковъ царитъ большой сумбуръ и въ общемъ они сами не знаютъ, чего хотятъ и къ чему стремятся; но фактически главныя ихъ усилія направлены на мѣстныя дѣла и сводятся къ защитѣ интересовъ мѣщанства противъ купечества, засѣдающаго въ городской думѣ. Между прочимъ отдѣлъ союза своими хлопотами очень посодѣйствовалъ тому, что для Вольска понизили городской избирательный цензъ съ тысячи рублей до трехсотъ — несомнѣнный шагъ по демократическому

пути. Относительно общей политики отдѣлъ, видимо, слабъ и петербургскими теченіями совсѣмъ не заинтересованъ. Одинъ изъ союзниковъ съ удовольствіемъ гулялъ со мною по городу, откровенно обо всемъ разсказывая. Я спросилъ его:

— А Дубровину телеграммы посылали?

— Какому Дубровину?—съ недоумѣніемъ переспросилъ онъ. Изъ дальнѣйшаго разговора я убѣдился, что о петербургскихъ вождяхъ союза онъ не имѣетъ никакого понятія и нисколько ими не интересуется. Всѣ мысли его направлены на мѣстныя дѣла, и о дѣятельности союза въ этой области онъ говорилъ долго и не безъ хвастовства.

— Да, много людей выручили. Какъ что — сейчасъ телеграмму губернатору, министрамъ. Оттуда приказъ: отмѣнить немедленно.

— А стоило ли хлопотать,—шутя спросилъ я,—можетъ быть, жуликовъ освобождали?

— Нѣтъ, не жуликовъ, — спокойно, не обидясь отвѣчалъ мой собесѣдникъ, — зачѣмъ же. За хорошихъ людей заступались. Бѣда со всякимъ можетъ приключиться.

Мнѣ даже показалось, что союзникъ не безъ гордости гуляетъ со мной по улицамъ, съ довольнымъ видомъ раскланиваясь со встрѣчными обывателями. Поэтому я въ шутку спросилъ одного торговца, близко наблюдающаго мѣстныхъ союзниковъ:

— А что, еслибы трудовики первой Думы опять выставили свою кандидатуру на выборахъ въ четвертую Думу, сталъ бы за нихъ голосовать союзъ русскаго народа?

Торговецъ подумалъ и серьезно отвѣтилъ:

— Весь отдѣлъ, не знаю, сталъ ли бы голосовать, а половина союзниковъ, навѣрное, голосовали бы.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что о союзникахъ, разсѣянныхъ по уѣзднымъ городамъ и вообще по провинціи, не слѣдуетъ судить по столичному или одесскому шаблону. Темно и запутанно въ этой средѣ, но въ то же время какъ будто есть и какія-то здоровыя общественныя струйки. Въ нѣкоторыхъ городахъ, можетъ быть, отдѣлы союза попросту окажутся подготовительнымъ классомъ общественнаго воспитанія для совершенно сырыхъ, невѣжественныхъ массъ. Любопытно, что черезъ нѣсколько дней подтвержденіе такого взгляда мнѣ пришлось услышать въ Саратовѣ отъ лица, близко изучавшаго саратовскихъ союзниковъ. Онъ говорилъ:

— Въ населеніи послѣ революціи всколыхнулся интересъ къ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ, а исхода никакого нѣтъ. Всякія общества и собранія воспрещены. А союзники собираются, когда хотятъ, и говорятъ, о чемъ вздумается. И не все у нихъ плохо.

Иной разъ какія рѣчи раздаются и насчетъ городскихъ дѣлъ, да и насчетъ правительства! Они вѣдь и съ министрами не церемонятся. Конечно, говорятъ и чушь всякую, евреевъ поносятъ и прочее. Но это, мнѣ кажется, пустая словесность. А вотъ навыки общественные создаются, люди привыкаютъ интересоваться широкими, общими вопросами, кое-чему постепенно научаются. Все это не безъ пользы для дальнѣйшаго.

Конечно, слишкомъ оптимистически въ эту сторону глядѣть не слѣдуетъ. Нельзя забывать, что всего нѣсколько лѣтъ назадъ отсюда выкатывались погромныя волны. Но жизнь вѣчно мѣшаетъ черное съ бѣлымъ, злое съ добрымъ, и разные сюрпризы можетъ поднести она изъ одного и того же мѣста. Маленькимъ примѣромъ служитъ Иліодоръ, доставившій, со своей организованной черной сотней, вмѣсто удовольствія, много огорченій правительству.

Самымъ спокойнымъ и уравновѣшеннымъ классомъ населенія въ Вольскѣ, какъ и вездѣ, является, разумѣется, купечество. Но и оно втянуто въ значительныя общественныя тревоги. Городокъ Вольскъ небольшой и бюджетъ у него крохотный, а тутъ вдругъ свалился на городъ новый громадный и неожиданный расходъ: въ городѣ водворили два батальона войскъ.

— Мы бы войску рады,—жаловался мнѣ купецъ-гласный,—что же, пускай, отъ него доходъ городу. Да вотъ бѣда, казна на свой счетъ казармъ строить не хочетъ. Пріѣзжалъ къ намъ нѣсколько разъ губернаторъ со своимъ чиновникомъ и все насъ уговаривали войска принять и казармы на свой счетъ выстроить. Ну, что же, говорить при губернаторѣ языкъ не повертывается. Три раза голосовали. Какъ ежели закрытая баллотировка—большинство противъ, а открытая — робѣемъ, большинство за губернатора. Въ концѣ концовъ, открытой баллотировкой и порѣшили. Кое-кто хотѣлъ было ротъ раскрыть, ну, побоялись. Пошелъ еще слушокъ, что пообѣщано, кто ежели изъ гласныхъ супротивъ, изъ города будетъ высланъ. Правда ли, нѣтъ ли, а понапугались.

Войско было по городу распредѣлено. За неимѣніемъ казармъ, пока заняты солдатами народныя школы и амбулаторія, построенная на спеціально пожертвованныя средства умершаго купца Глуховцева. Гласные хотѣли даже очистить для войска недавно построенное прекрасное зданіе женской гимназіи, но въ городѣ съ такимъ изумленіемъ и отчаяніемъ встрѣтили это извѣстіе, что отъ проекта отказались. На постройку казармъ, по приблизительному разсчету, городу придется израсходовать около милліона рублей. Денегъ нѣтъ. Надо заключать заемъ или изыскать иные пути. Во всякомъ случаѣ мысль обывателя и съ этой стороны вовлечена въ кругъ невеселыхъ

размышленій, принудительно-воспитательныхъ въ общественно-политическомъ смыслѣ.

На примѣрѣ Вольска, мнѣ кажется, довольно ясно чувствуется, какъ всѣ наши города и мѣстечки пронизаны нервными нитями, соединяющими ихъ съ петербургскимъ центромъ, и какъ эти нервы болѣзненны и чувствительны. Если внѣшнее „успокоеніе“ и достигнуто (немалою цѣной), то внутренняго, подлиннаго спокойствія далеко не имѣется. Наоборотъ, тревожное напряженіе идетъ вширь и вглубь.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта.—Допустима ли медленность въ движеніи законопроекта, вносимаго на основаніи ст. 87-й?—Гипербола, извращающая перспективу.—Спорное опредѣленіе „двигателя“ правительственной работы.—Своеобразное пониманіе закономѣрности.—Увольненіе директора женскаго медицинскаго института.—Московскій съѣздъ фабричныхъ врачей.—Общая причина многихъ прискорбныхъ явленій.

Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, прошло уже немало времени послѣ того какъ предсѣдатель совѣта министровъ далъ отвѣтъ на запросъ Государственнаго Совѣта—отвѣтъ, не убѣдившій большинство верхней палаты. Возвращаться къ юридическимъ вопросамъ, подробно разобраннымъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ нашемъ внутреннемъ обозрѣніи и въ статьѣ М. М. Ковалевскаго, было бы несвоевременно; но еще не поздно коснуться нѣкоторыхъ частей рѣчи П. А. Столыпина, бросающихъ яркій свѣтъ на будущее, какимъ оно рисуется въ глазахъ министерства. Не поздно также сопоставить слова предсѣдателя совѣта министровъ съ дѣйствіями, совершившимися послѣ 1-го апрѣля. Начнемъ съ послѣдняго.

Статья 87-ая—читаемъ мы въ рѣчи П. А. Столыпина—„не даетъ правительству права и возможности законодательствовать внѣ всякаго контроля законодательныхъ учрежденій. Всякая мѣра, принятая въ порядкѣ 87-ой статьи, *черезъ два мѣсяца* должна быть представлена на обсужденіе Государственной Думы и затѣмъ пройти весь циклъ нашего законодательнаго оборота... Правительство должно было бы быть уже слишкомъ легкомысленнымъ, неосмотрительнымъ, чтобы искусственно создавать конфликты, проводя въ жизнь страны такія мѣропріятія, которыя для законодательныхъ учрежденій непріемлемы

и которыя должны вызвать разрушеніе ихъ черезъ нѣсколько времени". Еслибы министерство П. А. Столыпина дѣйствительно хотѣло избѣгать конфликтовъ съ законодательными учрежденіями, ему слѣдовало бы, прежде всего, безусловно отказаться отъ мысли о проведеніи, въ порядкѣ статьи 87-ой, законопроектовъ, только что отклоненныхъ одною изъ палатъ; вѣдь это уже само по себѣ создаетъ конфликтъ или, по меньшей мѣрѣ, дѣлаетъ его въ высокой степени вѣроятнымъ. Статья 87-ая предусматриваетъ, очевидно, только такіе случаи, когда объ отношеніи палатъ къ временному закону возможны лишь догадки — когда палаты распущены и будущій ихъ составъ еще неизвѣстенъ, или когда чрезвычайное обстоятельство, требующее неотложныхъ мѣропріятій, возникло послѣ прекращенія сессіи и, слѣдовательно, нельзя опредѣлить съ точностью, какъ отнесутся къ нему палаты. Если, на оборотъ, взглядъ одной изъ палатъ по данному вопросу выразился съ полною ясностью, разрѣшеніе его въ смыслѣ прямо противоположномъ не можетъ быть названо иначе, какъ явнымъ, вызывающимъ на столкновеніе пренебреженіемъ къ одному изъ факторовъ законодательной власти [1]).

Допустимъ, однако, что, дѣйствуя такимъ образомъ, правительство bona fide разсчитываетъ убѣдить несогласныхъ съ его мнѣніемъ, склонить на свою сторону, при новомъ разсмотрѣніи дѣла, большинство обѣихъ палатъ и, въ концѣ концовъ, облечь поспѣшно принятую мѣру въ форму нормально проведеннаго и утвержденнаго закона. Совершенно ясно, что та же bona fides обязываетъ тогда правительство обратиться къ палатамъ безъ малѣйшаго промедленія, предоставляя имъ, тѣмъ самымъ, полную возможность рѣшить дѣло *при неизмѣнившихся еще условіяхъ*, спокойно и непринужденно, а не подъ давленіемъ новой обстановки, тяжело ложащихся на вѣсы faits accomplis. И чѣмъ скорѣе могутъ совершиться подобные факты, чѣмъ быстрѣе, другими словами, можетъ проникнуть въ жизнь и пустить корни та или иная сторона временной мѣры, тѣмъ сложнѣе и существеннѣе затрудненія и неудобства, сопряженныя съ ея отмѣной, тѣмъ важнѣе, слѣдовательно, *безотлагательное* исполненіе закона, регулирующаго пользованіе чрезвычайно-указнымъ правомъ—исполненіе, соотвѣтствую-

[1]) Объясняя, почему не было признано возможнымъ воспользоваться готовою уже проявиться, въ видахъ возобновленія дѣла, иниціативою Государственной Думы, П. А. Столыпинъ воскликнулъ: „вѣдь надо не уважать Государственный Совѣтъ, чтобы думать, что онъ безъ особо высокихъ побужденій черезъ каждые два-три мѣсяца будетъ мѣнять свое мнѣніе, свое рѣшеніе". А черезъ полгода этого можно ожидать, на это можно надѣяться? Или, можетъ быть, изданіе указа въ порядкѣ ст. 87-ой разсматривается какъ „особо высокое побужденіе", достаточное для перемѣны фронта? Едва ли такой взглядъ совмѣстенъ съ уваженіемъ къ Государственному Совѣту.

щее, притомъ, не только буквѣ закона, но и внутреннему его смыслу. Не *черезъ два мѣсяца*, какъ сказано въ рѣчи П. А. Столыпина, а *въ теченіе двухъ мѣсяцевъ* (со времени возобновленія занятій Государственной Думы) долженъ быть внесенъ въ Думу проектъ, узаконяющій временную мѣру. Въ данномъ случаѣ ничто не мѣшало и не мѣшаетъ немедленному его внесенію — и многое, очень многое говоритъ противъ откладыванья этого акта до послѣдняго дня срока. Никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній собирать не нужно, ни въ какой дополнительной мотивировкѣ нѣтъ надобности: указъ 14-го марта, повторяя законопроектъ, принятый въ свое время Государственной Думой, не заключаетъ въ себѣ новыхъ постановленій и не требуетъ добавочныхъ разъясненій. Между тѣмъ, если внесеніе его въ Думу, 14-го мая, совпадетъ—какъ этого можно ожидать,—съ роспускомъ Думы на лѣтнее время, т.-е. по меньшей мѣрѣ на четыре мѣсяца, то приступить къ его разсмотрѣнію Дума будетъ имѣть возможность не раньше, какъ черезъ шесть или семь мѣсяцевъ послѣ изданія указа 14-го марта. Въ этотъ промежутокъ времени не только начнется осуществленіе указа, но пойдетъ, какъ оказывается теперь, ускореннымъ темпомъ. Самый указъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ установить для шести западныхъ губерній сокращенные сроки опубликованія избирательныхъ списковъ, подачи заявленій о ихъ направленіи, принесенія жалобъ и окончательнаго распубликованія списковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ правомъ, сокративъ почти вдвое продолжительность процедуры составленія избирательныхъ списковъ. „Установленіе сокращенныхъ сроковъ“—сказано въ сообщеніи освѣдомительнаго бюро—„вызывается необходимостью дать вновь образуемымъ земскимъ учрежденіямъ возможность составить на новыхъ основаніяхъ и своевременно закончить разсмотрѣніемъ земскія смѣты на 1912-ый годъ“. Уѣздными собраніями, по словамъ того же сообщенія, эта работа можетъ быть закончена *къ ноябрю*, т.-е. произведена въ октябрѣ. Итакъ, если осенняя сессія Государственной Думы начнется, по обыкновенію, около половины октября, то приблизительно въ то же время откроются вновь созданныя земскія собранія западнаго края. Обсуждать законопроектъ, внесенный 14-го мая и съ тѣхъ поръ лежавшій безъ движенія, Думѣ придется тогда, когда онъ будетъ, въ значительной своей части, приведенъ въ дѣйствіе! Понятно, до какой степени этимъ будетъ затруднена задача Думы—и въ какой степени повысятся шансы принятія ею правительственнаго законопроекта. Немало времени пройдетъ, затѣмъ, до перехода его въ Государственный Совѣтъ. Разсматривать его онъ будетъ, конечно, уже въ 1912-мъ году, въ измѣненномъ составѣ — измѣненномъ, по всей вѣроятности, въ видахъ возможно бо́льшаго ослабленія оппозиціи,—

и въ самый разгаръ дѣятельности уже не однихъ только уѣздныхъ, но и губернскихъ земскихъ собраній. Невольно рождается предположеніе, что настоящая причина „быстроты и натиска", обнаруженныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ — совсѣмъ иная, чѣмъ указанная освѣдомительнымъ бюро. Опровергнуть это предположеніе можно было бы только однимъ путемъ: внесеніемъ законопроекта въ Государственную Думу вслѣдъ за окончаніемъ пасхальныхъ вакацій— и затѣмъ продленіемъ сессіи обѣихъ палатъ до окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если и допустить, что повышенное настроеніе, обнаружившееся въ средѣ думскаго большинства въ засѣданіи 15-го марта, уступитъ мѣсто привычной покорности, и законопроектъ Думою будетъ одобренъ, то останется еще Государственный Совѣтъ, простымъ veto котораго можетъ быть возстановлено положеніе дѣлъ, создавшееся 11-го марта. Элементарнѣйшая справедливость требуетъ сохраненія за Государственнымъ Совѣтомъ свободы послѣдняго слова. Одно дѣло — отклонить проектируемую реформу, совершенно другое — отмѣнить преобразованіе, проведенное въ жизнь. Къ несчастію, до сихъ поръ все заставляетъ думать, что однажды намѣченной цѣли министерство намѣрено достигнуть во что бы то ни стало.

Въ заслугу министерству предсѣдатель совѣта министровъ вмѣняетъ согласованность указа 14-го марта не съ редакціей первоначальнаго правительственнаго проекта, а съ редакціей, принятой Государственною Думой. Онъ видитъ въ этомъ доказательство тому, что министерству чуждо было желаніе поставить свою волю выше воли законодательныхъ учрежденій. Съ этимъ взглядомъ согласиться трудно. Не говоримъ уже о томъ, что волю Государственнаго Совѣта образъ дѣйствій министерства нарушаетъ непосредственно и прямо: не особенно высоко цѣнится имъ и воля Государственной Думы, разъ что съ подчиненіемъ ей въ данную минуту соединена рѣшимость вновь идти въ разрѣзъ съ нею, какъ только явится къ тому возможность. „Хотя правительство и считало" — читаемъ мы въ рѣчи П. А. Столыпина, — „что существуютъ (въ думской редакціи) подробности, которыя должны быть исправлены, но разсчитывало исправить ихъ путемъ поправокъ во время обычнаго прохожденія дѣла черезъ наши законодательныя учрежденія". Итакъ, правительство вовсе не сложило оружія хотя бы передъ однимъ изъ законодательныхъ собраній: воспроизводя въ указѣ содержаніе проекта, принятаго Думой, оно разсчитывало настоять на своемъ, вновь поднявъ въ Думѣ вопросы, по которымъ она, послѣ долгихъ преній, сказала свое рѣшительное слово. Позволительно предположить, поэтому, что кажущееся единомысліе съ Думой было только средствомъ склонить

ее на свою сторону въ критическую минуту, предупредить ея протестъ противъ примѣненія ст. 87-ой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ статьи услужливыхъ газетъ, выражавшія увѣренность, что Дума не пойдетъ противъ самой себя, увидитъ въ побѣдѣ надъ Государственнымъ Совѣтомъ свою собственную побѣду—и удивлявшіяся тому, что столь вѣрный по видимому разсчетъ не оправдался.

Начало и двигатель труда, совершаемаго правительствомъ, П. А. Столыпинъ усматриваетъ въ „настойчивомъ, неторопливомъ преобразованіи, въ направленіи не радикальнаго, но постепеннаго прогресса и закономѣрности. А надъ этимъ, сверхъ того, твердая, сильная, русская политическая струя. Вотъ двигатель. Разбейте его—остановится работа". Эта работа встрѣчала препятствія со стороны Государственнаго Совѣта, но правительство продолжало ее неуклонно, пока „въ коренномъ, основномъ вопросѣ русской жизни не былъ сломленъ двигатель". „Я говорю"—продолжалъ ораторъ—„объ основномъ русскомъ началѣ нашей внутренней политики... Признаніе правоты вашей точки зрѣнія въ вопросѣ о западномъ земствѣ, о національныхъ куріяхъ, означало не только отклоненіе очередного законопроекта, а знаменовало крушеніе цѣлаго міра понятій... Конецъ мечты о западномъ земствѣ—это печальный звонъ объ отказѣ С.-Петербурга, въ опасную минуту, отъ поддержки тѣхъ, кто преемственно стоялъ и стоитъ за сохраненіе западной Россіи русскою... Я знаю, господа, что ваша возобладающая мысль и мнѣніе правительства въ этомъ вопросѣ—это два міра, два различныхъ пониманія государства и государственности. Для обширнаго края это можетъ быть поворотъ въ его исторической судьбѣ, для Россіи это, быть можетъ, предрѣшеніе ея національнаго будущаго. Законъ-показатель былъ похороненъ навсегда, и здѣсь, въ Государственномъ Совѣтѣ, на него надвинута была тяжелая могильная плита. Мысль правительства, идеалы правительства были надломлены... Наличность чрезвычайныхъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ правительство видитъ въ опасности созданія безвыходнаго для Россіи положенія въ дѣлѣ проведенія жизненныхъ, необходимыхъ для Россіи законовъ, съ одновременнымъ поворотомъ нашей политики далеко въ сторону отъ русскаго національнаго пути".

Поразительно въ этихъ словахъ, прежде всего, явное преувеличеніе важности момента, наступившаго послѣ отклоненія Государственнымъ Совѣтомъ національныхъ курій западнаго земства [1]). Единственнымъ реальнымъ его послѣдствіемъ была отсрочка преобразованія, съ которымъ министерство еще недавно вовсе не считало

[1]) Мы говоримъ объ отклоненіи національныхъ курій (4-го марта), а не объ отклоненіи всего законопроекта (11-го марта), потому что поводомъ къ возникновенію кризиса несомнѣнно послужило не послѣднее, а первое.

нужнымъ торопиться [1]). Ничего, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, не случилось такого, вслѣдствіе чего реформа, спокойно отодвигавшаяся въ неопредѣленную даль будущаго, могла бы оказаться экстренно и безусловно неотложной. „Мечтѣ о западномъ земствѣ“ вовсе не угрожалъ конецъ; ничто не мѣшало вновь внести законъ, направленный къ ея осуществленію, хотя бы и не въ излюбленной первоначально формѣ. Въ „законахъ-показателяхъ“ политики, проводимой правительствомъ, не было недостатка раньше, не предвидѣлось недостатка и въ будущемъ; приписывать „показательный“ характеръ исключительно одному законопроекту не было никакихъ основаній. Обычное настроеніе большинства Государственнаго Совѣта должно было служить ручательствомъ въ томъ, что принципіально и безповоротно Государственный Совѣтъ въ оппозицію не перейдетъ. Разногласіе, обнаружившееся по одному частному случаю, касалось—если сложить со счетовъ численно слабую лѣвую группу—средствъ, а не конечной цѣли. О „двухъ мірахъ“, въ данномъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи; въ пониманіи государства и государственности между находящимся у власти министерствомъ и верхней палатой, въ нынѣшнемъ ея составѣ, глубокаго разногласія не было и нѣтъ. Допустимъ, однако, что оно существуетъ; оправдывается ли этимъ образъ дѣйствій министерства? Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи П. А. Столыпинъ говоритъ о „недостаточномъ усвоеніи новыхъ законодательныхъ нормъ“. Не требуя отъ законодательныхъ палатъ, чтобы онѣ „всегда были одинаковаго мнѣнія съ правительствомъ“, онъ проситъ помнить, что „роль правительства въ настоящее время нѣсколько видоизмѣнилась. Правительство не является теперь исключительно высшимъ административнымъ мѣстомъ, ведущимъ текущія дѣла; ему присвоены теперь и другія задачи политическаго свойства“. Безспорно, задачи правительства имѣютъ, въ значительной степени, „политическое свойство“; но развѣ онѣ не имѣли его и прежде, въ до-конституціонное время? Развѣ правительство, во главѣ котораго стоялъ гр. Д. А. Толстой или В. К. Плеве, занималось только „текущими дѣлами“? Не въ характерѣ правительственной дѣятельности заключается различіе между прошедшимъ и настоящимъ, а въ нормахъ, для нея обязательныхъ. Что онѣ недостаточно усвоены, недостаточно введены въ жизнь—это совершенно справедливо; но кѣмъ? Не авторами запроса, съ которымъ Государственный Совѣтъ обратился къ предсѣдателю совѣта министровъ, а самимъ П. А. Столыпинымъ. Въ самомъ

[1]) Припомнимъ, что не дальше, какъ въ началѣ 1909-го года, министерство признавало невозможнымъ ожидать введенія земства въ западныхъ губерніяхъ „въ близкомъ будущемъ“, такъ какъ оно „по необходимости связано“ съ общей земской реформой, „время осуществленія которой трудно опредѣлить даже приблизительно“.

дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ „никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы“, не отъ одного правительства зависитъ содержаніе и направленіе преобразованій, все равно, медлительныхъ или торопливыхъ, постепенныхъ или радикальныхъ; не отъ него одного зависитъ выборъ и окраска проникающей ихъ „струи“. Если, на томъ или другомъ пунктѣ, сталкиваются „два міра, два пониманія“, необходимо искать соглашенія между ними, не прибѣгая къ тѣмъ орудіямъ политическаго арсенала, которыя могутъ и должны быть извлекаемы изъ него только въ критическія минуты государственной жизни. Только въ такія минуты можетъ идти рѣчь о „мертвыхъ узлахъ“, требующихъ разсѣченія; для развязки узловъ, завязываемыхъ въ другое время, подъ вліяніемъ разногласій, неизбѣжныхъ во всякомъ сколько-нибудь сложномъ государственномъ организмѣ, существуютъ другія, болѣе простыя и безобидныя средства.

И къ какой громадной гиперболѣ пришлось прибѣгнуть предсѣдателю совѣта министровъ, чтобы мотивировать наличность чрезвычайныхъ обстоятельствъ! „Поворотомъ въ исторической судьбѣ обширнаго края“ могло бы стать соединеніе въ одномъ избирательномъ собраніи землевладѣльцевъ польской и русской національности, соединеніе ихъ на почвѣ мѣстнаго, хозяйственнаго дѣла—въ то время какъ никакого поворота не вызвало и не вызываетъ общеніе тѣхъ и другихъ въ собраніи, посылающемъ депутатовъ въ Государственную Думу! Меньшинство, допущенное къ выборамъ на равныхъ основаніяхъ съ большинствомъ, могло бы оказаться на столько всемогущимъ, чтобы „похоронить навсегда“, скромной работой въ земствѣ, „русскія надежды и русскія преданія“ въ западномъ краѣ! Да и что это за преданія, когда и въ какой сферѣ они образовались? Если не восходить къ отдаленнымъ вѣкамъ, отъ которыхъ едва-ли сохранилось что-нибудь въ народной памяти, то мы встрѣтимъ въ верхахъ западно-русскаго общества чиновниковъ, ничѣмъ не связанныхъ съ мѣстностью и, за рѣдкими исключеніями, равнодушныхъ къ ея интересамъ; помѣщиковъ, рѣдко заглядывающихъ въ свои имѣнія и очень мало (какъ это видно изъ исторіи землевладѣльческихъ выборовъ въ Государственный Совѣтъ) дорожащихъ своими правами; духовенство, слабо подготовленное къ общественной работѣ и готовое внести въ нее совершенно несвойственную ей вѣроисповѣдную рознь. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не съумѣлъ воспользоваться оффиціальнымъ покровительствомъ, которое почти полвѣка оказывалось здѣсь всему русскому—не съумѣлъ, можетъ быть, именно потому, что покровительство, сопряженное съ опекой, мало располагаетъ къ самостоятельной дѣятельности. Задатки лучшаго будущаго хранитъ въ себѣ, безъ со-

мнѣнія, русское крестьянство западнаго края; но неужели для ихъ развитія необходимы искусственные барьеры между національностями? Не проще ли было бы, какъ это неоднократно предлагалось во время преній въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, расширить крестьянское представительство въ земствѣ западнаго края (что, конечно, должно было бы привести къ соотвѣтствующему расширенію его во всей Россіи)? „Преемственно стояли за сохраненіе западной Россіи русскою", въ теченіе XIX-го вѣка, тѣ государственные люди, которые отмѣняли въ ней дѣйствіе мѣстныхъ законовъ, уничтожали унію, подозрительно относились къ мѣстнымъ языкамъ; но неужели можно сомнѣваться въ томъ, что русскою, въ той или другой степени, она осталась не благодаря, а вопреки этимъ мѣрамъ? Цѣлесообразнымъ, съ данной точки зрѣнія, можно признать только способъ проведенія въ западномъ краѣ крестьянской реформы; но не такъ, по всей вѣроятности, относятся къ ней нынѣшніе западно-русскіе охранители русскаго дѣла, едва-ли способные служить ему чѣмъ-нибудь, кромѣ „патріотическаго" шума. „Предрѣшеніемъ національнаго будущаго Россіи"—предрѣшеніемъ его въ смыслѣ противоположномъ политикѣ министерства — отклоненіе національныхъ курій Государственнымъ Совѣтомъ могло бы быть названо только тогда, еслибы побудительной его причиной было стремленіе къ равноправности національностей. Не таково, къ несчастію, настроеніе большинства нашей верхней палаты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить сочувственное отношеніе его къ рѣзко ограничительнымъ постановленіямъ законопроекта о личномъ составѣ земскихъ управъ и третьяго земскаго элемента.

Возвратимся теперь къ тому мѣсту рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ, гдѣ онъ даетъ общее опредѣленіе правительственной работы. Ея руководящимъ двигателемъ провозглашается „начало настойчиваго, неторопливаго преобразованія, въ направленіи не радикальнаго, но постепеннаго прогресса и закономѣрности". Въ этой короткой фразѣ, на нашъ взглядъ, есть только одно слово, вполнѣ оправдываемое фактами: *радикальнымъ* ни одно изъ преобразованій, предпринимаемыхъ министерствомъ, дѣйствительно названо быть не можетъ. *Настойчивыми* они являются далеко не всѣ: съ большою легкостью министерство отказалось, напримѣръ, отъ самой существенной части своего проекта о мѣстномъ судѣ. *Неторопливость* была совершенно чужда образу дѣйствій министерства, когда оно проводило черезъ палаты основы такъ называемаго общаго законодательства имперіи и великаго княжества финляндскаго. Ничего общаго съ

прогрессомъ не имѣютъ такія мѣропріятія, какъ положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, обнародованное 3-го іюня 1907-го года, или правила о дѣлахъ военнаго и морского вѣдомства, распубликованныя 24-го августа 1909-го года. Что касается до *законом*ѣ*рности*, то именно отъ нея всего болѣе далека дѣятельность министерства. Закономѣрность несовмѣстима съ господствомъ исключительныхъ положеній, сущность которыхъ состоитъ въ игнорированіи закона, въ подчиненіи его административному усмотрѣнію. Вездѣ и всегда исключительное положеніе является, поэтому, не только срочнымъ, но и краткосрочнымъ; вездѣ и всегда оно получаетъ силу въ критическій моментъ государственной жизни и сохраняетъ ее лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не миновалъ—а продолжительнымъ онъ никогда не бываетъ. Только у насъ исключительному положенію суждено было стать положеніемъ длящимся, какъ бы нормальнымъ. Правда, отчасти такимъ его уже застало нынѣшнее министерство: провозглашенная впервые въ 1881-мъ году, усиленная охрана, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, существовала съ тѣхъ поръ непрерывно — но никогда, до 1906-го года, она не обнимала такихъ огромныхъ пространствъ, никогда не примѣнялась столь интенсивно—и никогда не состояла въ столь явномъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ государственнаго строя. При старомъ режимѣ законность и при отсутствіи исключительныхъ положеній существовала больше на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; новый порядокъ требовалъ, прежде всего, ея реальнаго осуществленія—и привелъ къ прямо противоположному результату. Во что обойдутся народу и государству попранныя такимъ образомъ надежды, какою цѣною придется заплатить за искусственно взлелѣянный культъ безправія — это покажетъ будущее. Въ настоящемъ все больше и больше увеличивается число тревожныхъ, съ этой точки зрѣнія, симптомовъ.

Только безконечно длительною усиленною охраной, только расцвѣтомъ порождаемыхъ ею навыковъ и взглядовъ можно объяснить многое изъ того, что̀ совершается теперь въ области высшей школы. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ послужило первымъ толчко́мъ къ волненіямъ среди учащейся молодежи? Образъ дѣйствій административныхъ властей послѣ кончины Л. Н. Толстого и, вслѣдъ за тѣмъ, потрясающія событія въ каторжныхъ тюрьмахъ. Развѣ то и другое было бы возможно въ истинно-правовомъ государствѣ, порвавшемъ съ традиціями полицейской расправы? Развѣ мыслимы были бы въ немъ стѣснительныя мѣры по отношенію къ толпѣ, желающей поклониться праху великаго писателя или напомнить его завѣты? Развѣ могъ бы сложиться въ немъ тюремный режимъ, которымъ допускается или вызы-

вается ужасъ массовыхъ экзекуцій?.. [1]) Пойдемъ дальше. До возобновленія занятій послѣ рождественскихъ праздниковъ, когда еще нельзя было знать, въ какомъ настроеніи вернется молодежь въ стѣны учебныхъ заведеній, совѣтъ министровъ принимаетъ, въ видахъ охраненія еще не нарушеннаго порядка, такую экстраординарную мѣру, послѣ которой отдѣльныя вспышки переходятъ въ организованную забастовку. Развѣ могло бы случиться что-нибудь подобное, еслибы не существовала привычка во всемъ полагаться на запреты, поддерживаемые силой?.. Затѣмъ слѣдуетъ, съ одной стороны, увольненіе профессоровъ, вносящее разстройство въ цѣлыя ученыя корпораціи, съ другой стороны — исключеніе изъ высшей школы огромнаго числа студентовъ, съ принятіемъ противъ многихъ изъ нихъ такой тяжкой карательной мѣры, какъ высылка въ отдаленныя сѣверныя губерніи. Все это производится съ необыкновенною торопливостью, исключающею возможность сколько-нибудь внимательнаго разслѣдованія каждаго отдѣльнаго случая. Собирать свѣдѣнія о винѣ приходится послѣ наказанія, при чемъ, конечно, удовлетворяются далеко не всѣ просьбы родителей и другихъ лицъ, доказывающихъ полную непричастность „осужденныхъ“ къ университетскимъ безпорядкамъ. А чѣмъ является иногда ссылка, примѣняемая, „съ легкимъ сердцемъ“, на основаніи непровѣренныхъ данныхъ—объ этомъ даетъ понятіе письмо изъ Архангельска, напечатанное недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 78), по поводу прибытія въ села и уѣздные города Архангельской губерніи слишкомъ шестидесяти сосланныхъ учащихся обоего пола. Кормовыя деньги, на которыя живутъ многіе изъ ссыльныхъ, присылаются на мѣста съ большимъ опозданіемъ; въ ожиданіи ихъ ссыльные нерѣдко голодаютъ; часто они не находятъ квартиръ и вынуждены ночевать если не на улицѣ, то въ баняхъ. Среди ссыльныхъ учащаются побѣги и самоубійства; и это неудивительно, потому что въ нѣкоторыхъ центрахъ ссылки населеніе — поголовно сифилитическое, и чрезвычайно велика опасность зараженія. Таковы условія, въ которыя ставятся высылаемые. Это не мѣшаетъ апологетамъ власти оправдывать суммарную процедуру, предшествующую ссылкѣ. „Вполнѣ возможно“— читаемъ мы, напримѣръ, въ „Россіи“ (№ 1657),—„что среди задержанныхъ въ періодъ безчинствъ нѣкоторыя отдѣльныя лица менѣе виноваты, чѣмъ другіе; но, во-первыхъ, тутъ можетъ идти рѣчь въ полной мѣрѣ только о немногихъ отдѣльныхъ лицахъ; во-вторыхъ, для освобожденія такихъ лицъ отъ всякой отвѣтственности необходимы

[1]) Напрасно „Россія“ (№ 1660) считаетъ общеизвѣстнымъ, что не только имѣлись законныя основанія для этихъ экзекуцій, но и въ полной мѣрѣ опредѣлилась печальная въ нихъ *необходимость*. Пускай она сохранитъ это убѣжденіе при себѣ: внушить его широкимъ общественнымъ сферамъ ей никогда не удастся.

совершенно точныя данныя, а вовсе не голословныя утвержденія тѣхъ, кто довѣрчиво за нихъ ходатайствуетъ... Чтобы согласиться на освобожденіе, необходимо изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла и точно выяснить условія, на которыя проситель и его ходатаи ссылаются". Итакъ, сначала нужно арестовать и выслать, а потомъ уже установлять наличность вины? Представленіе оправданій должно слѣдовать за карой, а не предшествовать ей? Можно ли вообразить себѣ бо̀льшее извращеніе понятій, бо̀льшее пренебреженіе къ основнымъ началамъ права? И на чемъ основана увѣренность услужливой газеты, что безъ вины могли пострадать только *немногія* отдѣльныя лица? Когда въ расправѣ господствуютъ глазомѣръ, быстрота и натискъ, вѣроятны, наоборотъ, безчисленныя ошибки. Недостаточно, притомъ, убѣдиться въ *существованіи* вины: необходимо опредѣлить ея *мѣру*—а это невозможно безъ *суда*. Слѣдствіе и судъ—вотъ тѣ бездѣлицы, безъ которыхъ обходится административная высылка. Именно потому она и возбуждаетъ такое всеобщее осужденіе—всеобщее, конечно, не безъ исключеній: но самыя исключенія здѣсь изъ числа тѣхъ, которыми подтверждается правило. Еще недавно представители министерства хвалились, въ Государственной Думѣ, уменьшеніемъ числа высылаемыхъ, признавая тѣмъ самымъ нежелательность ссылки—и не успѣли еще отзвучать ихъ слова, какъ фатальная цифра вновь, съ удвоенною скоростью, пошла на прибыль! Никто не сомнѣвается въ томъ, что ссылка нецѣлесообразна, что, никого не „исправляя", она разбрасываетъ всюду сѣмена неудовольствія и вражды—и все-таки она сохраняетъ за собою выдающееся мѣсто среди „орудій управленія"! Это—одинъ изъ самыхъ горькихъ плодовъ политики, осужденной въ 1904-мъ году какъ будто бы только для того, чтобы пріобрѣсти, два года спустя, неслыханную раньше остроту и небывалые прежде размѣры.

Съ тою же стремительностью, съ какою по отношенію къ учащимся примѣняется ссылка, противъ учащихъ пускается въ ходъ отставка. Директоръ женскаго медицинскаго института, С. С. Салазкинъ, подвергся, на дняхъ, той же участи, какая постигла, мѣсяца три тому назадъ, ректора, помощника ректора и проректора московскаго университета. Не считая возможнымъ исполнить требованія, обращаемыя къ нему какъ къ директору, онъ просилъ объ увольненіи его отъ этой должности—а получилъ увольненіе и изъ числа профессоровъ. Въ глазахъ министерства народнаго просвѣщенія—или, вѣрнѣе, въ глазахъ объединеннаго министерства, которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ инициатива или, по меньшей мѣрѣ, одобреніе подобныхъ мѣръ,—ученыхъ спеціалистовъ у насъ въ Россіи такъ много, что затруднителенъ развѣ выборъ между ними. Нѣтъ надобности удерживать на службѣ тѣхъ изъ нихъ, которые не только имѣютъ, но и

заявляютъ свое „особое сужденіе“, не вполнѣ согласное съ видами начальства; можно даже идти дальше и отказывать имъ въ правѣ на преподаваніе, которое они желаютъ сохранить за собою. С. С. Салазкинъ не могъ, по совѣсти, признать существовавшимъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ, осуществимымъ—то, чему мѣшали неодолимыя препятствія: онъ не могъ ни считать состоявшимися занятія, которыхъ не было вовсе, ни одобрить продолженія занятій при условіяхъ, которыя обратили бы ихъ въ пустое слово (напр. при закрытіи клиникъ). И этого достаточно, чтобы лишить его каѳедры? Что бы ни говорили въ защиту этой мѣры газетные добровольцы, поющіе въ унисонъ съ оффиціозной прессой—а иногда даже тономъ выше,—имъ не удастся доказать, что серьезное отношеніе къ наукѣ, требующее реальнаго, а не фиктивнаго труда, было равносильно поощренію забастовки... Чѣмъ чаще повторяется, чѣмъ болѣе широкіе размѣры принимаетъ „очищеніе“ профессорскихъ корпорацій (ему подвергся, какъ извѣстно, и кіевскій политехническій институтъ), тѣмъ яснѣе становится связь между частнымъ и общимъ, между отдѣльными проявленіями и глубокими источниками министерскаго произвола. Продолжительное пользованіе дискреціонною властью развиваетъ вѣру въ ея спасительность, въ ея пригодность для всевозможныхъ цѣлей. Профессора затрудняются идти въ ногу съ администраціей—ихъ выбрасываютъ за бортъ: найдутся другіе, болѣе послушные, хотя, быть можетъ, и менѣе способные. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать: прочесть курсъ, внѣшнимъ образомъ соотвѣтствующій программнымъ требованіямъ, съумѣютъ и тѣ, у кого больше усердія, чѣмъ знаній. Какой ущербъ понесетъ отъ того наука, насколько понизится уровень высшаго образованія — это вопросъ сравнительно неважный. Пускай, напримѣръ, толкуютъ въ ученыхъ сферахъ о значеніи ухода такого свѣтила науки, какъ профессоръ Лебедевъ (въ Москвѣ): подготовка учителей физики для средней школы будетъ возможна и безъ него... Болѣзненно тяжелое для однихъ, зрѣлище пустующихъ или коекакъ замѣщаемыхъ каѳедръ не нарушаетъ спокойствія другихъ: „сами захотѣли уйти — скатертью дорога“. Но вѣдь и это болѣе чѣмъ сомнительное утѣшеніе непримѣнимо къ профессорамъ, уволеннымъ безъ прошенія...

Не менѣе ясно послѣдствія „нескончаемой охраны“ отразились и въ другой области общественной жизни. Вотъ подлинный текстъ резолюціи, единогласно принятой, на дняхъ, собравшимся въ Москвѣ вторымъ всероссійскимъ съѣздомъ фабричныхъ врачей: „всероссійскіе съѣзды фабричныхъ врачей созываются въ установленномъ закономъ порядкѣ и въ опредѣленномъ составѣ. Поэтому, настоящій съѣздъ собрался для обсужденія очередныхъ главнѣйшихъ научныхъ и научно-

практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ охраной жизни и здоровья трудящихся, въ составѣ трехъ группъ заинтересованныхъ лицъ: врачей, представителей отъ промышленности и рабочихъ. Только равномѣрное и свободное участіе всѣхъ этихъ трехъ группъ въ работахъ съѣзда можетъ обезпечить полное и всестороннее освѣщеніе подлежащихъ обсужденію съѣзда вопросовъ. Какъ выяснилось теперь, изъ состава съѣзда устранена одна изъ заинтересованныхъ сторонъ. Всѣ принятые президіумомъ шаги къ освобожденію устраненныхъ делегатовъ остались безъ результата. Съѣздъ полагаетъ, что этимъ устраненіемъ нанесенъ серьезный ущербъ благотворности его работы. Съѣздъ продолжаетъ свои занятія, выражая сожалѣніе, что онъ безсиленъ передъ независящими обстоятельствами". Дѣло въ томъ, что уже организаціонный комитетъ съѣзда встрѣтилъ со стороны администраціи большія затрудненія въ приглашеніи на съѣздъ делегатовъ отъ рабочихъ: сначала были вовсе устранены представители отъ профессіональныхъ союзовъ, потомъ допущены только представители нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ, передъ самымъ открытіемъ съѣзда, арестованы были многіе делегаты отъ рабочихъ; явилось ихъ на съѣздъ, вмѣсто двадцати семи, только семь. Когда объ этомъ упомянулъ, при открытіи съѣзда, одинъ изъ рабочихъ, напомнивъ, что раньше пострадали, такъ или иначе, всѣ рабочіе-члены перваго съѣзда, его рѣчь была прервана представителемъ полиціи. Вечеромъ того же дня рабочіе заявили, что не считаютъ возможнымъ принимать участіе въ съѣздѣ. Напрасно уговаривалъ ихъ остаться предсѣдатель съѣзда, указывая на то, что съѣздъ много потеряетъ отъ ихъ отсутствія; они не измѣнили своего рѣшенія, мотивируя свой уходъ, между прочимъ, и тѣмъ, что во время обысковъ полиція отобрала цѣнные матеріалы и доклады, приготовленные для съѣзда.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, поводомъ къ арестамъ, лишившимъ московскій съѣздъ столь важнаго для него участія рабочихъ, было раскрытіе, при обыскахъ, существованія организованной группы, поставившей себѣ задачей „использовать съѣздъ въ чисто партійныхъ цѣляхъ, игнорируя дѣловую его сторону". Изученіе переписки, отобранной при обыскахъ, привело охранное отдѣленіе къ убѣжденію, что въ рабочихъ кругахъ „шла агитація въ пользу делегированія на съѣздъ фиктивныхъ представителей рабочихъ изъ числа партійныхъ дѣятелей с.-д. рабочей партіи". Допустимъ, что охранное отдѣленіе не ошиблось, — хотя довольно трудно представить себѣ возможность явки псевдо-рабочихъ на съѣздъ, происходящій публично,—и спросимъ себя, какою опасностью угрожало бы ихъ выступленіе? Уничтожить дѣловой характеръ съѣзда они были бы не въ силахъ: этому воспротивилось бы большинство, это было бы предупреждено предсѣдатель-

скою властью. Внести въ пренія политическую или соціально-политическую ноту имъ, можетъ быть, и удалось бы: но что же тутъ было бы страшнаго? Вѣдь мы живемъ не во времена Плеве, когда лежалъ запретъ на самомъ словѣ *соціалъ-демократія*, когда для соціалистической пропаганды было открыто только подполье (что̀, впрочемъ, ничуть не мѣшало ея успѣху); теперь существуетъ соціалъ-демократическая фракція въ Государственной Думѣ, теперь, хотя и не безъ труда, отголоски соціалъ-демократическаго ученія проникаютъ въ легальную печать. Ничего не измѣнилось бы въ положеніи дѣлъ, еслибы они проникли и въ пренія съѣзда. Рѣчи ораторовъ-рабочихъ могли бы встрѣтить здѣсь возраженія, которымъ нѣтъ мѣста при тайной пропагандѣ; самая форма ихъ по необходимости была бы сдержанной и корректной. Раздраженія и злобы онѣ возбудили бы во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ совокупность мѣръ, изъ-за которыхъ занятія съѣзда должны были происходить при полномъ отсутствіи рабочихъ.

Намъ могутъ возразить, что самое существованіе соціалъ-демократической партіи является нарушеніемъ закона; принадлежность къ ней составляетъ уголовно-наказуемое преступленіе, и непозволительно, слѣдовательно, публичное выраженіе ея взглядовъ; если изъ этого правила и сдѣлано одно исключеніе (для членовъ Думы), то дальнѣйшія нарушенія его безусловно недопустимы. Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ исключеніе въ корнѣ подрываетъ правило, обнаруживая его безнадежную обветшалость. Если цѣлый складъ мыслей свободно можетъ быть высказываемъ съ каѳедры законодательнаго собранія—съ каѳедры, откуда однажды сказанное слово безпрепятственно разносится по всей странѣ,—то это значитъ, что прошло время систематическаго замалчиванья такъ называемыхъ „вредныхъ мнѣній“. Давно пора пересмотрѣть уголовное уложеніе, составленное при другомъ государственномъ строѣ; давно пора пересмотрѣть—или правильно истолковать—законъ, приравнивающій партіи къ обществамъ и требующій легализаціи для группъ, неизбѣжно образуемыхъ нормальнымъ теченіемъ политической жизни. Только этимъ путемъ можно положить конецъ недоразумѣніямъ, встрѣчающимся на каждомъ шагу и приводящимъ иногда къ самымъ страннымъ аномаліямъ. Въ началѣ нынѣшняго года въ „Россіи“ печатался, не безъ нѣкоторой торжественности, длинный списокъ лицъ, входящихъ въ составъ мѣстныхъ комитетовъ конституціонно-демократической партіи. Можно было подумать, что обнаруженъ опасный заговоръ, съ участниковъ котораго срывается маска—а между тѣмъ все дѣло шло о секретѣ Полишинелля: назывались по именамъ общественные дѣятели, никогда не скрывавшіе своихъ политическихъ убѣ-

жденій и выступавшіе съ поднятымъ забраломъ и въ печати, и въ Государственной Думѣ. Какой же смыслъ имѣли усердныя разоблаченія оффиціозной газеты? Быть можетъ, предполагалось напомнить мѣстнымъ властямъ о необходимости не только надзора, но и соотвѣтствующихъ мѣръ? Это объясненіе было бы наиболѣе правдоподобнымъ, еслибы не имѣлось достаточныхъ доказательствъ тому, что бдительность власти не нуждается въ напоминаніяхъ. Чрезвычайно характерна, въ этомъ отношеніи, распубликованная недавно переписка, вызванная избраніемъ гг. Родичева, Мясникова и Килевейна въ почетные мировые судьи. Министръ юстиціи поручилъ оберъ-прокурору перваго департамента довести до свѣдѣнія сената, что онъ не признаетъ возможнымъ утвержденіе этихъ лицъ въ судейской должности, въ виду принадлежности ихъ къ конституціонно-демократической партіи. Итакъ, можно входить въ составъ законодательнаго собранія (гг. Родичевъ и Килевейнъ—члены Государственной Думы)—и не имѣть доступа въ составъ уѣзднаго съѣзда! Можно ли представить себѣ болѣе вопіющую несообразность?.. А вотъ что пишетъ о третьемъ кандидатѣ въ мировые судьи, г. Мясниковѣ, прокуроръ московской судебной палаты: „дѣятельность названнаго лица въ эпоху 1905 — 6 гг. имѣла, по видимому, не только оппозиціонный, по отношенію къ правительству, характеръ, но и прямо революціонный. О Мясниковѣ въ 1907-мъ году производилось формальное дознаніе по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 129 ст. угол. улож., а именно въ произнесеніи, въ началѣ 1907-го года, въ весьегонскомъ мѣщанскомъ клубѣ и краснохолмскомъ общественномъ собраніи, преобразованномъ по иниціативѣ Мясникова въ клубъ политическаго характера и вскорѣ послѣ того закрытомъ по распоряженію администраціи, рѣчей преступнаго содержанія. Означенное дознаніе опредѣленіемъ тверского губернскаго совѣщанія отъ 29-го октября 1907-го года прекращено за недостаточностью уликъ. Въ томъ же году о Мясниковѣ велась переписка въ порядкѣ охраны тверскимъ губернскимъ жандармскимъ управленіемъ. Независимо отъ сего, въ другихъ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ неоднократно встрѣчались косвенныя указанія на то, что распространеніе нелегальныхъ изданій среди населенія происходитъ не безъ участія Мясникова. Въ виду изложеннаго, я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію г. тверского губернатора о нежелательности утвержденія г. Мясникова въ званіи почетнаго мирового судьи, хотя, по свидѣтельству прокурора кашинскаго окружнаго суда, онъ въ послѣдніе два года и началъ проявлять значительно бо̀льшую терпимость къ взглядамъ и мѣропріятіямъ правительства, и въ настоящее время, по своимъ убѣжденіямъ, долженъ быть причисленъ, вѣроятнѣе всего, къ конституціонно-демократической партіи“. Итакъ, сужденіе о полити-

ческой благонадежности даннаго лица можно основывать на дознаніи, прекращенномъ за недостаточностью уликъ, на какой-то оставшейся безъ послѣдствій перепискѣ, на „косвенныхъ указаніяхъ“, имѣющихся въ какихъ-то „другихъ дѣлахъ“ и самому обвиняемому оставшихся, очевидно, совершенно неизвѣстными! И такое мнѣніе высказывается не служащимъ въ охранномъ отдѣленіи, не представителемъ администраціи, а прокуроромъ судебной палаты!.. Не менѣе странно и то, что въ дѣлахъ прокурора окружнаго суда оказываются данныя о степени терпимости частнаго лица „къ взглядамъ и мѣропріятіямъ правительства“. Съ которыхъ поръ собираніе и храненіе такихъ данныхъ лежитъ на обязанности прокуратуры? И къ чему ей свѣдѣнія о партійной окраскѣ того или другого лица, разъ что противъ него не возбуждено судебнаго преслѣдованія? Если факты, раскрываемые вышеприведенной перепиской, не результатъ случайности, а продуктъ системы, то что сказали бы о современной прокуратурѣ ея предшественники, хранившіе вѣрность духу судебныхъ уставовъ?..

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— В. Д. Коргановъ. Бетховенъ. Біографическій этюдъ. Съ иллюстраціями. Спб.

Въ галлереѣ великихъ людей и героевъ человѣчества есть нѣсколько образовъ, имѣющихъ особую власть надъ умами и сердцами ихъ современниковъ и потомства. Производя на нихъ особое впечатлѣніе тѣми или другими необычайными чертами своей дѣятельности и личной жизни, эти герои или, лучше, ихъ образы, сами въ свою очередь являются возбудителями и объектами коллективнаго и индивидуальнаго поэтическаго творчества, входятъ въ поэтическую легенду, становясь ея полуреальными, полуфантастическими дѣйствующими лицами и давая обильный матеріалъ для всевозможныхъ художественныхъ идеализацій и обработокъ.

Такимъ полуреальнымъ, полупоэтическимъ образомъ является, напримѣръ, знаменитый корсиканскій авантюристъ, поднявшійся изъ безвѣстности на головокружительную высоту императорскаго трона не одной Франціи, но и всей Западной Европы начала XIX-го вѣка, съ тѣмъ, чтобы очутиться въ одинъ печальный день жалкимъ узникомъ мѣщански низменнаго тюремщика, на затерянной среди океана скалѣ. Величайшій тиранъ и деспотъ въ дѣйствительной жизни, онъ

грандіозной трагичностью своей судьбы заставилъ, однако, зазвучать сочувственными аккордами струны поэзіи и вольнолюбиваго Гейне, и нашего Лермонтова, не дорожащаго призрачными трофеями завоевателя.

Не въ меньшей степени привлекалъ и привлекаетъ къ себѣ фантазію многихъ поколѣній полный внутренняго трагизма образъ одного изъ величайшихъ властителей звуковъ, не согрѣтаго лучомъ счастья нелюдима-художника, жившаго только въ музыкѣ, для музыки и музыкой, и страшнымъ недугомъ лишеннаго возможности слышать музыкальные звуки—единственное утѣшеніе и душевную опору на его безразсвѣтно-сумрачномъ, одинокомъ жизненномъ пути. Титанъ-борецъ, не сдающійся передъ тягчайшими ударами судьбы, воспѣвающій свободу и независимость духа отъ тягостей жизни, славящій въ рабской Австріи временъ Меттерниха радостное единеніе свободныхъ братскихъ народовъ (IX-я симфонія), слагатель величавыхъ гимновъ, прославляющихъ въ стѣнахъ полуязыческой, мелочно-католической Вѣны единое всеобъемлющее міровое начало (Missa Solemnis), носитель величайшихъ, по своей проникновенной глубинѣ, душевныхъ переживаній (сонаты, квартеты, симфоніи), обреченный на полу-нищенское существованіе среди безпутной и разгульной вѣнской жизни—вотъ какимъ знаетъ и любитъ все культурное человѣчество одного изъ величайшихъ своихъ представителей, вѣнскаго капельмейстера и художника звуковъ (Tonkünstler) Лудвига фанъ Бетховена.

Безчисленные разсказы, повѣсти, романы, лирическія и драматическія поэмы на разныхъ языкахъ міра, эстампы, картины, скульптурныя произведенія и даже музыкальныя сочиненія посвящены идеализаціи и возвеличенію этого полуфантастическаго, полуреальнаго Бетховена. Нѣтъ спора, что съ бо́льшимъ или меньшимъ талантомъ въ перечисленныхъ произведеніяхъ выдвинуты и намѣчены наиболѣе рельефныя и яркія свойства Бетховенской личности и черты его подлинной біографіи. Тѣмъ не менѣе, подлиннаго, историческаго Бетховена—какимъ онъ рисуется въ многотомномъ трудѣ его біографа, американца Тайера, съ дополненіями Дейтерса, отдавшихъ на это дѣло всю свою жизнь, и въ другихъ біографическихъ матеріалахъ,—мало кто знаетъ, не только у насъ, но и на Западѣ, кромѣ присяжныхъ историковъ музыки. Кому же придетъ охота преодолѣвать тяжеловѣсные томы кропотливаго изслѣдованія Тайера, переполненные массой разныхъ фактическихъ мелочей, не имѣющихъ непосредственнаго интереса? Особенно бѣдна въ данномъ отношеніи наша русская музыкальная литература, и потому добросовѣстный трудъ г. Корганова, имѣющій цѣлью приблизить русскихъ читателей къ жизни подлиннаго, историческаго Бетховена, представляетъ собою особую цѣнность.

Объемистый трудъ г. Корганова—работа весьма добросовѣстная, стоящая вполнѣ на уровнѣ современной разработки матеріаловъ для біографіи Бетховена. Авторъ знакомъ со всѣми относящимися сюда сочиненіями, какъ это видно не только изъ библіографическаго перечня Бетховенской литературы, приложеннаго въ концѣ книги, но и изъ всей его книги. Главными источниками для ея составленія г. Корганову служили письма великаго композитора, цитируемыя большей частью полностью, или съ пропусками несущественнаго характера.

Переводъ этихъ писемъ, представлявшій нерѣдко значительныя трудности, въ виду своеобразнаго языка оригинала, отличается точностью и достаточной литературностью. Благодаря предпочтенію, оказанному авторомъ письмамъ Бетховена, его біографическій трудъ подходитъ къ типу довольно частыхъ теперь въ западной литературѣ жизнеописаній въ письмахъ, вродѣ извѣстной біографіи Шумана, составленной Г. Эрлеромъ.

Свою отвѣтственную задачу г. Коргановъ выполнилъ съ любовью и знаніемъ дѣла, и потому книга его можетъ быть рекомендована каждому желающему познакомиться съ біографіей Бетховена. Какъ на извѣстный недостатокъ книги, можно указать лишь на нѣкоторую тяжеловѣсность языка, невыдержанность и высокопарность стиля, въ которыхъ отразилось, повидимому, вліяніе его нѣмецкихъ источниковъ и пособій.

Съ внѣшней стороны трудъ г. Корганова изданъ очень изящно, снабженъ многими иллюстраціями и рядомъ цѣнныхъ приложеній, каковы, напримѣръ, перечень сочиненій Бетховена, библіографическій перечень литературы предмета, перечень рисунковъ и факсимиле, помѣщенныхъ въ изданіи, и планъ г. Вѣны.—С. Буличъ.

—В. Вересаевъ. Живая жизнь. Часть I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. М., 1911.

„Человѣкъ проклятъ"—такъ названа первая часть блестяще написанной книги г. Вересаева. Эта часть посвящена Достоевскому. „Да здравствуетъ весь міръ!"—заглавіе второй, большей части, о Львѣ Толстомъ. Безнадежно унылому, придавленному міронастроенію и мірощущенію Достоевскаго противопоставлена ясная и свѣтлая душа Толстого-художника, неисчислимыми корнями и нитями связанная съ міровой жизнью, оправдывающая и утверждающая всеобщую жизнь, въ противоположность своему антиподу, устремившему взоръ въ лицо смерти. Работа г. Вересаева—антитезисъ извѣстной книги г. Мережковскаго, превознесшей Достоевскаго. Прекрасно, до тонкости изучивъ произведенія того и другого писателя, г. Вересаевъ, не прибѣгая къ сухому историко-литературному и біографическому комментарію, поль-

зуясь исключительно самыми ихъ произведеніями, живымъ голосомъ ихъ творчества, шагъ за шагомъ возсоздаетъ передъ нами міръ чувствъ, настроеній и идей, среди которыхъ живетъ душа писателя. И это воспроизведеніе—настоящій и серьезный образецъ критическаго творчества — контрастами и свѣтотѣнями выпукло обрисовываетъ изначальную противоположность, залегшую въ Достоевскомъ и Толстомъ.

„Живою тяжестью давятъ читателя его (Достоевскаго) туманы, сумраки и моросящіе дожди. Мрачная, отъединенная тоска заполняетъ душу... Въ душѣ художника—вѣчная безпросвѣтная осень. Онъ какъ будто съ большимъ только напряженіемъ можетъ представить себѣ, что есть на свѣтѣ радостный блескъ солнца, синее небо, манящіе полусвѣты ночи. Онъ мучительно знаетъ, что все это есть, но все это безнадежно далеко. Воспоминанія тусклы и безжизненны, какъ будто онъ смотритъ на нихъ сквозь запотѣлое отъ тумана стекло. Только изрѣдка вдругъ ярко мелькнетъ въ памяти обрывокъ образа—какой-нибудь „листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ“,—и сердце сожмется въ тоскѣ по далекому и недостижимому“.

„Солнце,—яркое, горячее солнце надъ прекрасною землею. Куда ни взглянешь, всюду неожиданная, таинственно-значительная жизнь, всюду блескъ, счастье, бодрость и вѣчная, нетускнѣющая красота. Какъ будто изъ мрачнаго подземелья вдругъ вышелъ на весенній просторъ; грудь дышетъ глубоко и свободно. Вспоминается далекое изжитое дѣтство: тогда міръ воспринимался въ такомъ свѣтѣ и чистотѣ, тогда ощущалась эта таинственная значительность всего, что̀ кругомъ. Среди прекраснаго міра — человѣкъ. Изъ души его тянутся живые корни въ окружающую жизнь, раскидываются въ ней и тѣсно сплетаются въ ощущеніи непрерывнаго, цѣлостнаго единства“...

Такими лирическими характеристиками начинаются первая и вторая части книги. Въ той же манерѣ живыхъ впечатлѣній выдержано и все остальное, но впечатлѣнія подтверждены и оправданы яркимъ и выразительнымъ подборомъ цитатъ, характеристикъ отдѣльныхъ моментовъ и личностей изъ произведеній Достоевскаго и Толстого. Что же такое эта „живая жизнь“, раскрываемая въ творчествѣ Толстого и столь чуждая Достоевскому, съ его страхомъ предъ изначальнымъ зломъ, таящимся въ душѣ человѣка, съ его воспаленнымъ взглядомъ, устремленнымъ къ одному пункту—къ вопросу о личномъ безсмертіи, съ его культомъ самодовлѣющаго страданія?

Самъ Достоевскій знаетъ это въ минуты просвѣтленнаго подъема силъ и творчества: „нѣчто до того прямое и простое, до того прямо на васъ смотрящее, что именно изъ за этой-то прямоты и ясности и невозможно повѣрить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь съ такимъ трудомъ ищемъ“.—„Добро! Любовь! Самоотвер-

женіе! — твердятъ герои Толстого и Толстой-проповѣдникъ.—Жизнь! Жизнь! Жизнь!—возражаетъ Толстой-художникъ".

Врачъ и, слѣдовательно, позитивистъ, авторъ дѣлаетъ интересную попытку связать это могучее тяготѣніе Льва Толстого къ таинственнымъ, все охватывающимъ непосредственнымъ силамъ жизни съ нѣкоторыми новѣйшими научными теченіями и оправдать художника новыми изысканіями науки. Г. Вересаевъ цитируетъ французскаго мыслителя Анри Бергсона, указывающаго на невыясненную роль инстинкта, дополняющаго разумъ, на силу внѣсознательныхъ элементовъ человѣческой психики. Живя не интеллектомъ, а инстинктомъ, мы не сознаемъ его власти; сплошь и рядомъ, ставя логическимъ разумомъ вопросы жизни и давая на нихъ шаткіе и противорѣчивые отвѣты, мы воображаемъ, что живемъ ими. Но самые вопросы о смыслѣ и безсмыслiи жизни разрѣшаются вовсе не разумомъ, а тѣмъ же инстинктомъ, и даже возникаютъ и удручаютъ человѣка тогда только, когда самый инстинктъ жизни начинаетъ замирать и организмъ физически и нравственно разлагается.

Въ отношеніи къ Толстому г. Вересаевъ очень тонко и умно показываетъ, какъ художникъ силу творческаго добра выводитъ изъ чувства энергіи и полноты жизни. Въ противоположность мнѣнію Толстого-моралиста, съ его раціонализмомъ, любовь, говоря словами Толстого же, „не есть выводъ разума, а есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ". Для Наташи „Войны и мира" добрые поступки—такое же проявленіе жизни, какъ ея пѣсни и радость. Совершенно безжизненны, наоборотъ, тѣ образы Толстого, въ которыхъ художникъ сознательно думалъ воплотить начало добра, напр. герой повѣсти „Ходите въ свѣтѣ"; точно также душевно безжизненны художественно изображенные Толстымъ люди, ушедшіе въ благотворительность вслѣдствіе лично незадавшейся жизни.

Точка зрѣнія г. Вересаева просто и убѣдительно объясняетъ попутно и много другихъ особенностей художественнаго творчества Толстого. Такъ, превосходно объяснена Анна Каренина, какъ жертва разъединенныхъ жизненныхъ силъ половой любви и материнства, жертва поруганія, въ условіяхъ современнаго общества, таинства жизни, обновляющаго и созидающаго лицо прекрасной Земли. Въ книгѣ разсѣяно много отдѣльныхъ, мимоходомъ брошенныхъ, мѣткихъ мыслей, которыя невольно врѣзываются въ память. Отталкиваетъ Стива Облонскій, пока онъ „ничего не дѣлающій начальникъ какого-то ненужнаго присутствія, законный членъ бездѣльнаго міра, на который сыплются земныя блага въ видѣ мѣстъ, арендъ и концессій: онъ сидитъ на жизни какъ красивый чужеядный грибъ"; но „будь это не князь

Степанъ Аркадьевичъ Облонскій, а напр. фабричный Степка Облонскій,—и что это былъ бы за милый, покоряющій образъ! Пилъ бы онъ не шампанское, а казенку, путался бы не съ балеринами и француженками, а съ слободскими дѣвицами,—грѣшный и забубенный носитель неодолимой радости жизни, всѣхъ кругомъ захлестывающій бушующимъ въ немъ моремъ добродушнаго, всепрощающаго веселія"...

Жизнь можетъ быть безмѣрно прекрасна, всезахватывающе счастлива—это показалъ и чувствовалъ Левъ Толстой. „Если не суждено человѣчеству окончательно выродиться, то оно поймет когда-нибудь, что смыслъ его существованія—не въ трагическомъ преодолѣніи жизни, а въ безтрагичномъ гармоническомъ сліяніи съ нею. Основою этой безтрагичной гармоніи можетъ быть только одно—сила жизни, которая побореть всякую трагедію, для которой „на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго". Этою силою жизни несокрушимо крѣпокъ былъ Гомеръ. Ея требовалъ отъ человѣка прекраснѣйшій изъ эллинскихъ боговъ, дѣйственный, солнечно-свѣтлый Аполлонъ. Этой-то силы требуетъ отъ человѣка и Левъ Толстой". „Если въ пониманіи человѣка правъ Толстой, то дѣло, дѣйствительно, просто: нужно только вызвать на свѣтъ ту силу жизни, которая безчисленными ключами бьетъ въ нѣдрахъ человѣчества. Но если правъ Достоевскій—а самый фактъ существованія его показываетъ, что до извѣстной степени правъ онъ,—то дѣло очень и очень непросто. Въ мертвыхъ и безплодныхъ нѣдрахъ человѣчества только чуть сочатся вялыя струйки жизни; ничего изъ этихъ нѣдръ не вызовешь. Силу жизни человѣчеству предстоитъ еще *добывать*. А это—задача огромная и безмѣрно трудная". Этими словами заканчивается книга г. Вересаева. Критическій анализъ созданій двухъ геніальныхъ писателей приводитъ, такимъ образомъ, къ основному вопросу развитія человѣчества и ставитъ предъ читателемъ громадную проблему.

Въ общемъ безусловно присоединяясь къ конечнымъ выводамъ и симпатіямъ автора, мы все-таки считаемъ нужнымъ возразить противъ того безусловнаго противоположенія Достоевскаго Толстому, какое проведено во всей книгѣ. Отношеніе ихъ по существу то же, что отношеніе Пушкина и Гоголя, если говорить о писателяхъ, изъ которыхъ вышли Толстой-художникъ и Достоевскій. Это—отношеніе двухъ основныхъ человѣческихъ типовъ: классика и романтика, Аполлона и Діониса. Видѣть въ нихъ нѣчто несоединимое и непримиримое въ живомъ развитіи человѣчества едва ли есть основаніе. Въ частности Достоевскій, авторъ классическихъ „Записокъ изъ Мертваго Дома" (г. Вересаевъ считаетъ ихъ какимъ-то загадочнымъ hors d'oeuvre Достоевскаго), какъ это собственно знаетъ и его строгій судья, пожалуй не такъ далекъ отъ пониманія инстинкта силы жизни, какимъ рисуетъ

его книга г. Вересаева. Какъ Гоголь проповѣдывалъ „любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“, такъ Достоевскій мучитъ себя и читателей ужасомъ удаленія отъ живой жизни своихъ извращенныхъ и больныхъ душой героевъ. Да и послѣднее слово Толстого-художника, Платонъ Каратаевъ—временами вовсе не такъ ужъ далекъ отъ старца Зосимы.

Какъ бы то ни было, отъ души привѣтствуемъ вдумчивый, красиво, мѣстами страстно написанный трудъ г. Вересаева, возбуждающій мысль, зовущій къ гармоническому, могучему творчеству Льва Толстого отъ могильно-темнаго и часто враждебнаго жизни душевнаго міра героевъ Достоевскаго.

— Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. М., 1911.

Въ сборникѣ г. Фидлера собрано 54 автобіографіи современныхъ литературныхъ дѣятелей, между прочимъ—каемся въ своемъ невѣжествѣ—даже такихъ, имена которыхъ мы впервые узнали изъ этой книги. Случайность состава подобныхъ сборниковъ—обычный ихъ недостатокъ, отличающій и книгу г. Фидлера. Поэтому „первые литературные шаги“, спеціально интересовавшіе усерднаго собирателя, въ значительной своей части нисколько не интересны. Разсказы о нихъ иногда производятъ, со стороны самомнѣнія авторовъ, прямо комическое впечатлѣніе. Микроскопическій беллетристъ „трепещетъ при мысли“, что кто-нибудь напечатаетъ его раннія рукописи. Другой торжественно возвѣщаетъ, что онъ „пріоткроетъ страницу изъ самыхъ юныхъ переживаній, интимнѣйшихъ, о которыхъ никто, кромѣ меня, разсказать не можетъ“. Нѣкоторые не удержались также отъ удобнаго случая излить свои злоогорченія на редакціи, отказывавшія имъ въ пріемѣ рукописей. Другіе нарочито и обидчиво подчеркиваютъ, что они стоятъ внѣ партій и кружковъ, дѣлающихъ литературную извѣстность. Третьи просто брюзжатъ: въ старину было лучше—„мы любили и почитали родную литературу“, а теперь-де Богъ знаетъ что, или жалуются, что когда они стали писать „обдуманнѣе, зрѣлѣе и оригинальнѣе“, имъ стало труднѣе пристраивать свои произведенія... И все это коварный г. Фидлеръ полностью напечаталъ, головой выдавъ маленькія слабости своихъ литературныхъ друзей. Впрочемъ, и онъ не остался безъ возмездія. Одинъ авторъ явно и зло подшутилъ надъ коллекціонеромъ, серьезнѣйшимъ образомъ приведя въ доказательство наслѣдственности своей любви къ Достоевскому удивительный фактъ: его мамаша имѣла привычку варить супъ, держа подъ-мышкой „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Но помимо этихъ, долею неизбѣжныхъ, слабыхъ сторонъ, книга г. Фидлера представляетъ извѣстный историко-литературный инте-

ресъ, и къ ней будутъ обращаться не разъ будущіе историки литературы за справками. Широкихъ обобщеній на основаніи ея сдѣлать нельзя; не рискнулъ на нихъ и составитель. Для какихъ-либо прочныхъ выводовъ общаго характера, кромѣ недостаточности числа автобіографій, служитъ препятствіемъ и то обстоятельство, что написаны онѣ очень разно, отъ сухихъ справокъ въ страничку-двѣ до пространныхъ воспоминаній. Болѣе обширныя (и интересныя) автобіографическія замѣтки принадлежатъ Гр. С. Петрову, О. А. Шапиръ, К. В. Лукашевичъ, И. Л. Щеглову, С. Д. Дрожжину, Л. Я. Гуревичъ, Н. О. Пружанскому. Нѣкоторыя кратки, но ясны, живы и содержательны и новы, таковы замѣтки Е. А. Чирикова, Н. А. Морозова и др.

Бросается въ глаза черта, общая нѣсколькимъ автобіографіямъ: значительная часть нашихъ современниковъ вовлечена въ литературу прежде всего и болѣе всего домашней обстановкой, пристрастіемъ въ ней къ книгѣ и неумѣреннымъ чтеніемъ въ дѣтствѣ и ранней юности. Не сказывается ли это впослѣдствіи значительной долею банальности и подражательности, съ какою они вступаютъ въ литературу не самостоятельными творцами, а перепѣвающими съ чужого голоса чужіе мотивы?.. Въ числѣ писателей, игравшихъ наибольшую роль въ возникновеніи у нашихъ современниковъ стремленій къ писательству вообще и къ созданію первыхъ произведеній въ особенности, всего чаще, по нашему подсчету, называется имя Достоевскаго, а за нимъ уже идутъ имена Пушкина, Толстого, Тургенева, Некрасова и т. д., вплоть до новѣйшихъ—Максима Горькаго, Короленка, Брюсова, Бальмонта и Блока. Конечно, точный подсчетъ здѣсь не можетъ имѣть мѣста, въ виду неопредѣленности этого рода указаній и недостаточнаго ихъ числа; но все же это появленіе въ анкетѣ на первомъ мѣстѣ Достоевскаго, кажется, не совсѣмъ случайно, а связано съ дѣйствительнымъ тяготѣніемъ къ нему нашихъ современниковъ.

Отношенія среды къ первымъ шагамъ начинающихъ писателей то равнодушны, то участливы, смотря по обстоятельствамъ. Но для русской литературы нѣкоторыя обстоятельства особо характерны. Напримѣръ, поэтическія произведенія Н. А. Морозова въ первый разъ прозвучали „въ вонючей сточной трубѣ (въ стѣнѣ дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ)“, чрезъ которую переговаривались заключенные. Тюрьма и ссылка, въ качествѣ мотива или спутника литературной дѣятельности, вообще упоминаются неоднократно. Столь же неизбѣжный спутникъ—цензурныя приключенія, отъ запрещенія одного разсказа Ясинскаго, касавшагося крѣпостного права, по тому мотиву, что „крѣпостное право будетъ вскорѣ возстановлено“, до комическихъ приключеній поэта Д. Цензора, которому, по его словамъ, постоянно

вредила у цензуры его фамилія, за которой цензора подозрѣвали злонамѣренное издѣвательство надъ собою.

За исключеніемъ немногихъ, общій итогъ жизни писателей, какъ людей профессіи,—не изъ веселыхъ. Писатель, признающій себя довольнымъ и счастливымъ, что пошелъ по этому, а не другому пути, резюмируетъ: „въ началѣ существовать было *очень тяжело*, потомъ стало *просто тяжело*, теперь—послѣ 32 лѣтъ литературной работы, все еще *тяжело*, а въ перспективѣ, вѣроятно, будетъ опять *очень тяжело*“.— „У насъ слава такъ похожа на несчастье, — говоритъ другой, — а блага получаемыя до того въ большинствѣ случаевъ ничтожны и не отвѣчаютъ труду, затраченнымъ силамъ и матеріальнымъ жертвамъ, что приходится, говоря о конечной цѣли писателя, говорить только о могилѣ“. Третій счастливъ тѣмъ, что можетъ причислить себя къ семьѣ русскихъ литераторовъ, но онъ не благословилъ бы сына своего на этотъ тернистый путь... Въ общемъ тонъ автобіографій съ этой стороны несомнѣнно скорѣе минорный, чѣмъ приподнятый, тонъ тяжелаго раздумья. Интересная черта воспоминаній писательницъ: онѣ съ бо̀льшей любовью и бо̀льшими подробностями останавливаются на первыхъ литературныхъ своихъ впечатлѣніяхъ и входѣ въ литературу, чѣмъ писатели. Немногіе изъ послѣднихъ вспоминаютъ о прошломъ, какъ Чириковъ, съ бодрымъ юморомъ.

Кромѣ подробностей о себѣ, нѣкоторые авторы сообщаютъ мѣстами довольно любопытные эпизоды воспоминаній о своихъ литературныхъ встрѣчахъ. Тепло отзывается, между прочимъ, рядъ лицъ о Шеллерѣ-Михайловѣ и Л. Оболенскомъ. Чириковъ сообщаетъ характерный анекдотъ, сообщенный ему Н. Г. Чернышевскимъ, въ отвѣтъ на вопросъ, что дѣлать теперь съ народомъ. „Однажды, когда я жилъ въ Петербургѣ и тоже очень желалъ помочь народу,—разсказалъ въ поученіе юному литератору авторъ „Что дѣлать?“ — поднимаюсь къ себѣ на квартиру по лѣстницѣ, а впереди идетъ дворникъ съ вязанкою дровъ за спиной. Вижу я, что дрова, того и гляди, развалятся. Какъ же не помочь?.. Вотъ я на ходу и давай поправлять вязанку... Разсыпались дрова-то, а дворникъ меня сталъ ругать“... Характерны и еще два анекдота: В. П. Острогорскій, когда А. Блокъ принесъ ему первые свои стихи, навѣянные фантастическими птицами Васнецова, сказалъ: „какъ вамъ не стыдно, молодой человѣкъ, заниматься *этимъ*, когда въ университетѣ Богъ знаетъ что творится!“—и выпроводилъ его съ свирѣпымъ добродушіемъ. „Тогда это было обидно, а теперь вспоминать объ этомъ пріятнѣе, чѣмъ обо многихъ позднѣйшихъ похвалахъ!“ Салтыковъ, по прочтеніи „Пшеницыныхъ“ М. Н. Альбова, сказалъ автору: „Предметъ интересенъ, но длинноты нестерпимыя. Вы еще

разъ перечтите, и все, что вамъ не понравится—къ чорту, къ чорту, къ чорту!"

Въ общемъ, страницы банальныя и безсодержательныя выкупаются въ этомъ сборникѣ автобіографій то страницами существеннаго біографическаго значенія, то лирическимъ, искреннимъ изліяніемъ, то живымъ анекдотомъ и яркой поэтической картинкой. Чистый доходъ съ книги поступаетъ въ пользу Литературнаго фонда.—Ч. В—скій.

— Самсонъ (Samson Agonistes). Драматическая поэма Джона Мильтона. Переводъ въ стихахъ Н. А. Брянскаго. Спб., 1911 г.

„Самсонъ" — лебединая пѣсня великаго поэта и общественнаго дѣятеля. Не успокоенный торжественными, величавыми метрами обѣихъ поэмъ о раѣ, старый борецъ на склонѣ дней остался вѣренъ себѣ. Умѣвшій и любить, и ненавидѣть, нравственно-чуткій и суровый, Мильтонъ не могъ вынести равнодушно той общественной деморализаціи, того крушенія нравственныхъ и политическихъ идеаловъ, которыми ознаменовалась эпоха реставраціи Стюартовъ, и мечталъ о самсоновой силѣ, которая должна сокрушить столпы ненавистной ему монархіи. Сюжетъ драмы въ общемъ совпадаетъ съ библейскимъ разсказомъ о мщеніи и гибели Самсона, но у Мильтона Самсонъ—пуританинъ, республиканецъ, отчасти самъ Мильтонъ. Вся поэма—не только сплошная аллегорія, но полна намековъ на отдѣльныя событія англійской исторіи XVII вѣка и жизни самого поэта, такъ же крѣпкаго въ своей вѣрѣ, такъ же обманутаго судьбою, какъ Самсонъ. Подъ рухнувшими стѣнами капища погибъ лучшій цвѣтъ филистимлянъ—и поэтъ какъ бы предчувствовалъ паденіе Стюартовъ. Значеніе, которое придавалъ Мильтонъ „Самсону", особенно подчеркивается избранной имъ формой. Какъ пуританинъ, онъ не любилъ сцены, а о національной англійской драмѣ (и въ томъ числѣ о Шекспирѣ, геній котораго, однако, признавалъ) говорилъ, что она „унизила достоинство и серьезность трагедіи примѣсью комическаго элемента, выводя на сцену низкія и вульгарныя лица"; но для своего нравственно-политическаго завѣщанія онъ избралъ форму греческой трагедіи, высшаго образца поэтическаго творчества, и слѣдовалъ рабски этой формѣ, удѣливъ мѣсто и хору, и традиціонному „вѣстнику", и строго соблюдая классическія „единства". Переводчикъ удачно справился со своей задачей, но напрасно отбросилъ предисловіе Мильтона и не далъ объяснительныхъ примѣчаній. И въ наши дни интересна эта поэма о борьбѣ духа свободы съ духомъ гнета, знакомой не одной странѣ и не одной эпохѣ.—Н. Л.

— Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. VII—IX. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I—III. Изд. „Общественной Пользы“ и „Прометея“. Спб., 1910, 1909, 1911.

Къ двумъ прежнимъ частямъ своей „Исторіи русской интеллигенціи“ Д. Н. Овсянико-Куликовскій прибавилъ теперь третью, отчего какъ бы еще выросло и углубилось значеніе этого капитальнаго труда, отличающагося филигранной тонкостью и исчерпывающей полнотою. При условіяхъ нашей общественности, въ такой молодой и отсталой странѣ, какъ Россія, исторія интеллигенціи является вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіей всей культурной жизни, всего духовнаго творчества.

Подъ „интеллигенціей“ изслѣдователь разумѣетъ „образованную и мыслящую часть общества, созидающую и распространяющую общечеловѣческія духовныя цѣнности“, и даетъ подробный анализъ, въ хронологическомъ порядкѣ, ея психологіи, ея классоваго состава и общественной роли. Основная тема изслѣдованія—мысль о бросающемся въ глаза контрастѣ между богатствомъ умственной жизни интеллигенціи и убожествомъ матеріальной культуры нашей страны. Въ этой поразительной антитезѣ—источникъ и объясненіе „чаадаевскихъ настроеній“ нашей интеллигенціи, проявляющихся у нея начиная съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка и до нашихъ дней. Представители интеллигенціи характеризуются изслѣдователемъ въ рамкѣ того или другого „поколѣнія“, въ связи съ чертами, которыя налагала на нихъ эпоха, историческія условія. Любопытно и поучительно вмѣстѣ съ Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ прослѣдить, какъ въ нашей исторіи чередуются глубоко различныя поколѣнія интеллигентовъ, обнаруживая то тѣ, то другія черты сложной и своеобразной интеллигентской психики: „практическое“, закаленное въ борьбѣ поколѣніе 20-хъ годовъ—и романтики 30-хъ—40-хъ; раціоналисты-шестидесятники—и романтическіе народники 70-хъ годовъ и т. д. Прошлое вскрывается умѣлой рукой, и вдумчивому читателю нетрудно найти въ немъ корни и объясненія многихъ задачъ и тревогъ нашего времени... Интеллигентное сочувствіе діагноста-психолога сочетается у Д. Н. Овсянико-Куликовскаго съ безпристрастіемъ лѣтописца; картина, рисуемая имъ, отличается не только полнотой, но и широтой горизонта.

Въ третьей части труда изслѣдователь остается, въ общемъ, вѣренъ своему основному методу. Однако, въ ней замѣтна нѣкоторая разница въ изложеніи, въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя наблюдаются и въ самой жизни. Современная жизнь, сложная и пестрая, труднѣе укладывается въ опредѣленныя общественныя рамки. Чеховскіе герои не такъ опредѣленны и типичны въ общественномъ отношеніи, какъ напр. тургеневскіе, но, зато, индивидуалистичнѣе. Въ этой, третьей, части „Исторіи русской интеллигенціи“ читатель

найдетъ превосходныя, обстоятельныя статьи о Короленкѣ, Чеховѣ, Эртелѣ, Толстомъ, Боборыкинѣ—на фонѣ общей характеристики интеллигентскихъ настроеній въ 80-ые и 90-ые годы.—Е. Колтоновская.

— А. В. Тужилинъ. Современный Китай. Томы I—II. Спб., 1910.

Существуютъ русскіе интересы въ Китаѣ—интересы, во всякомъ случаѣ немалые,—существуютъ многочисленныя русскія колоніи въ Маньчжуріи и Китаѣ (напр. Ханькоу), существуетъ во Владивостокѣ Восточный институтъ, дающій, при превосходныхъ условіяхъ дѣятельности, спеціальное образованіе нашимъ дѣятелямъ на Дальнемъ Востокѣ вообще и, главнымъ образомъ, въ Китаѣ—а попробуйте найти въ русской литературѣ синтетическій трудъ, результатъ добросовѣстнаго и долгаго изученія Китая спеціалистомъ, говорящій о его жизни внѣшней и внутренней, нынѣшней и древней, объ его исторіи, бытѣ, всей его цивилизаціи прежней и новой, нарождающейся—трудъ хотя бы въ родѣ извѣстнаго сочиненія американца Уильямса: „The Middle Kingdom“ или превосходныхъ очерковъ Smith'a! Все, что вы найдете, будетъ компиляціей неспеціалистовъ, ссужающихъ васъ беллетристикой и статистикой, благо и то, и другое достижимо безъ усилій, а также транскрипціей собственныхъ именъ, сооруженной по системамъ домашняго изготовленія. Наши дѣятели на Востокѣ, получающіе высшее спеціальное образованіе въ Петербургѣ и Владивостокѣ, какъ-то не умѣютъ примѣнить его *частнымъ образомъ*, внѣ обязательныхъ уроковъ и канцелярскихъ упражненій. У нихъ нѣтъ потребности въ изученіи народа, среди котораго они живутъ, нѣтъ интереса, захватывающаго интеллектъ. Мы имѣемъ въ Китаѣ какъ бы проекціи петербургскихъ канцелярскихъ силуэтовъ, отгородившихся отъ копошащихся вокругъ туземцевъ стѣнами сэтльмента, или видимыми, или условно создаваемыми, и нежелающими дѣлать какія бы то ни было усилія, разъ они не имѣютъ отношенія къ службѣ.

При такихъ обстоятельствахъ исключенія особенно пріятны. Къ числу ихъ относится и авторъ настоящей книги, окончившій курсъ факультета восточныхъ языковъ, состоявшій при русской миссіи въ Пекинѣ и нынѣшній секретарь нашего консульства въ Цицикарѣ. Онъ нашелъ возможнымъ удѣлить досугъ отъ своего крайне занятаго службой времени составленію книги, „широко охватывающей вопросы современнаго положенія вещей въ Китаѣ“. Какъ бы мы ни отнеслись къ самому исполненію авторомъ этой задачи, за одну его иниціативу мы должны искренно его благодарить. Какъ спеціалистъ по китаевѣдѣнію, онъ не могъ ловко отдѣлываться одними беллетристическими пріемами, и его книга, не смотря на многочисленные недостатки, о которыхъ здѣсь нѣтъ мѣста говорить, заслуживаетъ полнаго вниманія;

можно только пожелать совершенствованія ея въ дальнѣйшихъ изданіяхъ. Трудъ г. Тужилина обнимаетъ въ первомъ томѣ географію Китая, численность его народонаселенія, новыя его общественныя теченія, государственный строй, новое образованіе, торговлю, промышленность, армію, флотъ, телеграфъ, почту, реформы судебной части, желѣзныя дороги. Во второмъ томѣ онъ даетъ компиляцію свѣдѣній объ исторіи Китая, его бытѣ, языкѣ, религіяхъ, искусствѣ и т. д. Кромѣ извѣстнаго труда г. Коростовца (нашего нынѣшняго посланника въ Пекинѣ): „Китайцы и ихъ цивилизація", сильно повліявшаго на настоящій трудъ г. Тужилина, врядъ-ли найдется въ позднѣйшей русской литературѣ что-либо подобное. Вотъ почему мы привѣтствуемъ его книгу, какъ трудъ спеціалиста-піонера. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы мы оставались незнакомыми со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ въ то время, когда онъ даетъ уже намъ себя чувствовать и когда на иностранный рынокъ сотнями выбрасываются сочиненія о современномъ Китаѣ. Будемъ надѣяться, что трудъ г. Тужилина найдетъ подражателей именно въ той средѣ, къ которой авторъ принадлежитъ.—В. А.

— Н. И. Паліенко. Основные законы и формы правленія въ Россіи.—Юридическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1910.

Работа проф. Паліенко посвящена неизмѣнно жгучему вопросу о формѣ правленія въ Россіи по дѣйствующимъ основнымъ законамъ. Авторъ отмѣчаетъ не только разноголосицу сужденій по данному вопросу общественныхъ и, въ частности, партійныхъ группъ, но и отсутствіе опредѣленнаго отвѣта со стороны третьей Государственной Думы и представителей правительственной власти. Такое положеніе дѣла авторъ не безъ основанія признаетъ „недопустимымъ съ точки зрѣнія элементарныхъ требованій государственнаго правопорядка".

Вопросъ о формѣ правленія въ Россіи связанъ непосредственно съ толкованіемъ терминовъ „самодержавный" и „неограниченный". Авторъ сначала подвергаетъ анализу буквальный текстъ дореформеннаго права, при чемъ ему удается установить, что ни ст. 1 основныхъ законовъ, ни источники ея, ни, наконецъ, историческія данныя о словоупотребленіи не даютъ основаній къ отождествленію предикатовъ „самодержавный" и „неограниченный". Вопреки извѣстному мнѣнію Коркунова, авторъ находитъ въ „Руководствѣ къ познанію законовъ" Сперанскаго разграниченія означенныхъ терминовъ: первый означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права, а второй—полноту ихъ и нераздѣльность. Разграниченіе это проф. Паліенко ставитъ въ связь съ теоріей монархическаго верховенства, формулированной въ началѣ XIX в. и получившей окончательную научную

обработку въ ученіи современной германской юридической школы государствовѣдѣнія. Эта теорія, предполагающая сосредоточеніе государственной власти въ лицѣ монарха, допускаетъ *въ осуществленіи* державныхъ правъ ограниченіе монарха соучастіемъ другихъ органовъ, въ частности—народнаго представительства. Анализъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ приводитъ автора къ утвержденію, что ими закрѣпляется начало конституціонной монархіи, согласно которому законъ есть норма, устанавливаемая монархомъ „въ единеніи“ съ народнымъ представительствомъ. Онъ находитъ, что наши основные законы устанавливаютъ „основы дуалистическаго конституціоннаго государства, ограниченной конституціонной представительной монархіи, съ весьма ярко при этомъ выраженнымъ преобладаніемъ монарха и открытымъ признаніемъ монархическаго суверенитета“. Въ этомъ смыслѣ истолковывается сохраненіе предиката „самодержавный“ въ ст. 4 основныхъ законовъ. Предикатъ же „неограниченный“, опущенный въ редакціи ст. 4 и сохраненный только въ ст. 222 учрежденія о Императорской фамиліи, истолковывается въ томъ смыслѣ, что „имъ опредѣляется лишь власть монарха, какъ главы Императорскаго Дома въ отношеніи членовъ Императорской Фамиліи“. Начало верховенства монарха авторъ находитъ теоретически несостоятельной конструкціей, „несовмѣстимой съ современнымъ пониманіемъ правовой природы государства, какъ корпоративнаго союза, являющагося субъектомъ властвованія“, при чемъ, однако, признаетъ, что и при господствѣ этой конструкціи страна „является конституціоннымъ государствомъ, хотя и наименѣе развитаго типа“. Исходя изъ теоретическихъ предположеній и опираясь на точный смыслъ ст. 84 основныхъ законовъ, авторъ утверждаетъ принципъ верховенства закона и связанности конституціоннаго монарха закономъ („Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ“). Съ этимъ согласуется самый фактъ подробнаго исчисленія правъ, осуществляемыхъ монархомъ въ порядкѣ верховнаго управленія, ибо именно изъятія изъ общаго правила требуютъ точнаго, исчерпывающаго перечня.

Итакъ, выводъ, къ которому насъ приводитъ авторъ, таковъ: теорія верховенства монарха даетъ, повидимому, возможность объяснить нѣкоторыя особенности дѣйствующихъ основныхъ законовъ; однако, будучи принципомъ несостоятельнымъ теоретически, она едва-ли можетъ служить основнымъ началомъ толкованія.—А. С.

— І. Малиновскій. Кровавая месть и смертныя казни. Томскъ. Вып. I, 1908. Вып. II, 1909. Ц. 2 р. 25 к.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“—таково впечатлѣніе отъ книги г. Малиновскаго. Вся она—искренній, научно-поддержан-

ный протестъ противъ „нечеловѣческой мести“: смертной казни. „Съ благоговѣніемъ“ вспоминаетъ авторъ рѣчи народныхъ представителей въ первой и второй Государственной Думѣ на тему о смертной казни, и съ любовью останавливается на рѣчи „захолустнаго священника“ о. Тихвинскаго, который говорилъ: „убійство по суду, убійство въ христіанскомъ обществѣ, обществѣ во имя Бога—это преступнѣйшее изъ убійствъ!.. Протестовать надо, протестовать всѣми силами души противъ растлѣвающаго душу и тѣло зла“. „Не могу молчать!“—вырвалось и у Л. Н. Толстого. Къ этимъ словамъ присоединяется и авторъ, говоря: „должны протестовать и люди науки“. И его протестъ есть, дѣйствительно, протестъ человѣка науки, который искренно надѣется, что „при свѣтѣ истинъ, добытыхъ историческою наукою, виднѣе будутъ способы борьбы съ этимъ зломъ“. Богатѣйшій фактическій матеріалъ собранъ авторомъ по вопросу о смертной казни.

Смертная казнь, по мнѣнію г. Малиновскаго, имѣетъ своимъ прообразомъ кровавую месть; это утверждалъ уже одинъ изъ лучшихъ русскихъ криминалистовъ, проф. Кистяковскій, въ своемъ „Изслѣдованіи о смертной казни“. Смертная казнь, какъ и кровавая месть, является убійствомъ за преступленіе. Месть совершается по волѣ частнаго лица, казнь—по волѣ государства. Постепенно убійство по волѣ частнаго лица смѣняется убійствомъ по волѣ государства. Доказывая эти положенія, г. Малиновскій начинаетъ издалека—съ проявленій мести у животныхъ; затѣмъ передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница полудикихъ, малокультурныхъ народовъ, съ ихъ обычаями кровавой мести по *частной* иниціативѣ. Съ образованіемъ государства кровавая месть не прекращается. При слабости первоначальнаго государства частныя войны внутри государственнаго союза продолжаютъ дѣло отдаленныхъ предковъ—кровавую месть. Когда государство крѣпнетъ, прежняя кровавая месть возрождается въ формѣ смертной казни уже по иниціативѣ государства.

По существу казнь и месть—одно и то же, но по положительной цѣнности онѣ глубоко различны. Обычай кровавой мести сдерживалъ неуравновѣшенность натуры нашихъ далекихъ предковъ; смертная казнь вноситъ деморализацію въ психику массъ. Вмѣсто того, чтобы блюсти идею права и внушать ее населенію, „органы государственной власти подчиняются раздраженному чувству, внимаютъ голосу страсти, переходятъ границу цѣлесообразнаго и справедливаго, дѣйствуютъ такъ, какъ подобаетъ дѣйствовать частному мстителю“. Такое настроеніе власти проявляется въ особенности тогда, когда она теряетъ подъ собою почву, когда населеніе повинуется ей за страхъ, но не за совѣсть, когда масса глухо протестуетъ и вдругъ разражается революціоннымъ терроромъ, въ надеждѣ освободиться отъ устарѣв-

шихъ, пережитыхъ формъ государственнаго уклада. Террору революціонному власть противопоставляетъ свой „бѣлый терроръ“ и возводитъ его въ систему. „Появляются, продиктованные злобнымъ чувствомъ мстительности, уголовные законы, угрожающіе жестокими карами за всякое нарушеніе велѣній государственной власти. Обычай кровавой мести переходитъ въ законъ о смертной казни“. Стоитъ только вспомнить всѣ ужасы „военно-полевой юстиціи“ и „карательныхъ экспедицій“, чтобы оцѣнить систему „бѣлаго террора“.

„Никакими доводами разсудка, никакими соображеніями цѣлесообразности нельзя оправдать эту массу человѣческихъ жертвъ. „Но легко—не оправдать, а понять и объяснить это кровопролитіе, если смотрѣть на него какъ на проявленіе животнаго инстинкта злобной мстительности“. Къ тому же порядку явленій относитъ авторъ и народныя возмущенія и возстанія, какъ разиновщина или пугачевщина гдѣ ярко сказывается необузданное проявленіе народной мести. „Моменты возрожденія кровавой мести—говоритъ авторъ—всегда характеризовались одичаніемъ, озвѣреніемъ населенія. Этой чертой характеризуется и позднѣйшій, до сихъ поръ переживаемый нами, моментъ возрожденія кровавой мести въ Россіи... Смертная казнь по суду и разстрѣлы безъ суда, убійства террористическія и убійства погромныя... Постоянная практика этихъ кровавыхъ дѣлъ не могла не оказать вліянія на народную психику. Грубѣютъ нравы, притупляется способность сочувствовать чужому страданію, культивируются самосудъ и насилія, кровопролитіе становится повседневнымъ, заурядНымъ явленіемъ, пренебреженіе къ жизни человѣческой достигаетъ крайняго предѣла“. Гдѣ же выходъ?—спрашиваетъ авторъ и рѣшительно отвѣчаетъ: въ коренной политической реформѣ и въ правовомъ воспитаніи народа.—П. М.

— А. А. Жилинъ. Отвѣтственность министровъ. Очерки изъ теоріи, исторіи и практики этого института въ конституціонныхъ странахъ. Кіевъ, 1909.

За послѣднее время вопросу о министрахъ посчастливилось въ нашей литературѣ. Книга г. Жилина и сочиненіе А. А. Алексѣева, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ обозрѣніи, дополняютъ другъ друга и даютъ полное изложеніе вопроса. Работа г. Жилина распадается на двѣ части: первая содержитъ обстоятельное изложеніе теоріи министерской отвѣтственности, вторая—исторію и современное состояніе этого института, главнымъ образомъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Въ болѣе старыхъ ученіяхъ авторъ различаетъ два теченія: одно исходило изъ понятія народныхъ правъ (Моль и его школа), другое—изъ оцѣнки значенія монархической власти въ конституціонномъ государствѣ. Французская доктрина, съ Бенж. Констаномъ во

главѣ, ставитъ монарха въ пассивное положеніе; нѣмецкая, руководимая Буддеусомъ и Бишофомъ, выставляетъ начало сильной монархической власти, при чемъ министры оказываются отвѣтственными за поступки монарха. Л. Штейнъ приходитъ къ синтезу этихъ направленій. Новѣйшія теоріи отличаются, по мнѣнію автора, тѣмъ, что, конструируя особую отвѣтственность министровъ, исходятъ изъ положенія министерской должности въ современномъ государствѣ. Разсматривая и критикуя мнѣнія Самуэли, Писторіуса, Фриша, Алексѣева, Казановы, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Высшими органами современнаго государства являются монархъ и народное представительство; министры—органы подчиненные. Авторъ подчеркиваетъ очень существенную активную роль конституціоннаго монарха, безотвѣтственнаго не въ силу фикціи, а ради политическихъ соображеній. Власть конституціоннаго монарха ограничена условіемъ участія въ его дѣятельности другихъ органовъ: представительства—въ законодательной, министровъ — въ административной. Министръ отвѣтствуетъ за это участіе, какъ за свою свободную дѣятельность; этимъ создается коррективъ безотвѣтственности монарха. Въ министерской дѣятельности соединяются три стороны: министръ участвуетъ въ актахъ главы государства, обычно стоитъ во главѣ одной изъ вѣтвей администраціи и входитъ въ составъ высшаго органа, объединяющаго правительственную дѣятельность — кабинета. Поэтому министръ характеризуется какъ конституціонный, административный и политическій факторъ. Въ силу исключительно важнаго политическаго значенія министровъ, они подлежатъ своеобразной отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ. Она простирается на всю ихъ должностную дѣятельность по вопросу какъ законности, такъ и цѣлесообразности, и отличается преобладаніемъ политической стороны надъ юридической. Это—специфическая отвѣтственность министровъ, отличная отъ ихъ отвѣтственности передъ монархомъ и за общія правонарушенія, уголовныя и гражданскія. Опредѣляя ее ближе, авторъ видитъ ея сущность въ обязанности министровъ давать народному представительству отчетъ въ своей правительственной дѣятельности. Представительство предаетъ министровъ суду или дѣйствуетъ особыми средствами: запросами, анкетами и т. п. Съ этимъ основнымъ взглядомъ автора едва-ли можно согласиться. Его источникъ—методически неправильное стремленіе втиснуть въ одно понятіе такія принципіально различныя вещи, какъ отвѣтственность политическая и отвѣтственность судебная. Это понятіе оказывается то слишкомъ узкимъ, то слишкомъ широкимъ. Можно сомнѣваться—хотя здѣсь на сторонѣ автора communis opinio,—чтобы судебная отвѣтственность была отвѣтственностью передъ парламентомъ; парламентъ только привле-

каетъ министровъ къ особому суду, передъ которымъ министры и отвѣтствуютъ. Создается, далѣе, новый видъ политической отвѣтственности министровъ—отвѣтственность передъ народомъ. Относительно Англіи, быть можетъ, можно прямо сказать, что теперь министерство отвѣтственно тамъ только передъ избирателями. Этотъ величайшей важности фактъ не входитъ въ систему автора, и потому затрогивается имъ лишь мимоходомъ. Все построеніе разбираемой книги сосредоточено на судебной отвѣтственности, институтѣ второстепенномъ и, по свидѣтельству самого автора, почти безжизненномъ; на долю политической отвѣтственности остается мало мѣста и природа ея искажается въ цѣляхъ приближенія ея къ судебной отвѣтственности. Полемизируя съ французскимъ направленіемъ, отожествляющимъ политическую отвѣтственность съ парламентаризмомъ, авторъ, вслѣдъ за нѣмцами, сводитъ ее къ обязанности министра отвѣчать передъ парламентомъ, т.-е. давать ему разъясненія. Между тѣмъ, „отвѣчать"—совсѣмъ не то же, что „отвѣтствовать". Политическая отвѣтственность, какъ ее понимаетъ авторъ, совсѣмъ не есть отвѣтственность. Наоборотъ, парламентаризмъ, т.-е. подчиненіе министровъ волѣ парламента, санкціонируемое потерей ихъ должности, есть центральный элементъ политической отвѣтственности; отвѣтственность судебная—слабый суррогатъ министерской отвѣтственности въ истинномъ смыслѣ слова. Разсматривая природу судебной отвѣтственности, авторъ совершенно справедливо подчеркиваетъ ея смѣшанный характеръ (что, впрочемъ, еще не дѣлаетъ ее „особымъ" видомъ, „государственной" отвѣтственностью), ибо въ дуалистическихъ странахъ она призвана замѣнить чисто-политическую отвѣтственность и поэтому ея основной уголовный характеръ искажается политическими элементами. Нельзя не согласиться, что de lege ferenda тамъ, гдѣ развита политическая отвѣтственность, нужно стремиться къ сообщенію судебной отвѣтственности чисто уголовнаго характера. Отсюда—ограниченіе судебной отвѣтственности лишь правонарушеніями и ея строгая законодательная нормировка. Авторъ останавливается, однако, на полъ-дорогѣ, сохраняя особый составъ судовъ, исключительное право палатъ на возбужденіе обвиненія и т. д. Говоря о соотношеніи видовъ отвѣтственности, авторъ подчеркиваетъ рудиментарное состояніе судебной отвѣтственности и могучее развитіе отвѣтственности политической. Тѣмъ не менѣе онъ ратуетъ за сохраненіе и развитіе судебной отвѣтственности, какъ имѣющей своеобразныя задачи. Много интереснаго содержится въ главѣ, посвященной технической сторонѣ судебной отвѣтственности. Общіе выводы автора пессимистичны. Судебная отвѣтственность почти атрофировалась, политическая—въ парламентарныхъ странахъ искажается партійностью, въ непарламентарныхъ—сводится

на нѣтъ. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторая дезорганизованность министерской отвѣтственности имѣетъ тѣмъ меньшее значеніе, чѣмъ больше, въ прогрессирующихъ государствахъ, устанавливается гармонія между государственной властью и народной волей.—Н. Болдыревъ.

— И. С. Плехинъ. „Бюджетные законы". Спб., 1911. 3 р. 50 к.—И. П. Покровскій. „Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910)". Спб., 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Со времени введенія у насъ представительныхъ учрежденій вопросы государственнаго хозяйства—и ранѣе привлекавшіе къ себѣ вниманіе общества—сдѣлались особенно любимымъ предметомъ разсмотрѣнія и членовъ законодательныхъ учрежденій, и частныхъ лицъ, и литературы; основалось даже цѣлое общество для содѣйствія финансовымъ реформамъ. При этомъ значительному числу лицъ приходится входить въ ближайшее соприкосновеніе съ основными матеріалами по финансовымъ и бюджетнымъ вопросамъ и испытывать затрудненія вслѣдствіе разбросанности, а иногда и трудности добычи этихъ матеріаловъ. Особенно это приходится сказать о бюджетныхъ законахъ и смѣтныхъ правилахъ, полный комплектъ которыхъ не находится даже въ продажѣ. Въ виду сказаннаго нельзя не привѣтствовать названную въ заголовкѣ этой замѣтки книгу И. С. Плехина, собравшаго воедино всѣ законы и правила о государственныхъ, земскихъ, городскихъ бюджетахъ, о казачьихъ капиталахъ, смѣтныя правила государственныхъ банковъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, изданныя начиная съ 1862 г., и дополнившаго этотъ сводъ извлеченіями изъ общихъ законовъ о нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ и изъ наказа Государственной Думы. Къ книгѣ приложены извлеченныя изъ „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли" (1910 г., № 8) интересныя таблицы распредѣленія государственныхъ расходовъ по предметамъ назначенія за нѣсколько лѣтъ, начиная съ 1903 г.

Не столь настоятельно необходима, но все-таки очень полезна вторая изъ указанныхъ выше книгъ, заключающая сводъ цифровыхъ данныхъ о государственныхъ доходахъ Россіи за цѣлое десятилѣтіе. Данныя сведены по параграфамъ государственной росписи, т.-е. по 35 подраздѣленіямъ для обыкновенныхъ доходовъ и по слишкомъ пятистамъ подраздѣленіямъ для обыкновенныхъ расходовъ. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дѣлаются указанія на возвышеніе налога, невсегда, впрочемъ, съ точнымъ обозначеніемъ его размѣровъ. Данными для работы г. Покровскаго служили государственныя росписи, хотя для государственныхъ доходовъ умѣстнѣе было бы основываться не на

неточныхъ предположеніяхъ послѣднихъ, а на отчетахъ Государственнаго Контроля о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ. Такая работа, впрочемъ, выполнена другимъ лицомъ, г. Дементьевымъ („Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.", 1911, № 9), сдѣлавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ попытку исчисленія расходовъ взиманія государственныхъ доходовъ и опредѣленія дохода-нетто. Этотъ послѣдній доходъ, выражающій сумму средствъ для удовлетворенія различныхъ государственныхъ потребностей, опредѣленъ авторомъ для 1909 г. въ 1630 мил. р.,—чуть не на милліардъ рублей менѣе валовой суммы государственныхъ доходовъ. За послѣднія шесть лѣтъ доходъ-нетто увеличивался въ среднемъ на 55 мил. р. въ годъ, изъ коихъ 22 мил. р. относятся на долю естественнаго роста доходовъ, а 33 мил. р.—или въ полтора раза болѣе—на повышеніе обложенія. Съ этой суммой ежегоднаго приращенія государственныхъ средствъ интересно сопоставить въ три — четыре раза бо̀льшую сумму возрастанія государственныхъ расходовъ. Неудивительно, если дефициты составляютъ необходимую принадлежность государственнаго бюджета Россіи. Работы г.г. Дементьева, Покровскаго и статья въ № 10 „Вѣстн. Фин., Пром. и Торговли" за 1910 г. представляютъ цѣнныя сводки матеріаловъ для лицъ, интересующихся государственными финансами Россіи.

— В. В. Шеръ. „Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ". Москва, 1911. Ц. 1 р. 25 к.

— „Сводъ отчетовъ профессіональныхъ обществъ за 1906—07 г." Спб., 1911.

Безъ большой погрѣшности можно утверждать, что профессіональная организація русскихъ рабочихъ есть продуктъ новѣйшаго освободительнаго движенія. „Рабочіе поспѣшили использовать періодъ октябрьскихъ свободъ, и въ теченіе какихъ-нибудь сорока дней успѣли создать почти въ каждомъ городѣ десятки профессіональныхъ организацій", говоритъ авторъ одной изъ книгъ, названныхъ въ заголовкѣ этой замѣтки. Исторія профессіональнаго движенія въ Россіи является, поэтому, исторіей не жизни и дѣятельности, а зарожденія данной формы организаціи рабочихъ, или, вѣрнѣе—исторіей распространенія и обоснованія въ общемъ сознаніи идеи профессіональной организаціи. Быстро возникавшіе союзы были „скорѣе организаціи для агитаціи профессіональнаго движенія въ данной профессіи", чѣмъ правильно организованныя общества—говоритъ тотъ же авторъ. На многолюдныхъ собраніяхъ членовъ союза московскихъ печатниковъ въ октябрѣ 1905 г. „рабочіе впервые узнавали объ основныхъ задачахъ профессіональнаго движенія". Профессіональное движеніе раздѣляетъ въ этомъ отношеніи судьбу политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ. Будучи въ небольшой сознательной части общества процессомъ на-

стоящей борьбы за свободу, въ народныхъ массахъ, это движеніе было наглядной пропагандой элементарныхъ, ранѣе имъ неизвѣстныхъ политическихъ идей, страстно ими воспринимавшихся и подвигавшихъ на соотвѣтствующія дѣйствія. Профессіональное движеніе раздѣлило съ политическимъ и естественную судьбу каждой новой, недостаточно укрѣпившейся и не переработанной еще въ умахъ идеи: измѣненіе внѣшней конъюнктуры повело къ уничтоженію могучаго, казалось бы, движенія, и репрессивныя мѣры почти не встрѣчали въ массахъ активнаго сопротивленія.

Двѣ вышеназванныя книги представляютъ матеріалы для исторіи періода зарожденія у насъ профессіональныхъ организацій. Одна изъ нихъ заключаетъ сухой цифровой оффиціальный сводъ немногихъ данныхъ о той (третьей) части утвержденныхъ профессіональныхъ обществъ, которыя, согласно закону, доставили свои отчеты въ министерство торговли и промышленности. Другая—есть живое изложеніе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Эта послѣдняя книга принадлежитъ къ серіи работъ семинарія по политической экономіи при московскомъ университетѣ по секціи проф. Гольдштейна. Членами семинарія въ названномъ университетѣ и на московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ подготовляются и другія работы по исторіи профессіональнаго движенія въ Россіи. Эта исторія дѣлается, такимъ образомъ, предметомъ систематической разработки, начиная съ первой и главной ея фазы—собиранія матеріаловъ, которыми для труда г. Шера служили, между прочимъ, документы изъ архива старшаго фабричнаго инспекторъ Московской губерніи, рукописные протоколы и другіе документы профессіональныхъ союзовъ и устныя сообщенія заинтересованныхъ въ нихъ и свѣдущихъ лицъ.

Исторію профессіональной организаціи московскихъ печатниковъ г. Шеръ начинаетъ съ изложенія дѣятельности Вспомогательной Кассы Типографовъ, основанной еще въ 1869 г., при близкомъ содѣйствіи извѣстнаго сотрудника Каткова, П. М. Леонтьева, включившей впослѣдствіи въ число своихъ почетныхъ членовъ Каткова, гр. Д. А. Толстого, К. П. Побѣдоносцева, московскаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова, извѣстнаго Грингмута и др., допускавшей въ свои члены какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ, которые и сдѣлались фактическими ея руководителями. При такомъ составѣ кассы неудивительно, что она играла крайне ограниченную роль даже въ качествѣ подготовительнаго средства къ настоящимъ рабочимъ организаціямъ, и, несмотря на сорокалѣтнее существованіе, не выдѣлила даже „сколько-нибудь замѣтную группу рабочихъ, опытныхъ руководителей организаціи“. Чисто рабочіе союзы печатниковъ возникли на почвѣ стачеч-

ной борьбы, осложненной борьбою политической, и это обстоятельство наложило яркій отпечатокъ на первыя профессіональныя организаціи, имѣвшія боевой характеръ и мало интересовавшіяся задачами взаимопомощи. Въ книгѣ г. Шера обращено особенное вниманіе на выясненіе зависимости характера дѣятельности союзовъ московскихъ печатниковъ отъ соціальныхъ условій общаго и преходящаго характера, при чемъ авторъ производитъ сравненіе дѣятельности московскихъ союзовъ съ иногородными и заграничными. Не оставляетъ онъ конечно, безъ вниманія, и взаимоотношеніе рабочихъ и хозяйскихъ профессіональныхъ организацій, такъ что въ его книгѣ излагается и исторія организаціи владѣльцевъ печатныхъ предпріятій. Прямому предмету рѣчи автора предшествуетъ очеркъ развитія печатнаго производства въ г. Москвѣ и характеристика какъ условій труда московскихъ печатниковъ, такъ и соціально-экономической физіономіи тружениковъ печатнаго дѣла. Не смотря на скромную квалификацію авторомъ своей книги, какъ „матеріаловъ къ исторіи профессіональнаго движенія въ Россіи“, трудъ г. Шера, при бѣдности литературы объ этомъ новомъ, важномъ явленіи въ исторіи нашего рабочаго класса, прочтется съ интересомъ каждымъ образованнымъ человѣкомъ и обрисуетъ ему на частномъ примѣрѣ первые шаги профессіональнаго движенія во всей Россіи вообще.—В. В.

— Die Hellenistischen Mysterienreligionen. Ihre Grundgedanken und Wirkungen. Vortrag, gehalten in dem wissenschaftlichen Predigerverein für Elsass-Lothringen den 11 November 1909 von R. Reitzenstein (1910, Лейпцигъ и Берлинъ).

Книга, длинное заглавіе которой я намѣренно выписалъ цѣликомъ, замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ прекрасное изложеніе современныхъ научныхъ взглядовъ на религіозное движеніе Востока, подготовившее христіанство, и во-вторыхъ, какъ доказательство того глубокаго и смѣлаго религіознаго чувства протестантской церкви, которое несетъ научную истину въ среду духовенства, непосредственно сообщающагося съ паствой, именно—въ „кружокъ проповѣдниковъ“ пасторовъ. Рейтценштейнъ не останавливается передъ такими выводами, которые въ религіяхъ, запрещающихъ искреннее и самостоятельное исканіе Бога, привели бы неминуемо ко всякимъ запретамъ. Дѣло проф. Вармунда (въ Инсбрукѣ) достаточно подтвердило, какъ относится, напр., католическая церковь къ „еретическому“ изложенію даже каноническаго права. Ничего подобнаго мы не видимъ въ протестантской Германіи. Сочиненіе проф. Артура Дрюса (Drews): „Die Christusmythe“, отрицающее даже историческое существованіе Іисуса Христа, распространилось въ тысячахъ экземпляровъ и вызвало цѣлое научное движеніе.

Книга Р. Рейтценштейна представляетъ чрезвычайно интересный докладъ о культѣ „Спасителя“, который задолго до Р. Х. сложился въ религіяхъ Египта и Малой Азіи, привелъ къ извѣстному синкретизму всѣхъ этихъ религій въ „эллинистическихъ мистеріяхъ“ и проникъ за столѣтія до начала нашей эры въ Италію, гдѣ подготовилъ позднѣйшее принятіе христіанства и христіанскаго Спасителя. Въ своемъ объективномъ, научномъ изложеніи, не стремящемся что-либо „навязать“, этотъ докладъ производитъ большое впечатлѣніе массою данныхъ, указывающихъ на то, какой величественный, сложный, углубленный процессъ религіозныхъ исканій переживали азіатскій Востокъ и Египетъ задолго до Р. Х., какъ онъ стремился одухотворить эти религіозныя исканія, придать имъ нравственный характеръ и въ нихъ возвысить человѣческое существованіе. Догматика, обрядъ и мораль христіанства существовали до Р. Х.: вотъ тотъ выводъ, который вытекаетъ изъ доклада нѣмецкаго ученаго „союзу пасторовъ“.

Обращаясь къ самой книгѣ, надо прибавить, что къ 60 страницамъ текста здѣсь около 150 страницъ примѣчаній, куда и перенесенъ весь научный аппаратъ. Эти примѣчанія—рядъ изслѣдованій по вопросамъ, затронутымъ въ докладѣ, подборъ соотвѣтствующаго матеріала и т. д. Благодаря такой конструкціи книги, читатель-неспеціалистъ не отвлекается въ сторону деталями. Книгу полезно было бы перевести на русскій языкъ.—А. Погодинъ.

Абрамова, Ан. — Царь Саулъ. Поэма въ 5-ти картинахъ. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Адамъ, Поль.—Полное собраніе сочиненій. Т. 3-й. Самоотверженныя сердца. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Александровичъ, В.—Исторія новѣйшей русской литературы (1880—1910). Часть I. Чеховъ и его время. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Амфитеатровъ, А. В. — Собраніе сочиненій. Бабы и дамы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Андронъ.—Молодые побѣги. Романъ. II ч. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Астровъ, П. И. — Неотложное дѣло. Снабженіе нуждающихся обувью и одеждой. Москва, 1911 г.

„Христосъ“ художника И. А. Астафьева. Очеркъ. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Ашевскій, С.—Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бабовъ, А. С.—Къ вопросу объ открытіи высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Тифлисъ, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Багалѣй, Д. И. — Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 3 р.

Балтрушайтисъ, Ю. — Земныя ступени. Элегіи, пѣсни, поэмы. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бердяевъ, Николай.—Философія свободы. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Берманъ, Я. А.—Сущность прагматизма. Новыя теченія въ наукѣ о мышленіи. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Бертенсонъ, Л. Б. — Нѣсколько словъ о знахарскомъ и шарлатанскомъ врачеваніи и о германскомъ законопроектѣ, направленномъ къ ограниченію вреда отъ такого врачеванія. Спб., 1911 г.

Бѣлый, Андрей.—Арабески. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Вальтеръ-Скоттъ.—Монастырь. Романъ. Спб., 1911 г.

Василевскій, И. (Не-буква).—Житейское кабаре. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Верлэнъ, Поль.—Записки вдовца. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Вермель, С. С.—Изъ патологіи евреевъ. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Веселовскій, Борисъ. — Исторія земства. Томъ IV. Спб., 1911 г. Цѣна за 4 тома 20 р.

Вѣтринскій, Ч.—Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Москва, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Герасимовъ, М.—Первое знакомство съ физикой. Руководство для дѣтей средняго возраста. Изд. 5-е. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Глѣбовъ, Н.—Координаты. Математическое отвлеченіе. Т. I. Спб., 1911 г.

Грекова, Елена.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Дадоновъ, В. А. — Вербицкая и ея романы. Критическій очеркъ. Москва, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Данилевскій-Александровъ, А. Н.—Пѣсня жизни царя Антары. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Златовратскій, Н. Н.—Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ шестидесятыхъ годовъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I и II. Изд. 3-е. Спб., 1911 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Измайловъ, А. — Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Клычковъ, Сергѣй.—Пѣсни. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Князьковъ, С. — Какъ начался расколъ русской церкви. Изд. 3-е. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Корененко, К. И.—Просвѣщеніе и школы въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Севастополь, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Корчемный, Веніаминъ. — Собраніе сочиненій. Т. II. Казнь. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Корфъ, С. А., бар. — Государственный строй Канады. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Коцебу, П. А.—Политическое, экономическое и военное значеніе присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи. Екатеринбургъ, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Копосовъ, В. А. — Международный языкъ эсперанто. Симбирскъ, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Кречетовичъ, І. П., протоіерей. — Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ. Томъ I. Подготовка реформы. Москва, 1911 г.

Кривенко, С. Н. — Собраніе сочиненій. Съ приложеніемъ вступительной статьи и портрета. Т. I и II. Спб., 1911 г. Цѣна за два тома 2 р. 50 коп.

Лапшинъ, И. И.—Вселенское чувство. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Лемонье, Камиллъ.—Собраніе сочиненій. Т. I. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Маріолинъ, А. Д.—Въ полосѣ ликвидаціи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мачтетъ, Г. А.—Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Т. I. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Менделевичъ, А. М.—Гримасы жизни. Посмертное изданіе. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Мережковскій, Д. С.—Полное собраніе сочиненій. Т. I. Хрпстосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть боговъ. Юліанъ Отступникъ. Спб., 1911 г.

Мюллеръ, I. П.—Моя система для дамъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Нагродская, Е.—Аня. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.—Собраніе сочиненій. Сторожевые огни. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Нечаевъ, А. П.—Чудеса безъ чудесъ. Маленькая физика. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Панюринъ, Г.—Для дѣтей. Разсказы и сказки. Вып. 2-й. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Оберучевъ, К. М.—Крестьянство и народная школа. Кіевъ, 1911 г.

Олигеръ, Н.—Праздникъ весны. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ольнемъ, О. Н.—Безъ иллюзій. Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Пиленко, Ал.—Новый законъ объ авторскомъ правѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Посошковъ, Иванъ.—Книга о скудости и о богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. Съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ройтманъ, Дм.—Значеніе раціональнаго естествознанія и математики въ системѣ общаго народнаго образованія, въ особенности въ Россіи. Спб., 1910 г.

Рони-старшій.—Борьба за огонь. Доисторическій романъ. Перев. съ рукописи друзей. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Садовскій, Борисъ.—Русская Камена. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Узоръ чугунный. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Саловъ, И. А.—Полное собраніе сочиненій. Т. I. Мертвое тѣло. Повѣсти и разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Святскій, Д.—Лѣстница Іакова, или сонъ на яву. Библейско-астрономическій этюдъ, съ предисловіемъ Николая Морозова. Спб., 1911 г. Цѣна 30 к.

Селитренниковъ, А. А.—Стихотворенія и замѣтки. Спб., 1911 г. Ц. 75 к.

Семеновъ, Вл.—„Флотъ“ и „Морское вѣдомство“ до Цусимы и послѣ. Посмертное изданіе. Спб., 1911 г. Цѣна 90 коп.

Сеттонъ-Томпсонъ, Э.—Разсказы изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. „Уличный пѣвецъ“. Ц. 13 к. „Тито“. Ц. 23 к. „Спрингфильдская лисица“. Ц. 10 к. „Серебряное пятнышко“. Ц. 9 к. „Рваное ушко“. Ц. 13 к. „Мустангъ-иноходецъ“. Ц. 10 к. „Медвѣженокъ Джонни“. Ц. 15 к. „Лобо, король Курумпо“. Ц. 10 к. „Крегъ, кутенейскій баранъ“. Ц. 23 к. „Красношейка“. Ц. 13 к. „Бинго и Вулли“. Ц. 15 к. Спб., 1911 г.

——— Разсказы изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Сигеле, Сц.—Модная Ева. Перев. съ итальянск. В. Я. Протопопова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Слобожанскій, С.—Италія. Очеркъ. Часть 2-я. Спб., 1911 г. Цѣна 65 коп.

Смирновъ, К. А.—Н. А. Васильевъ и его законъ исключеннаго четвертаго. Спб., 1911 г.

Танъ, В. Г.—Собраніе сочиненій. Т. VI. За океаномъ. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Собраніе сочиненій. Т. VII. Духоборы въ Канадѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Туганъ-Барановскій, М. И.—Основы политической экономіи. Второе переработанное изданіе. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

Уайльдъ, Оскаръ.—Царь жизни. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Усовъ, М. Л.—Евреи въ арміи. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Хавкина, Л. Б.—Библіотеки, ихъ организація и техника. Руководство по библіотековѣдѣнію. 2-е изд. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Цытовичъ, Н. М.—Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Чарнолускій, В.—Земство и народное образованіе. Часть первая. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. Часть вторая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Испытанія на первый классный чинъ и производство въ этотъ чинъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

——— Льготные желѣзнодорожные тарифы для учащихся, учащихъ, учебныхъ заведеній и просвѣтительныхъ учрежденій. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

——— Настольная книга по народному образованію. Т. IV, дополнительный. Спб., 1911 г. Цѣна 5 р.

——— Школьная гигіена, санитарія и архитектура. Спб., 1911 г. Ц. 60 к.

Черный, Саша.—Сатиры. Книга I. Изд. 2-е. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Чеховъ, Антонъ.—Повѣсти и разсказы. Т. XII. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шапиръ, Ольга.—Собраніе сочиненій. Т. III. Миражи. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шафиръ, М. П.—Положеніе о взысканіяхъ по безспорнымъ дѣламъ казны (т. XVI, ч. 2, изд. 1910 г.), съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассаціоннаго и другихъ департаментовъ, а равно общихъ собраній Правит. Сената, съ приложеніемъ извлеченій изъ разныхъ томовъ свода законовъ. Спб., 911. Стр. 184. Ц. 1 р. 75 к.

Шевченко, Т. Г.—Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Пѣсни. Подъ ред. В. В. Вересаева. Москва, 1911 г. Цѣна 6 коп.

Щеголовъ, Ив.—Жизнь вверхъ ногами. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Смѣхъ жизни. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Эббингаусъ, Г.—Основы психологіи. Т. I. Вып. I. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Подъ ред. проф. О. С. Серебрякова и Э. Л. Радлова. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Эверсъ, Гансъ Гейнцъ. Одержимые. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Эллисъ.—Stigmata. Книга стиховъ. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Эмери, Э., д-ръ. Препаратъ „606“ и лѣченіе сифилиса методомъ Эрлиха. Перев. съ франц. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Юшкевичъ, Семенъ.—Т. VI. Похожденія Леона Дрея. Спб., 1911 г.

Ѳедоровъ, А. М.—Собраніе сочиненій. Т. IV. Мой путь. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ѳедосѣевъ, П. И.—Изъ-за принципа. Романъ. Изд. 2-е. М. 1911 г. Ц. 1 р.

— Военная энциклопедія. III. Алжирскія экспедиціи—Англо-франко-китайская война. Спб., 1911 г.

— Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ подъ ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 8. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дневникъ, Ѳ. В. Езерскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 15 к.

— Докладная записка А. К. Денисова-Уральскаго г. министру торговли и промышленности. Спб., 1911 г.

— Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 15-ый. Съ 1-го октября 1909 г. по 1-ое октября 1910 г. Кіевъ, 1911 г.

— Искусство продавать. Практическое руководство для цѣлесообразной организаціи продажи и сбыта товаровъ. Одесса, 1911 г.

— Историко-литературная библіотека подъ ред. Иванова-Разумника. № 39. А. С. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ. Цѣна 40 к. № 73. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Державинѣ. Цѣна 20 к. № 74. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Пушкинѣ. Часть I. Цѣна 35 к. № 74. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Пушкинѣ. Часть II. Цѣна 40 к. № 75. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Лермонтовѣ. Цѣна 30 к. Во всѣхъ выпускахъ вступительныя статьи и примѣчанія Иванова-Разумника.

— Жатва. Первый литературный альбомъ, Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

— Задача и устройство средней школы. Три доклада: Ганса Корнеліуса, Эрнста Рейзингера и Георга Кершенштейнера. Подъ ред. Г. Г. Зоргенфрея пер. Ѳ. А. Гартцъ. Спб., 1911 г. Цѣна 20 к.

— Земля и люди. Географическая библіотека. № 5. П. Инфантьевъ: „Полярный Робинзонъ“. Цѣна 20 к. № 6. П. Инфантьевъ: „Охотники за горбачами“. Цѣна 14 к. № 7. П. Инфантьевъ: „Мурманскіе зуйки“. Цѣна 16 коп. № 8. П. Инфантьевъ: „Дѣти-сироты“. Цѣна 15 к. № 9. П. Инфантьевъ: „Злая Кереметъ“. Цѣна 11 к. № 10. П. Инфантьевъ: „Собака хозяина горъ“. Ц. 16 к. № 11. П. Инфантьевъ: „Женитьба Пакангура“. Ц. 13 к. № 12. П. Инфантьевъ: „Сухая бѣда“. Цѣна 14 к. Спб., 1911 г.

— Историческая хрестоматія по Русской исторіи. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Т. III. Изд. 3-ье, переработанное Я. Я. Гуревичемъ въ сотрудничествѣ съ С. В. Вознесенскимъ. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766—1821). Пред. и прим. К. Валишевскаго. Пер. съ франц. К. Папудогло. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

— Отчетъ правленія общества попеченія о безплатной школѣ В. П. Острогорскаго въ г. Волдаѣ, Новгородской губ.

— О чертѣ осѣдлости. Вып. I. Москва, 1911 г. Цѣна 10 к.

— „Посредника“ Изданія. № 57. „Злая невѣста“. № 205. Ф. Коппе: „Невѣрная жена“. № 336. Л. Авилова: „Сынъ“. № 346. „Подарокъ пруссака“. № 490. „Мысли мудрыхъ людей на каждый день“. Собраны Л. Н. Толстымъ. № 720. П. Бирюковъ: „Левъ Николаевичъ Толстой“. № 853. Л. Н. Толстой: „Божеское и человѣческое“. Повѣсть. № 178. „Для маленькихъ“. Сборникъ разсказовъ и стиховъ. № 194. А. Кертонъ: „Приключеніе красногрудаго репола и его жены“. — Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 39-ая. Плодовое садоводство. Вып. II. Кустовый, плодовый и ягодный садъ. По Грессану составилъ Е. И. Поповъ. — Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. Бесѣды. По Люкасу составили Е. и И. Жилины. Какъ мнѣ сдѣлать самому. Вып. II. Е. Хонольдъ. Какъ устроить самому волшебный фонарь и картины для фонаря. Пер. съ нѣм. Л. и Ж. Караваевыхъ.

— „Посредника“ изданія. № 83. Е. Шелеметьева: „Собака“. № 287. Л. Н. Толстой: „Богу или маммонѣ“. № 391. „Гибель корабля“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 394. „Оракулъ“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 438. С. Орловскій. „Горе Селима“. № 457. С. Семеновъ: „Будь трезвъ!“. № 491. Г. де-Мопасанъ:

„Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца“. № 558. А. Стриндбергъ: „Укоры совѣсти“. № 833. Байронъ: „Шильонскій узникъ“, пер. В. Жуковскаго. № 839. П. Пейверинтъ: „Первый морозъ“. Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 192. Подвижныя игры въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ. Собрала Е. Г. № 205. „На морѣ и на сушѣ“. Географическіе разсказы. Вып. II. № 211. „Мальчикъ съ маяка“. Повѣсть по Эверетту Гринъ. № 222. Чарльсъ Робертсъ. I. „Всюду чужой“. II. „Царица золотого пруда“. Пер. П. А. Буланже. № 223. К. Вальтеръ: „Какъ рисовать кистью“. № 224. Е. К. Соломинъ: „За работу!“ Книжка 4-ая. Работы изъ проволоки. № 220. Е. Яхонтовъ: „Прачкина дѣвчонка“ и др. разсказы. № 193. Н. А. Ульяновъ: „Человѣкъ—птица. (Какъ человѣкъ научился летать на воздушныхъ шарахъ, дирижабляхъ и аэропланахъ). № 221. Отто Робертъ: „Какъ устроить камеру-обскуру“. № 38. А. Порѣцкій: „Друзья растеній“. № 81. В. Г. Чертковъ: „Римскій мудрецъ Эпиттетъ, его жизнь и ученіе“.

— Правила молодымъ учителямъ. Изъ „Vademecum“ Leuchtenberger'a, пер. Г. Горгенфрея. Спб., 1911 г. Цѣна 5 к.

— Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Могилевской губ., Гомельскаго у., Дятловичской волости. (180 пѣсенъ). Записаны для голоса Зинаидой Родченко. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга 34-ая. Спб. 1911 г. Цѣна 1 р.

— Сборникъ памяти В. Ф. Коммиссаржевской. Подъ ред. Евт. П. Карпова. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Сводъ отчетовъ профессіональныхъ обществъ за 1906—1907 г. Спб., 1911 г.

— Сводъ постановленій Московскаго областного съѣзда дѣятелей агрономической помощи населенію 21—28 февраля 1911 г. Москва, 1911 г.

— Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Сборникъ статей. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

— Славянскій Міръ. № 1—2. Спб., 1911 г.

— Статистико-экономическія изслѣдованія Переселенческаго управленія 1893—1909 года. Изд. Главнаго упр. землеустройства и земледѣлія. Спб., 1910. Стр. 34. 4°.

— „Шиповникъ“. Литературно-художественные альманахи. Книга 14-ая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Понятенко*, П. Значіння рідної мови для поетичної творчости Шевченка. У Київі, 1911. Ціна 5 к.

— *Хоткевичъ*, Гнат. Камінна душа. Повість. Чернівці, 1911. Ціна 4 корони.

— Прѣдварителни резултати отъ прѣброяване на населенйсто въ Царство България на 31 декември 1910. Броятъ на населенйсто по населени мѣста. София, 1911. Цѣна 90 ст.

— Статистика на изборитѣ за народни представители за XIV-о обикновено народно събрание. София, 1911.

— Groupe parlementaire français de l'arbitrage. Notre visite au parlement russe. Avec un notice de M. Henri Fromageot, une introduction et des conclusions par M. d'Estournelles de Constand. Paris, 1910. Prix 3 fr. 50 c.

— Veda. Dvomesečnik za znanost in kulturo. № 2. Gorica, 1911.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о разоруженіи въ парламентахъ Англіи и Германіи.—Рѣчи сэра Эдуарда Грея и фонъ-Бетманъ-Гольвега. — Мнимыя мечты о вѣчномъ мирѣ. — Волненія въ Марокко.—„Бунтъ“ винодѣловъ во Франціи, его причины и значеніе.

За послѣдніе годы вопросъ объ ограниченіи вооруженій и военныхъ бюджетовъ великихъ державъ, путемъ взаимнаго между ними соглашенія, все чаще становится предметомъ серьезныхъ заботъ и усилій практическихъ государственныхъ людей. Настойчивое стремленіе Германіи создать военный флотъ, способный соперничать съ британскимъ, заставило и Англію принять соотвѣтственныя мѣры; съ обѣихъ сторонъ началась лихорадочная конкурренція въ сооруженіи возможно большаго числа крупнѣйшихъ броненосцевъ типа „Дреднаутъ“. Увеличеніе расходовъ на кораблестроеніе вызываетъ необходимость новыхъ налоговъ, а такъ какъ англичане менѣе податливы въ этомъ отношеніи, чѣмъ нѣмцы, то англійскіе министры и парламентскіе дѣятели должны были по неволѣ остановиться предъ вопросомъ о неизбѣжныхъ практическихъ послѣдствіяхъ дальнѣйшаго роста морскихъ вооруженій. Германія имѣетъ предъ собою опредѣленную честолюбивую цѣль, для достиженія которой можно требовать отъ націи извѣстныхъ матеріальныхъ жертвъ; но для Англіи дѣло идетъ только о сохраненіи существующаго соотношенія силъ, и она терпитъ лишь одни неудобства и убытки отъ навязываемаго ей расширенія судостроительныхъ программъ.

Новый толчокъ возникшему вопросу данъ былъ президентомъ великой сѣверо-американской республики, который недавно высказалъ убѣжденіе въ необходимости и возможности передачи третейскому суду всѣхъ вообще международныхъ споровъ, не исключая и конфликтовъ, затрогивающихъ жизненные интересы и достоинство отдѣльныхъ державъ. Хотя президентъ Тафтъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ проектъ новаго договора объ арбитражѣ между Соединенными Штатами и Англіею, но его мысль могла получить и болѣе широкое значеніе, какъ первая попытка перенести идею разоруженія на чисто-практическую почву. Заявленіе Тафта, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сочувственный отголосокъ въ Англіи и побудило британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, сэра Эдуарда Грея, коснуться этой щекотливой темы въ парламентѣ.

Въ засѣданіи палаты общинъ 13-го марта (нов. ст.), при обсу-

жденіи бюджета морского вѣдомства, одинъ изъ представителей либеральной партіи, Муррей Макдональдъ, внесъ резолюцію, сущность которой сводится къ тому, что „палата съ безпокойствомъ слѣдитъ за непомѣрнымъ возрастаніемъ расходовъ на армію и флотъ за послѣдніе годы и признаетъ желательнымъ сокращеніе ихъ". Другой либеральный депутатъ, Понсонби, поддерживая эту резолюцію, указалъ на ошибочность тѣхъ предположеній, на которыхъ построена была новая кораблестроительная программа правительства. „Фантастическіе разсчеты 1909-го года—по его словамъ—были опровергнуты позднѣйшими событіями, и однако основанная на нихъ политика продолжаетъ дѣйствовать. Въ 1909-мъ году была поднята ложная тревога по поводу соперничества Германіи, а между тѣмъ отношенія этой страны съ Англіею остались настолько хорошими, что нельзя сомнѣваться въ прочности и искренности ея дружбы. Относительно разоруженія не слѣдуетъ говорить другимъ народамъ: „мы готовы разоружиться, если вы согласны поступить такимъ же образомъ", а надо сказать: „мы приступимъ къ разоруженію; пусть другіе дѣйствуютъ, какъ имъ угодно".—Въ видѣ противовѣса односторонней мотивировкѣ этой резолюціи, либеральный членъ палаты Кингъ предложилъ выразить „глубокое сожалѣніе и безпокойство по поводу продолжающейся необходимости поддержанія системы обширныхъ вооруженій со стороны Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность привѣтствовать всякое международное соглашеніе, при которомъ великія державы могли бы одновременно сократить свои военныя приготовленія". Лордъ Бересфордъ обратилъ вниманіе на возможность установленія союза великихъ націй, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, для охраны общаго мира. „Еслибы это могло быть сдѣлано—прибавилъ ораторъ,—мы сократили бы свои вооруженія; при данныхъ же обстоятельствахъ затраты должны увеличиваться". Первый лордъ адмиралтейства, Макъ-Кенна, объяснилъ, что правительство, предлагая сооруженіе большихъ и дорого стоющихъ кораблей, руководствовалось единственно лишь желаніемъ обезпечить для Англіи свободу дѣйствій въ открытомъ морѣ при всякихъ вообще условіяхъ и осложненіяхъ. „Мы не можемъ—продолжалъ министръ—обезпечить эту свободу иначе какъ только заручившись превосходствомъ нашего флота надъ морскими вооруженными силами всякаго другого государства и надъ всякою возможною ихъ комбинаціею, которой пришлось бы намъ противостоять безъ союзниковъ". Какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, флотъ является орудіемъ мира, и усиленіе его вовсе не вызывается враждою къ какой-либо державѣ. Но нельзя отрицать, что ростъ германскаго флота повліялъ на рѣшенія британскаго правительства. Въ 1905-мъ году, когда вступилъ во власть нынѣшній кабинетъ, установленная закономъ герман-

ская программа судостроенія опредѣляла ежегодные расходы на флотъ вплоть до 1917-го года. Въ этой программѣ были сдѣланы позднѣе весьма крупныя и рѣзкія перемѣны, въ силу которыхъ, напр., смѣта затратъ на 1911—1912 г. увеличилась вдвое, съ 11 до 22 милліоновъ; оттого и британское морское вѣдомство должно было повысить расходы на кораблестроеніе по смѣтѣ 1911—1912 г. сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 3.348.600 фунтовъ стерлинговъ. При нормальномъ ходѣ работъ Англія будетъ имѣть къ веснѣ 1914-го года 30 дреднаутовъ, а Германія—21. Дальнѣйшаго повышенія затратъ не предвидится, и можно даже разсчитывать на пониженіе съ 1912—1913 гг., если не случится ничего неожиданнаго.

Послѣ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній лидера оппозиціи Бальфура сэръ Эдуардъ Грей произнесъ длинную рѣчь, выслушанную палатою съ большимъ вниманіемъ. Возражая противъ предложенной резолюціи, которая обязывала бы правительство сократить вооруженія независимо отъ дѣйствій другихъ державъ, министръ пояснилъ, что усиленныя военныя затраты представляютъ, конечно, великое зло, но нисколько не превышаютъ дѣйствительной потребности при данныхъ обстоятельствахъ. Однако изъ постепеннаго роста вооруженій было бы ошибочно заключить, что отношенія съ иностранными націями ухудшаются. „Когда Россія недавно вела дружественныя бесѣды въ Потсдамѣ, довѣрчивая связь между этой державою и нами не была ослаблена. Мы искренно желаемъ, чтобы дружественныя намъ націи вошли въ соглашеніе съ другими націями. Наша политика заключается въ томъ, чтобы твердо и лойяльно исполнять свои обязательства и во всемъ проявлять добрую волю“. Если отношенія между державами таковы, какъ они есть,—говорилъ далѣе сэръ Грей,—то ростъ вооруженій составляетъ парадоксъ; но еще большимъ парадоксомъ является то обстоятельство, что этотъ ростъ вооруженій сопутствуетъ росту цивилизаціи. Если развитіе будетъ идти дальше по тому же пути, то оно приведетъ къ паденію цивилизаціи. Нѣкоторые думаютъ, что постоянныя вооруженія должны привести къ войнѣ; но болѣе вѣроятно, что они окончатся внутреннею революціею, возстаніемъ народныхъ массъ противъ чрезмѣрнаго обремененія налогами. Это не значитъ, конечно, что отдѣльная нація можетъ остановить движеніе, устранивъ себя отъ соперничества. Откровенный обмѣнъ сообщеній между правительствами принесъ бы большую пользу, ибо онъ оградилъ бы народы отъ неожиданностей. Главная надежда однако—въ томъ, что со временемъ удастся побудить націи обращаться къ закону, а не къ силѣ. Принципъ третейскаго суда реально поставилъ бы этотъ великій вопросъ. Президентъ Тафтъ въ своей недавней рѣчи высказалъ мнѣніе, составляющее огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ арбитража. Онъ не

видитъ причины, почему вопросы національной чести не могли бы быть предоставлены третейскому суду, состоящему изъ людей чести, понимающихъ чувства національнаго достоинства, и почему нельзя было бы подчиниться рѣшеніямъ такого суда по вопросамъ подобнаго характера, какъ и по всѣмъ заурядным спорамъ о публичныхъ и частныхъ интересахъ и правахъ. „Если мы можемъ провести соглашеніе съ какою-нибудь другою націею — сказалъ президентъ Тафтъ—относительно подчиненія рѣшеніямъ международнаго третейскаго суда въ каждомъ спорномъ дѣлѣ, которое не улаживается путемъ переговоровъ, каковы бы ни были предметы спора и чего бы они ни касались—чести, территоріи или денегъ,—то этимъ мы наглядно покажемъ, что по крайней мѣрѣ для двухъ націй возможно установить ту же самую систему, какая при помощи законовъ существуетъ между частными лицами подъ властью правительства". „Это смѣлыя и мужественныя слова,—говоритъ сэръ Грей.—Мы не имѣемъ предъ собою никакого опредѣленнаго предложенія, и пока общественное мнѣніе не поднимется до уровня обсужденія проекта такого рода въ смыслѣ великаго шага впередъ въ міровомъ движеніи, независимо отъ соображеній о временныхъ выгодахъ и разсчетахъ той или другой націи, до тѣхъ поръ такое предложеніе не могло бы имѣть успѣха. Но допустимъ, что двѣ изъ величайшихъ націй міра ясно заявили бы всему свѣту, что по состоявшемуся между ними соглашенію онѣ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не вступятъ между собою въ войну. Этотъ фактъ самъ по себѣ долженъ былъ бы неминуемо привести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Правда, двѣ договорившіяся націи могли бы подвергнуться нападенію третьей націи, не участвующей въ договорѣ. Въ такомъ случаѣ будетъ естественно предположить, что обѣ націи соединятся противъ третьей, вступившей въ споръ съ одною изъ нихъ и отказавшейся отъ арбитража. Все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что война приноситъ вредъ не только самимъ воюющимъ націямъ, но и нейтральнымъ государствамъ, и что поэтому отдѣльные народы должны стремиться не только къ соглашеніямъ объ отказѣ отъ взаимныхъ войнъ, но и къ побужденію другихъ націй не нарушать общаго мира". Сэръ Эдуардъ Грей полагаетъ, что заявленіе о новомъ типѣ арбитражныхъ договоровъ, исходящее отъ президента Соединенныхъ Штатовъ, не можетъ быть оставлено безъ отвѣта. Разумѣется, соглашенія подобнаго характера связаны съ рискомъ: обѣ стороны должны быть заранѣе готовы пожертвовать нѣкоторою долею національной гордости. „Когда такое соглашеніе будетъ намъ предложено,—закончилъ министръ,—мы отнесемся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Но оно такъ значительно по своимъ послѣдствіямъ, что для него требова-

лось бы не только формальное согласіе обоихъ правительствъ, но и сознательное и рѣшительное одобреніе парламента, въ чемъ безъ сомнѣнія не было бы отказа". Палата, согласно предложенію Грея, отвергла резолюцію Макдональда и приняла поправку Кинга большинствомъ 276 противъ 56 голосовъ.

Нѣсколько дней спустя, 17-го марта, на банкетѣ лиги международнаго арбитража, сэръ Эдуардъ Грей сдѣлалъ нѣкоторыя существенныя дополненія и поправки къ своей парламентской рѣчи. Предположенный договоръ между двумя родственными націями могъ бы фактически оказаться равносильнымъ оборонительному союзу въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ со стороны третьей державы; но это зависѣло бы только отъ общественнаго мнѣнія заинтересованныхъ странъ и никакъ не могло бы устанавливаться договоромъ объ арбитражѣ. Включеніе какихъ-либо оговорокъ или условій о союзѣ въ текстъ арбитражной конвенціи было бы крайне неудобно и даже опасно, такъ какъ оно давало бы поводъ подозрѣвать, что договоръ направленъ противъ одной или нѣсколькихъ постороннихъ державъ. Заключеніе арбитражнаго договора между двумя націями на основаніяхъ, намѣченныхъ президентомъ Тафтомъ, должно быть свободно отъ всякой задней мысли.

Идея, пущенная въ ходъ президентомъ Тафтомъ и сэромъ Эдуардомъ Греемъ, усердно обсуждалась и разрабатывалась въ печати всѣхъ культурныхъ странъ, но не произвела благопріятнаго впечатлѣнія въ консервативныхъ сферахъ Германіи. Нѣмецкіе соціалъ-демократы внесли въ имперскій сеймъ ироническую резолюцію, приглашающую германскаго канцлера предпринять необходимые шаги для подготовки международнаго соглашенія о всеобщемъ ограниченіи вооруженій, въ виду заявленной британскимъ парламентомъ рѣшимости одобрить такое начинаніе. Представители „народной партіи", съ своей стороны, предлагаютъ канцлеру выразить готовность вступить въ совмѣстные переговоры съ другими великими державами, если какая-либо изъ нихъ сдѣлаетъ предложеніе о равномѣрномъ и одновременномъ ограниченіи военныхъ расходовъ. Эти проекты резолюцій, очевидно, имѣли цѣлью заставить германское правительство вновь высказаться по вопросу, къ которому оно всегда относилось безусловно отрицательно.

Германскій канцлеръ исполнилъ желаніе указанныхъ парламентскихъ группъ и откликнулся на соблазнительные призывы сторонниковъ всеобщаго или частичнаго разоруженія. Въ засѣданіи имперскаго сейма, 30-го марта, онъ разобралъ эти проекты съ точки зрѣнія существующихъ политическихъ интересовъ, забывъ о томъ уровнѣ международнаго пониманія и общенія, о которомъ упоминалъ британскій министръ. Фонъ Бетманъ-Гольвегъ находитъ, что общія разсу-

жденія о благахъ постояннаго мира и о необходимости сокращенія военныхъ бюджетовъ остаются пока безплодными и что до сихъ поръ не выработана еще практическая формула, которая позволила бы обсудить и разрѣшить поставленный вопросъ въ реальной, жизненной его постановкѣ. Еслибы великія державы согласились вступить на путь разоруженія, то прежде всего онѣ должны были бы опредѣлить относительную силу и роль каждой отдѣльной націи по сравненію съ другими; пришлось бы установить для государствъ нѣчто въ родѣ табели о рангахъ, чтобы каждая страна по праву занимала мѣсто, соотвѣтствующее ея средствамъ и силамъ. Англія заранѣе выговорила для себя свободное господство на моряхъ; она откровенно выставляетъ принципъ, что ея флотъ долженъ во всякое время и при всякихъ условіяхъ быть сильнѣе возможнаго соединенія двухъ первоклассныхъ иностранныхъ флотовъ. Англичане имѣютъ полное право стремиться къ такому положенію вещей; но они не могутъ разсчитывать на то, что другія державы добровольно согласятся ограничить свои вооруженія, чтобы не мѣшать морскому владычеству Англіи. Какъ опредѣлить то мѣсто, которое каждая нація должна занимать среди другихъ по размѣрамъ своего флота и своей арміи? Какой всемірный конгрессъ возьмется провести границу между законными и незаконными притязаніями различныхъ государствъ? Если, напримѣръ, Германіи будетъ предложено сократить численность ея арміи въ сто тысячъ человѣкъ, то въ какой пропорціи должны быть уменьшены войска Франціи, Россіи и Австро-Венгріи? Чтобы выразить относительныя силы этихъ державъ въ опредѣленныхъ числахъ, пришлось бы предпринять всестороннее изслѣдованіе, результаты котораго могли бы быть отвергнуты каждою изъ заинтересованныхъ націй. На этой почвѣ было бы немыслимо соглашеніе, и каждое изъ первоклассныхъ государствъ осталось бы при своемъ особомъ мнѣніи. Наконецъ, всякая попытка общаго международнаго разоруженія, по мнѣнію фонъ Бетманъ-Гольльвега, неминуемо потерпѣла бы неудачу изъ-за вопроса о контролѣ. Никакого контроля нельзя было бы осуществить на практикѣ, и попытки въ этомъ смыслѣ вызывали бы только постоянное взаимное недовѣріе и раздраженіе. Кто же будетъ серьезно сокращать свои вооруженія безъ твердой увѣренности въ томъ, что сосѣди не увеличиваютъ своихъ военныхъ силъ свыше условленной нормы? Германскій канцлеръ убѣжденъ, что „задача разоруженія неразрѣшима, пока люди остаются людьми, а государства—государствами“. Что касается всеобъемлющихъ арбитражныхъ договоровъ, въ родѣ предположеннаго между Англіею и Соединенными Штатами, то въ смыслѣ общаго правила, примѣнимаго ко всѣмъ націямъ, они столь же невозможны, какъ и

международное всеобщее разоруженіе. Германія сочувствуетъ принципу международнаго третейскаго суда, поставленнаго въ извѣстныя границы и дѣйствующаго при нормальныхъ условіяхъ; она даже способствовала учрежденію постояннаго международнаго трибунала въ Гаагѣ. Но устраненіе оговорки относительно жизненныхъ интересовъ и вопросовъ чести не создаетъ и не упрочиваетъ мира, а только подтверждаетъ, что между двумя данными націями ни въ какомъ случаѣ не можетъ представиться серьезный поводъ къ нарушенію мира. „Неограниченный арбитражный договоръ только формально закрѣпляетъ положеніе, существующее фактически. Когда это положеніе измѣнится, когда между обѣими націями разовьются противорѣчія, задѣвающія ихъ жизненные интересы,—всякій договоръ о третейскомъ судѣ окажется безсильнымъ. Изъ жизни націй нельзя вполнѣ исключить обращеніе къ силѣ. Намъ предоставлено только стремиться отсрочить какъ можно дальше примѣненіе силы, и для этого служатъ также арбитражные договоры, распространяющіеся на опредѣленныя категоріи правовыхъ отношеній. Дѣйствуя такимъ образомъ практически, мы дѣлаемъ дѣло болѣе полезное, чѣмъ созданіе представленій, чуждыхъ природѣ человѣчества и государства. Для миролюбія нужна сила. Все еще сохраняетъ значеніе старое правило, что слабый становится жертвою сильнаго. Если народъ не желаетъ или не можетъ тратить на свое вооруженіе столько, сколько требуется, чтобы пробить себѣ дорогу въ мірѣ, то онъ отодвигается во второй рядъ и низводится постепенно до роли статиста. Всегда явится другой, сильнѣйшій, готовый занять его мѣсто въ мірѣ. Мы, нѣмцы, въ нашемъ трудномъ международномъ положеніи, болѣе другихъ обязаны безстрашно смотрѣть въ лицо этой суровой дѣйствительности. Только тогда можемъ мы сохранить для себя миръ и самое существованіе".

Средняя нѣмецкая публика, насколько можно судить по газетамъ, очень довольна и отчасти даже гордится глубокомысленными объясненіями германскаго канцлера по поводу щекотливаго вопроса, поднятаго президентомъ Тафтомъ и сэромъ Эдуардомъ Греемъ. Рѣчь фонъ Бетманъ-Гольвега повсюду принята была какъ обдуманный и рѣшительный отвѣтъ хранителей „вооруженнаго мира" на смѣлыя попытки реформаторскаго движенія въ области традиціоннаго международнаго права. Выяснилась какъ будто противоположность двухъ міросозерцаній—прусско-германскаго, опирающагося на милитаризмъ, и англо-саксонскаго, вдохновляемаго интересами народныхъ массъ. Фонъ Бетманъ-Гольвегъ значительно выросъ въ общественномъ мнѣніи, выступивъ въ роли провозвѣстника истинно-нѣмецкихъ началъ житейской мудрости и трезвой государственности. Нѣмецкимъ патріотамъ кажется, что канцлеру удалось основательно, съ убійственной

ироніею, доказать безпочвенность и фантастичность проектовъ, нашедшихъ почему-то поддержку въ такихъ серьезныхъ и выдающихся дѣятеляхъ, какъ сѣверо-американскій президентъ и британскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Фонъ Бетманъ-Гольвегъ говоритъ объ этихъ проектахъ съ оттѣнкомъ философскаго снисхожденія, какъ человѣкъ, понимающій жизнь и не поддающійся вліянію обманчивыхъ, хотя и симпатичныхъ, великодушныхъ идей. Онъ съ грустью отдаетъ себѣ отчетъ въ существованіи „суровой дѣйствительности" и отклоняетъ безплодныя иллюзіи идеалистовъ, въ родѣ Тафта и сэра Эд. Грея. Но доводы и разсужденія фонъ Бетманъ-Гольвега не имѣютъ въ сущности никакого отношенія ни къ содержанію рѣчей Тафта и сэра Эд. Грея, ни къ выдвинутымъ ими проектамъ. Германскій канцлеръ побѣдоносно разбиваетъ мысли и предположенія, которыхъ никто не высказывалъ и не могъ высказывать. Онъ говоритъ о всемірномъ конгрессѣ, устанавливающемъ предѣльныя нормы численности войскъ различныхъ государствъ соотвѣтственно ихъ рангу, разсуждаетъ о невозможности контроля за дѣйствительнымъ соблюденіемъ этихъ нормъ и въ доказательство ссылается на примѣръ Наполеона, который послѣ разгрома Пруссіи разрѣшилъ ей имѣть армію не свыше 42-хъ тысячъ человѣкъ—и тѣмъ не менѣе, при всѣхъ своихъ колоссальныхъ средствахъ надзора, не могъ помѣшать образованію полутораста-тысячной прусской арміи. Фонъ Бетманъ-Гольвегу представляется, что дѣло идетъ о принудительномъ и произвольномъ ограниченіи вооруженныхъ силъ отдѣльныхъ державъ, вопреки истиннымъ потребностямъ и желаніямъ народовъ,—что каждая нація будетъ стремиться по возможности обойти стѣснительныя нормы и держать больше войскъ, чѣмъ ей назначено, въ видахъ своего усиленія и возвышенія въ ряду другихъ націй,—что право имѣть болѣе крупныя постоянныя арміи есть привилегія, обезпечивающая націи ея мѣсто въ мірѣ, и каждое государство будетъ твердо отстаивать эту привилегію, чтобы не опуститься до положенія безсильныхъ статистовъ. Ясно, что фонъ Бетманъ-Гольвегъ говоритъ о чемъ-то прямо противоположномъ тому, что̀ имѣютъ въ виду сторонники и проповѣдники добровольнаго международнаго соглашенія о разоруженіи или о сокращеніи вооруженій. Германскій канцлеръ беретъ за исходную точку предположеніе, что армія есть не продуктъ и форма выраженія національной силы, а самостоятельный источникъ и главнѣйшее мѣрило могущества даннаго государства,—предположеніе, не выдерживающее, очевидно, даже самой поверхностной критики. Постоянныя арміи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ совершенно ничтожны сравнительно съ германскою, а до послѣдняго десятилѣтія американцы не имѣли также серьезнаго военнаго флота; однако сѣверо-американская республика возрастала

и усиливалась во всѣхъ отношеніяхъ, а вовсе не опускалась до положенія статиста. Военно-политическія аксіомы, излагаемыя въ такомъ авторитетномъ тонѣ фонъ Бетманъ-Гольвегомъ, находятся въ полномъ разладѣ съ тою „суровою дѣйствительностью", на которую онъ ссылается. Германскій канцлеръ и опровергаемые имъ „идеалисты" говорятъ на разныхъ языкахъ, и притомъ о совершенно различныхъ вещахъ. Онъ говоритъ о ростѣ вооруженій, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ и желательномъ, какъ о законѣ природы, соотвѣтствующемъ существу человѣка и государства; а „идеалисты" говорятъ о безплодности и непомѣрной тяжести этихъ вооруженій для народовъ, о необходимости положить предѣлъ возрастающимъ военнымъ затратамъ путемъ добровольныхъ соглашеній, въ интересахъ трудящагося населенія. Фонъ Бетманъ-Гольвегъ разсуждаетъ о государствѣ и объ арміи, какъ о чемъ-то независимомъ отъ народа, отъ его процвѣтанія или бѣдствій; а Тафтъ и сэръ Эд. Грей привыкли думать, наоборотъ, что государство и армія существуютъ для блага націи и что жизненные интересы народныхъ массъ составляютъ высшій и единственный критерій при оцѣнкѣ пользы или вреда тѣхъ или другихъ явленій и формъ государственной дѣятельности. Фонъ Бетманъ-Гольвегъ опровергаетъ „мечты о вѣчномъ мирѣ", какъ неосуществимыя для культурнаго человѣчества,—точно вопросы мира и войны рѣшаются на небѣ, а не на землѣ, и точно политическія событія не создаются людьми, а падаютъ готовыми свыше. Цѣлая пропасть лежитъ между міросозерцаніями фонъ Бетманъ-Гольвега и критикуемыхъ имъ англо-американскихъ дѣятелей—и, конечно, „суровая дѣйствительность" оказывается вовсе не на сторонѣ канцлера-оптимиста, взирающаго на міръ глазами самодовольнаго прусскаго юнкера.

Франція не можетъ избавиться отъ традицій, вынуждающихъ ее отъ времени до времени предпринимать такія дѣйствія, которыя рѣшительно противорѣчатъ интересамъ и стремленіямъ демократіи. Съ тѣхъ поръ какъ французское правительство впуталось во внутреннія дѣла Марокко, подъ предлогомъ охраны интересовъ французской торговли, оно не выходитъ изъ тягостныхъ военно-политическихъ затрудненій и кризисовъ, связанныхъ съ мѣстными безпорядками и замѣшательствами. Вся внѣшняя политика Франціи, какъ великой европейской державы, парализуется постоянно повторяющимися волненіями и инцидентами въ разныхъ частяхъ Марокко, такъ какъ съ одной стороны эти волненія прямо или косвенно задѣваютъ „престижъ" французскихъ оккупаціонныхъ войскъ, а съ другой стороны—всякая попытка вмѣшательства съ цѣлью подавленія безпорядковъ

даетъ поводъ къ ядовитымъ нападкамъ нѣмецкой печати и придирчивому контролю германской дипломатіи. На первыхъ порахъ французы надѣялись по крайней мѣрѣ утвердить свою власть въ нѣкоторыхъ приморскихъ областяхъ Марокко, по соглашенію съ Испаніею; но послѣ воинственныхъ германскихъ протестовъ, завершившихся алжесирасскими актами, мароккскія экспедиціи не приносили и не могли приносить ничего, кромѣ убытковъ и разочарованій.

Французская республика съ самаго начала попала въ фальшивое положеніе, взявъ на себя защиту авторитета мароккскаго султана, который въ дѣйствительности имѣетъ очень мало общаго съ правителемъ страны въ культурномъ смыслѣ этого слова. Султанъ или шерифъ есть только глава добровольно подчиняющихся ему племенъ, которыя часто отрекаются отъ него или возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ въ случаѣ какого-либо спора или столкновенія; другія племена вовсе не признаютъ власти султана или вступаютъ съ нимъ въ отдѣльныя временныя соглашенія. При такихъ условіяхъ требуется со стороны султана большое искусство и исключительная дипломатическая ловкость для поддержанія мира и порядка въ странѣ. Но иностранные пришельцы не вникаютъ въ эти особыя мѣстныя обстоятельства; они должны быть во всякомъ случаѣ обезпечены въ своихъ правахъ, а гарантіи безопасности можетъ имъ дать только общепризнанная мѣстная власть, при могущественномъ содѣйствіи и покровительствѣ отечественныхъ представителей, дипломатическихъ или военныхъ; высшая же власть въ странѣ можетъ быть только одна—султана или шерифа, къ которому и обращаются иностранцы съ своими требованіями и домогательствами. Отсюда происходитъ цѣлый рядъ недоразумѣній: султанъ не можетъ ничего сдѣлать съ полунезависимыми племенами, представители которыхъ нарушили интересы иностранцевъ; онъ вынужденъ прибѣгнуть къ помощи европейскихъ военныхъ отрядовъ, чтобы быть въ состояніи „наказать“ непокорныхъ; обиженныя племена возмущаются и грозятъ местью одновременно султану и иностранцамъ; отдѣльные случаи расправы съ европейскими офицерами и солдатами вызываютъ необходимость карательной экспедиціи со стороны заинтересованной державы; отношенія между султаномъ и разными мѣстными племенами обостряются, и въ концѣ концовъ создается такое положеніе, какъ теперь: шерифъ осаждается въ своей резиденціи враждебными полчищами туземцевъ, и вмѣстѣ съ шерифомъ и его приверженцами подвергаются всѣмъ опасностямъ осады иностранные союзники и покровители ихъ, французы. Вновь организуется дорого стоющая экспедиція, которая въ лучшемъ случаѣ избавитъ осажденныхъ отъ гибели цѣною многихъ жертвъ и усилій. Общее же положеніе дѣлъ въ Марокко не измѣнится и не можетъ

измѣниться къ лучшему, пока иностранныя державы не откажутся отъ политики произвольныхъ распоряженій и захватовъ въ чужихъ краяхъ, ошибочно признаваемыхъ безправными.

Чрезвычайно странная исторія произошла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, славящихся своими винами. Винодѣлы департамента Обы выступили въ походъ противъ департамента Марны; отдѣльные округа департамента Марны пошли войною противъ городовъ и мѣстечекъ, служащихъ резиденціями знаменитыхъ во всемъ мірѣ винныхъ фирмъ. Это была настоящая опустошительная война, направленная, впрочемъ, не противъ людей, а противъ имуществъ. Обширные, старательно воздѣланные виноградники затаптывались и разорялись; богатѣйшіе склады цѣнныхъ напитковъ безжалостно истреблялись, и шампанское буквально лилось рѣкою. Дикія сцены разгрома и опустошенія совершались организованными отрядами, прибывшими изъ разныхъ мѣстъ въ праздничныхъ одеждахъ, съ цѣлью демонстраціи, которая первоначально имѣла вполнѣ мирный характеръ; постепенно умы разгорячались, подъ вліяніемъ неудачныхъ правительственныхъ мѣръ, и 12-го апрѣля (нов. ст.) вспыхнуло разрушительное междоусобіе.

Чѣмъ вызваны эти печальныя событія? Въ 1905-мъ году изданъ былъ законъ о мѣрахъ противъ фальсификаціи товаровъ и ложнаго обозначенія ихъ, при чемъ компетентнымъ административнымъ органамъ предоставлялось выработать и установить подробныя правила относительно разныхъ категорій товаровъ и продуктовъ, имѣющихъ право на то или другое обозначеніе. Регламентація дошла до такихъ деталей и привела къ такимъ затрудненіямъ, что высшія административныя учрежденія вынуждены были нѣсколько разъ подвергать пересмотру изданныя постановленія; въ апрѣлѣ 1908-го года государственный совѣтъ утвердилъ четыре спеціальныхъ регламента по этому предмету, а въ августѣ того же года вышелъ новый законъ, дополненный закономъ 11-го февраля 1911 года. Въ силу этихъ крайне сложныхъ и запутанныхъ постановленій опредѣлены были точныя границы районовъ, внутри которыхъ производятся извѣстные сорта дорогихъ винъ, обозначаемые мѣстными названіями; продукты другихъ районовъ теряли право на это обозначеніе, такъ что, напримѣръ, шампанское, приготовляемое въ департаментѣ Обы, лишено было права на это названіе, которое сохранялось только за спеціальными винами въ предѣлахъ департамента Марны, въ извѣстныхъ пунктахъ прежней провинціи Шампани. Фактически то, что прежде составляло достояніе множества мелкихъ винодѣловъ, превращалось въ монополію

немногихъ крупныхъ фирмъ, которыя не могли даже пользоваться для своихъ издѣлій вспомогательными привозными винами изъ сосѣднихъ районовъ. Массѣ народа въ департаментѣ Обы грозило разореніе; отъ заинтересованныхъ лицъ и организацій поступали энергическія жалобы; мѣстные депутаты и сенаторы пытались добиться отмѣны несправедливыхъ регламентовъ, но радикалы и соціалисты мало интересовались винодѣлами, какъ мелкими „собственниками“, и палата откладывала обсужденіе жгучаго вопроса или передавала его въ коммиссію для доклада, при чемъ правительство выражало даже сомнѣніе въ правѣ государственнаго совѣта пересмотрѣть или отмѣнить свои собственныя постановленія, безъ изданія новаго закона. Наконецъ, 12-го апрѣля, сенатъ, обсудивъ вопросъ о разграниченіи районовъ и областей, принялъ двусмысленную резолюцію, которая окончательно раздразнила винодѣловъ и послужила какъ бы сигналомъ къ возстанію.

Страсть къ регламентаціи, унаслѣдованная нынѣшними французскими администраторами и законодателями отъ далекаго прошлаго, принесла на этотъ разъ крайне горькіе плоды; но отрезвила ли она политическихъ дѣятелей, погруженныхъ въ заботы такъ называемой общей политики и систематически пренебрегающихъ насущными нуждами и требованіями значительныхъ классовъ населенія—это вопросъ, на который трудно дать теперь опредѣленный отвѣтъ.

ХРАМЪ „ПРИРОДЫ“

Поэма Эразма Дарвина. Переводъ Н. А. Холодковскаго. Спб., 1911.

Оригинальный научно-философскій трактатъ дѣда знаменитаго творца эволюціонной теоріи, написанный въ 1803 г., впервые появляется въ русскомъ переводѣ. И, несмотря на свое стародавнее происхожденіе и необычную форму дидактической поэмы, онъ и теперь еще можетъ возбудить интересъ читателя и даже доставить эстетическое удовольствіе красотой и поэтическимъ воодушевленіемъ, которыми запечатлѣны многія мѣста поэмы. Этому немало способствуетъ плавный, легкій стихъ Н. А. Холодковскаго, давно извѣстнаго своими образцовыми переводами классическихъ произведеній всемірной литературы.

Эразмъ Дарвинъ, скромный англійскій врачъ, жившій во второй

половинѣ XVIII в., считается въ біологіи однимъ изъ провозвѣстниковъ эволюціоннаго ученія. Въ своихъ научныхъ трудахъ онъ стремился представить невозможность внезапнаго возникновенія міра и утвердить мысль о постепенномъ развитіи его изъ ничтожнаго по величинѣ начала, благодаря дѣйствію заключенныхъ въ самой природѣ основныхъ силъ; онъ предугадывалъ тотъ „тайный законъ", который позднѣе отыскивалъ Гёте въ родствѣ видовъ; онъ указывалъ на біологическое значеніе тѣхъ явленій въ животномъ царствѣ, которыя впослѣдствіи были установлены его знаменитымъ внукомъ въ области мимикріи животныхъ. Самое выдающееся сочиненіе Эразма Дарвина—*Зоономія* или *Законы органической жизни*,—вышедшее въ 1794 г., имѣетъ цѣлью показать, какъ высшія живыя существа, а равно и высшія способности, происходятъ изъ низшихъ путемъ постепеннаго развитія и усовершенствованія, какъ строеніе органа приспособляется къ его функціямъ и новыя способности нарождаются вслѣдствіе подражанія. Но въ душѣ этого ученаго мыслителя жило также сильное поэтическое чувство, поддерживаемое, несомнѣнно, его благоговѣйнымъ, почти религіознымъ обожаніемъ природы и ея законовъ; оно-то и вылилось подъ конецъ его жизни въ формѣ настоящаго гимна Природѣ, олицетворенной имъ въ видѣ величественнаго *Храма*, куда „мудрый и добрый входятъ безъ запрета". Поэма „The Temple of Nature" явилась, такимъ образомъ, поэтическимъ выраженіемъ всѣхъ взглядовъ англійскаго біолога-эволюціониста XVIII вѣка. Верховная жрица Природы, Уранія, ведетъ Музу поэта по всѣмъ многочисленнымъ портикамъ и заламъ дивнаго, нерукотворнаго Храма, и передъ читателемъ послѣдовательно развертываются картины происхожденія жизни, воспроизведенія ея, развитія ума въ человѣчествѣ и, наконецъ, отношенія въ мірѣ добра и зла. Все это пересыпано образами и сравненіями изъ картинъ природы и миѳологическаго міра, разнообразящими передачу научныхъ истинъ. Уранія съ Музой

„Идутъ по заламъ и дворцамъ,
По изразцамъ и мраморнымъ поламъ,
По высямъ горъ, долинамъ углубленнымъ,
Дворцамъ роскошнымъ, уголкамъ зеленымъ,
По лабиринтамъ, не теряясь тамъ
И нить оставивъ будущимъ гостямъ;
Изслѣдуютъ твердь неба голубую
И глубину безмѣрную морскую,
Льды полюса и юга жаркій зной,
Богатства почвъ и глубь земли съ рудой.
Онѣ слѣдятъ, какъ кислородъ съ азотомъ
Вступаетъ, воздухъ образуя, въ связь,
Иль, съ водородомъ тѣсно съединясь,
Волнуется, кипитъ водоворотомъ;

Иль, черезъ призму устремляя взглядъ,
Свѣтъ семисложный на цвѣта дробятъ,
Иль струй его сребристые пучечки
Чрезъ чечевицу сводятъ въ яркой точкѣ,
Иль смотрятъ, какъ стекло, сойдясь съ смолой,
Даютъ токъ электрическій двойной,
Какъ токъ угря въ водѣ вооружаетъ
Иль ската тайной силою снабжаетъ...“

Въ началѣ поэмы Уранія раскрываетъ Музѣ тайны происхожденія органическаго міра: изъ первичной живой матеріи самопроизвольно возникли простѣйшіе микроскопическіе организмы, изъ которыхъ развились постепенно высшія формы растеній и животныхъ.

„Такъ безъ отца, безъ матери, одни
Возникли произвольно въ эти дни
Живого праха первые комочки;
Растеній міръ и насѣкомыхъ рой
Возсталъ микроскопической толпой,
Сталъ двигаться, дышать и множить почки
. . . . . .
Такъ сочетаньемъ влаги и тепла
Чудесно жизнь рождалась и росла;
Земля, формуясь, сократимой стала,
Чувствительность она пріобрѣтала,
И, торжествуя творчески, Любовь
За формой форму создавала вновь“.

Въ картинахъ „воспроизведенія жизни“ авторъ рисуетъ постоянную смѣну смерти и рожденій, проводя мысль, что

„Химическій составъ свой измѣнятъ
Должны всѣ формы жизни въ вѣчномъ спорѣ, —
Онѣ живутъ, чтобъ умереть имъ вскорѣ,
И умираютъ, чтобъ ожить опять!
Такъ вещество безсмертное умѣетъ
Бурь преходящихъ побѣждать порывъ, —
Не погибая въ нихъ, растетъ и зрѣетъ,
По временамъ лишь форму измѣнивъ.“

Въ разсужденіяхъ о „развитіи ума“ — наиболѣе „дидактической“ части поэмы — описывается появленіе чувствительности вслѣдствіе раздраженій, получаемыхъ организмомъ отъ внѣшняго міра. Чувствительность порождаетъ волю, внушеніе, ассоціацію идей; съ развитіемъ жизни изъ нихъ вырастаютъ личныя и соціальныя страсти и способности разума, добродѣтель, красота, наука.

Послѣдняя часть поэмы, трактующая „о добрѣ и злѣ“, стремится примирить жизнь съ бѣдствіями и смертью, доказывая, что сумма блага превосходитъ сумму зла и самая борьба противъ жизни без-

сильна передъ могуществомъ ея воспроизведенія. „Всѣ громы Смерти— только смѣна формъ“. Слова поэта-натуралиста проникнуты здѣсь здоровой, бодрящей вѣрой въ жизнь. Изъ старинной забытой поэмы намъ звучитъ вѣчно новый призывъ къ жизни и творчеству, заканчиваемый красивой заключительной картиной:

„Но вотъ умолкли волны звуковъ стройныхъ,
Царитъ безмолвье на крылахъ спокойныхъ.
Уранія медлительной стопой
Восходитъ мѣрно предъ алтарь святой,
Стоитъ съ кадиломъ по срединѣ храма
И развѣваетъ волны ѳиміама;
Склонившись трижды, совлекаетъ флеръ
Съ лица Богини трепетнымъ движеньемъ
И къ Истинѣ божественной съ волненьемъ,
Ставъ на колѣна, свой подъемлетъ взоръ“.

Въ поэмѣ Эразма Дарвина затрогиваются—говоритъ переводчикъ— всѣ великіе вопросы эволюціонной теоріи, содержатся элементы, вошедшіе въ составъ ученій и Ламарка, и Чарльза Дарвина. „Даже теорія борьбы за существованіе развита очень отчетливо, хотя и не доведена до конца“.

Помимо историко-біологическаго интереса „Храма Природы“, поэма производитъ впечатлѣніе и на обыкновеннаго читателя тою пламенною любовью къ природѣ, которая подчасъ поднимаетъ ученаго автора на высоту истиннаго поэтическаго вдохновенія. Она не лишена даже общественно-политическихъ мотивовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія неувядаемыя и понынѣ строки, обращенныя къ „героямъ-патріотамъ, кто блюдетъ законы, право, милость и свободу“:

„Во дни, когда всѣ царства вкругъ, ярясь,
Въ войнѣ опустошительной борясь,
Сшибаютъ войско съ войскомъ въ бранномъ спорѣ
И подъ борьбою флотовъ стонетъ море,—
Храните, о, храните въ эти дни
Международной роковой рѣзни
Святое древо знанья, чтобъ сѣкира
Слѣпой, безумной силы не снесла
Святого драгоцѣннаго ствола!
Храните для народовъ блага мира
И отъ враговъ старайтесь защищать
Безсмертную свободную печать!
Тогда во всѣ вѣка вашъ трудъ прославитъ
Исторія; вамъ памятникъ поставитъ
И обезсмертитъ ваши имена
Поэтовъ пѣснь въ иныя времена!“

Воскресить неизвѣстное намъ или по меньшей мѣрѣ забытое произведеніе Эразма Дарвина и дать его въ русскомъ переводѣ было,

такимъ образомъ, дѣломъ далеко не лишнимъ. Оно исполнено, притомъ, съ рѣдкой любовью и знаніемъ. Въ этомъ отношеніи старинному англійскому натуралисту посчастливилось: въ лицѣ Н. А. Холодковскаго, который, подобно автору „Храма Природы", соединяетъ въ себѣ ученаго біолога и поэта, прекрасно владѣющаго стихомъ, поэма Эразма Дарвина нашла самаго подходящаго интерпретатора.

А. Щ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Первое пятилѣтіе новаго строя.— Декларація совѣта министровъ 13-го мая 1906-го года.—Почему не чествуется 27-ое апрѣля?—Изъ писемъ бывшихъ депутатовъ.—Новая басня о ритуальныхъ убійствахъ.—Изувѣрство черной сотни.—Праздникъ бѣлаго цвѣтка.—Юбилей А. П. Философовой.

...„Да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ"... Эти слова были включены въ Высочайшее привѣтствіе Государственному Совѣту и Государственной Думѣ и были произнесены 27-го апрѣля 1906 г. въ Георгіевскомъ тронномъ залѣ Зимняго дворца. Въ Таврическомъ дворцѣ, открывая первое засѣданіе Государственной Думы, Э. В. Фришъ говорилъ: „Я счастливъ, что въ настоящій великій и торжественный для всей Россіи день мнѣ предоставлена высокая честь привѣтствовать васъ, господа, избранниковъ русскаго народа... Вамъ, господа, предстоитъ историческая задача"...

Тѣхъ, на чью долю выпало счастье быть первыми народными избранниками и въ чьемъ лицѣ были обращены къ Государственной Думѣ слова Высочайшаго привѣтствія—давно нѣтъ: вмѣсто пяти лѣтъ, они сохраняли полномочія избранія всего семьдесятъ два дня. Допустимъ, что на нихъ самихъ—и только на нихъ—падаетъ отвѣтственность за скорый роспускъ Думы. Допустимъ, что они лично не оказались на высотѣ предстоявшей исторической задачи, что они не были „лучшими людьми", что страна и народъ ошиблись, посылая ихъ на трудную работу обновленія. Сдѣлаемъ еще рядъ шаговъ, чтобы перенестись въ противоположную нашимъ воззрѣніямъ плоскость мышленія. Допустимъ, что и при выборѣ членовъ Думы второго созыва народъ опять послалъ не лучшихъ людей, т.-е. не такихъ, которые, вѣрно понимая, что̀ нужно для блага страны, были бы способны разрѣшить историческую задачу обновленія. Признаемъ на мигъ, наконецъ, что

роковой ошибкой было предоставленіе равномѣрнаго права избранія представителей всѣмъ классамъ населенія на основахъ закона 11-го декабря 1905 г. Словомъ, попытаемся усвоить во всемъ точку зрѣнія господъ положенія данной минуты. Упадутъ ли тогда мучительные вопросы, отъ которыхъ нельзя освободиться, подводя итогъ перваго пятилѣтія новаго строя государственной жизни?

Дума, какъ учрежденіе, впервые открытое 27-го апрѣля 1906-го года, осталась. Личной преемственности Думы перваго созыва и третьяго — по составу членовъ, по соотношенію партійныхъ силъ, по тону и характеру политическихъ стремленій и настроенія—нѣтъ и слѣда. Но преемственность учрежденія существуетъ полная. Законъ, опредѣляющій предметы вѣдомства, степень власти и порядокъ дѣйствій Государственной Думы, сохраненъ безъ малѣйшихъ измѣненій. И это подчеркивается не тѣми, кто называетъ третью Думу „господскою", „послушною", „Думой-декораціей",—кто, говоря о русской конституціи, ставитъ слово „конституція" въ кавычки. Напротивъ, съ противоположной стороны, оправдывающей изданіе закона 3-го іюня 1907-го года, идетъ всегда утвержденіе, что исправленіе „ошибки" не отразилось ни на роли, ни на государственномъ значеніи Думы. Почему же память „великаго и торжественнаго для всей Россіи дня" не чествуется? Почему ни сама Дума, ни правительство, ни націоналисты съ октябристами, его не вспоминаютъ? Для насъ въ этотъ день, естественно, встаютъ кошмарныя воспоминанія надолго рухнувшихъ надеждъ. Но для „господъ положенія" этотъ день далъ то, что̀ они многократно использовали и чѣмъ такъ широко продолжаютъ пользоваться.

Дума третьяго созыва безпрепятственно и въ полномъ единеніи съ исполнительной властью „работаетъ" четвертый годъ. Первый, за всѣ годы „работы" третьей Думы, серьезный конфликтъ съ правительствомъ, возникшій по поводу проведенія закона о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ 87-ой статьи,—наканунѣ, быть можетъ, благополучнаго разрѣшенія. Законъ вводится въ дѣйствіе, а что касается права Думы черезъ два мѣсяца послѣ изданія лишить законъ силы, то на этотъ случай правительство, и помимо Думы, озаботится ее „сберечь": въ теченіе думскихъ каникулъ, правительство безъ труда создастъ такія условія, при которыхъ права Думы останутся въ незыблемой неприкосновенности, осуществленіе же ихъ сдѣлается затруднительнымъ. И Дума, конечно, склонитъ голову передъ неустранимымъ фактомъ [1]). Какъ прошли три первые годы жизни третьей

[1]) Еще факта не создано, а Дума уже готовитъ голову къ предупредительному наклону. 19-го апрѣля составлялось расписаніе засѣданій до конца сессіи, и хотя въ предшествующіе годы сессія обыкновенно заканчивалась въ іюнѣ, но на нынѣшній—

Думы, такъ завершится четвертый и пройдетъ пятый. Почему же нѣтъ радости, нѣтъ нотъ спокойной бодрости въ устахъ представителей большинства Думы? Почему въ каждомъ актѣ правительственной власти доминируютъ ноты борьбы, искорененія и подавленія? Послѣ закона 3-го іюня въ Думу вѣдь вошли „лучшіе люди“. Правда, съ ними прошли и представители „вредныхъ“, полупреступныхъ, оппозиціонныхъ элементовъ. Эти элементы досаждали и досаждаютъ — порой немало — „лучшимъ людямъ“. Но „творческой“ работѣ ихъ они, по численности голосовъ, мѣшать не могли. Гдѣ же результатъ „творчества“ „лучшихъ людей“? Гдѣ „обновленіе нравственнаго облика земли русской“? Провидится ли оно въ будущемъ, по крайней мѣрѣ?..

Бѣгло оглядываясь на минувшее пятилѣтіе и вспоминая „великій и торжественный день“, не будемъ приводить ни рѣчи С. А. Муромцева, ни словъ адреса первой Думы. Возьмемъ за отправную точку для сопоставленія декларацію совѣта министровъ отъ 13 мая 1906 г.— тотъ актъ, который намѣчалъ минимальную схему признанныхъ необходимыми и поставленныхъ на очередь реформъ. Забудемъ, какъ этотъ актъ былъ принятъ въ Государственной Думѣ. Возьмемъ его въ частяхъ, раскрывавшихъ не то, что правительство считало „недопустимымъ“, а то, на чемъ оно строило свою программу. Къ декларації совѣта министровъ прибавимъ лишь пожеланія, занесенныя въ адресъ верхней палаты.

Правительство, слѣдуя указанію манифеста 17 октября, обѣщало, прежде всего, содѣйствіе Государственной Думѣ „въ вопросѣ объ измѣненіи избирательнаго права“. Тутъ же, рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ, была, правда, сдѣлана оговорка, что совѣтъ министровъ „съ своей стороны не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія“. Но по существу вопроса правительство не возражало. Теперь, пожалуй, можно утверждать, что оговорка декларації предусматривала измѣненіе, „по выяснившейся потребности“, способа составленія Государственной Думы вообще, т.-е., слѣдовательно, и замѣну избирательной системы по закону 11 декабря 1905 г. системою положенія 3 іюня. Думаемъ, однако, что на почву такого „разъясненія“ декларації едва-ли рискнетъ вступить кто-либо изъ министровъ, ее подписавшихъ. Слишкомъ еще хорошо въ памяти, что въ то время и въ мысляхъ ни у кого не было объ иномъ измѣненіи избирательной системы, кромѣ приближенія къ всеобщему голосованію, или, какъ говорилъ мани-

Дума составила расписаніе только до 13-го мая. Никому и въ голову не приходитъ, что сессія можетъ продлиться дольше чѣмъ на два мѣсяца послѣ 14-го марта.

фестъ 17 октября, „дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права".

Мы, впрочемъ, выразили готовность идти на встрѣчу воззрѣніямъ противоположнымъ тѣмъ, которыхъ держимся, вплоть до признанія роковой ошибкой не только предположеній о „дальнѣйшемъ развитіи начала общаго избирательнаго права", но и „способа составленія" Думы двухъ первыхъ созывовъ. А потому обратимся къ тѣмъ реформамъ, намѣченнымъ декларацією, въ отношеніи которыхъ соображенія объ ошибкахъ неприложимы. „Съ особливымъ вниманіемъ относится совѣтъ министровъ—гласила декларація—къ возбужденнымъ Государственною Думою вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ въ вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ".

Удовлетворена ли въ теченіе истекшихъ пяти лѣтъ насущная нужда сельскаго населенія—крестьянскій земельный голодъ? На крестьянскій вопросъ правительство дѣйствительно откликнулось „незамедлительно". Но въ чьихъ и въ какихъ интересахъ былъ сдѣланъ откликъ? Въ интересахъ ли экономическихъ, или, преимущественно, политическихъ? Въ интересахъ ли крестьянъ или въ интересахъ класса землевладѣльцевъ? Опять сдѣлаемъ уступку. Допустимъ, что указъ 9 ноября 1906-го года былъ актомъ положительнымъ, т.-е. реформой въ положительномъ смыслѣ слова. Что, однако, раскрыла эта реформа? Если она дастъ въ результатѣ внѣдреніе въ крестьянство чувства собственности, то это будетъ результатъ, во-первыхъ, въ экономическомъ отношеніи весьма спорный и, во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ, очень отдаленный. Если отруба и хутора поднимутъ производительность крестьянской земли, то это тоже лишь въ далекомъ будущемъ устранитъ крестьянскую нужду. Словомъ, какъ ни смотрѣть на указъ 9 ноября, но въ смыслѣ удовлетворенія насущной нужды сельскаго населенія,—нужды сегодняшняго дня,—онъ ничего не далъ. Будучи откровенной политической „ставкой на сильныхъ", онъ малоземельнымъ земли не прибавилъ и, напротивъ, способствовалъ тому, чтобы земля изъ ихъ рукъ ушла вовсе. И это обезземеленіе тѣхъ, къ чьей „насущной нуждѣ" совѣтъ министровъ предполагалъ 13 мая 1906-го года отнестись „съ особливымъ вниманіемъ", думаемъ, вполнѣ компенсируетъ то нѣкоторое увеличеніе общей площади крестьянской земли, которое отличаетъ начало и конецъ перваго пятилѣтія новаго

государственнаго строя. И надо еще прибавить: собственно новый строй здѣсь не при чемъ. „Лучшіе люди“ въ лицѣ третьей Думы никакой творческой мысли въ рѣшеніе даннаго вопроса не внесли.

Не имъ принадлежитъ и изданіе закона, „утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій“, — если такимъ закономъ считать указъ 5 октября 1906-го года. При старомъ строѣ, крестьяне, нигдѣ на службѣ не состоящіе, были объектами дисциплинарной власти земскихъ начальниковъ. Земскій начальникъ могъ каждаго крестьянина, въ порядкѣ дисциплинарнаго усмотрѣнія, арестовать и оштрафовать. Послѣ пяти лѣтъ практики новаго строя онъ такого права не имѣетъ, но можетъ приказать это сдѣлать волостному старшинѣ или сельскому старостѣ и, въ случаѣ ослушанія, посадить въ холодную ихъ самихъ. Если упомянуть объ отмѣнѣ постановленій о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ, о предоставленіи права обязываться векселями, объ отмѣнѣ ограниченій паспортныхъ и по условіямъ поступленія на государственную службу, то въ законѣ 5 октября 1906 г. останется немного такого, что уравняло бы крестьянъ въ правахъ съ прочими сословіями. „Послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя, съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности — говорилось въ деклараціи—предопредѣляетъ главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда“. Черезъ пять лѣтъ послѣ такихъ заявленій, особый судъ для крестьянъ остался, и, судя по недавнимъ заявленіямъ представителей правительства въ Государственномъ Совѣтѣ, оно отъ мысли создать общій для всѣхъ мѣстный судъ отказалось. Институту земскихъ начальниковъ, упраздненіе котораго считалось въ 1906 г. вопросомъ времени, нужнаго для изготовленія законопроекта, никакая опасность не угрожаетъ [1]). Земскихъ гласныхъ крестьяне выбираютъ въ

[1]) Неприкосновенность института земскихъ начальниковъ для законодательной иниціативы принята даже подъ особо бдительный надзоръ и не только центральнаго правительства, но, что особенно характерно, — губернаторовъ. Въ засѣданіи Думы 23-го марта, А. И. Шингаревъ рѣзко отозвался о роли земскихъ начальниковъ въ строѣ уѣздной, особенно крестьянской, жизни и о личномъ ихъ составѣ, поскольку составъ опредѣляется условіями комплектованія. Предсѣдательствующимъ ораторъ былъ призванъ къ порядку. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. И. Лыкошинъ, противъ словъ А. И. Шингарева протестовалъ. Казалось бы, на этомъ инцидентъ долженъ былъ считаться исчерпаннымъ. Но тамбовскій „воевода“, г. Муратовъ — или, переводя на націоналистическій жаргонъ, „губернаторъ“ (выраженіе принадлежитъ „Гражданину“, № 15), — взглянулъ на дѣло иначе. На слѣдующій же день по полученіи въ Тамбовѣ агентскихъ телеграммъ съ изложеніемъ преній, имѣ-

особыхъ куріяхъ и по особому порядку. При выборахъ государственныхъ, крестьяне-собственники лишены въ своемъ уѣздѣ избирательныхъ правъ по землевладѣльческому цензу.

Въ области мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію нуждъ рабочаго класса, не сдѣлано ничего. Возможные способы къ „вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія“ все „изыскиваются“, какъ они изыскивались едва-ли не всегда со времени существованія россійскаго государства. Только на исходѣ пятилѣтія конституціоннаго строя вѣрно-послушная правительству Дума удосужилась начать разсмотрѣніе законопроекта о страхованіи рабочихъ. Законъ о всеобщемъ начальномъ образованіи черезъ Думу прошелъ. Съ годъ,—пожалуй, въ виду „особливаго вниманія“ правительства, не больше,—онъ пролежитъ еще въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ смыслѣ финансоваго содѣйствія развитію дѣла начальнаго обученія имѣются и реальные результаты „особливаго вниманія“. Государство стало систематично удѣлять, сравнительно съ прошлымъ, немалыя суммы на помощь земству. Соотвѣтствуютъ ли только эти суммы тѣмъ размѣрамъ тратъ государственной казны на школы, которыя рисовались въ 1906-мъ году? Какой процентъ общаго

вшихъ мѣсто въ Государственной Думѣ, онъ внесъ эти телеграммы на обсужденіе губернскаго присутствія. Присутствіе, по докладу губернатора, прежде всего, осудило телеграфное агентство, имѣющее „если не оффиціальный, то оффиціозный характеръ“, такъ какъ „земскіе начальники тамбовской губерніи, честные и вѣрные слуги Государева дѣла, публично опозориваются въ глазахъ населенія, благодаря агентству, считающему необходимымъ распространять возмутительныя, по своей оскорбительности, слова Шингарева“. Далѣе присутствіе, „касаясь вопроса о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть рѣчь Шингарева въ тамбовской губерніи“, занесло, между прочимъ, въ свой журналъ слѣдующую резолюцію, не то укоризненную, не то предостерегающую, и обращенную не то къ Думѣ, не то къ „высшему правительству“. Присутствіе признало, „что дѣло, которому земскіе начальники служатъ и въ которое вѣрятъ, потерпитъ несомнѣнный ущербъ, ибо при подходѣ къ этому дѣлу у земскаго начальника будетъ никнуть голова, опускаться руки; что населеніе, имѣя въ рукахъ печатные документы шельмованія земскихъ начальниковъ въ Государственной Думѣ, потеряетъ и довѣріе и уваженіе къ власти, безъ чего самая служба земскаго начальника представляется совершенно немыслимой“. Въ конечномъ выводѣ, тамбовское губернское присутствіе постановило: „просить господина губернатора отъ его, присутствія, имени заявить почтительнѣйшую просьбу господину министру внутреннихъ дѣлъ оказать защиту чести, доброму имени и вѣрной службѣ земскихъ начальниковъ тамбовской губерніи“ (См. „Рѣчь“, № 108). Въ пятую годовщину „водворенія въ нашемъ отечествѣ строгой законности“ нечего спрашивать, на какомъ законѣ основано постановленіе губернскаго присутствія, присвоившаго себѣ право, въ формѣ „почтительнѣйшей просьбы“, дѣлать указанія министру и цензуровать слова, произносимыя съ каѳедры Государственной Думы. Любопытнѣе задаться другимъ вопросомъ: какъ это постановленіе отразится на служебной карьерѣ г. Муратова?

увеличенія конституціоннаго бюджета онѣ составляютъ и насколько противъ прошлаго измѣнилось соотношеніе тратъ на народное образованіе и на пушки, крѣпости и корабли? „Особливое вниманіе“ не помѣшало министерству настойчиво возражать противъ ассигнованія на дѣло начальнаго образованія десяти милліоновъ рублей и доказывать, что вполнѣ достаточно восьми милліоновъ.

Предположенія правительства о болѣе или менѣе коренномъ преобразованіи мѣстнаго управленія разбились при прохожденіи черезъ непредусмотрѣнный основными законами собственный парламентъ министерства внутреннихъ дѣлъ — совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Въ этой области законодательнаго творчества созданы сыскныя отдѣленія, увеличены штаты агентовъ полиціи и кое-кому изъ чиновниковъ прибавлено жалованье. Реформа органовъ самоуправленія считалась въ 1906 г. такимъ же безспорнымъ вопросомъ, какъ введеніе всеобщаго начальнаго образованія. Внѣ спора и сомнѣній стояли и неотложность реформы, и ея содержаніе, и дарованіе самоуправленія въ области мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ окраинамъ, лишеннымъ земства и городского представительства. Когда Государственный Совѣтъ говорилъ въ адресѣ о „развитіи началъ самоуправленія и распространеніи ихъ на мѣстности, до сихъ поръ его лишенныя“, а совѣтъ министровъ—„о преобразованіи мѣстнаго самоуправленія“; то въ отношеніи существа преобразованія разумѣлись, какъ мѣньшее, предначертанія указа 12 декабря 1904 года. Что сдѣлано въ этомъ направленіи? Какъ бо́льшее — шесть западныхъ губерній получили земское положеніе 1890 г., съ выдѣленіемъ инородцевъ въ особыя куріи и съ рядомъ другихъ племенныхъ ограниченій. Для центральныхъ губерній предметомъ заботъ стало охраненіе хоть той доли самодѣятельности, которая не была отнята отъ земства въ 1890-мъ году и отъ городовъ — въ 1892-мъ. Освобожденіе органовъ самоуправленія отъ опеки со стороны администраціи ушло въ область абсолютно неосуществимыхъ въ данный моментъ мечтаній. Надъ самоуправленіемъ повисла не только возможность, но вѣроятность законодательной угрозы производства правительствомъ, за счетъ мѣстныхъ средствъ, такихъ работъ, какъ канализація въ Петербургѣ. „Великъ и неизгладимъ въ исторіи человѣчества — писалъ въ своемъ адресѣ Государственный Совѣтъ—день начавшагося возрожденія Россіи и перехода ея на путь свободы и порядка, основанныхъ на правѣ“. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого дня вошло въ обиходъ утвержденіе, что земское самоуправленіе есть колыбель оппозиціи. И отсюда естественный возвратъ къ тѣмъ предостереженіямъ, которыя дѣлалъ въ 1899 г., въ своей извѣстной запискѣ „Самодержавіе и Земство“, С. Ю. Витте. Конечно, земство есть колыбель оппозиціи—если въ конституціонномъ государствѣ кон-

ституціонализмъ убѣжденій есть синонимъ оппозиціонности политическаго настроенія. И, конечно, въ такомъ государствѣ не можетъ имѣть мѣста „развитіе началъ самоуправленія".

Совѣтъ министровъ объявлялъ въ декларацiи, что онъ придаетъ не меньшее значеніе „отмѣченному Государственной Думою вопросу объ изданіи новаго закона, обезпечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами постоянными, выработанными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ, предусмотрѣна была при самомъ ихъ изданіи". Гдѣ этотъ „обезпечивающій" законъ? Гдѣ обезпеченная имъ „свобода"? Объ исключительныхъ законахъ въ декларацiи говорилось, что ихъ неудовлетворительность „сознается и самимъ правительствомъ". А относительно пріемовъ и „навыковъ" примѣненія этихъ законовъ — что „водвореніе строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую заботу правительства, которое и не преминетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ". Разработка „болѣе совершенныхъ" исключительныхъ законовъ, при непосредственномъ участіи министерства внутреннихъ дѣлъ, ведется въ третьей Думѣ чуть не съ перваго дня ея созыва. Правила охраны дѣйствительно предположено усовершенствовать — въ смыслѣ расширенія примѣненія смертной казни, подчиненія газетъ юрисдикціи военныхъ судовъ и окончательнаго снятія съ администраторовъ тѣхъ „путъ", которыя позволяютъ говорить о произвольности ихъ дѣйствій. До конституціи у насъ существовали—и существуютъ сейчасъ — три „неудовлетворительныя" формы исключительныхъ положеній: усиленная охрана, чрезвычайная и военное положеніе. Если „усовершенствованіе" „во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ" возъимѣетъ силу, то будетъ одна: военное положеніе. И тогда уже сама собою падетъ необходимость „зорко слѣдить" за дѣйствіями отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ. Объемъ ихъ „законныхъ" полномочій будетъ таковъ, что нарушать его предѣлы имъ не придется.

Остановимся въ заключеніе, безъ всякихъ комментаріевъ, на томъ, что намѣчалось въ постановкѣ средняго и высшаго образованія. Совѣтъ министровъ заявлялъ, что „внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, *открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина*, а равно проектъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, *построенной на началахъ самоуправленія*"... Приведенныя сопоставленія, полагаемъ, даютъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ: почему не чествуется 27-ое апрѣля?...

Время идетъ—и судьба членовъ первой и второй Думы начинаетъ забываться. Дорого оплатили и продолжаютъ оплачивать очень и очень многіе изъ нихъ честь свободнаго народнаго избранія. Оба раза выборы дали вѣрное отраженіе настроенія момента. Первые выборы проходили тогда, когда населеніе было захвачено надеждами—самыми широкими, безудержными, но такими, въ которыхъ гнѣвъ за прошлое и возмущеніе настоящимъ, всетаки, въ значительной мѣрѣ растворялись. Вторые — тогда, когда надежды поколебались и призывамъ смотрѣть впередъ, въ будущее, мысль помимо воли противопоставляла рядъ только что совершившихся фактовъ: роспускъ первой Думы, введеніе военно-полевыхъ судовъ, „разъясненія“, расправу. Въ общемъ своемъ составѣ, первая Дума была болѣе радикальна, чѣмъ вторая. Но отдѣльныя проявленія радикализма во второй Думѣ были гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ первой. И сообразно съ этимъ сложилась судьба бывшихъ членовъ первой и второй Думы. Трагизмъ судьбы депутатовъ перваго созыва выше — если показателемъ брать число такъ или иначе пострадавшихъ: понесшихъ или несущихъ кару по суду, лишенныхъ политическихъ правъ, высланныхъ съ родины или окруженныхъ и теперь, черезъ пять лѣтъ, мелочными преслѣдованіями вообще. Если же показателемъ брать размѣръ кары, выпавшей на долю отдѣльныхъ членовъ Думы, то неизмѣримо выше трагизмъ судьбы вторыхъ избранниковъ. Изъ членовъ первой Думы отбываетъ каторгу одинъ; изъ членовъ второй—десятки. Наоборотъ, имѣвшихъ возможность безпрепятственно возвратиться къ своей прежней служебной или общественной дѣятельности изъ членовъ второй Думы — подавляющее большинство; изъ членовъ первой—незначительное меньшинство.

Передъ нами три письма бывшихъ депутатовъ: два — депутатовъ перваго созыва и одно—второго. Всѣ письма весьма характерны. Членъ первой Думы В., народный учитель изъ крестьянъ, за рѣчь, сказанную на родинѣ въ то время, когда онъ сохранялъ еще депутатскія полномочія, былъ присужденъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на три года. Отбывалъ онъ сперва наказаніе въ своемъ губернскомъ городѣ. Затѣмъ былъ переведенъ въ уѣздный. Здѣсь, при посѣщеніи тюрьмы высшимъ начальствомъ, сопровождавшій начальство предводитель дворянства—онъ же членъ третьей Думы,—лично знакомый съ В., подалъ ему руку. За это В. немедленно былъ переведенъ въ другой городъ. Въ этомъ городѣ долженъ былъ наступить срокъ заключенія. Далѣе будемъ говорить словами письма: „Все время заключенія я чувствовалъ себя—пишетъ В.—сравнительно хорошо; тюремныя условія были довольно сносныя. Но послѣдняя недѣля меня окончательно измучила; эти шесть дней были тяжелѣе трехъ лѣтъ. За

шесть дней до моего выхода получилась бумага изъ тюремной инспекціи о переводѣ меня въ Б—ую тюрьму. Ясно было, что еще хотятъ поиздѣваться надо мною. Этапъ до Б. идетъ три недѣли и, такимъ образомъ, меня задержали бы въ дорогѣ сверхъ срока на двѣ недѣли по крайней мѣрѣ. Я былъ въ это время боленъ, а тутъ еще такое издѣвательство меня окончательно взбѣсило". По счастью, послѣ телеграммъ и освидѣтельствованія, болѣе чѣмъ странное распоряженіе было отмѣнено. В. былъ въ срокъ освобожденъ и уѣхалъ на родину. „Но и здѣсь—продолжаетъ онъ—не даютъ покоя. Полиція и жандармы еще за два мѣсяца до моего выхода появились и почти не уѣзжаютъ изъ предѣловъ волости; нельзя никуда выйти и вотъ сижу дома. Начинается настоящая травля. Полтора мѣсяца назадъ моего брата избрали старшиной—и сейчасъ же полетѣли къ губернатору доносы отъ полиціи и ея агентовъ, что возвращусь я, и тогда... Въ результатѣ братъ уволенъ. Видимо и мнѣ не дадутъ жить дома, да и тяжело очень жить въ такихъ условіяхъ, гдѣ слѣдятъ за тобою въ оба и о каждомъ словѣ доносятъ". Къ письму приписка: „Пишите сюда, но будьте осторожны, такъ какъ на почтѣ всѣ мои письма читаются. Это письмо не сдаю на своей почтѣ, а посылаю въ Б.".

Письмо другого члена первой Думы, тоже крестьянина, полно сплошныхъ недоумѣній. „Мѣсяца два назадъ—пишетъ Л.—полиція негласно описала для чего-то мою семью: кому сколько лѣтъ, какъ зовутъ и проч. Надзоръ усиленъ. Что это означаетъ? Если готовятъ высылку, то можетъ быть мнѣ разрѣшатъ самому выбрать мѣстожительство. На этотъ случай, хорошо было бы заблаговременно имѣть въ виду тотъ или другой городъ, который избрать... А можетъ быть все это такъ что-нибудь по какимъ-либо другимъ полицейскимъ соображеніямъ. Но, все-таки, что-то есть. Хорошо бы на готовѣ имѣть городъ"... Чего въ этомъ недоумѣніи больше: покорности судьбѣ или привычки человѣка ждать напасти?

Членъ второй Думы Ц. пишетъ изъ тюрьмы. Онъ присужденъ къ каторгѣ, но по болѣзни каторга ему замѣнена многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Несчастный измученъ болѣзнью и проситъ выхлопотать для него льготы. Онъ, прежде всего, боится, что новый тюремный инспекторъ „отберетъ, несмотря ни на какія медицинскія свидѣтельства", тѣ льготы, которыми онъ уже пользуется, а именно правомъ носить свое бѣлье и имѣть собственное одѣяло, пользоваться увеличенной прогулкой и получать особую пищу. Далѣе Ц. пишетъ: „Въ виду значительнаго ухудшенія въ состояніи моего здоровья, мнѣ нужно еще: 1) разрѣшеніе носить свою обувь, т.-е. сапоги и калоши. Температура у меня почти постоянно повышенная, въ казенной обуви („коты") я простуживаюсь даже въ камерѣ, а на прогулку въ сырую

или въ холодную погоду совершенно не могу выходить безъ калошъ; 2) разрѣшеніе сшить себѣ одежду по образцу и подъ цвѣтъ казенной, но изъ болѣе мягкаго и легкаго сукна. Въ первое время казенное сукно не особенно меня тяготило, но теперь, послѣ года почти непрерывной болѣзни, я очень ослабѣлъ, казенное сукно слишкомъ тяжело для меня и въ немъ я постоянно бываю потный; 3) разрѣшеніе имѣть въ камерѣ на полу узкую суконную подстилку, чтобы можно было ходить по ней. Дѣло въ томъ, что полъ въ камерѣ асфальтовый и зимой онъ очень холодѣетъ. Я почти все время лежу на кровати, ногами къ желѣзной печкѣ, которая сильно грѣетъ, и при такихъ условіяхъ, когда сопротивляемость организма простудѣ и безъ того подорвана, достаточно разъ встать и пройтись по асфальтовому полу, чтобы простудиться".

Вотъ что составляетъ предметъ желаній и просьбъ близкаго къ могилѣ человѣка, уже почти четыре года смотрящаго на солнце черезъ тюремную рѣшетку! А въ Государственномъ Совѣтѣ упрекали правительство въ излишествѣ тратъ на тюрьмы, требовали уничтоженія „роскоши", сокращенія пищевого пайка... Просьбы Ц. уважены. Но для этого понадобились ходатайство въ Петербургѣ и долгая переписка. А больной Ц. тѣмъ временемъ ждалъ... калошъ и узкой суконной подстилки. Онъ еще просилъ: получить разрѣшеніе на чтеніе газетъ. „Болѣе трехъ лѣтъ—писалъ Ц.—я не знаю, что дѣлается на свѣтѣ; къ научнымъ занятіямъ я уже совершенно неспособенъ, вслѣдствіе полнаго переутомленія; единственно, что могло бы меня освѣжить, это чтеніе газеты". На это—послѣдовалъ отказъ.

Членъ первой Думы, кн. С. Д. Урусовъ закончилъ свою извѣстную рѣчь въ засѣданіи 8 іюня 1906 г. указаніемъ на опасность, которая не исчезнетъ, „пока на дѣла управленія, а, слѣдовательно, на судьбы страны" будутъ оказывать вліяніе люди, которыхъ онъ охарактеризовалъ „вахмистрами и городовыми—по воспитанію и погромщиками—по убѣжденію". Кн. Урусовъ относилъ эту характеристику къ прошлому. Спустя пять лѣтъ, она приложима къ настоящему не въ меньшей степени. „Погромщики по убѣжденію", въ единеніи съ „вахмистрами и городовыми по воспитанію", составляютъ основу черносотенства и, поскольку черносотенство всѣхъ разновидностей господствуетъ надъ положеніемъ, они сохранили полное вліяніе на „судьбы страны" и на „дѣла управленія". Разница, пожалуй, есть, но лишь въ перемѣщеніи источника вліяній и воздѣйствія. Если прежде воздѣйствіе чаще и больше исходило отъ вахмистровъ и городовыхъ, то теперь оно имѣетъ скорѣе источникомъ „идейную" основу—погромщичество какъ принципъ, какъ символъ политической вѣры.

Въ своемъ изувѣрствѣ, черносотенство не знаетъ никакихъ границъ. Въ Вологдѣ, въ театрѣ, неизвѣствая женщина стрѣляла въ тюремнаго инспектора. „Разумѣется—пишетъ по адресу властей считающаяся въ Нижнемъ какъ бы оффиціозной „Нижегородская Торгово-Промышленная Газета"—преступница скрылась". И изъ этого „разумѣется" дѣлается слѣдующій выводъ, но уже по другому адресу,—по адресу людей, виновныхъ только въ томъ, что они въ прошломъ году были подвергнуты расправѣ розгами. „Кромѣ... (пропускаемъ достойное кабака слово), стрѣлявшей въ г. Ефимова,—пишетъ газета,—несомнѣнно (!) причастны къ этому покушенію также и тѣ каторжники, которые были высѣчены въ прошломъ году въ вологодской тюрьмѣ. Чтобы отучить эту публику сводить счеты съ тюремнымъ начальствомъ, не только полезно, но прямо необходимо нѣсколькихъ изъ высѣченныхъ въ прошломъ году политикановъ теперь, въ нынѣшнемъ году, повѣсить за очевидное (!) участіе въ покушеніи, а остальныхъ жестоко отодрать". Конечно, дико было бы разбирать этотъ бредъ, прилагая къ нему какія бы то ни было мѣрки пониманія государственности и юриспруденціи. Его можно лишь запротоколировать—въ роковомъ ожиданіи, что и такой бредъ можетъ стать дѣйствительностью.

Проповѣдь погрома—не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ—снова нашла мѣсто въ Кіевѣ, а „Земщина", „Русское Знамя" и „Новое Время" поторопились подвести подъ нее „идейный" фундаментъ. 12-го марта, т. е. за двѣ съ половиной недѣли до еврейской пасхи, которая началась 31 марта, пропалъ безъ вѣсти 12-лѣтній ученикъ кіевскаго духовнаго училища Ющинскій. Больше недѣли прошло прежде, чѣмъ нашли его трупъ въ какой-то пещерѣ. Трупъ оказался сильно израненнымъ. Какъ попалъ мальчикъ въ эту мѣстность—осталось до сихъ поръ невыясненнымъ. Такова фактическая обстановка преступленія, раскрытіе котораго, по сообщенію судебнаго слѣдователя, „затрудняется недостаточностью имѣющаго по дѣлу матеріала". Но для „погромщиковъ по убѣжденію" факта загадочной смерти христіанскаго мальчика передъ еврейской пасхой оказалось совершенно достаточно. На похоронахъ его раздавалась прокламація, гдѣ говорилось: „Русскіе люди! Если вамъ дороги ваши дѣти, бейте жидовъ! Бейте до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ жидъ будетъ въ Россіи. Пожалѣйте вашихъ дѣтей. Отомстите за несчастныхъ страдальцевъ. Пора, пора!" Въ качествѣ виновника распространенія прокламаціи, былъ задержанъ нѣкій Павловичъ, но „полиція забыла (!) записать имена тѣхъ лицъ, которыя уличали его", и онъ былъ отпущенъ („Рѣчь", № 110).

На основаніи того же факта, будто бы въ изложеніи г. Савенко, приславшаго письмо г. Меньшикову, нововременскій публицистъ на-

писалъ фельетонъ. Онъ не дѣлалъ погромнаго вывода. Онъ *только* повторилъ нелѣпую басню о ритуальныхъ убійствахъ, которыя „установлены признаніями самихъ евреевъ, перешедшихъ въ христіанство, и множествомъ судебныхъ процессовъ разныхъ эпохъ и странъ, при чемъ убійцы иногда сознавались сами". Онъ *только* сопоставилъ обстоятельства убійства мальчика Ющинскаго, — завѣренныя бесѣдой г. Савенко „съ судебнымъ слѣдователемъ и съ профессоромъ Н. А. Оболонскимъ, производившимъ вскрытіе",—съ книгой Лютостанскаго, „гдѣ описаны условія ритуальныхъ убійствъ", и, перечисливъ эти условія, авторитетно констатировалъ, что обстоятельства и обстановка кіевскаго преступленія совпадаютъ съ ними „до мельчайшихъ деталей". Попутно г. Меньшиковъ упомянулъ, что „одновременно съ кіевскимъ мученичествомъ, подобное же было открыто и въ Варшавѣ", и добавилъ: „а сколько неоткрытыхъ"... Все, послужившее фактической основой отвратительныхъ разсужденій и догадокъ г. Меньшикова, оказалось неправдой. Судебный слѣдователь и профессоръ Оболонскій опровергли сдѣланныя на нихъ ссылки. Г. Савенко опровергъ точность воспроизведенія г. Меньшиковымъ его письма. Телеграфное агентство 21-го апрѣля разослало слѣдующую телеграмму изъ Варшавы: „Мѣстныя судебныя власти получили запросъ изъ Петербурга по поводу сообщеній правыхъ газетъ о ритуальномъ убійствѣ, совершенномъ будто бы въ Варшавѣ. Сообщенія вызываютъ полное недоумѣніе; ничего подобнаго здѣсь никогда не бывало"... Мы далеки отъ мысли призывать судебные скорпіоны на голову гг. Меньшикова, Суворина, Глинки, Дубровина и т. д., и т. д. Но, читая чуть не ежедневно о судебныхъ приговорахъ, отправляющихъ редакторовъ и сотрудниковъ газетъ на годы заключенія по ст. 129 угол. уложенія, и вспоминая приговоры по пункту 6-му этой статьи, мы не можемъ не вспомнить текста закона, существующаго для „лѣвыхъ листковъ" и отъ дѣйствія котораго черносотенная печать свободна: „Виновный... въ распространеніи... сочиненія,... возбуждающаго вражду между отдѣльными частями или классами населенія,... наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ".

„Голосъ Москвы" кстати напомнилъ забытый нашими антисемитами указъ имп. Александра I, изданный почти сто лѣтъ назадъ, въ 1817-мъ году: „По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для полученія христіанской крови, Его Императорское Величество, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями Монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщ-

вленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но еслибы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако же, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы слѣдствіе производимо на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи смертоубійства".

Рѣдко, по нынѣшнимъ временамъ, приходится отмѣчать отрадныя въ общественномъ смыслѣ явленія и факты. Одинъ изъ такихъ немногихъ фактовъ—день бѣлаго цвѣтка, прошедшій въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ рядѣ большихъ губернскихъ городовъ такъ успѣшно въ матеріальномъ отношеніи и такъ удачно — въ общественномъ. Праздникъ возникъ по частной иниціативѣ и проведенъ былъ полностью общественными силами. Честь и слава иниціаторамъ и организаторамъ его, съ г-жею Бруннеръ во главѣ! Они съумѣли устранить „препятствія", возбудить интересъ къ симпатичному новому пріему сбора на доброе дѣло и хоть на одинъ день разбудить нашу заснувшую общественность. Вѣрно была поставлена цѣль сбора. Легочная чахотка и туберкулезъ вообще — главный бичъ нашихъ городовъ. Холера бичуетъ эпизодически. А туберкулезъ уноситъ свои жертвы съ постоянствомъ, не поддающимся никакому противодѣйствію. Нѣтъ семьи во всѣхъ слояхъ городского населенія, въ которой не было бы близкихъ, преждевременно унесенныхъ въ могилу туберкулезомъ. Конечно, всего болѣе страдаютъ слои неимущіе. Конечно, безъ поднятія ихъ экономическаго благосостоянія ни о какомъ радикальномъ разрѣшеніи вопроса о туберкулезѣ — какъ и всѣхъ вопросовъ быта!—нельзя мечтать. Но неужели можно изъ-за этого проходить мимо мѣръ палліативной борьбы съ ужаснымъ бѣдствіемъ?

Пріемъ, по примѣру Запада примѣненный для сбора пожертвованій 20-го апрѣля организаторами праздника бѣлаго цвѣтка, строго говоря, не совсѣмъ у насъ новый. Въ православной церкви издавна вошло въ обычай, что въ опредѣленные дни — къ сожалѣнію, нынѣ очень рѣдкіе — производится за богослуженіемъ тарелочный и кружечный сборъ съ опредѣленной благотворительной цѣлью. Ново то, что этотъ пріемъ изъ храмовъ былъ вынесенъ въ магазины, въ банки, въ присутственныя мѣста, въ общественныя учрежденія, на улицу. И еще ново—бѣлый цвѣтокъ, какъ эмблема сдѣланнаго добраго дѣла, какъ символъ общественнаго единенія вокругъ одной цѣли. Какъ надоѣли и какъ стали пошлы благотворительные балы и концерты,

отъ которыхъ бѣгутъ артисты и для заманиванія на которые публики приходится дѣлать такія траты, что отъ тысячъ рублей валового сбора остаются несчастныя сотни, а случается—десятки!...

Мы настолько извѣрились, что, каемся, считаемъ за недоразумѣніе данное празднику бѣлаго цвѣтка разрѣшеніе. Одинъ геп. Толмачевъ сказалъ сначала: „не позволяю". Но къ будущему году, пожалуй, его примѣръ найдетъ общее подражаніе. „Россія" уже заранѣе забила тревогу въ боязни, какъ бы бѣлый цвѣтокъ не сдѣлался краснымъ. И казенныя перья предупреждаютъ: „Съ момента, когда дѣло приметъ партійный характеръ, оно, во-первыхъ, само по себѣ захирѣетъ, а во-вторыхъ, придастъ ему такую окраску, при которомъ дальнѣйшее его существованіе окажется рѣшительно невозможнымъ". Откуда газета взяла это „когда"—ея секретъ. Не правильнѣе ли слова „Россіи" понимать такъ: „если дѣло *не* приметъ партійнаго характера въ духѣ правыхъ партій, то" и т. д.?

---

17 апрѣля друзья женскаго равноправія и женскаго образованія чествовали пятидесятилѣтній юбилей общественнаго служенія Анны Павловны Философовой. Перечислить все, что сдѣлала А. П. для русской женщины, нѣтъ возможности. За пятьдесятъ лѣтъ не было ни одного начинанія въ области женскаго вопроса, въ которомъ бы она не принимала горячаго и живѣйшаго участія. Вмѣстѣ съ Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой, ей принадлежитъ иниціатива раскрытія для русскихъ женщинъ дверей высшаго образованія и безконечно долгая, мучительно-тяжелая борьба за осуществленіе этого дѣла. Рожденной въ свѣтской семьѣ, воспитанной, по собственнымъ ея словамъ, „подъ стекляннымъ колпакомъ" и затѣмъ, уже замужней женщиной, нѣсколько лѣтъ остававшейся въ кругу условій свѣтской жизни,—Аннѣ Павловнѣ нелегко было стать піонеркой въ дѣлѣ освобожденія женщины. Въ глазахъ свѣтскаго круга она сдѣлалась „нигилисткой", въ глазахъ противной стороны долго продолжала быть „аристократкой". Свѣтское положеніе не спасло ее въ 1879 г. отъ высылки за границу по какому-то неопредѣленному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ революціонерами. Многое изъ того, что составляло пятьдесятъ лѣтъ назадъ завѣтныя мечты Анны Павловны, во имя чего она боролась и чѣмъ жила,—ей довелось увидѣть. Привѣтствуя ея юбилей, горячо желаемъ, чтобы скорѣе во всей полнотѣ осуществились общественныя мечты, зародившіяся въ шестидесятыхъ годахъ...

Письмо къ редактору „Вѣстника Европы".

Вы просили меня изложить Вамъ, на какія цѣли пошли присланныя редакціей „Вѣстника Европы" и пожертвованныя затѣмъ черезъ ея посредство деньги [1]). Съ удовольствіемъ исполняю Ваше желаніе.

Деньги эти сначала, какъ Вамъ извѣстно, предполагалось употребить на устройство ночлежнаго дома для прохожихъ, въ большомъ количествѣ заходившихъ въ Ясную Поляну. Мысль эта возникла у друга моего отца, В. Г. Черткова, послѣ того какъ отецъ, подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ крестьянами, написалъ свои „Три дня въ деревнѣ". Отецъ горячо сочувствовалъ этой мысли и просилъ меня тотчасъ же приступить къ осуществленію ея.

Такъ какъ средствъ для того, чтобы организовать это дѣло, было мало, то рѣшено было сначала нанять какую-нибудь пустую избу на деревнѣ, гдѣ бы могли ночевать прохожіе, получать самоваръ, чай, сахаръ и что-нибудь поѣсть.

Казалось, что если будетъ пристанище для прохожихъ, то они не будутъ обременять крестьянъ, которые обязаны принимать и кормить ихъ по очереди, какъ это и было описано отцомъ въ его „Трехъ дняхъ въ деревнѣ".

Но когда мнѣ пришлось говорить объ этомъ съ крестьянами, они не выразили никакой радости по этому поводу, а затѣмъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, пришли ко мнѣ и просили совсѣмъ не устраивать у нихъ на деревнѣ ночлежнаго дома.

— Почему же?— спросила я.—Вѣдь если будетъ ночлежный домъ, то вѣдь вамъ же лучше: вамъ не придется давать пріютъ у себя неизвѣстнымъ вамъ людямъ, часто грязнымъ, нетрезвымъ. Всѣ прохожіе уже будутъ ночевать не у васъ, а въ ночлежкѣ.

— Вотъ этого-то мы и боимся,— отвѣтили мнѣ крестьяне.— Порознь-то они намъ ничего не сдѣлаютъ, а если ихъ много соберется въ одномъ мѣстѣ, они что хотите сдѣлаютъ,— деревню, пьяные, сожгутъ. А если еще слухъ пройдетъ, что тутъ ночевать пускаютъ, да чаемъ поятъ, такъ они сюда валомъ повалятъ. Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не открывайте у насъ на деревнѣ ночлежки. Если бы въ сторонѣ, тогда другое дѣло, а у насъ на деревнѣ не надо.

Я разсказала отцу о своемъ разговорѣ съ крестьянами.

[1]) См. извѣщеніе редакціи по этому поводу въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1910 г. Пожертвованій отъ посторонних лицъ поступило въ контору журнала и переслано А. Л. Толстой 76 руб. 25 коп. Списокъ ихъ см. ниже.—*Ред.*

— Да, — сказалъ онъ, — крестьяне правы. Мы какъ бы желаемъ имъ блага, а вмѣстѣ съ тѣмъ опять взваливаемъ на шею крестьянамъ всю тяжесть близости съ этими людьми. Вотъ если бы у насъ на усадьбѣ устроить этотъ ночлежный домъ, тогда другое дѣло... — прибавилъ онъ съ грустью.

Но на это не согласилась моя мать, и дѣло это такъ и осталось нерѣшеннымъ.

Все же я очень надѣюсь, что въ сущности очень хорошее дѣло это со временемъ должно осуществиться, хотя и въ нѣсколько иной формѣ. Слѣдуетъ выстроить домъ этотъ не въ деревнѣ, а на дорогѣ, подальше отъ крестьянъ, и тогда это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для тѣхъ несчастныхъ безработныхъ, которые, голодные, холодные, тысячами проходятъ по шоссе мимо Ясной Поляны.

В. Г. Чертковъ устроилъ у себя на хуторѣ ссыпку ржи. Скупалась рожь по дешевой цѣнѣ, осенью, когда крестьянину нужны деньги, и ссыпалась въ амбарѣ, гдѣ сохранялась до зимы и весны, когда хлѣбъ сильно дорожаетъ, и тогда бѣдный крестьянинъ имѣетъ возможность купить рожь приблизительно по той же цѣнѣ, по которой онъ ссыпалъ ее осенью.

Отецъ очень сочувствовалъ этой мысли и много разъ выражалъ желаніе, чтобы и въ Ясной Полянѣ былъ устроенъ такъ же амбаръ для ссыпки ржи.

Мнѣ же пришло въ голову устроить лавку Общества Потребителей и при ней амбаръ для ссыпки ржи. Отецъ одобрилъ и эту мысль, и я хотѣла тотчасъ же приступить къ осуществленію ея, но не успѣла до его кончины.

Въ Астаповѣ, на третій день болѣзни, отецъ вспомнилъ о деньгахъ, которыя ему могли прислать на благотворительныя цѣли. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по этому поводу. — Деньги эти пойдутъ на покупку ржи для крестьянъ, — сказалъ онъ мнѣ.

Въ данное время и въ виду Вашего разрѣшенія намъ употребить присланную Вами сумму въ 1.000 р. на потребительскую лавку, которая будетъ вмѣщать въ себѣ и предполагавшуюся ссыпку хлѣба, 600 р. уже помѣщены въ лавку Общества Потребителей при сельцѣ Ясной Полянѣ. Остальные 400 р. и пожертвованія со стороны отложены для постройки амбара при лавкѣ для ссыпки хлѣба. Лавка идетъ очень успѣшно. Крестьяне получаютъ хорошіе, свѣжіе продукты по дешевой цѣнѣ. Всѣ торговцы въ округѣ вынуждены понизить цѣны на товаръ, такъ какъ иначе не имѣютъ возможности конкурировать съ лавкой Общества Потребителей. Въ матеріальномъ отношеніи дѣло

также идетъ очень успѣшно. Оборотъ лавки, начавшійся съ 600 р., возросъ до 1.500 р. въ мѣсяцъ.

Очень желательно было бы устроить при лавкѣ чайную.

Осенью думаю выстроить амбаръ и будемъ ссыпать рожь для крестьянъ.

Очень надѣюсь, что дѣло это, вызывавшее глубокое сочувствіе покойнаго отца моего, будетъ на благо, какъ крестьянамъ Ясной Поляны, такъ и окрестному населенію.

Александра Толстая.

Ясенки, Тульской губерніи.
17 апрѣля 1911 г.

Отъ редакціи.

Списокъ жертвователей, упомянутыхъ выше:

Глаголинъ, Б.—1 р.; Шапошниковъ, А. Г.—5 р. 60 к.; Мартыновъ, А. Д.—20 р.; отъ неизвѣстнаго—10 р.; Каляева, В. Б.—1 р.; Мирковичъ, В. А., и Морозовъ, М. Д.—6 р.; Гренбергъ, О. Ф., и Анофріевъ, В. В.—10 р. 65 к.; Тимофѣевъ, А. Я.—5 р.; А—ва, Н. Н.—3 р.; Черемшанская, А.—2 р.; Лупандины, К. и Н.—2 р.; Неглеръ, Л. Н.—10 р. Итого—76 р. 25 к.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Дѣтскій Народный Домъ имени Л. Н. Толстого.

> Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только чтобы не было дѣтей; или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими свѣжими отъ Бога дѣтьми,—я бы выбралъ послѣднее.
>
> Изъ письма Толстого.

Смерть Льва Николаевича Толстого такъ глубоко всколыхнула нашу жизнь потому, что она не поверхностно охватила массы, а заставила каждаго отдѣльнаго человѣка взглянуть внутрь себя, и это внутреннее волненіе воплотилось въ общую волну скорби.

Но не скорбь завѣщалъ намъ Толстой, и чувство, поднятое его смертью, должно породить большія, достойныя его имени дѣла. Передъ всевозможными организаціями и передъ каждымъ отдѣльнымъ

человѣкомъ стоитъ вопросъ, какъ и чѣмъ можемъ мы воздать Толстому за то большое, что получено отъ него.

Слушательницы Педагогическихъ курсовъ при Фребелевскомъ Обществѣ въ Петербургѣ рѣшили для себя эту задачу, постановивъ употребить свои силы на созданіе Дѣтскаго Народнаго Дома имени Толстого.

Отношеніе къ дѣтямъ, мысль о дѣтяхъ въ жизни Толстого играли большую роль. Онъ любилъ дѣтей, понималъ ихъ, и они много дали ему; ихъ руками вплетено немало лавровъ въ вѣнокъ его безсмертія.

Поэтому такъ естественна и по существу полна правды мысль ради него создать что-либо для дѣтей. Своими сочиненіями Толстой вскрылъ съ такой яркостью и силой жизненное зло, что трудно жить, сознавая его, если не работать для его уничтоженія.

Но особенно тяжела соціальная неправда, когда она всей своей тяжестью падаетъ на дѣтей. Горе дѣтской жизни громадно. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, дѣтскихъ страданій неисчерпаемое море. Всѣ ужасы жизни, порокъ и преступленіе на каждомъ шагу стерегутъ дѣтей, а мы, взрослые, такъ равнодушно проходимъ мимо. Много свѣтлаго и много ласки получаемъ мы отъ дѣтей и какъ мало дѣлаемъ имъ.

Затѣвая Дѣтскій Народный Домъ имени Толстого, мы хотимъ, чтобы онъ былъ достоинъ своего имени, чтобъ отношеніе Толстого къ дѣтямъ жило въ немъ.

Намъ рисуется слѣдующая картина его работы: большое, свѣтлое, красивое зданіе, построенное гдѣ-либо на окраинѣ Петербурга. Оно съ утра до вечера полно дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти дошкольнаго возраста и переросшія школу, еще не занятыя въ работахъ, подростки, находятъ тамъ пріютъ цѣлый день; школьники сбѣгаются туда послѣ уроковъ, а дѣти, уже захваченныя фабрикой и ремесломъ, отдыхаютъ тамъ въ праздники или послѣ работы.

Дѣтскій Народный Домъ—не учебное заведеніе; это—мѣсто, гдѣ ребенокъ проводитъ время, какъ онъ самъ хочетъ. Забота руководителей должна быть направлена на то, чтобы это время проводилось здорово, и нравственно, и физически.

Дѣтскій Народный Домъ долженъ предоставить дѣтямъ свободу въ выборѣ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ широко организовать возможность удовлетворенія потребности въ умственномъ развитіи. Читальня, библіотека дѣтскихъ книгъ, руководство систематическимъ чтеніемъ, помощь въ приготовленіи школьныхъ уроковъ, школа для подростковъ, періодическія лекціи съ волшебными и живыми картинами, образовательныя экскурсіи — вотъ могучія орудія для возбужденія интереса къ умственному труду и для утоленія умственнаго голода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Народный Дѣтскій Домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ все, чтобы поднять ихъ хилое здоровье и развить физически. Этой цѣли должны служить гимнастика, спортъ, живая общественная игра на воздухѣ и въ гимнастическомъ залѣ, а также разные виды ручного труда.

Наконецъ, грязныя каменныя улицы, мрачные подвалы и тѣсные углы, вѣчный сумракъ нашей погоды изъемлютъ все красивое изъ

жизни петербургскаго ребенка, и Народный Дѣтскій Домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ минуты наслажденія прекраснымъ, долженъ пріобщить ихъ къ искусству и природѣ. Для этого необходимо дать возможность заниматься лѣпкой, рисованіемъ, широко организовать дѣтскіе хоры и оркестры, время отъ времени возить дѣтей въ художественныя галлереи, устраивать литературныя утра, концерты и спектакли въ спеціальномъ театральномъ залѣ Дѣтскаго Народнаго Дома и, наконецъ, водить дѣтей за городъ, въ природу.

Трудно перечислить всѣ тѣ пути, которыми хорошо поставленный Дѣтскій Народный Домъ можетъ внести свѣтъ, здоровье и хоть немного счастья въ жизнь дѣтей Петербурга. Если удастся осуществить нашу идею, если дѣтскій смѣхъ, веселье и бодрое занятіе дѣломъ будутъ наполнять сверху до низу „Народный Дѣтскій Домъ имени Толстого“, то развѣ не будетъ казаться, хотя бы для нѣсколькихъ сотенъ его юныхъ посѣтителей, что для нихъ на время отрываютъ изъ земли „Зеленую палочку“, которую давно зарылъ на курганѣ сосредоточенный, странный мальчикъ, ставшій великимъ учителемъ міра, имя котораго стоитъ надъ дверями Дѣтскаго Народнаго Дома.

Строя планъ такого широкаго учрежденія для дѣтей, мы знаемъ, какихъ большихъ средствъ онъ потребуетъ, но вѣримъ, что сейчасъ многіе ищутъ выхода своему настроенію, созданному смертью Толстого, и помогутъ намъ пожертвованіями и трудомъ. Возникая по иниціативѣ слушательницъ Педагогическихъ курсовъ, Домъ поставленъ въ счастливыя условія: ему обѣщанъ притокъ молодого, энергичнаго и подготовленнаго труда; на границѣ школы и жизни молодые люди, поколѣніе за поколѣніемъ, будутъ работать именемъ Толстого.

Организацію Дома беретъ на себя совѣтъ Педагогическихъ курсовъ и совѣтъ Фребелевскаго Общества. Въ будущемъ же предполагается создать при указанномъ Обществѣ спеціальный отдѣлъ, вѣдающій дѣла Народнаго Дѣтскаго Дома.

Мы обращаемся ко всѣмъ, сочувствующимъ этому начинанію, прося направлять свои пожертвованія на имя казначея Фребелевскаго Общества Екатерины Петровны Чечулиной (С.-Петербургъ, Эртелевъ пер., д. № 12), и просимъ не стѣсняться никакими размѣрами пожертвованій.

Всѣхъ желающихъ получить какія-либо справки просимъ обращаться къ Александрѣ Михайловнѣ Калмыковой, письменно или лично, отъ 6 до 7 час. вечера (кромѣ праздниковъ) (С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, д. № 11, кв. 6).

Члены комитета организаціи Народнаго Дѣтскаго Дома имени Л. Н. Толстого: Предсѣдатель Фребелевскаго Общества Д. Энденъ; члены педагогическаго совѣта: В. Гердъ, А. Калмыкова, Р. Рубашкинъ, Е. Румянцевъ, Г. Фальборкъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ.—МАЙ.

СТРАН.

АНГЛІЙСКІЯ ГЕЛІОГРАВЮРЫ: В. Г. БѢЛИНСКІЙ (портретъ). В. Г. БѢЛИНСКІЙ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

I. ЮНОСТЬ.—Романъ.—XVII-XXV.—**Евгенія Чирикова** . . 3

II. ПАХАРЬ. (Изъ Б. Гринченка). — Стихотвореніе. — **А. Колтоновскаго** 59

III. НА ЧОМСКОМЪ БЕРЕГУ.—Очеркъ.—**Тана** 61

IV. ИЗЪ ПѢСЕНЪ ОБЪ ИВАНѢ ГРОЗНОМЪ. — Василій Блаженный.—Стихотвореніе.—**Александра Рославлева** . 78

V. КИРА БАРСЮКОВА. — Повѣсть. — V-VII. — **Ивана Странника** 80

VI. ИСКАТЕЛЬ ЖЕМЧУГА.—Стихотвореніе.—**Н. А. Карпова** . 113

VII. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—I-IV.—**Е. Ѳ. Юнге** . . . 114

VIII. СИРЕНЫ.—Стихотвореніе.—**Н. А. Карпова** 144

IX. МРАМОРНАЯ ЗАГАДКА.—**Маргариты Саломонъ**. . . 145

X. УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Локка.—V-VIII.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 179

XI. ПАМЯТИ В. Г. БѢЛИНСКАГО. — Къ столѣтію со дня его рожденія.—**Д. Н. Овсянико-Куликовскаго**. 227

XII. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА.—**Максима Ковалевскаго** 234

XIII. ПИСЬМА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО КЪ Г. С. САВЛУКОВУ. — Сообщ. **Александръ Лебедевъ** 265

XIV. Хроника. — ИТОГИ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ 1911 ГОДА.—**Л. Яснопольскаго**. 270

XV. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео** 285

XVI. ЖИВЫЯ ВОЛНЫ ЛЮДСКІЯ. — Городскія впечатлѣнія въ романской Швейцаріи.—**А. Дивильковскаго**. 297

XVII. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ БОЛГАРІИ.—Письмо изъ Болгаріи.— **Влад. Викторова-Топорова** 309

XVIII. НОВѢЙШАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДОМАШНЕЙ (КУСТАРНОЙ) ПРОМЫШЛЕННОСТИ.—**Н. Ульянова** . . 316

XIX. НЕ ПОРА ЛИ ВСПОМНИТЬ? — По поводу книги г. С. Гвоздева: „Записки фабричнаго инспектора".—**Сѣверянина** 321

XX. НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ОБЩЕЙ ИСТОРІИ СТАРОЙ ФРАНЦІИ.— **Н. И. Карѣева** 329

XXI. ЗНАМЕНИТЫЙ ФРАНЦУЗСКІЙ ЮРИСТЪ—ДАРЕСТЪ.—**Максима Ковалевскаго** 331

XXII. ЗАПОЗДАЛЫЙ СПОРЪ.—**Л. З. Слонимскаго** 335

XXIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 341

XXIV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Жизнь уѣзднаго города.— Обнаженность шпіонажа. — Безсиліе охранниковъ. — Настроеніе обывателя.—Ожиданіе войны. — Значеніе тюрьмы для народныхъ

СТРАН.

массъ. — Слухи объ амнистіи. — Казенная земельная реформа, введшая въ соблазнъ и обманъ мѣщанъ. — Союзники въ провинціи.—Уѣздное купечество и войско.—**И. В. Жилкина** . 350

XXV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта. — Допустима ли медленность въ движеніи законопроекта, вносимаго на основаніи ст. 87-й?—Гипербола, извращающая перспективу.—Спорное опредѣленіе „двигателя“ правительственной работы. — Своеобразное пониманіе закономѣрности.—Увольненіе директора женскаго медицинскаго института.—Московскій съѣздъ фабричныхъ врачей.—Общая причина многихъ прискорбныхъ явленій. 361

XXVI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Д. Коргановъ. Бетховенъ. Біографическій этюдъ. Съ иллюстраціями. — **С. Булича.**— В. Вересаевъ. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ.—Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ.—**Ч. В-скаго.**— Самсонъ (Samson Agonistes). Драматическая поэма Джона Мильтона. Переводъ въ стихахъ Н. А. Брянскаго. — **Н. Л.** — Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. VII-IX. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I-III. — **Е. Колтоновской.**— А. В. Тужилинъ. Современный Китай. Томы I-II. — **В. А.**— Н. И. Паліенко. Основные законы и формы правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіе.—**А. С.**—І. Малиновскій. Кровавая месть и смертныя казни.—**П. М.**—А. А. Жилинъ. Отвѣтственность министровъ.—**Н. Болдырева.**—И. С. Плехинъ. „Бюджетные законы“.—И. П. Покровскій. „Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910)“.—В. В. Шеръ. „Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ“.—„Сводъ отчетовъ профессіональныхъ обществъ за 1906—07 гг.“.—**В. В.**—Hellenistischen Mysterienreligion, etc., von R. Reitzenstein.—**А. Погодина.**—Новыя книги и брошюры. 376

XXVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о разоруженіи въ парламентахъ Англіи и Германіи.—Рѣчи сэра Эдуарда Грея и фонъ Бетманъ-Гольвега.—Мнимыя мечты о вѣчномъ мирѣ.—Волненія въ Марокко. — „Бунтъ“ винодѣловъ во Франціи, его причины и значеніе. 404

XXVIII. „ХРАМЪ ПРИРОДЫ“.—**А. Щ.** 415

XXIX. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Первое пятилѣтіе новаго строя.—Декларація совѣта министровъ 13-го мая 1906-го г.— Почему не чествуется 27-ое апрѣля?—Изъ писемъ бывшихъ депутатовъ.—Новая басня о ритуальныхъ убійствахъ.—Изувѣрство черной сотни.—Праздникъ бѣлаго цвѣтка.—Юбилей А. П. Философовой. 419

XXX. ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“. — **Александры Толстой** 434

XXXI. ИЗВѢЩЕНІЕ 436

XXXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 441

XXXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВЪ ДЕРЕВНЮ И НА ДАЧУ

ПЕРЕѢЗЖАЮЩИМЪ НЕОБХОДИМО ЗАПАСТИСЬ У

Т-ва „Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

АПТЕЧКАМИ (карманная въ 1 р., домашнія въ 3 р. 90 коп., 6 р. и дороже), съ наставленіями, для подачи первоначальной помощи до прибытія врача, и вообще всякими **домашними лѣкарствами;** всѣмъ извѣстными **КЁЛЕРСКИМИ:** прованскимъ масломъ, уксусной эссенціей, душистой столовой горчицей и всевозможными пряностями **для кухни и стола;** незамѣнимыми по практичности для дачной жизни сгущенными **фруктовыми желе, мороженымъ, киселями, крэмъ;** матеріалами для стирки бѣлья и чистки посуды; **сапожной апретурой** для дамской обуви; **замѣчательнымъ по достоинству и дешевизнѣ САПОЖНЫМЪ КРЭМОМЪ** для цвѣтной обуви (желтый, зеленый, красный, коричневый, бѣлый, черный); **СРЕДСТВАМИ отъ НАСѢКОМЫХЪ** и для сбереженія вещей отъ моли, **„БРОНЕЙ НЕВИДИМКОЙ отъ КОМАРОВЪ,** а также бумагой **„мухоловкой“;** туалетными мылами **фабрики Т-ва** для самыхъ изысканныхъ требованій туалета; **„жидкимъ льдомъ“** (освѣжительное средство въ пору лѣтней жары и при головныхъ болях); и всѣми **парфюмерными и косметическими** издѣліями русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія такової, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1911 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“—газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ. При всѣхъ измѣнчивыхъ условіяхъ послѣднихъ лѣтъ, газета не отступала отъ своихъ руководящихъ началъ и выдержала ихъ послѣдовательно, устойчиво и твердо.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ стремится содѣйствовать проведенію въ жизнь началъ гражданской свободы, равноправія и терпимости, отстаиваетъ улучшеніе быта трудящихся классовъ и стоитъ за развитіе всѣхъ видовъ народной производительности, какъ основы экономическаго благосостоянія государства и его населенія.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“, какъ и раньше, будетъ дѣятельно и внимательно служить интересамъ своей области и города, выясняя ихъ нужды, указывая потребности населенія и способы удовлетворенія таковыхъ, содѣйствовать изученію малообслѣдованнаго нашего края, отмѣчать его административныя и общественныя неустройства и предлагать мѣры ихъ устраненія.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ расходится въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальныя мѣстныя газеты, взятыя вмѣстѣ.

Выходя въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ (отъ 6 до 10 страницъ ежедневно), „Астраханскій Листокъ“ отводитъ мѣсто, между прочимъ, слѣдующимъ отдѣламъ:

1) **Передовыя статьи** по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, по формѣ изложенія доступныя пониманію малообразованныхъ читателей. 2) **Телеграммы** агентскія, собственныхъ корреспондентовъ и спеціальныя. 3) **Административныя новости**, съ сообщеніями о дѣятельности высшихъ органовъ управленія, проектахъ и событіяхъ въ правящихъ сферахъ. 4) **Государственная Дума**—лѣтопись русскаго народнаго представительства: корреспонденціи изъ Госуд. Думы (собственный корреспондентъ), парламентскіе очерки, характеристики депутатовъ и т. п. 5) **Обзоръ печати** — гдѣ приводятся мнѣнія главнѣйшихъ органовъ печати по текущимъ вопросамъ политики и общественной жизни. 6) **Среди трудящихся** — гдѣ сообщается о ходѣ рабочаго вопроса въ Россіи и въ нашемъ краѣ. 7) **Мѣстная лѣтопись**—въ которой печатаются статьи по мѣстнымъ общественнымъ и административнымъ дѣламъ, отчеты о собраніяхъ, разныя новости мѣстной жизни, свѣдѣнія о происшествіяхъ и т. п. 8) **Корреспонденціи**—преимущественно изъ уѣздовъ астраханской губ. 9) **Судебная хроника**—отчеты о важнѣйшихъ судебныхъ процессахъ, списки дѣлъ, назначенныхъ къ разбору въ мѣстныхъ судахъ, резолюціи судебныхъ учрежденій и т. п. 10) **Фельетоны**—разсказы, повѣсти, статьи популярно-научныя, историческія, и т. п. Разъ или два въ недѣлю большой фельетонъ общественно-политическій, и ежедневно отъ одного до трехъ маленькихъ—на злобы дня. 11) **Торговля и промыселъ** — этотъ отдѣлъ даетъ полную картину торгово-промышленной жизни края, содержа множество свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ мѣстной коммерціи, съ періодическими обзорами состоянія рынковъ, промысловъ и пр. **Особенное вниманіе удѣляется рыбному дѣлу.** 12) **Наука и практика**—статьи по разнымъ отраслямъ научнаго знанія и практическія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ техники и технологіи. 13) **Сельское хозяйство** — статьи, относящіяся до мѣстной сельско-хозяйственной и рыбной промышленности. 14) **Домоводство, Медицина, Гигіена**—статьи и замѣтки по домашнему хозяйству, гигіенѣ и медицинѣ.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанск., симбир., самарск. и сарат. и изъ Закаспійскаго Края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К° (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ: 1 годъ—**7** руб. **50** коп., 1/2 года—**3** руб. **75** коп., 3 мѣс.—**2** руб., 1 мѣс.—**1** руб.

Редакторъ-издатель **В. И. Склабинскій.**

XVIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„Сибирская Жизнь“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКѢ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Баитовъ, М. Р. Бейлинъ, Ин. Бійскій, А. Н. Букейхановъ, Борисъ Ф. (псевд.), прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Вяткинъ, членъ Государ. Думы Герасимовъ, Ю. О. Горбатовскій, Г. Гребеньщиковъ, В. Ю. Григорьевъ, И. П. Гавровскій, Е. Г. (псевд. П. Юж—инъ), В. С. Ефремовъ, проф. Е. Л. Зубашевъ, Ф. К. Зобнинъ, А. С. Кочаровская, А. Б. Клюге, Е. А. Колтоновская, В. М. Крутовскій, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, И. П. Лаптевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевд.), членъ Госуд. Думы проф. Н. В. Некрасовъ, Пав. Николаевъ (псевд.), проф. В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сіязовъ, членъ Госуд. Думы Н. Л. Скалозубовъ, проф. М. Н. Соболевъ, Н. В. Соколовъ, И. И. Тачаловъ, проф. В. А. Улянщкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ, Н. Б. Шерръ, А. Н. Шипицынъ и др.

Редакція газеты имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ Государственной Думы: Н. Л. Скалозубова, А. М. Колюбакина, Вергежскаго, Герасимова и Изгоева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылкой въ гор. Россіи .	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.	— р. 60 к.
За границу . . .	10 „	8 „ — „	6 „ — „	3 „ 50 „	1 „ 20 „

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторъ **Г. Б. Баитовъ.**

Издатель **Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.**

НОВОСТЬ

духи, о-де-колонъ

Адорабль

пріятный нѣжный и стойкій запахъ.

Т-ВО парф. фабр. С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С-ми.

МОСКВА.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ЗАХАРІЙ ЖДАНОВЪ и К°

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 45.

= ВСѢ БАНКОВЫЯ ДѢЛА. =

ПЛАТИТЪ по вкладамъ на сроки:
болѣе года—6 3/4 %, на 12 м.—6 1/2 %, на 6 мѣс.—6 %, по текущимъ счетамъ—5 %.

ОСОБАЯ ЛЬГОТА:
проценты по срочн. вкл. выд. впередъ:
за 3 м. по вклад. на ср. болѣе года
„ 2 „ „ „ „ „ 12 мѣс.
„ 1 „ „ „ „ „ 6 „
По всѣмъ операціямъ проспекты безплатно.
Отвѣты съ первою почтою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911-й годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕ-ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КУБАНСКІЙ КРАЙ“

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на годъ 9 р., на 6 мѣсяцевъ 5 р., на три мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р., съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Разсрочка: при подпискѣ три руб., 1 апрѣля и 1 іюля по три руб. и обязательно должно быть заявлено при подпискѣ.

Редакторъ-Издатель Сергѣй Казаровъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Сборникъ статей семнадцати авторовъ. Съ приложеніемъ семи портретовъ. Москва, 1911. Цѣна 2 рубля.

В. М. Нечаевъ. С. А. Муромцевъ, какъ ученый и профессоръ. Спб., 1911.

Замѣчательный ученый, даровитый публицистъ, выдающійся адвокатъ, энергичный работникъ въ области земскаго и городского самоуправленія, С. А. Муромцевъ оставилъ бы по себѣ глубокій слѣдъ, если бы умеръ нѣсколькими годами раньше; но именно послѣдній періодъ его жизни широко раздвинулъ его извѣстность и присоединилъ его имя къ числу тѣхъ, которыя долго будетъ хранить народная память. Нелегко далась ему слава: онъ заплатилъ за нее тюремнымъ заключеніемъ, потерей правъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ для политическаго дѣятеля, и рѣзкимъ переходомъ отъ свѣтлыхъ надеждъ къ мрачной дѣйствительности, нанесшимъ непоправимый ударъ его физическимъ силамъ. Предсѣдателю первой Государственной Думы, съумѣвшему высоко поднять достоинство народнаго представительства, посвящены важнѣйшія статьи названнаго выше сборника. Мы видимъ С. А. Муромцева и на земскихъ съѣздахъ 1905-го года, и въ короткіе дни расцвѣта парламентской жизни, и среди постепенно сгущавшихся надъ нею тучъ, и въ критическій моментъ разразившейся грозы, и передъ судомъ, и, наконецъ, въ тюремной камерѣ № 83. Много интереснаго можно найти и въ тѣхъ статьяхъ сборника, которыя рисуютъ С. А. Муромцева какъ предсѣдателя московскаго юридическаго общества, какъ адвоката, какъ ученаго. Цѣннымъ дополненіемъ къ послѣдней статьѣ (Г. Ф. Шершеневича) служитъ брошюра В. М. Нечаева, одного изъ учениковъ С. А. Муромцева. Заимствуемъ изъ нея любопытный отзывъ о Муромцевѣ гр. Делянова, въ управленіе котораго министерствомъ народнаго просвѣщенія С. А. вынужденъ былъ оставить каѳедру въ московскомъ университетѣ: „Да, большой ученый, умный, серьезный, дѣльный. Много ли такихъ у насъ? Жаль вотъ только, что политическія-то идеи у него неподходящія. На лекціяхъ-то, правда, онъ о нихъ никогда не говорилъ, да мы-то ужъ знаемъ“. Какъ рельефно выразились въ этихъ словахъ и до сихъ поръ не исчезнувшіе бюрократическіе взгляды на характеръ и задачи университетскаго преподаванія!

Вл. Семеновъ. „Флотъ“ и „морское вѣдомство“ до Цусимы и послѣ. Посмертное изданіе. Спб. и Москва, 1911. Ц. 90 к.

Великое сраженіе Японскаго моря (Цусимскій бой). Переводъ съ японскаго Вл. Семенова. Спб. и Москва, 1911. Ц. 60 к.

На дняхъ исполнился годъ со дня смерти Владиміра Ивановича Семенова, выдающагося морского офицера и чрезвычайно талантливаго писателя. Ему не дано было сдѣлать во флотѣ и для флота все то, о чемъ онъ мечталъ и къ чему былъ призванъ; онъ провелъ послѣдніе годы своей короткой жизни вдали отъ дѣла, которое любилъ всѣми силами души. За то его капитальный трудъ: „Расплата“ бросилъ яркій свѣтъ не только на исторію нашихъ безпримѣрныхъ морскихъ пораженій, но и на ихъ глубокія причины. Къ этой сторонѣ вопроса онъ вернулся въ своихъ статьяхъ о „флотѣ“ и „морскомъ вѣдомствѣ“, напечатанныхъ въ №№ 10—12 нашего журнала за 1909-ый годъ и теперь вышедшихъ особымъ изданіемъ. Флотъ и морское вѣдомство безъ кавычекъ—это понятія, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собою и взаимно дополняющія другъ друга; въ кавычкахъ — это понятія противоположныя. „Вѣдомство“ тяготѣло и тяготѣетъ надъ „флотомъ“, и до сихъ поръ еще нельзя сказать, когда, наконецъ, прекратится это тяготѣніе, борьба съ которымъ наполняла—и отравляла—существованіе Вл. Ив. Семенова.—Переводъ японской книги о Цусимскомъ боѣ существенно дополняетъ разсказъ, составляющій вторую часть „Расплаты“. Мужеству нашихъ моряковъ японскій авторъ отдаетъ полную справедливость.

Die Todgeweihten, von Wladimir Korolenko. Mit einem Briefe Leo Tolstoi's.

Этотъ нѣмецкій переводъ „Бытового явленія“ В. Г. Короленко и вызваннаго имъ письма Л. Н. Толстого появился въ серіи „Kultur und Fortschritt“, издаваемой въ Гаутцицѣ (близъ Лейпцига) небольшими брошюрами и насчитывающей уже болѣе трехсотъ выпусковъ, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ государственной и общественной жизни. Предисловіе къ переводу, написанное гейдельбергскимъ профессоромъ Радбрухомъ, заканчивается выраженіемъ желанія, чтобы германскіе защитники смертной казни, прочитавъ твореніе русскаго художника, почувствовали невозможность примѣненія къ нимъ словъ величайшаго изъ казненныхъ: „не вѣдаютъ бо что творятъ“. Да, больше чѣмъ что бы то ни было другое картины, нарисованныя въ „Бытовомъ явленіи“, могутъ раскрыть глаза на весь ужасъ смертной казни—но при одномъ условіи: если зрѣлище не заслонено отъ зрителя ни душевной черствостью, ни намѣреніемъ не понимать и не видѣть. Весьма возможно, что на нѣмецкихъ читателей, привыкшихъ считать смертную казнь чѣмъ-то рѣдкимъ, исключительнымъ и потому мало заслуживающимъ вниманія, „Обреченные на смерть“ подѣйствуютъ съ особенною силой и оживятъ заглохшую въ Германіи агитацію противъ ненавистной кары. Если это случится, переводъ будетъ счастливѣе, чѣмъ оригиналъ, взволновавшій широкіе круги русскаго общества, но не поколебавшій ни оффиціальной практики, ни оффиціальной доктрины.

Н. Карѣевъ. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно западной, между 1800 и 1900 гг. Пособіе для самообразованія. Спб., 1911. Ц. 75 коп.

Обширный трудъ проф. Карѣева по исторіи XIX-го вѣка, составляющій болѣе половины его семитомной „Исторіи Западной Европы въ новое время“, мало доступенъ для массы читателей: слишкомъ велико для многихъ изъ нихъ и сокращенное изложеніе его, вышедшее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Общій курсъ исторіи XIX-го вѣка“. Очень цѣлесообразна, поэтому, новая его переработка, сократившая „Общій Курсъ“ болѣе чѣмъ втрое и вполнѣ пригодная для первоначальнаго ознакомленія съ недавнимъ прошлымъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1911 г.

(Сорокъ-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ текста въ прежнихъ размѣрахъ, журналъ будетъ давать снимки съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою.	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магазинѣ «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи; если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородный уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.